

ОЛЬГА ПАШНИНА

Женные
сестры

Annotation

Их имена знает каждый, они не сходят со страниц светской хроники, и мало кто не мечтает оказаться на месте сестер Кордеро, купаясь в богатстве, власти и обожании.

Кортни, сбежавшая из дома и от мужчины, ставшего ее кошмаром и наваждением. Кайла, циничная и бездушная стерва с разбитым сердцем. Ким, всеобщая любимица и жертва деспотичного отца.

У сестер есть секреты, а еще им есть что терять. И каждая из них – ключ к древней тайне рода Кордеро, через века связавшей поколения проклятием. Проклятием, перед которым, кажется, бессильна даже любовь.

-
- [Ольга Пашнина](#)
 -
 -
 - [Предисловие от автора](#)
 - [Часть первая. Лгунья](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Часть вторая. Беглянка](#)
 - [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Часть третья. Притворщица](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Вклейка](#)
-

Ольга Пашнина
Темные сестры
*Трилогия «Сёстры Кордеро» в одном
томе*

© Пашнина О.О., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Ане Одуваловой, вдохновившей меня выйти за
рамки.*

*Маше Рудневой, подарившей сестрам издание,
которого они заслуживают.*

*Читателям, любившим Ким, Кайлу и Кортни
и позволившим мне рассказать их историю*

Предисловие от автора

Однажды мне предложили написать книгу-эксперимент. Отойти от привычных шаблонов, создать что-то темное, атмосферное, провокационное. Написать не только о любви, но и о чем-то большем. Так появились сестры Кордеро.

Многие читатели знают меня, Ольгу Пашнину, как автора юмористического фэнтези. Или цикла «Школа темных» – young adult истории об ученице магической школы. И до сих пор я не писала ничего, подобного «Темным сестрам».

В этой книге вы найдете три истории, каждая расскажет об одной из сестер. Два романа уже издавались, а повесть о третьей сестре написана специально для этого издания и публикуется впервые. У всех героинь цикла есть секреты, от невинных и безобидных до леденящих душу. У всех них есть прошлое, а вот будущее подернуто туманом.

Я предлагаю вам погрузиться в историю рассудительной и волевой Кортни, приправленную острой страстью. Пройти путь легкомысленной, но ранимой и любящей Кайлы. Вместе с Ким найти силы справиться не только с внешним злом, но и с внутренними демонами.

Это истории не только о магии и любви, да и не столько о них. В первую очередь они о том, как важно детям быть любимыми, а родителям их любить. О том, как насилие рождает насилие и к каким последствиям оно порой приводит.

Вам предстоит отправиться в застывший вне времени приморский городок Хейзенвилль, окунуться в темное прошлое семьи Кордеро и решить, кто же в этой истории истинный монстр: тот, кто переходит грани морали ради любви, тот, кто не сражается с чудовищами разума, или тот, кто творит великие дела, но совсем не способен любить.

И мне хочется верить, вы найдете ответ.

Часть первая. Лгунья

Глава 1

Мне не верилось, что в гробу лежала мачеха.

На ее похоронах мало кто плакал, но особой радости смерть Кристалл Кордеро тоже не вызвала. Она была не самой плохой мачехой, не самой глупой женщиной, не самым бесчестным партнером. Она могла не вызывать симпатию, но неизменно вызывала уважение. Может, поэтому ее похороны напоминали скорее торжественную вечеринку. Вуаль скрывала мое лицо, в особенности глаза, так что я могла беззастенчиво рассматривать собравшихся.

Как давно я не видела их...

Кайла, моя старшая сестра. Двадцать семь, выглядит моложе. Преподает теорию заклятий в Хейзенвилльском Колледже Магических Наук. Как и все женщины Кордеро, худая, высокая, с волосами оттенка темного шоколада. С виду может показаться, что она до ужаса расстроена: аккуратный носик покраснел, в руке зажат белоснежный платок, шляпка накренилась набок, волосы выбились из строгого пучка, а на лице ни грамма косметики. Но Кайла – актриса, каких поискать. Смерть Кристалл для нее повод выйти в люди, а на создание небрежного образа горюющей падчерицы она наверняка потратила не один час.

Я едва сдержала улыбку. Многие здесь узнали во мне прошлую нескладную Кортни, которая пять лет назад уехала учиться так далеко, как только смогла. В каждую минуту этой бесконечной церемонии я чувствовала на себе десятки взглядов. Улыбка только убедит собравшихся в том, о чем судачили годами: я – неблагодарная дочь, безответственная сестра и просто ужасная падчерица.

– Попрощаемся с Кристалл, – произнес маг-погребельщик. – С ласковой матерью. Любимой женой. Верным другом.

Нам – сестрам Кордеро – предстояло первыми бросить по горсти земли на крышку гроба мачехи. Кайла справилась с этим лучше всех. И грациозно, и в то же время скорбно. С гулким звуком комья упали на белоснежную крышку.

Настал и мой черед.

Я вышла из первого ряда. Внимание стало острее, теперь уже практически все присутствующие пялились на меня в упор. Ожидали, верно, что я начну рыдать и просить прощения. А может, просто рассматривали, пытаюсь понять, изменил ли меня Даркфелл.

Земля на ощупь была влажной и холодной. «Прощай, Кристалл», – сказала я про себя. Извиняться мне было не за что. И на гроб смотреть смысла тоже не было. Что было, то прошло, и даже сильные маги смертны. Это первое, чему научил нас отец.

К гробу подошла Ким. Вообще, она Кимберли, но с длинными именами у нас в семье проблема. Как и с разнообразием: папа даже женился на ведьме, чье имя начинается на букву «К». Эта же буква красовалась на воротах нашего особняка.

Ким – красотка, но красотка особая. Она словно и не наша родственница: светловолосая, озорная, дружелюбная. Любимая младшая сестренка с огромными глазами и яркими полными губами – вот такой я ее всегда помнила. Ким ничуть не изменилась. Сейчас в ее глазах читалась грусть. Наверное, именно она была ближе всех к Кристалл.

Остальные по очереди подходили к гробу. Я отошла, чтобы никому не мешать, и столкнулась с Кайлой.

– Кортни, – с лица сестры мгновенно сошла скорбь, – мы не думали, что ты приедешь.

– Она и моя мачеха, Кайла.

– Не заметно, чтобы ты вспоминала об этом хоть раз за последние пять лет.

– Кайла, прекрати! – одернула ее подошедшая Ким. – Кортни, я так рада, что ты вернулась!

Мы обнялись, и Кайла скорчила рожу. Вот ей бы точно не помешала вуаль, но где видано, чтобы эта леди Кордеро скрывала свою неземную красоту?

– Ты ведь останешься? – Ким подняла голову, и глаза ее горели. – Ты приехала надолго?

– Прости, Кимми, – улыбнулась я, – но завтра утром у меня заказан экипаж до Даркфелла. Я не останусь.

Ким заметно сникла, но пыталась улыбаться. Бедняжка, ее можно понять, она остается наедине с Кайлой. Ким еще не окончила школу,

остался целый год. Но я точно знала, что Ким, как и я, всегда мечтала уехать из Кордеро-холл. В детстве мы часто об этом говорили.

За размышлениями я не заметила, как церемония проводов Кристалл в последний путь завершилась. К нам подходили люди: ее друзья, знакомые отца, целители, студенты Кайлы. Этот поток не кончался, мы принимали соболезнования с легкими грустными улыбками. Я действительно чувствовала сожаление, но все же мечтала, чтобы все поскорее закончилось.

Часть меня наивно верила, что получится избежать встречи с прошлым. Другая часть, та, которую я стыдилась и прятала даже от самой себя, почти хотела увидеть свой ночной кошмар, убедиться, что он реален. Вдохнуть знакомый запах цветка кордера и сказать себе: я справилась. Я больше не та девчонка с измученным сердцем, живущая в старом, полном призраков доме.

Большая часть тех, кто был на кладбище, постепенно перемещались в Кордеро-холл, где совместными усилиями Кайлы и Хейвен, давней подруги семьи, организовали фуршет.

После дождя дышалось намного легче. Я брела по знакомым улицам к большому особняку в дикируанском стиле с витиеватой буквой «К» на воротах и пыталась поверить, что да, я вернулась, я снова в Хейзенвилле. Как давно я не ходила по этим улицам...

Смерть отца открыла передо мной прежде наглухо закрытые двери. Кордеро-холл больше не держал, и я сбежала, оставив все, что называла семьей и историей Кордеро. За это меня называли предательницей. Но я словно освободилась от всего, что так угнетало. И совсем не рада была вернуться.

Особняк я увидела издалека. Он совсем не изменился, все такой же величественный и мрачный. Массивные окна с рамами из красного дерева. Я помнила, как весело было сидеть на подоконниках, придумывать страшилки и смотреть на ночной сад. Скрипнули ворота, признавая хозяйку. И вдруг будто подул теплый ветерок, едва я ступила на территорию дома. Имение словно приветствовало блудную сестру, залетевшую на огонек. Совсем ненадолго.

Особняк встретил меня множеством голосов и знакомым запахом. Мы всю жизнь здесь прожили, а запах – лака для дерева и кофе – остался прежний. Родной запах, до боли знакомый.

Видят боги, как я хотела сразу же подняться к себе, чтобы не слушать этих заученных слов соболезнования. Не слышать перешептываний. Не замечать на себе взглядов. Но все же я была одной из Кордеро, а значит, должна держать лицо.

– Кортни! – Хейвен сразу же кинулась ко мне. – Я не знала, что ты приедешь.

Хейвен, сколько я себя помню, была лучшей подругой Кайлы. Мы с ней никогда не ладили и старались не пересекаться. Но меня не было пять лет, и... какие, к адским псам, старые подростковые обиды?

– Добрый вечер, Хейвен, – улыбнулась я. – Да, я приехала всего на один день, почтить память Кристалл. Затем мне нужно будет вернуться к занятиям.

– А... – В глазах девушки я явно увидела промелькнувшее осуждение. – Понятно.

Она тряхнула длинными русыми волосами и улыбнулась. На этот раз слишком сладко.

– Вы неплохо постарались, – сказала я. – Закуски впечатляют.

– Да, традиции требуют уважать ушедших. Хотя лично я не понимаю тех, кто думает о закусках, когда его близкий человек лежит в земле.

Не надейся, Хейвен, теперь меня не так просто вывести из себя. Я уже не взрываюсь от неосторожного слова, и устроить скандал на проводах Кристалл у тебя не выйдет.

– Кортни, богиня моя! – раздалось откуда-то сбоку.

Я почти с облегчением покинула Хейвен.

Диналия – еще одна подруга нашей семьи. К встрече с ней я готовилась основательно, но все равно сердце сделало пару кульбитов и подступило к горлу. Если здесь Диналия, значит, и ее брат рядом. Диналии всего шестнадцать, она лучшая подружка Ким, а ее брат...

...Ее брата зовут Герберт Уолдер. Я еще не видела его в этой толпе лицемеров, но наверняка он скоро появится. Вот с ним-то и придется держать себя в руках. Единственная слабость Кортни Кордеро, единственная помеха на пути к идеальному образу. Я ненавидела Герберта Уолдера больше всего на свете. Я могла бы убить его, если бы знала, что это сойдет мне с рук.

А вынуждена была держаться.

– Кортни, – Ким нашла меня в толпе студентов Кайлы, расспрашивающих о моей учебе в Даркфелле, – тебе и Кайле нужно подняться в кабинет отца.

– Зачем?

– Герберт будет читать завещание.

– Что, сейчас?

Я думала, завещание Кристалл огласят, когда все уйдут. Но наш поверенный, несомненно, лучше знал, в какой момент собрать наследниц семьи. Вот демоны, я надеялась отсрочить встречу с ним! Но надеяться на то, что Герберт придет на оглашение кого-то из помощников, было глупо.

– Уже иду, – кивнула я сестре.

Ким, даже не подозревая, что творилось у меня внутри, унеслась. Воображение и страх перед встречей с Гербертом сыграли со мной злую шутку: вдруг почудилось, что все присутствующие говорят только обо мне. Улыбки показались насмешками, а мимолетные взгляды – преследованием.

Я тряхнула головой, избавляясь от пугающего ощущения – словно за мной кто-то наблюдает. Исподтишка, прячась в толпе.

Словно призрак отца вернулся, чтобы напомнить о том, что я сделала.

Голову выше, Кортни, легкую усмешку на лицо. Ты так долго тренировала этот образ, что теперь не имеешь права допустить ошибку.

* * *

Несмотря на то что в кабинете папы последние годы работала Кристалл, все в нем осталось так, как при его жизни. Не могу сказать, что была этому рада, скорее я чувствовала себя не в своей тарелке, сидя в глубоком кожаном кресле напротив стола. В детстве нам запрещалось заходить в папин кабинет, и сейчас – я готова была поклясться – мы все чувствовали, будто нарушаем незыблемое правило.

– Кортни, – кивнул мне Герберт.

Я кивнула в ответ, нечеловеческим усилием сдержав дрожь. За пять лет я совсем забыла этот голос: глубокий, бархатистый, с хрипотцой. Герберт всю мою сознательную жизнь был поверенным нашей семьи. Этот мужчина, маг и юрист, обладал тремя важными особенностями, из-за которых на него вешались девушки из самых разных слоев.

Во-первых, у него невероятный голос.

Во-вторых, поразительные глаза, глубокие, почти черные.

В-третьих, он богат.

Да, Герберт Уолдер несомненно хорош собой. Высок, отлично сложен, его темные волосы всегда аккуратно подстрижены, а из рук он не выпускает небольшие деревянные четки. Держится уверенно и немного небрежно, в одежде предпочитает свободные рубашки, не стесняя себя бабочками и пиджаками.

Вот и сейчас Герберт в своей излюбленной манере стоял перед всеми нами, опираясь на краешек стола.

– Кайла, Кортни и Кимберли, – начал он, – вы – единственные наследницы Кристалл Кордеро, жены Карла Кордеро, последние наследницы рода Кордеро. Сегодня вы потеряли мать. Мои соболезнования.

Звонкий голос Кайлы заставил Ким вздрогнуть. Я старалась лишний раз на старшую сестру не смотреть.

– Бросьте, Герберт, мы уже не перед гробом, не нужно устраивать маскарад.

Герберт ответил холодно и, быть может, надменно. Как бы я ни ненавидела этого мужчину, к его чести следует признать: на чары моей старшей сестрички он никогда не велся. Даже когда юная Кайла очаровывала всех гостей своими талантами, господин Уолдер предпочитал ее компании крошку Ким.

– Смею заметить, Кайла, единственная, кто устроил маскарад, – это ты. Причем бездарный.

Кайла изменилась в лице и умолкла. Ким хихикнула:

– Пять баллов!

– Кимми, – я покачала головой, призывая сестру немного успокоиться, – это завещание. Не нужно.

– Согласно закону, магии и традициям, вы становитесь единоличными обладательницами всего имущества рода Кордеро. В

связи с кончиной Кристалл я обязан обнародовать дополнение к завещанию от вашего отца.

Мы переглянулись. Никто не знал о дополнении.

– Что ж, дополнение к завещанию мага Карла Тристана Кордеро обнародуется впервые, в присутствии лиц, указанных в дополнении, и поверенного, оговоренного отдельно. Настоящее дополнение вступает в силу в связи с обстоятельствами, когда наследование состояния семьи Кордеро переходит к дочерям Карла Тристана Кордеро, и... да, Кайла...

– Можно короче?

– Все для тебя, – криво усмехнулся Герберт. – Итак, если опустить формальности, согласно дополнению к завещанию вашего отца, после смерти Кристалл Кордеро вы не имеете права продавать семейный особняк и фамильные имения на берегу моря Варраси. Не имеете права отказываться от магии, проводить процедуры по изменению типа магии, процедуры по изменению внешности, а также участвовать в любых мероприятиях, будь то развлекательных или иных, предполагающих риск для жизни. Все денежное состояние семьи Кордеро делится в следующих пропорциях: сорок процентов Кайле, по тридцать процентов Кортни и Кимберли. Также каждая получает перечень предметов антиквариата и объектов недвижимости. При желании ознакомьтесь со списком. И последнее условие – в права наследства вы вступаете по достижении возраста в тридцать лет каждая. До этого периода вам назначается ежемесячное пособие в размере тысячи золотых. Оплата расходов по дому и налогам возлагается на поверенного вплоть до вступления в основные права наследования первой сестры.

Герберт выждал паузу, давая нам переварить информацию, и нанес последний, роковой удар:

– Также существует примечание. В целях сохранения рода Кордеро и древней фамилии каждая из сестер вступает в наследство в том, и только в том случае, если к указанному возрасту даст семье наследника или наследницу.

– Что?! – тут же взвизгнула Кайла и вскочила. – Я что, племенная кобыла?! Герберт, как ты это допустил, как ты позволил...

– Твой отец находился в здравом уме, когда писал завещание, – отрезал Герберт. – Сядь.

Наверное, с Кайлой никто еще так не разговаривал. Она мгновенно сникла и опустилась в кресло. Ким отреагировала спокойнее, в ее возрасте я и не задумывалась о детях или браке. Сейчас Ким думает, что до тридцатилетия далеко.

Мне до указанного возраста оставалось почти семь лет. Если быть точнее – шесть лет и десять месяцев.

Я сама не могла сказать, как отреагировала на условия отца. Чего-то подобного я и ожидала. Удивления не выдала, сумела сохранить спокойствие и была этому очень рада.

– Такова воля вашего отца, – произнес Герберт. – Ваша воля – исполнять или не исполнять условия завещания.

При этом он многозначительно посмотрел на побледневшую Кайлу. Ей двадцать семь. Разумеется, детей она и не планировала.

– Завещание Кристалл, в общем-то, проще. Все накопленные средства она завещала фонду помощи бездомным и дому целительства. Всю одежду – Храму Богини. Украшения – частично в музей, частично – в фонд семьи. Как вы понимаете, Кристалл распорядилась деньгами вашего отца, так что для вас никаких накоплений не оставила. Впрочем, к ее чести, она была удивительно умной женщиной и сумела ваше состояние приумножить.

Герберт взял со стола другой листок и достал из ящика какую-то шкатулку.

– Кристалл была бы не Кристалл, – вдруг улыбнулся он, – если бы не оставила вам небольшие сувениры.

Он открыл коробку и достал оттуда карманное зеркальце, инкрустированное рубинами и гранатами.

– Кайле, которая не мыслит себя без любви, – прочитал Герберт и протянул Кайле зеркальце.

Сестра изо всех сил делала скупающий вид, но я заметила, как дрожит ее рука.

– Кортни, девушке, для которой время является главной ценностью.

Я постаралась взять старинные карманные часы так, чтобы не коснуться руки поверенного. Показалось, Герберт это заметил: его глаза опасно блеснули. Волна ненависти поднялась во мне, но нечеловеческим усилием я ее подавила. На глаза навернулись слезы, когда я открыла часы. Кристалл... Кристалл понимала меня, понимала

мой порыв, осознавала причины моего побега. Не оправдывала, но понимала.

– Ким, нашей маленькой художнице. – Герберт отдал Ким небольшой блокнот с красивыми пергаментными листами. – На память обо мне и моей к вам любви.

Мы молчали, сжимая каждая свой подарок. Я предполагала, что будет какое-то письмо или слезливая речь, но, если честно, не ожидала, что последняя воля Кристалл подействует сродни оглушающему удару. Эти часы я видела несколько раз, ими пользовалась Кристалл, они были... Они ей подходили. Словно были созданы для нее.

– Она вас любила, – произнес Герберт. – Пусть не показывала этого, но очень любила.

– Что ж, – Кайла привычно нацепила маску холодной стервы, – спасибо, Герберт. Я должна вернуться к гостям. В этом доме даже похороны проходят так, словно мы продаем ее тело.

Для похорон Кайла выбрала черное платье «в пол». Закрытое, с длинными рукавами и плотно облегающим верхом, но расходящейся юбкой из легкого шифона в несколько слоев. Как по мне, такой наряд был слишком уж торжественным, но в этом вся Кайла. Не сомневаюсь, что она знает, в чем ее нужно будет хоронить, если вдруг что. И упасите боги не сделать ей маникюр – восстанет, как пить дать.

– И не надейся, Герберт, что останешься нашим поверенным, когда я вступлю в права, – донесся ее голос из коридора.

«Сначала роди», – захотелось ответить мне.

– Я тоже пойду, – тихо произнесла Ким и шмыгнула носом.

Поднялась и я, совершенно не желая оставаться в компании Герберта. Мне нечего было ему сказать.

– Она в чем-то была похожа на тебя, Кортни. – У него оказались совершенно иные планы.

Нужно было уйти, но я замерла, так и не дойдя до двери, крепко, почти до боли сжимая в руке часы.

– В городе ее считали содержанкой. Беднячкой, которая удачно вышла замуж. Она не боялась осуждения, улыбалась всем, кто за глаза ее оскорблял, и заставляла приветствовать ее на утренней прогулке. А ты не побоялась сбежать. Нам нужно поговорить, Кортни.

– Нам не о чем разговаривать. – Лед в моем голосе прозвучал достаточно явно.

– Надо же, в Даркфелле учат говорить «нет»? – усмехнулся Герберт.

– В Даркфелле, – сладко улыбнулась я, – учат не разменивать время на того, кто этого не достоин. Извини, меня тоже ждут гости.

По лицу Герберта пробежала тень. Я знала, на какие точки нажимать, чтобы сделать ему больно. В детстве много раз слушала занятную историю.

О том, как подружились два мальчика: богатый подросток, сын влиятельнейшего мага, и бедный сирота, несколько младше первого, продающий газеты на площади. Как их дружба из детской переросла в настоящую, крепкую, как богатый мальчик взял над младшим товарищем шефство и помог другу поступить в Хейзенвилльский колледж, как благодарный мальчик стал поверенным друга и оставался с ним до самой смерти.

Герберт, как и все, выбившиеся из низов, смертельно ненавидел упоминания о своем прошлом. Особенно от таких, как я. Особенно от меня.

Вопреки сказанному я не пошла в зал для приемов, где толпился народ. Если память мне не изменяла, в малой столовой стоял небольшой бар. Туда я и направилась, чтобы выпить в одиночестве и немного успокоиться.

Однако об одном я забыла.

Огромный портрет, на половину стены, повесили, еще когда папа только начал болеть. Художник рисовал его добрых три месяца, и мы ненавидели дни, когда нас часами заставляли позировать.

Папа, Ким, Кайла и я. Семья Кордеро, одна из величайших магических семей мира.

Семья, которой никогда не существовало.

* * *

Музыка стихла лишь к полуночи, когда я уже закончила все водные процедуры и готовилась ко сну. Этот дом навевал воспоминания. Каждый звук в нем, каждый предмет рождали десятки

образов. Я спала в своей старой комнате, и, за исключением личных вещей, здесь все осталось по-прежнему. Та же темная тяжелая мебель из красного дерева, тот же дорогой эрентийский ковер, огромная кровать с мелкими подушками. Портрет мамы сняли. Кристалл после смерти отца убрала все портреты и заперла в хранилище, и это тоже стало одной из причин, по которым наши отношения с мачехой можно было описать как прохладные.

Часы лежали на столике. Надо же... Когда я уехала, Кристалл оборвала все связи, перестала давать мне деньги. Она не могла отменить содержание, назначенное отцом, но выделять что-либо сверх него категорически отказалась. Я не думала, что она включит меня в завещание, а уж тем более не думала, что Кристалл оставит часы.

Бронзовая поверхность блестела в свете лампы. Я аккуратно потрогала пальцем завитки на часах, открыла, чтобы полюбоваться. Изящная секундная стрелка неспешно завершала круг. Я уже знала, что не расстанусь с этим подарком.

На внутренней стороне крышки была какая-то гравировка. Приглядевшись, я поняла, что напоминает она беспорядочный набор букв. Странно... не сказала бы, что это украшение пошло часам на пользу.

Над Хейзенвиллем вошла полная луна. Я поднялась, чтобы задернуть шторы. Нужно спать, иначе я рискую пропустить экипаж, ждать он не будет.

Щелчок. В полной тишине он прозвучал особенно громко, и я поняла, что звук доносится от часов. У меня не было дара прорицательницы, но почему-то именно в этот момент ощущение приближающихся неприятностей вышло на первый план. Я осмотрела часы со всех сторон, но больше ничего не щелкало, время они показывали нормальное, стрелки ходили исправно.

Но что-то было не так, а что именно, я поняла, едва взглянула на внутреннюю крышку часов. Там, где раньше были хаотично разбросаны буквы, теперь отчетливо угадывались несколько мелких строчек. Я поднесла часы поближе, чтобы рассмотреть гравировку. Кристалл ни разу не была замечена в подобных шутках... Буквы были мелкие, но я без проблем прочитала послание.

«Маленькие девочки хранят большие тайны. И кто-то знает твою. К.»

Где-то вдалеке закричала неясить.

Пять лет назад

Ревность можно было спутать с ощущением от острого блюда, съеденного в нетерпеливом голоде на пустой желудок. Неприятное ощущение. Особенно если новое. Ревность отравляла любое удовольствие, будь то успех в суде или глоток хорошего виски. И, может, она была бы не так противна, если бы к этой ревности не добавлялся тот факт, что ревнует он совсем неправильную девушку.

Капитановые кудри разметались по подушке, на миловидном лице застыло выражение крайней тоски. Она, кажется, готовилась к экзамену по истории, и это занятие доставляло максимум страданий. Он мог бы ей помочь, но что-то останавливало от этого необдуманного шага. Поэтому Герберт просто сидел в гостиной, потягивая почти остывший кофе.

Пока она не видела, его взгляд скользил по хорошенькой фигурке и миловидному лицу. И надо было думать о деле и предстоящем суде, но все как-то не получалось. Идея скоротать ожидание в гостиной оказалась не такой уж хорошей.

– Ты не знаешь годы правления Филиппа Демайро? – вдруг спросила она.

– С семнадцатого по сорок первый, – лениво ответил он.

– Спасибо, а...

– Кортни, прекрати доставать его вопросами! – словно раскат грома, по гостиной прокатился голос Карла. – Научись справляться с заданиями сама, если не хочешь остаться без образования.

– Да, папа. – Украдкой она закатила глаза, и губы Герберта тронула едва уловимая усмешка.

Его всегда поражало, как Кортни умудрилась вырастить в себе такой характер.

В семье их было три. Старшая – заносчивая и надменная Кайла – открыто выражала свой протест против отца, впрочем, лишь создавая нужное впечатление. Кайла казалась всем бунтаркой, но в

принципиальных вопросах была тише воды, и Карла, как ни странно, это вполне устраивало.

Младшая – Ким, любимица семьи – даже в детстве не отваживалась капризничать. Иногда Герберту казалось, что любимая фраза Кимберли – покорное и почтительное «Да, папа». Но вряд ли она страдала. Некоторым гиперопека только упрощает жизнь. Ким была счастливее прочих в этом доме.

Кортни же... она была другой. Протест ощущался внутри нее, шел со всей искренностью, при этом спокойно и уверенно. Она словно... словно знала, что не зависит ни от кого и ни от чего. Ни от денег, ни от деспотичного отца. Выполняла все, что от нее требовали, с холодным достоинством. Училась, бывала на светских приемах, посещала занятия по танцам и музыке. Дружила с правильными людьми, улыбалась отточенной улыбкой. И при этом мало кому нравилась. Независимость в Хейзенвилле не любили. Пусть даже такую, внутреннюю и скрытую за маской покорности.

Может быть, поэтому Герберту особенно хотелось эту независимость сломать.

Он был неглупым мужчиной. И понимал, откуда происходит его влечение к ней. Помимо красоты и природной силы Кордеро, Кортни была ценна как самый драгоценный камешек в коллекции Карла. Герберт находился в тени друга с самого детства. И сделать Кортни зависимой не от всемогущего Карла Кордеро, а от него, Герберта Уолдера, стало очень привлекательной идеей. А вскоре и навязчивой.

И хоть часть его этой мысли всячески противилась, голос ее был слаб.

– Ты выбрала факультет? – спросил он.

Конечно, Герберт знал, что факультет выбрала не Кортни. Это знал каждый обитатель Кордеро-холла, и ни у кого не возникало даже мысли, что может быть иначе.

– Магическое право, – пожала плечами Кортни, не выпуская из рук учебник, – ты же знаешь.

– Тебе действительно это интересно? – Он не удержался от того, чтобы поддразнить ее.

Она закрыла учебник и легко поднялась. Глубокие карие глаза смотрели с легкой насмешкой. Герберт не отводил взгляда преступно долго.

– Нет. – Ее губы чуть тронула улыбка. – Неинтересно. Извини, меня ждет Ким. Удачного суда!

Мужчина одним глотком допил содержимое чашки и проводил Кортни взглядом. Она определенно чувствовала его настроение и... тоже решила поиграть?

Игры Герберт любил. Даже те, что могли закончиться смертью.

Глава 2

«Шутка, шутка», – повторяла я себе. Всего лишь шутка Кристалл. Как забавно было бы подшутить над падчерицей, послушавшейся воли старших. Так я себя успокаивала, сидя на кровати и рассматривая надпись.

Проблема была лишь одна: Кристалл никогда не имела склонности к подобным шуткам. Она мало улыбалась и уж точно не тратила драгоценное время на розыгрыши. Это удел Кимми, но Ким не способна плясать на костях погибшей мачехи.

Наконец разболелась голова. Бессонная ночь перед похоронами, сумасшедший день, встреча с Гербертом и эти часы – я давно забыла это ощущение, когда виски словно сжимают в стальных тисках. В баре, помимо алкоголя, на такой случай всегда стояла банка с порошком. Совершенно непроизвольно я пропустила третью сверху ступеньку – знала, что она скрипит. Потом усмехнулась. Усмешка вышла горькая. Когда отец болел, любой шорох мог его разбудить, и я изучила каждую скрипящую поверхность в этом доме. Надо же, за пять лет не забыла...

Я слышала тихие голоса еще в коридоре. Сестры не спали, вероятно, не могли прийти в себя после сегодняшнего дня. Как бы Кайла ни играла стерву, я знала, что ей всегда тяжело давались похороны. Она была самой старшей, когда хоронили маму, и хорошо помнила то время, в отличие от нас. Я толком ничего не понимала, а Ким и вовсе еще не родилась.

– Кортни? – раздался голос Ким. – Это ты?

Я не стала таиться и вошла в гостиную. Кайла все еще была в своем платье, она поздно леглась. Ким уже готовилась ко сну и переделась в сорочку.

– Не спится? – хмыкнула Кайла. – Нам тоже. Твои шутки?

– Кайла, хватит! – Ким вскочила с кресла. – Зачем Кортни так шутить?

Закралось неприятное и в некотором роде неожиданное подозрение.

– Что случилось? – спросила я.

Вместо ответа Ким показала свой блокнот. Внутри, на первой странице, красовалась точно такая же надпись, что и на моих часах. И даже почерк совпадал, вот только я не знала, кому он принадлежит.

– А у тебя? – спросила я Кайлу.

Та нехотя протянула зеркальце. На посеребренной поверхности, словно помадой, оказались выведены те же слова.

– И вы думали, что это я. Отлично...

Так как на столе уже стояла бутылка с виски, мне осталось всего лишь достать из бара чистый стакан. Я щедро плеснула себе янтарной жидкости и одним махом осушила первую порцию. Вторую уже принялась потягивать. Плохая идея при головной боли, но я никогда не была хорошей девочкой.

– Что-то мне не смешно, – презрительно скривилась Кайла. – Кристалл была настолько стервой, что даже после смерти решила нас приструнить?

– Кристалл была не большей стервой, нежели ты, Кайла. Прекрати истерику.

– Прекратить?! – взорвалась сестра. – Кортни, это не истерика. Это... Боги, а что, если это не Кристалл, а кто-то, еще не унесший нашу тайну в могилу?

– И кто же это? Вы кому-то рассказали?

– Нет! – горячо заверила Ким.

Кайла отрицательно мотнула головой и поджала губы.

– Ну, надеюсь, во мне вы не сомневаетесь.

– Это могла быть только Кристалл, – медленно произнесла Ким. – Либо Герберт, он наверняка видел эти вещи, передавая нам. И мог заколдовать.

– Герберт не похож на идиота. – Кайла покачала головой. – Он был верен отцу, и я сомневаюсь, что стал бы вредить нам. Он знает, что я его не уволю. Обожает Ким, смирился с побегом Кортни. Если это он, то он больной.

О Герберте я могла многое рассказать, но не стала. Если бы он хотел шантажировать меня, не стал бы втягивать в это дело Кайлу и особенно Ким. Хотя игра – это совершенно точно второе имя Уолдера.

Действительно бессмыслица. Вот только врагов у семьи Кордеро достаточно.

– Хорошо, предположим, это не шутка. Если это шантажист, он себя еще проявит. Потребуется денег или еще что-то. И тогда уже решим.

– Дать деньги? – с сомнением проговорила Ким. – Это не выход.

– Нет, – согласилась Кайла. – Весь вопрос в том, о чем именно здесь говорится.

– Предполагаю, что о нашей общей тайне. Иначе мы не получили бы одинаковые послания. Хорошо, бежать в ночи и делать кучу глупостей – не наш вариант. Идите спать, остается только смотреть, что будет дальше. Я оставлю вам свой адрес – если подобное повторится, сообщите.

Кайла и Ким недоуменно переглянулись.

– И что, ты уедешь? – спросила Кайла.

– Да, уеду. Мне нужно закончить этот год, я оставила в Даркфелле комнату и никого не предупредила. Глупые магические шутки – не то, что может заставить меня жить в Кордеро-холле дольше, чем следует.

– А если это продолжится?

– Вот когда продолжится, тогда и будем решать, что делать. Но пока не вижу смысла поднимать панику. Все, идите спать.

Ким беспрекословно подчинилась. Кайла, хоть и выглядела уставшей, отсалютовала мне бокалом и осталась сидеть в кресле, гипнотизируя взглядом зеркало. Что ж, ее выбор. Но я искренне полагала, что беспорядочное метание из угла в угол не приведет ни к чему хорошему.

Каждый член семьи Кордеро имел немало тайн. Находились среди них и такие, раскрытие которых принесло бы достаточно бед. Что именно знает тот, кто отправил эти послания, и, главное, как он будет это знание использовать?

* * *

Я проснулась с уверенностью, что до рассвета еще куча времени, но, взглянув на часы, поняла, что едва не проспала экипаж. Не помню, чтобы наглухо задвигала шторы накануне, но сейчас они были закрыты так плотно, что ни один рассветный луч не проникал в комнату.

До прибытия экипажа оставалось полчаса.

Быстро приняв холодный душ, я переоделась и, подумав, решила не завтракать. До Даркфелла четыре часа пути, перекушу там. Мне не терпелось вернуться домой. Кордеро-холл домом я давно не считала.

Ни долгих прощаний с сестрами, ни чашки кофе перед дорогой. Я решительно спустилась на первый этаж, чтобы через сад пройти к воротам, где уже ждал экипаж. На последней ступеньке накрыло дежавю: я снова сбегала. Только в первый раз бежала от себя, а сейчас – от прошлого. От того, что мы с сестрами сделали и чем это может обернуться теперь, когда кто-то знает нашу тайну.

Я замерла на полпути, услышав из большой столовой детский плач. Дети? В доме нет никаких детей.

«Уходи, Кортни, уходи навсегда!» – шептала интуиция.

Но любопытство победило, и я вошла в зал.

Ким, стоявшая к выходу спиной, держала на руках ребенка, который ревел не переставая. Сестра неумело его качала, а Кайла сидела рядом на стуле и массировала виски. Похоже, она так и не ложилась.

– Привет, – осторожно сказала я, – это чей?

– Кортни! – воскликнула Ким, стараясь перекрыть рев. – Я думала, ты уехала!

– Экипаж только подали. И все-таки – чей ребенок?

– На, прочитай! – истерически крикнула Кайла, от чего малыш еще сильнее заплакал.

Она сунула мне в руку небольшую голубенькую карточку с серебряистой окантовкой.

– Кайла вышла утром на занятия и увидела на крыльце сверток с ребенком, – тем временем объяснила Ким.

– На крыльце? Территория сада защищена заклятиями, причем довольно древними. Кто сумел пробраться к крыльцу?

– Хороший вопрос! – скривилась Кайла. – Это было в свертке. Читай!

Я перевернула карточку и прочитала:

– Хейзенвилль хранит столько тайн, что некоторые из них приходится подкидывать под дверь.

Ребенок начал реветь еще громче.

– Кто твоя мама? – Ким принялась с ним сюсюкать. – Какой красивый малыш, кто у нас плачет?

– Вы его кормили? – спросила я.

– Нет! – ответила Кайла. – Думаешь, он оценит оставшиеся с ужина трюфели в вине?

– Понятно, – вздохнула я. – Нужно вызвать стражу. Но прежде я напишу Герберту. Не хватало нам еще проблем с чужими детьми.

– Агу-у-у, – улыбалась ребенку Ким, и тот – счастье тишины! – заулыбался ей в ответ.

Я направилась в кабинет отца, чтобы вызвать Герберта – он обязан был решать подобные вопросы. И пусть благодарит богов, что ночью мы дали ему выспаться. Я все еще сжимала в руке записку. Она не давала мне покоя, как и вечерние послания на часах. Ребенок на крыльце – это уже не шутки. Но если это знак, то слишком уж туманный. При чем здесь ребенок?

И что подумает Герберт, увидев записку, написанную моей рукой?

Нельзя об этом думать.

– Кортни! – раздался крик Ким, когда листок для поверенного исчез в алом пламени моей магии. – Спускайся!

Оставалось надеяться, Герберт появится раньше, чем очередные неприятности.

Но надежда в этом доме не приживалась. Стены пропитались темной аурой рода Кордеро и не оставляли шанса чему-то светлому и доброму.

Как оказалось, Герберт уже был здесь. А еще с ним явились двое стражей, одного из которых я узнала – Тай О’Ши, поклонник Ким. Кристалл не разрешала им встречаться из-за разницы в пять лет, но Кайла вроде как собиралась смягчить условия. Тай уже год служил помощником стража, но что они с наставником забыли в такую рань в Кордеро-холле?

– Леди Кордеро, – хором поздоровались стражники.

Герберт просто кивнул, не удостоив меня взглядом. Впрочем, вряд ли в этот раз дело было во мне: он не сводил глаз с Ким, державшей ребенка. На лице поверенного застыло самое мрачное из всех возможных выражений.

– Леди Кордеро, – обратился стражник к Кайле, – я вынужден арестовать вас за похищение Джеффа Белами.

– Что? – ахнула Кайла. – Я никого не похищала!

– К сожалению, старшая дочь семьи Белами, Стелла, видела вас с ребенком. Я своими глазами вижу Джеффа, все приметы совпадают, а показания не оставляют шансов. Простите, но я должен вас арестовать.

– Подождите...

– Молчи, – отрезал Герберт. – Молчи, Кайла, ты сделаешь только хуже.

Ей уже застегивали на запястьях антимагические браслеты.

Тай аккуратно забрал у Ким ребенка.

Нашу семью хорошо знали в городе, в том числе в кругах законников. Мы ежемесячно делали пожертвования в корпус стражи Хейзенвилля, поэтому с Кайлой обращались так мягко, как возможно. К экипажу ее выводили едва ли не под руку, помогли надеть пальто. На все это я смотрела с нарастающим чувством беспокойства.

Да, мрачные послания, бесспорно, неприятны. Подкинутый ребенок еще хоть как-то тянет на злую шутку, но арест Кайлы... Я повернулась к Герберту.

– Делай что-то!

– Позволь напомнить, что я не твой личный слуга. Кайла...

– Кайла не крада ребенка! – четко, почти по слогам, проговорила я. – Его подбросили под дверь. Очевидно, чтобы ее подставить. Кто, как и зачем – разберись. Иначе, Герберт, ты действительно не будешь работать в этом доме.

Я развернулась, чтобы подняться наверх и еще раз изучить записку. Одни боги ведают, почему я не отдала ее Герберту. Не была уверена, что ее авторство не принадлежит ему?

Но он перехватил меня, больно сдавив запястье. Я с трудом справилась с дрожью. Кожа под его пальцами горела огнем. Ким растерянно переводила взгляд то на меня, то на Герберта.

– Отпусти! – потребовала я. – Ты уже не лучший друг моего отца. Ты на нас работаешь. Или делай свое дело, или катись.

– Я распоряжаюсь твоим наследством, Кортни, не стоит так со мной разговаривать.

– Посмотрим, удастся ли мне оспорить твое право на управление моими деньгами? Ты на меня работаешь, Уолдер. И я рассчитываю, что будешь делать это с куда большим усердием, чем когда папа был жив.

Хватка медленно ослабла. Я вырвала руку и устремилась наверх.

Кайлу продержали весь день и к вечеру не отпустили, несмотря на все наши надежды. Увидеться с ней тоже не давали. Похищение ребенка – серьезное преступление. В Хейзенвилле трепетное отношение к детям. За незаконные абортыв иных лишали магии.

Я никак не могла сосредоточиться на письмах. Кроме почерка, в них явно было что-то общее. Никакой конкретики, никаких подписей, требований, угроз. Словно загадочный аноним просто решил поиздеваться.

– Тук-тук. – Ким приоткрыла дверь и заглянула в кабинет. – Ты здесь уже четыре часа. Я принесла тебе кофе и обед. Придумала что-нибудь?

Ким села в кресло напротив.

– Нет, что тут придумаешь? Нужно ждать вестей от Герберта, он все еще там.

Сестра обвела взглядом кабинет. Ничего в нем не напоминало о бывшем присутствии Кристалл.

– Так странно видеть тебя здесь, – сказала Ким. – Иногда мне кажется, что отец не умер, что он все равно пристально за нами следит.

Порой этим чувством меня накрывало даже в Даркфелле. Я не спала ночами, убеждая себя: проклятая сволочь мертва. Он больше не имеет власти над нами. Но ощущение, что ночь смотрит в окно его глазами, иногда было таким же реальным, как и прочие чувства.

– Да, мне иногда тоже так кажется. Но он умер, Ким. И нужно учиться решать проблемы без оглядки на мнение папы.

– А что бы он сделал?

– Не знаю. Я так и не изучила его, это все равно что жить с посторонним человеком в одном доме. Но, думается, он бы вытащил Кайлу гораздо раньше.

– А что, если это сделала Хейвен? – Ким задала вопрос, и я поняла, что он мучил ее с самого утра.

– Ким, Хейвен не помнит, что мы с ней сделали. Мы миллион раз это проверяли.

– Да, но мы ведь не знаем, на что способна человеческая память! Помнишь Сесилию Эйвен, знакомую Кристалл? Она пролежала без сознания год, а когда проснулась, помнила все, включая первые месяцы жизни.

– Сесилия стала жертвой неудачного заклятия.

– И ее место в университете, кстати, заняла Кайла. Так что она тоже может хотеть отомстить.

– Половина Хейзенвилля ненавидит нашу семейку. Круг подозреваемых даже не широк, он просто не имеет границ. А если предположить, что существует псих, который мстит через нас уже мертвому отцу, то я не ручаюсь и за другие миры.

Ким невесело рассмеялась и зевнула. Не одна я провела почти бессонную ночь. И, быть может, впереди еще уйма таких же.

– Я не хочу, чтобы ты уезжала. Если честно, я думала, что после смерти Кристалл ты вернешься. Кайла, конечно, не подарок, но все же она наша сестра. И тоже ненавидела правила, придуманные отцом.

– Ким, я уехала не из-за Кайлы. – Я замолчала, размышляя, стоит ли рассказывать Ким обо всем, что произошло перед смертью папы. – Я уехала из-за Герберта, и...

– Леди Кордеро? – После короткого стука в кабинет вошла Нина – экономка. Она жила неподалеку и была единственной, кому отец доверял уход за домом в период своей болезни. Прочую прислугу он давно разогнал. Мне казалось, Нине очень много лет, но на самом деле она пришла к нам совсем юной девочкой и сейчас была чуть старше Кристалл.

– Внизу ждет леди О’Ши, хочет с вами поговорить.

Мы с Ким переглянулись, и я заметила в глазах сестры панику. Хейвен пришла как раз после ареста Кайлы?

Значит, либо весь Хейзенвилль в курсе, что мы замешаны в похищении ребенка, либо Ким права и Хейвен действительно вспомнила события десятилетней давности.

Вся суть Хейвен была в том, чтобы быть элегантной серой мышкой. Этот образ позволял ей манипулировать людьми, получать то, что она захочет, и при этом оставаться той самой девочкой, которую все жалеют. Впрочем, моя неприязнь к Хейвен была продиктована совсем не этим. Когда-то мы даже дружили.

Она сидела в гостиной, длинные рыжие волосы были собраны в косу. По ее лицу я не поняла, что именно она хочет сказать, но инстинктивно напряглась.

– Хейвен, добрый день, – поздоровалась я и даже выдавила легкую улыбку. – Кайлы сейчас нет...

– Да, я знаю. – Хейвен поднялась, одергивая юбку. – Я пришла поэтому. Кортни, ей нужно что-нибудь? Теплые вещи, еда?

Я едва сдержалась, чтобы не закатить глаза. Хейвен прекрасно знала, что едва Кайле что-то понадобится, она получит это в мгновение ока.

– Боюсь, ей сейчас хочется лишь свободы. Мы немного шокированы тем, что случилось, но уверены, что ситуация вскоре разрешится. Герберт уже работает со стражей.

– Да, конечно, – поспешно закивала Хейвен. – Извини, Кортни, я, наверное, глупая. Кайла – единственная моя подруга. Пожалуйста, дай знать, когда все разрешится, ладно?

– Да, само собой. Думаю, завтра она будет дома.

– Бедная Кайла, – вздохнула девушка. – Сначала это известие о завещании. Потом ребенок. Ума не приложу, кто может так шутить.

– Завещание? А что с ним?

Я не доверяла Хейвен и то ли ожидала от нее мести, то ли просто чувствовала, что она не такая дурочка, какой прикидывается.

– Кайла вчера очень расстроилась из-за условия вашего отца, ну... того, про детей. Она столько выпила... я так за нее волновалась и даже не хотела ехать домой, но Кайла сказала, что ты будешь против...

– Кайла так сказала? – спросила я жестче, чем планировала.

Хейвен густо покраснела.

– Прости, Кортни. Твой приезд стал неожиданностью для всех. Послушай, давай начнем заново? Нашу дружбу, наверное, не вернуть, но ведь мы можем общаться, верно?

– Да, конечно. Мне кажется, ты не так поняла Кайлу. Условия в завещании вполне приемлемые. Ты, наверное, не в курсе, но в таких семьях, как Кордеро, условие продолжения рода является совершенно нормальным. И речь идет лишь об управлении Кордеро-холлом.

Хейвен всю перекосило, хоть она и попыталась это скрыть. Ее семья была из тех, что сколотила состояние честным трудом. Их принимали в местном обществе, с ними общались, но каждый знал, что О'Ши не ровня старейшим семьям Хейзенвилля. Я уважала людей, поднявшихся с низов, но ненавидела, если они при этом презирали тех, кому состояние досталось от предков. Хейвен бесилась от одной мысли, что в нашей семье есть традиции и воспоминания, каких не может быть у нее.

– Я просто хотела сказать, что мы не должны больше враждовать. Мы уже не маленькие девочки, которые хранят общие тайны, мы...

– Что? – перебила я ее. – Что ты сказала?

Хейвен недоуменно умолкла, но в ее глазах мелькнул нехороший огонек. Может, это было отражение пламени, полыхавшего в камине, а может, фраза о маленьких девочках пришлась к слову совсем не случайно.

От звука резко распахнувшейся двери мы обе вздрогнули. Этот звук совпал с раскатом грома снаружи, и я почувствовала, как сердце забилось быстро-быстро.

– Кортни Кордеро, маленькая дрянь, иди сюда, иначе я сделаю с тобой что-то очень нехорошее!

Герберт осекся, войдя в гостиную и увидев Хейвен, которая от смущения по цвету стала идентична алому ковру на полу.

– Добрый вечер, Герберт, – усмехнулась я. – Хейвен, тебя проводить? Наш поверенный сегодня не в духе, а когда он не в духе, может и укусить.

Герберт действительно был взбешен – когда я провожала Хейвен к двери, он бросил на меня такой взгляд, что пару секунд я была готова напроситься в гости к О’Ши и там переночевать.

– Что ты себе позволяешь?! – налетела я на него, когда дверь за Хейвен захлопнулась.

Напуганная криками, Ким спустилась, чтобы посмотреть, что тут происходит, но я жестом велела ей идти к себе. Ким всего семнадцать, не лучший возраст для таких перемен. До смерти Кристалл она была влюблена в Тая, мечтала окончить школу и сходить на первый в ее жизни прием.

Герберт был вне себя, он не контролировал силу, когда схватил меня за локоть и потащил наверх.

– В кабинет! – рявкнула я, когда поняла, что мы направляемся к спальне.

Но Герберт был мастером психологических игр, он знал, что нужно сделать, чтобы вывести меня из равновесия. В кабинете я чувствовала себя уверенно, а в спальне терялась и превращалась в восемнадцатилетнюю Кортни, которая убежала из дома посреди ночи, в дождь, взяв небольшую сумку и десяток золотых.

– Вы с ума сошли?! Как я должен защищать вас, как, по-твоему, я вытащу Кайлу, если вы пытаетесь сделать из меня идиота?

– Знаешь, сейчас мне кажется, что особых усилий для этого не требуется, – холодно произнесла я. – Что стряслось? Что с Кайлой?

– Она проболталась о завещании – раз! Она похитила...

– Она не похищала этого ребенка, ясно? Я знаю свою сестру. Она стерва, она недалекая дуручка, думающая только о том, полнит ли ее новое платье, она посредственный преподаватель, но она не похищает детей, Герберт. Ты знаешь это не хуже меня.

– Может, за эти пять лет она изменилась, а?

– Так вот в чем дело? Ты бесишься, что я уехала, а теперь вернулась? Что, неприятно получать по носу, Уолдер?

– Кортни, это не шутки. Наша с тобой история...

– У. Нас. Нет. Истории! – отчеканила я. – Если тебе нечего больше сказать, выметайся из моего дома и считай это официальным увольнением! Кордеро больше не нуждаются в твоих услугах.

Я подошла к двери, но та оказалась заперта. На кончиках пальцев непроизвольно вспыхнул алый огонь, и секунд десять я не могла его погасить, настолько была зла.

– Ты не выйдешь отсюда, пока я не получу ответы.

– Что ж, мне повезло, – хмыкнула я. – Ответы – не самое страшное, что ты можешь потребовать.

Его глаза потемнели, и я даже ощутила легкий укол стыда. Опасное чувство.

– Ты знала, что Кайла бесплодна?

Эффект от удара камнем по голове был бы меньше, чем от этой фразы.

– Что? – Я села на постель. – Бесплодна? Нет, конечно нет!

– Кайла – дуручка, они обыскали ее пальто и нашли заключение лекаря, – уже спокойнее произнес Герберт. – Понимаешь, как это выглядит? Кайла получает заключение, что не может иметь детей, а через пару недель вскрывают завещание, и она понимает, что никогда не станет наследницей. А потом в вашем доме якобы случайно оказывается украденный ребенок!

Наверное, хуже уже быть не могло. Кайлу подставляли умело и быстро, буквально за сутки она оказалась в тюрьме и, если докажут умысел на похищение, останется там надолго.

– Я не могу ей помочь, Кортни. Если бы она не разболтала о завещании... возможно. Сколько вам нужно объяснять, что семейные причуды не выносятся на обсуждение общественности? Ваша семья не из простых, Кортни, и сотни людей только и ждут, когда вы допустите ошибку. Кайла эту ошибку допустила.

– И что, она останется в тюрьме?

– Полагаю, суд учтет обстоятельства и, лишив ее магии, вернет домой.

– Кайла не выживет без магии.

Герберт согласно кивнул и сел рядом. Я подумала, он попытается взять меня за руку, но, к счастью, он этого делать не стал.

– Я хотел бы помочь, Кортни. Но не знаю как. Здесь нужен не юрист. Здесь нужно чудо.

Слишком громко тикали часы. Почему так громко? Я бывала в этой комнате много раз, но совсем не замечала, какие они громкие.

– Впрочем, – вдруг Герберт быстро поднялся, – можно попробовать. Собирайся. Надень какое-нибудь платье попроще и заплети волосы.

– Куда? – Я подняла голову.

– К Белами.

Глава 3

Семья Белами не входила в наш круг, но в городе многие знали владельцев книжного магазинчика. Несколько раз я видела их старшую дочь Стеллу. Ее, в отличие от четы Белами, я запомнила хорошо благодаря разговору с Кристалл. Она ненароком обмолвилась, что в Стелле, возможно, есть магия. Редкость – дар у ребенка из обычной семьи. И очень грустная история: обучение магии стоит баснословно дорого.

Мы шли в полном молчании по пустым улицам Хейзенвилля. Я куталась в застегнутый наглухо плащ, хотя вечер сложно было назвать прохладным. Но плащ был моей единственной защитой.

– Когда окажемся у Белами, – сказал Герберт, – засунь свой характер куда поглубже и изображай хорошую девочку так, как ты умеешь, Кортни.

Я тут же вспыхнула, готовая испепелить его на месте – если бы была на это способна.

– Иначе Кайлу лишат магии, – добавил Герберт, и я заставила себя успокоиться.

– У тебя есть хоть какой-то план или мы в отчаянии мечемся по городу? Ты собираешься прийти к людям, у которых украли ребенка, чтобы попросить спасти похитителя! Они выставят нас за дверь – и будут правы! Наутро еще и газеты как следует поглумятся.

– А я думал, тебя не волнует репутация Кордеро.

– Меня волнует безопасность. Кайла и Ким – мои сестры. Они не должны... не должны платить за чужие ошибки. А тот, кто подставляет нас, все еще на свободе. Готова поклясться, он планирует новый удар.

– У тебя есть хоть какие-то мысли, кто это может быть? Кайла говорила о ссорах на работе, о мужчинах?

Я покачала головой. Всю дорогу от Кордеро-холла я размышляла, рассказать ли Герберту о Хейвен, и наконец решилась. Кайла молчала о бесплодии, и теперь ей грозит одно из самых страшных наказаний. Хуже лишения магии может быть только лишение головы. Но у нас не практикуют такой вид казни.

– Возможно, это Хейвен.

– С чего ты взяла? – спросил Герберт.

– Она сегодня заходила и как-то странно выразилась... почти дословно, как в той записке.

Мы не рассказывали Герберту о послании в часах, блокноте и зеркале. Я уверяла себя, что делаю это лишь потому, что не хочу зря поднимать панику и порочить память Кристалл, но на деле я даже не была уверена, что Герберт ни при чем.

– Хейвен – подруга Кайлы. Она ничего не получит от этого ареста.

– Возможно, она хочет отомстить...

Мы почти подошли к дому Белами. Они жили на втором этаже своего магазина, и я невольно задумалась, не тесно ли им там. Может, получится решить проблему так, как привыкли Кордеро? Откупиться?

– За что Хейвен хочет отомстить, Кортни?

– Мы кое-что с ней сделали. Давно, в детстве. И думали, что она ничего не помнит. Но никогда нельзя знать наверняка.

– Остановись! – поднял руку Герберт. – Я не хочу сейчас это слышать. Расскажешь после того, как мы вытащим Кайлу. Хватит с меня секретов сестер Кордеро.

Я не стала перечить, хоть и почувствовала легкий укол обиды: решиться рассказать об этом было непросто. Решиться рассказать ему – еще сложнее.

Едва дверь открылась, я почувствовала запах книг. Старых, новых, глянцевого и пергаментного – самых разных. И увидела ряды заманчивых корешков. Я уже много лет не покупала книги, на них не было денег. В колледже хорошая библиотека, так что я не страдала, но часто сучала по возможности пройтись вечером по улицам, купить пару книг и знать, что они принадлежат мне. Только для меня то, что в них написано.

– Мы через полчаса закрываемся, но можете пройти посмотреть, – сказал мужчина за прилавком.

Он обращался к Герберту, а потом заметил меня. И решительно шагнул вперед, вынуждая нас отступить.

– Что вы здесь делаете? Немедленно уходите, пока я не позвал стражу!

Герберт отстранил меня за спину, но я решительно вышла вперед, не давая ему проронить ни слова. Если послания – дело его рук, он

только ускорит момент расправы над Кайлой. Если вдуматься, у него есть мотив. Когда Кайлу лишат магии, вступать в права наследования придется мне. Это его вполне устраивает, ведь тогда я останусь в Хейзенвилле.

«Тебе и так придется вступать в права наследования, ведь твоя старшая сестра не может иметь детей, а значит, не выполнит условия», – подумала я.

Интересно, знал ли об этом папа? Мне все сильнее начинает казаться, что это его способ вернуть меня домой.

– Мы пришли всего лишь поговорить. Извиниться.

Эдмонд Белами не был черствым человеком, и уж точно он не был совершенной сволочью. Кристалл говорила, что если человек держит книжный магазин и не процветает – он слишком добр, чтобы обманывать тех, кто любит книги. Я бы с этим поспорила, но с Белами, похоже, ее теория работала. Взгляд невольно упал на небольшую витрину.

– «Северная история магии»? – ахнула я, увидев знакомые темно-синие тома.

– Первое издание, – кивнул Белами.

– Можно?

Эдмонд снова кивнул, и я аккуратно достала первый том. Стоило сдержаться, но я никогда не думала, что увижу эти книги в небольшом магазинчике крошечного городка. Хейзенвилль был призраком, надежно скрытым от посторонних глаз в тени Даркфелла.

Книгам было сто лет. Самая полная история северного материка. Три тома, три эпохи, дополнительный том-энциклопедия. Золотое тиснение фолианта совсем не утратило блеска от времени. Отличное издание, я бы сказала, бесценное.

– За сколько вы его продаете?

– За три тысячи, но вы ведь пришли не за книгой, леди Кордеро. Вы пришли уговорить меня отпустить вашу сестру.

Дураком Белами тоже не был.

– Вы правы. – Я с сожалением положила книгу обратно в витрину, раздумывая, продадут ли ее мне после того, что случилось, и могу ли я взять на нее деньги, завещанные отцом на мое содержание. – Я пришла, чтобы поговорить об утреннем инциденте.

– Ваша сестра похитила моего сына. Вы можете угрожать мне, но я не отступлюсь от своих слов. Даже семья Кордеро – всего лишь люди перед законом.

– Я не собираюсь вам угрожать. Вы же понимаете, что любая угроза с моей стороны сделает только хуже для Кайлы.

– Тогда зачем вы пришли?

– Вы любите своих детей, господин Белами?

От неожиданного вопроса тот опешил и замер у стойки с почтовыми открытками.

– Что за вопрос, конечно, я их люблю...

– И они растут здоровыми, веселыми детьми, верно? Наш отец был совсем не такой, как вы. Он, может, и любил нас, но не так, как вы любите Стеллу и сына. Мы должны были быть идеальными, потому что мы – самая известная семья в городе, да и не только. Старейший магический род. Кайла идеальной не была.

Герберт бродил по магазину, делая вид, будто рассматривает книги, но я всем существом ощущала его напряжение.

– Кайла больна, она не может иметь детей. И вчера она узнала, что если не родит, то потеряет все, что любит: наш дом, наследство, право опеки над Кимберли, нашей младшей сестрой. Она не хотела похищать вашего сына, она запуталась. Вы неглупый человек, вы ведь понимаете, что это результат отчаяния. Неужели кто-то всерьез думает, будто можно похитить ребенка и... что дальше? Кайле нужна помощь, а не наказание. Но если вы не откажетесь от показаний, ее лишат магии. Я не хочу терять сестру, господин Белами.

– Вас долго не было в Хейзенвилле, леди Кордеро. Ваша сестра не тот человек, которого стоит жалеть.

– Я надеялась, что вы – тот человек, который может пожалеть даже мою сестру.

Из глубины магазина послышался грохот, и я вздрогнула. На лестнице, ведущей на второй этаж, сидела красная как рак девчонка лет одиннадцати. Темноволосая и кудрявая, очень симпатичная. Кристалл была права: сейчас, спустя пять лет с нашей последней встречи, магический потенциал Стеллы можно было почувствовать безо всяких усилий.

– Стелла, немедленно иди наверх! – прикрикнул на нее отец. – Подслушивать некрасиво, и ты это знаешь!

Девчонка убежала, а я продолжила, не дав Эдмонду возразить:

– Я хочу помочь сестре. Но это станет невозможным, если ее лишат магии. Кайле нужна не тюремная камера, а кабинет целителя. Подумайте об этом.

Я направилась к двери, Герберт застрял где-то между стеллажей. Вряд ли он смог бы сказать что-то более убедительное. Может, нам повезет и в Белами проснется благородство.

– Вы уедете, Кортни, – донесся мне в спину его голос, – а нам жить рядом с вашей сестрой.

Я явно что-то пропустила за годы своего отсутствия. Кайлу никогда не любили, но не до такой степени. В основном к ней относились как к богатой стерве, она так себя и вела. Но богатых стерв ненавидят издавека, сплетничают о них с соседями и обсуждают в колонках сплетен городских газет. Никто не станет рисковать всем, чтобы подставить какую-то знатную девицу.

Вот теперь показалось, что на улице холодно. Я жаднохватила ртом воздух и несколько секунд постояла на крыльце, приходя в себя. За спиной хлопнула дверь – это Герберт вышел из магазина.

– Феерично, – мрачно оценил он короткий разговор с Белами, – я бы сказал, бесподобно. И чем ты думала, неся этот бред?

Я промолчала, не желая вступать с ним в новый спор.

– Что, Кордеро настолько гордые, что даже прощения нормально не могут попросить?

– Кайла не крада этого ребенка, ясно? Я сказала все, что хотела.

– О да, только Кайле это никак не поможет.

– То есть ты считаешь, что если бы я рыдала у него в ногах, Кайле бы это помогло? Эдмонд Белами не дурак, он способен отличить искреннее раскаяние от дешевого спектакля. Ты видел его дочь Стеллу, она могла наврать о том, что видела Кайлу?

– Зачем?

– Не знаю.

Может, Белами сам инсценировал похищение? Или его жена, например? Кайла не отличалась постоянством в вопросах отношений. Ей нравилось играть с мужчинами, и порой ее игры грозили обернуться неприятностями, Герберт не хуже меня это знал. Белами не был в ее вкусе, но... в нашей безумной семье возможно все.

– А теперь рассказывай, за что Хейвен хочет вам отомстить.

Я тяжело вздохнула. Призрачная надежда, что Герберт вспомнит об этом когда-нибудь потом, растворилась в вечернем тумане.

– Помнишь время, когда мы думали, что у меня не будет магии?

Герберт кивнул, он тогда уже работал на отца.

– Тогда Кайла слышала, как он говорит с Кристалл. Он сказал, что если моя магия не проснется, то отправит меня в интернат в Адерфолле.

– Что? – пораженно спросил Герберт. – Ты серьезно? В интернат?

– Ты считаешь, это не в духе нашего отца? – усмехнулась я. – А мы вот с Кайлой поверили и жутко испугались. Хейвен была подругой Кайлы, со мной она тоже неплохо общалась, но исключительно тогда, когда была в настроении. Иногда она открыто жаловалась, что я им мешаю. Им было по семнадцать, наверное, я была и впрямь слишком приставучей. Но что важнее – Хейвен ненавидела свою магию.

– У Хейвен нет...

Я смерила Герберта взглядом, и он умолк, начав что-то подозревать.

– Она ненавидела колдовать и не хотела быть магом. Не буду вдаваться в детали, но Кайла подстроила все так, чтобы Хейвен оказалась у нас на чердаке, и провела обряд. В процессе Хейвен потеряла сознание, а придя в себя, ничего не помнила.

– Вы что, забрали магию Хейвен?

Голос Герберта звучал пораженно. Такого он точно не ожидал. А я перевела дух. Рассказать об этом кому-то оказалось нелегко, а еще надо будет как-то объяснить Кайле и Ким, почему я все выдала Герберту, если уж так его ненавижу, как утверждаю.

– Кортни, вы с ума сошли? О чем вы думали? За такие ритуалы положена смертная казнь!

– Слушай, я этим не горжусь! Мы были детьми, а отец собирался сдать меня в приют. Мы просто перепугались.

– И забрали у Хейвен магию?! Богиня, Кортни, глупая ты девочка, о чем только думала?

– О том, что хочу остаться дома, – невесело хмыкнула я. – Хейвен ничего не помнила, у нее исчезла магия – не сразу, конечно. А у меня она появилась, и все были довольны. Если она вдруг вспомнила, то вполне могла отомстить Кайле, потому что заклинание читала именно она.

– Ким знает? – спросил Герберт.

– Да, нам пришлось ей рассказать – она видела, как мы колдуем. Мы поклялись никому не рассказывать. Ты первый, кто узнал об этом.

– Я чертовски польщен! – саркастично заметил Герберт. – Если Хейвен все вспомнила, удивительно, что вы вообще живы.

– Хейвен сегодня приходила и как-то очень странно выразилась. Мне показалось, она знает и пытается на это намекнуть.

– Тогда дела плохи. Если Хейвен решится вас обвинить, я сделаю упор на возраст и сроки давности, но все очень зыбко. Впрочем, если она будет мстить вот так, исподтишка, не легче. Хорошо, что ты вообще сподобилась об этом рассказать.

– Только не надо меня отчитывать, – скривилась я. – Обратного ритуала нет: что сделано, то сделано.

– А ты бы провела его, этот ритуал? – вдруг спросил Герберт. – Если бы он существовал.

Ответить я не успела, так как увидела у ворот Кордеро-холла Ким. Сестра сидела прямо на траве и была одета явно не по погоде. Сердце забилось чаще в приступе тревожности.

– Ким?

– Кортни! – Она подняла голову и вскочила. – В дом кто-то залез!

– Что? – Мы с Гербертом переглянулись.

Он снял плащ и закутал замерзшую Ким.

– Я читала у себя, когда слышала шаги, – тараторила Ким. – Сначала я подумала, что это вы вернулись, и вышла встречать, но внизу никого не оказалось. Тогда я решила, что это ветер или что-то такое, а потом разбилось стекло. Я так перепугалась, что тут же выскочила из дома, но не решилась далеко отойти.

– Где ты слышала звук? – спросил Герберт.

– На чердаке.

Ким выглядела по-настоящему напуганной, и меня тоже пробрала дрожь.

Фамильный особняк виднелся среди деревьев. Величественный и мрачный. Уже сгущались сумерки, на небе появились первые звезды. Несколько окон светились. Я безошибочно определила комнату Кайлы: пришлось позаимствовать у нее платье. Должно быть, я забыла погасить свет. Не помню, вообще включала ли его...

– Стойте здесь, – бросил Герберт.

– Что? – Я встrepенулась. – Ты же не собираешься идти туда? Я с тобой!

– Тогда кто останется с Ким?

– Почему мы просто не можем вызвать стражу? Зачем кому-то туда идти?

Герберт внимательно на меня посмотрел. От его взгляда стало неуютно, он с легкостью отбрасывал все преграды, что я строила, и вытаскивал на свет прошлую Кортни.

– Ты что, боишься за меня? – своим раздражающим бархатистым голосом спросил он.

Я бросила быстрый взгляд на Ким.

– Просто не понимаю, зачем проверять дом. Это гораздо лучше сделает стража.

– А затем, что я так хочу, – отрезал Герберт и быстро направился за ворота.

Я закусила губу, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не припуститься за ним.

– Ты же вроде его ненавидишь, – сказала Ким.

– Ненавижу. Но не уверена, что обрадуюсь, если его там убьют.

– Так ты расскажешь, что между вами произошло?

– Ничего, Ким. Между нами ничего и никогда не было. Просто Герберт всегда был слишком близок к отцу. Мне не хотелось жить в окружении таких, как папа.

Я села на траву у ворот и поежилась: земля была холодная. В воздухе пахло ночью. Полная луна уже всю освещала сад, рисуя бледно-голубыми контурами его силуэты.

Мне вдруг показалось, что из гущи деревьев на нас кто-то смотрит. Я будто бы даже увидела мелькнувшую тень и поднялась. На кончиках пальцев зажглись огни. Ким испуганно выдохнула, но прежде чем я направилась в кусты искать источник тени, из дома вышел Герберт. В руках он держал небольшую сумку, с которой я приехала.

– Это вещи на вечер и утро, сегодня переночуете у меня.

– Нашел что-нибудь?

Я не смогла заставить себя произнести «кого-нибудь». И мысленно прокляла за облегчение, которое испытала, когда его увидела.

– Окно на чердаке действительно разбито, кое-где мокрые следы. В доме никого, но сейчас отправлю сообщение страже и попрошу обшарить дом. Утром вызовем мастеров, чтобы поставить стекло. Если там кто-то и был, то уже ушел. Идем, найдем экипаж, холодает.

Я была в доме Герберта всего раз, и мне тогда было лет пятнадцать, не больше. Кристалл брала меня в салон, а по дороге мы зашли к Герберту, чтобы передать какие-то документы. Я просидела в гостиной всего несколько минут, но обстановка в доме Уолдеров привела меня в восхищение.

Герберт один воспитывал сестру Диналию, и они были невероятно похожи как внешне, так и во вкусах. В их доме не было ничего лишнего, от простора – пустых стен, полок и закрытых шкафов – захватывало дух. Старое общество Хейзенвилля пришло бы в ужас, узнай о таком неуважении к обожаемой элитами вычурной дикируанской эпохе. А мне так опостытели старинные вензеля, красное дерево и ковры, что я сидела в гостиной Уолдеров и не могла надыхаться свободой.

Может, именно тогда я уже знала, что сбегу.

Оказавшись на чужой территории сейчас, я растерялась. Заспанная Диналия, которую мы разбудили грохотом и голосами, хоть и удивилась незванным гостям, но обрадовалась Ким.

– Ложитесь в комнате Дин, – сказал Герберт. – Но никакой болтовни. Сразу спать, девочки, вам все ясно?

Конечно, Ким и Диналия закивали, и, конечно, они лгали. Сестре придется выложить все о проникновении в дом, прежде чем ей позволят уснуть. Но я была рада, что Ким проведет эту ночь не одна. Хотя часть меня надеялась, что она решит остаться со мной.

– А мне куда? – зевая, спросила я.

Если честно, то даже на ненависть не осталось сил. День вышел долгим и беспокойным.

– Поднимайся на второй этаж, первая дверь, – ответил Герберт. – Я проверю все окна и замки. И скажу, чтобы девочки заперлись изнутри. Просто на всякий случай.

Сейчас, даже если бы кто-то сказал мне, что Герберт – причина всех наших бед, что именно он отправляет жуткие записки, я так устала, что все равно бы поднялась наверх, в небольшую уютную гостевую спальню, и устало опустила на неразобранную постель.

Жутко болела голова, и я аккуратно массировала виски, уговаривая себя умыться, раздеться и лечь.

– Помочь? – раздался насмешливый голос Герберта.

– Только попробуй ко мне прикоснуться, – сквозь зубы ответила я.

К счастью, Герберт просто положил на тумбочку чистое полотенце.

– Я рассчитывал хотя бы на «спасибо». За то, что спасаю вашу семейку, хотя за последние сутки меня три раза грозились уволить.

– Да катись.

Еще несколько минут назад я мысленно благодарила его за то, что можно не думать о том, где ночевать, что есть и как защитить Ким, но сейчас, оставшись с ним наедине, остро почувствовала уязвимость. И привычно пошла в атаку.

– Ты не выгонишь Ким, она уже спит. А я не против переночевать в гостинице.

С этими словами я поднялась с постели и потянулась к сумке.

– Эй, остынь, я всего лишь шучу.

Он подошел ближе, я отшатнулась и едва не упала, налетев на банкетку. Герберт среагировал молниеносно, притянув меня к себе. Так близко, что удары его сердца вдруг стали ощущаться как мои собственные.

– Ты даже не представляешь, как я скучал, – хрипло пробормотал он.

Чтобы ответить, не хватало воздуха. Только спустя несколько мучительно долгих секунд я смогла выдохнуть:

– Отпусти меня.

– Отпущу. Конечно, отпущу.

Я не до конца понимала, о чем мы говорим. Но не раз до этого думала: почему Герберт позволил мне уехать? Почему *отпустил*?

– Ложись спать, Кортни. Запри дверь.

– Никто в здравом уме сюда не полезет. Ты ведь поставил охранные заклинания внизу?

– Я говорю не об этом. Обо мне. Ты ведь меня боишься.

Герберт осторожно, чтобы ненароком не коснуться моей кожи, провел кончиками пальцев по нескольким кудряшкам, выбившимся из прически.

– Тебя ведь не остановит запертая дверь, – устало произнесла я.

– Только если ты позовешь.

Он разжал руки, давая мне свободу. И я тут же сбежала в единственное доступное убежище: в ванную. Дрожащими руками долго плескала на лицо холодной водой, а потом переоделась в халат и поняла, что не захватила из дома расческу. Наутро леди Кордеро будет радовать соседей Уолдеров свежими сплетнями. То, как я выхожу из дома Герберта, растрепанная и со следами бессонной ночи, непременно обсудят в мельчайших подробностях.

Замерев у двери, вслушиваясь в тишину за ней, я так и не смогла повернуть замок. Желание отгородиться хотя бы призрачной преградой в виде хлипкого замка боролось с воспитанием. Запираться в доме того, кто дал тебе кров и защиту?

Папа высек бы меня ремнем на заднем дворе, если бы узнал.

Едва голова коснулась подушки, а одеяло навалилось приятной тяжестью, я поняла, что засыпаю. Вслушиваясь в звуки за окном, я балансировала между сном и явью. Лишь когда за дверью раздались тяжелые шаги, сердце пропустило удар, а сон сняло как рукой.

– Герберт, – тихо позвала я, не ожидая ответа.

– Да?

– Ты хоть раз жалел о том, что произошло?

Ответ я в принципе знала, но почему-то захотелось услышать его здесь и сейчас, в полумраке ночника, в чужом доме и на границе между сном и реальностью.

– Нет, – после недолгой паузы откликнулся Герберт, – никогда.

Засыпая, я лишь услышала, как он произнес заклинание, погасившее все светильники, и звук щелкнувшего в двери замка. Только после этого получилось уснуть.

* * *

Утро выдалось пасмурным и дождливым. Я встала с рассветом, лишив себя шанса выспаться. Но хотелось, пока Ким спит, вернуться и самой облазить весь дом, проверить чердак, подвал, погреб, домик для прислуги – все, где могли остаться какие-то улики. Стража ничего не нашла и наверняка списала все на женскую мнительность, но на нашей

территории вчера кто-то определенно был. Напугал Ким и наблюдал за нами в саду. Хотя какой-то след он должен был оставить.

Этими мыслями я поделилась с Гербертом, когда утром его экономка подала на завтрак кофе и пышные яблочные блинчики.

– Я с тобой.

– Ты что, вообще не работаешь? – беззлобно хмыкнула я.

– Почти. Значительную долю моего дохода составляют отчисления за то, что я терплю вашу семейку и подрываюсь решать проблемы Кордеро в любое время дня и ночи. У меня есть еще несколько клиентов, но они, к счастью, пока что не за решеткой.

– Мне не хочется оставлять Ким. Девочки не начнут самостоятельное расследование, надеюсь?

– Ким семнадцать, она большая девочка.

– Для тебя наверняка, – холодно ответила я.

Герберт смерил меня обжигающим взглядом: шпилька попала точно в цель.

– Не хочу, чтобы Хейвен что-то с ней сделала.

– Дом под охраной, я прикажу Диналии, чтобы до нашего возвращения они не выходили. Прекрати изображать из себя наездку, Кортни. Мы не знаем, Хейвен ли подставила Кайлу, Хейвен ли забралась в дом. Возможно, это был всего лишь вор, прознавший о смерти хозяйки.

Вот в это верилось мало. Мы все же не та семья, которую можно обокрасть, забравшись в дом через чердак. Такие дома, как наш, вообще редко грабят, опасаясь столкнуться с древней магией. Но за попытку успокоить я была даже благодарна. Довольно тревожное вышло возвращение домой.

Сначала я намеревалась осмотреть сад, а затем перейти к дому. Когда мы с Гербертом вышли из экипажа, стало ясно, что с садом придется подождать.

– Это что, мастер по замене стекол? – пораженно спросила я, рассматривая толпу перед домом. – Я думала, он будет один. Кого ты вызвал? И я думала, что стража все осмотрела еще ночью. Зачем они вернулись?

Но Герберт и сам не понимал, что происходит. Я насчитала с десяток стражников и парочку целителей в светло-зеленых халатах. В

доме точно никого не было... Может, Нине стало плохо? Но я дала ей выходной. Я быстро миновала ворота и направилась к дверям.

– Леди Кордеро?

На середине пути меня перехватил мужчина. Маг, если верить моей интуиции. Блондин, высокий, совсем не старый. Черты лица были приятные, мягкие, но взгляд пробирал до глубины души. В руках он держал небольшой блокнот.

– Могу я поговорить с вами? Я – Кэрланд Портер, детектив Управления Стражи Хейзенвилля.

– Детектив? – не поняла я.

Повернулась к Герберту в надежде на объяснения, но он понимал не больше меня. Зато явно знал Портера: они крепко пожали друг другу руки.

– Где вы были сегодня ночью? – спросил детектив.

– Ночевала у друга.

– А ваши сестры?

– Кимберли со мной, она осталась у подруги, Диналии Уолдер, а Кайла находится под арестом. А что случилось, кто все эти люди и с каких пор проникновениями занимаются детективы?

Мы все повернулись на звук открывшихся дверей. А через пару секунд я увидела, как двое стражников выносят носилки, на которых лежит тело, накрытое простыней.

– Что... – На вопрос не хватило дыхания.

Я подскочила к носилкам, и Герберт чудом ухватил меня за руку, не давая сбросить простыню.

– Леди Кордеро, не стоит, тело – улика, – предостерег меня детектив.

– Нина? – только и спросила я.

Портер покачал головой.

– Хейвен О’Ши. Сегодня ночью ее убили в вашем доме, и я, леди Кордеро, намерен выяснить, кто именно.

Пять лет назад

Когда отец злился, то становился будто бы подтянутее. В глазах загорался нехороший огонек, а голос словно опускался на пару тонов ниже.

И еще у него были две любимые фразы: «Не позорь семью» и «Это мое последнее слово».

Вторую он говорил настолько часто, что после иных скандалов я набиралась смелости и мечтала, что когда-нибудь это действительно станет его последним словом. Потом, конечно, корила себя. Но чем старше становилась, тем сложнее было заставлять непрошенные мысли исчезнуть. Больше всего я боялась, что они навсегда поселятся в моей голове.

Это случилось, когда я впервые услышала две любимые папины фразы в одном предложении. Звучало оно так:

– Кортни, не позорь семью, ты едешь, и это мое последнее слово.

Это было сказано таким тоном, что я сразу поняла: вставлю хоть слово против – остаток выходных проведу взаперти, и неизвестно, будут ли меня хотя бы кормить.

Я любила выходные в домике у озера, но лишь тогда, когда никого, кроме отца, Кристалл и сестер, там больше не было. В этот раз планировалась большая вечеринка, присутствовать на которой мне не хотелось. Перечить отцу было самоубийством, но я любила рисковать. Без экзамена по истории мне не поступить в колледж, а историю я знала из рук вон плохо.

Папе было плевать.

– Собери свои вещи, – велел он. – Я хочу, чтобы через час вы все были готовы.

Он тут же потерял ко мне интерес, но внутри уже кипела ярость. Я не отличалась эмоциональностью и давно научилась с холодной головой воспринимать все, что говорит отец, но иногда все же срывалась. И хоть такие срывы кончались плачевно, мне почему-то становилось легче.

– А в экзамене по истории, – медленно произнесла я, – будут вопросы о нашем домике у озера?

Сразу же стало ясно, что фраза была лишней. Повисла нехорошая тишина, предшествующая буре. Отец поднялся, совершенно спокойно и даже аккуратно отодвинул стул, чтобы не поцарапать дорогой паркет.

А потом долго (а точнее – мне показалось, что предосудительно долго) всматривался в мое лицо. Отодвинул со щеки локоны, выбившиеся из хвоста. В таких случаях следовало опустить голову и

устремить взгляд в пол, но... я голову подняла. И даже чуть улыбнулась, встретившись взглядом с потемневшими глазами отца.

Щеку обожгла боль, а удар был такой силы, что я не удержалась на ногах. В зеркале напротив я могла видеть отражение отца. Он был совершенно спокоен.

Одновременно с этим дверь приоткрылась, явив Герберта. Он если и удивился, то не подал виду. Я поднялась.

– Собирайся, – бросил мне отец, давая понять, что вот это – точно его последнее слово.

Я позволила себе улыбку, проходя мимо Герберта. В суде он, может, и хорош, но этому юристу еще учиться и учиться выдержке у нас, дочерей Карла Кордеро.

Глава 4

После допроса я поняла, что сил на осмотр сада и дома уже не осталось. Мы рассказали Портеру обо всем: и об аресте Кайлы, и о том, что накануне в дом кто-то залез. Умолчали лишь о нашем участии в исчезновении магии Хейвен. Герберт определенно считал, будто я способна все выложить детективу, и периодически кидал на меня предостерегающие взгляды.

По версии детектива Портера, Хейвен пришла к нам посреди ночи, наткнулась на открытую дверь (следов взлома не обнаружили), вошла, и там на нее кто-то напал. Остались следы сопротивления и ссадина от веревки на шее. Веревку не нашли, хоть и перерыли весь дом, а еще едва ли не перекопали сад.

Меня немного потряхивало: я была уверена, что, если бы не удачное стечение обстоятельств, жертвой могли бы стать Ким или я, а вовсе не Хейвен. Не то чтобы я радовалась тому, что Хейвен убили, но... я чувствовала постыдное облегчение, что сестры в порядке. А еще возвращаться в дом было попросту страшно. Попроситься пожить у Герберта не давала только гордость.

Он взял на себя все формальности, проверил протокол, и я просто в нем расписалась. Сил на недоверие еще и к Герберту просто не осталось. Когда стража закончила с осмотром Кордеро-холла, Герберт почти силой отправил меня наверх, отдыхать.

Я быстро прошла через гостиную, где нашли тело, и почти бегом поднялась по лестнице. Окно мы так и не вставили, и на втором этаже было холодно. Придется, наверное, разжечь в комнате камин.

На всякий случай я заперла дверь в спальню, а еще поставила охранное заклятие. Как же хорошо, что Ким у Диналии. Хотя бы за нее я спокойна. Впрочем, может, уже пора перестать ее опекать, семнадцать лет – возраст, в котором я принимала вполне взвешенные решения.

Повернувшись к постели, я оцепенела. Под покрывалом явно что-то возвышалось. Небольшое и квадратное. Я быстро пересекла комнату, не давая себе шанса передумать, и отбросила покрывало.

Книги... те самые, что я заметила в магазинчике Белами.

«Герберт!» – тут же подумала я.

Но потом заметила сверху небольшой конверт точно из такой же бумаги, на которой была написана записка, когда подкинули ребенка.

– «Тайны Хейвен теперь навечно с ней. Чьи еще секреты отправятся в могилу?» – прочитала я.

От громкого стука в дверь я вздрогнула.

– Кортни, это я, открой, нужно подписать счет для стекольщика.

Медленно я открыла дверь и с полминуты молча рассматривала озадаченного Герберта, ища хоть какой-то признак лжи.

– Что с тобой? – поинтересовался он.

Заметил в моей руке записку и, не дожидаясь, когда я очнусь, забрал ее. Быстро прочитал и нахмурился.

– Нужно сдать все письма Портеру.

– Это еще не все, – наконец смогла произнести я и махнула рукой в сторону книг.

Герберт долго рассматривал их, листал, даже проверил на скрытые проклятия, но ничего не нашел.

– Странно, – нахмурился он, – очень странно. И это уже серьезно, убийство – это не шутки.

Потом он заметил мой взгляд и осекся.

– Что? Ты думаешь, это я?

– Я сейчас ни о чем не думаю, но ты единственный, кто знал, что эти книги мне понравились.

– Кортни, ты свихнулась? Зачем мне подкидывать вам записки, убивать Хейвен и покупать для тебя книги? По-твоему, я похитил ребенка, подбросил вам под дверь, чтобы Кайлу арестовали, пошел с тобой к Белами, увидел, что тебе понравились книги, затем отвел вас с Ким к себе, в ночи пробрался в Кордеро-холл и убил там Хейвен. С утра купил книжки и закинул тебе в спальню. Знаешь, милая, мне льстит, что ты так в меня веришь, но после тридцати очень сложно делать тысячу дел одновременно.

– Я не знаю, что думать, Герберт! – взорвалась я. – И ты прекрасно знаешь, что я тебе не доверяю. И никогда не поверю больше, ясно? Я хочу вытащить Кайлу, защитить Ким и уехать, чтобы больше никогда не возвращаться ни в этот город, ни в этот дом.

– Может, ты и хочешь этого, – сквозь зубы процедил Герберт, – но не так-то просто оставить Хейзенвилль. Ты не принадлежишь себе, как

бы этого ни хотела.

– Главное, что я не принадлежу тебе.

– Давай проверим?

Неожиданно Герберт сделал несколько шагов вперед. Я инстинктивно отступила и уперлась спиной в холодную стену.

– Отойди, – потребовала я, но голос предательски дрогнул.

Губы Герберта исказила кривая усмешка.

– Что ты сделаешь, если не отойду? В доме никого нет.

– Стекольщик... – не очень уверенно произнесла я.

Герберт поднял руку и указательным пальцем провел по моей нижней губе.

– Хочешь позвать стекольщика? Мне кажется, я справлюсь сам.

Он наклонился и прижался губами к моим. Я не успела сделать вдох, как тут же весь воздух отобрали, оставив жалкий клочок, которым и дышать не получалось. Поцелуй поднял все воспоминания прошлого, снова сделал меня почти ребенком, и все выстроенные за пять лет стены рухнули.

Напористо, почти больно. Я не отвечала, но Герберту и не нужен был мой ответ, он хотел поцелуй, и ничто не могло ему помешать. Он сломил сопротивление без особого труда, прижав мои запястья к стене над головой. Я почувствовала, как камень царапает кожу на тыльной стороне ладони.

Губы горели, а контраст прохлады воздуха и тепла мужского тела сводил с ума. Я просто потерялась в лавине не новых, но забытых эмоций. В один момент просто перестала сопротивляться и послушно поддалась рукам Герберта, позволяя делать все, что ему захочется. Не знаю, куда завел бы меня этот поцелуй, если бы не звон стекла и резкий толчок, а следом за ним ворвавшийся в комнату дождь.

Я поморщилась – ушибла колено.

Герберт уже был на ногах, когда я поднялась, и осматривал камень, запущенный кем-то в окно.

– Метко, – наконец произнес он. – Второй этаж. Надо обладать силой, чтобы разбить такое стекло.

– Там стекольщик еще не ушел? – мрачно поинтересовалась я.

Ох, какая же злость накатила на саму себя из-за этого поцелуя...

Пришлось временно переехать в гостевую спальню, самую дальнюю по коридору. Крохотная комнатка с одной кроватью и тумбочкой когда-то была комнатой няни. Когда Ким исполнилось тринадцать, няня ушла, и комната всегда пустовала. Можно было переехать в мраморную спальню, как ее называла Кайла за необычный узор на стенах, но с этой комнатой у меня было связано много воспоминаний.

К вечеру вернулась Ким, хотя я и пыталась настоять, чтобы она осталась у Диналии. Но мне не хотелось снова ночевать у Герберта, а остаться одной в мрачном Кордеро-холле было страшно. Окно на чердаке поставили, а в моей спальне не успели. Как все же легко устроить в старом доме пробирающий до костей сквозняк.

– Кортни, ты уверена? – спросила Ким, осматривая мою временную спальню. – Можешь взять мою, а я...

– Ким, брось, это всего лишь постель, – улыбнулась я. – Держись, пожалуйста, от окон подальше. Я попробую найти того, кто бросил камень. Ты, кстати, не замечала никого, кто ошивается возле нашего сада или осматривает дом?

Ким как-то странно замялась и покраснела. Мне бы почуять неладное, но эмоциональная усталость достигла своего предела, и я даже не обратила на это внимания, вплоть до тихого «Это я».

– Что ты? – не поняла я.

– Я кинула камень, – призналась Ким и поморщилась. – Не убивай меня!

– Зачем?! – От шока я села на постель, забыв, что намеревалась готовиться ко сну.

– Я просто шла домой и увидела вас в окне, как вы спорили, а потом Герберт, ну... тебя поцеловал. – Ким сделалась совсем пунцовой. – А потом я вспомнила, о чем ты говорила. Что убежала из-за Герберта. Тогда я решила, что он может тебя обижать, взяла камень и бросила. Думала, он отвлечется и от тебя отстанет.

– Ким, ты с ума сошла? Ты же могла нас убить! Мы просто поспорили, зачем было разбивать стекло?

– Слушай, я не хотела! Я думала, ударю камушком, вы услышите стук и увидите меня. А оно разбилось, я испугалась и убежала.

Даже не знаю, стоило смеяться или ругать Ким. Порой в свои семнадцать она казалась совсем ребенком. Но какое же накатило

облегчение! Меня никто не пытался убить, в мое окно не начнут посреди ночи лететь камни. Можно хоть немного выдохнуть.

– Не переживай ты так, – наконец вздохнула я, потому что Ким едва ли не плакала. – Но не спасай меня больше, пожалуйста. Мы с Гербертом не ладим, и у нас было прошлое, но он один из немногих, кто может нас защитить. И я его не уволю, даже несмотря на то, что постоянно грожусь.

– Расскажи, что между вами было, – попросила Ким. – Я никому не скажу! Даже Кайле!

Сказать? Наверное, надо, за недоверие к сестре обычно платят очень дорого. Но некоторые вещи стоит хранить в секрете просто потому, что они слишком личные, чтобы ими делиться. Поэтому я тщательно подбирала слова.

– Когда умирал папа, я была не в себе. Перестала учиться, ничего не хотела, убежала из дома. У нас с Гербертом в это время закрутился роман.

– Ты была влюблена в него? – пораженно переспросила Ким.

– Я не могу сказать, что была влюблена. Так, легкое очарование взрослым мужчиной, не более.

– Тебе было восемнадцать.

– Ну, извини, – фыркнула я, – я как-то не думала о том, что мне всего восемнадцать.

– А Герберт?

Мне даже стало смешно, насколько наивной и неиспорченной выросла Ким. Кристалл плотно занималась ее воспитанием. Сестра отличалась от нас не только внешне, но и по характеру. Не могу сказать, что мне никогда не хотелось быть такой милой, как Кимберли. Ее все любили. Меня в лучшем случае побаивались.

– А что Герберт? Ему-то какая разница, постель – все, что от меня требовалось. Мы мило проводили время месяца три, а потом я сбежала, едва умер отец. В тот же вечер.

– Где вы встречались?

– В мраморной спальне.

Ким замерла с открытым ртом.

– Я предупреждала.

– Если бы Кристалл узнала, она убила бы вас обоих! – пораженно покачала головой сестра. – Герберт... Не ожидала от него такого.

– А от меня, значит, ожидала? – притворно возмутилась я, но тут же посерьезнела.

Часы в гостиной били десять вечера.

– Тебе нужно отдохнуть, Ким. Не думай обо мне и Герберте. Мы разберемся с прошлым, оно не навредит вам. Пойду скажу нашему поверенному, что вызывать стражу по факту разбитого окна не стоит, и завалюсь спать. Завтра, чувствую, денек будет еще напряженнее.

Сама не знаю, чем я думала, когда шла на ночь глядя в гостевую, к Герберту. Я, конечно, убеждала себя, что лишь предупрежу о Ким, но... но, похоже, во мне еще не улеглась та буря эмоций после утреннего поцелуя.

Герберт сидел в кресле, читал. Немного непривычно было видеть его в очках, пять лет назад он их не носил. Те несколько секунд, что он не замечал меня, дали возможность посмотреть на него со стороны, расслабленного, не проверяющего на прочность мою защиту. Мне не понравилось то, что я увидела.

Нарисованный образ монстра стремительно таял, и с каждым днем становилось сложнее убеждать себя, что его близость не несет ничего, кроме грязи.

– Стекло разбила Ким, – без предисловий сказала я. – Не вызывай стражу, не хватало нам еще и допросов Ким.

– Что? – Герберт отложил в сторону книгу и поднялся. – Зачем Ким бросила камень в твоё окно?

– Она нас видела. И решила – кстати, справедливо, – что я против происходящего.

– Ким знает о нас? Ты ей рассказала?

– Только сегодня и далеко не все. Но она знает, что я тебя не переносу, и этого ей было достаточно, чтобы попытаться меня защитить. Герберт, пожалуйста, впредь держи себя в руках. Ким не заслужила купаться в этой грязи.

– И что же именно она знает? – Герберт говорил медленно, будто бы лениво, прекрасно зная, как меня бесит эта его манера.

– Только то, что мы спали вместе.

– Сложно было врать, да, Кортни? Ты ведь хорошая девочка. Каково это – признаваться в том, что в восемнадцать спала с другом отца?

– Не сложнее, чем выносить твое присутствие, – парировала я. – Стража отменяется, так что завтра займись Кайлой. Если дело дойдет до суда, я хочу, чтобы ты нашел лучших людей. Мы не можем допустить, чтобы ее лишили магии.

Я повернулась, чтобы уйти, но, едва услышав звук открывающегося ящика, замерла. Интуиция подсказывала, что Герберт сказал далеко не все и если я сейчас не уберусь из его комнаты, то сильно пожалею, но я физически не могла пошевелиться, догадываясь, что он ищет.

– Когда я только познакомился с твоим отцом, он рассказал, что обозначает ваша фамилия. Кордер – удивительное растение. Пьянит тебя, но не разрушает. Стирает сомнения, тревоги и страхи. Оставляет ясный ум... только в том случае, если он не затуманен глубинными желаниями.

– Или пороками, – не удержалась я.

– Возможно.

На бархатистый хриплый голос накладывался треск поленьев в камине – и я переносилась в прошлое, в те месяцы, когда только рядом с ним хоть как-то получалось дышать.

– Цветок кордера может быть как ядом, так и лекарством. Уникальное магическое растение. Твой отец рассказывал, что ваш дальний предок, основавший род, посадил кордеровый сад вокруг своего дома. Конрад Кордеро изучал магию, погружался в самые темные ее глубины. Почти все свойства кордера были описаны им. И он же дал ему название. Знаешь, что еще означает твоя фамилия?

– Нет.

– «Темный». Кордеро на языке первородных означает «темный». Конрад описывал его так: прекрасный внешне, но темный по своим свойствам цветок. Вам очень подходит ваша фамилия. Сестры Кордеро. Темные сестры.

– Ким выбивается из этой эстетики.

– Ким только внешне хрупкая, нежная блондинка. Тебя долго не было. Ей тоже пришлось нелегко.

Я почувствовала, как стало стыдно. Убегая, я спасала себя, но бросила сестер на съедение хейзенвилльскому обществу. Отец умер, мачеха погрузилась в дела. Весь удар приняли на себя девочки. И если

Кайла с детства готовилась к этой роли, то Ким никогда не хотела быть в центре внимания.

Когда хотел, Герберт мог двигаться совершенно бесшумно. Я вздрогнула, ощутив его присутствие прямо у себя за спиной, и повернулась. В руках он вертел небольшой пузырек с алой жидкостью, поверхность которой переливалась пурпурным сиянием.

– Помнишь этот вкус, Кортни?

Я молчала.

– Помнишь, – голос понизился до хриплого шепота, – как нам было хорошо?

– Тебе, – поправила я с ледяной улыбкой. – Твое удовольствие дорого мне обошлось, Герберт. Не думай, что я растаю от чувственного взгляда и одного поцелуя, я слишком много времени потратила на то, чтобы понять, какая ты сволочь. И не прыгну в твою постель, даже если ты будешь на коленях об этом умолять. Но можешь попробовать, мне это польстит. И мне не нужен кордер, чтобы расслабиться, потому что моя жизнь – без тебя, без отца, без этого дома – мне нравится. Как бы тебе ни хотелось обратного.

– Ты можешь сколько угодно себя в этом убеждать, – усмехнулся и пожал плечами Герберт, – но твое место здесь. Это знал твой отец, и это знаешь ты сама. Взгляни уже правде в глаза и перестань притворяться.

Он отошел, но аромат парфюма напоминал о нем с каждым вдохом.

– Можешь снова сбежать в Даркфелл, милая. Но перед этим ты все равно проведешь со мной ночь.

– Если это и случится, она станет твоей последней.

Впервые за много лет я не сдержалась. Впервые огненная магия, которой так гордился отец – ведь приручить пламя дано самым могущественным из рода Кордеро, – вырвалась наружу. Пузырек взорвался прямо в руках Герберта, но он даже не дрогнул. По полу растеклись клубы алого тумана.

– Занимайся своим делом, Герберт. Дочь хозяина не для обслуживающего персонала.

В таком состоянии я не очень умело била в больные места, я даже самой себе напомнила загнанного в угол зверя. Хотелось сделать Герберту как можно больнее, но получилось скорее жалко, чем

холодно и остро. Не став смотреть на его реакцию, я вылетела из комнаты. Прочь из Кордеро-холла, из проклятого дома, на воздух, на свободу!

Пожалела, что не захватила плащ, но не стала возвращаться. Возможно, Герберт наблюдал за мной из окна. Он удивительно циничен и столь же удивительно отвратителен – если повторить это тысячу раз, можно поверить. Как выдержать рядом с ним еще хоть день? И как не остаться с разбитым сердцем, если все происходящее – его очередная игра?..

Я сама не замечала, куда иду, все прокручивала в голове события прошлого, настоящего и пыталась хоть немного заглянуть в будущее. Когда-то я верила, что зелье из цветков кордера исцеляет душу, помогает справиться с болью. А Герберт пользовался этим, чтобы заполучить дочь друга. Или врага – порой казалось, он ненавидит отца едва ли не сильнее, чем я.

Я остановилась, лишь поняв, что ноги сами несут меня к книжному магазину Белами. Несмотря на относительно ранний час, ни одно окно не светилось. А ведь если Белами нет дома, это мой шанс выяснить, кто купил книги. Они наверняка записывают данные таких покупателей, это антиквариат, а не обычная книжка, которых печатают тысячи. И, если повезет – а мне должно повезти хоть раз за последнее время, – в журнале учета будут сведения о покупателе.

Недолго думая я обошла дом и, наспех проверив защитные заклятия, взялась за ручку. К счастью, ничего не среагировало на мое вторжение, замок отперся легко и быстро. Совсем неслышно скрипнула задняя дверь, впуская меня в складское помещение магазина, наполненное запахом старых книг и лавандовых саше.

На всякий случай я не шумела – вдруг в доме кто-то есть. Прошла через зал и оказалась в самом магазине, непривычно жутковатом в такое время.

Стол продавца был пуст – разумеется, всю документацию с него убрали. Вот только куда? В столе ящиков не оказалось, но я знала, что журнал где-то в помещении. Вряд ли Белами уносит его с собой каждый раз. Выручку – да, но не журнал. Сантиметр за сантиметром я осматривала пространство магазина, пока не нашла наконец за не приметной дверкой сейф.

С негромким щелчком дверь сейфа открылась, и взору действительно предстал небольшой журнал в кожаной бордовой обложке. Помимо журнала там были еще какие-то документы, но они меня не интересовали. Я осознавала, что вломилась в чужой магазин и роюсь в сейфе, но близость к возможной разгадке личности «К» не давала покоя.

Я не сразу нашла нужную дату: надо же, как много покупок антиквариата совершается в небольшом, казалось бы, городке. Но когда палец замер на строчке «Северная история магии», я обомлела.

«К. Кордеро» – в графе «покупатель».

Кайла? Кимберли? Кристалл?

Нет, подпись была моей.

Когда я уехала, то изменила в себе все, что смогла: прическу, вкусы, мечты. И подпись в том числе. На то, чтобы изменить почерк, ушло несколько лет, но почему-то именно это было важно. Я ни с кем не переписывалась и ни разу не была дома. Откуда у того, кто издевается над нами, мой почерк?

Впрочем, достаточно лишь проникнуть в университет так же, как я сейчас проникла в книжный, чтобы раздобыть курсовую. Но почему Белами не сопоставил личность того, кто покупал, с тем, что написано в журнале? Уж он-то должен был понять, что перед ним не Кортни Кордеро.

Если только Эдмонд Белами не замешан. Он удивительно часто в последнее время мелькает на горизонте, это его дочь свидетельствовала против Кайлы, это в его магазине купили книги. И – вдруг пришло мне в голову – возможно, бумагу для записок.

Я вернула журнал на место и перебрала оставшиеся документы. Ничего интересного не оказалось: счета, расчеты, списки товара. Лишь на самом дне я нащупала тонкую кожаную папку. Нехорошо рыться в чужих документах, но мне вдруг очень явно показалось, что я нащупала нить. Кристалл учила не игнорировать интуицию.

Документ был зашифрован. Один из тех шифров, что знают лишь подписывающие стороны: взломать такой очень сложно, и это дело не одного дня. Стройные ряды замысловатых символов не несли никакой информации, но вот подписи обычно не шифровались. И в одной из подписей я узнала почерк Кайлы. В другой – Эдмонда Белами. Что подписали сестра и владелец книжного магазина?

Несколько секунд – и у меня в руках появилась копия документа, которую я бережно свернула и убрала в карман. Дома попытаюсь расшифровать и, может, найду ключ ко всем событиям.

Услышав шум наверху, я быстро убрала все документы и едва-едва успела отскочить от сейфа.

– Что вы здесь делаете? – Дочь Белами, Стелла, недоуменно смотрела на меня, потирая глаза.

Конечно, Кортни, соври теперь ребенку.

– Привет, – улыбнулась я, – ты одна дома? Я шла мимо и увидела, что задняя дверь открыта. Все в порядке? Дома есть взрослые?

– Папа! – позвала Стелла, и я закусил губу, надеясь, что в полумраке не видно моей нервозности.

Поверит?

Перепуганный Эдмонд появился в лавке уже через минуту. Он кутался в длинный теплый халат и на ходу надевал очки, а когда увидел меня, заметно помрачнел.

– Ваша семья может оставить нас в покое или нет? Что вы здесь делаете?

– Успокойтесь, я просто шла мимо и увидела, что ваша задняя дверь открыта. Это показалось мне странным.

– Шли мимо? – Он прищурился. – Куда?

– Гуляла. Мне кажется, вам стоит проверить дверь, а потом уже устраивать мне допрос. Или, если хотите, вызывайте стражу. Скажете, что я к вам вломилась.

– Не стоит, – с некоторым сомнением после паузы проговорил Белами.

И от меня не укрылось, как его взгляд метнулся к двери, за которой находился сейф. Но я ничем себя не выдала.

– Спасибо за беспокойство, – наконец сказал Эдмонд. – Не смею вас задерживать, леди Кордеро. Стелла, иди спать, все в порядке.

Когда девчонка убежала, я направилась к выходу. Белами долго искал ключи в ящике стола, чтобы выпустить меня. Почему-то проводить до задней двери ему не пришло в голову, а я лихорадочно раздумывала над одной сумасбродной и не слишком порядочной идеей.

Но разве был выбор?

– У вас талантливая дочь, – словно невзначай обронила я, идя к выходу.

И уже в дверях добавила:

– Пожалуй, ей стоит учиться магии.

– Вы прекрасно знаете, леди Кордеро, что наша семья не получит разрешения на обучение, будь Стелла даже трижды талантлива.

– Нет нерешаемых проблем, господин Белами, – улыбнулась я. – Особенно если найти связи в колледже. Даркфелл Стеллу не примет, но Хейзенвилль... Подумайте. А я посмотрю, что можно сделать для нее. Нельзя зарывать такой талант и... шанс достичь чего-то большего, чем... это. Доброй ночи.

Не оборачиваться. Уходить быстро и уверенно – тогда у Белами создастся впечатление, что последний шанс он уже потерял. Чтобы обучить детей, иные готовы отдать душу, а здесь требуется всего лишь написать пару фраз на фирменном листе пергамента. Если мозги у него на месте, Кайлу он оправдает. А если нет... даже не знаю, на что я буду способна после нескольких недель такой жизни. Нужно больше спать и хоть как-то расслабляться.

В детстве, когда мы с сестрами ссорились или меня наказывал отец, я обязательно шла к реке, на набережную. По тому, где я сидела, можно было определять степень паршивости моего настроения. Если на скамейке у памятника колонистам – мне было грустно. Если на перилах набережной – очень грустно. Сейчас я спустилась к пляжу, не поленившись пройти лишних триста метров до спуска. Села у самой кромки воды и уставилась на горизонт.

– Я думал, в это время здесь никого не бывает.

Сначала я вздрогнула, но, обернувшись, выдохнула, узнав в молодом стражнике парня Ким.

– Тай? Что ты здесь делаешь?

А ведь Тай О’Ши не только друг моей сестры, но и брат Хейвен... уж не следил ли он за мной? Я стала жутко мнительной. А еще остро ощутила собственную незащищенность: в это время на улицах никого. Будет иронично, если, сбежав от Герберта, я попадусь в руки убийцы.

– Мы с Хейвен детьми здесь часто играли. Во время патрулирования я ненадолго останавливаюсь здесь. В эти минуты кажется, что она все еще рядом.

Он задумчиво посмотрел на звезды. В Даркфелле из-за дыма от фабрик мы почти не видели звезд, но здесь они бриллиантовой россыпью украшали темное небо.

– Когда у Хейвен пропала магия, – произнес Тай, – она постоянно сидела здесь, чтобы не видеть сочувствующих взглядов.

Где-то внутри всколыхнулась совесть и неприятно уколола. Во мне ее магия – живет и цветет, словно так и было с самого начала. Боги, какими же глупыми мы были! Ритуал мог убить и Хейвен, и Кайлу, и меня.

– Я думала, Хейвен ненавидела свою магию и мечтала от нее избавиться.

– Родители считали, именно поэтому магия и пропала. Но, думается мне, она не была до конца честна со всеми нами. Хейвен полюбила бы колдовать, мне кажется, у нее бы получилось.

– Мне жаль, Тай, – наконец сумела выдать я. – Надеюсь, Портер найдет убийцу.

– Портер считает, что Хейвен убил кто-то из вас.

Воздуха стало резко не хватать.

– Ты хочешь сказать – я. Потому что Кайла в тюрьме, а Ким здравомыслящий человек не представит в роли убийцы, к тому же она всю ночь провела с Диналией.

Тай кивнул, уселся рядом и набросил мне на плечи свою куртку. Я хотела было возмутиться, но потом передумала: приятное тепло разлилось по телу.

– Ну, ты так внезапно приехала...

– Да, на похороны мачехи. Удивительно, да?

– И потом вдруг осталась, – закончил Тай.

– Мою сестру арестовали! А младшая осталась одна в огромном доме. Мне что, просто взять и сбежать?

– Я понимаю, Кортни, понимаю, – мягко произнес парень. – Это не я придумал, а Портер. Никто из вас не убил бы Хейвен. Может, вы и не слишком ладили, но убийство... нет, здесь что-то другое. Возможно, Хейвен стала жертвой обстоятельств, и просто чудо, что не погибла Ким. Но когда я думаю, что вместо Хейвен могла погибнуть моя девушка, совсем не становится легче.

– Знаю. Стараюсь об этом не думать.

– Ты в порядке? Трудности с господином Уолдером?

– С чего ты взял? – Я бросила на Тая удивленный взгляд.

– Когда вы оказываетесь в одном помещении, напряжение между вами можно пощупать. Причем такое, что хочется как можно скорее убежать куда подальше. Вы явно друг друга ненавидите или...

– Или?

– Или любите.

– Вот уж вряд ли, – фыркнула я. – Герберт был другом отца. Не моим. Если б не завещание отца, Кристалл наверняка бы его уволила.

– Кристалл? – К моему удивлению, Тай расхохотался. – Сомневаюсь. Ты много пропустила. Кристалл с Гербертом были вместе одно время.

– Встречались? – пораженно выдохнула я.

– Скорее, спали. Как-то Кайла оставалась у Хейвен, и я случайно услышал их разговор. Кайлу бесила эта связь, и она делала гадости Кристалл.

– Гадости? Например?

– Пользовалась когда-нибудь кристаллами памяти?

Я покачала головой. С такой магией нас не знакомили.

– Они незаконны, на рейдах мы изымаем их тоннами. Но все знают, где можно купить такую штуку. Он записывает происходящее в радиусе действия луча магии, который в него заключен. И может воспроизвести увиденное в форме некой иллюзии. Кайла рассовывала эти кристаллы в спальне Кристалл и в кабинете, а потом делала мгновенные портреты ее и Герберта и развешивала на досках объявлений.

Я застонала и упала на спину прямо на песок.

– Отлично! Моя мачеха спала с другом моего отца, сестра это записывала и демонстрировала всему городу! Хейзенвилль, как я скучала!

Тай негромко рассмеялся. Да, наверное, с его точки зрения, это было несколько забавно.

– погоди... в кабинете? Ты сказал, в кабинете?

– Ага. Я лично снимал эти листовки по приказу Кристалл.

– Очаровательно. Я сидела за столом... брр!

Звезды подмигивали, словно насмехаясь. Все пять лет учебы я почти постоянно думала, что будет, если вернусь. Как отреагируют сестры, Кристалл. Что я буду здесь делать, чем займусь. Но ни в

одном, даже самом бредовом варианте развития событий не было ничего подобного.

Мою сестру арестовали, в моем доме убили Хейвен, Кристалл спала с Гербертом, а Кайла заключала какие-то договоры с Белами.

– Слушай, а как можно расшифровать магически защищенный документ? – спросила я.

– Практически никак, – пожал плечами Тай. – Разве что тебе повезет и удастся подобрать ключ. А что такое? Кортни, это, между прочим, незаконно, а я – страж.

– Все в порядке, – натянуто улыбнулась я, – после отца остались кое-какие документы. Хочу удостовериться, что он не заложил дом или... нас. Ключ, конечно, мы все благополучно посеяли.

– Тогда подбирай. Надеюсь, ты хорошо знаешь отца и его магию, потому что иначе...

Тай покачал головой, а я задумалась. Хорошо ли я знаю Кайлу? Похоже, что не так, как я раньше думала.

– Знаешь, через пару часов рассвет, и я должен закончить патрулирование. Как настоящий страж, я не могу оставить тебя одну на пляже. Идем, провожу до дома.

– Хорошо, что Ким не ревнивая, – вздохнула я, принимая протянутую руку и вставая.

* * *

Я все равно не смогла бы уснуть, а за окном уже брезжил рассвет. Около часа я просто бродила по дому, раз за разом прокручивая в голове все записки, выстраивая события в единую цепочку и пытаюсь отыскать, где же она берет начало.

Наконец не выдержала, поняв, что именно не дает успокоиться, и поднялась к Герберту. Это уже даже пугает. Я каждый раз клянусь, что этот мужчина перестанет для меня существовать, но снова и снова возвращаюсь мыслями к нему.

– Подъем! – громко объявила я, врываясь в спальню. – Ничего не хочешь мне рассказать?!

Герберт тихо выругался и сел на постели, закрыв нижнюю часть... туловища простыней. Насколько я помнила, он не признавал одежду во

время сна, но сейчас это мало волновало.

– Что опять стряслось? Передумала насчет ночи? Прости, малышка, я хоть и не против тебя в моей постели, но сейчас могу предложить только сладкий утренний сон.

– Ты спал с Кристалл!

С него мгновенно слетели расслабленность и сонливость.

– И какая птичка принесла на хвосте этот занимательный факт из моей биографии?

– Какая разница? Весь город в курсе! Герберт, ты в своем уме? А с Кайлой у тебя ничего, случайно, не было? Или ждешь, когда подрастет Ким?

– Зачем ждать? – хмыкнул он. – Тебе было почти столько же.

От этих слов я совсем взвилась и готова была спалить весь проклятый дом и Герберта вместе с ним.

– Сядь, – отрезал Герберт, не дав мне сказать ни слова, – и успокойся. Весь город в курсе благодаря твоей полоумной сестричке. У нас с Кристалл был короткий роман, мы встречались исключительно у нее, и никто не узнал бы об этом, если бы не Кайла. Великовозрастная дурочка решила, что Кристалл обязана вечно носить траур по вашему отцу, и устроила ей настоящую травлю. Кристалл прекратила наш роман, сделав выбор в пользу Кайлиного душевного спокойствия. Вот и вся история, с чего вдруг ты надулась от ревности?

– От ревности? – поразила я. – То есть для тебя это нормально?! Связь с Кристалл – это ничего особенного и, если бы Кайла не сделала вам гадость, вы бы по-прежнему спали вместе?

– Нет. Не спали бы. Кристалл умерла, это существенно осложняет любые отношения. А что, собственно, тебя так бесит? – в свою очередь поинтересовался Герберт. – Ты уехала от меня! Прошло три года, мне что, надо было вечно ждать, что ты вот-вот вернешься?!

– При чем здесь я? Ты мог выбрать кого-то, кроме моей мачехи? Она ведь была женой твоего друга!

Тут терпение Герберта лопнуло окончательно, и он оглушительно на меня рявкнул:

– Не твое дело, Кортни, с кем и как спала Кристалл и с кем и как сплю я! Не смей требовать с меня отчеты! Если хочешь, чтобы я хранил тебе верность, – раздевайся и раздвигай ноги, а если решила

играть в недотрогу, то сделай одолжение: не переступай границы, которые так пытаешься начертить. Это работает в обе стороны!

– Нет, если дело касается моего рода!

– Ты еще не глава!

– Хватит ругаться! Я хочу спать! – раздался из-за стены голос Ким. – Идите на улицу!

– Хватит лицемерить, Кортни. Ты ушла. Дала четко понять, что не желаешь иметь со мной дел, и повторила это добрый десяток раз за все время, что ты здесь. Для начала перестань врать хотя бы себе, а потом обсудим мои отношения.

Дверь тихонько приоткрылась, и показалась светленькая головка Ким.

– Если вы не прекратите ссориться, я вас здесь запру, – пригрозила сестра. – Из всей семьи остались только вы, и, если будете так себя вести, главной придется стать мне.

Я против воли улыбнулась, Герберт тоже выглядел менее воинственным. Кукольная внешность Ким играла с ней злую шутку: когда сестра злилась, все невольно умилялись.

– Расслабься, Кимми, – хмыкнул Герберт, – твоя сестричка просто надулась от ревности.

– Много о себе мнишь, – холодно ответила я.

Мы обменялись возмущенными взглядами.

– Дамы, может, дадите мне одеться? – наконец, когда пауза затянулась, попросил Герберт.

– Идем делать завтрак, – со вздохом сказала я, увлекая за собой Ким прочь из комнаты.

Герберт что-то бросил нам вслед, но я была слишком погружена в свои мысли, чтобы его слушать.

Почему меня так вывела из себя новость о связи Кристалл и Герберта? Ни на секунду я не верила, будто все пять лет разлуки Герберт хранил мне верность. Да и насчет Кристалл иллюзий не питала, их брак с отцом был скорее партнерским, страсти там никогда не было. Мы понимали это, даже будучи детьми.

Но все же... почему они не могли спать с кем-то другим?! Почему в этой семье все идет наперекосяк?

Ким первая сбежала по лестнице. Я задержалась, чтобы поправить криво висящие портреты папы и мамы, но когда услышала

визг сестры, в мгновение ока очутилась в гостиной. К счастью, никакая опасность Ким не угрожала.

На диване, изящно закинув ногу на ногу в своей излюбленной манере, сидела Кайла и насмешливо смотрела на изумленных сестер.

– Кайла! – Ким счастливо кинулась к сестре обниматься. – Тебя отпустили!

– Да, Белами забрал показания. Не знаешь, Кортни, почему?

– Не имею понятия, – усмехнулась я. – Но, боюсь, нам понадобятся твои связи в колледже, чтобы он не передумал.

– Так, значит, все это Белами? Зачем? – удивилась Кайла. – Он что-то хотел от нашей семьи? Денег?

Я несколько секунд размышляла, не спросить ли о документе, который я нашла, но потом решила, что не стоит.

– Вряд ли он убил Хейвен, – вместо этого сказала я.

Кайла тут же помрачнела, и легкомысленная улыбка сошла с ее лица.

– Что-то мне не очень хочется торчать в доме, где убили мою подругу.

– Да, но мы не можем продать Кордеро-холл, ты ведь помнишь завещание.

– Продавать не будем, но предлагаю постепенно переносить официальную резиденцию дома Кордеро. Скажем, в Даркфелл.

Только сейчас я поняла, что Кайла издевается. Кордеро в Даркфелле...

– Убью, – мрачно пообещала я. – Кайла, серьезно, если вы всей семьей переедете в Даркфелл, я буду убивать вас медленно и поодиночке! «К» даже не придется напрягаться.

– Ладно, не кипятись.

Ее взгляд метнулся к лестнице, откуда спускался, застегивая рубашку, Герберт.

– Кайла, рад тебя видеть. Неплохо выглядишь.

Кайла проигнорировала приветствие и поднялась.

– Я в душ и, пожалуй, запишусь в студию красоты леди Уорхол. Мои ногти и волосы в совершенно отвратительном состоянии. С удовольствием выпью кофе, если кто-то его сварит.

– Я сварю! – тут же отозвалась Ким. – А может, съездим к озеру?

Кайла задумалась, а я про себя взмолилась, чтобы никто не согласился. Ненавижу дом у озера, а если всем идея понравится, то и мне придется туда тащиться. Одна я в этом огромном доме не останусь, а, пока не найдут убийцу Хейвен, в Даркфелл возвращаться нельзя.

– Я не против, – наконец сказала Кайла. – Возьми Тая.

– Разумно, – в свою очередь кивнул Герберт. – Там с вами точно ничего не случится.

– Кортни? – с такой надеждой и восторгом спросила Ким, что мне ничего не оставалось делать, как махнуть рукой и согласиться на все, что они предлагали.

Озеро так озеро.

– Я закажу экипаж. Выезжать будем завтра, когда Кайла, – Герберт хмыкнул, – приведет в порядок ногти и волосы.

– Премного благодарна, – саркастически фыркнула в ответ сестра и шуточно раскланялась.

До меня только позже, когда с кухни донеслись ароматы кофе, дошло: Герберт тоже поедет.

Пять лет назад

Через час щека опухла и покраснела. Я невозмутимо, без помощи дворецкого вытащила дорожный саквояж в холл и вежливо поздоровалась с Кристалл. Мачеха застыла над книгой и от удивления открыла рот. Даже немного побледнела – настолько непривычен был мой внешний вид.

– Кортни, что это?! – спросила она.

Я пожала плечами и отвернулась.

– Так... марш наверх! Попробуем что-то с этим сделать, нельзя же в таком виде показываться на приеме! У тебя половина лица в цвет платья – красная!

Но сделать с этим ничего не получилось. Не существовало магии, способной вылечить за пару минут – какая досадная неприятность. Так что ни целительные заклятия, ни зелье от ушибов, приложенное к лицу, не помогли.

– О, боги, – простонала Кристалл. – Сиди здесь, пожалуйста, а лучше приляг. Тебя точно не тошнит?

– Не знаю, – откликнулась я. – Может быть.

Она вышла, оставив меня в темноте и тишине. Наконец-то. Я осторожно потрогала щеку и поморщилась – болела. Ну и красotka я сейчас, хоть портреты пиши. Впервые мне попало от отца так, что остались следы. И, похоже, Кристалл это поразило. Мы с мачехой находились в состоянии холодной вежливости с самого ее приезда в дом. Раньше она не была замечена в подобной заботе. А может, не хотела, чтобы на приеме я сверкала огромным синяком. Чтобы в Хейзенвилле пошли слухи о насилии в семье Кордеро? Да Кристалл скорее удавится, чем такое допустит!

Вскоре послышались шаги, и я села на кровати. За окном уже отгорел закат, на небе появились первые робкие звезды.

Отец остановился в проходе. И я даже сомневалась, что он видел в такой темноте мое лицо.

– Ты остаешься. Не смей даже думать о том, чтобы выйти из дома. Герберт будет заходить.

– Да, папа, – ответила я. – Удачного приема.

Глава 5

Домиком на озере мы, слегка иронизируя, называли любимый особняк Кристалл. Он действительно располагался на берегу небольшого, но живописного озерца, которое тоже принадлежало нашей семье. Всякий, кто здесь бывал, без сомнений говорил, что место чудесное, а воздух еще лучше. Свежий, вкусный, лесной. В нескольких десятках метров действительно начинался довольно густой лес.

Я не любила это место, но первые семнадцать лет жизни ничто не могло спасти от бесконечных унылых каникул здесь. Разрешение не ехать я впервые получила при помощи Герберта. Вспоминать, при каких обстоятельствах, не хотелось.

Но оказалось, вся неприязнь улетучилась, едва я ступила на порог дома и поняла, что отца в нем нет. Что мы с сестрами отныне здесь полноправные хозяйки. Даже дышать стало как-то легче.

Мы приехали после полудня, и Ким с Таем унеслись гулять. У них были удивительные и чистые отношения, первая любовь. Я была совершенно уверена, что, если ничего неординарного не случится, в скором времени они поженятся.

Пусть хотя бы Ким будет счастлива в любви. У нас с Кайлой как-то не сложилось...

Сразу после школы Кайла влюбилась в парня, который работал помощником у отца. Спустя две недели отношений парень жестоко ее бросил и обокрал папу. С тех пор Кайла, насколько мне было известно, кроме коротких необременительных интрижек, в отношения не вступала. Что до меня... моим первым и единственным мужчиной был Герберт, и этих месяцев хватило так, что, оказавшись в Даркфелле, я почти не общалась с парнями, а уж если приходилось сдавать экзамены молодым преподавателям, впадала в ступор. Сейчас, конечно, смешно, но тогда казалось, что я просто сломалась и отношений у меня уже никогда не будет.

Может, и не будет, но сейчас я не слишком расстроюсь.

Когда стемнело, было решено устроить ужин на берегу. Герберт с Таем развели костер, принесли мясо и намеревались организовать

настоящий пикник, хотя в доме имелись и печь, и даже современная панель, работающая на чистой магии. Но звук потрескивающих в костре поленьев успокаивал, дым отгонял назойливых насекомых, а пламя ласково облизывало мою руку. Ким и Кайла так не могли.

Иногда я думала: а какой стала бы магия Хейвен? Могла бы она вот так, голой рукой, перебирать тлеющие угольки или играть с языками пламени? Или ее дар принял бы совершенно иную форму, не отравленный наследием Кордеро?

Разум. Огонь. Алхимия.

Вот три самых сильных дара, три самые могущественные энергии.

Ментальная магия – способность управлять сознанием и душой. Огонь – самая разрушительная сила во всех мирах. Алхимия – магия преобразования. Конрад Кордеро – так говорил отец – обладал сразу тремя составляющими и был по-настоящему всемогущ.

А до нашего поколения дошло лишь пламя. И немного менталистики: папа изучал ее в колледже. Кайла так и осталась магом-теоретиком, а Ким наверняка найдет себя в искусстве.

Чтобы не мешать во время приготовления ужина, я побрела вдоль берега и дальше, по пирсу. Внизу плескалась темная вода, и, если честно, очень хотелось окунуться. Но вечер выдался прохладный, а плавала я из рук вон плохо.

Кайла и Ким о чем-то болтали, стоя у перил. Я заметила в их руках уже знакомые «подарочки» от Кристалл: блокнот и зеркало. Сердце екнуло. Опять?

– Шушукаетесь, как бы поскорее от меня избавиться? – спросила я, поднимаясь к сестрам.

– Думаем, кто мог убить Хейвен, – ответила Кайла. – Странно это все. Не вижу причин для Белами убивать кого-то.

– Да, я тоже. Если бы не записка, я бы подумала, что смерть Хейвен – нелепая случайность. У меня нет идей. Возможно, стоит все рассказать Портеру.

– Фу, – скривилась Кайла, – он допрашивал меня. Мерзкий мужик. Мне показалось, он готов на все, лишь бы закрыть папку с делом и не искать настоящего убийцу. Он спрашивал о тебе, Кортни.

– Да, я слышала эту версию. Сомневаюсь, что Портер докажет мою причастность.

– Если только наш таинственный друг не подставит тебя, как сделал это со мной.

– Кайла, не нагнетай! – Ким передернуло. – Мне уже снятся кошмары!

– Все, – я достала из кармана часы, – хватит с меня. Прощай, Кристалл. Ты была отвратительной мачехой, но, возможно, неплохим человеком.

С этими словами я выбросила часы в озеро. Они в последний раз блеснули в лунном свете и пошли ко дну. Пораженные Кайла и Ким смотрели на меня со смесью опасения и надежды. А потом последовали моему примеру.

– И что, все? – спросила Кайла, когда вода успокоилась и ничто не напоминало о предметах, которые она в себе похоронила.

– Вряд ли. – Я хмыкнула. – Но тому, кто это делает, придется придумать более оригинальный способ донести до нас свои сообщения.

Я принялась: в воздухе отчетливо пахло смесью дыма и мяса.

– Идемте, а не то они все съедят.

Иногда моя семья выглядит нормально. Иногда Кайла весело смеется над чужими шутками и не кривится при виде еды прямо с костра. Ким и Тай счастливо обнимаются, а Диналия рисует в большом альбоме для эскизов. И даже Герберт кажется расслабленным, надежным и тем самым Гербертом, который часами сидел со мной за учебниками, натаскивая на экзамены тайком от отца. В такие моменты я забываю, почему уехала в Даркфелл, и просто наслаждаюсь жизнью.

Мы просидели до самой ночи, болтая обо всем, но в то же время старательно избегая смерти Хейвен, ареста Кайлы или моего возвращения. Просто вспоминали забавные истории из детства или спорили о последних мировых событиях. Вино немного ударило в голову, и я была, пожалуй, абсолютно счастлива. Но так устала за последние дни, что намеревалась весь следующий день проспать.

– Ой, а можно покататься на лодке? – вдруг встрепенулась Ким.

– Завтра я ее посмотрю, – кивнул Герберт. – Если еще цела – почему нет?

– Давайте сейчас! – заканючила сестра. – Такая луна красивая!

Луна действительно сияла высоко в небе, огромная, с легким золотистым оттенком.

– Нет, Ким, – строго сказала Кайла. – Ночью никаких купаний. Завтра днем – пожалуйста, ясно?

– Ясно, – проворчала Ким, но тут же захихикала, когда Диналия показала ей рисунки, и мгновенно забыла о несостоявшейся прогулке.

Потом они затеяли игру в ассоциации, но я поняла, что слишком устала. Через открытое окно в спальне еще долго доносился их смех. Я находилась на грани между сном и явью, сильно кружилась голова. Только когда все разошлись по комнатам и тишину нарушал лишь шум воды, я уснула крепко и без сновидений.

Проснувшись оттого, что затекла спина. Кровать вдруг показалась до ужаса жесткой и холодной, я мысленно выругалась на совсем не летние ночи Хейзенвилля и перевернулась было на живот, но, во-первых, не нащупала одеяла, а во-вторых, кровать подо мной странно и опасно качнулась.

Сон слетел, словно его и не было, я мгновенно открыла глаза и уставилась в ночное небо, полное звезд.

Еще не рассвело, даже нигде вдалеке не забрезжили первые мазки рассвета. Звезды подмигивали, где-то стрекотали кузнечики. Откуда здесь кузнечики?

Я осмотрелась и с трудом сдержала крик, рвущийся наружу.

Каким-то непостижимым образом я проснулась посреди озера, в хлипкой деревянной лодочке. Всюду, куда простирался взгляд, на поверхности темной воды плавали куклы в светлых, но испачканных чем-то красным платьицах. На бортике лодки лежали часы, которые я выбросила в озеро...

«Достаточно оригинально?» – прочла я новую гравировку.

* * *

Красные всполохи освещали поверхность озера, придавая плавающим куклам жутковатый вид. Я просидела в лодке, наверное, час, но так и не смогла понять, что за магия отделяет меня от дома. Озерцо было небольшое, я не раз переплывала его на этой самой лодке. Из любой точки озера даже ночью был виден дом, но не в этот раз. Словно какая-то завеса скрыла меня от внешнего мира, и это пугало.

Я коснулась воды и поежилась. Холодная. Не смертельно, но все же от постоянных дождей и ветров озеро так и не прогрелось.

– Это война, – процедила я сквозь зубы, закатывая рукава рубашки.

Лодка опасно качнулась. Вряд ли меня хотели убить, скорее, просто припугнуть. Но я это запомню. И отомщу так, что пропадет всякое желание делать кому-либо гадости.

Я задержала дыхание и опустилась в воду. Ногу свело легкой судорогой, но хоть я и не очень хорошо плавала, глубины не боялась. Медленно, гребок за гребком, я поплыла вперед, отбрасывая с дороги дурацких кукол. Куда плыть? Непонятно. Сил пока еще хватало, чтобы бросать искрящиеся сгустки магии, но если мне не удастся понять, в какой стороне дом или хотя бы преодолеть чужую магию...

Наконец я уперлась в нее. Теневую завесу – на ощупь я поняла, что это за магия, и с облегчением выдохнула – не сложнее сейфа в доме Белами. На кончиках пальцев зажглись алые огоньки. Я коснулась завесы, и та мгновенно вспыхнула. Прошло всего несколько секунд, но темный купол, накрывший озеро, исчез, и я увидела дом. Далековато, но реально.

Плыть оказалось сложнее, чем я думала, надо было хотя бы раздеться. Но все же берег приближался, медленно, но неумолимо. Едва я смогла ступить на относительно твердую землю, в доме начали одно за другим вспыхивать окна.

– Кортни! – Ким первая выскочила на улицу как спала – босая и в сорочке. – Что случилось?! Мы тебя потеряли!

Вышедший вслед за ней Герберт успел захватить плед. Когда он набросил его мне на плечи, вместе с волной тепла и благодарности меня накрыло сомнением: не слишком ли быстро он его раздобыл? Уж не знал ли Герберт, что я вернусь мокрая и продрогшая до самых костей?

Последней появилась хмурая и бледная Кайла. В руках сестра держала блокнот и зеркало. Да, те самые, что мы выбросили в озеро.

– Кортни нужно лечь, – сказала Ким, помогая мне обуться, чтобы не пораниться о ветки и камни на пляже.

– Не хочешь объяснить, что происходит? – тихо поинтересовался Герберт, когда мы оказались в доме.

Я так дрожала, что вряд ли смогла бы произнести что-то членораздельное. И это избавило от необходимости решать, верю я ему или нет. На секунду, прежде чем сестры увели меня переодеваться, показалось, что Герберт воспротивится, заставит меня остаться с ним. А когда он этого не сделал, испытала разочарование.

– Пей до дна, – потребовала Кайла, когда я приняла горячую ванну и залезла в постель.

Я зажала нос и проглотила отвратительное на вкус зелье болотного цвета. По телу прошла волна дрожи, но температура не спала, и мой нос волшебным образом не начал дышать. Я взялась за третью кружку имбирного чая с медом и подумала, что скоро, наверное, рожу улей.

– Получается, это кто-то из своих? – Ким задала вопрос, который мы все боялись озвучить.

– Получается, так. Герберт, Тай или Диналия. – Кайла покачала головой. – Не могу поверить. Тая мы знаем с детства, его родители постоянно у нас ужинали. Диналия – лучшая подруга Ким, а Герберт... Герберт, конечно, сволочь, но не до такой же степени!

Ким бросила на меня многозначительный взгляд. Я не рассказывала Кайле, что связывало нас с Гербертом в прошлом, но, похоже, придется это сделать. Чем больше между нами тайн, тем сильнее мы уязвимы.

– Нельзя исключать вероятность, что кто-то следит за нами и все это время прятался неподалеку. Но зачем похищать тебя и так пугать?

– Чтобы вернуть часы. Там была новая гравировка «Достаточно оригинально?».

– Значит, кто-то слышал наш разговор на пирсе. – Кайла закусил губу. – Невозможно, рядом никого не было! Если только в воде... или он прятался внизу, рядом с лодками.

Мы с Ким вздрогнули.

– Прекрати, иначе я сорвусь и побегу обратно в Кордеро-холл, – прохрипела я. – И умру где-нибудь по дороге.

Очередной приступ кашля на некоторое время выбил меня из разговора.

– Я не верю, что Тай или Диналия могли такое сделать, – наконец отдышавшись, сказала я. – Диналия слишком слабая, чтобы без шума оттащить меня к лодке и отвезти ее на середину озера. Тай... если он

хочет поквитаться, то мог сделать это, когда встретил меня на пляже. Да и странности начались задолго до того, как у него появился мотив.

– Значит, Герберт, – подытожила Кайла. – Уволим его?

– Нет, – Ким покачала головой, – нельзя. Сейчас, когда он на нас работает, Герберт вынужден действовать осторожно и не выдавать себя. Если мы его уволим, дадим полную свободу. Он знает о нашей семье все, он изучил дом вдоль и поперек. Нельзя показывать, что мы догадались, до тех пор пока не выведем его на чистую воду. Помните, отец всегда налаживал контакты с теми, кого хотел уничтожить?

– Согласна, – кивнула я. – Чем ближе он к нам, тем проще понять, что происходит. Но какой мотив?

– У Герберта полно причин ненавидеть нашу семью, – сказала Кайла. – Он всегда был на вторых ролях, вроде и друг, но ниже по статусу, вроде и компаньон, но подчиненный, вроде и опекун, но...

– Что? – Я поперхнулась чаем. – Чей?!

– Ким, вообще-то. Сюрприз, Кортни! Если бы ты хоть раз ответила на наши письма, то знала бы, что опекунами Ким были Герберт и Кристалл. Но я веду к тому, что Герберт вполне может ненавидеть нас и мечтать избавиться.

– Хорошо. Давайте обсудим все дома, ладно? – сказала я, устало откинувшись на подушки. – Я сегодня отлежусь, а завтра вернемся.

– Ты не боишься, что он снова что-то сделает?

– Нет, но постарайтесь держаться вместе. Сомневаюсь, что случится что-то еще. Мы достаточно напуганы и настороже.

– Отдыхай. – Ким поднялась с постели. – Я пойду к Таю, попрошу его поставить охранные заклятия.

Когда Ким ушла, Кайла тоже засобиралась досыпать положенное. Вторая половина ночи вышла какой-то сумбурной и напряженной.

– погоди, – остановила я сестру. – Я не верю, что это делает Герберт.

– Почему? – Кайла тут же поняла, что без достаточных оснований я не стану делать подобные заявления.

– Его единственная цель – затащить меня в постель, а не свести с ума и запугать.

– Что?! Кортни, ты с ума сошла? Он встречался с Кристалл!

– А еще раньше спал со мной. Я уехала сразу после смерти отца, потому что не хотела продолжать с ним отношения и не знала, как от

него избавиться. Разумеется, это задело его самолюбие, и сейчас он делает все, чтобы затащить меня в постель снова. Но пугать... Герберт – сволочь, ты правильно сказала, но чтобы напугать меня, ему не обязательно так рисковать.

Кайла нахмурилась.

– Это ты о чем?

Глубоко вздохнув, я выложила наконец все, что давно скрывала:

– Дело в том, что наш... роман, назовем это так, был не совсем добровольным с моей стороны.

– Он... – Кайла округлила глаза и, кажется, потеряла дар речи.

– Он меня не насиловал, если ты об этом. Не пугайся так. Я всегда ненавидела этот дом и это озеро, а вы постоянно сюда ездили. И как-то Герберт уговорил отца не брать меня с собой, он пообещал, что поднатаскает меня по истории и праву. Отец ведь хотел, чтобы я учила именно право, так что разрешил. Герберт действительно исправил мои оценки. Но еще и оказывал слишком много внимания.

– Это мерзко. – Кайла поморщилась.

– Не знаю. Первое время мне это льстило, потом я немного устала. Но ты ведь помнишь Герберта... да он и не сильно изменился. Ему легко соблазнить девушку. Мной двигало скорее любопытство. А еще он как будто защищал меня от папы. Для Герберта нет границ и запретных развлечений. Мы переступили черту, использовали алхимию. Не могу сказать, что я не понимала неправильность наших отношений, но, если честно, пока болел отец, встречи с Гербертом были единственными часами, в которые можно было не притворяться. Все продолжалось ровно до той ночи, когда папа умер. Тогда Герберт ждал меня в спальне, а я собрала вещи и сбежала. Иначе я не порвала бы с этим. Отношения с ним – это та жизнь, которая меня пугала. Такая же, как была у мамы. Но Герберт не стал бы так издеваться и рисковать, разбрасывая по озеру игрушки, у него есть рычаг мощнее. И он им наверняка воспользуется.

– Ненавижу его! – процедила Кайла.

– Да, я тоже, но все же Герберт не убийца и не наш анонимный маг. Не говори Ким, пожалуйста. Она сейчас в таком возрасте... не хочу, чтобы она на него злилась. Ким он защитит, если вдруг что. А я разберусь.

– Не скажу. А ты за нее не волнуешься? Если Герберт...

Я покачала головой, не дав сестре закончить.

– Нет, он не тронет ее. Уж в этом я уверена, Кайла. Герберт повернут на мне, Ким для него – подружка сестры, и не больше.

– Как знаешь. Но я бы на твоём месте не доверяла Герберту.

– Я и не доверяю, – слабо улыбнулась я. – Иди спать. Завтра поедем домой.

К счастью, остаток времени, что мы провели у озера, прошел без происшествий. За одним только исключением: осматривая окрестности, Тай и Герберт нашли в лесу неподалеку остатки чьего-то лагеря. Так появилась версия, что наш загадочный маг ждал подходящего момента в лесу, а не был кем-то из своих. Мы не знали, чему верить, так что просто быстро собрали вещи и вернулись в Кордеро-холл.

Я разболелась не на шутку, нос совсем не ощущал запахи, от жара раскальвалась голова. Половину дня я просто сидела и смотрела в одну точку. В комнате уже наступила кромешная тьма, а я все еще не могла собраться и спуститься, чтобы хоть что-то съесть, и в голове была абсолютная пустота.

– Тук-тук.

В проеме появился Герберт, правда, я узнала его лишь по силуэту. Он впустил с собой немного света из коридора, и я поморщилась.

– Как ты, Кортни?

– Как несостоявшаяся утопленница, – вяло огрызнулась я.

– Рад, что ты не растеряла колючки. Ого, да ты вся горишь, – сказал он, прикоснувшись к моему лбу. – А я принес тебе ужин.

– Не хочу, – поморщилась я.

– А фруктовое пюре со сливками?

В руках он держал хрустальную креманку с аппетитным розовым пюре, щедро сдобренным взбитыми сливками.

– Давай. Надеюсь, там исключительно немагические ингредиенты.

Герберт тихо рассмеялся, протянул руку и взъерошил мои кудри. Я вяло дернула головой, но, в общем-то, не хотела сейчас сражаться.

– Может, поговорим? Или ты так и будешь от меня бегать?

– Я не хочу с тобой говорить. Я хочу вернуться в Даркфелл. Разобраться с этим гадом и вернуться в Даркфелл.

– Ты думаешь, что это я, так?

– Нет, я не думаю, что это ты. Если бы это был ты, я бы проснулась не в лодке, а в твоей комнате. Но это лишь значит, что в моей жизни не один беспринципный подонок.

– Кортни, – Герберт опустился на постель у меня в ногах, – у нас с тобой есть прошлое, частью которого я не горжусь. Отчасти ты права: я не имел права с тобой играть. Я был старше, опытнее. Солгу, если скажу, что не давил на больные точки, манипулируя тобой, чтобы заполучить. Это меня не красит. Но я никогда бы не причинил тебе или сестрам вред. Если бы ты так не старалась забыть наш роман, ты бы помнила, как тебе было хорошо со мной. Ты пряталась от отца в моих объятиях, знаю, но я не мог увезти тебя до его смерти. А потом ты уехала сама.

Я покачала головой. Герберт – юрист, врать – в его крови. Уехать, начать новую жизнь – это все я слышала, об этом мы говорили в шутку, рассуждая о том, что могло бы быть. Если бы не моя фамилия, если бы не отец, если бы не сестра Герберта. Это все фантазии, не имеющие ничего общего с реальностью.

Мне хватило духу понять, что для их воплощения Герберт вовсе не нужен.

– Я лишь хочу сказать, что, несмотря на очень спорную мораль, я никогда не причинял вам зла. И, если ты решишь, что я виновен, пожалуйста, не предпринимай ничего без доказательств. Ты представляешь объем бумаг, которыми занимаются мои люди для вашей семьи? Сколько налогов на имущество вы платите? Ты лично сможешь управиться с ценными бумагами, обязательствами, отчетами, письмами? Найти нового поверенного в Хейзенвилле не так-то просто. Хочешь ты или нет, тебе придется взять ответственность за сестер. По крайней мере, временно.

Я действительно не представляла, сколько работы делает для нас Герберт. За ним стоял целый штат юристов, представителей и помощников, а для нас он был другом отца, изредка захаживающим с какими-то бумажными вопросами.

– Не думаю, что это ты, – призналась я. – Ты можешь мстить мне, но никогда не обидел бы Ким.

– Я никогда бы не обидел тебя, – поправил Герберт.

Но прежде, чем я ответила, сменил тему:

– Что ж, возможно, ты будешь любить меня чуточку больше, если я скажу, что нашел, где купили кукол.

– Где? – Я тут же забыла и о головной боли, и о температуре.

– В Даркфелле. Там есть небольшой магазин игрушек «Астори». Когда-то он был широко известен, но потом конкуренты его сожрали, и сейчас они распродают ассортимент себе в убыток. Крупный заказ пришел им на следующий день после похорон Кристалл.

– То есть кто-то знал, что мы поедем в летний домик и я так крепко усну, что не замечу, как окажусь посреди озера? Бред!

– Согласен, но поставь себя на место анонима. Я думаю, у него в запасе много идей, а по ходу пьесы он удачно импровизирует. Не хочешь прокатиться до Даркфелла и выяснить, на кого оформили заказ?

– Хочу, – кивнула я. – Немного приду в себя, и поедем. Вот только я почти уверена, что заказ будет оформлен на К. Кордеро. Я нашла запись в журнале Белами. Тот, кто купил книги и прислал их, подписался моим именем.

– Странно... Знаешь, я тут прикидывал, кому вы успели насолить и кто может желать вам зла. Список получился огромный.

– Утешил, – хмыкнула я.

И поняла, что больше разговоров не выдержу. Зелье от простуды начинало действовать: накатила слабость и сонливость. Поставив креманку с недоеденным ужином, я легла и закрыла глаза.

– Посидеть с тобой?

– Упасите боги. Последнее место, где я хочу тебя видеть, – моя постель.

Герберт тихо рассмеялся и наклонился, чтобы мимолетно коснуться губами моего лба.

– Маленькая лгунья.

Я сложила из пальцев известную комбинацию и с головой укрылась одеялом.

– Еще и невоспитанная, – хмыкнул Герберт.

Но, к счастью, ушел.

Пять лет назад

Он нашел Кортни в малой гостиной, у камина. Солнце уже село, Кордеро-холл затих. Слуги отправились к себе, дабы не мешать молодой хозяйке. У Герберта был ключ, так что он бесшумно прошел через холл и замер в дверях гостиной.

Некоторое время он стоял в тени, наблюдая. Учебник небрежно валялся на полу, пара страничек помялась, а Кортни с увлечением читала какую-то книгу. И, что больше всего удивило Герберта, рядом на небольшом столике стоял бокал виски со льдом.

– История, вижу, кажется тебе слишком скучной для выходного вечера, – усмехнулся он.

Кортни совершенно спокойно подняла голову, и не подумав пугаться или прятать алкоголь, как полагалось юной порядочной девушке из высшего общества. В отблеске свечей ее лицо казалось еще красивее.

– Не люблю думать о прошлом. Мне кажется, это лишает будущего.

– Без знаний о прошлом будущего не построишь.

Он сел рядом, протянул, поддавшись внезапному порыву, руку и убрал с ее лица непослушную кудряшку.

– Постоянно будешь совершать одни и те же ошибки. Есть хоть один период в истории, который тебе нравится?

– Да. Домагическая эпоха. Когда люди не умели ничего, кроме как добывать еду. Они не плели интриг. Не устраивали кровопролитных войн. И не носили дикие сложносоставные имена. Прелесть, а не время. Но этот экзамен я сдала еще на седьмом году обучения.

– Я так понимаю, – усмехнулся Герберт, – сдала не слишком хорошо, раз не знаешь ничего о войнах домагической эпохи.

– Ты прав, – фыркнула Кортни. – Я знаю лишь то, что, когда появилась магия, люди резко возомнили себя богами.

Несколько свечей погасло. В комнате будто бы не стало темнее, но атмосфера неуловимо изменилась. Герберт чувствовал на себе изучающий взгляд Кортни. И в один момент словно начал действовать по наитию. Послушай он разум, пожелай спокойной ночи и уйди – все было бы проще. Но он поднял с пола учебник и подхватил свободной рукой выпавший из него лист, исписанный мелким убористым почерком.

– Я обычно так не делаю. Но твои знания оскорбляют меня как юриста. И просто как образованного человека.

– Даже если ты прочтешь вслух этот учебник трижды, знаний у меня больше не станет. Боюсь, просто усну на третьей строчке.

– О нет, подвергать тебя такому испытанию было бы жестоко. Что тебе задали? Эссе?

В ее глазах зажегся любопытный огонек. Теперь Кортни заинтересовалась. В хорошенькой головке уже сложились все элементы пазла... кроме одного.

– И что же я буду тебе должна за эту неоценимую помощь, которая, конечно, приведет отца в бешенство?

– Если он о ней узнает – возможно. Для начала принеси мне кофе. С коньяком.

Она тут же поднялась. С колен упал мягкий красный плед и так и остался лежать на полу у трещащего камина.

Герберт проводил Кортни взглядом и в этот момент отчетливо понял: она будет принадлежать ему во что бы то ни стало.

Глава 6

В Даркфелл мы выбрались, когда мне окончательно полегчало, а это случилось еще через сутки после возвращения в Кордеро-холл. Поехали мы с Гербертом, хоть такой расклад мне и не понравился. Но Кайла изъявила желание остаться с Ким. Я подозревала, что ею двигала не только забота о младшей сестре, но и усталость: арест не добавил ей жизнелюбия. Вообще в доме царила атмосфера напряженности и постоянного ожидания неприятностей. Кайла взяла недельный отпуск в колледже, Ким стала очень редко выходить из дома, а если и выходила, то в сопровождении Тая.

Даже Герберт опасался оставлять Диналию одну, и его сестра практически жила у нас. Впрочем, никто не был против: Диналия, в отличие от брата, была чудесным человеком.

Я сидела в карете, глядя на унылые серые пейзажи за окном. Дождь то заканчивался, то начинался снова. Иногда едва уловимые капли противно капали из месива серых туч, иногда вода лилась стеной. Из-под колес омнибусов и экипажей то и дело разлеталась грязь. Я еще не отошла от простуды и хотела лишь оказаться в тепле, но до Даркфелла оставалось несколько часов.

Украдкой я бросала взгляды на Герберта, но тот сидел, погрузившись в чтение каких-то бумаг, и не обращал на меня внимания. Как все усложнилось с моим приездом...

Герберт отвлекся от бумаг и переключил внимание на меня. Под его взглядом стало немного неуютно, и я продолжила смотреть в окно. Но Герберт так просто не сдавался. Его рука легла мне на колено, потом продвинулась вверх, собирая плотную ткань юбки. От прикосновения горячей руки к внутренней стороне бедра я вздрогнула и осознала, как замерзла. На несколько секунд мной овладела слабость, но почти сразу я стряхнула оцепенение и сбросила его руку.

Герберт не сдавался. Его губы коснулись шеи, я отстранилась, но отсаживаться было некуда. Дрожь, прокатившуюся по телу, я обозвала предательской и на пару секунд возненавидела себя за нее.

Не стоит недооценивать силу самовнушения. За годы в колледже я привыкла думать о Герберте как о главном злодее в своей жизни.

Желание винить в неудавшемся первом романе кого угодно, кроме себя, сделало свое дело: я искренне верила, что Герберт чуть ли не силой заставил меня с ним спать. Только реальность была немного не согласна. Иногда мне не нужны были зелья, чтобы отдаваться ему без единого возражения.

– Можешь не стараться, выгодный брак тебе не светит, – вяло пошутила я.

Но момент был утрачен, атмосфера безвозвратно потеряна, и Герберт вернулся на свое место, напоследок одарив задумчивым взглядом.

– А ты могла бы, – усмехнулся он. – Как глава рода, ты можешь выйти за кого хочешь. Не знаю дурака, который откажет Кордеро.

– Я не глава рода.

– Станешь ею.

– Кайла старше.

– У Кайлы не может быть детей.

– А я, значит, должна рожать одного за другим? Я разберусь с этими посланиями и вернусь в Даркфелл. Там окончу аспирантуру и останусь преподавать. И, надеюсь, никогда больше не увижу тебя.

Карета затормозила, и в окно я увидела городские ворота.

– Как думаешь, – Герберт поднялся и первым вышел, чтобы подать мне руку, – ваш отец знал, что Кайла не может иметь детей?

Я замерла на верхней ступеньке под мелким морозящим дождем.

– Думаешь, Кайла смогла бы скрыть от Карла факт своего бесплодия? Подумай, Кортни, почему он выставил подобное условие в завещании?

Герберт чуть потянул меня за руку, и я практически упала в его объятия.

– Кайла – заносчивая стерва. Неглупая, но довольно ограниченная девушка. Ким – слишком наивна и добра. Только ты можешь взять на себя за них ответственность, Кортни. И Карл прекрасно это знал.

– Мне это не нужно, – почти прошептала я.

– Так всегда бывает, – Герберт пожал плечами.

Даркфелл – большой город, пожалуй, один из самых больших на материке. И самый запутанный. Его улицы изгибаются под самыми причудливыми углами, переплетаются, путая неопытных

путешественников. Крупный промышленный центр, имеющий свой порт, как воздушный, так и водный. Столица моды, богемы и магии.

Люди нашего уровня обычно передвигались по городу в экипажах, но мы решили не нанимать карету, а воспользоваться небольшими трамвайчиками, в которые нужно было вскакивать прямо на ходу – ехали они медленно, весело гремя. На таком трамвайчике можно было попасть практически в любую точку Даркфелла. Необычное и скорее туристическое развлечение – но почему бы и нет, раз мы здесь оказались? Я обожала пустые трамвайчики. Переехав в Даркфелл, часто бесцельно каталась в них, размышляя о разном.

Зачем-то Герберт взял меня за руку. Может, боялся, что упаду. Но нам достался почти пустой трамвайчик, так что я села у окна и предалась тревожным мыслям. А ведь Герберт прав, зачем отец так составил завещание? Ведь он знал, наверняка знал о бесплодии Кайлы. Такие вещи от его внимания никогда не ускользали. Ответ напрашивался простой и понятный, но как же не хотелось в него верить!

Лавка игрушек располагалась недалеко от моего колледжа, и я вздрогнула, увидев знакомый шпиль. После возвращения в Хейзенвилль я все чаще и чаще думала: а так ли хорошо мне было в колледже?

– Может, после пообедаем? – предложил Герберт. – Ты знаешь какой-нибудь неплохой ресторанчик?

– Да, – кивнула я. – Было бы неплохо.

Вдали от Кордеро-холла я вдруг снова начала чувствовать голод и предвкушать удовольствие от еды. Во время учебы не было возможности ходить по дорогим ресторанам, а ведь Даркфелл славился высокой кухней. Тем более по этикету платит Герберт.

Только бы не встретить никого из знакомых!

– У тебя был кто-нибудь, пока ты училась? – вдруг спросил Герберт, словно прочитав мои мысли.

– Что? – Я сделала вид, что не поняла вопроса.

– Ты встречалась с кем-то? Спала?

– Тебя это не должно касаться, – холодно ответила я.

– Однако касается.

– Ты дуешься от ревности, как сам же выразился. – Мне вспомнился наш разговор в спальне.

– А я и не скрываю. И, раз уж у нас сегодня день невероятных догадок, подумай своей кудрявой головкой вот о чем. Ты уехала, поступила в крупный колледж в Даркфелле и посчитала, что сбежала от меня. Неужели я не мог тебя найти? Неужели Кристалл стала бы мне помехой?

– Нам пора. – Я поднялась и направилась к выходу.

– Еще несколько станций.

– Я хочу прогуляться.

В замкнутом пространстве с ним было невыносимо.

А может, я пыталась сбежать от самой себя. Но тут же пожалела, попав под противный морозящий дождик.

Конечно, я думала, почему Герберт меня не ищет, и, конечно, пришла к выводу, что Кристалл запретила, дала мне возможность жить так, как я хочу. Мысль о том, что Герберт просто меня отпустил, не вписывалась в образ, который он с такой тщательностью выстроил. Но сейчас уже ничего не проверишь. Кристалл мертва и не может опровергнуть чужую ложь.

Прежде чем войти в магазинчик, я тряхнула головой, почти неосознанно, чтобы выбросить из головы непрошенные мысли. Меня интересовали лишь куклы, и ничего более. Со странностями отношений я разберусь, когда ничто не будет угрожать мне и сестрам.

Когда Герберт говорил, что магазин распродает остатки товара за бесценок, я не придавала этим словам значения. И, лишь оказавшись внутри, поняла, насколько плохи были дела этого атмосферного, но очень мрачного и запущенного магазина.

Вывеска покосилась и потрескалась, дверь скрипнула, впуская нас в душное и пыльное помещение. Тусклый свет придавал куклам на стеллажах зловещий вид. Под высоким потолком я заметила паутину, а пол под ногами немного пружинил. Герберт подошел к стойке и нажал на кнопку звонка, пока я рассматривала товары. В основном игрушки были старые, но очень красивые. Я бы сказала, по-особенному красивые. Множество музыкальных шкатулок, кукол в винтажных платьях, антикварных погремушек. Ни капли магии, и большая часть – наверняка ручной труд. Неудивительно, что они разорились. С каждым годом появляются все новые и новые игрушки, яркие, красочные, магические. А такими интересуются разве что коллекционеры.

– Слушаю вас. – Из подсобки вышел низенький старичок с пышными седыми усами.

– Добрый день, – поздоровался Герберт, – недавно у вас был заказ на крупную партию кукол. Вот таких.

Он поставил на прилавок дипломат и открыл. Мы специально прихватили несколько, для наглядности. Старик взял одну из них, повертел, рассматривая со всех сторон, а я поймала себя на том, что затаила дыхание. Сейчас мы, возможно, узнаем, кто делает с нами все эти вещи.

А если ответ меня не обрадует?

Но об этом я подумать не успела. Старик отложил куклу и внимательно посмотрел на Герберта.

– Это кровь? Уж не хотите ли вы сказать, что куклу использовали во время темного ритуала?

– Что? Нет! Мы не детективы и не стража. Я юрист и веду одно дело о преследовании. Но нам действительно очень нужно знать, кто заказал у вас партию кукол.

– Что ж, подождите пару секунд, я схожу за журналом, – прокричал старик. – Женщина... это точно была женщина, такая красивая, что я потерял дар речи, когда ее увидел.

С этими словами он скрылся в подсобке. Мы с Гербертом переглянулись.

– Женщина... – пробормотала я. – Это мог быть кто угодно, в том числе тот, кого мы не знаем. Например, Хейвен.

– Тогда почему она мертва? – спросил Герберт.

– Не знаю, может, работала не одна. Понимаешь, у меня есть четкое ощущение, что далеко не все события – звенья одной цепи. Мы что-то упускаем. Или не знаем части предыстории.

– Да, похоже на то, – пробормотал Герберт. – Не рассчитывай, что сейчас мы все выясним. Любому хватило бы ума подписаться чужим именем, это не так сложно, как кажется.

Старик вернулся с журналом довольно быстро. Толстая потрепанная книжка явно не менялась с самого открытия магазина. Все покупки свыше установленной законом суммы обязаны были регистрироваться. Конечно, чтобы разбросать вокруг лодки кучу кукол, нужно их еще где-то купить. Вот она, прозаическая сторона мистификаций. Я даже перестала с содроганием вспоминать

пробуждение на озере, представляя, как кто-то оформлял документы на покупку, тащил несколько коробок с куклами к экипажу и вез их в Хейзенвилль.

Герберт быстро пролистал до нужной даты, и я перестала дышать, ища взглядом нужный заказ.

– Э. Фаннинг, – прочитал Герберт расшифровку подписи. – Некто Э. Фаннинг купила эту партию кукол.

Он взглянул на меня.

– Подделка? Ты знаешь, кто может быть Э. Фаннинг?

– Да, – медленно кивнула я. – Мать Ким.

Мы вздрогнули от резкого звука захлопнувшейся двери: старик без предупреждения ушел в подсобку. Я еще долго снова и снова прокручивала в голове его слова:

– Блондинка! Ах, какая невероятно красивая блондинка! Да, я помню тот день... крупный заказ. И невероятная женщина!

* * *

– Как Кристалл допустила наличие у Карла любовницы? – Герберт никак не мог поверить в существование родной мамы Ким.

– Один вопрос, – я отложила в сторону вилку и взялась за кофе, – откуда, как ты думал, появилась Ким? Мама умерла, Кристалл никто и никогда не видел беременной...

Герберт бросил недовольный, исподлобья, взгляд. Он не любил быть в дураках.

– Если в твоём понимании я держал свечку над твоим отцом каждый раз, как он с кем-то трахался, смею разочаровать. Я был уверен, что Ким – дочь Кристалл.

– Она единственная из нас блондинка. – Я рассмеялась, и Герберт, кажется, был готов меня убить.

– Знаешь, ваша семья – не все, что интересует меня в этой жизни.

– Так сразу и не скажешь. Что до Кристалл, у нее не было выбора. Она могла устроить скандал и оказаться на улице, но, полагаю, возвращаться в нищету ей не хотелось. Однако папа не был идиотом и хоть признал Ким, но Эмили Фаннинг исчезла из поля его зрения. Полагаю, получив крупную сумму.

– А теперь деньги кончились, и она решила вас припугнуть, – предположил Герберт.

– Все на это указывает, – кивнула я. – Но почему она просто не пришла и не попросила? Мы не смогли бы отказать ради Ким.

– Возможно, она злится. Знаешь, женщины иногда вспоминают о детях, которых они оставили.

Герберт произнес это как-то странно, у меня возникло ощущение, что я не совсем понимаю, о чем он говорит.

– Это бред, причем очень странный. Если Эмили Фаннинг нужны деньги, зачем убивать Хейвен? Зачем разбрасывать вокруг меня кукол на озере? Она может злиться на папу, но мы с Кайлой были детьми, когда родилась Ким. Мы понятия не имели об их сложных взаимоотношениях.

Я плохо помню то время. Ким просто появилась, словно из ниоткуда, в один миг. С тех пор у нас была младшая сестра. Маленькая, хрупкая, добрая и наивная. Во многом Ким сплотила нас с Кайлой.

– Кортни, люди далеко не всегда делают то, чему есть разумное объяснение. Поверь, в моей практике было множество случаев, когда кто-то оказывался мертв лишь потому, что на убийцу находило затмение. Иногда люди сходят с ума и поступают совершенно нелогично и жестоко. Я разыщу эту Эмили. Не волнуйся, без доказательств мы ничего ей не сделаем. Вспомни, наш доброжелатель использовал и твое имя в книге учета. Может, он точно так же использует и Эмили.

– А может, Кристалл инсценировала свою смерть и теперь отыгрывается на нас за годы несладкой жизни в доме Кордеро?

Герберт рассмеялся.

– Кристалл любила вас.

– Знаю. Но эта версия ничуть не хуже других. А может, отец продал душу демонам и они требуют проценты?

– А может, ваш отец приказал мне запугать вас, чтобы заставить тебя вернуться?

Я оценивающе посмотрела на Герберта.

– Или ты хочешь свалить все на него, а на самом деле придумал все сам.

– Или это ты, – вдруг произнес он, – решила прибрать к рукам наследство и делаешь вид, будто не очень-то и хотела, чтобы не вызывать подозрения.

Мы рассмеялись. На секунду я вдруг снова стала восемнадцатилетней девчонкой, задыхающейся в огромном доме и ощутившей глоток свободы рядом с другом отца, о котором нельзя было даже думать.

– Я тебя искал, – сказал Герберт. – В ту ночь, когда ты уехала, умер ваш отец. Мне пришлось несколько месяцев улаживать дела, но потом я поехал в Даркфелл и нашел тебя. Это было несложно, ты ведь хотела учиться. В колледжском парке ты сидела у фонтана и что-то читала, наверное, готовилась к занятиям. К тебе подошла какая-то компания, и я решил было, что придется вмешаться. Но это оказались твои друзья, и вы долго сидели, о чем-то болтая.

– Да, я помню тот день.

Надо же, мне казалось, я почувствую присутствие Герберта за версту, а выходит, он наблюдал за мной и ничем себя не выдал.

– Я впервые видел тебя такой счастливой. Раскованной. Ты не контролировала каждый жест, не раздумывала над тем, что говоришь. Смеялась, дурачилась, радовалась жизни. Ни разу за все время в Кордеро-холле ты не была такой. Я стоял там до самой темноты, а потом проводил тебя до общежития. У самого крыльца ты обернулась и посмотрела прямо туда, где стоял я, но тень меня надежно скрывала. Вокруг никого не было, ни одной живой души, и я мог схватить тебя, затащить в экипаж и увезти. И хотел так сделать.

– И почему не сделал? – Голос вдруг охрип.

– Единственное, что я мог дать тебе, – это короткую передышку от отца. Он был мертв. И ничего ценного у меня для тебя не осталось.

Герберт махнул официанту, прося счет.

В гробовом молчании мы вернулись в экипаж, чтобы вернуться в Хейзенвилль. И вот что странно: я совсем не чувствовала сожаления, покидая Даркфелл.

* * *

– Кортни, это ты? – раздался голос Ким из гостиной.

Оттуда доносилась негромкая музыка и ароматы кофе.

– Да, Кимми, мы вернулись, – устало выдохнула я.

Сестра выглядела как-то странно. Ее глаза возбужденно блестели, а щеки подозрительно покраснелись. Неужели Кайла разрешила ей выпить вина? Мне до сих пор трудно привыкнуть, что Ким почти взрослая и наверняка скоро выйдет замуж.

– Кортни, у нас гости, – улыбнулась она.

– Какие гости?

Только бы не Портер... только бы не детектив, я не выдержу сейчас еще и его допрос! Пусть это будет Тай. Пожалуйста, пусть Ким так радуется возлюбленному!

Но из гостиной вышел совсем не Тай. Моложавая женщина с длинными золотистыми волосами застенчиво улыбнулась и махнула мне рукой.

– Здравствуй, Кортни. Наверное, ты меня не помнишь. Ты так изменилась... Ох, о чем же я, ведь прошло семнадцать лет! Я Эмили Фаннинг, мама Ким.

Возникла очень неловкая пауза. Ким ничего не замечала, она, казалось, была рада неожиданному визиту леди Фаннинг. Герберт, как обычно, оценивающе рассматривал гостью. Вообще, в нашем кругу не пристало так откровенно пялиться, но Герберт оставался собой в любой ситуации, и, раз леди Фаннинг была любовницей отца, он не считал эту женщину достойной уважения. Двойная мораль – такая привычная черта всех, кто был близок с папой.

– Добрый вечер, Эмили. – Наконец я нашла в себе силы улыбнуться. – Удивлена, что вы вдруг решили нас навестить.

– Не нужно этого холода, Кортни. Я всегда мечтала навещать Кимберли, я не отказывалась от нее. Но у Карла были свои условия, а я... со мной она выросла бы в нищете.

По лицу женщины пробежала тень. Так я и думала – пришла кланчить деньги.

– Я слышала, ты недавно болела. Как твоё здоровье?

– Спасибо, неплохо.

– Мама останется у нас на пару дней, ты же не против? – спросила Ким.

Глядя в ее глаза, сияющие надеждой, я просто не могла сказать «нет» и вышвырнуть Фаннинг из дома.

– Кайла разрешила, – добавила Ким.

Я подавила желание сказать что-то вроде «Кайла слишком быстро решила, что она уже хозяйка дома». Ким не заслужила, чтобы на ней срывались после тяжелого дня. Да, Ким рада приезду матери, она вообще не склонна на кого-то обижаться, прощает любые обиды. А Кайла не знает, кто заказал кукол, и, разумеется, тоже решила не расстраивать сестру.

– Прошу меня извинить, я очень устала, – наконец сказала я, проходя мимо Фаннинг к лестнице. – Уже поздно. Думаю, вы разберетесь с ужином без меня. Чувствуйте себя как дома.

– Спокойной ночи. – Ким все же почувствовала мое напряжение и нахмурилась.

Но, судя по взгляду, который она бросила на Герберта, сестра по-своему истолковала мою напряженность.

– Не уверена, что усну в одном доме с этой женщиной, – не удержалась и шепнула я Герберту, когда мы поднимались наверх.

– Остаться с тобой? – Он не преминул воспользоваться возможностью.

– И не мечтай. Хотя...

Я вспомнила о документе, найденном у Белами, и решила, что знания Герберта могут понадобиться.

– Все же хочу. Можешь не обольщаться. Сегодня мне нужен исключительно твой интеллект.

– Для начала и это неплохо.

Приняв быструю, но расслабляющую ванну, я почувствовала себя человеком. Мы условились заняться документами через час, и оставшееся время я бездарно потратила перед шкафом. От того, что задумчиво смотрела в его недра, было мало толку. Мне нравилась последняя мода Даркфелла на теплые домашние костюмы из брюк и свободных рубашек. Но какая-то часть меня так и тянулась к дорогим шелковым халатам, оставшимся еще со времен прошлой жизни.

А потом были долгие минуты (а может, и часы) над зашифрованным документом. Герберт сдался первый, заявив, что ему нужна передышка. А я с каждой новой неудачей теряла присутствие духа.

Дверь скрипнула едва слышно, но я бросила быстрый взгляд, чтобы удостовериться: вошел Герберт. В его руках были две тарелки,

которые он поставил на стол. Я с любопытством приподнялась на локтях. На одной из тарелок лежали бутерброды, по-мужски неуклюжие, с огромными кусками копченого мяса. Во второй – всякие фрукты, орешки и сыр. Герберт сходил за бутылкой вина и достал где-то два бокала.

– Урчание твоего желудка намекнуло, что ты не станешь отказываться от легкого перекуса, – усмехнулся он, встретившись глазами с моим голодным взглядом.

– Все уже спят?

Я сделала несколько больших глотков и тут же ощутила головокружение. Не хватало еще напиться.

– По-моему, да. Давай перекусим, а не то моя голова взорвется.

Я уже почти решила идти к Кайле и спрашивать прямо, как с ней связан Белами и о чем они заключили договор. В конце концов, одно дело – похищение ребенка, но убийство – это очень серьезно. И если у сестры есть секреты, ими стоит поделиться сейчас, а не когда нас застанут врасплох.

– Не понимаю, – я потеряла виски, – как связаны Белами, Хейвен и Эмили? Это какой-то бред!

– А я предупреждал. Многие дела разваливаются просто потому, что все вокруг ищут логический мотив. Иногда что-то случается просто потому, что кому-то стало скучно. Или кто-то псих. Погоди-ка...

Герберт отставил в сторону бокал и подвинул к себе документ.

– Что? – тут же заинтересовалась я.

– Если его зашифровала не Кайла?

– Белами?

– И не он. Если документ зашифровал Карл?

– Не поняла, – нахмурилась я. – Зачем папе зашифровать какое-то соглашение между Кайлой и Белами?

– Посмотри на подпись.

Посмотрела, и не один раз. Подпись как подпись, принадлежит явно руке сестры. Что необычного увидел Герберт?

– Подпись на этом документе немного отличается от обычной подписи Кайлы. Я каждую вашу завитушку знаю досконально. Так Кайла расписывалась до того, как поступила в колледж. В юности она не очень жаловала письмо, а позже, начав учиться, немного

видоизменила почерк. Она расписалась на этом документе еще до поступления.

– Тогда я совсем перестала что-либо понимать, – призналась я.

– Есть документ, который Кайла подписала явно после шестнадцати – раз получила право отвечать за себя, – но явно до восемнадцати-девятнадцати. Ты же помнишь, что Карл контролировал каждый ваш шаг в то время. Он вряд ли прошел бы мимо такого события, как зашифрованный договор, если только Кайла не сделала какую-то глупость самостоятельно, что вряд ли – Карл бы все равно узнал.

Он вернулся к вину и откинулся на спинку кресла. Я старалась на него не смотреть, но вино ударило в голову, и не всегда удавалось сохранять холодность.

– Тогда это что-то, связанное с мамой.

Отец любил маму. Наверное, это был единственный человек, которого он любил таким, какой он есть. Которого не лепил под собственные нужды. Ей он все прощал, ей позволялось то, на что я до сих пор не могу решиться.

Я пробовала вариант за вариантом, пытаюсь подобрать ключ шифра. Имя, дату их свадьбы, дату ее рождения, смерти. Но содержание договора так и оставалось бессмысленным набором закорючек.

– Думай, милая, думай, – хмыкнул Герберт. – Должно быть что-то, что он поставил как шифр. Любимое блюдо, имя ее питомца в детстве?

– Цитата? – вздохнула я.

Улеглась на кровать, поднеся документ к глазам и криво нацарапала там мамину любимую цитату из «Одиссеи Гэллы»: «И ночью тихо стелется туман по духом зла испещренному проспекту».

К моему удивлению, сработало. Буквы вспыхнули красным, пришли в движение и сложились в знакомые слова. От неожиданности я не сразу поняла, о чем говорится в договоре, а когда вчиталась, резко села.

– Кортни? – Герберт мгновенно оказался рядом.

– Это соглашение между Белами и Кайлой, – я читала с самого начала, – куча условий, вознаграждений – для него. О передаче ребенка на воспитание. Кайла отказалась от своего ребенка и отдала его в семью Белами?

Герберт, судя по его лицу, тоже был несколько удивлен. А у меня будто выбили из-под ног почву. Кайла, холодная и заносчивая старшая сестра, родила ребенка?!

Ей было семнадцать – я взглянула на дату подписания.

– И почему мы не заметили? Мне было уже тринадцать, я бы запомнила сестру беременной. И ты тоже.

– Ну а обучение Кайлы в Даркфелле? Когда она решила поступать в колледж и готовилась? По срокам все сходится.

– О, боги! – Я опустила голову и помассировала виски. – Стелла – дочь Кайлы? Моя племянница? Но для чего Белами привлек внимание к своей семье, ему ведь нельзя разглашать эту тайну? Почему он просто не забрал заявление, как только узнал, что младшего ребенка похитила Кайла?

– Кончились деньги, полученные от твоего отца? – предположил Герберт. – Решил стрясти с Кайлы еще, а она, возможно, отказалась. Вот он и отомстил.

– А Эмили Фаннинг?

– Здесь два варианта: либо она как-то узнала, что Кайла отказалась от ребенка в юности, либо все просто слишком удачно совпало.

– Но кто убил Хейвен?

Герберт пожал плечами. Он тоже выглядел уставшим, бессонная ночь не прошла даром.

– Ясно, – я резко поднялась и направилась к двери, – не будем гадать.

– Кортни, куда ты?

– Будить Кайлу. Этот разговор я откладывать не собираюсь.

Кайла не сразу поняла, что происходит, и поначалу пыталась нас выпроводить, но я была настойчива и взбешена. От меня в моей же семье скрывали наличие у старшей сестры ребенка! Папа правда хотел, чтобы главой рода стала я? Кажется, такие вещи принято рассказывать. Нет, возможно, где-то есть его тайный дневник со всеми секретами нашего дома, но пока что все новости сыплются, больно ударяя по голове.

Наконец Кайла проснулась и более-менее пришла в себя. Поскольку все спали, мы спустились в столовую, и Герберт сделал

кофе. Сестра не стала отпираться, лишь устало и обреченно махнула рукой.

– Я не крала их ребенка, Кортни. И не приближалась к Стелле, мне это не нужно, я не изменила своего решения.

– По порядку, Кайла.

Порой – довольно часто – казалось, старшая из нас – я.

– Помнишь парня, который недолго работал у отца помощником? Райана.

– Он отец Стеллы?

Кайла кивнула.

– Да, мы встречались. Отец был не против, семья Райана была хорошей и уважаемой. Но потом Райан сбежал, обворовав отца. Естественно, я была в полном шоке, а когда выяснила, что беременна... Папа организовал мой отъезд в Даркфелл, якобы на обучение. На самом деле я жила за городом, скрывая беременность, а когда появилась девочка, отдала ее Белами. Мы с ними подписали контракт, они обязались никогда и никому не говорить, у кого взяли ребенка. Отец поддерживал их деньгами до самой своей смерти, но Кристалл ничего не знала.

Я взглянула на Герберта, который занимался долговыми обязательствами папы, и он задумался.

– Да, там была статья, о которой я ничего не знал, но деньги шли не Эдмонду. Какой-то женщине. Я никогда не спрашивал, думал, отступные любовнице.

– Это его жена, – Кайла кивнула, – у них разные фамилии. Как ты вообще нашла этот договор?

– Рылась у Белами в сейфе.

– Вы друг друга стоите, – хмыкнул Герберт. – Одна рождает в семнадцать, вторая роется в чужом сейфе.

– А ты соблазняешь дочку друга, – огрызнулась Кайла.

Герберт явно опешил: не ожидал, что я рассказала о наших отношениях. Но сейчас он меня мало волновал, я попыталась сложить воедино все кусочки мозаики, но получила лишь головную боль.

– Они не шантажировали тебя? Не просили денег?

Кайла покачала головой.

– Когда я узнала, что похищенный ребенок – сын Белами, показалось, это какой-то намек. Словно кто-то знает о договоре и так

издевается.

– Я уже не знаю, чему верить. После рождения Стеллы ты не смогла больше иметь детей?

– Пожалуйста, Кортни, прекрати называть ее Стеллой! – не выдержала Кайла. – Это уже не мой ребенок, я только родила ее, я не хочу ничего о ней знать и уж точно не собираюсь ее воспитывать!

– Я не заставляю тебя воспитывать ее, Кайла. – Я ответила резко, чем собиралась. – Но ее имя – Стелла. У меня в культурном багаже нет такого количества синонимов «девочка», а повторы в речи раздражали Кристалл.

Кайла залпом выпила целую чашку кофе и поморщилась.

– Мерзкий. Герберт, неужели сложно класть сахар, раз не умеешь делать кофе?

– Тебе нельзя, дорогая. Фигуру испортишь. – По его голосу стало понятно, что напоминание о нашем романе он Кайле припомнит.

– Что ты от меня хочешь? – спросила Кайла меня. – Это не Белами над нами издеваются. Им нужен был ребенок, я его им отдала. Они не стали бы вскрывать эту историю, они любят ребенка. А он, полагаю, не обрадуется, узнав правду. Без понятия, кто подбросил их сына к нашему крыльцу. Но Белами решил, что я передумала насчет договора и забрала их ребенка взамен своего, узнав условия завещания. Как по мне, он идиот, раз до этого додумался.

– Да, довольно неразумно с твоей стороны было бы такое проворачивать. Что ж, мы несколько не продвинулись. Кстати, леди Фаннинг приехала с вещами? – спросила я.

– Да, у нее была какая-то сумка, а что?

– Кортни, что ты собираешься делать? – Герберт сразу почувствовал неладное.

Он вообще знал меня довольно неплохо, а еще обладал почти нечеловеческой проницательностью. Поэтому, наверное, его так задел мой побег: он его не ожидал. Я и сама не ожидала, что решусь сбежать вдруг в одну дождливую ночь.

– Это Фаннинг сделала заказ на кукол, – пояснила я для Кайлы. – Предположительно, она решила нас припугнуть и отомстить за то, что ее лишили Ким. Подозреваю, по ней прошла еще и Кристалл. Не верю, что наша мачеха оставила бы любовницу папы в покое. Она вряд ли решилась бы навредить Эмили, когда они с отцом встречались, но

уж после наверняка отомстила за унижение. Я хочу проверить ее сумку.

– Я с тобой!

Для Эмили выделили многострадальную мраморную спальню. Герберт и Кайла остались снаружи, а я тихонько повернула ручку. Петли были отлично смазаны, дверь даже не скрипнула. Из коридора в комнату пролился свет, я осторожно посмотрела в образовавшийся проем, чтобы удостовериться, что Эмили спит. Не знаю, что бы я сказала, если б она меня увидела.

Но в следующий момент я распахнула дверь на всю ширину и уставилась на пустую кровать. Сумки тоже не было, как и пальто.

– Где она? – Я повернулась к Кайле.

– Не знаю, – произнесла побледневшая сестра. – Я ничего не слышала!

Мы проверили ванную и несколько близлежащих комнат, но Фаннинг не нашли. Последним вариантом была комната Ким: вдруг они решили пообщаться? Направляясь к сестре, я молилась, чтобы все было в порядке. Какая глупость – оставить Фаннинг в доме, и чем я только думала? Она уложила меня в лодку посреди озера в окружении кукол, она, возможно, убила Хейвен!

– Кортни... – позвала Кайла. – Иди сюда.

– Погоди, я...

– Кортни, где договор? – Это уже Герберт.

Я обернулась. Дверь в мою комнату оказалась приоткрыта, а на кровати, где я оставила договор, ничего не было.

Глава 7

Конечно, мы не нашли Эмили Фаннинг. Остаток ночи мы бродили по Хейзенвиллю, заглядывая во все места, куда она могла направиться. Но чем ближе подкрадывался рассвет, тем яснее становилось, что именно мать Ким была тем самым загадочным анонимом.

Почему? Пожалуй, деньги – универсальный ответ на любой вопрос такого типа. Деньги, месть, обида... много ли причин нужно отвергнутой любовнице?

Как? Мы не знали, насколько сильная магия у Фаннинг, но предполагали, что достаточно – Ким унаследовала от папы ментальный дар, это не было бы возможно, не будь ее мать магом.

Почему она убила Хейвен?

Здесь мнения разделились. Кайла считала, что Хейвен убил кто-то другой. Герберт предположил, что Фаннинг собиралась искать доказательства родства Стеллы и Кайлы у нас в доме, а Хейвен просто неудачно зашла. Но откуда Эмили знала о ребенке? Папа не был похож на человека, разбалтывающего семейные тайны всем мимолетным подружкам.

– Мы не можем утверждать, – сказал на это Герберт, – ибо не знаем, насколько сильно Карл был влюблен в Эмили. Иногда мужчины теряют голову.

Мне ничего не оставалось, как согласиться, но все же ощущение, будто мы что-то упустили, не проходило.

Мы рассказали все Ким утром. Поначалу она не верила, что мы не шутим, пытаюсь найти матери оправдания. И выглядела как побитый щенок, отчего сердце сжалось даже у Герберта. Но больше Ким мне было жаль только Кайлу. Она, хоть и делала вид, что все в порядке, до дрожи боялась последствий. Ни у кого из нас не было сомнений, что Эмили использует документ.

Нет никаких сомнений в том, что если о секрете Кайлы узнает город, ей придется несладко. В их глазах она сейчас похитительница чужого ребенка, а если добавится еще и Стелла... Я сочувствовала сестре, но не знала, как ей помочь.

В доме царила атмосфера молчаливого напряжения, глаз до утра никто не сомкнул. Еще даже не пробили колокола, как появились первые предвестники беды.

Герберт уехал на некоторое время к себе, чтобы взять документы для работы. Ким вызвалась сделать ранний завтрак. Кайла делала вид, что читала, но я видела, что сестра полностью ушла в себя. Я же бесцельно слонялась по дому, не зная, куда в первую очередь кидаться и чем себя занять. Я чувствовала надвигающуюся лавину, но не могла ее остановить и от этого беспокойно металась.

Хлопнула дверь – это Герберт вернулся. Чтобы хоть чем-то себя занять, я спустилась к нему и уже по лицу поняла, что все плохо.

– Полагаю, вам не стоит выходить на улицу, – произнес он.

– Что? – Кайла обеспокоенно выглянула из гостиной.

Меня не удовлетворяли туманные намеки, я хотела фактов, поэтому протиснулась мимо Герберта и распахнула входную дверь.

Перед воротами Кордеро-холла стояли несколько десятков человек с плакатами, факелами и табличками.

«Убирайтесь из Хейзенвилля, детоненавистники!»

– Этот город сходит с ума, – медленно произнесла я.

Теперь дом стал нашей клеткой. Стража сдерживала разъяренную толпу, но не вмешивалась, то ли боясь грандиозного скандала, то ли молчаливо одобряя общественное порицание. К счастью, в нас хотя бы не кидались яйцами. А крики и лозунги можно было не слушать.

Кайла до смерти перепугалась, как и Ким, но обе сидели тихо – что радовало, – лишь изредка вздрагивая, когда с улицы доносились особенно громкие крики. Как я упустила момент, когда семья Кордеро из самой уважаемой в городе превратилась в самую ненавистную?

Быстро приняв душ, я остановилась в раздумьях перед шкафом Кайлы. Я все еще носила ее платья, благо сестра обладала поистине грандиозным талантом делать покупки. Большинство платьев и костюмов она даже ни разу не надевала. Но мысли завести здесь гардероб приходили все чаще и чаще. И пугали: я словно обрастала связями, которые держали в Хейзенвилле крепче цепей.

– Они все еще там? – спросила я, спускаясь.

– Да, но Герберт уже связался со стражей, и они пообещали всех разогнать. Ему пришлось пригрозить иском к городским властям.

– Кто бы сомневался.

Перед Кайлой на столике стоял стакан с виски, и я поняла, что если не сделаю хотя бы глоток, то сойду с ума от напряжения.

– Эй, это мое! – возмущенно воскликнула сестра.

– Кортни, может, пообедаешь? – спросила Ким.

– Нет, пока не хочу. Когда придет стража? Я хочу с ними поговорить. Надо заявить на Эмили Фаннинг. Я готова признать, что она нас обокрала, если это поможет наказать ее.

Ким только тяжело вздохнула и повернулась к Герберту.

– Хоть ты обедать будешь? Я приготовила!

– Не сейчас, Кимми, – улыбнулся он. – Я составляю заявление на леди Фаннинг, как того хочет твоя не слишком добродушная сестренка. Попозже обязательно попробую.

Он бросил на меня быстрый взгляд и поднялся.

– Ладно, дамы. Если не возражаете, займу кабинет и там поработаю. Позовите, когда придет стража. И не занимайтесь, пожалуйста, самодеятельностью. А еще лучше идите и отдыхайте, половину ночи вы провели на ногах.

– Так, я хочу знать, что он там пишет, – через некоторое время объявила я. – Но совет дельный – отдыхайте. И, Кайла, полагаю, тебе придется выступить перед газетчиками. Мы точно не знаем, что Фаннинг им слила, но Герберт скоро выяснит, а пока что стоит готовиться к худшему.

Не слушая возражений сестры, я поднялась в кабинет отца, где за столом Герберт сидел над документами.

– Хочу иск к Фаннинг, – с порога заявила я. – Можешь потратить все мое наследство на расходы, только посади ее. И чтобы эта женщина больше не приближалась к моему дому!

– Остынь, кровожадная моя, – хмыкнул Герберт. – Что ты так разволновалась, Кортни? Я разберусь с Фаннинг, а ты разберись с сестрами. Не знаю и не хочу знать, какие еще секреты вы храните, но молись богам, чтобы они не всплыли сейчас. Это кажется ерундой, Кортни, но отказ от ребенка вкупе с попыткой похищения – и Кайла долго не сможет появляться на улице. Это Хейзенвилль, здесь не прощают ошибок и только и ждут, чтобы вас уничтожить.

– Кайла, наверное, права, – медленно произнесла я, подходя к окну, – нужно переносить резиденцию Кордеро в Даркфелл. Этот

город изжил себя. Он медленно умирает, захлебывается в собственных предрассудках.

– Ты слишком категорична. Хейзенвилль всегда жил словно на несколько десятилетий в прошлом. Но мы ведь его любим. Вечно мокрый от дождя, неспешно живущий. Его домики и жителей...

– Говори за себя.

Я подошла к окну, чтобы удостовериться, что разозленный народ никуда не делся. Нет, их не пугала утренняя прохлада и медленно накрапывающий дождь. С одним из мужчин – он держал какой-то плакат, буквы на котором уже давно размыло, – мы встретились взглядом, и я тут же задернула штору.

Мне показалось вдруг, что в комнате душно, а еще через миг очертания кабинета немного расплылись.

– Ты ненавидишь Хейзенвилль, потому что никогда не была в нем счастлива?

Герберт, оказывается, бесшумно поднялся из кресла и оказался совсем рядом. Я чувствовала его дыхание у виска, слышала чарующий голос и словно не понимала, где нахожусь. Все запахи стали ощущаться намного сильнее, а вот посторонние звуки исчезли, я слышала только мужское дыхание и стук собственного сердца.

– Или потому, что он напоминает обо мне?

– О тебе напоминает не только Хейзенвилль.

Герберт запустил руку в мои волосы и вытащил шпильки, обнажив шею. Горячие губы принялись исследовать кожу, и им я совершенно не могла сопротивляться. Выдержка отказала. Это было поражение, моя оборона не продлилась и пары недель. А ведь когда-то я искренне верила, что не позволю этому мужчине больше даже взглянуть в мою сторону.

Мне хотелось его ударить. Сделать больно, заставить очнуться, но больше всего хотелось очнуться самой.

– Что такое, Кортни? Не можешь сопротивляться? Как жаль, ты ведь так старалась. Упрямая девочка.

Это не было похоже на обычное возбуждение. Я находилась словно в трансе, и каждое прикосновение отзывалось внутри желанием, граничащим с болью. Такой эффект не давало притяжение к мужчине, такой эффект давал только наркотик.

– Ты что-то подсыпал в стакан, – нашла в себе силы выдохнуть я.

– Неужели ты думаешь, я на это способен?

Он развернул меня к себе лицом, поясницей я уперлась в краешек стола. Рука Герберта скользнула вверх по обнаженному бедру, кожу словно обожгло, и я с шумом втянула воздух. Его пальцы двигались неторопливо, поглаживая, то приостанавливаясь, то продвигаясь дальше.

Он поймал губами мои губы и впился жестким поцелуем. Руки разорвали тонкую ткань платья, я подалась навстречу и позволила усадить себя на стол. На несколько мгновений Герберт оторвался, всматриваясь в мое лицо, а потом я закрыла глаза, чтобы ничего не видеть, но так только острее чувствовала каждое прикосновение. Я до боли вцепилась в его плечи и кусала губы, чтобы не кричать. Мы не заперли дверь, в любой момент могла войти Кайла или, что хуже, Диналия или Ким. А под окном бесновалась возмущенная толпа.

Я выгнулась и застонала, Герберт позволил мне опуститься на стол и расстегнул одну за другой пуговички на платье, обнажая грудь. Я ненавидела, казалось, нас обоих. Его – за то, что не сдержался. Себя – за то, что позволила.

Иногда он мне снился.

И там тоже было так: остро, жарко, невыносимо больно и сладко.

Прошло столько лет, а тело так ничего и не забыло. Все чувства слились в один коктейль, состоящий из удовольствия на грани боли и ощущения нереальности происходящего.

За те месяцы, что мы были вместе, хорошо друг друга изучили. Достаточно, чтобы знать, как за несколько секунд стать продолжением друг друга.

Почти обнаженной спиной я чувствовала холодную поверхность стола. Чернильница покатила вдоль края и, на секунду замерев, сорвалась, безобразно пачкая дорогой ковер черной краской. Звук разбившегося стекла нас словно отрезвил – и по моему телу перестали блуждать горячие ладони, от которых кожа, казалось, плавилась.

Герберт помог мне подняться. Тело сотрясала мелкая дрожь. Не то от холода, не то от того, что пытку прервали так резко.

– Ты права, – хрипло пробормотал он. – Что-то не так.

Он прижал меня к себе, уткнувшись лицом в мои волосы, тяжело дыша.

– Видят боги, Кортни, я не хочу останавливаться, и если ты сейчас позволишь продолжить, то идем в спальню. Но еще вчера ты не разрешала даже прикасаться к тебе, а у меня достаточно грехов, чтобы стать еще и насильником. Ты ведь не хочешь сейчас заниматься любовью?

– Я...

С трудом сфокусировав взгляд, я поняла, что не способна даже внятно ответить.

Герберт, впрочем, все понял и сам.

* * *

Кто-то громко постучал в дверь, и от неожиданности я выронила сережку, которую собиралась надеть. Подняла, взглянула на себя в зеркало и вздохнула. Влажные после ванны волосы снова заворачивались в непослушные колечки.

– Ты в порядке? – Герберт тихо закрыл за собой дверь.

Я потерла виски и прикрыла глаза.

– Не очень. Как будто похмелье.

– Вот.

Герберт протянул стакан, на дне которого оставался сильно разбавленный растаявшим льдом виски.

– И зачем мне это? – Я даже поискала глазами бутылку, но нет – выпить он не предлагал.

– Ты решила, что я тебе что-то подмешал. Но нет, Кортни, последнее, что мне придет в голову, это давать тебе алхимию, зная, что управление стражи пристально на вас смотрит. Однако я проверил стакан, из которого ты пила. Похоже, кто-то действительно добавил туда кордер.

– Что? – Я обомлела.

Да, ощущения очень похожи, но... я не поверила в эту сумасшедшую догадку, думала, напилась, алкоголь на голодный желудок и переживания ударил в голову, сказалось напряжение последних дней.

– Я пила из бокала Кайлы. Она же не может...

Она алхимик, пусть и теоретик. Кайла лучше нас с Гербертом знает, как из цветков кордера сделать зелье с нужными свойствами.

Нет, Кортни, нет, только не подозревай собственных сестер!

– Я устроил Кайле допрос, она понятия не имеет о зелье. Думаю, не врет.

– Зачем кому-то подсыпать в бокал Кайлы зелье? Это какой-то бред, оно ведь почти не наносит вреда!

– Согласен, – кивнул Герберт. – Может, кто-то знал, что ты выпьешь из ее стакана?

– Исключено. Это было спонтанное решение. Надо найти бутылку.

Я направилась к двери, но Герберт удержал меня за локоть.

– А поговорить ты не хочешь? – спросил он.

– Мне кажется, нам не о чем разговаривать.

Герберт хрипло рассмеялся и притянул меня к себе. Аромат, исходивший от него, напомнил о сцене на столе в кабинете. Я почти переступила грань. И полностью разрушила все, что удалось построить за годы вдали от него.

– Хватит, – отрезала я.

Но голос выдавал меня с головой.

– Ты ведь знаешь, что я уже не отступлюсь. Я много думал о тебе, о нас. Все эти годы я думал, что, если ты действительно забыла, если живешь дальше и наши чувства остались в прошлом, я тебя отпущу.

Он коснулся губами моего виска. С нежностью и осторожностью, от которых защемило сердце.

Я бы хотела сказать, что никто давно так ко мне не прикасался, но правда в том, что так ко мне прикасался только он. Единственный человек, рядом с которым я узнала, что такое тепло.

Герберт выпустил меня так неожиданно, что я поежилась от резкого контраста холодного воздуха и горячих рук.

– Итак, что дальше, леди Кордеро? – хмыкнул он.

Кайла и Ким все так же сидели в гостиной, пили кофе и тихо о чем-то беседовали. Диналия уже ушла спать, ее изрядно напугал хаос перед домом. К счастью, там все почти разошлись – никто не рискнул связываться со стражей.

– Значит, так, – громко объявила я, выйдя на середину комнаты. – Сегодня вечером переворачиваем весь дом вверх дном. Выбросить все

емкости с жидкостями, открытые и закрытые, все продукты, включая конфеты, сыпучие, специи и так далее. Выбросить все без исключения крема, духи, всю косметику.

– Что? – Кайла истерично хохотнула. – Ты в своем уме?

– Это ты, Кайла, не в своем уме. Ты впустила в дом женщину, которую гнал взашей отец. Ты оставила ее на ночь, из-за тебя Эмили Фаннинг растрепала всему Хейзенвиллю о наших семейных тайнах. Тебе в бокал она подсыпала зелье из цветов кордера, и неизвестно, чего еще в доме касалась эта женщина. Вы с Ким, очевидно, не способны задуматься о собственной безопасности. Нам угрожают, шлют анонимные письма, а вы запросто впускаете в дом постороннюю, поверив ей на слово. Кто-нибудь вообще знает, как выглядит Эмили Фаннинг?

Ответом стала тишина. Ким опустила глаза, Кайла отвернулась. Сначала она искала поддержки у Герберта, но тому, похоже, важнее было договориться со мной, чем с сестрами.

– Она показала вам документы? Доказала, что она та, за кого себя выдает?

Красноречивей, чем молчание, ответ было сложно придумать.

– Тогда вперед. Все сыпучие, жидкие, кремообразные вещества. Даже ингредиенты для зелий. Нет, не так – особенно ингредиенты для зелий. Герберт, насколько я поняла, ты имеешь право заключать сделки на перепланировку или какой-либо ремонт дома от нашего имени?

– Да, миледи, – усмехнулся он.

– Смени все замки. Поставь защелки на окна. Распорядись, чтобы поставили дополнительную магическую защиту на окна – мне надоело, что в мой дом кидаются камнями и палками. Иницилируй дело, я хочу, чтобы кто-то из этой толпы получил реальный срок, чтобы остальным было неповадно.

– Кортни, ты...

Под моим взглядом недовольная, но притихшая Кайла окончательно умолкла. До нее только сейчас начала доходить серьезность положения.

Мне было проще всех, конечно. Я не жила в Кордеро-холле, я пять лет считала домом небольшую комнату в колледже Даркфелла. Я без сожаления расставалась со всем, что могло быть отравлено. Алхимия –

это не шутка, я на собственном примере убедилась, что игры с такими вещами могут плохо кончиться. А если бы его случайно выпила Ким?

В огромную коробку, найденную в подвале, я выбрасывала бутылки с элитным алкоголем, все настойки и зелья. Внутри кипела злость. На сестер, пустивших Фаннинг в дом, на женщину, сделавшую нам столько зла. На себя за слабость в кабинете и на Герберта, который об этой слабости напоминал.

– Кортни? – Нина робко постучала. – Для вас письмо.

– Что? – Я замерла с бутылкой в руке. – От кого?

– Не подписано. Курьер принес три конверта: для вас, Кайлы и Кимберли.

Опять. Я закрыла глаза и несколько раз глубоко вдохнула. Я больше не собираюсь терпеть выверты Эмили Фаннинг. Герберт ее найдет и заставит рассказать, наконец, чего она хочет от моей семьи. А потом я решу, что она получит. И вряд ли мы найдем компромисс.

– Хорошо, – улыбнулась я Нине, – можешь идти.

И только когда шаги экономки стихли, немного дрожащими руками я распечатала конверт.

Внутри оказался рисунок и свернутая в несколько раз записка. Рисунок представлял собой хорошо известный каждому жителю Хейзенвилля пейзаж – маяк на окраине города. Когда-то давно, когда еще не была так развита магия, маяки служили ориентиром для подлетающих к Хейзенвиллю дирижаблей. Позже, когда появились магические методы навигации, от маяков отказались, и многие из них так и остались ветхим напоминанием о былой романтике.

«Минус одна сестричка Кордеро. Кайла не скоро сможет выйти на улицу. Сможете с Кимми поймать меня?» – гласила записка.

В ярости я смяла пергамент и вышла в коридор, где встретила бледной Кайлой.

– Ким, иди сюда! – позвала я младшую и забрала у старшей письмо.

– «Как жаль, что Стелла не может обеспечить мамочке наследство. Плохим девочкам пора спать. Хорошие идут на охоту».

– Я ее убью! – прорычала Кайла.

– Нет! – Я едва ухватила ее за руку. – Остайся с Ким.

– А ты?

– А я найду Фаннинг. Она меня достала.

– Кортни! – Ким испуганно на меня взглянула. – Ты не должна идти одна. Давай вызовем стражу! Или Герберта?

– Нет, Герберта нельзя, – почти шепотом сказала Кайла. – Он может быть виновен. Девочки, я знаю, вы ему доверяете, но мы ведь не знаем, что у него на уме! Он спал с Кристалл, он знал об отце все, и он вполне может знать наши секреты. И о моем договоре с Белами тоже. Я не верю, что папа не говорил с лучшим другом о моей беременности!

– Именно поэтому я иду одна, – твердо произнесла я. – Не волнуйтесь, я уже давно не ребенок. Я сумею с этим разобраться.

– Мы идем с тобой. – Ким покачала головой. – Нельзя разлучаться, именно этого он... или она и ждет.

– Да, – подтвердила Кайла. – Даже не думай о том, чтобы бросить нас здесь!

Отказываться и убеждать сестер, что это не очень хорошая идея, ни времени, ни сил не было.

– Ждите внизу, я возьму куртку.

Захватив одежду, я зашла в кабинет отца. Быстро пересекла темное помещение и на ощупь коснулась неприметного бугорка сбоку от ящиков. У папы было много секретов, и большую часть из них он хранил как зеницу ока, но за некоторыми все же не уследил. Тут же открылся самый нижний ящик, имевший двойное дно. Я сняла фальшивую фанерку и достала массивный бронзовый револьвер. Я умела немного стрелять из учебных винтовок – в Даркфелле серьезно относились к физической подготовке, – но ни разу не держала в руках настоящее оружие. Должно быть, отдача от него невероятно мощная. Но отправляться к заброшенному маяку без средств защиты глупо. Неизвестно, что выкинет Фаннинг и как придется обороняться.

Я взглянула на медленно поднимающуюся луну и поежилась от неприятного ощущения беды. Словно после этой ночи все изменится навсегда.

Глава 8

– Здесь жутко, – пробормотала Кайла.

Я промолчала, но мысленно согласилась с сестрой. Одинокий маяк, обветшалый и темный, за которым простиралось холодное бурное море, пугал. Вокруг не было ни души. Чтобы добраться до места, нам пришлось нанять экипаж до ворот и остаток пути пройти пешком.

– Кажется, мы на месте. – Я сверилась с рисунком. – Ладно, вы оставайтесь здесь. Сделаем вид, что я пришла одна.

– Кортни...

– Кайла, я хочу поймать ее с поличным. И сорвать чертову маску, понимаешь? А этого не случится, если она сразу увидит, что мы пришли втроем.

– Тогда должна спрятаться только Кайла, – возразила Ким. – Ведь нам с тобой пришли одинаковые записки, и мое имя там есть.

Мне не хотелось тащить Ким на встречу с предположительно ее матерью, но, подумав, я кивнула:

– Разумно.

– Вы что, оставите меня здесь одну?!

В голосе Кайлы прорезались панические нотки.

– Я предлагала тебе остаться дома. Сиди, пожалуйста, тихо. Если увидишь что-то странное или опасное – дай знать. Если что, позовешь на помощь.

Темная вода набегала на каменистый пляж, но мы держались поодаль. На рисунке и в записке не было указаний идти на маяк, поэтому я не стала предпринимать попытки туда забраться. Заколоченные досками окна и мрачная бледность облупившейся краски не внушали доверия. Кто знает, что там, внутри? Помимо гипотетической опасности нашего анонима там вполне могла быть реальная – в виде прогнившего пола и проржавевших насквозь опор.

– Как-то так, – сказала Ким после долгих хождений туда-сюда по пляжу в попытках найти нужную точку. – Этот ракурс точно повторяет рисунок. Полагаю, мы пришли на место.

– И где обещанная охота?

Едва я это спросила, сбоку, там, где уже начинался лес, хрустнула ветка. Ким вздрогнула...

– Кажется, там кто-то есть!

– Оставайся здесь! Не смей никуда уходить с пляжа, если что, кричи и беги к Кайле, – быстро сказала я.

Незаметно от сестры я вытащила оружие. Готовая стрелять, если покажется, что опасность слишком близко.

Меж деревьев что-то мелькнуло, и я устремилась туда. Поначалу я пыталась запоминать ориентиры, чтобы ненароком не заблудиться, но вскоре поняла, что это бесполезно. Впереди отчетливо виднелась темная фигура, ловко петлявшая меж деревьев, словно нарочно меня путающая.

Неожиданно для самой себя я вылетела на безлюдную дорогу, уходившую в густой туман. Совершенно пустую дорогу, хоть это было и невозможно: человек не способен бегать с такой скоростью. Крик пронесся над лесом и распугал стайку ворон, которые с надсадным карканьем полетели прочь.

Кричала Ким.

Когда я вернулась к побережью, то выдохнула: Ким была – во всяком случае внешне – жива и невредима. Напуганная до полусмерти, она смотрела куда-то вверх. Проследив за ее взглядом, я увидела две крохотные фигурки на самом верху маяка.

Мелькнули светлые волосы – похоже, наверху была Эмили. Раздался ее громкий протяжный крик. Я рванула к маяку, совершенно не представляя, как преодолею подъем по мокрым камням, но едва сделала первый шаг, Ким снова вскрикнула.

Эмили Фаннинг сорвалась и полетела в воду.

Несколько секунд ничего не происходило. Я словно находилась в оцепенении. Сделав несколько неуверенных шагов к воде, я остановилась.

– Нет, Кортни! – Ко мне подбежала Кайла. – С такой высоты она не выжила.

– А если ей повезло?

– Ты ее не вытащишь. Вода ледяная, ночь, ничего не видно. Идем отсюда, пожалуйста! Пока нас не обвинили еще и в смерти Фаннинг. Неужели ты не поняла? Это было представление для нас! Демонстрация его возможностей!

Голос Кайлы дрожал. Нехотя я отвернулась от бушующего моря и направилась к рыдающей в сторонке Ким. Сунув руку с револьвером в карман, пальцем я коснулась чего-то горячего.

Я не брала с собой часы Кристалл и, как они оказались в кармане, не имею ни малейшего понятия.

– «Секреты некоторых могут убивать», – вслух прочитала я. – «На что способны ваши?»

* * *

Новое письмо пришло только через две недели – и я тут же, забыв о завтраке и не предупредив сестер, сорвалась на улицу.

Небо – серое и мрачное. Дождь – мелкий и холодный. Ветер – порывистый. Такова была погода в Хейзенвилле, таково было и мое настроение.

Портье в отеле встретил меня равнодушной улыбкой. Погода не располагала к любезностям, хотя в лучшем отеле Хейзенвилля могли бы проявить чуть больше радушия. Но, полагаю, о нас все еще говорили.

– Мне нужен господин Сантьяго.

Портье глянул в журнал, хотя наверняка за последние дни приехал всего один новый гость. В Хейзенвилль редко приезжают чужаки. Впрочем, в последнее время они что-то зачастили.

– Двадцать второй, миледи. Это на втором этаже.

Я небрежно бросила портье монетку. Надеюсь, он догадается, что золотой – плата не столько за указание комнаты, сколько за молчание, если вдруг кто-то спросит, к кому приходила леди Кордеро. Особенно если спросит Герберт Уолдер.

Дверь двадцать второй комнаты распахнулась после первого удара. Меня явно ждали.

– Джейк?

Тишина в ответ. Я повесила зонтик на дверную ручку, захлопнула дверь и сняла перчатки. За ними на тумбу полетел и плащ.

– Джейк, это не смешно. Я получила твою записку и пришла. Что ты делаешь в Хейзенвилле?

У меня невольно вырвался вскрик, когда дверь ванной распахнулась. Джейк всегда был высоким, но мы не виделись несколько месяцев, и в этой крохотной комнатке мне показалось, что он нереально высокий.

– Кортни! – выдохнул он.

– Что случилось, Джейк? – У меня сердце пропустило несколько ударов.

Не знаю, какое чудо спасло нас от обвинения в убийстве Эмили Фаннинг. Наверное, то, что тело так и не нашли, а нет тела – нет обвинений. Да, она пропала прямо из нашего дома, но ума не приложу, куда подевалась. Взрослый человек имеет право уйти в любой момент. Может, она уехала, а может, живет где-то у друзей. Детектив Портер копал, старательно копал, как и положено хорошей ищейке. Он, похоже, возненавидел нашу семью с первого взгляда. Конечно, он ничего не нашел, а только получил от Герберта – тот подал иск и всерьез намеревался наказать Портера за излишний, граничащий с преследованием энтузиазм. Но детектива это только раззадорило.

Обеспокоенное выражение лица Джейка сменилось улыбкой, он шагнул ко мне и поцеловал. Я на несколько секунд опешила, а потом оттолкнула.

– Что ты делаешь, Джейк? Зачем ты приехал? Я ведь сказала, что вернусь, как только закончу свои дела с наследством.

– Я скучал, Кортни. И... я видел тебя в Даркфелле. С Уолдером.

– Мы ездили оформлять кое-какие документы.

– Документы, которые нельзя оформить в Хейзенвилле?

– Ты устраиваешь мне допрос?

– Он вел себя так, словно вы уже вместе.

– Что ж, мы не вместе, можешь успокоиться. Ты из-за этого примчался?

– Ты мне не безразлична, – напомнил Джейк. – И я читаю газеты. Я приехал помочь. Не думаю, что твои сестры будут против. Вам необходимо крепкое плечо.

– Мы способны справиться с любыми проблемами.

– При помощи Уолдера. – Джейк исподлобья на меня взглянул. – Боишься, что он не одобрит наши отношения? Или что я наконец-то поставлю его на место?

– Я в принципе не люблю, когда вокруг люди устраивают примитивные животные разборки. Особенно если один из них мой парень, а второй – адвокат. Я, между прочим, о тебе никому не говорила. И даже думала с осторожностью, учитывая способности Ким к ментальной магии.

Поняв, что с Джейком все в порядке, я испытала невероятное облегчение. Когда курьер утром принес записку, я вздрогнула, решив, что это новый виток издевательств. Мы две недели не слышали ничего об анониме, и каждая из нас робко думала: может, все закончилось?

Но записка была от Джейка. И – я этим не горжусь – было несколько секунд, когда я думала, что уж лучше бы от «К».

Мы познакомились, когда я была на первом курсе, и сразу сдружились. Высокий светловолосый маг, во-первых, был звездой курса и невероятно обаятельным парнем, а во-вторых, полной противоположностью Герберту. Последнее обстоятельство и отодвинуло все мои сомнения. Я не давала отношениям зайти дальше, чем могла себе позволить, но все же Джейк с упорством отвоевывал место в моем сердце годами.

– Ну, – Джейк обнял меня за талию, – рассказывай, что с тобой приключилось.

– Не знаю, Джейк. – Я только вздохнула. – Зря ты приехал.

– Из-за Герберта?

– Нет, – я закатила глаза, – из-за меня. У нас непростая ситуация с наследством.

Я, конечно, имела в виду полученные от Кристалл часы, но Джейк наверняка истолковал все по-своему.

– Брось, Кортни, я не глупенький мальчик. Мне спокойнее, когда я рядом с тобой. Иди сюда. Я ужасно скучал...

– Нет, Джейк, – я уперлась в его грудь руками и уклонилась от поцелуя, – девочки будут волноваться. Я вышла ненадолго.

– Но ты ведь не заставишь меня уехать? Мы увидимся? – Он поймал мой взгляд. – Даже не думай, Кортни. Я все равно не уеду, я буду ждать, сколько понадобится, но оставить тебя в этом змеином логове одну я не могу.

– Знаешь, иногда мне кажется, что в этом логове главная змея – это я.

– Ну что же ты так себя не любишь? – Мне на плечи легли сильные руки. – Ты умница, Кортни. Только не убегай больше от меня.
– Постараюсь, – улыбнулась я. – Мне пора, Джейк.
– Приходи завтра. Скажи, что идешь к подруге, останься на ночь.
– У меня нет здесь подруг.
– Убеги из дома. Ты ведь делала это в юности, через окно. Сама рассказывала.

– Подумаю, – неохотно кивнула я.

Мне не показалась удачной идея лезть через балкон ночью в свете последних событий. Но Джейку ничего не было известно, глупо винить его в желании провести со мной время. Мы довольно долго не виделись. И я должна была соскучиться, а на деле вместо этого постоянно возвращалась мыслями к тому, что случилось в кабинете. Да, это не полноценная измена, но следовало хотя бы самой себе не лгать: от нее меня удержало лишь благородство Герберта. Что будет, когда Джейк узнает? А если они встретятся с Гербертом, он обязательно узнает – тут не хватит никакого благородства.

Итак, все осложнилось еще сильнее. Джейк не уедет, уж чего-чего, а упорства ему не занимать. А если так, то неизбежен момент, когда и он станет частью игры «К». И одни боги ведают, какими последствиями для него и для меня это обернется.

Пожалуй, стоило рассказать девочкам и Герберту о Джейке, последние месяцы преподали хороший урок: любые секреты могут обратиться против меня. Но всей душой я сопротивлялась этому решению. Джейк и Герберт – два параллельных мира, которые не должны были столкнуться.

Я думала, Джейк Сантьяго, всеобщий любимец и «плохой парень», – то, что нужно для будущего, которое могло быть у студентки Даркфелльского колледжа магии. Но между нами не было настоящей близости. Я с горечью подумала, что, люби меня Джейк, он бы примчался еще до того, как увидел нас с Гербертом. А люби его я, то приехала бы на похороны в статусе леди Сантьяго, а не беглянки с позорным прошлым.

Когда я вернулась, Ким уже сидела в гостиной. Наверное, на моем лице было написано что-то очень мрачное, потому что сестра встревожилась.

– Что-то случилось? Не знала, что ты уходила.

– Хотела немного пройтись. Все хорошо. Что у вас тут происходит?

– Ничего. Подклеиваю обложку дневника. Знаешь, я все думаю... может, все кончилось? Мам... Эмили мертва, ведь наверняка мертва, и тело куда-то отнесло течением. Она убила Хейвен, подбрасывала нам записки, но теперь ее нет – и мы свободны?

– А тот, кто ее толкнул?

Нам не показалось, нет. Наверху маяка действительно была темная фигура, такая же, как я видела в лесу.

– А если это кто-то, кто решил нам помочь? Подумай сама, Хейвен тебе угрожала – и была убита. Эмили подсыпала что-то в бутылку – и тоже мертва! Может, от нас отстали?

– Ким, я боюсь благодетелей, которые могут убивать.

– Да, но мы не получали ничего вот уже две недели. И все вроде спокойно. Вдруг это Герберт? Выследил Эмили и решил разобраться с ней раз и навсегда? Ради тебя он, похоже, способен на все.

– Если и так, то его тоже стоит опасаться.

– Я просто устала бояться.

– Я знаю, Ким, – улыбнулась я. – Все образуется. Но пока что бдительность терять не стоит. Особенно Кайле.

Кайла теперь выбиралась в город крайне редко. Она ушла из колледжа, хотя ее даже не просили: не выдержала косых взглядов. И теперь проводила все время в комнате, изредка спускаясь на ужины или выходя на короткую прогулку. Сначала мы испугались, что она начнет пить, но Кайла, кажется, потеряла интерес и к алкоголю. А может, как и все, боялась новой подлости.

Чем дольше мы жили спокойно, тем чаще я думала о возвращении в Даркфелл и тем сильнее хотела забрать сестер с собой. Герберт найдет способ перенести резиденцию Кордеро в Даркфелл, оставив особняк в Хейзенвилле формально действующим.

В доме жили только мы: Нина работала в щадящем режиме – у нее болела спина. Герберт пропадал в офисе. Его сестра вернулась домой, отчего Ким часто скучала. Чтобы не выть от тоски, она вызвалась заниматься кухней. Завтраки готовила сама, а обед и ужин нам привозили из ресторации. Ким принимала еду, расплачивалась с курьером и накрывала на стол. Порой казалось, она немного переигрывает в хорошую девочку, стараясь мне угодить, и тогда

накрывало стыдом. Ким боялась, что я брошу их и уеду. А я даже не могла ее успокоить и заверить в обратном.

В этот раз мы ждали на ужин Герберта с Диналией. Девчонки собирались общаться и ночевать вместе, а Герберт грозил вводить меня в курс дел, чтобы Кайла ненароком не оставила нас нищими.

– Кортни, вы не думали сделать здесь ремонт? – спросила Диналия. – Дом, конечно, роскошный, но он так устарел!

– Эй, – одернул ее Герберт, – следи за языком.

– Все в порядке, – улыбнулась я. – Диналия права, я хочу сделать дом светлее. Но пока что дел и так слишком много, я даже боюсь представить масштаб работ. Надо все хорошенько обдумать. Дом не предназначен для детей, а они, как завещал отец, в наших ближайших планах.

– Да уж, – хмыкнула Кайла, почтившая нас присутствием, – и как мы только здесь выжили.

На самом деле, несмотря на саркастичный тон, она была права: в детстве все самые дальние уголки дома становились местом для наших игр, и мы чудом не пострадали. Чердак, подвал, домик для прислуги, колодец – куда нас только не заносило! На Кайлу падали шторы в родительской спальне, я оказывалась под тяжеленным перевернувшимся креслом. Если у одной из нас появится ребенок, я перестрою весь дом, чтобы сделать его безопаснее и уютнее. Сейчас он больше напоминает замок темного колдуна, где даже поход в ванную может обернуться сражением со смертью.

– Полагаю, это не ваша заслуга, – хмыкнул Герберт. – Я лично не раз вытаскивал вас из всевозможных неприятностей, а уж сколько раз это делала Кристалл – не сосчитать. А вот ваш отец, кажется, считал это своеобразной школой жизни.

«Не удивлюсь, если у него до нас были и другие дети, менее удачливые», – подумала я и спрятала улыбку. Папа был бы в ярости, если бы узнал, как мы его обсуждаем.

В дверь вдруг позвонили. Мы никого не ждали и заметно напряглись. Внезапные вечерние визиты не сулили ничего хорошего. Надеюсь, это не Портер с очередным допросом или отвратительной новостью.

Кайла с грохотом отодвинула стул.

– Позвольте мне, – с сарказмом произнесла сестра, – явить свой лик на суд позора и вдохнуть свежий хейзенвилльский воздух, коль я так редко это делаю.

– Полагаю, Кайла, ты будешь в порядке, – хмыкнул Герберт. – Способность язвить к тебе вернулась.

Я поймала его взгляд и постаралась вложить в него все беспокойство, охватившее меня после звонка. Герберт успокаивающе улыбнулся, но легче не стало. Мы каждую секунду ждали нового удара.

– Кхм... – Кайла вернулась и посторонилась, пропуская в гостиную визитера.

Я подняла глаза и обомлела. Позади сестры стоял Джейк, парадно одетый, благоухающий, держащий в руках четыре небольших букета из алых роз. По голове словно ударили дубиной, а в ушах раздался неприятный звон. Я стала комком нервов, и тронь кто сейчас – непременно бы взорвалась.

– Добрый вечер, дамы и господа. – Джейк ослепительно улыбнулся. – Вы Кайла, верно?

Кайла усмехнулась, приняв от него букет.

– Вы, – он подошел к Диналии, – Ким?

– Нет, Ким вот, – указала она на сестру и зарделась, получив свои цветы и тысячу извинений.

Ким растерянно поблагодарила Джейка и взглянула на меня, как всегда, ища объяснений. Я ведь все знала. Я ведь была старшей.

– Кортни. – Мне под нос сунули последний букет.

Но я не шелохнулась.

– Кортни, – тише произнес Джейк, – ну не выставляй же меня посмешищем! Возьми цветы!

– Молодой человек, может, представитесь? – подал голос Герберт.

– Ох, простите. – Джейк рассмеялся. – Джейк Сантьяго. Смею надеяться, возлюбленный Кортни. Возможно, жених, впрочем, ответа я от нее пока что не добился. Кортни переживала, как вы меня примете. Благополучие семьи для нее превыше всего.

Жаль, что я не умела делать мгновенные портреты. Лицо Герберта стоило запечатления. К собственному стыду, я испытала мстительное удовлетворение.

– Джейк, сейчас не лучшее время для знакомства. – Наконец я совладала с голосом и поднялась. – Спасибо за цветы, но тебе пора.

– Не пригласишь жениха на ужин, Кортни? – раздался насмешливый голос Герберта. – Ты ведешь себя негостеприимно.

– Да, Кортни, – поддакнула Кайла, – пусть Джейк останется. Я хочу с ним поговорить, ты так скрывала его от нас.

– Боялась, уведешь, – плюнула я в Кайлу ядом напоследок и пошла за приборами.

Вернувшись, увидела, как Герберт и Джейк по-светски беседуют. Они уже достали откуда-то бутылку виски, а Ким сбегала и принесла из хранилища лед. Джейк держался непринужденно, что-то увлеченно рассказывая. Герберт тоже не показывал истинных чувств, но почему-то у меня от их разговора складывалось впечатление, будто взрослая и хищная особь жрет маленького любопытного зверька. Ну, или не жрет, а выжидает, чтобы сожрать.

– И чем вы занимаетесь, господин Сантьяго? – спросил Герберт.

Я едва заметно покачала головой, когда Джейк на меня посмотрел, призывая закончить этот разговор. Герберт просто не мог не загонять Джейка в угол. Тот явно понимал, что в борьбе интеллектов и достижений не выиграет, но уже не мог остановиться. Замечательно.

– Значит, вы студент? Что ж, достойный путь. Желаю успехов в обучении. Мне требуется помощник. Если Кортни даст вам рекомендацию, я, возможно, смогу взять вас на стажировку.

Джейк усмехнулся.

– О, не стоит. Провинциальные конторки не мой конек. Я думаю вести частную практику, присматриваю офис в Даркфелле. Не могу определиться с названием. К слову, вот моя визитка. Если вам понадобится работа, приходите на собеседование.

– Я пошла спать! – объявила Ким.

– И я! – быстро сориентировалась изрядно повеселевшая Кайла.

Но я не сомневалась, что сестра найдет способ досмотреть шоу.

Диналии ничего не осталось, как последовать за Ким, а я начала убирать со стола пустые тарелки. От злости дрожали руки. Я готова была убить... обоих! Только бы не дошло до драки, не хватало мне еще разнимать их.

– Кортни ничего о вас не рассказывала, – будто невзначай бросил Герберт.

– А о вас рассказывала много, – со странной усмешкой отозвался Джейк.

Герберт не удержался и бросил на меня удивленный взгляд. Нет, я не говорила Джейку о наших отношениях, но он, скорее всего, и сам догадался. Пожалуй, я упоминала поверенного нашей семьи чаще, чем следовало.

– Частная практика разочарует вас, поверьте. Для нее нужно обладать особым складом характера.

– Возможно, вы правы. Но я стараюсь не упускать ни единой возможности и не боюсь пробовать новое. Не стану скрывать, я думал о том, что когда мы с Кортни поженимся, ей понадобится поверенный и мне придется помогать с семейными делами...

– Джейк, не пора ли тебе домой? Уже довольно поздно. – Наконец я собралась с духом и решила пресечь дальнейший цирк.

Но у Герберта были свои планы. Он решил как следует поиздеваться, добить меня окончательно.

– Кортни, ты же не выгонишь жениха в такое время. В доме полно свободных комнат.

Джейк криво усмехнулся.

– Конечно, – широко улыбнулась я. – Но зачем нам спать в разных комнатах? Джейк, поднимайся в мою. На втором этаже, вторая дверь справа. Я закончу здесь и приду.

И все же с лица Герберта улыбку я стерла. Посмотрим, у кого теперь будет бессонная ночь.

* * *

В тишине шаги прозвучали неестественно громко. Я вздрогнула, но узнала Ким и выдохнула.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она.

– Прячусь, – вздохнула я.

– На чердаке? – Ким посмотрела на кресло, в котором я сидела. – С вином?

– Ну... вот так вот, – пожала плечами я, сделала большой глоток и поморщилась.

– То есть красавчик Джейк ждет там один, в холодной постели, а ты пьешь здесь, среди мышей, пауков и пыли? Слушай, мне семнадцать, но я явно что-то упустила в вопросах отношений.

Сестра уселась рядом, бросив на пол какую-то старую подушку, скрестила ноги и вопросительно на меня посмотрела.

– Что у вас с Джейком не так? Он показался мне забавным парнем. И зубастым: неплохо отбрил Герберта. Почему ты ничего о нем не рассказывала и почему не взяла с собой?

– Я не просила его приезжать. Все и так сложно, а теперь еще и добавился Джейк. Да и вообще, надо было поговорить сначала с Гербертом.

– Кортни, ваши отношения кончились пять лет назад. Ты не можешь всю жизнь спрашивать разрешения у Герберта, у него нет власти над тобой. Или ты его любишь? Я бы добавила «все еще», но даже не уверена, что ты когда-то любила.

Вместо ответа я хмыкнула и снова глотнула вина.

– Все не так просто. Мы с Гербертом... немного перешли черту недавно. Я позволила себе лишнее. И это нечестно по отношению к Джейку. Никогда не было честно. Я ухватилась за отношения с ним как за соломинку, пыталась выбить клин клином.

– Ты переспала с Гербертом?! – ахнула Ким. – Как? Когда?

– Мы не... Впрочем, какая разница? Измену делает изменой не факт проникновения.

Я осеклась.

– Прости, иногда я не слежу за языком. В стакан Кайлы кто-то подлил зелье кордера. И мне немного снесло крышу. Герберт в последний момент понял, что случилось. А если бы не понял или сделал вид... Джейк еще не в курсе, но ты же знаешь Герберта – он бережет главный козырь до конца игры.

– Тебе надо рассказать Джейку. Иначе Герберт действительно все разрушит.

– Знаю, – кивнула я. – Придумываю, как все объяснить. Пока выходит слабо. Кордер – не наркотик, он не изменяет сознание. Он расслабляет и дарит спокойствие. Это самое мерзкое – что, расслабляясь, я иду в чужие объятия.

– А этот Джейк... – Ким замаялась. – Ты действительно его любишь? И ты пойдешь замуж?

– Он очень простой, веселый. С ним легко и интересно, – после небольшой заминки ответила я. – Пожалуй, я бы вышла замуж.

– А в голосе тоска-а-а, – рассмеялась Ким, но быстро умолкла и прислушалась.

– Что это? – нахмурилась я.

Хлопнула входная дверь, послышались голоса.

– Может, Джейк решил уйти?

– Или Герберт остановил меня на пути к безбрежному счастью и убил его во сне, – усмехнулась я. – Идем посмотрим.

Уже на лестнице я поняла, что в доме посторонние. Алкоголь и паршивое настроение не могли заглушить ощущения. Чужую магию, сильную и властную, я почувствовала сразу. Похоже, Ким тоже, потому что сестра явно напряглась.

В гостиной обнаружили Кайла, Герберт и детектив Портер, тот самый, что расследовал убийство Хейвен. Он так и не выдал хоть сколько-нибудь значимых результатов, хотя крови у нас попил немало.

– Доброй ночи, господин Портер, – поздоровалась я. – Что привело вас в Кордеро-холл в такое время?

– Доброй ночи, леди Кордеро. Как ни странно, меня вновь привело к вам расследование. Сегодня в одиннадцать часов было найдено тело Эмили Фаннинг. Характер травм указывает на то, что она была убита. Тело отнесло течением в достаточно отдаленный район.

– И при чем здесь мы?

Мой голос звучал совершенно ровно и спокойно, но сердце так и порывалось пуститься в пляс. Детектив это явно чувствовал, но интуицию не принимают к рассмотрению в суде. Доказать он ничего не мог. Пока что не мог.

– В последний вечер Эмили Фаннинг была у вас в доме, верно?

– Да, мы поужинали, и она ушла. Эмили Фаннинг – родная мать Кимберли.

– Однако Кимберли, похоже, не слишком удивлена моим рассказом, – усмехнулся Портер.

Он посмотрел мне прямо в глаза. Вызов... еще не все карты раскрыты.

– Что вы хотите сказать?

– Может, Кимберли знала о смерти Эмили Фаннинг?

Ким рядом вздрогнула и невольно придвинулась ко мне чуть ближе.

– Уверяю, господин Портер, если бы у моей сестры обнаружился дар прорицания, мы бы зарегистрировали его. Она не видела мать с самого рождения, странно требовать от нее испытывать к этой женщине какие-то теплые чувства. Недавно ваши горожане едва не повесили мою сестру за подобное. Неужели стрелочка не поворачивается, если дело касается моей семьи? Вы демонстрируете предвзятость...

– Кортни, – тихо оборвал меня Герберт и покачал головой.

Я действительно сболтнула лишнего.

– У вас все, детектив? Вы пришли среди ночи лишь затем, чтобы высказать ничем не обоснованные подозрения?

Следующий его вопрос меня обескуражил:

– Вы пьяны, леди Кордеро?

Прежде чем я ответила, вперед выступил Герберт. Он мрачно обвел всех присутствующих взглядом и медленно, словно совершенно никуда не торопился и вел светскую беседу в кругу друзей, сказал:

– Вы не можете задавать моей клиентке подобные вопросы. Она находится в своем доме, в окружении семьи и имеет право пить то, что пожелает. Ваша, и только ваша вина в том, что вы не смогли дождаться дня и явились посреди ночи. Что касается Кимберли, то вам придется найти более убедительные аргументы для разговора с ней, поскольку она несовершеннолетняя.

– Что ж, тогда, – Портер криво усмехнулся и порылся в папке, которую держал, – жду Кимберли Кордеро завтра в десять на официальный допрос. Вот вызов.

Оцепенели все. Ким, кажется, перестала дышать, Кайла побледнела. Герберт, хоть и ничем не выдал удивления, бросил на меня быстрый взгляд и забрал вызов.

– Кимберли будет на допросе исключительно с законным представителем.

– Да, там указано, – ничуть не смутился Портер, – Кайла Кордеро.

– Я боюсь...

– Это не обсуждается. Расследование имеет все основания полагать, что со стороны Кортни Кордеро может быть оказано давление на дознавателя.

– Каково основание вызова? – Наконец я справилась с удивлением и шоком.

Детектив ответил очень холодно, при этом неодобрительно на меня взглянув.

– При Эмили Фаннинг нашли записку, написанную от имени Кимберли Кордеро. Это все, что я могу сообщить. На этом прошу извинить. Спокойной ночи, леди, господин Уолдер.

Когда за Портером захлопнулась дверь, несколько минут мы просто стояли и молчали. Каждый думал о своем, а я пыталась унять нарастающую головную боль. Я знала, знала, что еще ничего не кончилось!

Но Ким? Зачем кому-то вешать убийство на безобидную Ким, которая к тому же ну уж точно не могла убить Эмили Фаннинг. Она ведь была с нами, и я стояла рядом, когда Эмили упала с маяка. Жаль только, следствию об этом лучше не рассказывать.

– И что мне делать? – Ким первая нарушила тишину, голос у нее немного дрожал.

– Идем в кабинет, – распорядился Герберт. – Кайла, ты тоже. А ты...

Он смерил меня тяжелым взглядом.

– Иди развлекай женишка дальше.

– Герберт! – тихо одернула его Ким. – Кортни была со мной!

– Идем, Кимберли. Меня не будет на допросе, так что давай в оставшееся время разберем, что можно говорить, а что нет.

Когда их голоса стихли, я без сил рухнула в кресло. Хотелось разреветься, но слез не осталось. За годы жизни в Даркфелле я приучила себя даже не думать о слезах. Поэтому я просто уставилась на слабые языки пламени в камине. Он уже догорал, и ни у кого не нашлось времени подкинуть дров.

Сколько так просидела, не знаю, но за окном уже начало светать.

– Болит? – услышала я голос Герберта.

Можно догадаться, что голова болит, если я сижу и потираю виски, мечтая отрубиться и не чувствовать не то похмелья, не то смертельной усталости и страха за Ким.

– Держи. – Он сунул мне стакан с зельем, которое я выпила залпом. И едва не застонала от облегчения.

– Что сказала Ким? Что в записке?

Но Герберт только покачал головой.

– Клянется, что ничего не писала и не знает. Я без понятия, что в записке, поэтому будем гнуть эту линию. Думаешь, Ким перепугалась и врет?

– Зачем? Она доверяет тебе и знает, что в ее интересах рассказать правду. Нет, я не сомневаюсь, что записку подделали. Тот, кто это все устроил, уже подделывал мою подпись в журнале. Почерк Ким – не самая сложная задача.

– Значит, это и будем доказывать.

Легкая улыбка тронула мои губы.

– Надо будет поднять тебе гонорар.

– Пока что я сам решаю, сколько и кому твоя семья будет платить. Тебе придется постараться, чтобы взять управление на себя, помни о завещании.

– Уж о нем-то я точно не забуду. Сделай так, чтобы все это кончилось быстро. И чтобы Кайла не наломала дров.

– Я проинструктировал их обеих, – кивнул Герберт. – Портер имеет право только на один допрос без адвоката, а дальше я буду с ней. Расслабься, я сомневаюсь, что он всерьез надеется упрятать Ким за решетку. Скорее, припугнуть всех вас, не более. Нельзя поддаваться панике. Иди к жениху, он без тебя наверняка скучает.

– Оставь в покое Джейка, он не главная проблема, – поморщилась я, поднимаясь.

– Ага, он – твоя единственная любовь? – хмыкнул Герберт. – Я не верю, что ты испытываешь к нему хоть что-то. Иначе ничего из того, что произошло между нами в кабинете, не случилось бы.

– Мои отношения с Джейком никого не касаются. Особенно тебя. Он настоящее и будущее, ты в прошлом. Что касается кабинета... учитывая то, в каком мы все напряжении, неудивительно, что кордер так подействовал. Я никогда не скрывала, что мне не хватает тепла, но это не повод считать, будто я к тебе что-то испытываю. Полагаю, окажись в тот момент рядом Джейк, я бы получила больше удовольствия и не пряталась потом в комнате весь день, не зная, как бы тактичнее тебе все объяснить.

В глазах Герберта вспыхнула злость. Как бы он ни притворялся хладнокровным и рассудительным, порой вывести его из себя легче

легкого. Я напрочь забыла, что сейчас с Гербертом лучше дружить. Хотелось уколоть, да побольнее.

– Думай, как тактичнее объяснить все это Джейку. Иначе придется мне.

– Ты живешь для того, чтобы все разрушать, – усмехнулась я. – Только на этот раз все не так просто. Джейк не поверит тебе, он знает, что между нами было, и знает, что ты собой представляешь. Можешь продолжать унижаться, прикрываясь борьбой за меня, но подумай, как это отразится на твоей репутации в профессиональном сообществе.

Мне бы уйти на этом, остановиться, но я намеревалась сказать еще очень много. И Герберт вряд ли хотел это слушать, а потому резко притянул меня к себе и впился в мои губы поцелуем, не давая шанса ни на вдох, ни на слова протеста.

Поцелуй кончился так же быстро, как и случился, я даже не успела ничего толком понять, а вот Герберт мгновенно взял себя в руки и шагнул к Ким, стоявшей в дверном проеме. Не знаю, увидела ли она нас, но уже нет никакой разницы, все запуталось окончательно.

Я снова лгала. В который раз? Лгала не для того, чтобы защитить сестер или выяснить правду, а чтобы уколоть побольнее за то, что не способна разобраться в самой себе.

– Готова? – спросил Герберт. – Тогда идем. Зови Кайлу, экипаж уже подали.

Когда дверь за ними закрылась, я несколько минут просто стояла посреди пустого дома и размышляла, что делать дальше. Мне казалось, я не засну, в то время как Ким там общается с Портером. Но бессонная ночь и остатки похмелья оказались куда сильнее волнения. Если вдуматься – когда за последние недели я была совершенно спокойна?

Я расхохоталась. В пустом доме мой смех пронесся пугающим эхом.

О, я помню, когда была спокойна. Когда лежала на столе, почти раздетая, наслаждаясь прикосновениями мужчины, которого ненавижу. Тогда я чувствовала себя совершенно спокойной, защищенной и расслабленной.

Мы научились жить в ожидании неприятностей. И засыпать с ним же. Ничего удивительного, что я уснула в первой же спальне, в которую зашла. Я не стала будить Джейка, понимая, что начнутся

вопросы. Почему я пила, что происходит, куда все ушли и что нам угрожает. А ответов у меня не было. Во всяком случае, для него.

В сон я провалилась быстро, уснула крепко и без сновидений. Однако само состояние тревожности никак не проходило. Мне снился отец. Не помню, что он делал или говорил, но я вдруг словно вновь стала восемнадцатилетней девчонкой, запертой в огромном старом доме наедине с призрачной смертью. Она пришла не за мной, за папой, от его хрипов невозможно было спрятаться. Но я знала, что смерть внимательно наблюдает за всеми нами. И как только отец умрет – определит следующую жертву.

Когда я проснулась, за окном уже всюду светило солнце, а я чувствовала себя совершенно разбитой.

Первое, что сразу показалось странным, – непривычная легкость, когда я подняла голову. Сердце пропустило пару ударов. Рука немного дрожала, пока я ощупывала голову, но все подозрения тут же подтвердились, и я перевела взгляд на подушку.

Кудри, которые я растила с пятнадцати лет, отныне превратились в обрезки, лежавшие на подушке отдельно от моей головы. От бывшей длины остались лишь воспоминания. Волосы отрезали криво, пряди получились разной длины. Самая короткая доходила до середины шеи, самая длинная спускалась чуть ниже плеча. Валялись рядом и ржавые ножницы.

Я была в шоке, поэтому долго сидела и смотрела на постель, осознавая, что находилась на краю пропасти. Почему я ничего не услышала? Ведь только чудом это оказались всего лишь волосы. Если бы цель была не испугать меня, а убить...

Взгляд скользил по ножницам, старым и тупым. По некогда бывшим кудрям каштанового цвета. В окно лился солнечный свет. И вдруг среди всех отрезанных волос что-то блеснуло... Я буквально заставила себя протянуть руку, коснуться мягких прядей. Под ними оказались часы, те самые, что завещала Кристалл и с которых начались все эти события. Уже догадываясь, что увижу новое послание, я открыла крышку.

«Неверных девочек надо наказывать. К.»

– Это война, – сквозь зубы процедила я.

Пять лет назад

Медленно таяла свеча. Герберт писал быстро, не прошло и получаса, как он закончил, но за это время в комнате стало еще темнее. Кортни могла бы и поменять свечи, но она сидела на софе и неотрывно следила за его рукой.

– Готово, малышка, – хмыкнул он. – Только не забудь переписать это своей рукой.

– А то что? – усмехнулась Кортни. – Боишься, папа наругает?

Герберт отставил в сторону книгу и перо. На пальцах остались чернила. Он поднял руку и легко провел кончиком указательного пальца по щеке Кортни, оставляя едва заметный черный след. Ему показалось... или глаза ее потемнели? Она не умела ничего скрывать, и... нет, не чудилось – она его хотела.

Он наклонился ниже. Его губы почти коснулись ее лица. Кортни не шелохнулась, только в глубине темных глаз притаилось что-то... любопытство?

– Опасно играть в такие игры, – его голос сделался ниже, бархатистее.

– В какие?

И будто бы вправду не поняла, нахмурилась, удивилась. Только лукавый огонек в глазах выдавал притворство. Погасла еще одна свеча. Трещали в камине поленья. Кортни усмехнулась.

– Смеешься? – улыбнулся Герберт. – Не веришь, что я на это способен?

– Нет. – Она закусила губу. – Не верю. Ты слишком боишься потерять доверие отца. Его дружбу.

– Думаешь?

Он собрал ее волосы в хвост, сжал в кулаке шелковистые каштановые кудряшки.

– А если я скажу, что это мне ты обязана чудесными выходными вдали от такого ненавистного приема? Что, если это я убедил Карла оставить тебя дома? Под предлогом того, что научу тебя наконец истории?

– Так научи, – шепнула девушка.

Он заставил ее наклонить голову назад, обнажив шею. Скользнул губами по нежной коже. У Кортни вырвался короткий стон. Герберт с удовольствием вдохнул аромат ее духов, нежных, с явными нотками корицы. Кортни пахла как зимний чай, согревала, даже обжигала все внутри.

Продолжая целовать ее, поднимаясь выше, к губам, он расшнуровал корсет, запустив в чашечки руку. Кортни застонала громче. Их губы встретились, языки сплелись, и этот, пожалуй, чересчур глубокий поцелуй длился вечность. Герберт освободил ее от корсета, расшнуровав весь, и, заставив девушку лечь на софу, опустил ее сверху.

Хрупкая... сильная, но в то же время беспомощная и еще очень наивная. Невинная...

Остатки разума его все же не покинули. Герберт дал ей вдохнуть, меж тем избавляясь от рубашки. Поверх одежды упали четки, которые он почти не выпускал из рук. Платье Кортни уже давно оказалось на полу, и Герберт рассматривал в тусклом свете свечей ее тело. Проводил рукой по ключице. Слушал прерывистое дыхание. Ему нестерпимо хотелось покончить с этой пыткой и взять ее, но осознание того, что Кортни невинна, немного отрезвляло.

Немного.

Он вошел в нее и тут же замер, давая привыкнуть. Кортни выгнулась, изящные пальцы девушки крепко сжали подлокотник. В полной тишине было слышно лишь биение двух сердец.

Он ждал достаточно долго. И думал о ней – тоже. Сил сдерживаться дальше уже не было, остановиться – тем более.

Кортни вскрикнула от боли, на пушистых темных ресницах появились слезы. Недостаточно готова, слишком поторопился, но назад пути нет. Он сделал несколько движений и, пользуясь тем, что Кортни закрыла глаза, провел рукой по ее груди. Красные огоньки окутали ее, унимая боль, чуть помогая получить наслаждение, к которому она шла до этого. Совсем немного магии, только чтобы помочь.

Кортни расслабилась. Нежные, чуть припухшие от поцелуев губы дрогнули, когда он осторожно провел по ним языком. Она ответила на поцелуй немного потрясенно, осторожно, словно не доверяла ему после боли, что он причинил. Но внутри их обоих

стремительно разгоралось желание. Герберт перестал себя контролировать. Стоны Кортни звучали в комнате слишком громко и в точности так, как в его фантазиях.

– Моя, – шепнул Герберт. – Скажи мое имя.

Едва слышно она его прошептала. Ему хватило. Острое наслаждение, граничащее с болью, взорвалось внутри. Кортни вскрикнула, магия рассеялась, оставив после себя лишь дрожь.

Герберт отодвинулся, еще не совсем контролируя движения, прижал девушку к себе, слушая громкие удары ее сердца.

Камин погас. В комнате стало заметно холоднее. Но сил подняться и вновь его разжечь не осталось.

Глава 9

Уложить это новоприобретенное гнездо оказалось не так-то просто. Я потратила несколько часов, чтобы выпрямить непослушные кудри и более-менее придать им форму. И все равно было видно, что их резали тупыми ржавыми ножницами, да еще и как попало. Придется вызвать кого-то, чтобы сделали прическу. И все равно пойдут вопросы, сплетни и так далее. Может, соврать, что отрезала волосы на спор? Интересно, поверят?

– Кортни? – От стука в дверь я вздрогнула.

Почти забыла, что Джейк сегодня ночевал у нас. Сразу мелькнула догадка – а что, если он узнал о моей связи с Гербертом и решил так отомстить? Но подобные шутки были не в его стиле. И мне не хотелось верить, что единственный близкий из новой жизни хладнокровно и жестоко рушит старую.

Конечно, он заметил состояние моих волос и нахмурился.

– Кортни, что ты сделала?

– В каком смысле? – не поняла я.

– Зачем ты отрезала волосы, Кортни? Что с тобой происходит?

Он быстро пересек комнату и заключил меня в объятия. Но ни успокоения, ни чувства надежности это не принесло. Я не поняла, о чем он говорит, но остро почувствовала грядущую ссору.

– Джейк, я не отрезала себе волосы. С чего ты вообще взял это?

– Твой способ справляться с проблемами – вредить себе. На первом курсе ты резала себе руки.

– Джейк! Я не резала себе руки, я миллион раз говорила, что это последствия неудавшегося заклятия! Ты же сказал, что веришь!

Я давно забыла об этой истории, почему он вдруг напомнил? Тогда мы только-только сдружились с Джейком, и я решила рассказать ему о себе. Не о Герберте – об отце, мачехе, старом доме и атмосфере, в которой мы росли. Тогда я действительно, практикуясь в алхимии, неверно произнесла заклятие, колба взорвалась, и в результате я потеряла много крови от кучи мелких порезов на руках, которыми, к счастью, закрыла лицо. Целители Даркфелла потратили много времени, чтобы свести шрамы, и все же некоторые остались –

напоминанием о студенческой ошибке. Но Джейк решил, что я специально режу руки. Тогда я думала, мне удалось его убедить, что все в порядке.

– Кортни, прекрати, – мягко произнес Джейк. – Я ведь знаю тебя не первый год. Ты вернулась домой, и что я вижу? Скажи, зачем ты продолжаешь здесь оставаться, ведь похороны давно прошли, а наследством занимается этот ваш Уолдер? Почему ты так себе вредишь?

– Джейк, это сейчас совсем не смешно. В доме кто-то был, и я намерена...

– Ты была у целителя? – прервал меня парень.

– Прости?

– Тебе нужно сходить к целителю и все ему рассказать. Он даст зелья, свитки. Никого не было в доме, родная. Я проснулся около десяти, нашел тебя – ты спала. Решил не будить, и все это время провел внизу, готовил завтрак. Если бы кто-то вошел, я бы услышал. В доме никого не было, а тебе стоит сходить к целителям. Это из-за Герберта, верно? Ты сама не своя, когда говоришь о нем, и, по-моему, он слишком часто заходит к вам. Ты ведь рассказала мне не все о вас, так?

– Мне кажется, – я высвободилась из объятий Джейка, – тебе пора в гостиницу. А еще лучше в Даркфелл.

– Оставить тебя? Ни за что!

– Тогда прекрати нести чушь! Заруби себе на носу: я не трогала собственные волосы, ясно? Как и никогда не резала руки! Кто-то был в доме. И если ты не слышал... делай выводы.

– На что ты намекаешь?! – взвился Джейк.

– Очень хочется верить, что всего лишь на твою невнимательность, – отрезала я. – Мне нужно переодеться. Ты можешь идти.

Джейк разозлился. Когда он злился, черты его лица становились грубее. Мы редко ссорились, но сейчас я была готова выгнать его со скандалом, так он меня разозлил. Даже не глупое предположение, что я в порыве беспамятства отрезала себе волосы, а то, что несколько лет он делал вид, что верит мне, а сам думал, что я лгунья.

– Я не твоя прислуга, чтобы ты указывала мне, когда уходить.

– Ты в моем доме, Джейк. И я сейчас не твоя однокурсница, а наследница влиятельного рода. Давай не будем вспоминать, у кого из нас какое происхождение. Оставь меня. Если ты хочешь остаться в этом доме, Джейк, тебе придется жить по правилам нашей семьи. А в нашей семье принято верить друг другу и не бросаться бездоказательными обвинениями.

– Раньше ты такой не была, – после долгого молчания произнес парень. – Ты была настоящей.

– Нет, Джейк. Настоящая я сейчас. Уйди, пожалуйста, мне нужно обо всем подумать.

Когда Джейк ушел, я повернулась к отражению в зеркале. Сколько еще людей решат, что я сама себя изуродовала? Думать об этом уже поздно.

Время действовать.

Ким, Кайла и Герберт вернулись с допроса лишь после наступления темноты. По мере того как приближалась осень, темнело все раньше и раньше. Ожидая их, я бродила туда-сюда перед камином в гостиной и раздумывала, как бы ловчее поймать наконец этого анонима. Крепко обидевшийся Джейк не ушел, но из комнаты почти не выходил, а когда все же показывался, всячески демонстрировал беспокойство. Диналия занималась у себя. Три абсолютно чужих друг другу человека в одном доме.

– Кортни? – Ким заглянула в гостиную. – Как... что с твоими волосами?!

Кайла сразу ушла к себе, для нее целый день без смены платья был особым видом пытки, а вот Герберт услышал мой голос и, конечно, не преминул зайти.

– Как все прошло? – спросила я.

Сестра пожала плечами.

– Допрос вел не Портер. Герберт добился, чтобы дали другого детектива. В целом все нормально, спросили, в каких отношениях я была с мамой и так далее. Напарник Портера вообще не верит, что я могла быть как-то причастна.

– А почему так долго?

– Они собрали всех свидетелей в один день, мы в очереди шли последние.

– Свидетелей? – Я напряглась. – Кто-то что-то видел?

– Как мы поняли, нет. Просто опрашивали всех ее знакомых. Оказывается, до моего рождения мама жила в Хейзенвилле. Не могу поверить, что Кристалл просто проглотила их с папой роман. Так что с твоими волосами?

– Обрезала, забудь. Иди переодевайся, Нина накрыла на стол.

Ким, бросив на меня настороженный взгляд, убежала. А вот Герберт так просто никогда не сдавался. И сразу понял, что изменения в причёске случились не из желания перемен в жизни.

– Рассказывай, – почти приказал он.

– Нечего рассказывать. Я спала, а наш «К» занимался моим новым образом. В качестве мести за измену Джейку. Пора устроить этой твари веселую жизнь. Я хочу поставить ловушку.

Он пересек гостиную, чтобы ближе рассмотреть меня. Коснулся пальцами неровно отрезанных кончиков.

– Кудри жалко.

– Отрастут, – отмахнулась я. – А вот у этого уroda, когда я ему кое-что отрежу, уже нет.

– Ты ничего не почувствовала? Не слышала? – продолжал допытываться Герберт.

– Нет, я крепко спала. Проснулась уже без волос, а ножницы валялись рядом.

– Это был кто-то знакомый. Иначе ты бы что-то почувствовала. Кто-то, от кого ты не ожидаешь подвоха.

– Намекаешь на Джейка? – усмехнулась я.

– Насколько ты ему доверяешь? – вопросом на вопрос ответил Герберт.

Я только закатила глаза и хотела отойти, но он удержал, крепко схватив за локоть.

– Доверяю, Герберт. Он не будет обрезать мне волосы, к тому же это явно связано с прошлыми событиями, а его даже не было в Хейзенвилле. Джейк ни при чем.

– С чего ты взяла, что это связано с тем, что случилось? Что это месть за нас? – В голосе Герберта прозвучало удивление.

Пришлось достать из кармана часы и продемонстрировать гравировку.

– Неверных...

– Но Джейк даже не знает о часах, а значит, ни при чем.

– И давно ты получаешь послания?

– Четвертый раз, – призналась я. – Самое первое – перед тем как подбросили ребенка, потом в домике у озера и сейчас.

– Доверять поверенному – не твое, да? – язвительно поинтересовался Герберт.

– В данном случае я воспринимаю тебя не как поверенного, а как мужчину, – парировала я. – Поэтому и не доверяю.

– Что ж, или тебе придется начать, или выбери кого-то более подходящего. С этого дня, Кортни, ты не должна оставаться одна. Ложись спать в чьей-то компании, причем желательно в компании Кайлы – ей я доверяю, у нее мозгов не хватит проворачивать такие аферы. И никуда не ходи без сопровождения. Можешь считать это приказом, я все же исполняю волю твоего отца.

– Зачем еще? Я могу за себя постоять.

Многозначительный взгляд Герберта на непослушные волосы несколько охладил мой пыл. Но все же я сопротивлялась. Скорее, из вредности.

– Сейчас это всего лишь волосы. Что будет, если в следующий раз он полоснет тебе этими ножницами по горлу? Кортни, клянусь тебе, если ты не сделаешь что-то для собственной безопасности, я запру тебя в комнате и не выпущу. Или, возможно, запрусь вместе с тобой, и тогда у тебя не останется времени на то, чтобы влипнуть в неприятности.

– Вы удивительно самонадеянны, господин Уолдер, – услышала я холодный голос Джейка.

Только этого еще не хватало. Что Джейк, что Герберт – оба не понимают, когда надо остановиться. Я хочу поймать того, кто нам вредит, и покончить с этой историей, а они взялись делить меня, надувшись, как петухи. Кого-то придется выгнать, и я не уверена, что в нынешней ситуации смогу отказаться от поддержки Герберта.

– Что ж, – меж тем продолжил Джейк, – раз вам были непонятны мои намеки, скажу прямо. Оставьте в покое мою невесту, Уолдер. Иначе до конца жизни будете оформлять завещания одиноких старушек-кошатниц.

Тут уже я не выдержала.

– Джейк, убирайся отсюда!

Тот опешил, явно не ожидая, что я встану на сторону Герберта.

– Не смей в моем доме приказывать моим служащим. От моего, и только моего решения зависит, будет ли Герберт на нас работать. Если у вас есть разногласия, можете решать их вне моего дома, понятно? Еще раз от тебя я услышу нечто в подобном тоне, все будет кончено. Уходи. Я не желаю тебя сейчас видеть.

– Кортни, – Джейк, конечно, сделал попытку меня вразумить, – ты что, не видишь, что этот город тебя убивает? Сколько ты приходила в себя после переезда в Даркфелл? И что, Кортни, все снова? Почему ты не видишь, что я пытаюсь вытащить тебя из всего этого?

– Потому что меня не нужно вытаскивать из моей семьи, Джейк. Она не идеальная, но она моя, и я должна сейчас быть рядом. А ты ведешь себя недопустимым образом, как капризный ребенок. Герберт, оставь нас, пожалуйста.

С явной неохотой, бросив в сторону Джейка испепеляющий взгляд, Герберт удалился.

– Я хочу, Джейк, чтобы ты кое-что понял, – сказала я. – В Даркфелле я была Кортни, девочкой из колледжа магии, с которой было весело, хорошо и приятно. Возможно, ты даже любил меня и действительно собирался жениться, понимая, что мне не светит наследство. Но обстоятельства изменились, сейчас я здесь, в Хейзенвилле. Не опальная представительница древнего рода, а его наследница. Нравится это мне или нет, это мой дом, мои сестры, мои друзья и сотрудники. Я не потерплю такой тон в стенах своего дома даже от тебя, я не позволю никому указывать моим людям, как им работать. И я не хочу, чтобы меня выставляли на посмешище.

– Я выставляю тебя на посмешище? – пораженно спросил Джейк.

– Пытаясь делить меня с Гербертом? Да. Тебе надо понять, Джейк, что наши роли изменились. Моя семья накладывает на меня обязательства. Я больше не могу делать все, что хочу. Неважно, нравится это мне или нет. Это факт. Я никогда и в мыслях не могла допустить, что стану главой рода Кордеро, но, похоже, у меня нет выбора. Поэтому подумай очень хорошо, сможешь ли ты быть рядом, быть моим мужем. Потому что эта семья сломала не одного человека.

– Перед отъездом ты сказала, что никогда не вернешься в Хейзенвилль. Ты останешься здесь?

Трехсекундная пауза показалась мне вечностью.

– Да, Джейк. Я остаюсь.

– Что ж, – он несколько раз медленно кивнул, – хорошо. Я дам тебе время все обдумать. Подумай очень хорошо, Кортни, хочешь ли ты остаться в городе, который тебя душит. Рядом с людьми, которые тянут тебя на дно. Вспомни своего отца – вот в это ты превратишься, если не сбежишь.

– Уходи, Джейк, я устала тебе объяснять. Сомневаюсь, что ты поймешь причины моих поступков, если даже не можешь поверить, что я не отрезала себе волосы и никогда не резала руки.

И на этот раз Джейк покинул дом, к счастью, не став демонстративно хлопать дверьми. Я несколько раз глубоко вздохнула, чтобы успокоить ритм сердца. Никогда еще мне не было так мерзко и гадко на душе.

Усилием воли я отбросила мысли о Джейке и его словах, попавших точно в цель. Сосредоточилась на плане поимки того, кто издевался над нами. И вскоре действительно кое-что придумала.

* * *

В тишине скрипнула дверь, и тьму прорезала полоска света из коридора. Я насторожилась, но узнала в силуэте Герберта. Как я не услышала того, кто ввалился в комнату, размахивая огромными ножницами? Как не почувствовала? Разве что это действительно был кто-то знакомый. Кто-то, к чьему присутствию рядом я привыкла... И снова на ум пришел Джейк.

– Ну, и что ты их гипнотизируешь? – негромко спросил Герберт.

Я сидела перед россыпью кристаллов на большом, выдавшем виды столе, который откопала в залежах хлама на чердаке и с трудом вытащила на середину комнаты. Чердак представлялся мне единственным местом, где можно было скрыться от посторонних глаз.

Кристаллы обнаружения, часть алхимии, в основном используются в охранных целях. Разбросанные по дому во всех местах, они среагируют на тех, кого не запомнили при проведении ритуала, то есть Герберта, Кайлу, Ким, Диналию и меня. Мы все равно находились в доме. Да и я не могла себе представить, чтобы кто-то из них оказался «К».

Кайла? Она едва не попала за решетку и ослабилась на весь город.

Ким? Ей семнадцать, ее магия даже не до конца сформировалась, и у нее нет мотива, ее обожают буквально все!

Герберт? Пожалуй, самый вероятный вариант, но... он ведь это тоже понимает. Неужели он настолько нас ненавидит, что так глупо подставляется? Диналию вообще можно не рассматривать, она еще беспомощнее Ким: всю жизнь под крылом у брата. Вот уж где Герберт сам не свой, так в отношениях с сестрой.

– Жду, – ответила я. – Он появится. Я уверена, что почти каждую ночь он бывает в доме.

– У тебя глаза слипаются. Надо отдохнуть, Кортни.

– Днем посплю.

– Уже поспала.

Я сделала вид, что не слышала этого, но Герберт не ушел. Сел рядом и задумчиво на меня уставился.

– Ты рассталась с Джейком? – к моему удивлению, спросил он.

– Да.

– Зря он ушел. Оставить любимую женщину в опасности... последнее дело.

– Пришел расхваливать себя и убеждать меня, какое Джейк дерьмо? – неожиданно зло поинтересовалась я.

– Нет. Просто предупредить. Я знаю, о чем ты думаешь. Вот сейчас поймешь того, кто вас мучает, и все кончится. И будет как прежде. Да, твоя жизнь изменится, но все вернется на круги своя. И Джейк снова станет тем парнем, рядом с которым надежно. С которым весело. Только так не будет, понимаешь? Если он не поддержал тебя сейчас, не поддержит и потом. Может, когда у тебя не будет проблем, он вернется, готовый к любым трудностям, раскаявшийся. Однако жизнь, милая, редко бывает безоблачной. И едва тебе снова придется столкнуться с трудностями, он снова выберет простой и удобный для себя путь.

Я долго думала, что ответить. И надо ли вообще отвечать, потому что я не знала, что сказать. Не о Джейке сейчас шла речь и не о наших с ним отношениях. Вряд ли он все еще горит желанием на мне жениться.

– Когда я думаю о том, что ты спала, а кто-то был рядом с оружием, прикасался к тебе, мог навредить, мне кажется, будто не

хватает воздуха. И я ненавижу себя за то, что был в этот момент далеко.

«А Джейк обвиняет меня и злится на меня же», – подумала я.

Герберт задумчиво водил пальцем по запястью. Моему. Совершенно излишнее напоминание о былых временах. Но отказаться от него и отдернуть руку я не смогла. Иногда воспоминания о прошлом спасают от настоящего. Не знаю, что лучше: мое прошлое или настоящее.

– Почему я, Герберт? – вырвалось у меня. – Почему ты так одержим именно мной? Не Кайлой? Не Кристалл?

– Почему, Кортни, как ты думаешь, твой отец женился на Кристалл, но любви к ней никогда не чувствовал?

– Он любил маму, – пожала я плечами. – Понимал, что должен жениться, что нам нужно женское воспитание, что в обществе ходят нехорошие слухи, но любил маму.

– Не просто любил. Он ее обожал, он жил ею. Когда теряешь что-то очень дорогое, боль рано или поздно проходит. Ты постепенно входишь в нормальный ритм. Живешь своей жизнью, делаешь то, что должен делать. Но это никуда не девается. Оно внутри, оно всегда будет там. У Карла жена умерла. А ты жива, только и разница.

– Папа любил маму, – отрезала я. – А ты, во-первых, просто хочешь меня, а во-вторых, злишься, что я оставила тебя с носом и сбежала.

– Пусть так. – Герберт не стал спорить. – Но, как и твой отец, я не выбирал тебя. Есть кое-что неподвластное самоконтролю. Ты ведь тоже это знаешь.

Палец переместился на сгиб локтя, я вздрогнула и почувствовала, как свело низ живота.

– Мне снился папа. То время, когда он умирал. Я словно представила себя на его месте. Через много лет, в этом же доме. Окруженная семьей, которая меня ненавидит. Может, Джейк прав. Папа заставил меня стать главой рода, потому что из всех его дочерей только я могу стать такой же, как он.

– Ты не похожа на Карла, – мягко сказал Герберт. – Ты другая, Кортни, именно поэтому ты нашла в себе силы уехать. Ты любишь сестер, ты готова жертвовать всем, к чему так долго стремилась, чтобы сделать их жизнь лучше. С твоим приездом дом стал намного теплее.

В тебе нет ничего от Карла Кордеро, и это тоже причина, по которой я тобой одержим. То, что ты вернулась, не значит, что он тебя сломал. Ты вернулась на своих условиях, и у тебя есть шанс изменить будущее для всех Кордеро. Я ни за что не поверю, что тебе это не нужно.

Герберт вдруг умолк, глядя на россыпь кристаллов на столе. Один из них светился.

– Кладовая, – сразу определила я и с торжеством взглянула на Герберта. – Что я говорила? Что поймаю «К»!

Мы спустились с чердака, стараясь ступать как можно тише. Кладовая располагалась на втором этаже, там хранилось чистое белье, всякие полотенца, салфетки и другие мелочи, что менялись во время каждой уборки дома.

Мы шли совершенно бесшумно. Умом я понимала, что стук моего сердца только кажется до ужаса громким, но не могла избавиться от ощущения, что вот-вот мы упустим нашего мага. А еще мне казалось – совершенно справедливо и ожидаемо, – что никого найти так и не удастся. Сколько раз мы думали, что близки к разгадке?

Мы были уверены: это Хейвен. И тут же, словно чтобы над нами посмеяться, ее убили.

Потом появилась Эмили Фаннинг. И тогда я снова подумала: а вот и разгадка. Теперь мертва и она, а «К» продолжает с нами играть, и его выходы с каждым разом все опаснее и опаснее.

Мы не успели дойти до кладовой, когда увидели, как черная тень метнулась к лестнице. Необходимость скрываться отпала, и мы с Гербертом рванули следом. Я едва не покатила кубарем по лестнице и каким-то чудом опередила его, влетев в гостиную, не обращая внимания на препятствия.

Жуткая, какая-то уродливая фигура, напоминающая сгорбленного бесформенного монстра в темном, покрытом грязью плаще, в панике заметалась у камина. Волна алого пламени ударила в нее со всей мощностью моей магии, сбив с ног и лишив возможности двигаться. В этот момент я забыла о страхе и осторожности, твердо намереваясь идти до конца. Рывком я стащила капюшон, чтобы наконец раз и навсегда покончить с тайнами. И в тот же миг, когда я отбросила темную ткань, она обмякла. Под плащом, лежавшим на полу как обычная тряпка, ничего не оказалось. Ни человека, ни магии, ни существа.

– Фантом, – заключил Герберт и хрипло рассмеялся. – Он над нами издевается!

– Думаешь, знал, что в доме ловушка, и специально создал фантома? – Я закусила губу.

– Это в его стиле. Поиздевался и снова завел нас в тупик.

– Я гналась за кем-то в черном по лесу, перед тем как убили Эмили. И на маяке она с кем-то боролась. Мы не видели его, но не могли фантом сначала отвлечь меня, потом молниеносно переместиться на маяк и там столкнуть Эмили?

Герберт задумался. Он внимательно осмотрел плащ, но я уже не сомневалась, что мы ничего не найдем, даже следа магии. Снова тупик.

– Я полагаю, да. Фантомы – раздел ментальной магии, так что все зависит от потенциала хозяина. Сильному магу даже не нужно постоянно его контролировать. Если он знал, что ты поведешься на приманку, а Эмили окажется на маяке, то мог устроить все заранее.

– То есть Эмили вообще могла быть ни при чем, – заключила я.

– Зато мы узнали, что за вами охотится сильный менталист. Хорошая новость: отыскать его стало чуть проще. Плохая: я не знаю ни одного сильного менталиста в нашем окружении.

Уж лучше бы магия не сработала и мы так и гонялись за проклятым фантомом! Я бы не чувствовала сейчас такого горького разочарования. Неудачи выбивали меня из колеи, заставляя все с большим усердием вгрызаться в дело, доводя себя до отчаяния.

– И что, он решил избавиться от фантома? Ведь это удобно: мы гоняемся за черным плащом, а реальный кукловод остается в стороне и наслаждается.

– Ну, полагаю, он не планировал попадаться. Судя по его растерянности, фантом явно не знал, что делать дальше. Значит, либо хозяин не думал, что дело примет такой оборот, либо хотел сдать нам фантома, но, как ты и сказала, это очень удобная фигура и глупо ее просто так раскрывать.

– Ну и что делает фантом, когда не знает, куда бежать? – спросила я без особой надежды на внятный ответ.

Но Герберт, к моему удивлению, ответил. В тишине его голос звучал слишком пугающе.

– Он намеревался вернуться к хозяину. Или к тому месту, где его создали.

Показалось, в помещении вдруг стало прохладнее. Я невольно поежилась и хлопнула в ладоши, чтобы зажечь свет. Фантом бежал в гостиную, это несомненно.

Но выход находился в другой стороне.

А значит, кем бы ни был его хозяин, он вызывал его в доме.

Пять лет назад

Она тенью скользнула по коридору, даже не потревожив пламя свечей. И кто додумался расставлять по дому свечи? Где магические светильники? Они были слишком яркие для отца, но здесь-то отца не было. Кортни вдруг подумалось, что они все превратились в эти свечи. Готовые, чуть что, погаснуть, оставив после себя только едва заметную струйку дымка.

Дверь, из-за которой доносилось хрипкое дыхание умирающего, она проскочила быстро. И лишь в конце коридора выдохнула. Нужная дверь была уже прочих, и едва Кортни ее распахнула, в нос ударил необычный цветочный аромат. Тягучий, сладкий.

Герберт стоял у окна. Зачем он смотрел на ночной сад? Ей всегда было страшно увидеть среди темных деревьев что-то... потустороннее и неизведанное. А у этого мужчины были стальные нервы.

– Папа приказал Кристалл уволить Розы, – сказала Кортни, желая хоть как-то нарушить эту тишину.

– Карл никогда не отличался чуткостью к близким. Он хочет, чтобы за ним ухаживали вы.

– Ким готова, но Кристалл сказала, что не позволит.

– Мудрая женщина, – хмыкнул Герберт, приближаясь.

Его руки одна за другой вытаскивали из ее волос шпильки, принося облегчение.

– Расслабься, – шепнул он, – скоро все кончится. Это не навсегда.

О чем он? О болезни папы или об их связи?

– Хорошо бы, – устало вздохнула Кортни. – Как твой суд?

– Ты хочешь говорить о суде? – Горячие губы коснулись шеи, она с шумом втянула воздух. Плеч коснулась прохлада.

И вдруг Герберт отстранился. Кортни удивленно открыла глаза. Он остановился у маленького столика, каким-то чудом втиснутого в небольшое пространство комнаты. Платье скользнуло к ее ногам. Не давая себе времени на смущение, Кортни шагнула к постели. Сидеть было не так... волнительно.

– Завтра выходной. Мне придется уехать в Даркфелл после обеда, и там я проведу ночь. Взял бы тебя с собой, да Кристалл не оценит. Хочу сделать тебе небольшой сюрприз. Ты знаешь, что значит твоя фамилия?

– Раньше на месте этого дома были кордеровые сады, – голос неожиданно охрип.

– Удивительное растение. Его лепестки обладают столькими магическими свойствами, что даже сложно перечислить их все по памяти. Из него варят любые составы. От ядов до спасительных зелий.

В его руках появился небольшой бутылек с розовой искрящейся жидкостью. Золотистые пузырьки внутри заворачивали.

– Что это? – спросила Кортни.

– Зелье из цветков кордера. Расслабляет, позволяет отбросить лишние мысли, придает ощущениям... краски.

– Наркотик?

– Нет. Разумеется, нет. Кортни, ты что, всерьез подумала, что я стану травить тебя? Он лишь поможет расслабиться. Ты задыхаешься здесь, в доме с умирающим отцом. Я не могу забрать тебя, но могу сделать так, чтобы стало легче. Впрочем, решение за тобой.

Расслабиться... это слово звучало так сладко, что она, недолго думая, выхватила флакон и выпила до дна. Вкус оказался приятным, как у южной красной ягоды. Зелье было горячим, по всему телу распространились волны тепла. Тепло зарождалось в груди, отдавая слабостью в ноги и руки. А еще оно избавляло от тревоги и страха. Их словно выключили, оставили только уже забытое чувство (а может, никогда и не изведенное): уверенность, что все будет хорошо.

Ей уже было хорошо и, если честно, не нужно было даже Герберта.

Он покрывал поцелуями плечи и шею.

– Сейчас я кое-что тебе покажу. Не бойся.

Одним легким движением он переместил ее на центр кровати. Поднял руки, и когда Кортни ощутила веревку на запястьях, удивленно вскинула брови. Но натолкнулась лишь на усмешку Герберта. Хорошо... игра так игра.

Глаза оказались завязаны шелковым шарфом. Все вокруг погрузилось во тьму. Ощущения в несколько раз обострились. Она чувствовала, как огнем пылает все тело, а прикосновения отзываются сладкой болью. Чувствовала обнаженной спиной покрывало, расшитое аларданскими нитями, ощущала руками прохладу темного дерева.

– Боишься?

Герберт провел рукой по ее коленке.

– Знаешь, почему мне нравится так заниматься любовью? Потому что это снимает с тебя ответственность. Ты не принадлежишь себе, я обладаю абсолютной властью. Тебе не нужно притворяться, думать о приличиях, о том, что хорошие девочки так не делают. Не нужно лгать, что ты именно такая – неспособная получать удовольствие от игры. Ты даже не представляешь, как хороша сейчас, Кортни.

Кожу на бедре обожгло ударом и сразу же – поцелуем. Кортни дернула веревки, но узел лишь затянулся туже. Герберт ласково погладил ее по животу, призывая успокоиться.

– Ты ведь веришь мне. – Бархатистые нотки в голосе стали глубже. – Веришь, что я не причиню тебе боли.

Новый удар обжег кожу, но с каждым новым касанием она чувствовала, как отзывается все тело. Чем больше проходило времени, тем сильнее наслаждение смешивалось с болью. Руки Герберта ласкали, умело находя чувствительные места. В какой-то момент Кортни отключилась. Тело еще что-то чувствовало, а в сознании было пусто. Темнота рассыпалась яркими звездами, удовольствие накрыло с головой. Из этого омута она уже не выбралась.

После, когда за горизонтом занимался рассвет, а небо из черного превращалось в нежно-сиреневое, Герберт осторожно наносил ароматное масло на ее ноги и плечи. Каждое его движение было осторожным. Излишне осторожным – ей не было больно. По крайней мере, так, как он думал.

– Злишься? – долго всматриваясь в ее лицо, спросил он.

Внутри было пусто. Так пусто, как никогда не бывало после ночей с ним. Эта пустота пугала большие красных следов на коже.

– Нет, – ответила Кортни. – Не злюсь.

– Я слишком долго о тебе думал. Не сдержался. Прости.

– Я должна идти.

Он не удерживал ее, но старался продлить касание рук. Кортни с трудом застегнула платье, руки слушались плохо, и немного кружилась голова. Просто небольшой побочный эффект зелья. Ей бы в ванну да немного поспать, но Кристалл наверняка попросит спуститься к завтраку. Впрочем, осунувшийся вид никого не удивит: с началом болезни отца в доме редко кто сиял благополучием.

– Ты придешь завтра? – настиг ее голос Герберта.

– Приду, – как послушная девочка, ответила Кортни.

И в этот миг сама себя таковой считала.

Глава 10

Сколько комнат может быть в огромном доме, где веками жили представители одного рода? Много. Семнадцать спален, гостиная, большая и малая столовые, кухня из трех совмещенных помещений, несколько кладовых, чердак, заваленный хламом, подвал, заваленный чуть более нужным хламом, комната для занятий музыкой, несколько кабинетов, зимний сад, прачечная... и еще куча гардеробных, небольших комнатушек, лестниц и подсобок. В любом из этих помещений мог быть проведен ритуал вызова фантома, и когда я думала, что придется проверить все, хотелось жалобно выть.

Но мы начали с гостиной, справедливо полагая, что вряд ли фантом заблудился в незнакомом доме.

– Ладно, скажи, что мы ищем, иначе я засну прямо на ковре, – наконец не выдержала я.

И как только никто не проснулся, пока мы бегали за фантомом и лазили по комнате?

– Тайник. Я думаю, фантома вызвали здесь, и должен быть тайник. Если он возвращался не к хозяину – а хозяина здесь не было, – то к тайнику с камнями для вызова.

– Понятно, – протянула я, пододвинула кресло на место и перешла к камину. – Выстроили же дом! Кому он такой нужен?

– На самом деле немного нетипично, что в доме так мало людей. Когда твой отец был подростком, здесь почти не было свободных спален.

– Да, знаю, а потом они все перемерли от обсидианового гриппа. Мама была целительницей и познакомилась с папой во время эпидемии, а через пару лет родилась Кайла. Это я уже слышала.

Часы пробили шесть утра, и показалось, что сейчас я действительно упаду от усталости.

– На кухне наверняка ничего нет. А есть ужасно хочется.

Я зевнула и потянулась, чтобы немного размять затекшую спину.

– Скоро придет Нина и приготовит твои любимые блинчики. Она уж и не чаяла, что когда-нибудь снова начнет их готовить. Кайла

помешана на фигуре, а Ким – поклонница мясных блюд, – усмехнулся Герберт. – А вообще, как давно ты ужинала в приличном месте?

– В том, где люди едят под живую музыку в окружении свечей? – уточнила я. – В семнадцать, когда отмечала день рождения Кайлы.

– И что, жених никогда не приглашал тебя?

– Ты переоцениваешь достаток Джейка. Он из хорошей семьи, но дорогие рестораны ему не по карману. А в Даркфелле они действительно дорогие.

– Пригласить тебя поужинать?

– Ты делаешь это, чтобы показать, что ты лучше Джейка?

– Я делаю это, потому что нам нужна передышка. Мы неделями торчим в доме и говорим только о «К». И скоро начнем срываться друг на друге. Хотя почему скоро? Мы уже это делаем, Кайла довела недавно Ким до слез какими-то абсурдными претензиями. Вечер в ресторане, с хорошим вином и музыкой, который закончится прогулкой по осеннему парку, – неужели тебе не хочется вспомнить, каково это: быть беззаботной богатой наследницей?

К собственному удивлению, я вдруг кивнула:

– Да.

– Серьезно? Ты согласна поужинать со мной? Вечером? Без сестер и твоего полоум... кхм... немного обиженного жениха?

– Ужин, Герберт, а не ужин и постель. Заодно расскажешь, как обстоят дела у семьи. Похоже, мне все-таки придется влезть в управление состоянием.

– Не могу ручаться за себя. Если выпью, боюсь, не удержусь, – хмыкнул он.

Я оставила его реплику без внимания, ибо пальцы что-то нащупали. Что-то, похожее на щель между стеной и камином, куда вполне можно было сунуть листок бумаги или тонкую пластинку. Может, конечно, от времени камни немного отошли, но кто знает? Я уже к любой мелочи отношусь с подозрением.

– Дай что-то тонкое, но прочное, – попросила я.

И Герберт без колебаний дал линейку, валявшуюся на столе, – вечером он сверял налоговые отчеты.

Я просунула линейку в щель и... ничего не произошло. Я даже испытала облегчение – не была готова обнаружить тайник нашего анонима. Потому что все же боялась. Боялась того, что это окажется

кто-то очень дорогой нам: Тай или Диналия. Или того, что это будет Джейк, от которого я ждала поддержки. Или Герберт, без помощи которого я просто не справлюсь.

С явным облегчением я начала вытаскивать линейку. Послышался негромкий, но достаточный, чтобы мы услышали, щелчок. По другую сторону камина часть стены вдруг чуть подалась назад и отъехала в сторону. Бесшумно, идеально четко и быстро. Не могу сказать, что Герберт был удивлен, а вот я стояла истуканом, смотря в темное пространство хода. Или потайной комнаты?

– Это что и откуда здесь?

– Дом старый, Кортни. Неужели ты никогда не думала, что здесь могут быть тайные ходы и комнаты?

– Думала... в детстве! Когда мы с Кайлой играли в шпионов. Папа говорил, в доме нет никаких ходов.

– И ты своим детям так же скажешь. Потому что неизвестно, что в этих ходах происходит. Может, там давно все прогнило и соваться туда опасно для жизни?

– Не думаю, что в этот, – я кивнула на стену, – опасно. «К» явно там бывал. Интересно, сколько еще в доме тайных ходов.

К моему удивлению, Герберт вдруг сказал:

– Как минимум два. Один соединяет три спальни с домиком прислуги, где есть подвал. Во время войны предполагалось, что хозяева дома смогут уйти, если начнется пожар или стрельба. В подвал под домиком нельзя попасть иначе.

– А второй?

– Второй ведет из подвала особняка, но он завален. Опять же, во время войны там обрушился потолок. Мы с Карлом проверяли все ходы, когда Кристалл обустроивала сад.

– Ты, похоже, знаешь этот дом лучше, нежели я.

Я не хотела ни на что намекать, но прозвучало так, словно я не доверяю Герберту.

– Почему ты не рассказал о них, когда кто-то в доме напугал Ким? Или когда мне отрезали волосы? Почему ты молчал? Ведь... ведь ход из домика прислуги ведет в ту спальню, где я уснула, верно? Тот, кто отрезал мне волосы, мог им воспользоваться.

– Конечно, это был я, – с сарказмом сказал Герберт. – Я поехал вместе с Ким и Кайлой в управление, оставил их там и рванул обратно,

чтобы пролезть тайным ходом и отрезать твои кудри. Потом вернулся на допрос. Книжка «Сто глупых развлечений» оказалась очень познавательной.

– А книжка «Сто глупых шуток» шла в комплекте?

– У меня большая библиотека. Кортни, я просто забыл. Хочешь – верь, хочешь – нет, но я не думаю ежеминутно о том, как устроен ваш дом. Мне и в голову не пришло подумать про эти ходы, это было так давно!

Я все еще пыталась рассмотреть что-то во тьме обнаружившегося хода. Когда поняла, что просто так это не удастся, подошла к самому проему. На кончиках пальцев зажглись огни, осветившие пространство. Ход оказался не совсем ходом, а, скорее, эдакой тайной кладовой. По размеру она была совсем небольшой. От голых стен веяло прохладой.

– Не бойся, – хмыкнул Герберт. – Местечко явно обитаемое.

Он указал на угол комнаты, оставшийся неосвещенным. Когда я подошла, то увидела, что он имел в виду: гору чьих-то вещей. Я наклонилась, чтобы рассмотреть находку лучше, и чуть не ахнула: среди всякого хлама были и листки с неудавшимися рисунками маяка, и две сломанные куклы, совсем как те, что плавали возле лодки на озере. Обертки от шоколада, старая глиняная кружка со следами кофе.

– Он бывал здесь все это время. В моем доме, у меня под носом.

– Надо проверить все остальные ходы и комнаты, даже те, которые заперты, – кивнул Герберт. – Хочешь обратиться к Портеру? У него ресурсов немного больше.

Чуть подумав, я отрицательно покачала головой.

– Нет, хватит с меня этого детектива. Кстати, поищи о нем информацию на досуге, мне не нравится то, как он взялся за Ким. А это... вызови рабочих, пусть замуруют эту комнатку навечно. Я выпью кофе и возьму Кайлу, мы проверим остальные ходы, пока Ким и Диналия спят.

– Как скажешь, – с сомнением согласился Герберт. – Вечером ужин, не забудь.

Забудешь тут. Как думать об ужине, когда в твоём собственном доме такое происходит?

– Сделай лицо проще! – со смехом попросила Ким. – У меня такое чувство, что ты идешь не на ужин, а на публичную казнь.

Я вяло улыбнулась.

Весь день мы осматривали дом. Каждую щель, каждый шкаф, каждую трещинку. Кайла пришла в ужас, когда узнала, что «К» готовил свои гадости прямо у нас под носом. Ким и Диналию мы не стали посвящать в подробности, придумали удобное объяснение: планируем делать в доме ремонт и проверяем его состояние, в том числе потайные ходы. Им это показалось игрой, и девчонки от души и с удовольствием нам помогали.

Но никаких следов «К» больше не нашлось. Или мы разорили его единственное логово, или и Герберт не знал о доме всего.

– Я устала, Кимми. И, честно говоря, осталась бы дома.

– Если ты будешь сидеть постоянно дома, то сойдешь с ума, – наставительно произнесла сестра и особенно больно впихнула шпильку в мою косу.

Коса получилась красивая, высокая, с незаметными, но элегантными рубиновыми шпильками. Вообще я не любила носить мамины украшения, но эти уж очень подошли к новому платью. Длинному, черному, с красным кружевом на спине и в виде вставок на юбке. Я смотрела на себя в зеркало и понимала, что все больше и больше соответствую любимому типуажу отца: яркая брюнетка с выразительными глазами и бледными губами. Как мама. Как Кристалл.

Из череды его женщин выбивалась лишь Эмили Фаннинг. И Ким, совсем нетипичная Кордеро. Может, поэтому ее любили больше.

– Красавица, – улыбнулась Ким. – Удачного вечера. А я буду есть мороженое, болтать с подружкой и мечтать о славных днях, когда мне тоже разрешат ходить на ужин с Гербертом.

– Боюсь, его на всех нас не хватит, – рассмеялась я. – Найди кого-то помоложе.

Ким покраснела – явно вспомнила о Тае, который теперь заглядывал совсем редко: с убийства Эмили у стражей появилось много работы. Народ в Хейзенвилле участливый, живо интересуется всеми происшествиями и особенно – убийствами. Лицемерная, напускная забота, которой они прикрывают свои секреты.

Вечер выдался прохладный. Я накинула плащ как раз тогда, когда явился Герберт вместе с рабочим «дипломатом». Я просила взять его с

собой документы, чтобы кратко ввести меня в курс дела. Делами я прикрылась скорее из-за опасений: разговор с Гербертом на личные темы мог зайти не туда, куда планировалось.

– Может, накинешь что-то теплее? – спросил он, оценив мой плащ. – Там довольно прохладно.

– Незачем, я не планирую прогулку.

– Как скажешь, – почему-то фыркнул он. – Ты прекрасна сегодня, Кортни. Идем?

В Хейзенвилле не так много мест, куда можно выбраться на ужин. Но если что и есть, то оно высшего класса.

В ресторане было на удивлениелюдно. К счастью, Герберт сделал заказ, и нас без промедления проводили к небольшому столику на двоих у окна. Сквозь полупрозрачные шторы виднелся ночной город.

– Прошу вас, меню. – Миловидная разносчица принесла две книжечки и вручила нам. – Я подойду через пару минут.

– Серьезно? – рассмеялась я, едва вчиталась в текст. – Меню без цен? Ты полагаешь, я могу впечатлиться непомерными тратами?

– Это дань вежливости, Кортни. Дама не должна знать, сколько стоит ужин. Полагаю, в тех местах, где ты бывала в Даркфелле, такое не принято. Там, скорее всего, на ужин скидываются всей компанией, а сдачу забирают вплоть до последнего медяка.

Не знаю, задался ли Герберт целью испортить мне настроение или просто, по обыкновению, язвил, но вдруг стало весело. Ведь он прав: в студенческие годы я не слишком шикавала. Иногда денег катастрофически не хватало, особенно когда приходилось оплачивать поездки, новые учебники или одежду. Иногда удавалось подзаработать, но я все равно ими не сорила. Да, мы частенько ужинали в тавернах и пабах, и папа, узнав об этом, притащил бы меня за ухо домой. Но было весело и интересно, эти вечера наполнились другой атмосферой, совершенно не похожей на эту мерцающую роскошь.

Герберту тот мир вряд ли был знаком. Он привык к дорогим вещам и элитным заведениям. Воспоминания о другой, менее сытой жизни оказались надежно погребены в прошлом. Что ни говори, а добиваться своего Герберт умел. Да, отец дал ему старт, помог подняться с низов. Но всего остального Герберт добился сам, и в чем-чем, а в уме ему отказать было нельзя.

Он рано потерял родителей, почти не помнил, как оказался в приюте. Право, история и судебные процессы были его страстью с самой юности. Уже позже, будучи не самым бедным юристом, Герберт с трудом, но разыскал Диналию в одном из приютов Даркфелла и забрал к себе. Их разлучили, когда она была совсем малышкой. Втайне от всех Герберт несколько лет искал ее, не желая сдаваться, хотя у него не было даже ее нового имени. Мне стоит понять, что он от своих целей не отступается...

Мы сделали заказ. Принесли вино, и я с удовольствием глотнула терпкий напиток. Идеально. Кажется, Герберт знает меня лучше, чем я сама.

– Итак, что с делами?

– Сейчас?

Он неторопливо меня рассматривал. С ног до головы, начиная от прически и заканчивая туфлями.

– Что ты сделала с волосами? Мне кажется, на такую косу их явно не хватило бы.

Ким потратила несколько часов, чтобы нарастить искусственные пряди и придать моей прическе более-менее приличный вид.

– Женский секрет, – только и улыбнулась я.

В такие моменты казалось, что я скучаю по блеску и роскоши, присущей Кордеро. В годы болезни папа превратил наш дом в лазарет, разогнал прислугу и погрузил во мрак, но раньше мы часто бывали в ресторациях, на приемах и званых ужинах. Тогда я это ненавидела, а сейчас думаю, что в этом образе жизни есть свое очарование.

– Расскажи мне об учебе. Что ты изучала? О чем писала? Я читал твои публикации в студенческом журнале, но это ведь не все, чем ты занималась?

– Серьезно? – Я оторвалась от салата. – Ты читал мои публикации?

– Кортни, я читал все, что о тебе писали. Все статьи с твоим упоминанием. Все твои работы, которые колледж публиковал. Поэтому мне жутко интересно. Только не говори, что и впрямь взялась за право и совсем не изучала свою магию. Ты неплохо ее развила.

Я ругала себя, старалась сдерживаться, но снова и снова сравнивала Герберта с Джейком. Те десятки раз, когда я хотела обсудить свою учебу, а Джейк лениво отмахивался. Те обиды, когда я

делилась проблемами, а он лишь смеялся, что учеба не стоит таких переживаний. Все пропущенные им публичные выступления, когда я мечтала хоть о какой-нибудь поддержке, а Джейку было слишком скучно сидеть и слушать нудные доклады.

– Я хочу окончить колледж. Знаю, будет сложно совмещать с делами Кордеро, но мне нужен этот диплом. Всего полгода до защиты. Я хочу дойти до конца.

Герберт кивнул. Официантка подлила еще вина, и я окончательно расслабилась. Это был действительно ужин. Не борьба характеров, не игра. Обычный ужин за приятной беседой. Как же мне этого не хватало!

– Бросать учебу за полгода до защиты глупо. Думаю, я смогу организовать твою занятость так, чтобы ты все успела. Но при одном условии.

Кажется, я рано обрадовалась вечеру.

– Пригласишь меня на выпускной.

– Ты невыносим.

– Я готовил тебя к экзаменам. Я имею право взглянуть на результат своей педагогической деятельности.

От напоминания о том времени я прерывисто вздохнула и схватилась за бокал, чтобы Герберт не заметил, как задрожали руки.

– Я горжусь тобой, Кортни, – вдруг очень серьезно произнес он.

– Ты жестоко разочаруешься, – пробормотала я, рассматривая собственное отражение в окне в окружении мерцающих отблесков свечей.

Уже после того, как принесли кофе с десертом, Герберт потянулся к «дипломату». Я подумала, что мне наконец покажут бумаги и введут в курс дела, но он достал вовсе не документы. А небольшую коробочку черного цвета.

– Что это? – немного напряженно спросила я.

– Посмотри и узнаешь.

И как на это реагировать? Подарки не дарят бывшим подругам, не дарят хозяйкам, на которых работают. Но Герберт выглядел совершенно невозмутимым. Первым порывом было отказаться и немедленно вернуть подарок, но усилием воли я заставила себя принять.

– Красивые, спасибо, – вежливо поблагодарила я за действительно красивые и дорогие серьги.

Что полагалось сделать дальше, начисто вылетело из головы. Примерить? Убрать в сумочку? Отдать Герберту на хранение? Я поступила как любая девушка, которой подарили украшение: примерила и снова посмотрелась в отражение в окне. Красные камни ярко блестели на свету.

– Красный идет тебе. Как и огонь.

– В Даркфелле у меня не было ни одной красной вещи, настолько прочно цвет ассоциировался с...

Я осеклась, едва не ляпнув «цветами кордера».

– С нашим домом, – наконец подобрала нужные слова.

Но Герберт, кажется, понял, что именно чуть не сорвалось с губ.

– И все же тебе идет. Идем? – вдруг спросил он.

Я даже ощутила сожаление, не хотелось так рано покидать ресторан. Пожалуй, я зря отменила прогулку. Ночной осенний парк прекрасен. Впрочем, «К» все еще за нами наблюдает. Незачем давать ему прекрасную возможность застать нас врасплох, вдали от людей.

– Не домой, – усмехнулся Герберт. – Танцевать.

– А позвать меня потанцевать в начале ужина ты не мог?

– Мог, – ничуть не смутился он. – Но в свете последних событий решил, что лучше не оставлять без присмотра еду и напитки. Даже в подобном заведении. Так что, ты будешь со мной танцевать? Некоторые уже на нас пялятся: ждут, что ты откажешь и начнется шоу.

Я без промедления поднялась и, позволив взять себя под руку, направилась к площадке для танцев. Играла негромкая мелодичная музыка, несколько пар уже танцевали. Но прежде раздался оклик:

– Кортни, детка, ты ли это?

– О нет, леди Томэс, – тихо вздохнула я.

И тут же ослепительно улыбнулась:

– Здравствуйте, Танита, как поживаете?

Уже пожилая, но еще не растерявшая лоск и стать блондинка рассматривала меня, как детектив на допросе. И, конечно, от ее внимания не ускользнул Герберт, который по-хозяйски приобнял меня за талию. Он умел выбирать момент: при хорошей знакомой отца я не стала бы протестовать.

– Признаться честно, я не знала, что ты вернулась. Но мы все так рады тебе! Обязательно приходи на обед.

Тут ее лицо приняло скорбное выражение:

– Бедняжка Кайла. Как страшно осознавать, что в один миг твой ребенок может оказаться чудовищем. Может, это и кощунственно, но хорошо, что Карл не дожил до такого. Хоть не видит...

– Нам пора, миледи, – поспешил сказать Герберт, чувствуя, что вот-вот моя выдержка мне изменит.

– О... а я думала, вы хотите танцевать.

– Нет, мы как раз собирались домой. День выдался долгий.

– Не знала, что вы живете в доме Кордеро, господин Уолдер.

– Девушки потеряли мать, – холодно отозвался он. – Им нужна поддержка и защита. Как человеческая, так и юридическая.

С лица леди Томэс мигом слетела ехидная улыбка. Она опасливо покосилась на Герберта и пробормотала что-то невразумительное, что мы сочли за поспешное прощание.

– Дыши глубже, – посоветовал Герберт, когда мы вышли на улицу и я вдохнула отрезвляющий морозный воздух. – Старая женщина вряд ли соображает, что и кому говорит. Для нее это новая сплетня.

– И так будет всегда, – покачала головой я. – Мне что, улыбаться им и терпеть?

– Думаешь, это единственный возможный вариант? Как знаешь, но твоя мать, например, не терпела. Осаживала любого, кто смел проявлять неуважение. Поначалу Карл пытался перевоспитать ее, но быстро смирился. Уже через полгода после свадьбы никто не решался в открытую с ней враждовать. У тебя тоже получится.

– Не сейчас, – после короткой паузы ответила я и поежилась. – Сейчас любая дерзость может быть использована против меня. Поехали домой. Я замерзла и устала.

– Выпьешь со мной дома? – спросил Герберт, когда подавал мне руку, чтобы помочь войти в экипаж. – Раз уж танец сорвался.

– Не уверена, что у меня есть на это силы, – уклончиво ответила я.

Оказавшись внутри кареты, я чуть успокоилась. И брошенные вскользь слова перестали казаться оскорблением, а решение смолчать неправильным. Не стоит сейчас показывать характер, неизвестно, кто друг, кто враг, к кому придется идти за помощью, а кого лучше держать поближе просто на всякий случай.

Я рассеянно теребила новую сережку, наблюдая за пронесившимися мимо деревьями, красиво подсвеченными уличными фонарями. Во мраке ночи листья казались сделанными из золота. Рука Герберта легла мне на колено и, не встретив сопротивления, двинулась вверх, а губы почти неосознанно коснулись виска.

– Расслабься, – бархатистым голосом произнес он, – убери коготки, она просто глупая женщина, единственная радость которой – новая сплетня. Прекрати о ней думать. Подумай о чем-нибудь более приятном.

– Например, о тебе? – усмехнулась я.

– О себе. О том, чего тебе действительно хочется.

– Ну, это уж точно не секса в карете с тобой. – Я отстранилась. – Может, хватит? Ты обещал, что это будет просто ужин.

– Хватит? – Пальцы мужчины аккуратно погладили меня по щеке, задержались на губах. – Когда от моих прикосновений у тебя перестанут гореть глазки, тогда я прекращу. Не ври хотя бы себе, Кортни. Можешь рассказывать сказки Ким, Кайле, Джейку. Себе не ври и меня не обманывай. Расслабься хоть раз, разреши себе ошибиться, но возьми то, чего ты так хочешь.

– Я хочу, чтобы это все кончилось.

– Знаю, милая, знаю. Я сделаю все, что смогу. Ты ведь понимаешь, что я буду защищать тебя и девочек любой ценой?

– Да, – после долгой паузы откликнулась я. – Знаю.

Страшно представить, что с нами было бы, не будь рядом Герберта. Мы с сестрами остались совсем одни.

– Вот и хорошо. А теперь... останови меня.

Поцелуи стали настойчивее, Герберт запустил руку в мою косу и заставил откинуть голову, обнажая шею, а горячие губы заскользили до самой груди.

Экипаж резко остановился, я открыла глаза, и наваждение пропало. Неужели мы уже дома?

– Кажется, тебе сегодня не везет, – вырвалось у меня.

На это Герберт лишь усмехнулся.

– Звучит как вызов.

Окна Кордеро-холла не горели. Все спали.

Зачем-то я вела себя очень тихо, хоть и знала, что девчонки на втором этаже нас вряд ли услышат. Разве что Кайла, если не спит, но

ту мало интересует, когда я возвращаюсь домой. Тем более что это произошло раньше, чем я сама предполагала.

– С тех пор как ты выбросила все запасы спиртного, я даже не уверен, есть ли в доме что-то приличное.

– Не переживай, есть, – откликнулась я. – Только оно заперто, а ключ всегда при мне. Что очень нервирует Кайлу. Как думаешь, мне надо беспокоиться?

– О Кайле? Не бойся, твоя сестра не пропадет. Кайла разумнее, чем кажется... или чем хочет казаться.

Я нахмурилась, не до конца понимая, о чем он говорит. Но достала из сумки ключ и протянула Герберту. Я все еще не была уверена, что настроена на продолжение вечера, но... почему-то казалось, что сейчас мне не удастся уснуть.

Когда Герберт вернулся с бутылкой вина и двумя бокалами, я заметила, что он так и не снял перчатки и плащ. Еще куда-то собрался?

– Пожалуй, не стоит, – покачала я головой, когда он предложил вина. – Я пойду спать, день действительно был длинный. Спасибо за вечер, Герберт.

Я замялась, не решаясь продолжить.

– И за то, что делаешь вид, будто тебе со мной интересно.

– Никогда я не притворялся рядом с тобой, Кортни.

Я хотела было уйти, но он остановил, поймав мою руку. Переплел наши пальцы, потянул к себе, вынуждая приблизиться.

– Дай мне шанс, Кортни. Вторую попытку. Иначе я сойду с ума, находясь рядом с тобой. Ты же знаешь, что я не могу вас оставить. Не смогу бросить. Смотреть на тебя, не имея возможности прикоснуться...

На секунду я перестала мучить саму себя и прислонилась лбом к его плечу. Герберт сжал мою руку крепче, уткнулся носом в волосы, вдыхая аромат духов – им же подаренных когда-то давно, в юности.

– Почему? Никто нас не осудит. Никто не станет бросать косые взгляды.

– Из-за папы, – выдохнула я. – Он...

Я вздрогнула, когда внизу раздался негромкий шорох. То есть в гостиной он был негромкий, а вот в подвале... в подвале источником звука мог служить только... только тот, кто не ожидал, что мы вернемся так рано.

– Что это?

Герберт тоже насторожился. Выпустил мою руку и направился к холлу, откуда можно было спуститься в подвал.

– Иди спать, – бросил он мне.

– Ну уж нет, на этот раз я не собираюсь прятаться в комнате, как маленький ребенок.

– Знаешь, милая, бродить со мной по подвалам не самая лучшая идея. Подумай очень хорошо, что там может тебя ждать.

Конечно, я никуда не ушла. Может, потому что еще верила, будто смогу поймать «К», может, потому что боялась оставаться в одиночестве, а может, просто назло Герберту. Но я вошла вслед за ним в подвал и внимательно осмотрела большое помещение, заваленное хламом.

Когда-то папа мечтал, что в подвале будет зал для тренировок сыновей. В юности он был одержим боевыми искусствами. Он даже нанял рабочих, и те начали подвал обустраивать: ввинтили в потолок крюки для перекладин и колец, установили какие-то железки в полу, завезли стойки для тренировочных мечей и манекены для отработки ударов.

Но мечтам папы не суждено было сбыться: сначала родилась Кайла, потом я. Мечты о сыне пришлось оставить, как и идею сделать для детей тренировочный зал. В подвал стаскивали мебель, которая по какой-то причине перестала устраивать Кристалл, шкафы, которые ломились от ненужных вещей. Едва я вошла, то сразу же подумала, что нужно разобрать здесь все и выбросить добрую половину. А вторую половину отдать кому-то, кто не может себе позволить купить новое. И вообще, обновить бы весь интерьер в доме, а то уж больно мрачным выглядит Кордеро-холл. Если я собираюсь прожить в нем всю жизнь, нужно хотя бы сделать это с большим комфортом.

В подвале никого не было. Из него сложно уйти незамеченным: всего один вход, никаких окон или тайных ходов... кроме того, заваленного. Что бы ни издало тот звук, оно не могло нам навредить.

– Наверное, что-то упало, какая-нибудь ветхая рухлядь, – вслух произнесла я, и голос эхом прокатился по подвалу.

– Наверное... – откликнулся Герберт.

Затем я услышала, как щелкнул замок на двери.

– Я ведь предупреждал, Кортни, что не стоит ходить со мной по подвалам.

– И что это значит? – холодно поинтересовалась я, стараясь, чтобы в голосе не промелькнула дрожь.

Он неспешно приблизился. Это был Герберт, настоящий. Не тот, что еще несколько минут назад утверждал, что не сможет без меня жить. Он умело играл в добродушного адвоката, когда хотел, или в галантного кавалера, когда это было выгодно. Но настоящий Герберт был только таким – с опасным блеском в глазах, не сводящий с меня обжигающего взгляда.

За спиной неожиданно оказалась стена, я сама не заметила, как отступила к ней, и почувствовала холод обнаженной частью спины. Герберт придвинулся ближе, рука взметнулась к моей шее, но лишь осторожно коснулась чувствительной кожи за ухом.

– Знакомое чувство, да? – хрипло произнес он. – Волнение. Страх. Скучала по нему?

– Нет, – не очень уверенно пробормотала я.

– Лгунья. Скучала. Неужели ты решила, что я от тебя так просто отступлюсь? Видят боги, Кортни, я хотел. Я резал по живому, думая, что жертвую всем ради тебя. Но не теперь, когда ты почти призналась, что чувства еще остались.

Он еще приблизился, даже через ткань пальто я чувствовала жар, исходящий от тела. И сбежать от него никуда не получится. Губы коснулись щеки, но мимолетно, я почти ничего не почувствовала, кроме мелкой дрожи, охватившей тело.

– Не знаю, что сделал тебе отец, что он сказал, но мне плевать. Он мертв, а мы живы, и я не хочу остаток жизни жалеть, что так и не рискнул.

В какой-то момент мне это надоело. Дразнящих прикосновений и теплого дыхания стало мало. Мои губы коснулись его, но Герберт прикосновение прервал и тихо рассмеялся.

– Ты ведь знаешь правила. Только когда я скажу.

– Нет.

– Тебе нравится это слово, да?

Он быстро, словно делал это сотни раз, расплел мою косу. Кудри рассыпались по плечам.

– Мне тоже нравится, как ты говоришь «нет».

Мы оказались в центре помещения. Я не двигалась с места, хоть и слышала, что Герберт делает что-то очень... знакомое. То, о чем я старалась не думать и не вспоминать.

– Сними туфли. – Почти приказ, которого, впрочем, не захотелось послушаться.

Я с наслаждением сбросила обувь и почувствовала, как ноги ноют от усталости. Потом – как руки в перчатках расстегивают пуговички на платье, и оно спадает на пол. Кожа покрылась мурашками от легкой прохлады.

Некоторое время ничего не происходило. В абсолютной тишине я слышала только свое прерывистое дыхание. И... боролась с искушением обернуться и посмотреть. А еще боролась, а вернее, пыталась не обращать внимания на неожиданное стеснение. Откуда оно появилось? Герберт далеко не впервые видел меня обнаженной.

– Дай руку, – мягко попросил он. – Вверх, Кортни, ты ведь знаешь. И вторую.

Вокруг запястий обвилась веревка, потом я почувствовала, как она натягивается, заставляя меня поднять руки над головой. Герберт затянул узлы и проверил, насколько сильно давят веревки. Терпимо. Приятно.

Он собрал мои волосы и несколькими шпильками зафиксировал наверху, обнажив шею и спину. Не снимая перчаток, указательным пальцем провел вдоль позвоночника, и я непроизвольно вздрогнула.

– Напомнить тебе правила? – прошептал он. – Хотя я подозреваю, ты все прекрасно помнишь.

– Кристалл часто приходилось напоминать? – вырвалось у меня.

Герберт рассмеялся и отошел в сторону.

– Тебя так злит мой роман с Кристалл. Ты не представляешь, какое удовольствие мне доставляют твои шпильки. Твоя ревность. Если бы не она, я бы, наверное, сдался.

Плеча коснулось что-то прохладное. Повторило контур шеи, спустилось вниз по позвоночнику и задержалось на пояснице. Я замерла, закрыв глаза. Ощущение приятной неги, смешанной с легкой щекоткой, сменилось болью от слабого удара. И второго, чуть сильнее. Стеком Герберт провел по внутренней стороне моей коленки, бедра. Близко, очень... У меня вырвался короткий стон, сзади я услышала удовлетворенный смешок.

– Ты ведь это планировал. Ты выбрал безошибочный способ заставить меня спуститься.

Он вышел вперед, так, чтобы я его видела. Рассматривал меня долго, горящим взглядом, выдававшим нетерпение. Та часть меня, что еще могла разумно рассуждать, гадала, как долго он сможет продолжать эти игры. Как быстро не выдержит.

От прикосновения стека к груди соски напряглись, удар был совсем легкий, но от него все тело словно пронзило током, и я дернулась.

Это борьба. Герберт здесь хозяин, от его воли зависит все. Он не остановится, даже если я буду умолять это сделать. Единственный выход – переиграть. Чем дольше он контролирует себя и эту игру, тем увереннее себя чувствует.

Я рассмеялась. Азарт стал пряным дополнением к растекающемуся по телу удовольствию.

– Что тебя так веселит, любовь моя? Мы только начали.

– Это и веселит, – хрипло ответила я. – Ты сходишь с ума от того, что всю жизнь тебе приходится подчиняться моей семье, и единственный способ доказать себе собственную значимость – хоть на немного подняться над тем, от кого зависишь.

Я четко знала, куда бить, и тщательно – насколько позволял затуманенный возбуждением разум – подбирала фразы. В лице Герберта ничего не менялось, но я инстинктивно чувствовала его состояние и знала, что он на пределе. Он приблизился вплотную, а я упрямо смотрела ему в глаза.

Там полыхал огонь. И не знаю, чего в нем было больше, злости на меня или страсти. Он сжал мои волосы на затылке, а поцелуй, последовавший за этим, больше напоминал укус. Но все же прикосновение было настоящим, и я вся отдалась этому чувству, подумав, что, если он снова начнет меня дразнить, выйду из себя. Во мне не было покорности пять лет назад, не будет и сейчас.

Но это его слабость. Однажды приблизившись, он не сможет вернуть хладнокровие.

Однако за годы, как оказалось, Герберт все же чему-то научился, потому что победа оказалась мимолетной. Я ощутила короткую радость от того, что сумела вывести его из равновесия, а потом он вновь отстранился, оставив меня наедине с холодным разочарованием.

Стек был отброшен куда-то в сторону, Герберт вновь зашел мне за спину.

Теперь он использовал руку, так и не сняв перчатку. Прикосновение грубой ткани к обнаженной коже казалось нестерпимым, на грани боли и наслаждения. С замиранием сердца я ждала, когда он снимет перчатку, но Герберт не торопился, лаская грудь, покрывая шею короткими поцелуями. Я выгнулась, насколько позволяли веревки, почувствовала, как они сильнее впиваются в кожу, но в этот момент такая боль казалась совсем пустячной. Герберт провел рукой по животу, спустился ниже, и в прикосновениях не было нежности или осторожности, но мне уже было все равно, от каждого касания я вздрагивала.

Веревки вдруг ослабли. Не удержавшись на ногах, я опустилась на пол, чуть поцарапав колени. Почувствовала, как Герберт уверенно меня направляет, заставляя принять удобное... для него положение. Связанные руки не дали толком опереться, но мне вскоре стало плевать. Тело требовало разрядки, разум оказался затуманен, весь мир снова сузился до одного-единственного мужчины, которого я даже не видела, но которого чувствовала каждой клеточкой тела.

Каким-то чудом мне еще удавалось не кричать, чтобы не разбудить никого в доме, эхо в подвале звучало что надо. Но с каждым движением я теряла контроль. Настал момент, когда я просто перестала обращать внимание на что-то, кроме лавины удовольствия. И еще долго не могла прийти в себя, когда напряжение взорвалось внутри. Сердце билось так, что перед глазами темнело, я чувствовала каждый удар и просто лежала, приходя в себя. На холодном полу, в темноте.

На плечи опустились руки, уже без перчаток. Непривычно было ощущать тепло его кожи. Герберт аккуратно усадил меня к себе на колени и принялся распутывать веревку. Мы оба молчали, я вообще не была уверена, что смогу что-то произнести, и дрожала явно не от холода.

А он растирал мне запястья со следами веревки.

Герберт достал из кармана фляжку и протянул мне. Я сделала несколько больших глотков и, поняв, что внутри всего лишь вода, жадно пила, пока она не кончилась.

– Ты как?

Я опустила голову ему на плечо и закрыла глаза.

– Если бы во фляге оказалось зелье, ты бы разбил мне сердце.

– Я слишком сильно люблю тебя, чтобы так рисковать.

Поняв, что засыпаю, я не стала противиться усталости. Возможно, стоило взять себя в руки и гордо уйти, оставив Герберта наедине с его же пороками, но я впервые за много дней чувствовала себя в безопасности.

Слишком много эмоций для одного дня. Слишком.

Пять лет назад

Дом спал. Кайла ушла последней, хотя под конец Кортни казалось, что сестра останется в гостиной до утра. Но все же дверь ее спальни закрылась, и Кортни, выждав полчаса, вышла. Ноги утопали в ковре, шагов не было слышно. В руках она держала дорожную сумку, как утопающий держит спасательный круг. По сути, сумка им и была. И сейчас Кортни отчаянно пыталась выплыть.

Ей чудом удалось не смотреть в сторону мраморной спальни. А вот на часы все же посмотрела. Герберт ждет... еще минут десять он будет думать, что она опаздывает, а потом... решится ли он пойти ее искать? И если да, то догадается ли? Кортни тошнило при мысли, что она не успеет уехать из Хейзенвилля прочь.

Размышляя об этом, она не заметила, что дверь в комнату отца приоткрыта. словно что-то почувствовав, Кортни повернула голову и вздрогнула, встретившись взглядом с папой. Сначала она подумала, что он мертв. Но потом его голос вернул ее к реальности.

– Кортни... подойди.

Он понял. Несомненно, он все понял, ведь болезнь уничтожала тело, но не разум.

– А ведь он тебя ждет, – к ее удивлению, произнес отец, когда она оказалась рядом.

– Он ждет не меня, – с трудом она нашла в себе силы ответить. – Он ждет момент, когда у него появится безграничная власть. Мне это не нужно.

Отец хрипло рассмеялся и закашлялся. Он уже не мог поднять руку, чтобы достать платок, а Кортни помогать не стала.

- Никогда не думал, что ты на такое осмелишься.*
- Ты многого обо мне не знал, – холодно ответила она.*
- Похоже на то.*

Они замолчали. Кортни была готова – внутренне готова – просто уйти, оставив отца здесь, зная, что он просто не сможет ее догнать. Не сможет вернуть домой, ударить, накричать. Ничего больше не сможет. И это ощущение ей так понравилось, что она просто наслаждалась им, стоя у постели отца и оттягивая момент прощания.

– Ты моя дочь, Кортни. И я должен испытывать к тебе какую-то отцовскую любовь. Но я не чувствую ничего. Ты меня разочаровала. Вы оба меня предали.

Она наклонилась так, чтобы из коридора не было слышно слов. И на пару мгновений замерла, замороженная тем, как грудь отца тяжело вздымается.

– Мне плевать, – отчетливо и резко произнесла Кортни.

С кончиков изящных пальцев сорвались алые огоньки. Они почти ласково коснулись груди отца, и у него вырвался прерывистый хриплый вздох.

Это было действительно его последнее слово.

Она хорошо знала, какие ступеньки скрипят. На ходу запахивая полы плаща, Кортни быстро сбегала вниз, почти не издав ни звука. Уже у самой двери она замерла. Запоминая звуки дома, бывшего родным столько лет. Запечатлевая в памяти запахи. Последний взгляд, брошенный почти против воли на лестницу, – и ей почудились мягкие шаги Герберта. Она потрянула головой, чтобы избавиться от наваждения. Пальцы сомкнулись на дверной ручке.

И в следующий миг прохлада дождя ударила в лицо. Ночной Хейзенвилль сверкал множеством отражений луны в лужах и мокрых листьях деревьев. Кортни сделала несколько шагов, словно не веря, что это действительно происходит с ней.

Стена дождя отрезала ее от прошлого. В которое, как она надеялась, не вернется никогда.

Глава 11

– Кортни... – донеслось откуда-то из реальности.

Донестись-то донеслось, но я решительно не хотела просыпаться и вникать, кто и зачем меня зовет. Однако голос оказался настойчив:

– Детка, просыпайся. Кортни, ты нам сейчас нужна.

Потом меня потрясли за плечо, так что пришлось недовольно открыть глаза. Я бросила взгляд в окно, но рассвет еще даже не начался.

– Ким приболела, мы вызвали целителя. Кайла велела тебя разбудить.

– Что с ней?

Несмотря на спокойный голос, что-то в Герберте мне не понравилось. Он говорил так, словно Ким лишь кашляла, но ради этого не нужно было вызывать целителя. Даже если она простудилась или отравилась, в доме стоял целый сундук с лекарственными зельями.

– Обожглась, – еще больше удивил Герберт.

Пришлось встать и накинуть халат. Я не нашла обувь и поняла, что это вообще не моя комната. Одна из нежилых спален, в темноте я даже не смогла определить какая.

– Каким образом она умудрилась обжечься посреди ночи?

Герберт смотрел на меня с некоторой... я бы сказала, опаской, если бы верила в то, что он может меня бояться.

– Ким опрокинула на себя кастрюлю с кипятком. Мы понятия не имеем, кто оставил ее на огне. Вероятно, Ким спустилась за водой и оступилась.

– Просто случайно пошла и опрокинула на себя кастрюлю?

– Понимаю, о чем ты думаешь. Но она говорит, что сама. Нет причин думать, что кто-то пытался ей навредить. В конце концов, детка, неприятности случаются и сами по себе.

– Ага, – буркнула я, поежившись, – и все – в моей семье.

Кайла с Диналией тоже не спали. Старшая сестра выглядела крайне уставшей и помятой. Под глазами залегли темные круги. В комнате Ким сидела перепуганная Диналия. Сестра была бледной, со следами слез на лице, но улыбнулась, когда я вошла.

– Зря тебя разбудили. Я в порядке.

– Ну-ка, покажи, что с тобой случилось.

Ким обожгла бедро, ногу и часть руки, поэтому сидела сильно наклонившись, так, чтобы не опираться на больные места. Пораженная кожа выглядела не слишком хорошо, возможно, останутся шрамы.

– Ты выпила обезболивающее?

Ким кивнула и вздохнула.

– Прости. Тебе и так непросто. Не нужно за меня волноваться. Я просто бываю ужасно неуклюжей.

– Не думай об этом. Мы обязательно выясним, кто оставил на кухне кастрюлю с кипятком.

– Не ругай Нину! – взмолилась сестра. – Я действительно неудачно оступилась. Не увольняй ее!

– Не волнуйся. Я никого не собираюсь увольнять.

– Как твой ужин? – спросила Ким.

– Хорошо.

Ким надо было отвлечься от боли, так что я начала рассказывать, какой был ресторан, что я заказывала и кого видела. И, разумеется, Ким заметила серьги, которые я не сняла перед сном.

– Красивые, – улыбнулась она. – Кортни, я хотела спросить...

Но что именно, мне не удалось узнать: пришел целитель.

Он был таким, каким я его запомнила, – пожилым и добродушным, бодрым в любое время дня и ночи. С самого детства он приходил, когда я или сестры болели. У него лечился отец, у него же Кристалл. Оба, правда, умерли. От этой мысли мне вдруг стало весело.

– Так, прошу всех выйти, незачем смущать нашу юную леди, – распорядился он. – Давайте, давайте, ничего страшного, все вылечим, через пару дней будет как новая, и даже шрама не останется. Герберт, ты какой-то уставший, может, выписать тебе витамины?

Герберт, явно не настроенный так благодушно, пробормотал что-то невнятное и первым вышел из комнаты. Мы с Диналией последовали за ним, однако далеко не ушли – остались ждать у дверей.

– Так, юная леди, иди-ка ты спать, – распорядился Герберт. – И постели себе в отдельной комнате, дай Ким отдохнуть. Ей сейчас дадут лекарства, будет не до тебя.

– А ты? – Диналия насупилась.

– А я провожу лекаря и тоже пойду. И завтра спим до обеда, если кто-то поднимется раньше и разбудит нас – останется еще и без ужина. Давай иди.

С явным недовольством Диналия ушла. Я бы с удовольствием последовала ее примеру, но решила дождаться окончательного вердикта целителя.

– Раз уж мы все вскочили, хотел тебе кое-что сказать.

Я напряглась, решив, будто Герберт хочет обсудить сегодняшнюю ночь, к чему я совершенно не была готова, но он завел речь о Кайле.

– Она почти не спит. Пьет. Не выходит из дома, перестала – как она там выражается? – приводить в порядок волосы и ногти. Это тревожный знак, Кортни. Нужно что-то делать.

– Знаю, но что? – Я устало потерла глаза. – Отправить ее в Даркфелл? Сейчас это довольно опасно. Переезжать всем вместе? Тоже не лучшее решение. Попробую с ней поговорить, но пока что, боюсь, придется оставить все как есть. Пока не решится проблема нашего анонима, мы должны быть в одном месте.

– Или ему того и надо, – возразил Герберт. – Чтобы вы были рядом. Если он действует один, мотаться между Даркфеллом и Хейзенвиллем будет проблематично.

– Да, и он выберет что-то одно. Если нас – хорошо, мы на своей территории. А если Кайлу в чужом городе? Нельзя так рисковать. И, честно говоря, я сомневаюсь, что он действует один. Слишком много всего происходит. Ну, либо он гений. Или – что вероятнее – использует людей, как использовал Эмили Фаннинг.

– Например, кого?

Несколько минут я размышляла.

– Портера, думаю. Он слишком резво взялся за нашу семью, на днях я видела его рядом с домом. Думаю, он следит за нами. Проверь его получше. Ты контактировал с Портером раньше?

Герберт покачал головой.

– Несколько раз встречал в управлении и на конференциях, но мы почти не пересекались, я даже не знал, что он детектив.

– Что ж, он – наиболее вероятная кукла.

– Или Джейк.

Я напряглась.

– Я не обвиняю его. Просто говорю, что уж больно вовремя приехал этот парень и слишком активно взялся за тебя.

– Я знаю его несколько лет.

– А ты думаешь, такое планировалось за месяц? Кортни, тот, кто все это организовал, очень хорошо знает твою семью. Каждого из нас. Он может быть кем угодно. Отшитым ухажером Кайлы, неудавшимся партнером твоего отца, бывшим любовником Кристалл. Я даже не могу составить окончательный список тех, кого нужно проверить, потому что далеко не все знаю о делах твоего отца. Когда я начал помогать Кристалл после его смерти, я был в шоке от того, сколько Карл утаивал. Но этот шок ни в какое сравнение не идет с тем, какой я испытал, приняв все дела окончательно – уже после ее смерти.

– Все началось с завещанных Кристалл подарков. Вот и пляши от этого. Мог ли кто-то подменить их?

– Исключено, она отдала мне шкатулку лично.

– Тогда мог кто-то иметь доступ к шкатулке?

– Не исключено, – после паузы ответил Герберт, – я храню такие вещи в сейфе, но сейф совершенно обычный. Это были всего лишь подарки вам, так что я не накладывал сложных заклинаний для защиты.

– Это тот, кто рядом. Кого мы видим, кто наблюдает за нашей жизнью. Он или знает нас досконально, потому что предугадывает все действия и события, либо меняет план по ходу развития, что более вероятно.

– Да, ты права. Надо еще раз пройтись по самым близким. Проверить прошлое, мотивы, связи. Прости, Кортни, но я буду проверять всех, кто находится рядом. В том числе – помимо Портера – Джейка, Кайлу, Ким, Диналию и... тебя.

– Что?! – Я задохнулась от возмущения. – Герберт, ты в своем уме?! Ты тоже считаешь, что я отрезала себе волосы? Или что я сама заплыла на лодке на середину озера, разбросала кукол и отрубилась?

– Я считаю, что метод работы элитных детективов, которые тонко подмечают детали и разрабатывают изящные версии на основе следа от женского каблучка, не поможет. Ситуация зашла так далеко, что проверять нужно все. А еще я полагаю, ты далеко не все рассказываешь о своем пребывании в Даркфелле. И у тебя вполне

могли остаться там враги. Ты не думала, что все эти события начались не из-за смерти Кристалл, а из-за твоего приезда?

– Если бы все это было из-за меня, Хейвен бы не погибла. И Эмили Фаннинг. Это прошлое семьи, а не мое...

– Кортни, ты не можешь отделять свое прошлое от прошлого семьи. Навредить тебе через сестер – слишком очевидный план, чтобы не брать его в расчет.

– Как будто ты за мной не следил и не знаешь, что врагов в Даркфелле у меня не было.

– Представь себе, не следил. Кристалл знала, что с тобой все в порядке, ты изредка писала Ким – и я не вмешивался с того момента, как увидел тебя с друзьями. А по статьям в студенческой газете очень сложно понять, обзавелась ли ты врагами.

– Хорошо, – я сделала несколько глубоких вдохов, – делай то, что считаешь нужным.

– Тогда дай мне все, что знаешь о Джейке.

Наверное, Герберт был прав. И проверить нужно всякого, кто хоть как-то близок к семье. Но как же не хотелось верить в то, что я совершенно не разбираюсь в людях! И много лет не замечала такой сильной ненависти рядом.

– Я схожу за деньгами целителю, – сказала я. – Пусть дождетя меня, если закончит.

Деньги можно было взять или в комнате, или в кабинете, где я держала немного золота на случай непредвиденных обстоятельств. Кабинет оказался ближе.

В тусклом свете, что падал на стол, я увидела конверт и сразу же поняла, что он означает.

Новое послание. Новая шутка... издевка, угроза?

Я решительно пересекла кабинет и достала письмо.

«Кот снова поймал свою мышку. Куда она сбежит на этот раз?»

В конверте оказался рисунок. Но не такой, какой мы с сестрами получили в ночь, когда погибла Эмили. Не рукотворный, а созданный при помощи магии. Такой, какими Кайла доставала Герберта и

Кристалл, запечатлевая их встречи на кристаллы записи и развешивая снимки по городу.

Сцена в подвале еще не успела выветриться из головы и толком уложиться в сознании, поэтому я ощутила, как кровь приливает к лицу. Рисунок изображал меня со связанными руками и Герберта со стеклом позади. Сомнений не было – рисунок сделали именно в тот момент, когда мы были в подвале. При мысли, что кто-то наблюдал за мной в такой момент, сделалось тошно. В порыве ярости я скомкала лист, и он исчез в пламени, на доли секунды вырвавшемся из руки.

Спокойно, Кортни.

– Кортни, я должен уйти к себе, взять кое-какие документы и заказать выписки из метрических книг, ты справишься здесь одна? – Герберт заглянул в кабинет. – Кортни? Ты в порядке?

– Да, все нормально. Иди.

Но Герберт не ушел, а, напротив, прошел в кабинет и остановился около меня, буравя взглядом. Что он надеялся увидеть?

Я чуть-чуть, словно невзначай, отступила и оказалась около небольшого настенного зеркала. Надо бы разрешить Нине здесь убраться: рамка да и само зеркало покрылись толстым слоем пыли. И отец, и Кристалл не терпели, когда кто-то посторонний роется в их вещах, а я все равно не использую кабинет по назначению. Пора выбросить из него весь хлам.

– Мне кажется, ты чем-то расстроена. И явно не неуклюжестью Ким. Что-то случилось?

– Все хорошо, – упрямо повторила я, сама не зная, почему скрываю конверт.

И тогда Герберт склонился, чтобы меня поцеловать. Но я отстранилась и натолкнулась на удивленный взгляд темных глаз.

– Кортни, я ухожу на весь день, почему я не могу тебя поцеловать?

Только короткий миг я не владела собой, а потом все прошло, и привычная снисходительная улыбка стерла с лица Герберта недоумение.

– У нас с тобой не роман, Герберт. Не нужно целовать меня перед уходом.

– То есть в подвале ты отдавалась мне из вежливости?

– Ты не спрашивал моего позволения.

– Я тебя не насиловал, Кортни, не смей меня в этом обвинять! – с нажимом произнес он.

– Есть кое-что кроме секса, – мне с трудом удавалось говорить спокойно, – я никогда не отрицала, что наши встречи приносили... некоторое удовлетворение. Но мне не нужны отношения, когда в моменте мне хорошо, а после хочется отмыться от грязи. К тому же не стоит забывать, что, несмотря на твою дружбу с отцом, мы из разных кругов, Герберт.

На секунду показалось, он меня ударит, и я даже отступила, хотя дальше особо и отступать-то было некуда.

– Кортни, ты это серьезно? Я признался тебе в любви!

Я поморщилась. Какой-то частью я верила, что его слова просто приснились. Что воображение, вкупе с усталостью, выдало желаемое за действительное.

– Герберт, я не хочу повторения истории, я не вернусь к тебе. Эта ночь была последней моей ошибкой. Они слишком дорого мне обходятся. А ты превращаешь меня в того человека, которым я боялась стать.

Когда он вскинул руку, я вздрогнула. Герберт ударил в зеркало, в паре сантиметров от моего лица. Несколько осколков упали на пол, а на трещине появились капельки крови.

– Не я превращаю тебя в копию отца, Кортни, а ты отчаянно стремишься ею стать. Похоже, сбежать из дома оказалось мало. Ты так и не научилась жить без одобрения Карла.

Герберт ушел.

Я долго смотрела на алые бусинки, скатывающиеся по зеркальной поверхности. Внутри что-то медленно рассыпалось. Я опустилась на колени, чтобы убрать мусор.

– Собираешь осколки собственного сердца?

Кайла прошла по комнате и уселась в кресло.

– Я думала, ты ушла спать.

– Я собиралась, – не смутилась сестра. – Только вы так были заняты разборками, что общаться с целителем пришлось мне. Если тебе интересно, Ким будет в порядке. Сейчас она спит. Ничего страшного, не останется даже шрама.

– Хорошо, – безучастно сказала я.

– По тебе не заметно, что тебе хорошо. Кортни, что ты творишь? Я могу понять твою ненависть к отцу – да, он был дерьмом, а не папой. К Кристалл – тоже отчасти понимаю. Даже ненависть ко мне пойму – я не была хорошей сестрой. Но что тебе сделал Герберт? Ты славно его приложила, на такое даже я не способна. А ты знаешь, что обо мне говорят.

– Кайла, мне кажется, я вышла из возраста, когда хочется доверять сестре секреты.

– Да нет, без вопросов. – Она подняла руки и усмехнулась. – Мне просто интересно, почему ты так любишь делать больно тем, кто о тебе заботится. Кристалл из кожи вон лезла, чтобы помочь тебе в Даркфелле в обход воли отца, а ты ее даже не навестила. А сейчас отталкиваешь единственного человека, готового нам помогать. Где ты собираешься найти нового юриста, готового разбираться с делами нашей семьи?

– Герберт ведет наши дела не потому, что заботится обо мне, – отрезала я.

– Да, конечно, он просто обожает ковыряться в чужих бумагах. Да половину из того, что Герберт делает, юрист вообще знать не обязан! Ты не занимаешься домом, не вызываешь садовника, не платишь за магию, на которой, кстати, работает твой душ, где ты часами пропадаешь. Не знаешь, как вообще охраняется дом и чьими силами. Продолжать?

– И что? Мне теперь спать с ним из благодарности? У него есть гонорар. Кстати, немаленький. В другом месте за такие деньги придется спать не с хозяйкой, а с хозяином.

– Ну и стервой же ты стала, – скривилась Кайла.

– Это говоришь мне ты?

– Ну, я не держу около себя влюбленного по уши папиного друга. Может, я действительно добродетельнее?

– Я не держу его около себя. И он не влюблен. И никогда не был, Кайла. Ты не знаешь, о чем говоришь. Герберт может создавать нужное впечатление, может притвориться влюбленным, даже убедить в этом всех окружающих, а то и самого себя. Но то, что он делает, это не любовь, это какая-то извращенная месть за то, что наша семья выше его, что он от нас зависит. Ты не замечаешь этого, потому что никогда

его не интересовала. Не видела, как он меняется, когда получает власть над кем-то.

– Твоя проблема, сестренка, – Кайла наигранно зевнула, – что ты считаешь, будто мужчина твоей мечты должен полюбить тебя, а не твой «семейный» хвост. На самом деле он должен полюбить тебя вместе с этим хвостом. Иначе ничего не выйдет.

– Это не любовь, – повторила я.

– Тебе-то откуда знать?

– А тебе? Твоя любовь обокрала отца и сделала тебе ребенка, из-за которого ты теперь не выходишь из дома. Хватит учить меня жизни, Кайла. Мы обе жили не так, как надо. Только делали разные ошибки.

– Тогда хватит держать его возле себя!

– Я не держу.

– Держишь. – Кайла поднялась и направилась к выходу. – Ты принимаешь его приглашения. Позволяешь оставаться здесь на ночь. Сажаешь за наш стол. Я, может, и глупенькая, неудавшаяся старшая сестричка, но вариантов здесь немного. Либо ты непроходимо тупа. Либо тебе просто нравится его мучить. Я не знаю, что происходит между вами наедине, но зато вижу, как вы ведете себя на людях. Если бы это хоть немного напоминало ненависть, Герберт бы уже не появлялся у нас дома. Но ты слишком вжилась в роль бунтарки. А теперь извини, я точно спать. Удивлюсь, если завтра нас не атакуют толпы налоговиков, магов и прислуги из всех владений, потому что Герберт бросил работу.

Она с грохотом захлопнула дверь, а я в сердцах бросила все собранные осколки на пол. Второй раз в жизни мне захотелось сбежать как можно дальше из Кордеро-холла. Но в прошлый раз от побега зависела только моя душа. В этот раз такой поступок дорого обойдется сестрам.

* * *

Дверь отворилась бесшумно, лишь впустив холодный воздух в кабинет. Я так давно не была в конторе Герберта, что не сразу узнала привычную обстановку. Конечно, здесь все изменилось. Пусть в мелочах, пусть стол по-прежнему стоит боком к окну, а шкафы

занимают все свободные стены, но статуэтки на столе уже другие, кресла новые, а на стене висят привезенные из последних путешествий Герберта пейзажи. Пять лет назад они были другие...

– Кортни?

Он стоял у стола, просматривал какие-то бумаги.

Мне надо было действовать быстро, решимость таяла с каждым мгновением, в течение которого Герберт на меня смотрел. В считанные секунды я пересекла кабинет и обвила его шею руками, прижавшись всем телом. Сразу оказалась окутана знакомым приятным запахом, а тело словно расслабилось.

– Кортни...

– Прости, – выдохнула я ему в шею. – Я не хотела так говорить. Я устала, Герберт, я боюсь.

Не сразу, но он обнял в ответ. От прикосновения его рук, опаливших жаром даже через толстую ткань платья, я довольно зажмурилась. Сделала глубокий вдох и затихла. Просто стояла и наслаждалась, а время шло и шло.

– Я уехала не из-за тебя. Вернее... из-за тебя, но не из-за того, что мне было с тобой плохо, ты же знаешь. Я просто боялась...

Он не дал мне договорить, поцеловав. Язык раздвинул мои губы, лишив возможности думать и чувствовать что-то, кроме этого поцелуя, жадного и горячего. Я вцепилась в его плечи, сама не замечая, что наверняка оставляю синяки.

– Чего? – оторвавшись, спросил он. – Чего ты сейчас боишься?

– Не знаю... того, что ты врешь и я тебе не нужна, того, что единственное, чего ты от меня хочешь, – это секс и власть... Я боюсь, что полюблю тебя настолько сильно, что сделаю все ради твоего удовольствия, а себя потеряю.

– Глупая, – улыбнулся он, – ты не можешь себя потерять. Тебя – не существует.

Герберт сделал шаг вперед. Я отступала до тех пор, пока за спиной вплотную не оказался шкаф с книгами. Рука Герберта скользнула вверх по моей ноге, собирая платье. Прохладный воздух коснулся кожи на бедре.

Его рука распустила шнуровку на груди, медленными, дразнящими движениями ласкала ключицу. Пальцами Герберт обхватил мою шею и сжал. Я чувствовала, как в груди все замирает.

Почти слышала удары сердца, рваные и лихорадочные. Рука сжималась сильнее, я хватала ртом воздух, но бесполезно. Ногтями я впиалась в его руку, но он не шелохнулся.

В глазах темнело, сознание медленно ускользало...

Проснувшись, я пару секунд не понимала, что есть реальность, а что сон. Казалось, что за последние дни я почти не спала. Конечно, это было не так, но каждый раз я вставала с тяжелой головой и совсем не чувствовала себя отдохнувшей.

Несмотря на то что за окном было светло, домашние еще спали. Мне не хотелось готовить завтрак для одной себя, и некоторое время я бесцельно бродила по первому этажу. Можно было лечь и еще немного поспать, но смотреть в потолок, мучительно пытаюсь справиться с мыслями и в итоге увидеть новый кошмар, не хотелось. Ничего не оставалось, как подняться в кабинет и хотя бы попытаться поработать. Пока что Герберт ведет все дела Кордеро, но если он решит вдруг уйти?

Первым, что попало под руку, оказался перечень завещанного папой. Не сказать чтобы я интересовалась, что мне там оставили. Домом больше, домом меньше, большинство владений рода я никогда не видела вживую. Но если выдалось свободное время, почему бы не ознакомиться?

А потом я нашла шкатулку. Ту самую, в которой Герберт хранил подарки от Кристалл. Часы, блокнот и зеркало отдали нам, а шкатулку бросили в ящик за ненадобностью. А ведь Кристалл любила такие вещички.

Я не сразу поняла, что именно меня тревожило. И только когда уже собиралась поставить шкатулку на место, заметила, что наружная толщина шкатулки не совпадает с внутренней. Двойное дно.

Зазор между дном и стенкой был настолько маленький и незаметный, что я провозилась добрых десять минут, пытаюсь открыть потайной отдел. И уже почти решила, что мне только кажется. В конце концов, шкатулка могла быть из цельного куска дерева, в котором мастер по какой-то причине сделал очень толстое дно. Но в силу природного упорства я пыталась снова и снова.

Наконец удалось подцепить ногтем доньшко, и я с трудом вытащила его наружу. Интуиция не подвела: в шкатулке оказалась небольшая книжечка в кожаной красной обложке. Ни названия, ни

каких-либо рисунков на ней не было. Я внимательно осмотрела шкатулку на предмет еще каких-нибудь сюрпризов, а потом села изучать книжку.

Все страницы были исписаны аккуратным мелким почерком Кристалл. Похоже, это был ее дневник: на первых же страницах она описывала свадьбу с отцом и проблемы с родными, которые резко осудили ее замужество. Почему Кристалл прятала дневник? И хотела ли, чтобы его нашли? Я чувствовала себя слегка неловко, словно заглядывала в чью-то замочную скважину.

Каждая страница была исписана, иногда цвет чернил менялся, иногда поля украшали незамысловатые рисунки. В тексте встречались и наши имена. Я невольно остановилась на том месте, где Кристалл рассказывала о моем побеге.

Но не прочла и пары строк. Из недр дома раздался крик Кайлы, такой пронзительный и отчаянный, словно и она опрокинула на себя чан с кипятком. По меньшей мере.

– Кайла!

Она не прекращала орать, и среди бессмысленных, но дико громких воплей я услышала ругательства. Что ж, хотя бы она в порядке. Думается, кричи сестра от боли, она бы не выражалась так красноречиво.

Картина, открывшаяся, когда я увидела ее комнату, действительно потрясала. Проснувшись, Кайла отправилась умываться. У нее не было личной ванной, сестра пользовалась той, что в конце коридора. Когда же Кайла вернулась, ее буквально сбила с ног гора... игрушек.

Куклы, мягкие забавные звери, кораблики, да чего там только не было! Вся комната Кайлы, а она была далеко не самая маленькая в доме, оказалась завалена этими игрушками.

– Это что?!

– Кайла, тише. – Я и сама смотрела на эту груды с опаской. – Ты разбудишь Ким.

– Меня не было полчаса! Полчаса, Кортни! – Кайла не унималась, ее глаза лихорадочно блестели, она вот-вот была готова сорваться в истерику. – Как он успел это сделать?!

– А ты уверена, что это наш аноним? – спросила я и тут же осеклась, ибо увидела, что к лапе самого крупного плюшевого медведя прикреплен листок.

Очередная записка. Что ж, я воспринимала их уже почти спокойно. Чего не скажешь о Кайле.

– Что там?! – нетерпеливо спрашивала она, пока я открепляла записку.

«Плохие матери откупаются от детей игрушками. Ты очень плохая».

– Да, это он, – мрачно заключила я.

– Он бывает в доме! – Кайлу захлестнула паника. – Он может входить в наш дом! Тебя это вообще волнует?!

– Кайла, что я могу сделать? Я сменила замки, поставила дополнительную защиту. Единственный выход – переехать, но я не знаю, поможет ли. Если бы была уверена, мы бы уже раскладывали вещи.

– Он среди нас. Или кто-то ему помогает.

– Например?

– Герберт?

– Ты же только что его защищала. Что случилось теперь?

– Мою комнату завалили игрушками, вот что случилось! Подумай сама, кто вхож в дом? Из посторонних – только Герберт и Диналия. Диналии шестнадцать, ей бы не хватило сил. Я думала всю ночь. Это Герберт. Он злится на тебя, неужели ты не видишь, что градус издевок повышается по мере того, как ты его отталкиваешь? Сначала это были безобидные шуточки, сейчас все намного серьезнее.

– Убийство Хейвен – безобидная шуточка? – хмыкнула я. – Да, забавно. Расскажу подружкам на пикнике, посмеемся.

– У тебя нет подружек, – отрезала Кайла. – Все эти странности начались с твоим приездом. Значит, это либо ты, либо тот, кто с тобой связан. Я очень сомневаюсь, что ты страдаешь какими-либо расстройствами и вредишь нам, а сама этого не помнишь.

– Мы это обсуждали. Странности начались со смертью Кристалл. «К» может быть связан и с ней. А что до проникновения в дом – возможно, он настолько силен, что наши охранные заклятия не работают.

– Конечно, в это верить легче...

– Кайла, я не понимаю, чего ты хочешь! Мне выгнать Герберта? Ты сама знаешь, что это невозможно. Пока мне не исполнится тридцать и я не обзаведусь ребенком, он неприкосновенен. Думаешь,

если я спрошу его: «Герберт, это не ты, случайно, пишешь анонимные письма?» – он скажет правду? В этом проблема, сестренка, можешь сколько угодно топтать ножкой и требовать на арену нашего главного героя, но я не знаю, как его найти. И кому верить – тоже не имею ни малейшего понятия. Нужна хоть одна зацепка, хоть какая-то улика. Их нет. Я не знаю, что делать. И если у тебя будут какие-то идеи, более подробные, чем «найти и покарать, возможно, жестоко», – с удовольствием выслушаю.

Кайла упрямо сопела и дулась, но ничего толкового так и не сказала.

– Кортни! – раздался сонный голос Ким. – Что у вас случилось?

– Все нормально! – крикнула я.

И уже тише обратилась к Кайле:

– Вызови кого-нибудь, чтобы разгребли эту кучу.

– И что мне с ними делать? – спросила сестра.

– Подари интернату, – отмахнулась я. – Или выбрось. Где Нина? Я хочу кофе!

Словно в ответ на мои мысли, где-то внизу едва слышно прозвенел дверной звонок. Не знаю почему, но мне вдруг стало тревожно. У Герберта всегда с собой ключи, мы все дома, включая Диналию, Нина заходит с черного хода, и у нее также отдельный ключ. Кто мог прийти в такую рань?

– Кортни, – снова позвала Ким. – Можешь зайти? Мне тяжело вставать.

– Откроешь? – спросила я Кайлу, и та кивнула.

Ким сидела на постели, опершись спиной на подушки. Она выглядела заметно лучше, нежели ночью. Хоть бледность и усталость не прошли. Целитель забинтовал ей ногу, так что этот день, похоже, придется ей провести в постели.

– Болит?

– Почти нет, – улыбнулась сестра. – Очень хочется есть.

– Нина еще не пришла, но я сейчас спущусь и сварю кофе. Сделаю тебе пару бутербродов.

В глазах Ким промелькнула неуверенность. Я знала это выражение ее лица еще с детства. Она о чем-то боялась сказать.

– Кортни, ты мне веришь?

– Что? – не поняла я. – Ты о чем?

– Ну... – Ким отчаянно покраснела. – Ты веришь, что я не способна на что-то... плохое?

– Конечно, верю. Ким, что такое?

– Я проснулась, и здесь лежало это. Кортни, я клянусь, я не знаю, откуда эта штука!

Она запустила руку под подушку и извлекла оттуда камень. Обычный, чуть больше моей ладони по размеру, темно-серый. Таких камней валялось уйма по городу. Даже у нас в саду такие, кажется, есть.

– Ну и зачем подбрасывать тебе в комнату камень?

Вместо ответа Ким повернула его, продемонстрировав темное пятно, напомнившее... запекшуюся кровь.

– Ким, это не...

– Кортни!

Я подскочила, когда в комнату заглянула Кайла.

– Там Портер. У него разрешение на обыск. И он хочет начать с комнаты Ким.

Младшая побледнела и, кажется, от страха перестала дышать.

– Попроси его подождать две минуты, Ким оденется, – кивнула я.

Кайла, пожав плечами, развернулась, чтобы снова спуститься вниз. Но я ее окликнула:

– Кайла! Герберт вернулся?

– Нет.

Едва она ушла, Ким прошептала:

– Кортни, что мне делать?

– Ничего, лежи и болей. Никому не придет в голову, что ты что-то скрываешь, если сама не признаешься.

– А-а-а... камень?

– Оставь мне. Я разберусь. Лежи и отдыхай. Как только придет Нина, скажу, чтобы принесла тебе завтрак.

Я старалась вести себя непринужденно, но едва вышла из комнаты сестры, ускорила шаг. Так быстро я еще не собиралась.

* * *

– Господин Портер, доброго вам утра! – улыбнулась я, выходя в гостиную. – Могу узнать, что привело вас к нам в дом в такое время?

– Обыск, миледи. У меня разрешение на проведение обыска вашего дома в связи с убийством Эмили Фаннинг. Надеюсь, вы не станете препятствовать закону?

– Ну что вы, разумеется, нет. Однако попрошу вас снять верхнюю одежду и вытереть обувь – в некоторых комнатах очень дорогая мебель. К тому же, надеюсь, вы понимаете, что обращаться с имуществом нужно бережно. Уверяю, я знаю каждую царапину в этом доме. За новые будете отвечать головой.

Улыбка медленно сползала с лица Портера. Он делал вид, будто внимательно слушает, а в глазах так и сверкало желание пристрелить меня на месте, не меньше.

– Что ж, начнем с комнаты Кимберли, вы не против?

– Постарайтесь как можно меньше ее тревожить, Ким больна, – холодно сказала я. – Кайла, помоги ей перейти в другую комнату, пока эти господа... осматривают спальню. Заодно проветри и организуй завтрак. Господин Портер, может, распорядиться насчет кофе?

– Благодарю, миледи, не стоит.

– Уверяю, он не отравлен. Что ж, раз мы все выяснили, спешу вас покинуть. У меня встреча, я уже опаздываю.

Не дожидаясь ответа Портера, я направилась к выходу.

– Минутку, леди Кордеро, – остановил меня детектив. – Разрешите осмотреть вашу сумку?

Сердце пропустило удар.

– Разумеется. – Я протянула сумку Портеру, который незамедлительно полез открывать замочек. – А позвольте посмотреть разрешение на досмотр?

Портер замер, так и не открыв сумку. Я испытала невероятное облегчение, но постаралась, чтобы это не отразилось на моем лице. Разрешения на личный досмотр у него не было – чтобы обыскать человека, нужно его арестовать. Дом – пожалуйста, но сумка моя, я ухожу, а значит, он не может залезть в мой карман.

Иногда полезно спать с юристом своего отца.

– Хорошего дня, – пробурчал детектив.

– И вам, – кивнула я, принимая из его рук сумку.

– Что вы там такое тяжелое носите?

– Всего лишь документы. Большое наследство обязывает. Если будут проблемы, меня, вероятнее всего, можно будет найти в конторе Герберта Уолдера. Впрочем, Кайла все вам покажет. До свидания, мистер Портер.

– Всего доброго, – уже поднимаясь по лестнице, откликнулся детектив.

Пальто он так и не снял, но я не стала напоминать.

Еще будет время отплатить ему той же монетой, а сейчас надо уйти как можно дальше и быстрее. Как все удачно сложилось! Ким подбросили камень с чем-то, похожим на кровь, и тут же пришел Портер. И вот незадача – захотел обыскать именно ее комнату! Страшно подумать, что бы было, если б Ким проснулась позже или я сначала поговорила с Портером, а потом поднялась к ней.

К слову, интересно: Ким разбудили крики Кайлы, она нашла камень и позвала меня. Если бы Кайла тихо-мирно вернулась в комнату, не переполошив дом, последствия были бы печальны. Так помогает нам этот аноним или нет? У меня вообще такое чувство, что их два. И война у них своя собственная, а мы так... случайно попадаемся под руку.

Я действительно направилась к Герберту, помня о его обещании поискать информацию. Мне слабо верилось, что за такой короткий срок он что-то найдет, но вдруг? А еще я хотела обсудить с ним одну навязчивую идею, которая вдруг начала неотступно меня преследовать.

Но прежде я свернула к набережной, где в этот час не было ни души. Холодно, безлюдно, серо – в Хейзенвилле есть и более интересные места.

Я подошла к перилам, огляделась, убеждаясь, что меня никто не видит, и быстро выбросила камень в воду. С негромким всплеском он ушел под воду, оставив после себя лишь круги на воде. Вот и все... На этот раз нам повезло. Но сколько раз будет везти в будущем – большой вопрос.

Меня охватило чувство дежавю, когда я оказалась перед дверью кабинета Герберта. Сон начинался точно так же и кончился довольно плохо.

– Войдите, – ответил он, когда я постучала.

Я едва заметно вздрогнула, поняв, что кабинет выглядит точно так же, как во сне. С той лишь разницей, что Герберт не стоял, а сидел за

столом, просматривая какие-то документы.

– Что-то случилось? – От его голоса буквально повеяло холодом.

– Портер явился к нам с обыском.

Вообще я собиралась разговаривать мягче и спокойнее, но почему-то это равнодушие в его голосе взбесило!

– Комната Кайлы оказалась завалена игрушками, а Ким нашла у себя в комнате окровавленный камень. Найди его Портер – Ким бы уже была за решеткой. Ты выяснил что-то о нем?

– Да, – кивнул Герберт. – Вряд ли это тебе понравится.

– Говори.

– Он был очень хорошо знаком с Хейвен. Настолько хорошо, что спал с ней и даже собирался жениться. Портер действительно детектив. Некоторое время жил в Даркфелле, там познакомился с Хейвен – она ездила ухаживать за тетушкой. Похоже, что Портер расследовал исчезновение магии Хейвен, то самое, к которому вы приложили руки. И что-то раскопал, поэтому, когда ее вдруг убили, вплотную взялся за вас.

– Считает, мы виновны в смерти Хейвен, – кивнула я. – Понятно. Один только вопрос: Портер ли пытается нас подставить?

– Маловероятно, судя по тому, что я на него накопал, парень не самый удачливый детектив. На его счету не один громкий провал, и его скорее сослали в Хейзенвилль, чем назначили. Но дел он может натворить немало. Я инициирую его отстранение, он предвзят.

– А это не приведет к тому, что назначат еще более цепкого детектива? – Я закусил губу.

– Не знаю, – хмыкнул Герберт. – Но Портер в одержимости мстостью пока что доставляет слишком много проблем. Поэтому есть смысл рискнуть.

– Я хочу переехать. В какой-нибудь другой дом. Где нет тайных ходов, о которых он может знать, где нет подвалов, чердаков. Сможешь найти что-нибудь рядом с Хейзенвиллем? Или в пригороде Даркфелла. И обставить все так, чтобы переезд не был нарушением условий завещания?

– Попробую.

Мы замолчали. Пора было возвращаться к Кайле и Ким – хоть я и унесла из дома камень, «К» мог оставить для Портера еще какой-

нибудь сюрприз. Но я сидела, не шевелясь, уговаривая себя решиться на откровенный разговор.

– У тебя что-то еще? – неожиданно резко спросил Герберт.

– Нет, я просто...

– Не надо «просто», Кортни. Наши отношения отныне остаются исключительно в рамках «работодатель – служащий». Я не обязан вытирать тебе сопли и обещать, что все будет хорошо. И я буду выполнять свою работу поверенного и семейного адвоката. Со всеми остальными проблемами, будь то завал игрушек или твои личные сексуальные переживания, разберись сама. И да, впредь давай придерживаться определенных часов приема. Скажем, с десяти до двух.

– Что ж, в таком случае в нашем доме ты больше не ночуешь, – поднявшись, сказала я. – Служащие должны жить отдельно от хозяев.

– Жаль тебя разочаровывать, Кортни, но по завещанию твоего отца я могу жить там, где захочу. Придется тебе сначала вступить в право наследования, а потом уже распоряжаться штатом. У тебя все? Мне нужно составить жалобу на Портера.

– Да, – после небольшой паузы тихо ответила я, – у меня все.

– Тогда увидимся вечером. Возможно, будут кое-какие результаты.

Когда я молилась, чтобы разговор прошел не так, как во сне, я имела в виду совершенно другое.

Пять лет назад

Он уже знал, что она не придет. Но продолжал стоять у окна, как всегда делал во время их встреч.

Когда Кортни входила, в отражении в стекле был виден ее смутный силуэт. Герберту нравилось сначала рассматривать очертания Кортни, а потом, обернувшись, видеть ее саму. Нравился этот ее взгляд, настороженный. Вечера и ночи с ней были единственным временем, когда он чувствовал себя живым. Все остальное слилось в какой-то серый клубок из рутины и банальностей.

И дождь она любила. В дождливые ночи Кортни была особенной. В дождливые ночи он мог просто часами лежать, обнимая спящую девушку. В дождливые ночи его страсть утихала, оставляя место

чему-то новому. Герберт не понимал, что это такое, но всем существом к этому тянулся.

Осознание, что она больше не придет, ударило под дых. И, быть может, он бы и смирился. Если б не проклятый дождь, обещающий что-то очень теплое и новое.

Скрипнула дверь. Сердце зашло в напрасной надежде.

– Никогда не думала, что ты вот так можешь часами стоять у окна и ждать, – произнесла Кристалл.

– Уже не жду, – пожал он плечами.

– Она ушла час назад. Навсегда.

– Я знаю.

– Оставишь ее?

– Да. Она заслужила свободу. И не заслужила, чтобы ее ломали.

Может, когда-нибудь вернется.

– Карл умер.

– Я засвидетельствую. Дай мне двадцать минут, Кристалл.

Оставь меня.

Он долго всматривался в темные деревья, туда, где виднелся конец дороги. Всматривался до тех пор, пока не появилось ощущение, будто в глаза насыпали песка. И на короткий миг мужчине даже почудился хрупкий девичий силуэт вдали.

Конечно, почудился.

Она вернется. Рано или поздно Кортни вернется в этот дом, и в этой комнате снова прозвучит ее голос.

А если не вернется... Герберт предпочитал об этом не думать.

Не думать было проще.

Глава 12

Я не обладала даром предвидения. Говорят, в нашем роду было много сильных ментальных магов, в том числе и предсказателей, но, увы, их способностей я не унаследовала. Хотя интуицией боги не обделили, уже у ворот я нутром почуяла: что-то случилось. Мне стоило невероятных усилий идти к крыльцу спокойно, не срываясь на бег. Но если Портер был еще в доме, то он мог истолковать это не в нашу пользу.

Дверь скрипнула, пропуская меня в дом, где отчетливо пахло успокоительным зельем. Кайла, сидевшая в кресле в гостиной, вскочила, едва я вошла.

– Он ее арестовал! – истерично выкрикнула сестра.

– Что? Портер арестовал Ким... Как? За что?!

– Сказал только, что они что-то нашли и что Ким обвиняется в убийстве Эмили. Я ничего не смогла сделать.

Она неосознанно подняла руку к голове и поморщилась. Я тут же подскочила к сестре. На затылке Кайлы красовалась небольшая ссадина.

– Это что?

– Хотела заставить его показать, что он там нашел, – нехотя признала Кайла. – Портер меня толкнул, и я вписалась в лепнину затылком.

– Понятно, – протянула я, успокаиваясь. – Вызови Герберта. Он у себя в конторе. Пусть срочно идет в управление и разбирается, что там происходит. Сама ложись отдыхать, не хватало тебе еще сотрясения.

– А ты? – спросила Кайла.

– А я буду думать, что делать дальше. Портер мстит нам, считая, что мы виноваты в исчезновении магии Хейвен и ее убийстве.

– Ну... – Кайла бегло оглянулась на Нину и прошептала: – Мы и вправду виноваты. Но почему Ким? Она была маленькая!

– Потому что она – единственная, кого мы обе любим, полагаю.

Что ж, в этом есть разумное зерно. Но у Портера не может быть доказательств, что Ким убила Эмили. Хотя бы потому, что Ким была с нами. Быть одновременно в двух местах – это слишком.

Мы просидели в неизвестности до самого вечера, получив от Герберта только одну записку: «Ждите и не высовывайтесь». Кайла так и не ушла спать. Бледная и осунувшаяся, она сидела в гостиной в сгущающихся сумерках. Свет никто из нас не зажигал.

– Нина, иди домой, если нужно, – сказала я, когда стало ясно, что ужинать сегодня мы не будем. – Завтра утром будет видно, что и как. Сегодня не нужно нам готовить.

Экономка ушла, а мы с Кайлой и Диналией остались в одиночестве. Не знаю, сколько времени прошло, как долго мы просидели в молчании. Но когда раздался звонок в дверь, обе подскочили. Кайла первая бросилась открывать.

– Вам письмо, миледи, – услышала я юношеский голос.

От Герберта. Я поднялась. Если прислал письмо, значит, все еще там и вытащить Ким до сих пор не получилось. Кайла бросила посыльному монету и буквально захлопнула дверь перед его носом, сразу же начав вскрывать письмо.

– Ну? – поторопила я, видя, как Кайла стремительно бледнеет.

– Портер переводит Ким в тюрьму Даркфелла на основании возможного давления с нашей стороны. Герберту отказали в том, чтобы быть ее адвокатом, но он поедет туда и разберется на месте.

– Ничего не понимаю... Что за бред? Они не имеют права судить ее в другом месте! Она живет в Хейзенвилле, убийство было на территории Хейзенвилля, ее арестовали на территории Хейзенвилля!

– Не знаю... – Кайла совсем растерялась. – И что будем делать?

– Пойду и выясню, что происходит, лично. Если Герберт не может с этим справиться, я ему помогу. И, знаешь, мне все сильнее кажется, что он нам не помогает. Оставайся дома на случай, если кто-то вернется.

На ходу набрасывая плащ, я вышла на улицу и направилась к воротам. Экипажей поблизости не было, но Хейзенвилль – небольшой город, двадцать минут – и я на месте. Подстегиваемая злостью, наверное, появлюсь в управлении даже раньше.

Я влетела в управление стражи так, что перепугала паренька, отвечавшего за прием посетителей. К счастью, во мне еще не умер здравый смысл, поэтому я вежливо улыбнулась и заговорила лишь тогда, когда отдышалась.

– Извините, пожалуйста, а не подскажете, у кого я могу узнать насчет свидания с заключенным?

Парень улыбнулся мне в ответ. Он явно недавно здесь работал. Во-первых, не знал меня. Во-вторых, нервничал и терялся.

– У меня можете, миледи. Как зовут заключенного?

– Кимберли Кордеро.

Парень нахмурился, быстро сверился с каким-то листком и покачал головой.

– Нет, простите, но такой заключенной нет.

– Проверьте, пожалуйста, еще раз. Ее, возможно, куда-то перевели? Ее арестовали сегодня утром.

– Боюсь, это совершенно невозможно. Сегодня утром арестов не было.

– Что? – Я замерла, подумав, что ослышалась. – А... детектив Портер?

– А что детектив Портер? – не понял парень.

– Где он сейчас? Мне нужно с ним увидеться.

– Боюсь, леди, и это невозможно. Детектив Портер взял месяц отпуска.

И тут я окончательно поняла, что ничего не понимаю, а земля ушла из-под ног. Портер в отпуске? Не было задержаний? Но Ким увели и якобы переводят в Даркфелл. Об этом сообщил Герберт...

Единственное рациональное объяснение – Герберт и Портер работают вместе. А что, довольно логично и удобно. Остаются неизвестными мотивы, но какая разница, если Ким может пострадать? Из-за меня, из-за дурацкой магии, которая и нужна мне была, лишь чтобы отец не сдал меня в приют, как ненужную зверушку.

Я вышла на улицу совершенно растерянная и разбитая. Что делать? У кого просить помощи? Это, наверное, похищение, но я даже не представляю, куда идти. Явно не к этому пареньку.

Я ускорила шаг, пока не нашла крошечную улочку, где никого не было. Я не носила с собой оружия, за исключением револьвера, и долго искала что-то острое. Наконец решила, что шпилька из косы подойдет. Волосы рассыпались по плечам. Если меня увидит кто-то из знакомых, по городу прокатится волна новых сплетен.

Заколку пришлось раскалить, и я немного перестаралась. Острая грань с легкостью рассекла нежную кожу ладони. Я поморщилась от

боли, алые капельки покатались вниз, к запястью. Я сжала кулак, кровь закапала на дорогу и зашипела, испаряясь.

Закрыв глаза, сливаясь с болью, я настроилась на сестру. Я совсем не менталист, но у Ким достаточно сильный дар, чтобы откликнуться. Этому заклинанию нас обучила Кристалл еще в детстве, но я не могла и представить, что однажды придется его использовать.

Мы никогда друг друга не теряли.

Кровь капала, ее запах вился меж узких городских улочек, искал родную кровь. Я не сразу узнала возникшую в памяти картинку. Маяк... тот самый, куда вел нас аноним, тот самый, где была убита Эмили.

Иллюзия пропала, я открыла глаза. Маяк? Что Ким делает на маяке?

Рану прижигала уже на ходу, не обращая внимания на боль. На улице стремительно темнело, яркие звезды подмигивали с абсолютно черного неба. Луна, скрытая облаками, росла на глазах. Еще пара дней, и будет полная.

Я шла по следу, слабо понимая, что собираюсь делать. Не у кого было просить помощи, не на кого свалить ответственность. Вот это значит – быть главой Кордеро. А не подписывать тысячи бумажек, сидя в уютном кабинете и раздавая указания.

Маяк был безмолвен. И выглядел точно так же, как в ту ночь. История повторилась, но в этот раз я была одна. Ни Кайлы, ни Ким... и фантома тоже, к счастью, нет. На этот раз враг реален, и это детектив Портер. А еще, возможно, Герберт, но об этом думать не хотелось, ибо любая мысль о его предательстве причиняла боль.

Я старалась ступать бесшумно, держась в тени деревьев. Приближалась к маяку, держа заряженный револьвер наготове. Чем ближе я подходила, тем яснее слышала голоса. И сразу узнала голос Ким, тихий и испуганный, в котором звучали слезы. А еще голос Портера, изменившийся до неузнаваемости, сочащийся ненавистью.

– Прыгай! – рявкнул он.

Ким что-то тихо ответила, я не расслышала.

– Нет, милая, – продолжил Портер, – поздно плакать, поздно умолять. Она тоже просила не трогать ее, да?! Она тоже не хотела того, что ты сделала!

– Я ничего не делала! – в истерике выкрикнула Ким и сорвалась на рыдания.

Я ускорила шаг. За собственными воплями Портер не слышал ничего, в том числе и как я поднималась на самый верх. На последних ступеньках я пригнулась, чтобы он меня не увидел, а я смогла оценить обстановку. Ким стояла у части обрушившейся стены, внизу о камни билось беспокойное море.

– Я сказал – прыгай. Это будет несчастный случай... Убийца, испугавшись возмездия, сбежала и повторила судьбу жертвы. Повезет утром газетчикам. Жаль, никто не плюнет в твою могилу за Хейвен... Ну что ж, придется это сделать мне. Прыгай!

– Ким, не смей! – крикнула я, поняв, что сестра на пределе.

Портер резко обернулся, и я заметила в его руке нож. Значит, служебный револьвер использовать побоялся. Наивный, неужели собирался как ни в чем не бывало вернуться на службу?

– Отойди от нее! – приказала я. – Ким, отойди от края.

Дрожа всем телом, сестра подчинилась и медленно отошла на пару шагов вбок, не сводя с Портера испуганных глаз.

Он выглядел так, словно не спал несколько дней. Все силы ушли на то, чтобы устроить эту ночь, ни о чем, кроме мести, он не думал. Почему Ким? В том, что случилось с Хейвен, было больше моей вины. Или Кайлы...

Портер был безумен. Не знаю, сходил ли он с ума медленно, смакуя все подробности смерти невесты, или двинулся в одночасье, но он уже не отвечал за свои действия и не контролировал себя. Я чувствовала, как воздух дрожит от напряжения, рука с револьвером затекла. Ким словно оцепенела и не могла двинуться с места, а Портер переводил взгляд то на меня, то на нее. Словно решал, на кого броситься...

Я перестала дышать, когда поняла, что в следующую секунду он решится на что-то безумное и смертельное. Рука сама нажала на спусковой крючок, плечо пронзило болью отдачи, Ким завизжала. Портер упал на колени, пытаясь что-то сказать, но из уголка губ пролилась тонкая струйка крови. На белоснежной накрахмаленной рубашке расплывалось кровавое пятно.

– Все. – Я притянула Ким к себе, и она снова разревелась. – Успокойся. Он ненормальный.

– Это был он? Он писал те записки?

– Наверное.

– И что теперь будет?

Я снова бросила взгляд на тело детектива и пожала плечами.

Теперь уже все равно.

* * *

Розы принесли кроваво-красные, блестящие от влаги. Их было столько, что малая столовая оказалась вся заставлена цветами. И приносили все новые и новые, а я не успевала расставлять их в вазы. Просто чудом не исколола все пальцы. Спасибо тем, кто придумал обрезать шипы.

– Кортни, где закуски? Они готовы? – В столовую заглянула Кайла.

– Спроси у Нины, в последний раз она колдовала над ними на кухне, – рассеянно ответила я. – У вас все в порядке?

– Да, Ким занимается свечами, а Диналия с удовольствием рисует таблички на стол. И куда нам столько цветов?

– В танцзал, столовую и гостиную. Не спрашивай, пожалуйста, я все делала, как Кристалл, по ее записям. Она эти цветы что, ела?!

– Может, раздавала гостям с собой?

Кайла сморщила нос.

– Уже на следующий день этот ботанический сад начнет жутко вонять, и мы опять потратим полдня, выбрасывая хлам. Мы – маги, мы можем переносить предметы силой мысли, бить друг друга огненными шарами и варить исцеляющие зелья, а вот вечных цветов придумать не можем. Может, наймешь прислугу? На это-то мы имеем право?

– Найму, – вздохнула я. – Но пока я не готова пускать в дом посторонних. Мне все еще кажется, что в любой момент сюда зайвится Портер.

Кайла махнула рукой, скривившись. Мы не любили вспоминать о нем.

– Ладно, у меня прическа. Ты справишься здесь?

– Да.

– И, Кортни, хоть раз в жизни послушай старшую сестру, – вздохнула Кайла. – Я все еще считаю, что тебе нужно куда-то съездить.

– Я занимаюсь дипломом. Скоро защита, я не хочу провалиться. Все в порядке, Кайла, делай свою прическу, я разберусь с цветами и проконтролирую сервировку.

– Как знаешь. – Сестра поджала губы.

Кайла действительно считала, что мне нужно на пару недель куда-то съездить. Я и сама об этом подумывала, только все как-то не решалась, и не только из-за учебы, как утверждала на публику.

Я помню ту ночь, когда Портер чуть не убил Ким. Герберт приехал через полчаса, когда до меня дошло, что именно я сделала. Он не сказал, где был все это время и как Портеру удалось его обмануть, а я не стала спрашивать, боясь услышать ответ. Или Герберт не имел отношения к «К», или понял, что проиграл.

С тех пор мы почти не разговаривали, лишь изредка обсуждая дела. Он даже не взглянул на меня, ни тогда, когда избавлялся от тела, ни тогда, когда мы возвращались домой.

Но я не имела права жаловаться. Герберт сделал больше, чем любой другой на его месте. Нашел ментального целителя для Ким, избавив ее от кошмаров, сделал так, чтобы история с ее якобы арестом не попала в прессу, а ее имя не фигурировало в делах Фаннинг и Портера.

Но меня для Герберта Уолдера отныне словно не существовало. Когда-то я думала, что стану этому радоваться, но почему-то с каждым днем все глубже и глубже погружалась в пучину тоски.

И скучала.

Ненавидела себя и скучала.

Прием затеяла Кайла. Ей казалось, надо как-то отпраздновать избавление от Портера и его шуточек, хотя я не могла сказать, что считаю убийство радостным событием. В городе считали, детектив пропал, уехав в отпуск. И искали его не там, где могли бы обнаружить хоть намек на истинную судьбу Портера.

Прием обещал быть самым крупным за последние годы. Десятки приглашенных, множество знакомых отца, партнеров, друзей семьи. Много молодежи. Кайла планировала танцы, ужин и светские беседы. Ким, оправившаяся от пережитого, была рада ей помогать. А я предпочла бы тишину, но на этот раз сестры были правы: закрыться

ото всех, превратиться в отшельниц – не лучшая идея. Если мы хотим для своих детей другого будущего, род Кордеро должен избавиться от темной репутации.

Поставив последние цветы, я отвлеклась, чтобы выпить немного кофе. Одной было скучно, так что я отправилась к Диналии и Ким. Они как раз заканчивали с оформлением большой столовой и бурно решали, за что взяться дальше.

– Ты как? – спросила Ким, неловко улыбнувшись.

Она больше всех за меня волновалась.

– Нормально. Но уже ненавижу этот прием, а ведь он даже не начался. Боюсь, Кайла заставит меня танцевать.

– Кайла может. Надо еще разобрать подарки для гостей, их тоже привезли.

– Ой, это работенка для меня! – воскликнула Диналия, резво устремляясь к дверям.

Мы с Ким остались вдвоем. Сестра то и дело бросала на меня обеспокоенные взгляды.

– Кортни, я знаю, ты сейчас устала, но, может, куда-нибудь поедешь? Туда, где нет нашей семейки, этого мрачного городка. В солнечное и красивое местечко, а?

– Я в порядке, Кимми. И не хочу пока никуда ехать. Просто я устала от суеты. Может, поживу пару дней у озера, но хватит пытаться меня сослать. Когда получу диплом, непременно все вместе уедем на море. Поживем там несколько месяцев.

– А школа? – Ким счастливо рассмеялась.

Она никогда не была на море. Папа ненавидел жару.

– Ты заслужила немного прогулять.

– Я просто думаю о том, что... это ведь был Портер. И нам больше ничего не грозит. Никаких записок, странных событий и убийств. Можно позволить себе пару недель отдыха.

Я открыла было рот, чтобы напомнить, что точно так же мы говорили об Эмили – она мертва, больше нам никто не угрожает, но благоразумно решила промолчать. Нет, Портер был психом, мечтавшим отомстить нашей семье, но... но что-то не сходилось.

Пусть он писал нам записки и делал все эти вещи, но ведь кто-то убил Хейвен! Ее смерть вообще не вписывается в теорию, потому что, как бы ни был безумен Портер, он мстил именно за нее. И зачем бы

стал убивать собственную невесту? Разве что Герберт далеко не все выяснил об их отношениях. Может, он просто пытался свалить свое преступление на нас?

– Как у вас дела с Таем?

– Так себе. – Ким поморщилась. – Он в шоке от «побега» Портера. Работает. Почти не заходит. Наверное, едва я поступлю в колледж, мы расстанемся.

– Тай потерял сестру, а теперь еще и пропал ее жених. Я его понимаю. Подожди немного – или все образуется, или ты окончательно поймешь, что нужно рвать все связи. Поверь, у тебя еще будет шанс влюбиться так, чтобы потерять голову.

– Этим ты занимаешься, да? Ждешь, пока у вас с Гербертом все образуется?

– Нет, – подумав, ответила я, – мы все выяснили. И наконец-то пришли к единственно возможным для нас отношениям.

– Оно и видно, – хмыкнула Ким. – Он ходит мрачный, как на похоронах, ты с каждым днем все тоньше и тоньше, тебя ветром не уносит? Ты ешь?

– Ким, это ведь не из-за Герберта. Вернее, не только из-за него. На все нужно время. Не волнуйся, я не морю себя голодом. Расставишь цветы? Пару десятков букетов в зал, остальное в гостиную и столовую. Я хочу немного поспать. Ужасно не выспалась.

Мы с Кайлой вскочили почти в четыре утра, чтобы принять самую свежую партию продуктов и цветов, так что я очень заразительно зевала и мечтала хотя бы пару часиков до ужина поспать. И раз никаких катастроф в доме не случилось, можно позволить себе целительный сон.

В комнате царил мрак из-за плотных тяжелых штор. Лечь в постель и расслабиться – все, чего мне сейчас хотелось. Я с удовольствием сняла туфли и платье, переодевшись в длинную удобную рубашку, и развалилась поперек кровати. Рука нащупала под подушкой блокнот, и, решив немного почитать, я осветила страницы магией.

Дневник Кристалл манил меня с того самого дня, как я нашла его в шкапулке мачехи. Тогда было не до него, но как только я отошла от случившегося, смогла наконец взяться за чтение. У Кристалл был

сложный почерк, приходилось продирается через особенно неразборчивые строчки.

Стоило заметить, что жизнь с отцом – то еще испытание. Кристалл откровенно скучала, целыми днями просиживая в доме или прогуливаясь по саду. Первое время молодой жене почти ничего не разрешалось. Возиться с детьми да заниматься собой. Уже позже, когда отец разглядел в ней ум и хватку, Кристалл взяла часть семейных забот на себя. Но до этого ей оставалось только играть в счастливую новобрачную. Чего ей это стоило, ума не приложу. Отец не был интересным собеседником, не интересовался ничем, кроме исследований магии, и мало что знал о счастливой семейной жизни. А может, после смерти мамы предпочел забыть. Пожалуй, единственное место, где он Кристалл устраивал, – постель. Об этом она, впрочем, на страницах дневника не распространялась. И спасибо ей за это огромное.

Я сама не заметила, как уснула. Пожалуй, это было впервые со смерти Портера: я спала сладко, без кошмаров. Проснувшись, я еще долго валялась в темноте, наблюдая за причудливыми тенями от мерцающего ночника. Ровно до тех пор, пока оклик Ким не заставил подняться:

– Кортни, осталось полтора часа! Пора собираться!

Ну почему боги не вняли молитвам отца и я не родилась парнем? Им на сборы требуется намного меньше времени.

Зато Кайла, кажется, нашла себе занятие: все наряды для нас подбирала и заказывала она. Я лишь отдала мерки, а через две недели прямо домой доставили несколько коробок с платьями. Разумеется, мне досталось алое платье – в любимом оттенке Кордеро. Пожалуй, оно немного излишне облегалo фигуру, но надо признать, что я и вполтину так хорошо не одевалась, когда жила в Даркфелле.

Надо будет дать Кайле задание заняться моим гардеробом и заодно обновить интерьер.

Я убрала волосы наверх, щедро дополнив прическу любимыми изящными шпильками – чтобы не было заметно нарощенную шевелюру. Привела в порядок лицо, влезла в парадно-пыточные туфли и была готова принимать гостей на полчаса раньше, чем эти гости собирались приехать.

– Готова? – улыбнулась мне Ким. – Потрясающе выглядишь.

Сестренка тоже постаралась, выбрав излюбленный черный. Длинное пышное платье сидело как влитое. Ким сильно похудела от переживаний, но, к счастью, в ателье успели перешить. Ее красивые золотистые кудри лежали на плечах, чуть поблескивая от лака.

– Хочу себе такую прическу! – заявила Кайла, когда ее увидела. – Хочу быть блондинкой!

– Покрась, – хмыкнула я.

Без лишних предисловий развернула сестру и принялась зашнуровывать корсет. Кайла на этот раз отличилась ярко-изумрудным платьем в винтажном стиле, с расклешенными рукавами и длинным полупрозрачным шлейфом. Что ей было вообще не свойственно: обычно сестра носила нечто более дерзкое.

Как-то так получилось, что мы одновременно посмотрелись в зеркало, и Ким фыркнула:

– А мы ничего.

– Да уж, – улыбнулась я, – завидные невесты.

– Ну, тебе, Кортни, особенно актуально, – хихикнула Ким. – Надо было пригласить кого-нибудь из списка холостяков Даркфелла. Герберт удавится от злости, если ты появишься на приеме с кем-то шикарным.

– Ага, и мы останемся без поверенного. К тому же труп в доме – это уже перебор. Идемте вниз, все проверим и пойдем встречать гостей. Кайла, наутро я тебя прокляну за этот прием, вот увидишь.

– Ага, – только и ответила Кайла, изящно подхватив по дороге в столовую с фуршетного столика бокал с игристым вином.

Она первая вошла в столовую и первая же замерла, отчего на нее налетела излишне возбужденная Ким. Я не видела из-за спин девчонок, что там творилось, но уже поняла: что-то скверное.

– Чудесно, – процедила Кайла. – Портер решил нас достать с того света или в этом городе к богам отправились еще не все твари?!

Сначала я почувствовала странный кислый запах. Потом, выйдя из-за спин сестер, сквозь зубы выругалась и с сочувствием посмотрела на Кайлу. Она так старалась, выбирая цветы, потратила уйму денег и времени. А теперь они все погибли, превратившись в сгнившие жухлые бутоны. Все до единой розы в вазах погибли в считанные часы. На полу посреди этого всего валялся белый конверт, который подняла Ким.

– «Вы настолько прогнили изнутри, что уничтожаете все живое вокруг. Странно, не правда ли?»

– Без подписи, – добавила Кайла.

Я на удивление спокойно выслушала записку.

– Ладно, давайте быстро уберем эту гниль. Скоро будут гости.

– Кортни...

– Мы не можем просто так отправить всех по домам. Пойдут слухи.

– А если он еще что-нибудь выкинет?

– То ему ничто не помешает. Выбросьте цветы, пока не приехали гости. А, собственно, вот и первые...

По ступенькам поднимались Герберт и Диналия. После того как мы закончили с подготовкой, она убежала домой: прихорашиваться и ждать брата, чтобы приехать вместе с ним. Вместе они смотрелись очень эффектно. Яркий макияж делал ее старше, и можно было принять Диналию не за младшую сестренку Герберта, а за взрослую романтическую спутницу. И хоть я старалась не признаваться даже себе, то, что Герберт пришел с сестрой, неожиданно обрадовало.

– Добро пожаловать, – дежурно улыбнулась я, открывая дверь и пропуская их в коридор.

Герберт лишь равнодушно скользнул по мне взглядом и протянул корзину с вином и сырами. Диналия позволила забрать пальто.

– Остальные гости еще не прибыли, предлагаю скоротать время за бокалом и легкими закусками.

Молча, чувствуя легкую неловкость, мы расположились в гостиной. В праздничный вечер не хотелось говорить о семейных делах, а посвящать Герберта в новую выходку «К» при Диналии я не решалась. Каким-то чудом нам удалось скрыть от нее большую часть происходящего. Хоть кто-то мог находиться в доме без постоянного ожидания неприятностей.

К счастью, эта вынужденная гнетущая пауза не продлилась долго. Начали прибывать гости, которых мы с Кайлой провожали в гостиную. К тому времени, как все были готовы отправиться ужинать, Ким закончила с уничтожением остатков цветов. И я смогла дышать чуточку легче.

– Ваши интерьеры прелестны, – ласково сказала мне одна из давних подруг отца. – Разве что не хватает живых цветов...

Кайла стиснула зубы с такой силой, что мне почудился их скрип.

– К сожалению, поставщик нас подвел: цветы привезли явно не первого сорта. Но могу заверить – ужин на высшем уровне!

Я насчитала тридцать человек, принявших приглашения, и семнадцать дополнительных гостей, пришедших в качестве спутников. В основном это были компаньоны отца с женами и детьми. Когда-нибудь и мне с мужем придется влиться в этот круг, чтобы эффективно использовать связи и знакомства. Сейчас эта толпа напыщенных магов-аристократов больше относилась ко мне как к забавной знатной сиротке, оставшейся одной в жестоком мире. Ко мне присматривались и, как сказал бы Герберт, прикидывали, как можно использовать.

Мне досталось место с господином Антером, давним знакомым отца. Кажется, он занимался поставками и разработкой золота и имел неплохой доход вкупе с дурным нравом и склонностью обирать всех, кто рискнул ему довериться.

Я не успела даже попробовать закуски, как он уже налил в мой бокал вина и примерился к добыче:

– Вы не думали продать пару земель, чтобы выгодно вложить средства?

– Я рассматриваю разные варианты. Но, к сожалению, не могу ничего сделать без разрешения поверенного. – Я кивнула на Герберта. – Таковы условия завещания отца. Он хотел, чтобы у меня было время научиться грамотно распоряжаться активами.

Антер сразу сник и налег на вино. Я ненавязчиво отставила свой бокал и уже собиралась было закончить ужин без напитка, но увидела, как Герберт незаметно, делая вид, будто поднялся лишь затем, чтобы поцеловать руку давней знакомой, ставит рядом со мной чистый.

После ужина как-то незаметно все рассредоточились по дому, что невольно напомнило день похорон Кристалл.

Подтянулись опоздавшие, молодежь отправилась в танцевальный зал, где музыканты, выбранные Ким, готовы были устроить настоящий праздник, без ненужного и скучного официоза. Девушки с удовольствием танцевали, купаясь во внимании богатых и зрелых мужчин. Только Диналия с Ким скорее дурачились. Тая не отпустили с дежурства, и он взял с Ким обещание не заигрывать ни с кем на приеме.

Меня, как хозяйку вечера, приглашали многие, и отказывать я начала, только когда ноги совсем отказались двигаться. Села где-то в уголке и расслабленно наблюдала за гостями. Может, идея устроить праздник была не такой уж и плохой. Пока все шло, как было задумано. И «К» себя не проявлял.

И в эту же секунду, словно судьба усмехнулась и решила меня проучить, в зале появился Джейк. Он рассматривал толпу явно в поисках меня и привлекал ненужное внимание. Поэтому я поднялась и как можно спокойнее вывела Джейка из зала, сдерживая злость.

– Зачем ты пришел, Джейк?! – спросила я.

– Вот уж не думал, что когда-нибудь ты будешь против моего присутствия на вечеринке. Развлекаешься? Я надеялся на приглашение.

– Ты достаточно сказал, Джейк, чтобы я передумала тебя куда-либо приглашать. Я полагала, ты вернулся в Даркфелл.

– Кортни, – лицо его смягчилось, – я пришел не ссориться. Я пришел сказать тебе, что люблю. И что никому не позволю тебе навредить.

– Мне говорили это не раз, но пока что дальше слов не заходило. Отныне свои проблемы я решаю сама, Джейк. И не нуждаюсь в покровителе.

– Кортни... – Он вздохнул и сокрушенно покачал головой. – Да, я знаю, что ты очень самостоятельная и умная. И знаю, что ты можешь справиться с любыми проблемами, но сейчас тебе нужна помощь. И Уолдер тебе не помогает. У него совершенно иные цели. Я боюсь за тебя, Кортни!

– Джейк, ты испытываешь мое терпение! – не выдержала я. – Оставь в покое Герберта, я разберусь с ним сама. Проблема не в Герберте, понимаешь? В тебе! В приступе ревности и злобы ты наговорил такого, что, даже если бы остался последним мужчиной в мире, я бы ни за что не вернулась. Извини, но между нами все кончено, окончательно и бесповоротно. Уходи, Джейк, нужно расставаться достойно.

Но упрямства ему было не занимать.

– Я никуда не уйду, Кортни. Я не позволю ему еще раз отправить тебя в лечебницу.

– Что? – не поняла я.

– Ты не рассказывала, что в шестнадцать лежала на лечении, – с упрёком и обидой произнес Джейк. – Я думал, мы близки достаточно, чтобы делиться подобным. Но, впрочем, я тебя понимаю. Кортни, неужели ты не видишь, что все повторяется? Вокруг тебя происходят странные вещи. Тебе отрезают волосы, и ты утверждаешь, что никого не видела и не слышала. Как это возможно?

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но Джейк не дал мне вставить и слова.

– А я скажу тебе, как возможно.

Он порылся во внутреннем кармане пальто и достал сложенный вдвое пожелтевший листок.

– Это свидетельство о твоей выписке от целителя-менталиста. Тебе было шестнадцать, когда тебя поместили в лечебницу. Симптомы? Галлюцинации, агрессивное поведение, провалы в памяти. И знаешь, кто забрал тебя оттуда ровно через семь месяцев? Уолдер. Он же контролировал твоё лечение и занимался документами. А не после ли твоей выписки начались ваши отношения? Ментальные лекари – серьёзные маги, сколько нужно им заплатить, чтобы внушить девушке спать с другом отца?

– Ты псих, – ошарашенно проговорила я, отталкивая его руку. – Не было никакой лечебницы, Джейк! Не знаю, кто наплел тебе этот бред, но советую с ним больше не общаться. Убирайся, пока я не вышвырнула тебя вон! Не желаю тебя больше видеть!

– Проблемы? – раздался холодный и спокойный голос Герберта.

Должно быть, я говорила слишком громко. И наверняка привлекла внимание гостей!

– Нет, Джейк уходит.

Джейк с ненавистью глянул на Герберта, но понял, что если затеет потасовку, победителем из нее не выйдет. Поэтому он развернулся на каблуках и стремительно выскочил прочь. Я долго смотрела ему вслед, ощущая странный мороз по коже. Кто-то открыл окно?

Пока гости бродили по дому, общались и танцевали, в столовой Нина раскладывала десерты и заваривала чай. Время уже перевалило за полночь, но никто и не думал расходиться. Кайла порхала меж гостями, счастливая и изящная. Ким выглядела уставшей и в итоге не дождалась сладкого.

– Я пойду спать. Глаза закрываются.

– Конечно. Только не забудь как следует запереть дверь. Хочешь, оставим у тебя Диналию?

Я поискала в толпе глазами сестру Герберта, но Ким отрицательно покачала головой.

– Она завтра едет с Гербертом в Даркфелл. Присматривать новый офис.

От последней фразы внутри меня что-то напряглось.

– Не знаешь зачем?

– Знаю, – тоскливо протянула она, – Герберт хочет перенести свою контору в Даркфелл и управлять всеми делами оттуда. Поговори с ним, а? Я не хочу, чтобы они уезжали! И ты не хочешь, Кортни!

– В любом случае все завтра. Я с ним поговорю, но, Ким, Герберт имеет право строить карьеру. И я его понимаю. Он всю жизнь решает проблемы Кордеро. Может, он хочет чего-то большего, чем статус личного помощника богатых наследниц с дурной репутацией? Отдыхай. Наверное, еще пару часов, и они начнут расходиться.

– Предлагаю всем пройти к десерту! – громко объявила Кайла, и гости потянулись к столовой.

В дверях отчего-то возникла пробка. Когда мне удалось протиснуться внутрь, я поняла, что никто не спешит садиться за стол, а всеобщее внимание приковано к салфеткам. Послышались шепотки и переговоры. А потом все взгляды обратились ко мне.

То, что я приняла за салфетки, оказалось рисунками. Возле каждой тарелки с красивым аппетитным пирожным лежал рисунок. Все разные, но каждый без исключения изображал нас с Гербертом. В подвале.

На миг показалось, словно в столовой больше никого нет. Я почти наяву ощутила прикосновение прохладной грубой ткани к разгоряченной коже. Напоминание о единственной ночи, когда я не смогла взять чувства под контроль, ударило сильнее, чем сгнившие цветы, чем выставленные на обозрение сцены.

Рисунки вдруг вспыхнули, и за считанные секунды не осталось ничего, что напоминало бы об этой жестокой шутке. Герберт усмехался, но эта усмешка могла обмануть лишь тех, кто знал его чуть менее хорошо, нежели я. Он был в бешенстве.

– Некоторые... фантазии стоит держать при себе, – ледяным голосом проговорил он в полной тишине. – Но я ценю внимание,

проявленное к моей персоне. Если кому-то интересно – слухи всего лишь слухи, я все еще свободен.

– Десерт! – уже менее бодро провозгласила Кайла.

Остаток ужина прошел в напряжении. Неловкие попытки вести непринужденную беседу неизбежно проваливались.

Народ разошелся к четырем утра, и когда дверь за последними гостями закрылась, я почувствовала, что вот-вот упаду. Меня не волновали ни погибшие цветы, ни абсурдные заявления Джейка, ни шуточка анонима, нарисовавшего целый порнографический альбом. Я хотела лечь и полежать в тишине и темноте хотя бы пару часов. Наверх поднималась, сбрасывая прямо по дороге туфли и одежду.

Кайла тоже изрядно вымоталась. Ее широкая обаятельная улыбка сползла сразу же после ухода последнего гостя, и она отправилась спать еще раньше, не сказав ни слова. Все утром... а точнее, днем. Когда выспимся и переварим лавину информации, свалившейся на головы.

Лишь когда я легла и спряталась под теплым тяжелым одеялом, позволила себе подумать о Герберте.

Неужели он и правда уедет? всю мою сознательную жизнь Герберт Уолдер был рядом. Тенью следовал за отцом, и – я поняла это лишь сейчас – благодаря ему мы чувствовали себя в безопасности. Кайла была права, я понятия не имею, как управлять домом, деньгами, имуществом Кордеро. Сейчас всем занимался Герберт, а меня волновали цветы для приема, душевное спокойствие Ким и слухи, которые распускал Джейк.

Он лгал. Я никогда не была в лечебнице.

Я никогда не страдала ментальными расстройствами и не была у целителя, Джейк лжет!

Но что, если нет?

В колледже мы изучали ментальные воздействия. Сильный маг может совершить с чужим разумом невозможное. Заставить забыть. Вспомнить. Переиначить воспоминания, исковеркать душу. Я смутно помнила беременность Кайлы, так почему папа не мог хранить не только ее тайну, но и мою?

Если Джейк не лгал, то Герберт знал обо мне намного больше, чем говорил. И скучать по нему я просто не имела права!

В окно светила яркая луна. Я ворочалась, никак не могла уснуть. Под окном шумели деревья, их причудливые тени немного пугали, казалось, возле окна кто-то есть, царапает маленькими лапками по раме и стеклу. Находясь между сном и явью, я поняла, что сойду с ума, если не усну.

Пришлось перевернуться на бок и открыть верхний ящик комода, чтобы достать маску. Рука нащупала что-то мягкое и сжала, но вытащила я, к собственному удивлению, не маску. А горсть лепестков роз, свежих, благоухающих. Сон слетел, словно и не было. Я резко поднялась и заглянула в комод. Весь ящик был засыпан лепестками, а среди них валялась небольшая полупустая бутылка. Я с опаской достала находку и с трудом вытащила пробку, желая хотя бы понять, что это такое. От неосторожного движения несколько капель сорвались с края горлышка.

Едва они коснулись лепестков, те моментально сгнили.

«Сломанных кукол отправляют на чердак. Зря ты оттуда вернулась. К.»

Глава 13

До «Хейзенвилль-гард» можно добраться двумя путями. Первый – нанять экипаж. Второй – взять билет на омнибус, выйти в километре и оставшееся расстояние преодолеть пешком. Я выбрала второй способ. И не потому, что боялась, будто кучер разнесет по всему городу, куда я направляюсь. Просто до последнего я сомневалась в том, что вообще решусь туда зайти.

«Какое странное название для ментальной лечебницы», – думала я, поднимаясь по потемневшим каменным ступеням.

«Гард» – гордость, нечто знаменательное. Название наверняка тянулось из прошлого, со времен первых хозяев особняка, в котором теперь располагался целительный дом. Обычно такие здания доставались властям города после смерти единственных наследников, когда перенимать владение было попросту некому. Их облагораживали (в меру сил и средств) и отдавали под нужды властей. Для банков, почтовых салонов, целительных домов.

Джейк нес откровенную чушь, подхваченную злыми языками. Но за ниточку нужно было потянуть, чтобы выяснить, кто стоит за слухами. Так я успокаивала себя, идя по длинным и полупустым коридорам лечебницы.

Сюда свозили пациентов даже из Даркфелла. Внешнюю мрачность лечебницы дополняло внутреннее запустение. Всю дорогу я ужасалась дешевому полу, обшарпанным стенам, окнам с массивными прочными решетками. И страшно боялась, что вдруг кольнет внезапное воспоминание и коридоры покажутся знакомыми, а запахи вернут в прошлое, которого я не помню.

Я с трудом нашла нужный кабинет. И прежде, чем постучать, поправила платье. Рука немного дрожала.

– Войдите, – раздался женский голос.

– Здравствуйте. – Я ступила в узкий и длинный кабинет с простенькой мебелью.

Весь он был завален папками с бумагами, а посреди этого хаоса восседала некогда миловидная, но уже потерявшая очарование женщина лет шестидесяти.

– Меня зовут Кортни Кордеро, я бы хотела побеседовать с главным целителем. Это возможно?

Мое имя не произвело на женщину никакого впечатления, но она приветливо кивнула и пригласила присесть.

* * *

– Она всегда говорила, что хочет провести остаток дней именно здесь, – сказала леди Бьюит, ведя меня через сад, заполненный неспешно гуляющими стариками. – Франческа отдала «Хейзенвилльгард» всю жизнь, всю магию. Уж мы о ней заботимся, не сомневайтесь.

– Всем ментальным магам нужна помощь в конце?..

Я осеклась, не решившись сказать «жизни».

Меня поразило такое количество стариков. Больных, уставших от жизни. Отчаяние и тоску в воздухе можно было пощупать рукой.

– Нет, случай Франчески скорее редкость. Знаете, леди Кордеро, я не думаю, что она помнит хоть что-то из своей практики. Как звали вашу подругу?

– Эмили Фаннинг, – быстро ответила я.

– И когда она находилась у нас?

– Дайте посчитать... примерно семь-восемь лет назад. В этот период.

Леди Бьюит сокрушенно покачала головой.

– Пять лет назад мы пережили сильнейший кризис. Многие целители и сестры нас покинули. По сути, Франческа – единственная, кто работал в то время. Но предупреждаю: она совсем плоха и может не захотеть с вами говорить.

Мы остановились в тени раскидистых деревьев. Под ними в кресле-качалке сидела старушка. Она, блаженно закрыв глаза, слушала негромкое пение птиц. А нас, похоже, даже не заметила.

– Франческа, – леди Бьюит осторожно тронула старушку за плечо, – к вам гости.

Я запоздало подумала, что зря не взяла какой-нибудь подарок. Наверняка Франческа бы обрадовалась коробке со сладостями. Но жажда разобраться с собственными страхами захватила все мое существо. И разве могла я думать о каких-то подарках?

– Я оставлю вас ровно на пятнадцать минут, – улыбнулась леди Бьюит. – Постарайтесь ее не переутомлять.

Когда она ушла, я замялась, не зная, с чего начать.

– Я знала, что ты придешь, – вдруг произнесла Франческа. – Как ты выросла, Кортни.

У меня пропал дар речи. А еще я утратила способность двигаться и просто смотрела на нее, пытаюсь отыскать в себе хоть что-то, хоть какое-то воспоминание или смутное ощущение, что женщина мне знакома. Только спустя пару секунд я поняла, что ее глаза смотрели куда-то в сторону. Франческа была слепа.

– Вы меня знаете? – хрипло спросила я.

– Я узнала бы тебя, будь не только слепа, но и глуха и глупа. К счастью, болезнь коснулась лишь глаз. Мой разум чист, как и в те годы. Не так давно это и было, верно?

– Предполагаю, что восемь лет назад, но... расскажите о моем пребывании здесь. Я почти не помню то время.

– Может, оно и к лучшему, – рассмеялась старушка. – Ты была непростым ребенком. Какая ты сейчас? Тебя не мучают они?

– Кто – они?

– Видения, голоса. Они еще приходят? Кортни, девочка, ты – единственная, о чьем уходе отсюда я жалела. Я действительно думала, он совсем тебя сломает. Однако я слышу в твоем голосе твердость. Могу я хотя бы надеяться, что на этот раз ты победила?

– Я... я вас не очень понимаю. Я не помню тот период, не помню голосов и видений. И кто этот «он», тоже не знаю. О чем вы говорите?

– Ты была очень юной, когда он тебя привез. Мне понадобился месяц, чтобы ты привыкла и разговорилась. Мы беседовали каждый день, и каждый день я ужасалась условиям, в которых ты выросла, детка. Такой отец... Тебе нелегко пришлось, да?

– Чем я болела?

– Не знаю. Я ведь всего лишь сестра-целительница, а не менталист. Каждый безумец здесь безумен по-своему, и мы с тобой не исключение. Тебе мерещились фигуры. Они говорили с тобой.

Она помолчала, словно вспоминая.

– А еще ты любила записки... писать себе записочки, знаешь, такие – маленькие, в конвертах. Делилась там своими секретами и прятала в укромных местах. Забывала... находила – и пускалась в

плач. Все это время тебя так никто и не навестил... кроме него. Он приезжал каждую неделю. Тогда я еще не потеряла зрение. Да и вкус. Хорош, чертовски хорош. Только хорош, дорогая, по-темному. От него веяло чем-то очень темным. Поверь, я ведь знаю, что творится в душах у людей. Понять не могу, а знать – знаю. Так вот, душа у того человека была черная.

– Как он выглядел? – спросила я.

– Ох, если бы я помнила! Я так долго не видела ничего, кроме темноты, что даже не могу сказать, как выглядела в то время сама. Я только помню... голос.

– Голос? – Я сглотнула.

– Голос, – согласилась Франческа. – Очень необычный голос. Бархатистый, с хрипотцой. От него все внутри замерзло.

– Герберт, – вырвалось у меня.

Франческа что-то тихо напевала, потеряв ко мне интерес.

Я так и не смогла ничего от нее больше добиться и в конце концов прекратила попытки. Вернувшаяся к нам леди Бьюит подтвердила, что с Франческой такое частенько случалось.

– Возраст, увы, берет свое. К тому же сестра Франческа всегда была излишне эмоциональна. Она часто привязывалась к пациентам сильнее, чем требовалось.

– Леди Бьюит, – мне было непросто решиться, но я не смогла бы вот так взять и сделать вид, что этого разговора не было, – семь или восемь лет назад здесь была пациентка. Я бы хотела взглянуть на историю болезни или какие-то записи о ней.

Женщина нахмурилась.

– Боюсь, это невозможно. Мы не раскрываем информацию о наших подопечных.

– Эта пациентка – я. Кортни Кордеро. Я хочу узнать, как попала сюда.

Если леди Бьюит и удивилась, то не подала виду.

– Мне нужно свериться с записями, а также понадобятся ваши документы. Ступайте за мной.

Так я оказалась в палате, служившей мне домом долгих семь месяцев.

– После ремонта мы немного обновили палаты, но в целом все осталось как прежде, – сказала леди Бьюит. – Проходите, вот она.

Я вошла в ничем не примечательную палату с обитыми мягкой тканью стенами. В комнате не было ровным счетом никакой мебели, а небольшое окошко оказалось утоплено глубоко в стене и закрыто двойной решеткой.

– Почему здесь так... – Я долго не могла подобрать слово. – Странно? Почему нет кровати?

– Здесь содержатся пациенты, которые могут навредить себе или окружающим. Не стоит волноваться, здесь вполне комфортно. Оставить вас? Желаете побыть одна?

Я нахмурилась, но не стала противиться. А вот леди Бьюит достаточным тактом не обладала, потому что с улыбкой сказала:

– Многие вылечившиеся пациенты приходят навестить свои палаты и своих друзей. Для них «Хейзенвилль-гард» – место, которое дало им шанс на нормальную жизнь. Можете побыть здесь немного. Но не увлекайтесь, Кортни. Настоящая жизнь ждет вас там. Вне стен лечебницы.

Только чтобы она заткнулась, я делано поулыбалась и сунула женщине мешочек с золотом.

– Пожертвование на нужды лечебницы, – произнесла я, не в силах отделаться от мысли, что значительная часть этих денег пойдет на нужды леди Бьюит.

Дверь за ней закрылась. И я тут же подскочила, чтобы оставить широкую полоску света в коридор. Быть запертой в камере лечебницы мне хотелось меньше всего. Только когда я надежно зафиксировала дверь, решила осмотреться.

Впрочем, на что там было смотреть? Мягкие стены, унылый, тусклый потолок. Это место не вызывало никаких воспоминаний. Ничего. Ни отголосков тех событий, ни смутных образов. Словно и не было в моей жизни долгих месяцев в этой комнатке. А может, действительно не было?

Но Франческе не было резона врать, да еще и так четко описывать Герберта.

Выходит, из-за него я лежала здесь. И никто – даже сестры – меня не навещал. Отец этому явно потворствовал, а я... я слышала голоса и писала себе записки. Что происходит и сейчас.

Довольно быстро я поняла, что надо уходить, ибо я рискую сойти с ума в ограниченном пространстве. И тогда окажусь тут уже по праву,

а не в качестве гостя. Я быстро вышла на воздух, и только когда лечебница скрылась из виду за деревьями, остановилась, чтобы перевести дух.

Я не знала, что делать дальше. И к кому пойти, тоже не представляла. Наверное, впервые в жизни я по-настоящему жалела, что рядом нет отца. Он был не лучшим родителем, но, несомненно, обладал теми качествами, которыми должен обладать глава рода. Он бы разобрался в происходящем. Дал объяснение, а если его нет, сказал бы правду.

А может, он и разобрался... тогда, восемь лет назад. И я очутилась в «Хейзенвилль-гард». И сейчас меня бы постигла та же участь. Как знать.

Могу ли я быть виновной в том, что происходит? В убийстве Хейвен, в создании фантома, в похищении ребенка, в подбрасывании записок? Каков шанс, что я, страдая провалами в памяти, могу вредить и себе, и сестрам? Если напрячься и вспомнить, большинство странных событий происходило, пока я спала. А если вообразить, что во всем этом замешан Герберт, можно объяснить практически каждый инцидент.

Он объяснил свою записку тем, что получил от Портера уведомление о переводе Ким и сразу же выехал в Даркфелл. Но что заставило Герберта вернуться и как вообще он, с колоссальным опытом юриста, мог поверить какому-то письму, так и осталось тайной.

Растерянно остановившись посреди дороги, я обернулась и посмотрела на здание лечебницы, видневшееся среди деревьев.

Если я убила трех человек, если я угрожаю сестрам, если я больна – мне стоит вернуться.

Взяв на себя ответственность за род Кордеро, я поклялась защищать сестер от любой опасности. Даже если она исходит от меня самой.

Словно наяву – я даже вздрогнула, испугавшись, что вновь слышу голоса, – прозвучал голос Герберта. Воспоминание было невероятно ярким. Как будто еще вчера я сгорала в его объятиях и не существовало мира за стенами холодного подвала.

– Ты ведь веришь мне. Веришь, что я не причиню тебе боли.

Я верила. Я, демоны ада его раздери, верила!

Вернуться в палату с мягкими стенами я еще успею. А вот поговорить начистоту с Гербертом – нет, если он уедет в Даркфелл.

Но в конторе его не оказалось. Помощник виновато развел руками:

– Господин Уолдер не оставил указаний, где искать его, миледи.

Все время, что мы говорили, рабочие выносили из кабинета коробки.

Он ведь не мог уехать, не предупредив персонал! Не сказав мне или Ким. Не мог ведь?

Если бы я была в этом уверена, то не почувствовала бы, как горло сжала невидимая рука, лишив воздуха.

– Леди Кордеро, в кабинет нельзя... – попробовал было остановить меня помощник, но я захлопнула перед его носом дверь.

Круглое зеркало с изящной окантовкой подернулось дымкой. Я не выдержала и плеснула еще зелья на серебряную поверхность. И даже потрясла его от нетерпения, надеясь, что Герберт услышит зов. Я никогда не связывалась с ним таким образом. Зелье для зеркального ритуала было довольно редким, даже отец старался не использовать его без надобности. Если Герберт просто вышел на соседнюю улицу перекусить, он убьет меня за то, что истратила половину запасов.

– Герберт! – воскликнула я, едва дымка рассеялась.

– Кортни? – нахмурился он. – Почему через зеркало? Ты что, в моем кабинете?

– Нам надо поговорить! О том, что случилось восемь лет назад.

– Восемь... – не понял он. – А что тогда случилось?

– Вот и выясним. Это личный разговор. Где ты?

Я вдруг поняла, что смутно узнаю фон за его спиной.

– Это дом у озера?

Герберт кивнул.

– Да, сработали охранные заклинания. Кто-то сюда вломился. Пытаемся понять, не пропало ли что. Твой разговор не подождет до вечера?

– Нет, – отрезала я. – Жди меня там, скоро приеду.

– Кортни, я предпочту, чтобы ты осталась в Кордеро-холле, – с нажимом произнес Герберт. – Здесь, возможно, небезопасно.

– Как будто тебе не все равно, – вырвалось у меня.

Герберт подарил мне внимательный серьезный взгляд, от которого стало как-то неуютно.

– Нет, Кортни, мне не все равно.

– Тогда почему я только сейчас узнала о том, что лежала в психушке?

Или Герберт был прекрасным актером, или... или у меня забрезжила надежда, что все это бредни и тщательно продуманный спектакль.

– Кортни, о чем ты? Какая психушка? Откуда ты это взяла? Так, все, мне пора, я приеду, и поговорим. Я вообще перестал что-либо понимать.

– Нет! Приеду я, оставайся там. Хочу взглянуть на повреждения сама.

Не сказав больше ни слова, я стерла отражение.

Пришлось все же заехать домой, чтобы взять немного вещей. Я точно не стану возвращаться в Кордеро-холл ночью и не позволю это сделать Герберту. Мы снова ошиблись, со смертью Портера ничего не прекратилось, и оставалось лишь гадать, когда «К» нанесет новый удар. А еще – на сколько у меня хватит сил. Кажется, их осталось совсем немного.

Я быстро покидала в сумку необходимые вещи и, на ходу застегивая пальто, устремилась вниз. До домика у озера около часа езды, если удастся поймать быстрый экипаж. Если все сложится удачно, то уже к вечеру я буду знать всю правду о лечебнице и своем якобы в ней пребывании.

«Уехала в домик у озера с Гербертом. Останусь до завтра. Хочу с ним серьезно поговорить. Если что – пишите срочно». – Я оставила сестрам записку. Ким только через несколько часов вернется с занятий, а Кайла наверняка бегает по магазинам.

Открыв дверь, я нос к носу столкнулась с Джейком. Тот виновато улыбнулся, но не позволил мне пройти.

– Кортни, мне нужно с тобой поговорить!

– Джейк, я занята!

– Пожалуйста!

Под глазами Джейка залегли темные круги, он выглядел так, словно неделю напролет пил.

– Кортни, – его голос сорвался, – у меня дома был пожар. Там... там ничего не осталось. Я не знаю, что делать.

С этими словами он сел у моих ног на холодные мраморные ступеньки и низко опустил голову. Сейчас Джейк напоминал того парня, который понравился мне в Даркфелле. Который был мне другом и почти стал возлюбленным.

– Ладно, поднимайся, – проворчала я. – Идем в дом.

Я буквально заставила Джейка съесть ужин, что оставила Нина, и попыталась поесть сама. Естественно, никакая еда в горло не лезла.

Я не спрашивала о пожаре, Джейк рассказывал сам. У его младшей сестры начала проявляться магия, один неудачный всплеск – и детская оказалась охвачена огнем. Из дома не выбрался никто: ни родители, ни сестры, ни бабушка. Джейк рассказывал обо всем отстраненно, его взгляд был абсолютно равнодушен. Я понимала это состояние. Пройдет время, прежде чем он сможет нормально поплакать. И еще больше времени ему понадобится, чтобы снова начать жить.

– Они заставят меня заплатить компенсацию, – глухо проговорил Джейк. – Соседям. Раз магия сестры, наша семья несет ответственность.

– Я разберусь со всеми компенсациями. И мы найдем юриста.

– Спасибо, Кортни, – с искренней благодарностью произнес Джейк. – Я не знаю, что бы делал. Я так долго не решался пойти к тебе...

– Подожди меня здесь. Мне нужно связаться с Гербертом и сказать, что встреча отменяется. Я скоро вернусь. И подумаем, как будем действовать.

Кажется, меня прокляли боги. И все, кто оказывается рядом, страдают от действия проклятия, теряя близких, привычную жизнь, спокойный сон.

Я поднялась в кабинет, чтобы написать Герберту записку. Проходя мимо потрескавшегося зеркала, которое так и не дошли руки сменить, краем глаза увидела надпись, сделанную алой помадой, в которой я узнала свою любимую.

«У малыша Джейка нет ни совести, ни души. А еще у него нет и никогда не было сестренки. Кого не будет у тебя,

если ты ему поверишь? К.»

У меня вырвалось короткое ругательство. Раз за разом я обжигалась, доверяя Джейку.

– Кортни! – только и успел он крикнуть мне вслед, когда я спустилась по лестнице, на ходу застегивая пальто.

Джейк выскочил на крыльцо, но тут же был сбит с ног огненным шаром.

– Не смей ко мне приближаться! – рыкнула я, не узнав собственный голос. – Если с ним хоть что-то случится, то клянусь, Джейк, эта слезливая сказка о пожаре станет для тебя жестокой реальностью!

Я уже неслась к экипажу, который забыла отменить. Кучер знал, куда ехать, но я все равно повторила название дома у озера и сунула ему в руки мешочек с монетами.

– Как можно быстрее, пожалуйста.

Джейку не хватило нескольких секунд, чтобы меня задержать. Карета понеслась вперед, игнорируя все ограничения и запреты. А у меня бешено билось сердце. В словах «К» можно было не сомневаться. Он уже давно доказал, что не бросает слов на ветер, а Герберт отлично подходит на роль новой жертвы.

* * *

Ни у дома, ни в окрестностях не было ни одной живой души. Мне казалось, Герберт упоминал кого-то еще, но я увидела дом в том виде, в каком мы оставили его, уезжая после той памятной ночи. Разве что дверь была распахнута настежь.

Я так летела сюда, ведомая страхом, что только у самых дверей задумалась: а что, если это ловушка?

Слишком многое указывало на Герберта. Да, всегда странностям, творящимся вокруг него, находились объяснения. Иногда их умело находил он. Иногда я, не желая подозревать всех и каждого вокруг. Но, если вдуматься, слишком много в этой истории темных пятен. И слова Франчески... она ведь описала именно его! Если я никогда не лежала в

лечебнице, то какое этому найдется объяснение? «К» подкупил старушку?

Мне было страшно. Наверное, первый раз за долгое время я ощутила страх в чистом виде. Обычно он смешивается с волнением, обидой или чем-то еще, не менее мерзким. Но, входя в дом, я не чувствовала ничего, кроме страха. Одна-единственная эмоция.

Пахло дымом. Источник запаха определился сразу, кухня вовсю полыхала. Я в ступоре смотрела на языки алого пламени, поглощающие все на своем пути. Еще бы чуть-чуть, каких-то полчаса, и от дома могло остаться только пепелище.

Я с трудом стряхнула оцепенение. Совершенно не к месту в голову пришла мысль, что отец бы справился лучше. Он был хорош во всех видах магии, в том числе и в стихийных. Я унаследовала едва ли четверть его дара. Но направила всю магию, что была мне доступна, на разгорающееся пламя, приказывая отступить.

Разум. Менталистка Ким.

Алхимия. Теоретик Кайла.

Огонь. Мой дар, мое главное наследие.

Как будто боги посмеялись, послав роду Кордеро трех сестер.

Не сразу, но огонь поддался. С треском затихал, убирался восвояси. И вскоре о былом пожаре напоминала лишь почерневшая кухня. Восстановлению не подлежит, все в ремонт. Может, оно и к лучшему.

– Герберт! – крикнула я.

Но никто не отозвался.

Не приди я так быстро, удержи меня Джейк хотя бы на полчаса, пожар уничтожил бы дом и, возможно, перекинулся на лес. Неужели «К» хотел меня предупредить? Или, наоборот, заманить в ловушку?

– Герберт, эй! – снова позвала я.

Первый этаж был пуст и тих. Проходя мимо окон и дверей, я не забывала запирать замки.

Настал черед второго этажа. Большинство комнат пустовали. Никаких следов постороннего вмешательства. Я обходила все по очереди, проверяла шкафы и любые места, где можно спрятаться или спрятать тело, но если в доме кто и был, то давно ушел.

Только за последней дверью я нашла Герберта. Комната была самой маленькой, располагалась над кухней и даже имела отдельный

выход на заднюю лестницу. Предполагалось, наверное, что в этой каморке должна жить прислуга или экономка, но поселить сюда человека могло прийти в голову только садисту. Даже камеры в лечебнице выглядели уютнее.

На полу, рядом с опрокинутым стулом, с жуткой ссадиной на виске без сознания лежал Герберт, со связанными за спиной руками.

Выходит, «К» все же пытался его спасти? Иначе не заманил бы его в самую удаленную от кухни, где начался пожар, комнату. И не отправил бы послание мне.

Все это напоминало какую-то игру, правил которой я не знала.

Я двигалась как во сне. Медленно подошла к Герберту, проверила пульс и дыхание. Наверное, просто получил по голове и отключился. Я взялась за узел, пытаюсь ослабить и развязать. Веревки были крепкие, а узлы затянуты так сильно, что я сломала несколько ногтей, прежде чем смогла хоть немного ослабить петли.

Спустя минуту бесплодных попыток я устало опустилась на пол и едва не разревелась от отчаяния. Казалось, вот сейчас я развяжу веревки – и он очнется, а потом во всем разберется и придумает, как нас защитить. Возьмет в Даркфелл, увезет из Хейзенвилля навсегда, наплевав на волю отца. Придумает что-нибудь, чтобы я снова могла дышать и спать без кошмаров.

Потому что ему не все равно.

В последние месяцы мы старательно избегали друг на друга смотреть и виделись намного реже. Иногда казалось, что я уже не помню, как он выглядит, забываю голос, улыбку, запах. Сейчас, когда его жизни уже ничто не угрожало, я пользовалась моментом.

На всех, кто знакомился с Гербертом Уолдером, всегда производили впечатление его глаза и голос. Возможно, поэтому Франческа говорила о нем с такой опаской. Он действительно напоминал демона из старинных историй, глаза которого смотрят прямо в душу, а голос окутывает бархатистой мягкостью. Герберту сложно было перечить.

Я не удержалась и коснулась рукой темных жестких волос, очертила линию губ. Да, он определенно красив. И, может, Франческа права, и душа у Герберта чернее ночи. Но в тех кошмарах последних месяцев его я теряла почти так же часто, как сестер.

– Раз начала, – я вздрогнула, когда раздался его голос, – так не останавливайся на полпути.

За размышлениями я не заметила, как Герберт очнулся. Остатки страха испарились вместе с неуверенностью. На смену им пришла злость. Он едва не погиб, а издевается!

– Знаешь, – хмыкнула я, – сейчас, к нашему общему удивлению, связан ты. Я бы на твоём месте поблагодарила за спасение и молчала.

Он рассмеялся, поморщился – я ощутила укол жалости – и с любопытством стал наблюдать за моими вялыми попытками распутать узлы.

– Ты не способна пользоваться преимуществами, Кортни. Поэтому всегда проигрываешь.

– Ты так считаешь?

– Я тебя знаю. Ты хочешь быть хорошей девочкой, да только не получается. Вся твоя жизнь не вписывается в стандарты хороших девочек. У тебя не образцовая семья, не «правильная» жизнь. Но что еще больше тебя бесит, так это то, что в концепцию хорошей девочки не вписываешься ты сама. Со своей дерзостью, с талантом к управлению, с огненной магией, с удовольствием от секса с плеткой. Каково это, столько лет гоняться за Кортни-пай-девочкой, которая ложится спать с заходом солнца и не позволяет к себе прикасаться никому, кроме папы?

– А что насчет тебя? – хмыкнула я, убрав руки от веревок.

– А что я? – Герберт сделал вид, что удивился.

– К какому образу стремишься ты? Хочешь быть влиятельным адвокатом, которому подчиняются все, начиная с местных детективов и заканчивая богатыми наследницами в постели? Хочешь все контролировать?

– Возможно, – не отрывая от меня взгляда, произнес он.

– Сейчас ты не контролируешь ситуацию, – напомнила я.

– Ты так считаешь? – Герберт усмехнулся.

Указательным пальцем я провела по его шее, с удовольствием отметив, как он напрягся. Глаза Герберта потемнели, он ничего не говорил, но следил за мной с непрерывным вниманием.

Я медленно расстегивала пуговички белой рубашки. Одну за другой, изредка намеренно царапая кожу ногтем. Чувствовала его участившееся сердцебиение. Полы рубашки разошлись, обнажив

рельефный торс. Я наклонилась, кончики волос коснулись его живота. Губами я едва коснулась шеи, совсем невесомыми поцелуями спустилась ниже, на живот. Язык скользнул вокруг пупка. С ремнем я справилась куда быстрее, чем с веревками.

Герберт рассмеялся.

– Ты на это не решишься.

Наверное, он знал, что делает, потому что пренебрежительное сомнение завело меня еще сильнее, начисто лишило каких-либо сомнений и просто не оставило выбора. Дыхание Герберта участилось, он закрыл глаза, откинув голову назад. И я точно знала: будь его руки свободными, он не дал бы мне отстраниться.

Но раз правила сегодня были мои, я дразнила. И хотела... не знаю, может, отомстить за несколько месяцев равнодушия. Может, доказать ему, что он составил неверный образ. А может, доказать самой себе, что могу вызвать в нем желание, не только будучи связанной и беспомощной. Что ему нужна я, а не власть надо мной. Сейчас он был в моих руках, и это ощущение пьянило.

Я расшнуровала корсет платья не до конца, чтобы было видно чуть больше, чем я позволяла себе обычно.

– Необычное ощущение, да? Когда не можешь ни на что повлиять. Когда не владеешь ситуацией.

Я склонилась, чтобы поцеловать его, но только скользнула губами по щеке и снова опустилась, на этот раз намереваясь мучить сильнее. Герберт с шумом выдохнул, я ощущала его нетерпение и желание. Но намеренно не давала развязки. И ощущала какое-то мстительное удовольствие.

– У тебя неплохо получается, – с насмешкой сказал он.

– У меня был неплохой учитель.

– Он был бы доволен.

Я снова отстранилась и с удовольствием заметила тень разочарования, мелькнувшую на лице Герберта. Он наблюдал молча, но я чувствовала, как в нем бушует страсть. И как он бесится от того, что не может пошевелиться.

Платье легко скользнуло на пол. Я очень надеялась, что внешне выгляжу уверенно, потому что на самом деле приходилось преодолевать сомнения с каждым действием, каждым словом. Я чувствовала на себе жадный взгляд и боролась с искушением

прекратить все и уйти. Но это искушение было не мое. Оно принадлежало той части Кортни, которая действительно хотела остаться хорошей девочкой, сделать вид, будто вся эта тьма – не про нее. Но, похоже, ничего более настоящего, чем то, что было сейчас, в моей жизни никогда не происходило. А хорошая девочка Кортни – насквозь лживая иллюзия.

Я приблизилась к Герберту, поцеловав, дав себе время насладиться свободой и контролем. Грудью прижалась к его обнаженной груди. Удовольствие от соприкосновения тел пронзило насквозь, у меня вырвался короткий стон.

А потом, к собственному удивлению, я услышала смешок и почувствовала на талии руки Герберта. Он с силой надавил, заставив меня опуститься, от чего я выгнулась и застонала в голос.

– Запомни, девочка моя, ты командуешь ровно до тех пор, пока я это разрешаю, – сказал Герберт, покрывая поцелуями мою шею.

Мы оба были на пределе. Не существовало ничего вокруг, только ощущения. Я закрыла глаза, полностью отдавшись во власть лавины эмоций. Вздрагивая от каждого движения, я наслаждалась каждым мгновением этой близости.

Герберт вдруг замер, заставил меня слезть и поднялся, разминая руки и ноги. В несколько движений разделся, не отрывая взгляда от моего лица. Его руки скользнули по моим плечам, изучали и ласкали. Неудовлетворенность прерванной близостью причиняла почти боль, но я не стала бы просить. Никогда и ни за что я не стала бы умолять Герберта о чем-то, и он это знал.

Плывать на нерасправленную постель, на дом, одиноко стоящий посреди леса. Плывать на опасность и все остальное. В эти часы был только один человек в моей жизни и одно важное чувство. Все остальное, в том числе и опасное, могло подождать.

Пальцы судорожно переплелись, я чувствовала внутри себя движение и подавалась навстречу. Волны удовольствия накатывали одна за другой, накапливаясь до тех пор, пока ошеломляющая лавина ощущений не накрыла меня с головой. Я почти отключилась, до боли сжав руку Герберта, а он увеличил темп, и сам находясь на грани. Несколько мощных толчков, и тепло разлилось по телу вместе с приятной дрожью.

– Я уже думал, не дождусь тебя, – с улыбкой произнес Герберт, целуя.

– Ты развязался! – с обидой сказала я.

– Я тут же об этом пожалел, – заверили меня. – Все нормально?

– Да. Теперь да. Я устала, Герберт. Я очень устала.

– Знаю.

Мягкие и неспешные поглаживания спины отвлекали от разговора. Я пропускала добрую половину из того, что говорил Герберт. И просто дремала под умиротворяющие звуки его голоса.

– Кортни, это чья-то злая шутка. Ты никогда не была в лечебнице, никогда не страдала от галлюцинаций и провалов памяти. Неужели ты не помнишь то время? Как скандалила Кайла, как Ким упала в бассейн и чуть не утонула, как Кристалл неудачно сменила цвет волос и твой отец не взял ее с собой на встречу?

– Помню, – пришлось признаться.

– И как ты тогда вообще допустила хотя бы мысль, что я мог отправить тебя в лечебницу? Да и подумай немного, неужели Карл пошел бы на такое? С его одержимостью репутацией? Да он запер бы тебя в самой темной комнате дома, будь ты больна! И никто не узнал бы, что у него вообще была средняя дочь. А тебе не показалось странным, что, несмотря на небольшой промежуток времени, в больнице якобы не осталось сотрудников с тех времен? Только ушлая директорша и полоумная слепая бабка, которая всем своим видом иллюстрирует страшилки для детей про злобных духов. Как ты могла им поверить?

– Знаешь, когда вокруг столько происходит, сомневаешься во всех, включая себя. Эти записки... они появлялись повсюду, а тут еще Джейк со своим расследованием и эта Франческа. Я действительно почти поверила в то, что делаю это сама.

– И что тебя переубедило?

– Ну, – фыркнула я, – я не стала бы бить тебя по голове?

– Сомнительный аргумент.

– И поджигать дом.

– Да, точно. Забыл, что в кодексе безумцев так и написано: «Не бить Герберта и не поджигать дома».

Он рассмеялся и убрал с моего лица непослушную прядку волос.

Я чувствовала, что не могу пошевелиться. Мышцы налились приятной усталостью.

– Мы что-нибудь придумаем, – заверил меня Герберт. – И прекратим это. Рано или поздно тот, кто это делает, совершит ошибку. Мы этим воспользуемся.

– Я не понимаю, как можно так кого-то ненавидеть. Мы ничего и никому не сделали! Ну... кроме Хейвен, но мы были детьми!

– Кортни, не думай о чужих мотивах. И никогда не пытайся понять и оправдать преступника. Иначе...

– Что? – спросила я.

Губы Герберта тронула легкая усмешка. Он провел ладонью по моей пояснице, отчего я снова выгнулась.

– Иначе ты в него влюбишься.

Я рассмеялась, намереваясь высказать этому нахалу все, что о нем думаю, но замерла, услышав что-то за дверью комнаты. Может, это всего лишь ветер в трубах, но жизнь преподала достаточно уроков, чтобы я так легко в это не поверила. Звук повторился, теперь отчетливо слышались шаги. Кто-то поднимался по лестнице.

– Ты слышал? – Я вскинула голову.

Герберт одним движением поднялся и быстро натянул штаны. Шаги в коридоре стали яснее. Я не успела бы одеться, но закуталась в плед. Дверь в комнату с мягким звуком открылась, явив... Джейка. Я задыхнулась от возмущения и – видят боги – с трудом сдержала рвущуюся наружу магию.

– Джейк! – рявкнула я. – Ты что, не в курсе, что вламываться в чужие дома нехорошо?

– А ты, Кортни, не в курсе, что...

Он не договорил, Герберт сбил его с ног сильным ударом в челюсть. Джейк рухнул в коридоре и там уже оказался прижат к стене. Он орал и брыкался, но не мог вырваться из захвата Герберта. С грохотом дверь в комнату закрылась, и я быстро оделась.

– Стой, Герберт! – крикнула я, видя, что он уже хочет вывести Джейка из дома.

– Кортни, ты что, до сих пор его защищаешь? – сквозь зубы процедил Герберт.

– Нет, но я хочу кое-что знать. Джейк, скажи-ка мне, как тебе пришла в голову идея задержать меня дома? Кто тебя надоумил и

сколько вранья было в этой слезливой истории, достойной лучших театров?

Джейк что-то пробормотал и тут же заорал: Герберт так вывернул ему руку, что чуть не сломал.

– Отпусти меня, ублюдок! – зарычал Джейк. – Катись вместе со своей потаскушкой... а-а-а!

– Я ведь тебе руку-то сломаю так, что ни один целитель не соберет, – почти ласково проговорил Герберт. – Но самое приятное, что, помимо руки, у тебя есть еще одна, две ноги и некие более чувствительные части тела. И знаешь, Сантьяго, если я пойму, что тебе известно нечто о твари, которая пыталась меня уничтожить, но ты не делишься с нами, то могу и убить. И тебя даже никто не найдет, понимаешь? Похоронят пустой гроб. Земля падает на пустой гроб с особым гулким звуком, все присутствующие поймут, что от тебя не осталось даже того, что можно было бы закопать.

Я так и осталась стоять с открытым ртом, глядя на Герберта. Я знала о темной стороне своего поверенного, но не представляла масштабов. Он довольно профессионально выбивал информацию. Интересно, сколько раз за время работы на отца ему приходилось такое вытворять? И сколько придется, живя со мной?

– Джейк, он не шутит, – холодно произнесла я. – И я не стану тебя защищать. Ты переступил границы. Подверг опасности человека, которого я люблю. И если ты сделал это по доброй воле, если был одним из тех, кто запугивал меня и сестер...

– Я нигде не участвовал! – В голосе Джейка прорезались истеричные нотки. – Она сказала, что любит его! Уолдера!

– Кто?!

– Я не знаю! – снова взвыл Джейк. – Она просто нашла меня в гостинице и сказала, что хочет вас разлучить! Она просила любым способом оставить тебя в доме! Даже придумала мне легенду! Я думал, что вызову жалость и мы помиримся, а потом я...

– Какое поразительное качество – умение думать. Как она выглядела?!

– Я не знаю! Она была в маске и плаще. Невысокая, может, ростом с тебя или пониже, голос красивый и молодой – больше ничего! На ней была маска, как у куклы! Кортни, я клянусь, я не знал, что она хочет тебе навредить! Она сказала, что любит Уолдера и он ее тоже, а ты –

его прошлое, и надо всего лишь задержать тебя в доме, чтобы ты не пришла на встречу с ним!

– Отпусти его, – бросила я Герберту. – У него не хватит мозгов врать.

И уже Джейку, который скулил на полу, прижимая руку к себе, сказала:

– Убирайся. Не из Хейзенвилля, Джейк, и даже не из Даркфелла. Из страны. Я не желаю больше слышать о тебе. Не могу поверить, что верила в твои чувства когда-то.

Герберт был удивительно любезен. Похоже, близость смерти разбудила в нем желание убивать самому. Он помог Джейку выйти из дома, а когда тот скатился по ступенькам, брезгливо вытер руки.

– Возможно, это было слишком, – вздохнула я, когда мы остались одни.

– Не было, – буркнул Герберт. – Он слишком долго действовал мне на нервы. И я даже ничего ему не сломал.

Резко вспыхнул камин, я вздрогнула от неожиданности.

– Так что, все это делает какая-то... женщина, влюбленная в тебя? – пораженно спросила я.

Все издевательства, угрозы, убийства – все это потому, что я вернулась и отняла у нее шанс заполучить мужчину?!

– Кортни, мы не можем утверждать это на сто процентов. Судя по тому, что происходит, она ловко манипулирует людьми. Сантьяго, при всех его недостатках, в первую очередь болван, а не заговорщик. Его волнует лишь то, что подружка упорхнула к другому. На это легко надавить. Знаешь, влюбленные женщины не запирают возлюбленных в горящем доме.

– Да она психованная! – В сердцах я ударила по подлокотнику дивана. – И надо ее вычислить.

– Нужно возвращаться. Дома все обсудим и решим, как быть.

Он протянул мне руку. Несколько секунд я молча смотрела на Герберта.

– Ты останешься? – спросила я прежде, чем подняться.

– В Хейзенвилле?

– Со мной.

– Разумеется.

И я с облегчением позволила взять себя за руку.

Глава 14

Чем ближе мы подходили к дому, тем сильнее меня охватывала беспричинная тревога. Что-то случилось или случится, я чувствовала это нутром. Герберт шел рядом и крепко держал меня за руку.

– Замерзла? – спросил Герберт, заметив, что я поежилась.

– Нет, – едва слышно ответила я. – Предчувствие нехорошее.

Я ожидала, что он начнет меня успокаивать и убеждать, что я слишком сильно волнуюсь. Но Герберт только крепче сжал мою руку и ускорил шаг.

Когда двери Кордеро-холла открылись от одного прикосновения, а потом и вовсе, покосившись на разломанных петлях, рухнули на пол, я застыла как вкопанная и поняла, что порой к предчувствиям стоит прислушиваться.

А потом, словно от толчка, очнулась и побежала в гостиную.

– Кайла! – Мой крик пронесся по дому, но ответа не нашел.

Я преодолела лестницу в считанные секунды.

– Ким! Диналия! Девочки!

– Кортни, спускайся, – услышала я немного напряженный голос Герберта.

Он остановил мои вопросы, указав на Кайлу, лежащую на полу без сознания. Да что это за день?!

– Жива? – спросила я, и кажется, пока ждала ответа, мое сердце не билось.

– Да, просто без сознания. Получила по голове. Сегодня, похоже, у нас у всех выдался непростой денек. Принеси воды. Она приходит в себя.

Ресницы Кайлы дрогнули, она нахмурилась и что-то пробормотала. Герберт осмотрел ее голову на предмет травм.

– Шишка, – услышала я его вердикт. – Жить будет.

Я налила полный стакан холодной воды и принесла в гостиную, где Кайлу уже уложили на диван. Она поморщилась, когда Герберт оцупал ее затылок.

– Ничего, может, мелкое сотрясение. Отлежишься и будешь здорова.

Он ей подмигнул.

– Я вот тоже получил по голове. А потом еще и...

Он не договорил, но мне хватило, чтобы покраснеть и отвернуться.

– Где Ким? – спросила я сестру.

– Пошла к Диналии. Они обещали запереться в доме и никуда не выходить. Мне подумалось, в доме Уолдеров безопаснее, чем у нас. И надо же – правильно подумалось! Прошу оценить мой успех. А твой любовник, Кортни, говорил, что думать я не умею.

– Если шутишь, значит, все в порядке, – с облегчением сказала я. – Кайла, что случилось?

– Да откуда ж я знаю? Спустилась вниз, чтобы чего-нибудь перекусить, заметила, что дверь нараспашку. Я закрыла ее и вернулась в гостиную. Увидела, как кто-то... не знаю, в темном плаще, до пола. И в дурацкой фарфоровой маске. Он стоял у камина. Я вскрикнула, он обернулся, метнулся к выходу и толкнул меня так, что я врезалась затылком в стену.

Мы с Гербертом переглянулись. «К» теряет выдержку. Если она действительно любит Герберта, то наше воссоединение могло выбить ее из равновесия.

– Надо забрать Ким и Диналию, – вздохнула я. – Лучше, если будем все вместе.

– Я схожу, – вызвался Герберт. – И приведу девочек. Оставайтесь, пожалуйста, в доме, ладно? Ни шагу прочь. Сидите здесь. Кайла – лежи. Кортни, не лезь на рожон, при малейшем признаке опасности вызывайте стражу. Поняла?

– Да, – кивнула я. – Только не задерживайтесь.

Герберт быстро поцеловал меня в макушку и вышел, не забыв запереть входную дверь. Я замерла, вслушиваясь в тишину, но дом был совершенно тих.

– Поцелуй на прощание? Вы что, вместе?

Я помедлила, прежде чем ответить:

– Да. Я думаю, да. Я не могу больше постоянно думать о нем. Может, это неправильно. Может, я делаю глупость. Но я ему верю, и я хочу исправить ошибки, которые мы сделали пять лет назад.

– Ну, главной ошибкой Герберта было то, что он соблазнил дочь своего друга, – холодно произнесла Кайла. – Но если ты уверена...

Знаешь, прежде чем вводить его в семью, хорошо подумай, сестренка. Герберт пугает меня в статусе главы рода, если честно.

– Зато он всегда нас защищал. Я устала, Кайла, заслуживать любовь тех, кто не считается с моим мнением. Устала быть игрушкой отца, которой он хвастался перед партнерами. Дочь, пошедшая по его стопам, идеально воспитанная красotka. Когда каждый званый ужин как аукцион. Кто даст больше за выгодную партию с юной леди Кордеро? Я устала от Джейка, который искал не девушку, а кандидатуру для самоутверждения.

– А Герберт другой?

– За эти месяцы, на фоне всего, что происходило, даже когда я говорила ужасные вещи и ему было противно на меня смотреть, он все равно нас защищал. Как бы я его ни отталкивала, Герберт оставался рядом.

– И ты хочешь быть с ним поэтому? Потому что он тебе верен? Из-за защиты?

– Нет, потому что он был единственным, кто спасал от тоски в то время, когда болел папа. Да, он поступал не всегда порядочно, но, возможно, без встреч с ним я бы не выжила. Мне с ним хорошо. И он обещал прийти ко мне на защиту, а после отвести меня в кафе-мороженое. Ты помнишь, как мы один-единственный раз зашли в кафе-мороженое и Ким вся перемазалась шоколадным? Кристалл тогда страшно ругалась, а отец назвал прогулку бессмысленной потерей времени. Но мы были счастливы.

Кайла улыбнулась. Она тоже помнила. Мы все помнили редкие моменты, когда чувствовали себя частью настоящей семьи.

– Возьмете с собой нас с Ким? Я тоже хочу мороженого! И заставлю Ким снова перемазаться, чтобы удостовериться, что у нее действительно такая забавная мордаха, как я помню!

– Я думаю, если вы с Ким разрешите Герберту у нас жить, он оплатит добротой и мороженым.

– Кортни...

– М-м-м?

Кайла держала в руках сложенный вдвое листок, в котором я сразу же узнала записку от «К». Я выхватила послание из рук сестры и с замиранием сердца прочитала.

«До цели остался один шаг. Вопрос, кто из нас является целью. К.»

– Это было у меня в кармане. О, боги, он ко мне прикасался! Я должна вымыться!

– Это она. Джейк сказал, с ним говорила женщина.

– Нас преследует неадекватная баба? – Кайла закатила глаза.

– Предположительно, влюбленная в Герберта. Она пытается убрать меня со своего пути и использует вас. Так, во всяком случае, все преподнес Джейк, которого она заставила лгать мне.

– Что ж, этого следовало ожидать. Я не удивлюсь, если Хейвен на пару со своим дружкой-детективом инсценировала свою смерть. Ты подумай, ему ведь ничего не стоило увезти Ким. Он мог и скрыть живую Хейвен. Мне всегда казалось, что она неровно дышит к Герберту. «Ах, господин Уолдер, я всегда восхищалась вашим профессионализмом!» Противно.

– Их двое, – уверенно произнесла я, подходя к окну.

На Хейзенвилль опустилась ночь. В темноте сада, среди пугающих деревьев, мне то и дело чудилась фигура в плаще. Я почти перестала отличать тени от реальной опасности. Казалось, из темного сада за нами неотрывно следило нечто злое.

– Их двое. Действуют или против друг друга, или просто играют. Слишком противоречивы события. И... так, лежи, мне надо кое-что проверить.

Разумеется, Кайла не послушалась. Пошатываясь, сестра побрела за мной в комнату, где я проверила ящик стола, всегда закрытый на ключ. Там я хранила дневник Кристалл.

– И что пропало? – буднично, словно уже давно привыкла, поинтересовалась Кайла.

– Дневник. В шкатулке с подарками Кристалл спрятала свой дневник, там было двойное дно.

– А что в дневнике? Намек на личность нашей подруги?

– Нет, обычные переживания нелюбимой жены, играющей роль статусной вещи. Она закончила вести его за пару месяцев до того, как заболел папа. Наверное, потом стало не до мемуаров. Не знаю, зачем его было прятать. Я прочитала весь, от корки до корки, искала шифры, невидимые чернила, заклинания. Ничего.

– Но почему-то он понравился той, что подарила мне приятные часы беспамятства. Зачем?

– Не знаю. Но... думаю, мы сможем выяснить. Я тоже умею играть в эту игру.

Я нагнулась, приподняла краешек ковра и сдвинула несколько фальшивых досок. Книжечка была на месте, точно такая же, какую я нашла в шкапулке. Вернее, это и была она. Неужели «К» так плохо меня знала, что поверила, будто после пропавших документов Белами я стану хранить дневник Кристалл на виду? Я хорошо усвоила урок: хочешь что-то сохранить – прячь как следует.

– Оригинал?

– Ага. – Я кивнула. – На всякий случай сделала копию, а оригинал спрятала. Попробуешь найти то, что ищет «К»? Ты же у нас теоретик и педагог. Только ляг, пожалуйста. Если у тебя сотрясение, надо отдыхать. Идем в гостиную.

Кайла определенно странным образом анализировала дневник. Вместо того чтобы вчитываться в его содержимое, она ногтем ковыряла обложку. Я несколько минут смотрела на ее бесплодные попытки распотрошить дневник, а потом не выдержала и спросила:

– Что ты делаешь?

– Ким так прятала записки от Тая. Делала двойную обложку, внутри прятала тонкий листочек. Кристалл как-то увидела. Ким до смерти перепугалась, что она сдаст их с Таем отцу, но Кристалл никому так и не рассказала.

Кайла вдруг откинулась на подушки с тяжелым вздохом и помассировала виски.

– Она нас любила, – глухо произнесла сестра. – А мы ее нет.

– Она была просто хорошим человеком и выполняла обещание, данное отцу. Мы не любили ее, потому что верили, что если бы не Кристалл, нас папа любил бы чуть больше. Это была иллюзия, и Кристалл все понимала.

Я забрала у сестры дневник и принялась ковырять обложку сама. Не то чтобы я верила, что взрослая женщина прятала что-то в глупом дневнике, скрупулезно подклеивая странички. Но чем-то надо было себя занять. По моим ощущениям, прошло столько времени, что за Герберта и девочек уже можно было начать волноваться. Но часы насмешливо показывали, как я ошибалась.

И когда обложка аккуратно разделилась на две части, я поначалу не поняла, что случилось.

Меж двух половинок обложки был зажат тоненький квадратный листок. Он весь был исписан мелким почерком мачехи.

– Что там? – Нетерпеливая Кайла закусила губу.

– Заметка Кристалл. Я не понимаю... Подожди. Боги, ну и почерк...

Когда я дочитала, то поняла, что мир опасно качается. Пришлось схватиться за подлокотник, чтобы унять головокружение и подступающую тошноту.

– Она считала, что папу убили. Кристалл нашла следы зелья... яда.

– Не могу поверить, – прошептала Кайла. – Кто? Зелье не отравленный нож и не удар камнем по голове в подворотне. Нужно постоянно быть рядом, знать, что он ест и во сколько, улучить момент. Я преподаю алхимию несколько лет! Сварить яд, который убедит даже опытных целителей в том, что это лишь болезнь, почти невозможно! Кто, Кортни, кто был так силен и так близок к нашей семье и почему, убив отца, он не остановился?

Я поднялась, бросив блокнот на стол. Но успев перед этим незаметно спрятать листок в рукав, чтобы Кайла не смогла его прочесть. Она должна остаться дома. А если увидит... то я потеряю и ее тоже.

– Я должна кое с кем поговорить об этом. Будь дома, ладно? Если вернется Герберт, хочу, чтобы ты сказала, куда я пошла.

– А куда ты пошла? Кортни, ты сумасшедшая? Там ночь! И разгуливает какая-то психопатка, жаждущая нас прикончить!

– Я должна сообщить страже, – с трудом выдавила я, отчаянно надеясь, что Кайла не распознает ложь. – Мы обе знаем, что об уликах следует сообщать сразу же. Если папу убили, им нужно это знать. Может, теперь они начнут воспринимать нас всерьез. Отдыхай и ничего не бойся. Наша «К» далеко.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю.

Кайла в безопасности. Правда, Герберта она вряд ли дождется.

Разумеется, я не собиралась идти к страже.

Просто я теперь совершенно четко знала, кто стоит за всеми событиями.

Ночью на единственном кладбище в Хейзенвилле было пусто и темно. На удивление, оно не охранялось, так что любой мог войти и пройти по узким тропинкам меж рядов могил, вдоль аллеи погибших в восстании, к фамильным склепам самой богатой части города.

Я увидела склеп, принадлежащий семье Кордеро, еще издалека. Шаги эхом проносились над кладбищем. Меня трясло – наполовину от пронизывающего осеннего холода, наполовину от нервного напряжения. Нервы были натянуты как струны.

Проход в склеп был закрыт массивной каменной плитой, которая сама сдвинулась, едва узнав мою магию.

– Прости, папа, – негромко сказала я. – Ты бы не одобрил. Но я на тебя не похожа.

Я решительно вошла в склеп.

Все вокруг сверкало чистотой. Гроб стоял на постаменте в центре небольшого помещения, вдоль стен была выложена неброская мозаика, а в крошечное окошко на крыше лился слабый лунный свет. С одной из стен на меня смотрел портрет папы. Я так давно не видела его лица. И не была на похоронах, только за утренним кофе прочла некролог в даркфелльской газете.

– Что ты с нами сделал, – поморщилась я. – Неужели эта власть стоила того, во что превратились Кордеро?

Я старалась не смотреть на гроб, чувствуя, как с каждой минутой, проведенной в склепе, все сильнее и сильнее хочу оказаться дома. Пусть все это будет глупой ошибкой! И я ничего здесь не найду, смогу вернуться домой.

Снова пришел черед заколки, и снова, прямо поверх уже зажившей царапины, я пустила кровь, как было указано в записке Кристалл. Едва различимый узор на полу, который я поначалу приняла за орнамент плитки, вспыхнул красным, осветив пространство. Одна из плит отъехала в сторону, открывая небольшую нишу в полу. Кристалл умела прятать свои секреты, а уж тем более те, что могли изобличить убийцу.

Присмотревшись, на самом дне я увидела темную папку, набитую бумагами. Я опустила на колени, чтобы достать ее и просмотреть.

Уже знакомый сбивчивый почерк стал еще сложнее, словно Кристалл делала записи впопыхах и во тьме. Так оно, наверное, и было.

По мере того как я продолжала читать, сидя на ледяном полу рядом с гробом отца, наваливалась такая боль, что лишь чудом мне удавалось не скулить.

Кристалл не бросила вести дневник. Она лишь перестала делать это в доме и хранила записи в склепе. Раз в неделю, в выходные, мачеха неизменно навещала отца, чем вызывала насмешки в городе. Да и у нас это не находило отклика. Мы списывали все на кокетство и лицемерие, но... Кристалл просто боялась.

Почему, почему она никому не рассказала?! Герберту, Кайле... Не написала мне? У нее были доказательства, никто бы не обратился против Кристалл.

Что теперь с этим делать? Разум кричал: отнести домой и передать в управление и Герберту. Чувства молили дать еще один шанс, помочь, поговорить. Но разве можно говорить с тем, кто не моргнув глазом может убить, а потом врать в лицо, что непричастен? Разве можно помочь тому, кто желает не помощи, а странной, извращенной игры, пешки в которой якобы близкие люди?

Я колебалась. Несколько минут сидела на холодном полу, рассеянно перебирая листы, но все же заставила себя подняться. Чем раньше я это сделаю, тем быстрее все кончится.

Ветер стал еще холоднее, пронизывал до костей. Выйдя из склепа, я задохнулась от его особенно сильного порыва. Он поднял в воздух опавшие листья, закружил прямо перед моим лицом. Когда все стихло, я вздрогнула. В самом конце аллеи, освещенная лишь луной, стояла невысокая фигура в длинном черном плаще с лицом, скрытым за нелепой фарфоровой маской. Она казалась слишком яркой и жуткой в кладбищенском мраке.

Не знаю, сколько мы так стояли. Сердце билось где-то у горла.

– Что с Гербертом?

Фигура пожала плечами.

– И это все? – Я усмехнулась. – Вот так все кончится? Здесь, рядом со склепом, где лежит отец? Убьешь меня? Или еще помучаешь? Сними маску, Ким!

Не сразу, словно размышляя, стоит ли это делать, сестра стянула фарфоровое уродство и бросила в сторону. От удара о каменную

дорожку маска раскололась надвое.

– Кортни, я думала, ты не догадаешься, – с удивлением сказала сестра. – Что меня выдало?

– Ты забрала дневник Кристалл. Я изучила его от и до, в нем не было ничего, что могло бы тебя выдать. Если только ты не догадывалась, что Кристалл могла спрятать что-то в обложке, как делала ты. Это было последней каплей. Наверное, я догадалась бы раньше, если бы так тебя не любила.

Губы Ким искривила усмешка.

– Так любила, что пропала на пять лет. Хватит лицемерить, Кортни. Тебе не нужна ни я, ни семья. Ты только и думаешь о том, как вызвать побольше жалости, выставив Герберта эдаким совратителем хороших девочек.

– Неправда. – Я покачала головой. – Я уехала не поэтому. И не от тебя.

– Хватит рассказывать сказки. Вся ваша семья – насквозь порочная. Появление кого-то, кто ее бы извел, было делом времени.

– То есть себя ты частью семьи не считаешь?

– А вы? – вопросом на вопрос ответила Ким. – Давай посчитаем. Тебя ведь учили в колледже считать? Раз: Ким – незаконнорожденная дочь, мать которой настолько никчемна, что даже не смогла отстоять право на встречи с ней. Два: Кимми, как ты не похожа на своих красавиц сестричек, какая ты смешная. Три: Ким, отстань от Кайлы, ей нужно учиться, она не твоя нянька. Четыре: Ким, ты позоришь нашу семью, ты должна соответствовать своей фамилии. Пять: Ким, ты любишь папу? Шесть: Ким, в то время как ты боготворила одно его имя, я трахалась с ним у порога спальни умирающего отца. Достаточно? Ты любила в колледже арифметику, Кортни? Я могу продолжить. Только теперь уже на своих условиях.

Она почти ласково и немного безумно улыбнулась, вдохнув ночной воздух полной грудью. Я поняла, что сжимаю записи Кристалл так, что побелели пальцы.

– Теперь задача. Дано: подонок-папаша, его нищенка-жена, сестра-тупица, сестра-потаскушка, подруга-неудачница, не сумевшая даже сохранить магию, ее полоумный женишок-детектив. Найти: способ от всех вас избавиться. Решение: заимствуем у папочки большую сумму, продаем парочку украшений, достаем один флакон с

редким и дорогим зельем. Запасаемся терпением, выжидаем каждый удобный момент. Наслаждаемся его агонией. Упускаем из вида сестру-потаскушку, зато избавляемся от нищенки, доводя ее практически до психлечебницы. К слову, я не собиралась тебя убивать. По моему плану, ты закончила бы в «Хейзенвилль-гард». Надо же было этому Джейку все испортить... Так вот, о чем я там? А, да, продолжаем решать проблему под названием «Кордеро». Убиваем мачеху, ибо она становится ну уж слишком скучной. И узнаем, что – вот тварь-то какая! – она все же раскопала кусок правды о том, кто прикончил ее муженька. И эта правда угрожает всему, что ты строила годами. Но вводим дополнительное условие! Приезжает сестренка-потаскушка и так кстати остается, решительно намереваясь разобраться в происходящем. Я не могла упустить такой шанс, Кортни.

Ее кукольное лицо... изменилось. Неуловимо, но изменилось. Ким не лучилась дружелюбием, в глазах больше не сверкали искорки смеха. Я впервые видела ее такой. Свою младшую Кимми, которую все обожали, – безумной и жесткой. И, честно говоря, я не до конца поверила, что все записки, все жестокие шутки были ее рук делом.

– Я не могла упустить еще и тебя. А потому с удовольствием включилась в игру. Вы так смешно каждый раз пугаетесь. Знаешь, это затягивает. Невероятный кайф. Только поэтому вы еще живы – с вами весело играть.

– Ты ненормальная, – выдавила я.

– Не менее ненормальная, чем все вы. Я честна, Кортни. Вы прячетесь за фамилией и дверьми шикарного особняка. Храните свои секреты, оберегаете их. Варитесь в тайнах, как в собственном соку. Такая система всегда разрушается изнутри. Вот возьмем Кайлу. Что она собой представляет? Глупая, недалекая, эгоистичная. Неудивительно, что такая бросила ребенка. Что собой представляешь ты, Кортни? За маской разумной и хладнокровной умницы скрывается настоящая Кордеро. Как ты говоришь иногда с Гербертом... Я удивлена, что он до сих пор тебя не бил. Наверное, поэтому ему так нравится с тобой играть. Постель – единственное место, где он может тебя ударить. У тебя немного секретов, но из нас ты – самая настоящая лгунья. Знаешь почему? Потому что ты лжешь каждую минуту. Каждую секунду своей жизни. Всем окружающим. Себе. Ты даже более отвратительна, чем Кайла.

– Зато ты всегда честна. Честна настолько, что годами притворялась любящей сестричкой.

– Должна же я была как-то жить. Да, признаюсь честно, у меня была мысль бросить все и уехать. В свободную жизнь, подальше от вас. Но почему такие, как вы, должны жить, скажи мне, Кортни? Вы ведь разрушаете все, к чему прикоснетесь. Посмотри вокруг! Посмотри на себя! Вы – тьма, вы идеально соответствуете этому месту!

– Ким, тебе нужна помощь.

– Нет, Кортни, помощь сейчас нужна не мне. Я устала с тобой болтать, у меня еще куча дел. Я тут подумала, почему бы не перевести нашу игру на новый уровень? Мне уже порядком надоело писать эти огрызки. Поэтому, раз уж между нами не осталось секретов, я позволю себе озвучить условия лично. Дано: малышка Диналия, которая не далее как сегодня вечером отправилась в гости к подружке. Нужно определить: где она и как скоро это место превратится в ее последнее пристанище. Ответ для самопроверки: ты все равно не успеешь.

Мощный взрыв сотряс кладбище. Склеп, находившийся от меня по правую руку, мощной магией разорвало на части, сверху посыпались камни. Я пригнулась, чтобы защититься от обломков, а когда смогла выбраться из облака пыли, Ким уже не было.

Дрожащей рукой я достала из кармана плаща зеркальце. То самое, которое Кристалл завещала Ким. Сама не знаю, зачем его прихватила. Но сейчас оно оказалось как нельзя кстати. Вместо отражения Герберта в зеркале появился лишь его смутный образ, словно нас разделяло запотевшее стекло.

– Я на кладбище, у фамильного склепа. Ким забрала Диналию! Ты мне нужен, Герберт! – В последних словах явно прозвучали истерические нотки.

Потом магия иссякла, оставив мне лишь бесчувственную зеркальную поверхность.

* * *

Тучи затянули небо, скрыв даже бледную луну. На Хейзенвилль опустилась непроглядная тьма.

– Маяк, Кордеро-холл, загородный дом, что еще? – спросил Герберт.

– Не знаю, – глухо ответила я. – Я ничего о ней не знаю!

Он тихо выругался сквозь зубы и встряхнул меня за плечи.

– Кортни, соберись! Еще будет время поплакать, сейчас надо ее остановить. В Кордеро-холл она не возвращалась, на маяке ее тоже нет, где еще?

– Ким никогда не любила говорить о своих местах. Может, что-то и есть, но... я просто не знаю, что из всего было правдой.

– Кортни, я тебя еще раз прошу, успокойся. Если мы найдем Ким и Диналию, сможем помочь обеим. Ким больна, ей нужен лекарь. Диналия в опасности. Плакать будем после, хорошо?

Я с трудом заставила себя отодвинуть эмоции куда-то очень далеко. Но они все равно рвались наружу.

– Она может прятать ее где угодно, но если действительно затеяла игру, то я смогу догадаться. Ким сказала, я точно не успею. Значит, она рассчитывает, что Диналия умрет раньше, чем я до нее доберусь.

Я заметила, как сверкнули в темноте глаза Герберта.

– Она здесь, – поняла я.

– На кладбище? С чего ты взяла?

Я направилась к обходной аллейке, что огибала всю новую часть кладбища.

– Если хочешь что-то спрятать, спрячь на видном месте. Первый порыв – бежать и искать Диналию в заброшенных домах или на маяке. Но как сделать так, чтобы она умерла в нужное время и чтобы мы об этом узнали?

– Откуда я знаю, что в голове у психопатки?

Герберт говорил отрывисто. При мысли о Диналии у меня все сжималось внутри. Пожалуй, она была единственным человеком, кто никак не страдал от игр Ким. Означало ли это, что хотя бы дружба у сестры была настоящая?

– Послушай, как Ким здесь оказалась? Сначала я подумала, что она за мной следила, но ведь нет! Она не могла знать, что Кристалл прятала записки в склепе. Она предполагала, что есть еще дневник, и даже выкрала первый, но конкретного места не знала.

– Ты считаешь, Ким спрятала Диналию где-то здесь?

– Да. Она планировала с ней сегодня играть. Может, там?

Я указала на вход, где располагался ритуальный салон. Законом об ограничении некромагии было запрещено продавать какую-либо атрибутику вне стен кладбища, поэтому все гробы, траурные букеты и таблички продавались здесь.

Двухэтажное, темно-серого противного цвета здание было построено едва ли не вместе с кладбищем. В это время суток оно, конечно, пустовало. Но замок на дверях оказался слишком хлипким, чтобы стать серьезным препятствием.

– Или это ловушка... – высказала я сомнение, замерев у порога.

– Вряд ли, – покачал головой Герберт. – Ким напугана. Она не была готова к тому, что придется раскрыться. Ей казалось, ее власть безгранична. Сначала были жестокие шутки, потом – записки, затем она стала появляться лично, пусть и в маске. Ким не была готова к тому, что ее секреты раскроют. Но уже слишком поздно.

– Будем разделяться? – спросила я.

– Нет уж, – ответил Герберт. – Она, конечно, слабая девчонка, но все же безумная. Я не стану рисковать еще и тобой.

– Спасибо, – с искренней благодарностью ответила я. При мысли о том, чтобы бродить здесь одной, становилось как-то жутко.

– Что именно ты ищешь?

Мы прошли через несколько залов, складских помещений и кабинетов. В здании не было ни одной живой души. Герберт вскрывал замки один за другим, и мы осматривали каждое помещение.

– Здесь должна быть лестница на склад, – пояснила я. – Он находится в подвале. Когда хоронили отца, я спускалась туда с Кристалл и Ким. Она наверняка запомнила.

– И зачем вы туда спускались? – спросил Герберт, вскрывая последнюю дверь.

– Выбирали гроб.

Склад тоже напоминал склеп. В нем ровными рядами на небольших подставках стояли разномастные гробы, при виде которых меня замутило. В полнейшей тишине, нарушаемой лишь звуками наших шагов и дыхания, я прислушивалась, надеясь получить подтверждение догадок. Но Диналии здесь не было.

Или я ошиблась. Об этом думать совсем не хотелось, потому что если моя догадка оказалась неверной, то мы действительно не успеем. Я с трудом сдвинула крышку ближайшего гроба, но он оказался пуст.

Герберт последовал моему примеру. Гробов было несколько десятков, я старалась двигаться как можно быстрее, но безуспешно.

– Я запру ее в психушке навечно, – мрачно пообещал Герберт.

И, несмотря на то что я до сих пор не справилась с шоком, все мое существо это решение поддерживало.

Отодвинув очередную крышку, я вскрикнула и отскочила.

– Портер. – Герберт поморщился, заглянув внутрь. – Надо серьезно заняться воспитанием Диналии, раз уж у ее ровесниц есть склонность к откапыванию трупов.

Когда я проверяла следующий гроб, меня била крупная дрожь. Портер, как напоминание и о собственном преступлении, и о безумии сестры, еще долго будет стоять перед глазами.

Крышка очередного гроба не сдвинулась ни на миллиметр. С таким же успехом я могла попытаться сдвинуть стену.

– Герберт, – позвала я, – он заперт.

Он отодвинул меня в сторону, примериваясь для удара, но потом нам пришло в голову, что внутри может быть Диналия. И, если сорвать крышку каким-нибудь заклятием, она пострадает.

– Над замком явно поработали. Надо вскрыть, и срочно.

Сколько времени есть у человека, запертого в практически герметичном ящике? Диналия хрупкая, но наверняка до смерти напугана. А значит, если она в сознании, то не больше часа. Они с Ким ушли так давно, что я боялась даже не опоздать, а узнать, что Диналия была мертва, еще когда мы с Гербертом наслаждались друг другом в доме у озера.

В уголке мастера валялась куча инструментов, из которой Герберт вытащил несколько железных обрезков для оград. Удары, казалось, разносились по всему кладбищу, от них содрогался пол. Я поежилась, представив, каково Диналии внутри. После четвертого удара замок отвалился и со звоном покотился по полу. Одним движением Герберт отодвинул крышку и замысловато выругался.

– «У нас общие воспоминания, – прочитала я записку, оставленную Ким в гробу, – а теперь еще и общий секрет».

Обычно она писала записки на одной стороне листка, но теперь ажурные буквы украшали и его заднюю поверхность.

– «А лучший способ сохранить секрет – умереть».

Я перевела взгляд на Герберта, который был явно бледнее обычного.

– Прости. – Я опустила голову. – Это была ошибка. Я не знаю, где Диналия. Ким слишком хорошо знает всех нас, она предугадывает мысли наперед.

– Идем в дом. Мы ведь маги, и куда более сильные, чем Ким. Она оставила следы, мы ее найдем.

– Не успеете. – Спокойный мелодичный голос Ким прокатился по помещению. – Я ведь говорила. Эта задача не имеет решения. Но ты пыталась, и я это ценю. К сожалению, у нас слишком мало времени. Скоро рассвет... я хочу вернуться домой, Кайла наверняка волнуется.

– Кайла не такая уж и дура, как ты считаешь, – сказала я. – Она догадается. Чуть позже, чем я. Но догадается.

– Вовсе нет, – улыбнулась Ким. – Вы подали мне отличную идею. Знаете, как все было? Мы с Диналией отправились к ней. Просто пошутушкаться о девичьем, обсудить последние новости, побаловать себя десертами. Взрослых не было дома, а бар Герберта был открыт. Мы всего лишь выпили вина. И всю ночь крепко спали. В то время как ты, Кортни, отправилась к кладбищу. Наверное, ты хотела помочь Герберту скрыть труп детектива, который вы спрятали не слишком надежно. В процессе между вами возникла ссора, и Герберт тебя убил. Какая жалость... Впрочем, этот поверенный давно вызывал подозрения. Ничего удивительного.

Я криво усмехнулась, чувствуя, как леденеют руки.

– Смотрю, быстро у тебя прошла любовь.

– Всегда приходится чем-то жертвовать. Я не могу выносить этого Герберта. Он уже не тот мужчина, который был мечтой юной девочки. Я запомню его другим... Тебя, Кортни, я даже не стану вспоминать.

Я не успела среагировать, в руке Ким появился мой револьвер. Оглушительный выстрел лишил меня на несколько секунд слуха, а сильный толчок отбросил в сторону. Я ударилась об угол гроба с такой силой, что в глазах потемнело. Голова закружилась, я не выдержала и застонала.

Последним, что я увидела перед тем, как отключиться, был Герберт, на белоснежной рубашке которого расплывалось кроваво-красное пятно.

*Тук-тук, за окном
Тихо плачет навь.
Старый дом, старый дом...*

Окончание жутковатой песенки потонуло в какофонии звуков, обрушившихся внезапно. Громче всего я слышала собственное дыхание. И шорох одежды. Голос Ким словно раздавался из соседней комнаты.

Я открыла глаза, но ничего, кроме темноты, не увидела. Дрожащей рукой коснулась стен, ощупала свое вместилище и с ужасом поняла, что нахожусь в каменном саркофаге. Приступ паники был жестко подавлен. Рыдания и метания не помогут, особенно в присутствии Ким.

– Слышишь меня, Кортни? У тебя еще не кончился воздух? Молчишь? Правильно молчишь, слова еще пригодятся. Скажи, Кортни, где записи Кристалл? Куда ты их спрятала, сестренка?

– Размечталась, – прохрипела я и закашлялась.

– Что-что? Не слышу, говори громче! Кортни, скажи, где записи, и я тебя выпущу.

Она думала, я поверю?

– Кортни, ну что ты как маленький ребенок, в самом деле? Из нас я младшая. Подумай, чем ты рискуешь. Герберт мертв, Кайла в доме совсем одна, Диналия, ничего не подозревая, пьяная спит дома. Зачем тебе упрямитесь?

Я уперлась ладонями и ногами в крышку и что было силы надавила. Мне даже показалось, что удалось на пару сантиметров приподнять крышку, но силы быстро меня покинули. Ким звонко засмеялась.

– Не получится, – сообщили мне. – Я тут сверху сижу. Слушай, я все равно их найду, только тебе будет уже все равно. Воздух у тебя быстро кончится, а в этот саркофаг никто даже не заглянет. Тут, кстати, папа рядом, передает тебе привет. Пришлось его вытащить, а то вам вдвоем места там совсем не осталось. Да, дорогая, мне жаль, что так

вышло с Гербертом. Ты его любила, я знаю. Тебя утешит то, что он защищал тебя?

Я почувствовала, как спазм лишил возможности говорить, но только стиснула зубы и предприняла вторую попытку поднять крышку.

– Упорная. Тоже, кстати, качество папочки. Он продержался дольше, чем я думала. Кортни, на что ты надеешься? Скажи, где записи Кристалл, и я тебя отпущу. У меня есть куча денег, я просто уеду – и забудем, что мы сестры. Пойдет?

– Не пойдет! – не выдержала и рывкнула я.

На этот раз я не толкала крышку, а сдвигала в сторону. Собрав остатки сил и магии, я сосредоточилась на одном усилии и каким-то чудом сдвинула крышку. Образовавшийся зазор был достаточным, чтобы я перехватила крышку удобнее и резко толкнула.

Сидевшая на крышке саркофага Ким с визгом упала на каменный пол.

Едва я выбралась, сестра бросилась ко мне, от удара о стену я потеряла способность дышать. Голова взорвалась болью, и я была почти на ощупь, но все же смогла ударить Ким в солнечное сплетение, затем еще и еще. Она сложилась пополам, кашляя, задыхаясь, и какой-то части меня вдруг стало страшно: я запросто могла ее убить!

Воспользовавшись секундным промедлением, Ким снова бросилась ко мне, доставая револьвер, но к этому я была готова. Перехватила ее руку, сжала что было сил и вывернула. Ким пронзительно закричала, роняя оружие. Однако боль или ярость не затуманили ее разум. Ногой сестра отбросила револьвер как можно дальше, не давая мне преимущества. Удар в живот отбросил меня назад.

От приступа головокружения я едва не упала. Пришлось схватиться за стену, а Ким вскочила, сделав молниеносный выпад.

Блеснула сталь, и острое лезвие полоснуло мне по животу, оставив глубокую кровоточащую царапину. Я зашипела от боли, отшатнувшись от сестры, а та примерилась ко второму удару.

– Из-за тебя придется спалить все это кладбище! – выкрикнула Ким. – Видишь, что ты делаешь, Кортни? Ты все разрушаешь! Ты – причина смерти Герберта, ты – причина того, что от Кордеро остались жалкие клочки. Как тебе нравится осознавать это?

– Да за что ты меня ненавидишь?!

– Лучше скажи, за что тебя вообще можно любить, – выдохнула Ким, бросаясь в новую атаку.

А у меня почти не осталось сил.

И жажды жизни не осталось, она вместе с кровью вытекала из раны, впитываясь в старый камень, проникая в трещины и уходя в землю под фамильным склепом Кордеро. Угасла вместе с Гербертом, которому я так и не сказала, что люблю.

Пространство склепа осветила красная вспышка. Ким отшатнулась, закричав, ее кожа покрылась безобразными пузырями. Последнее усилие, последний всплеск магии – и я, перестав контролировать собственное тело, медленно осела на пол, наблюдая, словно во сне, за мечущимися в красных оттенках тенями.

Не знаю, на сколько я отключилась, но когда пришла в себя, почувствовала теплые руки, обнимающие за плечи. И знакомый запах... Слезы пролились беззвучно, я уткнулась носом в шею Герберта и боялась открыть глаза. Боялась, что это иллюзия, что я или сплю, или медленно умираю.

– Надо идти за помощью, – ворвался в сознание его голос. – Тебе нужен лекарь.

– Она сказала, ты мертв... – ничего не соображая, пробормотала я.

– Она не удосужилась проверить. Ничего страшного, крови много, но и только. Будет у меня теперь brutальный боевой шрам. Расскажешь детям, что я завалил медведя, а то схватка с тощей блондинкой не тот подвиг, которым стоит гордиться.

Я с трудом заставила себя улыбнуться.

– Не уходи. Не оставляй меня. Ты мне нужен.

– Почему ты сразу не сказала, что надо умереть, чтобы это услышать?

– В ту ночь, когда я сбежала, я заходила к папе. Он знал о нас. И сказал, что ничего ко мне не чувствует. Что знает: должен любить дочь, но не может отыскать в себе ни капли чувств ко мне.

– Твой отец был подонком, Кортни. Никто из нас не станет таким родителем, как он.

– Возможно, я уже такая.

Казалось, чувства просто отключились. Я что-то делала, кое-как поднялась на ноги, зажимая рану, на мое счастье, оказавшуюся неглубокой. Остановилась рядом с бесчувственной Ким и с полминуты

на нее смотрела. Сейчас она словно спала, и если бы не теплая кровь, стекающая между пальцев, и расколота крышка саркофага, похоронившая под собой останки отца, то я бы подумала, что все это какой-то странный кошмарный сон.

Когда мы вышли из склепа, на горизонте уже брезжил рассвет.

* * *

– Леди Кордеро, если бы вы сразу сказали, что присматриваете палату для сестры, я бы непременно...

Я остановила леди Бьюит жестом, поморщившись от напоминания о цели визита.

– Давайте просто подпишем документы и на этом расстанемся, хорошо?

– Разумеется, разумеется, – сразу засуетилась женщина. – Подпишите, пожалуйста.

– Вы уяснили мои требования? Если я увижу, что с Кимберли жестоко обращаются, вы больше не будете здесь работать.

– Леди Кордеро, – обиженно поджала губы директор лечебницы, – в моем заведении непозволительно грубо обращаться с пациентами. Однако должна вас предупредить: многие сами наносят себе повреждения. Или пытаются нанести их окружающим...

– Я прекрасно знаю об этом, леди Бьюит, не нужно напоминать. Уверяю вас, я сумею разобраться в любой ситуации. Просто помните о нашем уговоре.

Я поставила подпись с таким нажимом, что перо в некоторых местах прорезало бумагу. Директор тут же сложила все подписанное в папку и сунула в сейф.

– Еще раз прошу извинить за инцидент с Франческой, мы не понимаем, как так...

– Достаточно, – улыбнулась я. – Напоминаю только, что этот инцидент – наш с вами секрет. Если вы сохраните в тайне то, что я вам рассказала, я сохраню в тайне то, что произошло. Вы неглупая женщина, так что, думаю, мы подружимся.

Я поднялась, бросив на стол очередной мешочек с золотом.

– На расходы. Если ей что-то понадобится, свяжитесь со мной. Я доверяю вам, леди Бьюит. Сделайте все, что в ваших силах. А за помощью с нашей стороны дело не станет.

Не дожидаясь ответа, я вышла. Не отдавая себе отчета, спустилась по дальней лестнице именно тем путем, которым вела меня леди Бьюит в прошлый раз, показывая «мою» палату. Я до последнего уверяла себя, что пройду мимо, что не позволю снова напомнить себе, что у нас больше нет сестры. Но сердце дрогнуло, и я сама не заметила, как оказалась перед окошком одной из палат.

Ким не могла меня видеть оттуда. Она сидела, привалившись спиной к мягкой стене, закрыв глаза, и что-то беззвучно напевала. Прошло всего три дня с той ночи, но как же изменилась Ким... Длинные золотистые волосы превратились в сухие и ломкие бледные пряди. Изящество и легкость сменились болезненной худобой. Она ни с кем не говорила, отказывалась принимать пищу. Засунуть в камеру ее получилось, лишь усыпив. В скором времени Ким начнут кормить принудительно, а если улучшений не наступит, прибегнут к помощи сильных менталистов, которые смогут ввести ее в апатичное состояние хотя бы для того, чтобы сохранить жизнь.

Если она ей вообще нужна такая.

Я постоянно думаю, где мы ошиблись, позволив Ким превратиться в то, чем она стала? Ее всегда любили больше, она была ангелом семьи Кордеро, такая непохожая на нас, такая настоящая. В какой момент Ким перешла черту, за которой уже не было ничего нормального? И что сделал с ней отец?.. Не уверена, что хочу это знать, но версии одна страшнее другой лезут в голову беспрестанно. И самое мерзкое, что ни от одной я не могу с легкостью отмахнуться.

Вся логика, все выводы и теории разбились о реальность. Я думала, жизнь станет проще, когда история, начавшаяся со смерти Кристалл, закончится. Но, похоже, этому не бывать.

Перед домом сносили деревья. Несколько магов-садовников занимались выращиванием новых. Из самого Кордеро-холла слышались звуки ремонта. Мы решили не переезжать, оставив особняк как дань памяти роду. Но я все же взялась полностью обновить обстановку, внешний вид, сад, даже ворота. Избавиться от ненавистной буквы «К» и начать жить хоть немного по-другому. Пожалуй, за это можно было Ким поблагодарить.

Кайла сидела на диване, когда я вошла. Листала каталог тканей, но любой бы заметил, что взгляд сестры устремлен совсем не на страницы.

- Привет, – осторожно поздоровалась я.
- Привет. Как все прошло?
- Нормально, подписали все бумаги, и я ушла.
- И... и что дальше?

Этот вопрос волновал только ее. Ким осматривал ментальный лекарь. Итог был неутешителен. Подобные нарушения практически невозможно исцелить, болезнь не меняла Ким, а была частью ее, а значит, сестра проведет в лечебнице остаток жизни. Короткой жизни, ведь через несколько дней ее лишат магии.

К собственному стыду, я не была уверена, что смогу решиться хоть раз ее навестить. Слишком глубокий след оставила одна-единственная ночь.

- Как мы теперь будем без нее? – тихо и жалобно спросила Кайла.
- Не знаю. Я ничего не знаю, я до сих пор не могу поверить.
- Я все думаю о том, что вы рассказали. О ее ненависти к отцу.

Почему?

– Я стараюсь не думать об этом, Кайла. Не вспоминать того, что Ким сказала на кладбище. Ее фразы... то, с какой интонацией она это произнесла. Убеждаю себя, что она сумасшедшая, что мне показалось. Что я не имею права обвинять отца в страшных поступках. Я никогда не считала его хорошим человеком, но даже боюсь представить, что могло породить такое. Может, это даже хорошо, что мы не узнаем? В любом случае теперь все кончилось.

– Да, – кивнула сестра. – Нас больше не мучают записками, но с нами нет Ким.

– Ее давно с нами не было. Знаешь, я не представляю, как ей помочь. Но, может, у нас получится воспитать своих детей иначе.

– У тебя, может, и получится.

Кайла замолчала, снова уставившись в раскрытую книгу.

– Я уеду, – вдруг сказала она, чем привела меня в ступор. – В Даркфелл. Мне надо немного пожить одной.

– И бросишь меня?

– У тебя есть Герберт. Скоро появятся дети. Переедет Диналия, здесь не будет одиноко. А я хочу одиночества. Понимаешь?

– Конечно, понимаю, – улыбнулась я. – Если тебе это действительно нужно – поезжай. Только не забывай о нас. И... если будет совсем плохо, возвращайся.

– Ну, я в любом случае дождусь окончания ремонта. – Кайла отмахнулась от тоски и снова надела излюбленную маску легкомысленной и хладнокровной стервы. – Вы без меня здесь натворите. О, смотрите, кто пришел! Судя по твоему лицу, мы в долгах и срочно должны продавать все имущество?

Герберт фыркнул, не обратив на Кайлу никакого внимания.

– Как дела? – спросил у меня, сев рядом.

– Нормально. Все подписала. Я думала, ты вернешься только завтра.

– Я разобрался раньше и решил приехать. Скучала?

Кайла хмыкнула и закатила глаза.

– Пройдемся перед ужином? – предложил Герберт, и я не нашла причин отказаться.

Мы брели вдоль главной улицы, к набережной. Казалось, редкие прохожие пялятся на меня и перешептываются, но то была лишь игра воображения. О болезни Ким еще никто не знал. А о том, что сестра делала в последние годы, о ее роли в смерти родителей, я надеялась, никто и никогда не узнает.

– Как спала?

– Никак, – усмехнулась я. – Не спится. Ты сегодня останешься?

– Да, и привезу Диналию с вещами. Ты точно хочешь, чтобы мы жили в твоём доме?

– Герберт, Кайла собирается в Даркфелл, Ким... – я сглотнула, – уже не вернется. Я сойду с ума одна. Либо забери меня к себе, либо переберитесь в Кордеро-холл. Я не хочу стать соседкой Ким по палате.

– Конечно. – Герберт крепче сжал мою руку. – Я тебя не оставлю. У нас есть как минимум шесть лет, чтобы разобраться во всем и решить, как лучше выполнить условия твоего наследования.

Было еще кое-что, не дававшее мне покоя. Наверное, в сравнении с историей Ким это такая глупость...

– Я хотела попросить у тебя прощения, – с трудом произнесла я. – За то, что сказала в подвале. И за то, что в кабинете. Я не думаю так на самом деле, Герберт, я просто очень, очень сильно запуталась. И, действительно, пыталась быть тем, кем не являюсь.

– Да нет, детка, ты была в чем-то права. Я не очень люблю подчиняться. И привык все контролировать. Единственное, что мне никогда не поддавалось, – это ты. У меня никак не получалось относиться к тебе равнодушно. Подчинить свои чувства к тебе. Это бесило.

– А сейчас?

– А сейчас не бесит. Ты же рядом. Не убегай больше.

– Постараюсь.

– Не убегай, – повторил Герберт. – Мне хватило одного раза. Если случится второй, я наделаю очень много глупостей. Вообрази себе, я любил тебя со дня твоего семнадцатилетия. А через год ты исчезла на целых пять лет, и сдерживаться, чтобы не забрать тебя оттуда, не вернуть себе... это было тяжело.

– С семнадцати лет? Погоди, ты любил меня с моих семнадцати лет?!

Герберт ответил поцелуем. Я еще не привыкла к тому, что больше нет нужды сдерживать порывы и убеждать себя в неправильности этих отношений.

Правильно, неправильно – какая разница, кому есть до этого дело, если вот этот вот мужчина без раздумий закрыл меня от пули и чуть не потерял сестру просто потому, что влюбился не в ту девушку?

– Твой отец бы не обрадовался, верно? Но да. Я люблю тебя, Кортни. И просто не умею иначе. Что бы ни случилось дальше, каким бы ни было будущее, я сомневаюсь, что это чувство изменится.

– Я не хочу, – после долгой паузы произнесла я, – чтобы оно менялось.

Эпилог

Осенний ветер кружил опавшие листья. То и дело вдоль дорожек ему встречались дети, прыгающие в золотисто-красных сугробах, бросающие охапки листьев в воздух и наслаждающиеся их неспешным полетом. Золотая пора осени почти закончилась, грозя вот-вот переродиться в раннюю зиму, когда опустится первый снег и тут же растает. Но пока в Хейзенвилле еще стояли погожие деньки.

Герберт Уолдер спешил. Больше всего на свете он хотел вернуться до того, как проснется Кортни. Во-первых, чтобы у нее не возникло ненужных вопросов. Во-вторых, чтобы поймать момент, когда невеста сонная и ласковая. И получить частичку утреннего удовольствия. Не такие уж серьезные желания. Даже скорее человеческие, простые. Не чуждые и самой Кортни. Эта игра нравилась обоим, так почему бы не поиграть?

Но сначала – встреча.

Он не поверил своим глазам, когда увидел послание. И сначала едва не выбросил белоснежный конверт, раз и навсегда покончив с этой историей. Но не смог. Любопытство – величайший порок, оно толкает на поступки, порой опасные и безрассудные. Герберт Уолдер прекрасно осознавал, чего может лишиться его этот поступок. И все равно пошел.

После того как Ким похозяйничала на кладбище, некоторые дорожки и склепы до сих пор не восстановили. Кордеро компенсировали городу ущерб, приложив максимум усилий для того, чтобы о Ким не слишком много болтали. К счастью, это сработало. И жизнь в Кордеро-холле немного начала напоминать обычную.

Он быстрым шагом, держась в тени, пересек кладбище, оказавшись перед хорошо знакомым фамильным склепом. Шрам после его последнего визита сюда до сих пор иногда противно ныл. Даже уверенному и невозмутимому Герберту было не по себе.

– Я думал, мне приснилось твое письмо, – сказал он, едва увидел хорошо знакомый женский силуэт.

Она стояла спиной к источнику света, но Герберт мог с закрытыми глазами восстановить в памяти ее образ. Большие

пронзительные глаза, тонкие губы, талия, которую он мог обхватить двумя ладонями.

В семье Кордеро не было некрасивых женщин. Но красота сестер была еще юная. Редкую юную девушку можно назвать некрасивой. Кайле и Кортни лишь предстоит повзрослеть. Эта женщина обладала иной красотой.

– Тебя можно поздравить? – Она чуть улыбнулась. – Когда назначена свадьба?

– Весной, полагаю. Если до этого времени твоя падчерица не сбежит от меня еще раз.

Кристалл рассмеялась. Длинное темно-синее платье сидело на точеной фигуре так, словно для нее и шили. Как этой женщине удастся перемещаться по Хейзенвиллю, сверкая модными нарядами, в то время как все считают ее мертвой?

– Ты злишься на меня. Я чувствую, – произнесла она.

Герберт не стал отрицать.

– Злюсь. Твои шутки зашли слишком далеко. Мы договаривались не об этом!

– Разве? – В притворном удивлении Кристалл подняла брови. – А мне кажется, все случилось именно так, как мы хотели. Кимберли наказана. Больше она никому не причинит вреда. Убийца Карла найден, и девочки об этом знают. Кортни вернулась и даже досталась тебе. Что именно не так, Герберт?

Она, по-кошачьи мягко и изящно ступая, придвинулась ближе. Руки скользнули по его груди, обняв шею, алые губы потянулись к его губам. Герберт мягко, но настойчиво отстранил женщину.

– Я ведь женюсь, помнишь?

Она снова рассмеялась.

– О, боги, ты и вправду ее любишь. Я думала, твое маниакальное желание заполучить Кортни исчезнет, едва она перестанет быть диковинкой в твоей постели. Что ж, удачной вам свадьбы.

– Я даже не хочу знать, какие из писем и шуток принадлежали тебе. Если ты хоть раз...

– Послушай, я признаю, что не всегда была... объективна. Иногда я забывалась и чуть увлекалась. Кимберли так живо подключилась к моему плану, что я даже растерялась. В любом случае все получилось замечательно.

– Ты их до смерти перепугала!

– Имею же я право на свои маленькие слабости? – усмехнулась она. – Не так уж много я и натворила. Прислала Кортни книжки, которые она так хотела, напомнила, что за изменой следует наказание, ну и дала шанс почувствовать себя главной... не только в доме, но и рядом с тобой. Все только на пользу.

– Значит, убить меня пыталась ты.

– Нет, Герберт, неужели ты думаешь, что я способна на убийство? Я лишь подтолкнула Кортни к твоему спасению. Ничего больше.

– А волосы?

Кристалл тяжело вздохнула, закатив глаза.

– Увлеклась. Ненавижу измены. Прежде чем спать с тобой, Кортни должна была расстаться с Джейком. Или хотя бы о нем рассказать. Признаю, отрезать ей волосы было слишком жестоко. Зато урок получился действенный. Я обещала Карлу, что главой станет Кортни. Я выполнила почти все. За одним исключением...

– Кайла, – догадался Герберт.

– Да, она, как я слышала, собралась в Даркфелл. Это немного усложняет задачу. Ты знаешь, что нужно сделать. Кайла должна вернуть своего ребенка.

– Кайла...

– Не станет главой рода, – закончила Кристалл, – но должна воспитывать Стеллу Кордеро сама. Я хочу, чтобы ты кое-что для этого сделал.

– Я больше не участвую в твоих играх, Кристалл. Я помог всем, чем мог. И мне не нравятся твои методы.

– Ты не возражал против моих методов, когда все начиналось. И даже поддерживал их. Что изменилось?

– Они потеряли сестру. Они узнали, что Ким – убийца и психопатка. А ты хочешь втравить их в новый спектакль? Когда мы все начинали, я не думал, что мне придется несколько месяцев пытаться хоть как-то их уберечь от Кимберли. И второй раз я такого не позволю, поняла? Я хочу ребенка, хочу нормальную семью и не хочу никаких расследований. Если ты снова втянешь их в это, можешь быть уверена, что в покое я тебя не оставлю.

– А если я расскажу все Кортни? О том, как ты заколдовал их подарки, как сделал меняющиеся гравировки?

– Расскажи. – Голос его не дрогнул.

– Надо же, какое доверие. А я вот не могу сказать однозначно, как отреагирует наша Кортни. Может, все рухнет в одночасье, а? Не боишься снова остаться один?

– Нет. Ты мало знаешь о любви, Кристалл. Оставь их в покое, нарушь обещание Карлу и позволь Кайле самой решить, как строить свою жизнь. Она взрослая девочка, сумеет разобраться.

– Ты ошибаешься, – мягко и с улыбкой произнесла Кристалл. – Но я дам тебе время самому это понять. Твое право, Герберт. Я не стану настаивать на помощи, если ты не захочешь. Просто прошу быть благоразумным. Карл... его нельзя назвать хорошим человеком. Но дураком он не был. И знал своих дочерей.

– Так хорошо знал, что позволил Ким убить себя?

Губы женщины тронула грустная улыбка.

– То, что произошло у Карла с Ким, останется в прошлом. Он сознательно платил за единственную ошибку смертью. И единственное, чем мог помочь девочкам: дать им то, что поможет выжить.

– У него, несомненно, были странные методы, – холодно откликнулся Герберт.

– О да. В этом вся семья Кордеро. Что ж, тогда нам придется попрощаться. Проводишь до экипажа?

– Куда ты сейчас? – спросил Герберт, когда они вышли из склепа.

– Далеко. Туда, где никто и ничего обо мне не знает. Надеюсь, что в счастливую жизнь. Береги детей, когда они появятся, Герберт. И девочек. Я не обладаю даром предсказывать будущее, но мне почему-то кажется, что впереди у вас далеко не самая спокойная и размеренная жизнь.

С этими словами Кристалл забралась в карету, из окна которой на прощание подарила Герберту улыбку. Экипаж сорвался с места, оставив после себя лишь клубы пыли да едва уловимый запах ее духов.

Часы на старой часовой пробили шесть. Пора возвращаться домой.

Часть вторая. Беглянка

Глава 1

Пришлось остановиться, чтобы пропустить процессию с гробом.

Я и не заметила, как оказалась в самой гуще скорбящих. Воздух вокруг был наполнен печалью и невыплаканными слезами. Я поежилась и поспешила как можно скорее отойти в сторону. Затуманенная алкоголем голова плохо соображала. Я несколько раз пожалела о том, что не взяла экипаж. Или что не позволила тому милому художнику меня проводить.

А мимо все шли и шли люди в черном, и вскоре они слились в непрерывный поток черных теней. Я помотала головой, прогоняя сонливость. Постепенно начало доходить.

Поздний вечер, какие похороны?

С содроганием я взглянула на женщину, которая шла рядом с гробом. Ее лицо ничего не выражало, темные покрасневшие глаза смотрели вперед. Тут я поняла окончательно: этот гроб проносят мимо меня не в первый раз.

Сердце остановилось и, прежде чем забиться снова, подарило несколько страшных секунд. Умелая иллюзия... и пугающая до дрожи, до ледяного ужаса. Я рванула к ближайшему зданию, не оглядываясь. Лишь бы оказаться как можно дальше от этой призрачной процессии.

Небо над городом снова потемнело. Я быстро взбежала по ступенькам к массивным дверям центральной библиотеки Даркфелла. Расписалась в журнале посещений, снискав удивленный взгляд дежурного библиотекаря, и забрала пропуск. Хоть библиотека и работала до поздней ночи, в залах почти никого не было, а один из них и вовсе пустовал – в него не заглядывали студенты, литература здесь не имела отношения к ученическим программам. Кроме меня, меж полок бродил только сухонький старичок.

Я с трудом собралась с мыслями, все еще чувствуя дрожь. Кому и зачем нужно было создавать иллюзию? Случайно ли я на нее наткнулась? А если нет, то... Нет, о повторении кошмара, случившегося год назад, думать не хотелось. Надо немного переждать и найти экипаж.

Как давно я не была в библиотеке! С тех пор как закончила преподавать. Уже забылся этот ни с чем не сравнимый запах. И звуки: шелеста страниц, приглушенных коврами шагов. Когда я ушла из дома, то думала, что сожгла все мосты, но сейчас, оказавшись среди книг, поняла, что скучаю.

Многие считали Кайлу Кордеро недалекой дурочкой, которая годится лишь на то, чтобы украшать собой вечеринки, и я умело поддерживала этот образ. Но на самом деле мне нравилось преподавать. В отличие от сестер я не обладала активным даром. Боги одарили нас символично: три могущественные силы – три сестры из рода Кордеро. Средняя, самая сильная, – маг огня Кортни. Младшая, Ким, – обладательница редкого ментального дара. И я, старшая, – алхимик-теоретик. Я могу сварить любое зелье, но не могу защитить себя или согреть чашку чая.

С тех пор как моя младшая сестра оказалась безумной убийцей, а средняя вышла замуж, я отчаялась построить нормальную жизнь преподавательницы алхимии. Бросила колледж, должность, знакомых, родной дом и уехала сюда, в Даркфелл, город возможностей... и разрушенных стремлений.

Я вздрогнула, увидев название стеллажа, перед которым оказалась незаметно для самой себя.

«Ментальная магия».

Воспоминания причиняли боль. Сильную. С некоторых пор ментальная магия в нашей семье неизменно напоминала о сестре, которая в лечебнице хлебнула этой магии вдоволь. Ким не просто осудили и заперли до конца ее дней, ее лишили магии и снова и снова вторгались в ее разум, чтобы не позволять творить зло. Я избегала напоминаний о событиях прошлого года, но, похоже, судьба этому яростно противилась.

Я медленно брела вдоль ровных и почти одинаковых корешков. Читать не хотелось, теория магии не то чтиво, которое с легкостью воспринимается после пары выпитых бокалов.

Неуверенно я протянула руку к полке, решив хоть как-то отвлечься и не думать о том, что привело меня в библиотеку. Лишь вытащив наугад какую-то книгу, я заметила второй ряд. Сама до конца не понимая, что делаю, я достала еще несколько томов, чтобы рассмотреть названия книг во втором ряду. Первые две были о каких-

то растениях и их свойствах в лечении ментальных отзвуков заклятий, а вот от названия третьей сердце вдруг забилось быстрее.

Точнее, от авторства. На потертом кожаном переплете значилось «К. Кордеро». Я протянула руку к книге, но взять фолиант в руки не успела.

– Ка-а-айли, – раздался рядом мужской голос. – А ты умеешь сливаться с толпой. Я даже подумал, что обознался.

Показалось, будто стеллажи вокруг зашатались. Я думала, что навсегда забыла этот голос, но стоило ему прозвучать рядом, прошлое навалилось с удвоенной силой, перекрыв воздух. С трудом я заставила себя посмотреть на мужчину.

Изменился. Постарел... или повзрослел? В любом случае время пошло ему лишь на пользу. Если раньше Райан Хефнер был невероятно притягательным парнем, то сейчас он превратился в привлекательного мужчину. И, может, виной тому было наше прошлое или же моя падкость на красивых мужчин, но от его вида у меня действительно перехватило дыхание.

Он был все так же светловолос, выше меня на целую голову. За широкими плечами я ничего не видела. Одевался Райан, как и раньше, подчеркнуто небрежно и практично, презирая принятые в высшем обществе костюмы. На нем была слегка потертая кожаная куртка, штаны из грубой плотной ткани с множеством карманов и серая рубашка, в вырезе которой виднелся край татуировки. Вот ее раньше не было.

Он заметил мой взгляд и наградил меня изучающим в ответ. Я вздрогнула и отступила, но Райан не дал мне уйти, перегородив пути отступления руками. Я оказалась вжата в книжные полки. И впервые за долгие годы увидела его слишком близко.

– Райан, – наконец удалось взять себя в руки, – сколько лет прошло. Что ты здесь делаешь в это время? Только не говори, что пришел за книгой. Ты за мной следил?

Райан оставил вопросы без ответа. Он беззастенчиво рассматривал мое лицо, а потом взгляд скользнул ниже. Готова поклясться: если бы у него была третья рука, он бы даже пощупал!

– Я не поверил своим глазам, когда увидел тебя в толпе. Ты почти не изменилась. Только бегаешь быстрее.

– Чего ты хочешь, Райан? – холодно спросила я. – Мне кажется, наше расставание не предполагало встречи в будущем.

– Я сентиментален. Нам было так хорошо, неужели воспоминания тебя не тревожат, Кайли?

– Нет. Не тревожат. Ты обокрал моего отца и сбежал, оставив меня...

Я прикусила язык, едва не разболтав лишнего. Страх сменился яростью, и если бы я не была фактически прижата к книжным полкам, то могла бы ударить его. Сколько боли он мне причинил! И как теперь легко смеется, рассматривая меня, словно дорогую куклу в антикварном магазине.

А впрочем, куклой я ему и была. Красивой богатой куклой, с которой он поиграл и которая отправилась на чердак, едва надоела.

– Кайли... – начал было Райан.

Даже в полумраке этого дальнего уголка библиотеки я увидела, как его глаза потемнели. Мужчина склонился к моему лицу, обогрел дыханием губы. Сердце снова вышло из привычного ритма. Знакомое тепло разливалось по телу, и я знала: еще немного – и я снова окажусь семнадцатилетней девчонкой, влюбившейся в простого обаятельного парня.

Мое терпение лопнуло, а страх от неожиданности встречи испарился. Теперь все внутри заполнило чувство недоверия к Райану. Что он делает ночью в библиотеке?

Пусть увидел меня на улице и зашел следом, но... видел ли он иллюзию? А если да, уж не его ли это рук дело, иначе почему Райан ни словом не обмолвился о процессии?

Я сжала кулак и ударила по стеллажу, с которого на пол с грохотом посыпались книги. А потом вскрикнула и быстрым движением высвободила пару прядей из прически.

– Ты что делаешь?! – прошипел Райан.

Я снова глухо ударила по полке.

– Отпусти меня! – оттолкнула растерявшегося мужчину.

– Миледи?

Я быстро прижала руку к щеке и на пару секунд сама поверила в наспех состряпанную историю. На глазах даже выступили слезы.

– Отойдите от девушки!

На помощь мне пришел тот самый старик, которого я видела у входа. Внешне он выглядел довольно хрупко, но смотрел на Райана грозно и, кажется, был настроен воинственно.

– Я ничего ей не делал! – Райан растерялся.

– Вы знаете его, миледи? – обратился старик ко мне.

Я быстро замотала головой.

– Мне кажется, он пьян, – испуганно проговорила я, – наверное, позову стражу...

– Да-да, – кивнул старик. – Ступайте, внизу дежурит стражник.

Райан дернулся было в мою сторону, но старик пригрозил магией огня, вспыхнувшей в руке, и он остался на месте.

Простите, добрый дедушка, что вот так убегаю, и спасибо, что защитили. Надеюсь, у вас не будет проблем. У входа я все же, поколебавшись, подошла к стражнику.

– Извините, на втором этаже, похоже, пьяный. Я не видела, что там происходит, но, кажется, какая-то потасовка.

Тот кивнул, скупно поблагодарив, и тут же устремился к лестнице. А я вышла на свежий ночной воздух. От призрачных похорон не осталось и следа. Свободный экипаж нашелся тут же, и спустя десять минут я уже ехала по залитой светом фонарей улице.

– Остановите! – вдруг попросила я, увидев яркую вывеску с бокалом на эмблеме.

Вряд ли я бы смогла провести эту ночь дома. Точно не после встречи с Райаном Хефнером. Уж лучше в бар.

Ненавижу одиночество. Ненавижу прошлое. Ненавижу отца.

– Я бы тоже ненавидела, – хмыкнула барменша, наливая мне второй бокал сидра. – Тирания – вот как это называется, а вовсе не строгое воспитание.

– Наверное, ты права, Эм, – вздохнула я. – Ну, у нас иначе не выходило. Папа во всем был прав, папе не перечили. Я думала, он обрадуется, когда узнает, что мы с Райаном любим друг друга. Райан ведь работал у него. Ну а потом он, прихватив крупную сумму, сбежал. Отец узнал о нас, мне тогда крепко влетело. Райана искали наши юристы, но, увы, он как сквозь землю провалился.

– И ты обнаружила, что беременна.

Эм уже работала здесь, когда я переехала. Я нечасто пила в барах, но, бывало, заходила на завтрак или вечером – насладиться отличным

яблочным сидром. Эм всегда была мне рада – ну, или очень хорошо изображала энтузиазм ради щедрых чаевых. И развлекала разговорами.

С чужими людьми проще общаться. И я откровенничала, вывалив сначала все, что случилось со мной этим вечером, а потом и рассказав предысторию наших с Райаном отношений.

– Да, папа был жутко зол. Он меня чуть не убил. – Я усмехнулась. – В прямом смысле. Мачеха чудом спасла. И уговорила его дать мне родить. Я уехала якобы на учебу в Даркфелл, а на самом деле в один из загородных домов. Рожать вот так, дома, почти без поддержки, было опасно – и, будь уверена, если бы все пошло не по плану, папа просто дал бы нам с ребенком умереть. Девочку отдали приемным родителям, я подписала контракт. Отец специально отдал ее в семью, живущую рядом с нами. Чтобы я видела. Он меня так наказывал. Иногда мне кажется, что он до сих пор жив. И видит меня, и злится. И вот-вот вернется.

– Не вернется, – отрезала Эм. – Сволочь уже не поднимется из могилы. А тебе надо начать жить без оглядки на прошлое.

– Думаешь? А я рассказывала, что моя младшая сестра – убийца? Что это она отравила отца, мачеху и пыталась убить нас с сестрой? Что она убила мою лучшую подругу? И собственную мать? И еще неизвестно сколько человек?

– Ну у вас и семейка.

– Не то слово. – Сидр был настолько холодный, что я зажмурилась.

В бар вошли несколько запоздалых любителей выпить. Прежде чем отправиться принимать у них заказ, Эм бросила:

– Знаешь, иди-ка ты домой. И как следует выспись. А утром все обдумаешь. Быть может, все проще, чем кажется. И мимолетная встреча окажется всего лишь встречей.

– Возможно... – с сомнением пробормотала я.

«Иди домой»...

Все дело в том, что у меня больше нет дома. А может, никогда и не было.

Не стоило мне пить. Не стоило идти пешком.

Я шла медленно, стараясь не выдавать опьянения, чтобы ненароком не попасться страже. Но как же вращалось все вокруг! Под конец, преодолевая последние ступени, я уже держалась за стену. А ключ вошел в замок далеко не сразу. Я с нетерпением ждала момента, когда смогу лечь в постель, закрыть глаза и забыться до утра. А там мне станет жутко плохо. Не забыть поставить у кровати воды...

В доме было темно, а сил заставить светильники или хотя бы свечи загореться не было. За год я изучила все три комнаты так, что могла двигаться с закрытыми глазами. И не стала утруждать себя светом.

Когда я вошла в спальню, вздрогнула, увидев у окна мужской силуэт. Его освещал слабый лунный свет.

– Разлагаешься? – Низкий бархатистый голос оказался знакомым.

– Развлекаюсь, – холодно ответила я.

От испуга хмель сошел на нет, и теперь я хмуро рассматривала визитера.

– Что ты здесь делаешь, Герберт?

– Приехал посмотреть, как у тебя дела. На письма ты не отвечаешь.

Ах да... их было несколько. Я даже не вскрывала, бросая в камин. Так красиво горели...

Вспыхнул свет, и я зажмурилась, мысленно прокляв и мужчину, и цель его приезда, и вообще весь мир.

– Кортни хочет, чтобы ты вернулась.

– А что, тебя она больше не хочет? – язвительно поинтересовалась я.

– Кайла, прекрати. У тебя был год, мы тебя не трогали. Достаточно, чтобы оправиться и понять, чего ты хочешь от жизни. Но ты, судя по всему, ничего, кроме вечеринок, за этот год не видела. Как часто ты напиваешься до такого состояния?

– Я трезвая! – возмутилась я и тут же пошатнулась.

– Разумеется, – холодно хмыкнул Герберт. – Но тем не менее твое время вышло. Ты нужна семье, а значит, должна вернуться.

– Зачем? У вас все в порядке, разве нет?

– Три недели назад в Хейзенвилле неизвестные вломились в чужой дом. В доме находились родители и двое детей, убили мать и

ребенка, старший ребенок выжил, отец в критическом состоянии.

– Оу... – Желание язвить как-то пропало.

В Хейзенвилле редко случалось подобное. Кто и зачем вообще смог поднять руку на маленького ребенка? Взрослые частенько становились жертвами своих ошибок, а за некоторые платили смертью. Но малыш?

– Но ведь ты не хочешь сказать...

– Нет, – поспешно ответил Герберт. – Ким в лечебнице, оттуда невозможно сбежать. Убийцу ищут, но встает одна проблема. И решать ее, Кайла, тебе.

– Какая проблема?

– Фамилия семьи – Белами. Их дочь Стелла – единственная, кто не пострадал. В скором времени лекари ее отпустят. Твоя дочь осталась одна.

Я поморщилась. То ли от приступа головной боли, то ли потому, что все же не была законченной стервой. И внутри еще остались какие-то человеческие чувства.

– Мне жаль, – медленно и осторожно проговорила я, – но чем я могу помочь? Делом должны заниматься детективы. Что даст мое возвращение?

– Делом – детективы. А ребенком должна заниматься его мать.

Такого ответа я ожидала меньше всего. Давным-давно, когда мне было семнадцать, мы подписали контракт, что я никогда не подойду к Стелле, а Белами никогда ей не расскажут, чья она дочь. Я никак не могла подумать, что договор разорвет чья-то смерть.

– Я не могу, Герберт! Ей одиннадцать! Я не могу быть для нее матерью! И... не хочу.

– У тебя нет выбора. Родственников у Стеллы нет, после того как Ким обнародовала ваше соглашение, весь Хейзенвилль знает, что ты ее мать. Если мы не заберем девочку, жизнь каждого из нас существенно осложнится. Я не хочу, чтобы Кортни боролась со всем городом. Мы планируем ребенка, и...

– И мне плевать, – закончила за него я. – Планируйте. Рожайте. Я здесь ни при чем, ясно? Мне не нужен ребенок. И я не обязана переступать через себя ради мифического блага семьи. Отец делал все ради семьи. Все ради фамилии. Посмотри, что из этого вышло! Посмотри, что стало с Ким!

Герберт отошел к окну, совершенно спокойно выслушав мою тираду. Чем спокойнее он выглядел, тем больше меня бесил. И я находилась в шаге от того, чтобы начать кидаться вещами.

По лицу Герберта пробежала тень, глаза недобро блеснули.

– Кайла, я муж твоей сестры. Я хочу от нее детей – это нормально. Я не хочу воспитывать твоих детей – это тоже нормально. Честно сказать, я считаю тебя избалованной эгоистичной дурочкой и жалею только об одном – что не могу перекрыть тебе потоки папочкиных денег. И – да, я не собираюсь расхлебывать твои проблемы. Все решено. Глава семьи – Кортни, она сказала свой вердикт, а я лишь тебе сообщил.

– Убирайся! – не выдержала я. – Вы не можете меня заставить. Я сказала, что ноги моей не будет в Кордеро-холле и Стелла мне не нужна. Я не хочу видеть эту девчонку. И тем более не хочу вспоминать ее отца. Выметайся вон из моего дома, Уолдер, пока я не вызвала стражу!

– Ты еще не поняла, Кайла? У тебя нет права выбора. Утром будь готова, – бросил Герберт, проходя мимо. – Мы уезжаем.

Он не увидел мою вскинутую руку со средним пальцем и проигнорировал короткое, но емкое ругательство. Когда шаги стихли, я несколько раз досчитала до десяти, чтобы успокоиться, а потом заперла все двери и окна. А ведь когда-то мне и в голову не приходило проверять замки перед сном. Но чему только не научишься, когда тебя пытается убить собственная сестра.

Не имею ни малейшего желания возвращаться в Хейзенвилль и уж тем более воспитывать там ребенка, которого даже не считаю своим.

Я смирилась с тем, что у меня не будет детей. После тяжелых родов шансов на второго ребенка у меня уже не было, и я научилась с этим жить!

Но не я виновна в том, что Стелла осталась одна. Я отдала ее в достойную семью, я сделала все, чтобы она никогда не узнала о нашем родстве. И, если бы не Ким, никто бы ни о чем не узнал. А теперь... Не понимаю, зачем надо было убивать семью владельца книжного магазинчика. И не хочу знать. Невозможно быть доброй настолько, чтобы брать на воспитание чужих детей. Не для меня.

И Кордеро-холл... С тех пор как туда переехал муж сестры, я чувствовала, что мне там нет места. Я выросла в старинном особняке, где поколениями жили Кордеро, но так и не ощутила связь с этим местом.

Есть Кортни, средняя сестричка, умница-разумница, волевая девочка с талантом к управлению всем этим огромным состоянием. Есть Герберт Уолдер, ее муж, обучающий Кортни налогообложению, документообороту и учету, а параллельно трахающийся с ней в подвале. Есть Диналия, его сестра. Есть Ким, да... любимая младшая сестренка, лежащая в психушке, убившая отца и мачеху, мою подругу и свою собственную мать, чуть не уничтожившая жалкие остатки моей семьи. Не те родственники, к которым хочется ездить на семейные обеды.

Я мечтала покончить с Хейзенвиллем и думала, что раз Кортни практически гарантированно станет первой наследницей, я смогу жить на скромные отчисления, забыв о том, что я тоже Кордеро. Но, похоже, я ошибалась. И удастся ли мне выиграть эту битву за свободу?

Я леглась спать с тяжелой головой, предвкушая утро, полное «приятных» ощущений. И, конечно, забыла поставить рядом с кроватью воду. Будь прокляты вечеринки. Будь проклят Герберт Уолдер.

Глава 2

– Подъем, леди Кордеро! – ворвался в сознание ненавистный голос.

Я только пробурчала что-то сквозь сон и завернулась в одеяло с головой.

Но потом одеяло забрали, я почувствовала холод и заорала, а Герберт одним движением сдернул меня с кровати.

– Ты не смеешь со мной так обращаться! Я все еще член семьи!

– Надо же! – притворно удивился Герберт. – Вспомнила! Сама оденешься или мне тут еще с твоими платьями возиться?

– Я! Никуда! Не! Поеду! – проорала я так, что, наверное, было слышно в соседнем доме. – Ты что, настолько туп, что не можешь этого понять?!

Он тяжело вздохнул и, кажется, тоже считал до десяти. А потом просто подошел, поднял меня и, закинув на плечо, направился к дверям.

– Ты с ума сошел?! Отпусти меня немедленно! Герберт! Ты не уйдешь дальше порога, в Даркфелле...

Фраза оборвалась на полуслове, когда я увидела экипаж, остановленный прямо у дома. Герберт легким движением закинул меня внутрь и залез сам.

– Трогаемся, – крикнул он кучеру.

Мы медленно двинулись вдоль улочки с одинаковыми недорогими домами. Этот район Даркфелла был самый отдаленный, а потому неудивительно, что в такое время на улице не было ни души.

– Выпусти! – потребовала я.

Герберт смерил меня тяжелым взглядом и проигнорировал требование.

– Я в сорочке!

– Под твоей скамьей сумка, в ней брюки и рубашка. Можешь одеться. Я даже отвернусь, если тебе так хочется.

– Мне хочется, чтобы ты сдох.

– Тут ничем не могу помочь.

– Ты не можешь привезти меня в Кордеро-холл и запереть! Я все равно там не останусь, ясно?!

– Кто сказал, что я везу тебя в Кордеро-холл? – с тяжелым вздохом спросил он. – Мы прокатимся, кое с кем встретимся, а потом пойдешь домой. Дальше пить, развлекаться и заводить беспорядочные романы.

– Я не завожу беспорядочные романы! Отвернись!

Герберт подчинился, и я оделась. Отражение в окне демонстрировало безрадостную картину: уставшая, растрепанная, с похмелья. Что бы сказали студенты, которых я когда-то учила? Их бы это повеселило.

– Выпусти меня! – снова твердо потребовала я.

И, к моему удивлению, он подчинился. Экипаж резко остановился по его сигналу, дверь открылась, и я полетела вон от несильного, но обидного толчка. Приземлилась прямо на зад и даже немного ушиблась, а когда поднялась, экипаж уже неспешно катился вперед.

Отлично. Я осталась одна, посреди спящего города, без денег и документов.

– Хорошо! – закричала я. – Я поеду! Но домой я не вернусь!

Экипаж остановился. Герберт всегда оставался Гербертом, и порой он очень напоминал отца: расстояние до экипажа я преодолела пешком.

Место, куда привез меня Герберт, до боли напоминало лечебницу, где доживает свои дни Ким. Я поехала при виде трехэтажного особняка, давно не видевшего ремонта. Здание износилось, но выглядело жилым. Я различила в окнах силуэты. Мы шли к главному входу, и с каждым шагом я ощущала что-то очень тоскливое. Герберт явно заметил мое состояние, потому что взял под руку. Не могу сказать, что стало легче.

– Где мы? – шепотом спросила я, после того как мужчина постучался.

– Это Лейквилль-хост, государственный приют для тяжелобольных.

– И что мы здесь делаем? Ты решил показать мне одноногую собачку, чтобы я расчувствовалась и вернулась в ваше с Кортни гнездышко?

– Нет, – коротко ответил Герберт.

Двери открыла милостивая женщина в поношенном лекарском платье. Она приветливо улыбнулась и кивнула нам.

– Вы...

– Господин Уолдер и леди Кордеро. Мы к Эдмонду Белами.

– Что?! – только и успела пропищать я, прежде чем меня потащили куда-то вглубь здания.

Я ненавидела больницы, госпитали, лечебницы и приюты. Никогда не могла долго в них находиться. Видавшая виды мебель, требующие ремонта здания, уставшие и потерянные лекарки, слоняющиеся туда-сюда. Те, кто побогаче, держали семейных лекарей и оказывались в таких местах лишь по крайней нужде. Вот уж не думала, что придется заявиться в такое местечко. И что придется общаться с кем-то вроде Белами. Прошлая наша встреча едва не закончилась для меня тюрьмой. Мне подкинули его родного ребенка, обвинив в похищении. Не думаю, что он с тех пор изменил ко мне отношение.

– Прошу вас. Время на посещение – не более тридцати минут.

Мы остановились перед самой обычной дверью без таблички. Краска кое-где потрескалась и осыпалась. Герберт толкнул дверь, выпуская меня в палату. Все во мне сопротивлялось этому и требовало немедленно уйти. Но выбора не оставили.

Я старалась не смотреть на кровать и мужчину, лежавшего на ней, но комнатка была так убога, что взгляд постоянно возвращался к Белами. Он выглядел нормально... за тем исключением, что не двигался и никак не реагировал на происходящее вокруг.

– Здравствуйте, Эдмонд. Это Герберт Уолдер, поверенный семьи Кордеро. И Кайла Кордеро. Мать Стеллы.

Я вздрогнула и отвернулась.

– Простите, что потревожили. Но другого выбора не было.

А следующие слова уже предназначались мне:

– Вечером семья Белами ужинала, когда в дверь позвонили. Никто так и не узнал, кто навестил их в тот день. Дверь открыл Эдмонд, его ударили каким-то очень сильным ментальным заклятием. Он протянет еще несколько лет в таком состоянии. Но ни речь, ни способность двигаться к нему не вернутся. Его жену убили в гостиной. Она, очевидно, велела Стелле бежать и прятаться, что та и сделала. Ее не нашли, она спряталась в шкафу в подвале. Они обшарили весь дом.

Самый младший ребенок спал наверху. Он не был свидетелем, слишком маленький, чтобы что-то запомнить или услышать. Просто подвернулся под руку.

– Зачем ты все это мне рассказываешь? – глухо проговорила я. – Мне жаль людей. Жаль, что есть чудовища, которые могут творить такое. Но при чем здесь я?

– Кто бы ни сделал это, он может охотиться за Стеллой. Она свидетель. Эти люди... маги, Кайла, обладают очень и очень серьезными способностями. Мы не знаем, кто они. Не знаем, почему сделали то, что сделали. Но знаем, что Стелла выжила. И они могут за ней вернуться. Она сейчас у лекарей, но придет время – и ее отправят в приют. Подумай, какая там охрана. Подумай, что будет с твоим ребенком, если те, кто убил ее семью, вернуться. И подумай, какую защиту можем обеспечить мы.

– И зачем вам я? Заберите с Кортни девочку. Воспитывайте, защищайте. Вы ведь хотите детей, одним больше, одним меньше.

– Ты мать Стеллы. Тебе дадут согласие ее забрать быстрее.

– И как мы докажем, что я ее мать? Был договор, по которому я отказалась от ребенка. Но его забрала Ким, а она сейчас вряд ли поделится ценной информацией. Проверка крови займет приличное количество времени.

– С этим я постараюсь разобраться.

– Как?

– Я не самый законопослушный юрист, – туманно ответил Герберт.

– Не сомневаюсь.

Я умолкла, стараясь не смотреть на Эдмонда Белами. Понимает ли он хоть что-нибудь? Мне всегда казалось, что самое жуткое – это вот так остаться запертым в собственном теле. Если он словно без сознания, где-то в темноте и покое – это одно... а если все осознает и слышит, только не может подать знак?

Герберт не собирался уходить до тех пор, пока я не сдамся. Эта сволочь прекрасно знала, какое воздействие на меня окажет вид Белами, прикованного к постели. Герберт всегда умел давить на нужные точки. Больница и запахи напоминали о времени, когда болел отец. Я тогда тоже предпочитала не заходить в его комнату.

– Ладно! – наконец вздохнула я. – Что мне надо сделать?

К счастью, Герберт тут же прошел к выходу и открыл передо мной дверь. Я бросила немного виноватый взгляд на лежавшего Эдмонда и пролепетала что-то в качестве прощания. Оказавшись на улице, я почувствовала облегчение.

– Что дальше?

– Подпишешь пару бумаг, а пока я буду заниматься документами, перевезешь вещи в Кордеро-холл.

– Нет, – отрезала я. – Домой не вернусь. Сменю жилье, поселимся в людном районе. Но я останусь в Даркфелле.

– Кайла, я не думаю, что, живя одна, ты сможешь защитить Стеллу.

– Герберт, наш дом далеко не самое безопасное место. В прошлом году моя съехавшая с катушек сестричка убила там мою подругу, напала на меня и несколько месяцев издевалась над нами. Я поселюсь в людном районе, с соседями. Найму охрану. Или так, или тебе придется запереть меня здесь на пару месяцев. Кортни тебе не позволит.

– Хорошо, пусть будет так. Я проконтролирую твою защиту. И, Кайла, постарайся, когда придет время, перед сотрудником опеки выглядеть сочувствующей, раскаявшейся матерью. Нашу семью не слишком-то любят в управлении контроля за детьми.

– Почему это? – хмыкнула я, идя к карете.

– Считают, что ваш отец жестоко с вами обращался.

– Ну, они, в общем-то, правы. Знаешь, Герберт, я тебя ненавижу. Но ты кормишь меня завтраком. В приличном месте.

– Как скажешь, дорогая, – усмехнулся поверенный, открывая передо мной дверь экипажа.

* * *

Даркфелл – город желаний и возможностей.

Хейзенвилль – словно застыл во времени, погрязнув в глупых традициях. В Хейзенвилле у вас нет права выбирать свою жизнь. У вас есть дом, который невозможно продать. Есть статус в обществе, из рамок которого не выбраться. В Даркфелле, если у вас есть деньги, можно купить все.

Можно быть богачом и жить в престижном районе с особняками. Можно быть бедняком и ютиться в крохотной квартирке. И для тех, кто выбирает сытую и красивую жизнь, есть несколько вариантов.

Первый – купить или снять дом в тихом месте, где я и жила. Уютные виллы с видами на горы, шикарные поместья, где можно разбить сад и пару прудиков, почти замки с башенками, разве что заградительных рвов и перекидных мостов не строят.

И второй – купить апартаменты в центре, с видом на Дом Правительства и реку. Там, в огромных старинных домах, украшенных причудливой лепниной, есть чудесные квартирки, каждая с отдельным входом, занимающие несколько этажей. Охрана там хорошая, а уж если нанять дополнительную, чувствуешь себя как в крепости. Мне эти предосторожности только мешали, я вообще не очень люблю людей. Но для девочки, за которой охотятся сумасшедшие колдуны, в самый раз.

Я старалась не думать о том, как судьба легко с нами играет. В один вечер я спустя двенадцать лет встречаю Райана, а уже через неделю жду нашу дочь, которую давным-давно оставила в чужой семье. И невольно возникает вопрос: а случайны ли такие совпадения? И приходится загонять его как можно глубже просто потому, что ответ я знать, скорее всего, не захочу.

Уже смеркалось, когда вошел портье и объявил, что ко мне прибыли господин Уолдер, госпожа Лавреско и леди Белами.

– Впустите их, – кивнула я, бросив еще молодому парню монетку.

Почему-то стало немного страшно.

Я могу сделать вид, что жутко им рада. Могу очаровать сотрудника опеки. Могу изобразить раскаявшуюся мать. Могу закупить кучу всего для Стеллы: одежды, угощений, игрушек. Могу обустроить ее комнату. Но отношение мое не изменится. Это не мой ребенок, это лишь напоминание о давней ошибке. Мысли о Райане и его поступке до сих пор выводят меня из себя, несмотря на прошедшие годы. Дети чувствуют, когда не нужны своим родителям. Уж я-то это знаю, как никто другой.

Я слушала шаги и по мере нарастания голосов уговаривала себя принять приличествующий ситуации вид. Для встречи я выбрала темно-синее платье, лишь чуть отделанное черным кружевом. Достаточно закрытое и строгое, в подобных я раньше ходила на

работу, но с трудом откопала в гардеробе сейчас. Вряд ли мой обычный вид добавил бы мне очков.

Госпожа Лавреско оказалась невероятно красивой. Я никогда не видела таких женщин, а я выросла в обществе, где некрасивых дочерей прятали. Она обладала удивительными черными вьющимися волосами и глубокими янтарными глазами. И была одета как девушка из знатного рода, но при этом не потеряла строгости и стиля. Ее темно-бордовое платье наверняка стоило целое состояние. Интересный директор приюта... Откуда такие деньги?

– Леди Кордеро, – холодно улыбнулась она. – Меня зовут Вероника Лавреско. Я занимаюсь контролем за воспитанием детей. Признаться честно, я надеялась, что вы лично заберете Стеллу, а не отправите за ней своего...

Она многозначительно умолкла, бросив взгляд в сторону Герберта.

– Поверенного.

– Я занималась переездом и обустройством комнаты Стеллы, – не менее холодно ответила я. – Все это случилось внезапно. Мой дом не подходил для девочки. Но теперь я рада, что вы, леди Лавреско, мой гость. Вина?

– Вы пьете алкоголь в присутствии ребенка?

– Вы не достигли совершеннолетия? – усмехнулась я. – Пока не вижу Стеллу.

Глаза Вероники недовольно блеснули. Она скрылась за дверью, а когда вернулась, вела за руку Стеллу. Я вздрогнула. Последний раз я видела ее очень давно. Мы встречались с ее семьей в городе, но я всегда отводила глаза.

А теперь смотрела на свою дочь.

– Здравствуй, – улыбнулась я ей. – Меня зовут Кайла. Я думаю, мы подружимся. Я приготовила тебе комнату. Не хочешь оставить там вещи? А потом сядем ужинать.

С собой у Стеллы был лишь небольшой потрепанный рюкзачок. Она была одета в старое желтое платье. Такие давно вышли из моды, к тому же оно было ей немного мало. Я задумалась: это ее одежда из дома или выдали в приюте?

Девочка смотрела на меня огромными глазами и не шевелилась. В дело вмешалась Вероника:

– Стелла не разговаривает с тех пор, как в ее семье случилась трагедия. У нее потрясение. Прошу это учитывать.

– Конечно. Герберт, Вероника – можете проходить в гостиную, для вас накрыт стол. Стелла, идем, покажу тебе твою комнату.

– Леди Кордеро, – донеслось до меня, – а вы не слишком торопите события? Я еще не дала вам разрешение на то, чтобы забрать Стеллу.

Я бросила взгляд на Герберта, и тот кивнул мне на дверь. Я пропустила Стеллу вперед, а сама услышала, как Герберт негромко, но проникновенно говорит:

– Я думаю, мы сможем уладить этот вопрос.

Не могу не похвалиться: я подобрала отличную комнату для Стеллы. Достаточно большую для одиннадцатилетней девочки, с отдельной ванной комнатой. Я не знала, какие игрушки купить для нее, так что на первое время обошлась несколькими куклами, детскими книгами и наборами для рисования и творчества.

Стелла неуверенно осматривалась, стоя посреди комнаты.

– Смотри, – сказала я, – в шкафу развлечения, можешь выбрать все, что тебе нравится. А вот здесь одежда. Давай выберем платье к ужину. Тебе нравится голубое?

Стелла поспешно кивнула. Она быстро одевалась сама, моя помощь понадобилась, лишь когда коса зацепилась за пуговички. В целом девочка выглядела здоровой, но уж очень изможденной.

– Слушай, – я села рядом с ней на кровать, – знаю, ты не в восторге от того, что приходится со мной жить. Мне очень жаль, что все так получилось. Но теперь мы в одной лодке. Я хочу, чтобы ты мне говорила, если будет что-то нужно. Или если что-то заболит. Ладно? Не бойся сказать, если проголодалась или чего-то испугалась. Я не буду тебя обижать, Стелла. Из меня выйдет очень плохая мать. Но, наверное, это лучше, чем никакой. Как ты общаешься? Давай возьмем блокнот.

Я достала из шкафа симпатичный розовый блокнот и карандаш.

– Пиши все, что захочешь мне сказать. Или просто рисуй. Ладно? Стелла кивнула.

– Тогда идем ужинать. Ты любишь рыбу?

Герберт всегда умел очаровывать женщин. Он обладал нечеловеческой притягательностью. Такой, что даже сумел жениться на моей сестре – а Кортни, что бы о ней ни говорили, обладала поистине железной волей. И вот наконец я нашла человека, на которого обаяние Герберта не действовало. Вероника Лавреско. Она слушала его совершенно равнодушно, больше интересуясь моим интерьером.

– Все в порядке? – спросила я.

– Кайла, ответьте мне на вопрос, вы считаете, что наряды и игрушки – все, что нужно маленькой девочке?

– Я считаю, что девочке нужно быть воспитанной леди, – отозвалась я. – Переодеваться к ужину, заплетать волосы, культурно разговаривать и не допускать недостойного поведения, особенно в присутствии детей. Неужели у вас в приюте учат чему-то другому?

Глаза женщины нехорошо блеснули.

– Уже девять. Ребенок должен в это время спать.

– Стелла, ты ужинала?

Стелла осторожно покачала головой, опасливо косясь на Веронику.

– Ребенок должен быть сытым, госпожа Лавреско. Стелла поужинает и отправится отдыхать.

– Ложиться спать сытой очень вредно.

– Оставаться голодной с обеда до девяти вечера вреднее. У Стеллы сегодня переезд. Можно немного нарушить режим.

– Вы начинаете воспитание с нарушений?

– С ужина, Вероника. Я начинаю воспитание с ужина. Вопреки расхожему мнению, детей стоит не только наказывать. Их еще нужно кормить.

– Господин Уолдер, – Вероника переключилась на Герберта, который уже успел налить себе бренди, но так и не донес стакан до рта, – полагаю, вам пора идти.

– Полагайте, пожалуйста. – Герберт чуть подумал и все же выпил. – Не хотите салат? Весьма недурен.

– Нет, спасибо. И чтобы вы знали: я не одобряю подобные застолья в присутствии ребенка.

– Жаль. Мы любим собираться семьей за ужином. Рассказывать, как у кого прошел день, обсуждать новости. Это укрепляет отношения.

Как-нибудь попробуйте.

– Непременно. – Вероника поднялась, свирепо рассматривая мужчину. – Мне все понятно. Леди Кордеро, приятного вечера. Стелла, спокойной ночи. Я еще зайду.

Под громкий стук ее каблуков Герберт хрипло рассмеялся.

– Ну и что смешного? Она чуть нам не отказала!

– Она бы не отказала. Мы выводим ее из себя, но деньги она любит больше. Что ж, раз от этой ведьмы мы избавились, оставляю вас одних. Кайла, в холле стоит охрана. На твоём доме несколько защитных заклятий, не трогай их. И не забудь связываться со мной раз в день. А лучше – с Кортни.

Проходя мимо, Герберт добавил:

– Она по тебе скучает.

– Тогда почему не пришла сама?

– Справедливо предположила, что не сумеет затащить тебя в карету. Девушки... вы такие хрупкие существа. Когда освоитесь, приезжайте в гости. Я не врал насчет ужинов. Мы будем рады вам. Удачи, дамы. Я еще загляну.

Мне вдруг захотелось остановить его, попросить остаться. Я совершенно не знала, что делать дальше. Момент знакомства я тысячу раз прокрутила в голове... но что потом? О чем с ней говорить? После ужина следует приготовить ей ванну и оставить одну – или помочь с купанием? Надо ли заплетать ей на ночь волосы, как делала мама?

Но кричать и просить помощи – не мое любимое занятие. Тем более просить этой помощи у мужа сестры. Я проводила Герберта взглядом и несколько секунд слушала удаляющиеся шаги. Только потом заметила, как Стелла с любопытством и едва заметной полуулыбкой смотрит на дверь.

– Тебе что, он понравился? Да ладно! Ты серьезно? Боги, что со мной не так? Почему Герберт очаровывает всех, кроме меня и противной Лавреско? Мы что, похожи? Ладно, давай поужинаем и действительно пойдем спать.

Сказать – не значит сделать. В эту ночь я так и не уснула, ворочаясь в постели. От безысходности и бессонницы перечисляла, что надо сделать. Заменить матрас, приглушить ночники, купить другие саше. Понять, как жить дальше. До меня только сейчас начало доходить, что это навсегда. Стелла навсегда. И не помогут сестра с

мужем, у них своя семья и свои дети в перспективе. Они не научат меня быть матерью. И не дадут Стелле то, что должна я.

Но что я могу дать?

Я разбираюсь в сортах виски, скотча и бренди, фасонах платьев и модных веяниях, знаю, как делать крышесносный минет и как тратить деньги, которые я не заработала. А еще умею от души, со всей искренностью, ненавидеть. Так себе набор для начинающего воспитателя.

Безопаснее вообще молчать. Может, повезет, и Стелла вырастет приличным человеком сама.

Нет, в эту ночь мне не заснуть. Мысли, одна мерзостнее другой, не давали покоя. Я быстро набросила халат и отправилась вниз, чтобы что-то выпить. Из «чего-то» остался только чай, Герберт каким-то уму непостижимым образом забрал все спиртное. Но и чай сойдет, главное – занять чем-то руки.

Проходя мимо комнаты Стеллы, я услышала неясное бормотание и что-то, напоминающее плач. Ну да, разумеется. Могла бы и догадаться. Маленькую девочку после такого не мучают кошмары? Как же!

Я в задумчивости остановилась. Зайти? Или дать ей побыть одной? А если Стелле плохо? А если нет? И вообще, что я ей скажу? Не расстраивайся, твоих родителей убили, но ты не плачь, тетя Кайла купит тебе новое платье?

Когда-то я это проходила. После смерти мамы я плакала каждую ночь на протяжении нескольких недель. Единственным человеком, который хоть немного старался меня утешить, была Кортни. Правда, она тогда была слишком маленькая и почти не понимала, что происходит.

Некоторое время побеждал здравый смысл, уговаривавший отстать от ребенка. Но недолго...

– Спишь? – Я сунула в комнату сначала голову.

В темноте было видно плохо, но Стелла приподнялась.

– Хочешь мороженого? Сейчас ночь, но... ты же не худеешь. И я тоже. Можно себя побаловать. Я войду?

Стелла медленно кивнула. И не стала отказываться от мороженого, с аппетитом принялась есть. Не очень педагогично, да...

и зубы она на ночь уже почистила, и вообще сладкое вредно. А уж холодное сладкое – тем более.

– Надо решить, что будем завтра делать. Хочешь, пойдем на праздник? Запускают первый поезд... наверное, будет весело. Посмотрим на церемонию, проводим поезд, а потом где-нибудь погуляем, покормим уток.

Стелла снова кивнула, а потом воцарилась тишина. Она бы, может, и рада была поговорить, но не могла, а чтобы писать в блокноте, слишком темно. Да и я не умела вести душевные беседы с детьми. Я вообще никогда не оставалась с ними наедине так надолго.

Стелла вздрогнула так, что креманка выпала из рук. Я и сама едва сдержалась от того, чтобы выругаться.

– Кого принесла нелегкая посреди ночи?

Я поднялась, чтобы пойти и открыть, но Стелла мертвой хваткой вцепилась в мою руку. А ведь ее отец тоже вышел открыть дверь кому-то неожиданному.

– Не бойся. В холле охрана, она пропускает к нам только близких. Наверняка Герберта замучила совесть и он принес нам ранний завтрак.

Но у самой в голове уже витали непрошенные нехорошие мысли. Охрана есть, но если маги, напавшие на родителей Стеллы, действительно сильны и обладают ментальными способностями... охрана может оказаться бесполезной.

– Постарайся уснуть. Ничего не бойся. В этом доме столько охранной магии, что даже таракан не пролезет. К слову, тараканов я боюсь больше, чем всяких темных магов.

Нехотя Стелла послушалась. Я сомневалась, что она уснет. Скорее, даже была уверена, что дочь будет напряженно вслушиваться в происходящее в холле. Хоть бы там не происходило ничего слишком активного! Хватит с нее потрясений.

Прежде чем открыть дверь, я залезла в ящик комода в холле. Рука удобно легла на рукоять револьвера. Магия есть магия. Техника надежнее. Что случится раньше? Ментальный маг ударит мне по мозгам или я сделаю ему дырку в черепе? С такого расстояния я даже с мигренью от ментального воздействия не промахнусь. Даже если это станет последним, что я сделаю в жизни.

Красивый бронзовый глазок был закрыт резной заслонкой. Я увидела в холле мужчину с корзиной в руке. Позади – охранников,

совершенно здоровых и не вызывающих подозрения.

– Кто это? – спросила я.

– Доставка цветов по Даркфеллу, миледи. Для Кайлы Кордеро.

Рука остановилась на полпути. Цветы? Ночью? Что за шутки?

– Извините...

Нам со Стеллой здесь жить. В перспективе – всю жизнь. И если я не буду открывать людям дверь, я прослышу психопаткой, что вряд ли отразится положительно на жизни девочки. Ладно...

Я спрятала револьвер за спину и открыла дверь. Улыбчивый молодой парень протянул корзину. В ней я заметила конверт. Цветы были красивые, нежно-розовые, с переходами в белый. Я расписалась за доставку и натужно улыбнулась охране.

Сердце все еще билось учащенно, но вместе с этим накрыло облегчением. Я достала записку.

«Вот ты и стала мамой. Только наследства все равно не видать. Тебе, должно быть, обидно. Но я все равно тобой горжусь».

– Это всего лишь цветы, Стелла! – крикнула я, чтобы ребенок не волновался. – Ложись спать, завтра с утра поедем гулять.

Убедившись, что ночник в комнате Стеллы погас, я направилась в свою комнату, к трюмо. Зеркало в ночной полутьме выглядело немного жутковато.

Поверхность пошла рябью, когда я окропила зеркало специальным зельем. Силуэт Герберта проявился не сразу, но постепенно картинка прояснилась. Он был расслаблен, держал в руках бокал с бренди (наверняка с тем, что стащил у меня) и усмехался. Улыбнулась и я, выбрав из арсенала самую стервозную улыбку.

– Я так понимаю, ты получил мой подарочек, – сказала я.

– Кайла, милая, в следующий раз, когда наимешь девочку по вызову, чтобы меня подставить, придумай ей более убедительную легенду. Кортни не ведется на дешевые розыгрыши.

– Жаль, я надеялась, она отправит тебя спать на лавочку в саду.

– Как тебе цветочки?

– Милые, сохраню их до твоих похорон.

Он рассмеялся, откинувшись на спинку кресла, в котором сидел. А я не удержалась и ударила в спину:

– Я надеялась, ты воздержишься от мести. Стелла испугалась до полусмерти.

Герберт посерьезнел и, как мне показалось, даже слегка смутился.

– Я не подумал о ней. Извини.

– Я тоже. Мы больше не можем жить как прежде, да?

– Похоже на то. Кажется, я еще не готов быть отцом.

– Как и я – матерью. Герберт...

– Мм?

– Когда у тебя будут дети, не будь таким, как наш отец.

– Конечно, детка, – с неожиданным теплом, от которого защипало в глазах, произнес Герберт. – Помни, о чем мы говорили.

– А ты береги сестричку. Честное слово, она не заслужила такого мужа, как ты. Это слишком жестоко.

– Так часто бывает. Береги племяшку и постарайся быть очень осторожной.

– Хорошо. Увидимся.

– Спокойной ночи.

Зеркало снова стало зеркалом. За окном медленно и неохотно занимался рассвет. Я бросила быстрый взгляд на улицу, куда выходили окна. Сейчас там не было ни души, фонари не горели, и темнота придавала городу зловещий вид. Завтра проспект будет кишеть людьми. Толпа хлынет на работу, развлекаться или просто гулять.

Это мне и нужно.

Глава 3

Когда с завтраком было покончено, пришло время выходить. Стелла заметно нервничала. Она еще не бывала в крупных городах, а в последние недели и вовсе безвылазно сидела в приюте. Она без возражений позволила мне одеть ее в симпатичное немаркое платье коричневого цвета и дождалась, когда оденусь я сама. Я тщательно расчесала волосы и сделала большие кудри, украсив шпильками с хрусталем. Получилось ярко, даже вычурно, совсем не так, как следует выглядеть на дневной прогулке, но я хотела быть как можно заметнее.

– Готова? – спросила я Стеллу.

Та неуверенно кивнула. Охранник на выходе поймал ключи и бросился закрывать дверь. Ближайший экипаж уже был готов трогаться.

– К станции «Даркфелл», пожалуйста, – сказала я.

С собой у меня была лишь небольшая сумка.

Сегодня Даркфелл ждал великий день. Первая в стране ветка железной дороги: как ни сопротивлялись поборники магических традиций, время требовало технологий. Поезд «Сердце Даркфелла», несмотря на сопротивление в консервативной части общества, должен был пересечь материк, доставив первых пассажиров в Рейвенвуд. В честь этого на станции организовали масштабный праздник, куда явилась, должно быть, половина столицы.

Мы вышли неподалеку от станции. Сам поезд было видно лишь издали, я только и успела поразиться мощи и внешнему виду. Огромный бронзовый исполин, весь увешанный трубками, приборами и проводами. За хищным острым носом шли три вагона. Интересно, как там внутри.

Мы шли сквозь толпу до тех пор, пока не стало тяжело продвигаться дальше. Стелла крепко держала меня за руку и вертела головой, осматриваясь. Я наклонилась к ней, чтобы нас не подслушали.

– Слушай, нам с тобой нужно кое-что сделать. Это очень важно и нужно для безопасности. Ничего не бойся и доверяй мне.

Комнатка с умывальниками предназначалась персоналу и всегда была закрыта. Но если нужно – обойти можно любые замки. При помощи шпильки я отперла дверь, и мы со Стеллой юркнули внутрь. Дочь смотрела на меня с опасливым удивлением. Но вопросов в блокноте не писала. Просто смотрела, что я делаю.

– Не бойся, – повторила я, доставая из сумки ножницы.

Стелла дернулась, в расширившихся глазах плеснулся страх.

– Я всего лишь обрежу тебе волосы, хорошо? Стелла, так нужно. Другого выхода у нас нет. Иди сюда.

Нехотя Стелла позволила к себе прикоснуться. Я орудовала ножницами не очень умело, но для наших целей это было только в плюс. Жалко было срезать симпатичные золотистые локоны. Но когда я закончила, Стелла почти перестала напоминать девочку из приличной семьи. А когда переделалась в неброские брюки и рубашку, стала совсем неузнаваемой.

– Подожди теперь меня.

Со мной все было проще. Я не стала срезать волосы, справедливо опасаясь, что вслепую смогу только изуродовать себя так, что, наоборот, стану заметнее. Поэтому извлекла из сумки пузырек с зельем и замешкалась всего на пару секунд.

Отец запрещал нам менять внешность. Стричься, краситься, прокалывать что-то кроме ушей. Он считал внешность Кордеро, данную многими поколениями, святой.

– Ну, папа, извини. Наследства ты меня все равно лишил, так что можешь засунуть свое требование про внешность...

Я осеклась, вспомнив, что рядом Стелла. Вылила на волосы содержимое бутылка и, зажмурившись, как следует распределила по всей длине. Когда открыла глаза, из зеркала на меня смотрела блондинка. В умывальнике была вода, я немного намочила волосы и зачесала в тугий пучок, превратив их из золотистых в грязно-русые. Быстро переделалась в похожие на Стеллины брюки и рубашку, а из вещей оставила только сумку через плечо, какую обычно носили курьеры. В сумке лежали деньги, документы и немного орехов на случай, если не удастся перекусить до вечера. Все остальные вещи я сожгла, использовав последнее зелье из арсенала.

– Готово. Идем, Стелла.

Я в последний раз бросила взгляд в зеркало. Там отражалась какая-то другая Кайла. И дело было не только в цвете волос и одежде. Что-то изменилось во всем облике. Во взгляде. В движениях.

Мы так же быстро слились с толпой, как и ускользнули. Я взглянула на билеты, добытые с таким трудом, и быстро нашла наш вагон. Не самые дорогие места. В первом вагоне условия комфортнее. Но чем меньше мы привлекаем внимания, тем лучше. Откуда у скромно одетой девушки с ребенком деньги на нереально дорогой билет? Хотя даже простые вагоны стоили не так уж и дешево. Власти обещали, конечно, что вскоре поезда станут таким же транспортом, как экипажи. Но когда это еще будет? Сейчас это скорее развлечение.

– Прошу вас, миледи, – улыбнулась сотрудница, проверив наши со Стеллой билеты, документы и протянув сложенный вдвое буклет. – Ознакомьтесь с правилами, пожалуйста.

– Спасибо! – улыбнулась в ответ я, помогла Стелле подняться по небольшой лесенке и вошла в поезд.

Весь внутренний интерьер был выполнен в дереве. Все блестело, выглядело совершенно новым и идеально чистым. На полу мягкий зеленый ковер, на потолке – классические бронзовые люстры. Пространство вагона разделено на секции небольшими изящными перегородками. В каждой секции друг напротив друга стояли диваны, а между ними – небольшой круглый столик.

В вагоне уже были люди, но на нас никто не обратил внимания. Я усадила Стеллу, села напротив и уставилась в окно, где десятки людей толпились у поезда, чтобы взглянуть на дикий транспорт.

– Смотри, здесь есть меню. Сейчас тронемся, и я закажу нам обед, ладно?

Стелла кивнула и, к моему удивлению, достала блокнот.

«Мы убегаем от них, да?» – прочитала я.

– Да, мы уедем в Рейвенвуд на время расследования. Никто не будет знать, где мы. Снимем дом и проживем несколько месяцев там, а когда их поймают...

Я не закончила мысль. Взгляд зацепился за знакомое лицо в толпе, я почувствовала, как горло сжала невидимая рука. Что здесь делает Вероника? Пришла посмотреть на запуск поезда или ищет нас со Стеллой?

– Давай закроем окно, чтобы нас никто не увидел, ладно?

Я задернула шторы так, чтобы самой видеть толпу, но в то же время оставаться скрытой за тяжелой тканью. Стелла вовсе отвернулась, потеряв всякий интерес, и с любопытством осматривала внутреннее убранство поезда.

– Держи. – Я протянула ей небольшую книжку. – Это все, что я смогла взять. Но как только мы приедем, обязательно купим книжек и игрушек.

Стелла согласно закивала и, погрузившись в книжку, пропала для всего мира. А я не могла удержаться от наблюдения за Вероникой. Она стояла посреди платформы, явно высматривая кого-то в толпе. И чем дольше я за ней следила, тем сильнее становилось дурное предчувствие. Сердце сходило с ума в рваном ритме, и я отсчитывала его удары до отправления поезда.

И тут в толпе, чуть поодаль Вероники, я увидела светловолосого мужчину. Сначала подумала, что показалось. Мало ли в Даркфелле, городе с миллионами жителей, блондинов? Но потом он повернулся, и внутри что-то екнуло.

Райан Хефнер, будь он проклят! Во мне еще теплилась надежда, что встреча в библиотеке была не более чем галлюцинацией. Тоской по прошлому или случайным эпизодом. Но нет, он вернулся в мою жизнь, и словно не было тех лет. Вряд ли просто так, это не совпадение. В прошлый раз Райан обокрал отца, так что ему нужно от меня сейчас?

Я затаила дыхание, когда он направился прямо к Веронике. А потом и вовсе забыла, как дышать, потому что Лавреско его явно знала: когда они поравнялись, ее губ коснулась улыбка. Райан склонился к ее губам, но поцелуй прервал гудок поезда – мы отправлялись.

Словно что-то почувствовав, Райан поднял голову.

И наши взгляды на миг пересеклись.

Когда поезд набрал скорость, я впала в странное состояние полусна. Сидела на диване, откинувшись на спинку, и смотрела в потолок. Стелла, словно замороженная, уставилась в окно, где мимо проносились деревья и редкие дома.

Впору было с горькой усмешкой вспоминать, как Райан обещал показать мне мир. Теплое море. Зеленые горы. Водопады и природу тропиков, настолько удивительную, что не поддается воображению. С

золотыми пляжами, бирюзовой водой и протяжными дождями вместо суровой зимы.

Теперь, кажется, у Райана совсем другие мечты.

– Миледи?

Я вышла из транса, посмотрев на девушку в форменном костюме, что заглянула в наше купе.

– Приветствуем вас на поезде «Сердце Даркфелла». Надеемся, ваша поездка будет приятной. Поезд прибывает на станцию Рейвенвуд в десять часов вечера этого дня. Вы можете вызвать меня колокольчиком, который лежит на столике. Готова предложить вам блюда из нашего меню.

– Спасибо. Стелла, посмотри, что ты хочешь на обед.

Стелла непонимающе на меня смотрела, словно впервые в жизни видела меню и не знала, как им пользоваться.

– Дайте нам пару минут, – улыбнулась я.

И пересела на сиденье Стеллы.

– Давай смотреть. Надо пообедать. Хотя сомневаюсь, что здесь приличная кухня. Что бы ты хотела?

Стелла молчала, заинтересованная больше блестящими вензелями на обложке, чем меню.

– Не смотри на цены. Дядя Герберт оставил нам кучу денег, голодать не придется.

С огромным трудом я выпытала у Стеллы, что бы ей хотелось съесть, и определилась сама. На удивление, ужин оказался вполне ничего. Если вспомнить, что мы в бегах и не в самом дорогом вагоне, даже неплохо. Стелла с аппетитом съела все, что принесли, и мне немного полегчало. Значит, просто стеснялась. Она выросла совсем в других условиях. Не представляю, как мы сумеем ужиться, я ведь понятия не имею, каково это: быть матерью!

Если Райан нас узнал, то Рейвенвуд станет ненадежным убежищем. Я начинала подумывать уехать дальше, к морю.

– Извините, вам просили передать. – Вернувшаяся проводница склонилась, чтобы забрать пустые тарелки и поставить десерт, а вместе с ним положила на столик небольшой конверт.

Только присутствие Стеллы не позволило удариться в безобразную бесконтрольную панику.

Спокойно, Кайла, скорее всего кто-то из одиноких пассажиров пытается познакомиться. Передать записку в ресторане – самый распространенный способ. Правда, обычно передают бутылку вина или десерт, но у нас же не самые дорогие билеты. Вряд ли на соседнем диване сидит принц, внезапно влюбившийся в бедную мать-одиночку.

– Спасибо! – Я расплатилась за обед, оставив небольшие, но приятные чаевые.

Дождалась, когда проводница уйдет, и дрожащими руками распечатала конверт.

«Можно убежать от преследователей, но не от себя. Сколько леди Лавреско отдаст за информацию о твоём местонахождении? В Рейвенвуде есть кое-что, нужное нам обеим. Ты актриса, Кайла. Изобрази хорошую девочку, и леди Лавреско будет искать тебя где-то еще. Береги Стеллу. Твоя К.»

* * *

В Рейвенвуде темнело раньше, и поэтому, когда поезд прибыл, все пространство станции освещалось фонарями. Здесь была необычная магия света, теплая. В Хейзенвилле и Даркфелле улицы освещались холодным белым светом. Яркие золотистые огни рейвенвудских фонарей меня поразили. Стеллу тоже: несмотря на усталость, она с интересом все вокруг рассматривала.

Пассажиров было много. Я испугалась лезть со Стеллой в самую гущу толпы и подождала, пока выйдут все остальные, но промедление оказалось ошибкой: когда мы вышли со станции, свободных экипажей не осталось.

Герберт все отлично подготовил: достал нам фальшивые документы с новыми именами, снял дом через третьих лиц, открыл счет в банке, чтобы не рисковать. А вот с транспортом, кажется, придется разбираться самой. Рейвенвуд – большой город, добраться пешком не получится.

Отлично, Кайла. Пять баллов.

В чужом городе, с чужим ребенком, ночью. Рядом никого, кто мог бы продать карту или подсказать дорогу. И нет официальных городских экипажей. Хорошо, что Стелла мне, кажется, доверяет. С перепуганным ребенком все было бы сложнее.

Думай, Кайла, думай быстрее.

Станция стремительно пустела. Где-то вдалеке слышались звуки празднований, но большинство пассажиров слишком устали от поездки, чтобы участвовать в этих мероприятиях.

Ладно, мы в центре, и здесь есть гостиницы и съемные апартаменты. Доберемся до дома, что снял Герберт, завтра. Сегодня найдем, где перекусить и переночевать.

– Идем, – сказала я Стелле, – поищем гостиницу.

К счастью, нам не пришлось идти далеко. Буквально на площади, где располагалась станция, возвышалось четырехэтажное здание, витиеватые буквы на вывеске которого гласили «Рейвен. ОТЕЛЬ».

– Вот там и переночуем, – решила я. – Надеюсь, какой-нибудь ресторан там имеется.

В гостинице милостивая девушка за стойкой распорядителя оформляла пожилую супружескую пару. В целом гостиница была, конечно, не самого высокого уровня, но искать что-то еще сил уже не было. Как и не осталось их, чтобы размышлять над поддержанием легенды небогатой женщины с ребенком.

– Здравствуйте, люкс, пожалуйста, – сказала я.

– К сожалению, свободных номеров нет.

Я едва не застонала. Судьба сегодня решила надо мной как следует поиздеваться.

– Резерв? Вы ведь оставляете резерв для особых гостей? Я заплачу.

– К сожалению, свободных номеров нет, – повторила распорядительница.

Скажи она, что номеров нет совсем и занят даже резерв, я бы, наверное, развернулась и ушла искать другое жилье. Но природное чутье подсказывало: девушка врет. А за ложь принято платить. Я это знаю лучше многих.

– У вас за спиной, – улыбнувшись, сказала я девушке, – висит шкаф с ключами от свободных номеров. Когда я вошла, вы отдавали из этого шкафа ключ той паре. Я не верю, что больше половины ваших

гостей вдруг ушли на ночь развлекаться и оставили у вас ключи на хранение. Могу я поговорить с вашим хозяином?

С лица девушки сошла улыбка, и в глазах явственно промелькнуло раздражение.

– Извините, но это гостиница высшего класса. Мы дорожим нашей репутацией и вправе отказать неблагонадежным гостям без объяснения причин.

– Это? – Я немного растерялась. – Высшего класса? Вы серьезно?!

– Я прошу вас покинуть гостиницу.

Я выругалась сквозь зубы. План был идеален: прикинуться бедной женщиной с ребенком, не привлекая внимания добраться до домика в пригороде Рейвенвуда и вести непубличную жизнь благовоспитанной леди. Вот только я не учла, с каким снобизмом в таких местах относятся к таким, как я. Чем дальше от столицы, тем сильнее снобизм.

Неподалеку со скучающим видом стояли два охранника. Что ж, безобразный скандал в присутствии Стеллы в то время, как я отчаянно пытаюсь затеряться, – не то, что пойдет на пользу. А еще когда-то я и сама щедро платила, чтобы в подобные заведения не пускали «неблагонадежных гостей».

Ночь, казалось, стала еще темнее. Стелла удивленно на меня смотрела, а я оглядывала улицу в поисках какого-нибудь другого отеля. И старалась не паниковать.

На второй раз повезло больше.

– Да, с образом простой небогатой женщины я погорячилась, признаю, – протянула я, осматривая холл гостиницы, на которую мы набрали почти сразу, как от площади двинулись по главной улице вверх.

Гостиница напоминала те, в которых номера снимаются на пару часов для кратковременного развлечения с девушкой свободных нравов или случайной любовницей. Такое место вряд ли подойдет Стелле, да и я не была в восторге от перспективы. Но усталость брала свое. Я заплатила за все, что мне предложили: самый приличный номер, прессу и что-то там еще, почти уверенная, что вороватая распорядительница разжилась парой серебряных, воспользовавшись моим нежеланием во всем разбираться.

– Принесите, пожалуйста, нам что-то перекусить, – попросила я, протянув еще золотой.

Наверное, много. Да и принесет она явно остатки с ужина, вряд ли даже горячие. А еще я запомнюсь здесь как небогатая внешне женщина с ребенком, сорящая деньгами. Но кто думал, что придется расплачиваться в таких местах? У меня не было мелких монет. Того, что я везла с собой, может хватить на пару недель. Остальные деньги в банке, и за ними еще предстоит сходить. К счастью, завтра я найму экипаж и буду целый день отмокать в горячей ванне с пеной и маслами!

Стелла совсем вымоталась и уснула, едва я оставила ее одну. В номере не было душа, и я решила обойтись минимальными процедурами. Умывшись и набрав кувшин воды, я вернулась в комнату.

Стелла посапывала прямо в выдавшем вида кресле. Мне с трудом удалось разбудить ее, чтобы умыть и раздеть. Разумеется, одежду мы с собой не брали. Как все сложно!

Когда Герберт убеждал меня сбежать с ребенком, я думала, что приеду в Рейвенвуд, сразу же найму няню, обновлю гардероб и буду занята лишь попытками понять, как жить дальше в новом статусе матери. А не ютиться ночью в одиночестве в небольшой комнатке захудалого отеля.

Раздался стук, распорядительница принесла еду. Мне стало слегка стыдно за то, как плохо я о ней подумала: несколько здоровых кусков пирога дымились от жара. Для Стеллы на подносе стоял стакан теплого молока, а мне налили бокал красного вина, за который я едва не расцеловала женщину.

Мы быстро поели, а потом Стелла мгновенно уснула, свернувшись клубочком на огромной постели. Потягивая вино, я смотрела на спящую дочь, пытаюсь найти в ней характерные черты Кордеро. Но видела только Райана. Его улыбку. Его светлые волосы. Его глаза.

– Вот и хорошо, что ты совсем на меня не похожа, – вздохнула я. – Может, хоть у тебя получится вырасти счастливой. Мне, кажется, уже не светит.

Я проснулась рано утром оттого, что меня толкала Стелла. Ночью, ложась спать, я заперла дверь изнутри. Стелла хотела умыться, но не

сумела найти ключ. Пришлось просыпаться, хоть тело и требовало еще немного отдыха. Живя в Даркфелле, я засыпала обычно в середине ночи или под утро, а просыпалась к обеду. Пройдет время, прежде чем я привыкну к нормальному распорядку, подходящему для ребенка.

В гостинице уже кипела жизнь. То тут, то там хлопали двери, гости выезжали и заезжали, выходили по делам. Из-за одной двери отчетливо доносились стоны. Я покосилась на Стеллу, но та или сделала вид, что ничего не заметила, или еще была слишком сонной, чтобы воспринимать какие-то звуки.

Пока мы умывались и приводили себя в порядок, нам принесли завтрак. Пудинг, печенье и сок для Стеллы, тосты, омлет и кофе для меня. Еще принесли газету, которую я немедленно развернула.

И тут же чуть не поперхнулась, ибо совершенно случайно открыла криминальную хронику, пестрящую жуткими заголовками. Один из них привлек мое внимание.

«Жуткое убийство в частных апартаментах».

Я сделала над собой усилие, чтобы не выдать тревогу. И продолжила читать.

«Со страшной трагедии началось утро леди Шарлотты Чарлинг и ее дочери Кристины Палмер. Предположительно, около четырех утра в один из гостевых домов «Чарлинг и Палмер» проникли неизвестные. Что стало целью проникновения, уточняют детективы. Леди Чарлинг и леди Палмер обнаружила мертвыми их экономка, пришедшая на работу. По предварительным данным, причиной смерти стало кровоизлияние в мозг, возможно, вызванное ментальным магическим вмешательством. Управление стражи округа Ист-Талмер города Рейвенвуд просит всех, располагающих информацией, обратиться к детективу Р. Дж. Хефнеру».

Я быстро шарила в сумочке, отыскивая бумажку с адресом дома, что снял Герберт. В глубине души я уже знала, что увижу.

– «Чарлинг и Палмер», – вслух прочитала я, забыв о Стелле.

– Знаешь, наверное, нам придется поехать в другой город, – сказала я Стелле. – Дом, в котором мы должны были жить... мм... занят. Подыщем что-то получше. Одевайся. В этой гостинице мы больше не останемся.

Еще один признак дешевого жилья – отношение к гостю. Ни в одном приличном отеле не проверяют состояние номера при выезде. Прежде я непременно устроила бы скандал, оскорбившись таким отношением, но сейчас, ошарашенная новостью о «Чарлинг и Палмер», я даже не сразу поняла, что ко мне обращаются:

– Для вас конверт.

Ругательство, вырвавшееся у меня, явно не предназначалось ушам Стеллы. И понятливая девчонка снова сделала вид, что ничего не услышала.

Часть меня хотела выбросить конверт, так никогда и не узнав, что в нем. Подобными записками баловалась Ким. В период особенно острого течения болезни она изрядно перепугала всю семью угрозами и жуткими посланиями. Но сейчас Ким была надежно заперта в клинике. Так кто эта таинственная «К»?

«Доброе утро, дорогая. Этот клоповник тебе не подходит. Впрочем, я считаю, лучше в клоповнике, но живой, чем в престижных апартаментах со сваренными мозгами. Надеюсь, ты хоть немного отдохнула. Впереди долгий день – потрать его с умом. Люблю. Твоя К.»

– Идем. – Устало вздохнув, я взяла Стеллу за руку. – Поищем магазины готовой одежды. А потом будем думать, как быть дальше.

Основная масса людей уже добралась до рабочих мест, и на улицах было пусто. В основном мне встречались или те, у кого был выходной, или те, кто достаточно обеспечен, чтобы не работать в жестком графике. И первые, и вторые читали газеты.

Газеты, листки, журналы – этот город, казалось, помешался на прессе. Как не похож был Рейвенвуд на привычные мне Даркфелл и Хейзенвилль! Каким враждебным и чуждым казался даже теперь, в свете дня.

Мы быстро нашли приличный магазин с готовой одеждой, где можно было подобрать что-то и для Стеллы, и для меня. Пора сменить

образ. Мне все равно не очень удался средний класс, а теперь нас наверняка ищут.

К счастью, салон оказался действительно высшего класса: никто и не подумал выразить сомнение в моем финансовом состоянии.

Пока одевали Стеллу, я перечитывала письмо, пытаюсь найти в нем хоть какую-то зацепку. Кто-то следил за нами и знал, что я направляюсь в апартаменты. Убийца Белами? Тогда он не стал бы ждать. Райан? Тоже сомнительно, не в его стиле действовать, скрываясь за маской. Кто-то третий, кого я не беру в расчет? Вполне вероятно, только вот кто?

Я очнулась от размышлений после оклика одной из сотрудниц салона. Стелла, выглядевшая немного смущенной, уже была готова выходить. Криво обрезанные волосы скрывала аккуратная бордовая шляпка. Теперь она напоминала не ребенка из бедной рабочей семьи, а хорошенькую девочку, одетую неброско, но дорого. Хотелось верить, что я выглядела так же.

Выйдя из салона, мы направились по центральной улице вверх. Я не привыкла решать, где жить и как доехать до какого-то места, а потому чувствовала, что скоро взорвусь от обилия мыслей.

– Хочешь есть? – спросила я у Стеллы, но напрочь забыла, что она не разговаривает и не посмотрела на ее ответ.

Зато я посмотрела в другую сторону, где в конце короткой широкой улочки возвышалось красивое двухэтажное здание. Золотые буквы кое-где выцвели и чуть покосились. Зато на ступеньках кипела жизнь: десятки студентов сновали туда-сюда, пили кофе из глиняных стаканов, зубрили конспекты и штудировали учебники. Раньше я часто видела подобную картину.

– Это библиотека, – сказала я. – Когда-то я была преподавателем и тоже ходила в такую. Ты бы хотела учиться магии? Или чему-то еще?

Стелла заинтересованно рассматривала огромные колонны. Я позволила ей самой решать, куда пойти, параллельно осматриваясь в поисках какого-нибудь заведения, где нас бы накормили. Как назло, ничего подходящего видно не было. И это рядом с местом, где постоянно ходят студенты!

– Нам придется найти другое жилье, – сказала я скорее для себя, нежели для дочери. – И, наверное, уехать из Рейвенвуда. Даже не знаю куда. Здешние места мне совсем не знакомы. Может, стоит наведаться

в библиотеку, чтобы изучить городки у моря, как считаешь? Я бы хотела жить у моря. Когда-то твой отец обещал, что увезет меня туда, где будет тепло и безопасно. Жаль, что у него не получилось.

Стелла не ответила, увлеченная наблюдением за группой разукрашенных во все цвета радуги ребят. Они весело пели песни и смеялись.

– Тебе не холодно? – спросила я.

Потом почувствовала прикосновение чьей-то руки к своему запястью и резко обернулась.

– Кайли...

Райан с усмешкой покачал головой.

– Маленькая беглянка, ты думала, так легко сможешь удрать?

В отчаянии я заозиралась в поисках того, кто поможет мне на этот раз.

– Не надейся, – Райан посерьезнел, – на этот раз тебе не удастся натравить на меня стражу.

– Чего ты от меня хочешь? Ты за мной следишь?

– Я хочу знать, почему ты убежала с чужим ребенком, – последовал довольно неожиданный ответ.

От удивления я открыла рот. Он не знает? Не знает, что Стелла – его дочь? Разве такое вообще возможно? Хотя отец, конечно, старался все скрыть, и о моей беременности не знали даже сестры. Но неужели не догадался?

– Я – ее опекун.

– На испытательном сроке. И если ты имеешь в виду то, что поверенный твоей семьи сунул деньги моей жене, то это не очень похоже на официальную процедуру.

Вероника Лавреско – жена Райана. Что ж, видимо, судьбе мало было подбросить мне анонимных писем и отправить в глушь с ребенком. Теперь надо еще ударить побольнее, сообщив, что мерзкая законница – жена отца моего ребенка. Так, кажется, у меня начинает болеть голова...

– Ты не имела права сбегать с девочкой. – Райан дернул меня, притягивая ближе.

Он отлично чувствовал мою панику. И наслаждался ощущением власти. Все как раньше, только теперь он старше, сильнее.

– Я с ней не сбегала. Мы катались на поезде. Это развлечение.

– Ты не вернулась в Даркфелл.
– Мы приехали поздно, экипажей не было.
– Ты ночевала с ней в низкопробном борделе!
– Сложно найти люкс, если между ним и борделем нет никакой разницы. Захудалый городишко.

– Вместо того чтобы вернуться, ты потащила девочку в библиотеку. Зачем?

Судя по тому, как блеснули глаза Райана, вот он – вопрос, ради которого он схватил меня прямо посреди людной улицы. Почему мы дважды встречаемся с ним у библиотеки? Я вспомнила книжку, увиденную в Даркфелле, и почувствовала, как по коже прошел холодок.

– Я намереваюсь вернуться на работу. Хотела кое-что скопировать для нового курса. Стелла любезно согласилась сходить со мной. Я имею право прийти в библиотеку, Райан. А вот ты нападать на меня посреди улицы – нет! Отпусти, или я закричу!

Время было людное, а в моих глазах так отчетливо читалась решимость, что он выпустил мою руку и даже на пару шагов отступил. Я растерла запястье, сердито подумав, что теперь появится синяк и придется прятать руку. Перепуганная Стелла жалась ко мне, не решаясь выйти из-за спины. Нужно было срочно что-то делать.

– Вы обе едете со мной! – отрывисто произнес Райан.

И я решила. Интуиция просто кричала: не верь ему! беги!

Я вскинула руку. Он поздно понял, что я затеяла, а потому, когда флакон с зельем разбился о закрытые палатки уличных торговцев и те вспыхнули, на миг растерялся. Да, я припасла кое-что на крайний случай. Раздались крики, одна из палаток оказалась с фейерверками. Повсюду грохотали взрывы, десятки шутих поднялись в небо. Народ бросился врассыпную, а я толкнула Райана и, схватив Стеллу за руку, понеслась прочь.

Туда, где стояли экипажи.

– Давайте уедем отсюда подальше! – попросила я кучера.

– Ну и гремит там, – хмыкнул он, – кто-то крепко вляпался в неприятности.

Глава 4

Теперь, когда появился Райан, все существенно осложнилось. Моя новая внешность перестала быть новой, а в Рейвенвуде оставаться было нельзя. Я не знала даже названия городишки, куда мы приехали. Стелла так устала и намаялась, что мне уже было не до выбора гостиницы. Да она там и оказалась всего одна. Большой дом, от стен которого отваливалась унылая зеленая краска. Перила пошатнулись, когда я за них взялась.

– Мэм? – обратился ко мне грузный мужчина за стойкой распорядителя. – Могу вам помочь?

– Да, я... Кажется, кучер по ошибке привез нас с дочкой не в тот город. Мы ехали к мужу, в Арен-гаст. Обрато возвращаться уже поздно, дочка устала, да и я не рискну ехать в ночь. У вас найдется комната?

– Конечно, – расплылся в улыбке мужчина.

У него были пышные и немного взлохмаченные усы.

– Вот отличная комната. Девочке там понравится, утром через большое окно ярко светит солнце. Вы голодны?

– Да, – выдохнула я. – Если честно, то ужасно.

– Я скажу жене, чтобы принесла вам что-нибудь на ужин. Поднимайтесь. Вода горячая есть, постели застелены.

– А... – Я удивленно приняла из рук мужчины ключи. – Вы не будете спрашивать мое имя? Просить документы?

Он оглянулся на дверь позади стойки, словно боялся, что нас подслушают.

– У нас небольшой городок, миледи. И все друг с другом общаются. Чем меньше я о вас знаю, тем сложнее мне будет рассказать о вас что-то, что поможет вас поймать.

– А с чего вы взяли, что я скрываюсь?

– Миледи, я бывший стражник. Вы появляетесь без сопровождения, с девочкой, перед закатом, платите чистым золотом. А еще у вас нет кольца. Я не буду спрашивать, что у вас случилось. По глазам вижу: не расскажете. Но совет один дам. Разменяйте деньги и раздобудьте оружие.

– Спасибо, – растерянно пробормотала я, сжимая в руке ключ.

Интуиция говорила срочно развернуться и бежать куда глаза глядят. Но где я в этой глуши в такое время найду экипаж? Хозяин прав: по мне видно, что я беглянка. Если выдает не внешность, так поведение. Взгляд. И кольцо... Надо купить кольцо, почему я не подумала об этом сразу?

К счастью, кое-какие вещи, купленные в салоне, у нас были, и в комнате мы со Стеллой переоделись. Хозяева явно стремились сделать пребывание своих постояльцев комфортным и использовали для этого все доступные средства. Комнатка была убогой и бедной, но чистой и просторной. На столике стояла ваза со свежими полевыми цветами, а на стене – несколько простеньких картин, явно нарисованных непрофессионалом.

– Ну, – улыбнулась я Стелле, – что есть, тем и довольствуемся. Хочется верить, настанет время, когда мы сможем жить в приличном доме.

В дверь постучали. Хозяин принес ужин и несколько книжек для Стеллы. Поднос просто ломился от еды. Простой, но горячей и свежей. Там были пирог, паровые овощи, миска с ароматным бульоном, горка печенья и огромный кувшин морса. Стелла с жадностью накинулась на еду, да и я наелась до отвала.

– Будем читать?

Дочь покачала головой. У нее закрывались от усталости глаза.

– Тогда ложись. Завтра будет новый день. Он будет лучше.

Я долго не ложилась, всматриваясь в лес за окном. Хотелось дать волю эмоциям и разреветься, но это испугало бы Стеллу, поэтому я лишь мысленно скулила, сама не замечая, как ожесточенно тру запястье, еще хранящее тепло от прикосновений Райана. Ненавижу его! Каждый раз, как Райан Хефнер появляется в моей жизни, все идет наперекосяк!

Идти некуда, что происходит – непонятно. С домом связываться просто опасно. Вернуться? Можно подставить Стеллу под удар убийцы ее родных. Подвергнуть опасности Кортни. Здесь меня преследует Райан, но какие у него цели – неизвестно. Наверняка достать еще денег. А может, просто ностальгирует по старым временам, когда мог соблазнять молоденьких дочурок начальников. Сейчас небось Лавреско не дает увиваться за юными дурочками.

Неожиданно эта мысль меня развеселила. Настроение не сказать чтобы поднялось, но я смогла лечь в постель и постаралась хоть немного поспать. Однако не успела я провалиться в дремоту, как Стелла заворочалась и захныкала, проснувшись. А потом прижалась ко мне, то ли греясь, то ли пытаюсь найти защиту от кошмаров.

Я рассеянно погладила ее по голове. Вот уж кому приходится нелегко.

Она так и не уснула. И у меня не вышло, так что мы просто сидели на постели, рассматривая черное небо с мерцающими звездами в окне и поедая оставшееся с ужина печенье.

– Стелла, а ты знаешь, что я твоя мама? – вдруг вырвалось у меня.

Я не собиралась это спрашивать. Я вообще размышляла только о том, не связаться ли мне с Гербертом, раз события приобрели такой оттенок. И вдруг ляпнула, прежде чем успела подумать.

Стелла внимательно на меня посмотрела. Она, похоже, здесь была взрослой, а не я. Дочь медленно кивнула и вернулась взглядом к окну.

– А ты понимаешь, что это навсегда? Не в смысле эти отели, бега, а мы с тобой. Что теперь мы всегда будем вместе жить?

Стелла снова кивнула.

– Хорошо. Потому что я, если честно, не представляю, что делать. Когда все закончится, когда Герберт и законники найдут тех, кто... ты поняла. Наверное, вернемся в Хейзенвилль. Я хотела остаться в Даркфелле, но знаешь, я просто вредничала. В Хейзенвилле мы будем не одни. Там живет моя сестра, хоть она и порядочная стерва, она тебе понравится. А дядя, может, хоть немного заменит тебе отца. Он тоже неплохой. Мне бы хоть вполовину такого влюбленного парня. Ох, Стелла, я надеюсь, они уже их поймали и мы сможем вернуться. Иначе Райан нас достанет. Тебе нравилось в школе?

Она помедлила, прежде чем ответить. Но потом все же покачала головой, хоть и с некоторой долей неуверенности.

– Мне тоже. Но придется в нее вернуться. Впрочем, теперь ты пойдешь в частную. Кортни говорила, в тебе есть магия. У нее чуйка на такие вещи. Ладно, ложись спать. Скоро рассвет, поедем с первым экипажем.

Я собиралась еще немного посидеть и обдумать как следует план. Но Стелла сунула мне в руки блокнот, где по-детски неумело была нарисована собака.

– Хочешь щенка? – хмыкнула я.

Стелла вздохнула.

– Я тоже. Купим, как вернемся. Надеюсь, Кортни разрешит. Подумать только! Теперь мне придется спрашивать разрешение у младшей сестры. Но, думаю, вместе мы своего добьемся. И у нас будет собака, беседка в саду и большая-пребольшая ванна.

И у нас все будет хорошо и без Райана.

* * *

Наутро мы спустились вниз до завтрака, когда постояльцы (если они здесь и были) еще мирно спали в своих номерах. Но уже рассвело, и на городскую площадь наверняка стянулись первые экипажи. Я хотела успеть раньше всех, потому что в городках, подобных этому, всегда есть риск опоздать и застрять еще на сутки.

Стелла, конечно, не выспалась, а я чувствовала, что готова убивать. Прошла ночь, прошла и тоска. Сейчас идея связаться с Гербертом и вернуться домой казалась мне не очень здоровой.

Во-первых, вестей от него не было. Не прошло даже недели, по истечении которой мы должны связаться. Герберт наверняка уже знал, что случилось с хозяевами арендованного дома.

Во-вторых...

– Мэм?

Я очнулась от размышлений, поняв, что распорядитель что-то мне говорит.

– Простите, что?

– Я спрашиваю, не нужна ли вам помощь. Вы выглядите... потерянной. Я могу связаться с приятелем, он живет неподалеку от города. Они с женой вас приютят за обычную помощь по хозяйству.

– Спасибо, – улыбнулась я, чувствуя как немного, но становится легче. – Но я думаю, мы справимся.

Стелла, до сих пор не реагирующая на внешние раздражители, коснулась моей руки.

– Что? – удивилась я.

Удивительно, но я почти всегда понимала ее без слов. Хотелось верить, что это тот самый материнский инстинкт, но Герберт сказал бы

– опыт принятия зачетов у слаборазвитых студентов. Порой вместо ответа на билет они мычали ничуть не понятнее Стеллы.

– Хочешь согласиться?

Стелла кивнула. Она чувствовала то же, что и я: распорядитель вызывал доверие. Но жить у незнакомого мужчины? Слишком беспечно, слишком опасно. Но не опаснее ли продолжать бегать? Однажды может не повезти, и вместо участливого хозяина гостиницы попадется кто-то вроде Райана или Лавреско.

– Ладно, – наконец с сомнением произнесла я. – Давай попробуем.

– Умная у вас девочка, – добродушно улыбнулся мужчина, разумеется, слышавший наш разговор. – Поезжайте. Бернар – хороший человек. Он позволит вам жить столько, сколько нужно. Подождите несколько минут, я черкну для него пару строк.

– Спасибо, – искренне сказала я и задумалась: дать монету? Или не стоит...

Но принять решение не успела.

Распорядитель вдруг коротко вздохнул и замер, а во взгляде черных глаз появился животный ужас. Я открыла было рот спросить, в чем дело, и в тот же миг у него носом пошла кровь, а белки глаз стремительно покраснели. Он рухнул за считанные секунды, пока я стояла, шокированная и перепуганная до полусмерти.

– Кайла, из-за тебя страдают невинные люди, – услышала я.

Стелла отступила за мою спину. Вряд ли она успела понять, что произошло. И Вероника Лавреско ее не пугала. А вот меня – да. Я чувствовала себя последней идиоткой на свете. Как можно было, имея за спиной десятки поколений магов и опыт преподавания, не узнать в ней менталиста?

Словно отвечая на мой вопрос, Вероника улыбнулась:

– Мы умеем скрывать свой дар. Иначе давно были бы мертвы. Я была близка к Стелле, но твой поверенный все испортил. Кайла, я не хочу тебя убивать. Отдай девочку, и сможешь уйти.

Лавреско изменилась в лице, когда я вытащила из кармана руку. Револьвер смотрел ей в лицо. Я почувствовала, как вздрогнула Стелла и крепче прижалась ко мне. Надеюсь, она не перепугается настолько, чтобы сделать какую-то глупость.

– Давай проверим, – процедила я, – что случится быстрее: ты вскипятишь мне мозги или мой бронзовый друг сделает дырку в

твоих?

Аргумент оказался достаточно убедительный, чтобы Лавреско замерла и чуть приглушила магию, отголоски которой я ощущала. Она вызывала панику, не имеющую ничего общего с разумным страхом смерти. Ментальная магия воздействует на сознание, она – самая мощная сила в магической парадигме нашего мира. Обычно жертва даже не понимает, что происходит. Доли секунды она испытывает животный ужас, еще с полминуты – адскую боль.

– К стене, – скомандовала я. – Руки на виду. Шевельнешься – выстрелю. Мне терять нечего, Вероника.

– Ты не убийца. Ты не выстрелишь.

– Ты в этом не уверена. – Я усмехнулась, подтолкнула Стеллу к выходу и осторожно продвинулась сама. – В моей семье много талантов.

– Я убью всех в этом доме. – Лицо Вероники исказилось, она кипела от злобы и бессилия. Но в глубине души все же знала, что я выстрелю. Человек, загнанный в угол, опаснее любого сильного мага. – Каждого постояльца.

– Мне плевать, – покачала головой я.

Стелла уже была снаружи. Мне пришел бы конец, приди Вероника с Райаном или еще кем-то, но, к счастью, она была одна и снаружи нас никто не поджидал. Я ощутила дуновение прохладного ветра и что было силы захлопнула дверь.

Мы снова сбежали. И снова поймали экипаж, понятия не имея, где окажемся к вечеру.

– Я плачу двадцать золотых, если довезете до Рейвенвуда, – сказала я, забираясь в карету.

Хватит с меня! Мы вернемся в Рейвенвуд, сядем на поезд до Даркфелла, затем возьмем экипаж до Хейзенвилля, где запремся в Кордеро-холле до тех пор, пока дрянь Лавреско не посадят!

Мы тут же тронулись. Стелла забралась с ногами на скамейку и прижалась ко мне, дрожа от страха. Ее тоже потрясла встреча с Вероникой. Очевидно, Лавреско была одной из тех, кто вломился в дом Белами. Стелла не видела нападавших, но сейчас наверняка все поняла.

Я не чувствовала себя в безопасности. Хотелось следить за дорогой, чтобы убедиться, что Вероника не последовала за нами. Но

Стелла перепугалась бы еще больше, думая, что нас преследуют. Пришлось ее успокаивать. Я делала это неуклюже, не представляя, как надо утешать маленькую девочку.

И, как назло, не удавалось вспомнить, как утешали в детстве меня. Мама умерла, когда я была маленькой. Даже в день ее смерти единственное, что я слышала от отца, было: «Кайла, подбери сопли и угомони Кортни! Когда она перестанет реветь?» И потом... детские травмы и ушибы, первые разочарования, ссоры с друзьями. Предательство Райана, тяжелая беременность, роды, едва не ставшие для меня последними часами жизни.

«Ты чуть меня не опозорила».

– Не плачь, – слабо улыбнулась я. – Она нас не достанет.

Когда Стелла задремала, я привела себя в порядок, убрав растрепавшиеся волосы и подкрасив губы. Нельзя привлекать внимание. Нужно во что бы то ни стало рассказать Герберту, что Лавреско – менталистка, убившая семью Стеллы.

Мы въехали в Рейвенвуд в самый час пик, когда экипажам приходилось с трудом маневрировать на людных улицах. Дорога по городу заняла едва ли меньше часа, но наконец мы остановились у станции, и пришлось разбудить Стеллу. Наверняка она ужасно хотела есть, но мне не хотелось задерживаться.

Мы вылезли из экипажа, и нас тут же оттеснила от него толпа: народ даже начал торговаться за право уехать.

– Извините, – обратилась ко мне какая-то женщина в длинном зеленом платье, – вы – Кайла Кордеро?

– Что? – моргнула я, ощущая, как сердце пропустило удар.

– Вам просили передать.

Я инстинктивно взяла у нее из рук конверт, в котором узнала очередное послание «К».

– Как вы меня узнали?! – крикнула я вслед незнакомке.

– У нее просто был ваш портрет! – последовал ответ.

Пока я распечатывала конверт, руки немного тряслись. Меня преследовало ощущение непрерывного наблюдения. Казалось, десятки глаз следят за каждым моим вздохом. «К» может быть кем угодно. Пожилой дамой, выгуливающей милую лохматую собаку на поводке.

Солидным джентльменом, увлеченным газетой на скамейке. Молодым торговцем газетными листками. Кем угодно... И он за мной следит.

«Признаться, я тебя недооценивала. Что ж, в следующий раз пусть эту пулю, детка. Хочешь знать, на чьей я стороне? Поверь, она тоже. Поезд уже отрезан людьми Лавреско. Подумай, где сможешь спрятаться. И кому сможешь верить... Желающая тебе выжить, К.»

Я сжала письмо в кулаке и едва не взвыла от отчаяния. Я слишком предсказуема. Конечно, они уже здесь. Конечно, ждут нас у поезда.

Но можно ли доверять «К»? Год назад сестра во время болезни писала нам угрожающие анонимные письма, и, естественно, повторение той истории – мой излюбленный кошмар. Но Ким в лечебнице. Она не узнает никого из родных и вряд ли помнит свое имя, она не способна мучить меня, преследуя через всю страну. Эта «К» не угрожает и не запугивает, она словно... предостерегает?

– Хорошо. Мы не пойдем на поезд. Давай уберемся как можно дальше отсюда, а потом решим, что делать потом.

Нельзя рисковать Стеллой. Нельзя позволить Лавреско до нее добраться.

«Что им нужно?» – написала Стелла в блокноте, когда мы сели в небольшой кофейне, чтобы передохнуть и перекусить.

Я покачала головой.

– Не знаю, детка. Не знаю. Веронике что-то было нужно в вашем доме. Может, она думает, что нужная информация есть у тебя.

«Тот мужчина с ней заодно?»

– И на этот вопрос у меня нет ответа.

А здесь я лукавила. Райан – ее муж, неужели он не в курсе делишек супруги? Мысль, что он убийца, казалась невыносимой. Где-то внутри очень болело, потому что... да, я ненавидела его, злилась за то, что он использовал мою влюбленность, обманул отца, оставил меня наедине с кошмаром. Но я никогда не считала его монстром. И неужели ошибалась? Неужели Райан, тот самый Райан, что обещал увезти меня к теплему морю, способен убить ребенка?

Тем временем смеркалось. Я то и дело осторожно выглядывала в окно, чтобы убедиться, что нас не нашли. Стелла с аппетитом уплетала

горячий финиковый пирог, а я пила третью чашку кофе и чувствовала, как невыносимо болит голова.

Нужно как-то сбежать. Если до Даркфелла нельзя доехать на поезде, значит, нужно найти экипаж. Только вот искать его рискованно: станция наверняка кишит людьми Лавреско. Сбежать будет непросто.

Стелла на пределе возможностей. Она отлично держится, но невозможно не заметить, как ей страшно и тяжело. Ей нужно безопасное место. Нужен дом. Мне, как оказалось, тоже.

В юности я частенько мечтала, как сбегу, оборвав все связи, отправлюсь путешествовать. Реальность оказалась жестче самой смелой фантазии.

– Нужно искать место, где мы сможем переночевать. Потерпи еще немного. Я обязательно что-нибудь придумаю.

Стелла послушно кивнула. Некапризная, послушная и немного напуганная – такой была Стелла постоянно. Честно сказать, иногда мне было стыдно, что я представляла себе истеричного подростка. Что ж, может, все впереди?

Пока Стелла рисовала в своем блокноте, я пыталась придумать, что делать. Пока мы были в кофейне, на людях, вряд ли нам что-то угрожало. Менталисты сильны, но даже они не станут нападать при свидетелях. Во всяком случае, при тех, кого не смогут убрать. Но мы ведь не можем просидеть здесь всю ночь, кафе закроется – и ночные улицы превратятся в охотничьи уголья Вероники.

Попросить помощи? Идти в управление стражи, просить связаться с Гербертом? Меня наверняка ищут, Лавреско не упустит случая подключить связи. Если нас со Стеллой разлучат... Нет, нужно как-то затеряться, смешаться с толпой, переждать несколько дней. Может, снова попробовать ту гостиницу, куда нас не пустили в самом начале? Сейчас мы выйдем благонадежнее некуда.

Но я не успела обдумать эту мысль.

Звякнул колокольчик на двери. Я нервно обернулась, но, увидев вошедших, выдохнула. Мне понадобились доли секунды, чтобы понять – визитеры не обладают ментальной магией. Стальные тиски на сердце немного ослабли. Просто трое мужчин зашли выпить кофе.

Они подошли к разносчице и завели негромкий разговор. Она не спешила провожать их к столику и предлагать меню, и я снова

напряглась. Чувство надвигающихся неприятностей усилилось. Чашка в руке задрожала.

– Стелла, идем, нужно снять номер...

– Кайла Кордеро?

Я с силой сжала револьвер в кармане.

– Боюсь, вы ошиблись, господа. Мы с дочкой спешим, за нами уже приехал мой муж.

– Не думаю, что мы ошиблись. – Один из мужчин медленно извлек из кармана пальто удостоверение. – Управление стражи. Кайла Кордеро, я вынужден вас арестовать за похищение Стеллы Белами.

– Нет... – Чашка все же выскользнула из ослабевших пальцев.

На моем запястье антимагический браслет сомкнулся быстрее, чем я осознала реальность происходящего.

– Подождите, я ее опекун, вы не можете!..

– Миледи, все беседы в управлении, хорошо? Не будем пугать других посетителей. Я вас уверяю, если это ошибка – мы принесем личные и искренние извинения.

– Вы не понимаете! Ее семью убили, за Стеллой охотится какой-то псих! Слушайте, я...

Стражник наклонился к моему уху:

– Миледи, все в участке. Если вы говорите правду, публичное выяснение обстоятельств только усугубит ситуацию.

– Что вы собираетесь делать со Стеллой?

Его напарник тем временем помог Стелле выйти из-за стола. При виде ее затравленного, полного страха взгляда я почувствовала одновременно жалость, стыд и ярость.

– Да вы же ее перепугаете! – в отчаянии воскликнула я. – У нее никого нет! У вас нет права меня арестовывать. Покажите клеймо! – потребовала я таким тоном, что у стражника и мысли не возникло ослушаться. – Немедленно!

Вступить в ряды стражников можно было один раз в жизни. Навсегда. Насколько я знала, обучение в корпусе стражи довольно суровое и тяжелое. Даже в природную магию стражников вживлялась чужеродная, что позволяло им связываться друг с другом и отбрасывать в нужные моменты эмоции. Каждый, от рядового патрульного до детектива, носил на запястье клеймо, подделать

которое было чертовски сложно. Если эти якобы стражи – маскарад Вероники и Райана, то клейма не будет.

Но стражник без вопросов стащил с руки перчатку. Немного, но я успокоилась. Правосудие в королевстве – сложное явление, но оно безжалостно ко всем сторонам. Сразу Стеллу никому не отдадут, а уж после моих показаний тем более. Отправиться в приют при управлении стражи, конечно, мало приятного, но там хотя бы есть охрана. Хорошая охрана.

– Откуда вы узнали, что я здесь?

– Портретами Стеллы Белами увешан весь город. Одна из посетительниц узнала вас и сообщила страже.

Я дернулась, когда поняла, что нас со Стеллой собираются усадить в разные экипажи. Ее в гражданский, меня – в бронированный, с решетками на окнах и с вооруженным конвоем.

– Погодите! Девочку нужно защитить! Ее семью убили, я сбежала не потому, что хотела ее похитить, а чтобы защитить! Вероника Лавреско напала на нас, она убила хозяина гостиницы, где мы остановились, вы можете проверить! Нельзя оставлять Стеллу без защиты! Она не разговаривает, она напугана!

Нехотя – он явно мне не верил – стражник кивнул товарищам, и двое из них направились к экипажу для Стеллы.

– Если Вероника Лавреско...

– Я услышал вас, леди Кордеро, девочке будет предоставлена дополнительная охрана. Теперь вы, наконец, перестанете позорить память вашего отца и поедете в управление?

Я скривилась, но послушалась. На миг вдруг показалось, что папа дотянулся до меня из могилы.

Рассматривая через зарешеченное окно темные улицы Рейвенвуда, я мрачно думала о том, что от охраны нет никакого толка, пока Вероника находится внутри системы. В понимании стражи злодей – это некто извне, коварный убийца, высматривающий жертв в темных переулках. Вероника же не вызывающая ровным счетом никаких подозрений сотрудница управления по надзору за детьми.

Чушь какая-то. Зачем вообще Вероника и ее дружки убили семью Стеллы? Что искали в их доме или за что мстили? Зачем так раскрывать себя, охотясь за нами, если можно просто подождать, когда

все уляжется, и тихонько всех устранить? Они наверняка уже выяснили, что Стелла не свидетель.

Или их цель не только Стелла?

Если принять, что Райан недалеко ушел от своей супруги, то что он забыл в библиотеке Даркфелла? Как с этим связаны записки «К»?

Ощущение, что кто-то продал мне пазл, в котором заботливо заранее потерял кучу деталек. И вместо полной картины у меня криво собранные куски.

Солгу, если скажу, что не ждала увидеть в управлении Веронику, но, на удивление, ее там не оказалось.

В кабинете начальника стражи, куда меня привезли, не было магического света. Это первое, что бросилось мне в глаза, и то, о чем я не могла перестать думать. В Рейвенвуде что, совсем нет денег? Мерцание свечи убаюкивало. Сколько я просидела здесь, прежде чем у меня начали брать показания, – не знаю, но от неудобного стула страшно ныла шея, а от антимагических браслетов – запястья.

– В них нет никакого смысла. У меня нет активной магии. Поэтому я и ношу с собой револьвер.

– Да, мы нашли его в ваших вещах. Сейчас детективы проверяют ваше оружие.

– А когда ваши детективы проверят мои показания? Стелле грозит опасность! Вероника Лавреско охотится за ней и, вероятнее всего, была среди тех, кто убил родителей девочки. Я пыталась ее спасти, и если бы за нами по всей стране не бегали менталисты, то мне бы не пришлось скрываться!

Я замолчала, чувствуя, что вот-вот взорвусь.

– Вы меня вообще слушаете?!

Начальник стражи словно очнулся и вяло кивнул. Готова поспорить, он не уловил ни единого слова из всего, что я сказала. Допрос оказался какой-то фикцией. И чем дольше она длилась, тем стремительнее я выходила из себя. Взгляд этого грузного мужчины был направлен куда-то в кипу бумаг на столе.

– У вас там что, портреты голых баб?! – От негодования у меня даже дрожал голос.

– Что, простите?

– Вы так увлечены своими бумагами, что не слышите ни слова. Вы вообще собираетесь хоть что-то делать?

– Леди Кордеро, – он вздохнул и откинулся на спинку кресла, – вы умная девушка. Вы должны понимать, что ваше положение... мягко говоря, незавидное. И чем больше вы врете, тем хуже делаете себе.

– Вру? Я вру? И в чем же, позвольте поинтересоваться?

– Ну, – начальник стражи задумчиво пожевал верхнюю губу, – вы утверждаете, что некоторая леди Лаваресто...

– Лавреско.

– Неважно. Так вот, эта самая леди виновна в гибели родителей девочки и сейчас охотится за самой девочкой. Подумайте сами, зачем леди Лаваресто отдавать вам в таком случае ребенка?

– Я не знаю. Я не понимаю, что происходит, и лишь рассказываю о том, что видела собственными глазами. По-моему, разобраться в мотивах и планах Лавреско – ваша задача, а не моя.

– Да нет, милая девушка, моя задача – привлечь к ответственности преступника. То есть вас. Вы обвиняетесь в похищении Стеллы Белами. Учитывая эпизод годичной давности... с братом Стеллы Белами, я не удивлен.

– Это была моя сестра. Она похитила ребенка, чтобы досадить мне. И тогда все решилось без обвинений. А сейчас...

– А сейчас, – отрезал начальник стражи, – вы отправитесь в камеру, где проведете несколько дней. Потом вас переправят в Хейзенвилль и будут судить. Говорят, леди Кордеро, в вашем родном городе не очень любят тех, кто нарушает права детей.

– Что ж, – холодно произнесла я, – свяжитесь с моим адвокатом Гербертом Уолдером. И будьте уверены, жалоба на вас как на лицо, представляющее закон, будет незамедлительно передана верховному судье.

Я ожидала чего угодно, но только не смеха. Мужчина расхохотался, причем так искренне и с удовольствием, словно я рассказала смешной анекдот, а не пригрозила разрушить его карьеру.

– Адвокат, милочка, у вас будет, когда окажетесь в родной тюрьме. Непривычно, когда вам не целуют туфельки, лишь услышав знаменитую фамилию, да? Будете сидеть тихо и радоваться, что я всего лишь закрыл вас в камере, а не пригласил на допрос пару крепких ребят, которые очень любят допрашивать таких стерв, как вы. Ясно выражаюсь?

– Вы можете пригласить на допрос кого угодно, хоть самого короля, – усмехнулась я, поднявшись. – Но у моей семьи длинные руки.

– Что-то эти руки, вместо того чтобы защитить вас, как полагается по закону, сделали преступницей и отправили в бега. Может, вы не так уж и нужны своей семье, Кайла?

Он махнул рукой, и двое стражников осторожно, но настойчиво повели меня к выходу.

Казалось, что в этой тюрьме я была единственной заключенной – такая стояла в коридорах тишина. За мной захлопнулась массивная дверь камеры и громко щелкнул замок. Хватило нескольких секунд, чтобы осмотреться.

– Да, это определенно наказание богов за насмешки над дешевыми отелями.

Одиночная камера с небольшой койкой у стены производила гнетущее впечатление. Тонкое одеяло и потертая, выдавшая виды подушка на узкой твердой скамье лишь отдаленно напоминали постель. Умывальник не работал, зато с потолка капала вода.

Я с тоской посмотрела в закрытое решеткой окно, где было видно лишь тусклое темно-синее небо. И села на койку, вздрогнув от пробирающего холода.

Итак, начальник стражи беззастенчиво мне угрожал. При этом он явно слышал о Кордеро и совсем не боялся, что от такого отношения ко мне неизбежно наступят последствия. Я знаю, о чем говорю, меня уже арестовывали за похищение ребенка. Но тогда детектив, что вел дело, находился меж двух огней и, хоть открыто ненавидел мою семью, почти не переступал границу.

Я невесело рассмеялась. Ким бы понравилось происходящее. Если бы я не была уверена, что сестра до конца жизни заперта в психушке, я бы ни на секунду не засомневалась в том, что за Лавреско стоит именно Ким.

Но это невозможно.

Впрочем... Ким – талантливый манипулятор, ментальный маг и одержимая ненавистью стерва. Могла ли она обвести всех вокруг пальца, притворившись безумной, измученной и не представляющей угрозы пациенткой лекарского дома?

Трижды да!

Но есть и еще одна версия. Начальнику стражи покровительствует кто-то как минимум такой же могущественный, как Кордеро. Честно сказать, я никогда не интересовалась, с кем отец вел дела. Но наивно полагать, что у него не было врагов. Когда-то род Кордеро был могущественным, огромным, когда-то особняк в Хейзенвилле был нам мал. После смерти мамы все пошло наперекосяк. Я и Кортни – жалкие крохи некогда великой семьи, но у нас все еще есть деньги, власть и союзники. А значит, есть и враги. Кто-то из них вполне мог воспользоваться подвернувшимся случаем.

Стелла напугана, это точно. Скорее всего, ее увезли в приют при управлении стражи. Какое-то время, может, пару дней, ее никому не отдадут. Но потом – я была в этом уверена – Лавреско добьется своего. Надо отсюда выбираться!

Но, естественно, идей не было ровным счетом никаких. Я так устала, что мысли в голове путались. Я думала, что прилягу лишь на минутку, и сама не заметила, как уснула. И что странно – крепко, без снов.

Сколько прошло времени, не знаю, но вряд ли слишком много – за окном еще даже не начался рассвет.

Скрип двери в камере заставил меня поднять голову с койки. Сквозь крохотное окошко с решеткой помещение освещала луна. Холодно.

Вдруг вспыхнул свет, я прищурилась и закрыла глаза ладонью, но успела заметить силуэт в дверном проеме. Потом свет погас, и дверь с лязгом закрылась.

Я почувствовала терпкий, с цитрусовыми нотками запах. И безошибочно определила, кто мой ночной визитер: порой этот запах я ощущала не то в кошмарах, не то в других, более личных снах. Я не произнесла ни слова. С Райаном Хефнером всегда было так: лучше молчать и ждать, пока заговорит сам. Любое слово он мог обратить против меня же. Еще тогда, двенадцать лет назад, в его присутствии я немного терялась.

Райан рассматривал меня так, словно впервые видел. Рассматривал долго, размышляя о чем-то своем. Его тяжелый взгляд не предвещал ничего хорошего, и... я немного жалела о том спектакле, что устроила в библиотеке. Нет, конечно, он ничего не забыл.

Терпеливо ждал, когда представится случай отомстить. Работал ли он с Вероникой? Знал ли, что представляет собой его жена?

Мне хотелось верить, что нет. В глубине души я все еще надеялась, что Райан – тот, кем я его считала. Но, похоже, он таким не был даже во время нашего романа. Я придумала себе идеального мужчину и до последнего не верила ни в то, что он предал отца, ни в то, что связался с убийцами. Быть может, будь я умнее, Стелла сейчас была бы рядом, а меня окружали бы не холодные стены тюремной камеры.

– Ты совсем не изменилась, Кайли, – усмехнулся Райан.

Он пересек камеру и сел у меня в ногах. Я инстинктивно отодвинулась от него подальше.

– Хотя, может, я и не прав. Ты стала осторожнее. Чуть-чуть умнее. Хитрее. Признаю, я тебя недооценил.

– Да, я тебя тоже. – Мой голос дрожал, но оставался холодным, в нем явственно мелькали нотки презрения. – Мне казалось, у тебя вкус лучше. Взять в жены Лавреско мог только конченный идиот.

– Вероника – своеобразная женщина. Но в чем-то ты права. Я был идиотом, что променял тебя на нее. Готов, – его губы тронула усмешка, – исправиться.

– Не надейся, Райан! Ты сможешь ко мне прикоснуться лишь в случае, если я буду мертва.

– Ну зачем же так радикально, Кайли? Мы ведь взрослые люди. Есть более... простые способы сделать тебя послушной девочкой. Для начала хочу сказать тебе, что я могу в два счета тебя отсюда вытащить. Просто представь: никакой камеры, жесткой койки. Номер элитного отеля, белые простыни, кофе в постель от приветливого персонала. Тебе должен понравиться один местный гостиничный комплекс. Он намного приличнее тех, где ты жила, пытаясь от меня сбежать.

– Мне и здесь неплохо. Можешь засунуть...

Райан прервал меня коротким жестом.

– И второе – Стелла. Девочка тебе нужна. Девочка у моих людей. Вы сможете встретиться, лишь если я вытащу тебя отсюда. Решай, Кайла.

– Что решать? – От волнения у меня пересохло горло. Глаза Райана опасно блеснули, и мелькнуло нехорошее подозрение: может, он пьян?

– Насколько сильно ты хочешь снова встретиться со своей очаровательной приемной дочуркой. Я предлагаю тебе выйти из этой камеры, поселиться в роскошном отеле вместе с девочкой и помочь мне в моем расследовании. А взамен... я хочу тебя. Здесь, сейчас.

– О, полагаю это будет очень быстро, – сказала я прежде, чем успела подумать.

Райан сделал одно стремительное движение. Я оказалась прижата к стене и каждой частичкой ощутила холод, исходящий от нее. Райан впился в мои губы, и поцелуй больше напоминал укус. Но сколько воспоминаний он породил! От одного прикосновения, пусть и намеренно грубого, я на время снова стала семнадцатилетней дурочкой, понятия не имеющей, что такое настоящее влечение. Рядом с Райаном сложно было быть другой.

Сейчас я была ошеломлена. Устала от погони, от бесконечных и бесплодных попыток собрать воедино все кусочки мозаики. И на сопротивление не хватило сил, а потом, когда напор ослаб и жестокость постепенно превратилась в настоящий поцелуй, я сдалась. Не стала противиться, когда его руки начали расстегивать рубашку, позволила обнажить плечи и поежилась от холодного ветерка, коснувшегося кожи.

Райан распустил мою косу, медленно, одну за другой, вынимая шпильки. Самодовольство на его лице заставляло меня вскипеть от злости! Но я молчала, сосредоточившись на другом. На ощущениях. Он, несомненно, обладал огромным опытом и... желанием.

Еще пару минут назад койка казалась мне узкой и твердой, а теперь я даже ничего не почувствовала. Весь мир сосредоточился на Райане. Я этого не хотела! Но воспоминания вкупе с желанием почувствовать что-то кроме страха сделали свое дело.

Он расстегнул рубашку. Мой взгляд скользнул по рельефному торсу, к ремню брюк. Райан криво усмехнулся и наклонился, удерживая вес тела на руках.

И вдруг рассмеялся.

Не подчеркнуто торжествуя, сексуально, а так, словно я вырядилась цирковым шутком и станцевала неказистый танец.

– Что тебя так веселит? – Несмотря на попытку придать голосу холодность, он дрожал.

– Ты серьезно готова была спать со мной прямо здесь? За то, что я выпущу тебя из камеры? Ох, Кайла, все же умнее ты не стала. Как и порядочнее. Не удивлен, что ты до сих пор не замужем, но, честно сказать, все эти годы я надеялся в тебе ошибиться. Но ты все так же ведешься на красивых парней. Разве что парни стали постарше. Или нет? Сколько твоих студентов сдавали зачет в твоей постели?

Райан поднялся и небрежными движениями начал застегивать рубашку.

– Не волнуйся, Кайла, я человек слова. Я выпущу тебя, но лишь при том условии, что ты остановишься в отеле, где я скажу. И какое-то время будешь делать то, что я скажу. Не волнуйся. Это не связано с постелью. Мне нравятся более... недоступные девушки.

Мерзкая горечь не то обиды, не то разочарования явно отразилась у меня на лице, и Райан это заметил. Но почему-то предпочел промолчать, лишь усмешка не сходила с его лица все время, что он приводил себя в порядок. Я опомнилась только через несколько минут и наглухо застегнула все пуговицы. С разворошенной косой вот только уже ничего нельзя было сделать. Поэтому я просто распустила волосы.

– Поднимайся, – скомандовал Райан. – У меня не так много времени. И я еще мечтал поспать хоть пару часов.

Это чем же он таким занимается, что почти не спит. Выслеживает бывшую любовницу?

– Я хочу увидеть Стеллу. Иначе я никуда с тобой не пойду.

Он тихо выругался.

– Нет, Кайла, условия здесь ставлю я, понятно? Ты пойдешь со мной в отель и будешь вести себя как послушная девочка. А потом поговорим о том, когда ты увидишь свою приемную дочурку.

А он и правда не знает, что Стелла его дочь. Как и то, что она моя. Тогда еще интереснее: почему Райан не спрашивает, зачем я взяла над ней опеку? Что вообще происходит?

Мы вернулись в тот же кабинет, где меня допрашивали. Кресло начальника стражи пустовало.

– Жди меня здесь, – последовал новый приказ.

Страж у дверей стоял не шевелясь, как изваяние, делая вид, что нас не замечает.

Когда Райан ушел, от волнения я принялась бродить туда-сюда по кабинету.

Дело не в Стелле. Во всяком случае, для Райана она представляла интерес лишь как инструмент шантажа. Ему нужна была я, но для чего? Как вообще возможно, что, будучи супругами, Райан и Вероника действовали независимо друг от друга, при этом охотились на нас?

Кажется, я скоро сойду с ума и присоединюсь к Ким в лечебнице.

Дверь скрипнула, и я обернулась. Но вместо Райана в кабинет вошел стражник. Без слов он протянул мне конверт.

– Что это?

Интуиция подсказывала, что брать его не стоит, но взгляд уже различил ажурную «К», и я не выдержала. Так же невозмутимо страж вернулся на пост, и лишь когда все звуки стихли, я быстро сорвала сургучную печать.

На этот раз в конверте было не только письмо, но и что-то довольно тяжелое. Сердце забилося быстрее. Я достала сначала записку.

«Некоторым мужчинам не стоит оставлять наследников, ты со мной согласна? Он забрал то, что ему не принадлежит. И я помогу тебе это найти. Используй то, что я даю, с умом. Твоя К., с надеждой на воссоединение семьи».

После таких писем меня всегда пробирал холод. После этого письма – особенно. «С надеждой на воссоединение семьи...» Что «К» имела в виду? Она надеется, что я верну Стеллу? Или «К» действительно значит «Кордеро» и письма пишет кто-то из моих близких... или не очень?

Помимо записки я нашла кусок карты с обведенным красными чернилами домом. Карта выглядела потрепанной, словно кто-то долго носил ее в сумке и в дождь, и в пекло, но названия улиц худо-бедно угадывались. Не было никаких сомнений: это адрес, где держат Стеллу. На обороте я прочла надпись «Внутри всего лишь няня», выведенную тем же почерком, что и письмо.

Тяжелым предметом в конверте оказался небольшой – размером с мою ладонь, – остро заточенный нож с бронзовой, инкрустированной рубинами рукоятью. Я едва коснулась острия подушечкой пальца, но на ней тут же выступила капля алой крови.

За дверью послышался голос Райана, и я быстро спрятала и письмо, и нож в карман.

– Идем, – бросил Райан. – Ты свободна. Относительно, конечно. Обвинения не сняты. Но зато ты не в камере. Или ты считаешь иначе? Вряд ли, раз готова была со мной спать, чтобы выйти.

Злость затуманила рассудок, поднялась внутри ядовитой змеей, и я перестала думать о последствиях и рисках. «К» помогла мне уже несколько раз, похоже, хотела помочь и в этот. Какие бы ни были у нее цели, пока что они совпадают с моими. У меня есть адрес, где держат Стеллу, и, по словам «К», там только няня. Нужно сбежать от Райана, забрать дочь и уехать. С остальным разберемся позже.

Мы вышли на улицу. От прохладного ночного воздуха в голове немного прояснилось. Я крепко сжала в кармане рукоятку ножа. Мы вышли из здания и свернули куда-то во дворы. Может, Райана там ждал экипаж, а может, он решил пройтись до отеля пешком. С каждым шагом я чувствовала, как решимость тает все стремительнее.

– Что тебе нужно, Райан? Для чего тебе я?

– Так. Одно незаконченное дело.

– Что за дело?

– Узнаешь, когда придет время.

– А если я хочу знать сейчас? И никуда не пойду, пока ты не объяснишь?

Он остановился и медленно повернулся.

– Тогда я свяжусь с Вероникой и расскажу, что тебя арестовали.

Кажется, Райан пожалел о том, что сказал, в ту же секунду, но меня уже окатило ледяной волной ужаса. И одновременно с этим – ярости. Я даже не знала, что можно так ненавидеть. До темноты перед глазами, до страшного желания причинить боль, уничтожить на месте.

Этот человек угрожал маленькому ребенку. Моему ребенку. Нашему. Как я могла любить его так сильно?!

Я была уверенно и довольно умело. Папа не поощрял занятия с оружием, но Герберт иногда брал нас с Кортни на охоту. Думаю, он делал это только ради того, чтобы подобраться ближе к ней, но сейчас я мысленно поблагодарила его за уроки.

– Ты сам в этом виноват, Райан, – сквозь зубы произнесла я.

– Сука! – прорычал он, пытаясь достать меня огненным всполохом.

Но от боли и злости не смог как следует сконцентрироваться и промахнулся.

Он терял сознание, стремительно и неотвратно, а я почему-то просто стояла и смотрела. По моей руке бежали капли его крови. Буквально через полминуты Райан почти не шевелился и тяжело дышал.

Горло снова сжала невидимая рука. Я оцепенела, неспособная пошевелиться, шокированная тем, что только что натворила. Испытывая почти физическую боль, я вдруг поняла, что Райан был едва ли не единственным человеком, которого я когда-то любила. Теперь он умирал от моей руки, и ничего светлого в воспоминаниях просто не осталось.

Потом я очнулась.

– Я пришлю кого-нибудь тебе на помощь.

Надо было уходить. Прочь, как можно дальше от этого места! Найти Стеллу и попытаться добраться до Хейзенвилля. Дело приняло крайне неприятный оборот, и без помощи семьи теперь не обойтись.

Мысленно я беспрестанно повторяла адрес, данный «К». Как только найдется свободный экипаж, сразу поеду за Стеллой! Заберу ее, отправлю письмо Герберту – и уеду как можно дальше. Даже если дорога до Хейзенвилля будет стоить мне все состояние, я уеду!

Но Райан за это время мог умереть. И как я ни убеждала себя в том, что била несильно и вряд ли задела жизненно важные органы, в памяти невольно всплывали картинки из далекого, кажущегося сном прошлого. Его улыбка. Искренний смех. То, с какой теплотой в голосе он тянул мое имя.

«Ка-а-айли...»

Экипаж обнаружился на первой же освещенной улице возле небольшого ресторанчика, увитого плющом. Должно быть, ждал припозднившихся клиентов.

– Извините! Пожалуйста, мне нужно на Риггинс-лейн, двадцать четыре. Я заберу дочь, а потом мы должны отправиться в Даркфелл. Если вы мне поможете, я заплачу вам тысячу золотом. Пожалуйста!

Он кивнул. Я сразу же бросилась к дверце, но, распахнув ее, вспомнила, что все мои деньги и вещи остались в управлении стражи.

У Райана достать хоть несколько монет я не догадалась.

А меж тем в карете уже был клиент. Пожилой худощавый мужчина в явно дорогом, пошитом на заказ черном костюме. Он отчего-то ничуть мне не удивился, лишь его глаза как-то странно блеснули. Я отступила на шаг, намереваясь извиниться и закрыть дверцу, но уперлась спиной в широкую грудь кучера.

– Садитесь, леди Кордеро, – вдруг произнес мужчина в карете. – И для начала расскажите, где Райан. С моим сыном все в порядке?

Глава 5

За окном полыхнул в последний раз закат, и солнце медленно скрылось. Только тогда я нашла в себе силы сойти с места. В голове была какая-то странная пустота.

Раздался стук, и я вздрогнула. В последнее время любой резкий звук заставлял меня врасплох.

– Леди Кордеро, граф Хефнер ждет вас в кабинете. Следуйте за мной.

Ощущение, что я в этом доме пленница, только усилилось после слов служанки. Если тебе приказывает даже прислуга, это что-то да значит. Но не спорить же теперь. Поэтому я последовала за девушкой вниз по массивной каменной лестнице, мимо столовой, откуда служанки убрали посуду. Мой ужин принесли наверх, еще раз дав понять, несмотря на все уверения, – в этом доме я далеко не гость.

Двери в кабинет открылись сами собой, и я вошла. Граф сидел за столом, перед ним дымилась чашка с кофе. Его аромат заполнял помещение. Я поморщилась. Почему-то запах кофе вдруг стал неприятен.

– Садись, Кайла, – холодно велел мужчина. – Мое имя Мэнфорд. Я отец Райана. Но ты, наверное, это уже поняла.

Я подчинилась, но не удержалась от едкой фразы:

– Не припомню, чтобы мы переходили на «ты».

– Ты чуть не убила моего сына. Я и так излишне ласков с тобой.

Напоминание о Райане неприятно укололо. Я даже не знала, что испытывала, узнав, что он жив. Облегчение? Пожалуй. Страх? О, Райан непременно поквитается со мной, когда очнется. И будет не так уж неправ.

– Ваш сын поступил как последняя скотина, пытаюсь шантажировать меня ребенком. Как вы считаете, граф, попытка заставить меня спать с ним, угрожая разлукой с дочерью, достаточный повод для обороны?

– Райан не был вооружен, – возразил он.

– Разве? Мне наивно казалось, рядом с хрупкой девушкой любой мужчина вооружен. И разве моя дочь в руках неизвестных не оружие?

– Ваша дочь, – он усмехнулся, – как вы ее называете, в безопасном месте. С няней. Гуляет, хорошо кушает, играет. И вот что странно – совсем не спрашивает о вас.

Граф Хефнер видел меня насквозь, и от этого я еще сильнее напряглась.

– Запуганный вашими головорезами ребенок не аргумент в споре. Стелла сильно пострадала. Ей нужен хоть кто-то знакомый. И это я. Верните мне ребенка!

– Не все сразу, моя дорогая, не все сразу. Я обычно добр к таким бедняжкам, как ты, однако будем последовательны. Я не наказал тебя за попытку убить моего сына. Более того, дал тебе время отдохнуть и поужинать. С остальными поощрениями повременим до тех пор, когда для них появится повод.

– Иными словами, – мне надоело разыгрывать светскую беседу, – вам тоже от меня что-то надо, и вы пошли по проторенной дорожке: решили шантажировать ребенком. Смело, оригинально, поджентльменски. Аплодирую стоя.

Он поднялся из своего роскошного кресла, чтобы отойти к бару и достать оттуда бутылку и два стакана.

– Нет, спасибо, – холодно отказалась я.

Хефнер пожал плечами и налил бренди только себе.

– Я хорошо знал твоего отца, Кайла. Мы работали вместе, дружили. Иногда Карл приезжал, чтобы поиграть со мной в покер или выпить пару бокалов вина. Иногда я бывал в вашем доме. Видел тебя с сестрами. Твой отец очень точно тебя описывал. Слышала бы ты, с какой гордостью он говорил: «Кайла за словом в карман не лезет, бойкая девчонка».

Простое упоминание, брошенная невзначай фраза – и я мигом забыла, о чем говорила до этого. Упоминания отца всегда так действовали. Я привыкла считать, что не пользовалась у него популярностью. И с удивлением услышала эту фразу от Хефнера.

Дружба Хефнера с отцом? Я бы посмеялась, не будь такой уставшей. В наших кругах не бывает дружбы. Есть сотрудничество, есть вражда, есть ненависть. Но не дружба и не любовь. Скорее всего Хефнер был слишком крупной рыбой, чтобы отец пустил его по миру. Ровно как и наоборот – Хефнер не мог потопить отца. В таком случае действительно лучше дружить. Ну, или хотя бы делать вид.

– Смотрю, вы платите за дружбу в двойном размере. Похитить сразу и дочь, и внучку, да еще и после смерти «друга». Это даже для отца было бы мерзко.

– Мерзость, моя дорогая, понятие относительное. Вот, например, твоя сестра. Говорят, она вышла за своего поверенного? Что ж, Карл предполагал, что наступит время, когда ниже вам падать будет некуда. Его старшая дочь сбегает с чужим ребенком, средняя выходит за бедного юриста, а младшая навечно заперта в лечебнице. Достойный конец славного рода Кордеро.

– Ну, рода Хефнеров вообще не существовало, верно? – улыбнулась я. – Насколько мне известно, титул графа вы получили сравнительно недавно. Что, деньги не единственный критерий приема в клуб избранных семей? Да и род ваш не менее стремительно угасает. Ваш сын вряд ли способен оставить после себя вменяемое потомство.

– У меня есть еще и дочь, – хмыкнул мужчина, но улыбку с его лица я стерла.

– Так что вам от меня нужно? Давайте перейдем к делу и не будем превращать нашу встречу в бессмысленный обмен любезностями.

– Я ищу кое-что. Связанное с твоей семьей. Впрочем, это ищу не только я. Твой отец тоже высказывал заинтересованность этим предметом. Но, к сожалению, а может, и к счастью, умер раньше.

– И что это? – спросила я.

– Ты знаешь, кто такой Конрад Кордеро? – спросил Мэнфорд.

– Да, основатель рода. Алхимик, маг. Открыл магические свойства цветов кордера. Выдающийся исследователь. И что с того?

– Он был тем, с кого начался ваш род. Бездомный оборвыш, воришка и лентяй, без истории и фамилии – таким Конрад предстал перед нашим королем. Он был случайно замечен камердинером его величества. Слуга рискнул обратить внимание короля на талантливого мальчишку, что развлекал зевак на площади фокусами. У него оказался настоящий талант. Король дал ему все: титул, лучших учителей, богатство, свою безграничную любовь и опеку. Стал отцом. Со временем из оборванца и мошенника Конрад стал первым хранителем короля, лордом и главой рода Кордеро. У него была удивительная тяга к знаниям, талант, данный лишь ему за всю историю нашего мира. Он создавал уникальные вещи.

– Да, и высадил вокруг своего дома кордеровый сад. Так у рода появилась фамилия, а зелья из кордера перевернули алхимию. Я все это знаю, но при чем здесь я?

– Взгляни.

Мэнфорд пододвинул ко мне папку с какими-то очень старыми на вид листами. На них были чертежи, расчеты и заклинания. Я бегло просмотрела пару листов и пожалала плечами.

– Что это?

– Дирижабль. Проект дирижабля.

– Многие маги представляли проекты дирижаблей, и что? Ни один так и не взлетел. Не существует магии, способной поднять в воздух такую махину. Ну, или мы ее еще не открыли.

– Конрад знал, как это сделать.

Я рассмеялась. Хефнер – мечтатель, приверженец тех странных теорий про тайные общества, погибшие цивилизации и иные миры.

– Знаете, я тысячу раз рассказывала это студентам на лекциях, но никогда не думала, что придется объяснять взрослому человеку. Менталистика, огонь и алхимия – вот три столпа магического сообщества. Ни одна из этих сил на данный момент не способна решить проблему перелетов. Некоторые называют технику четвертой силой. Раньше я относилась к этой идее скептически, но, прокатившись на поезде, стала не такой категоричной.

– Вы скептик. Интересно, ваш отец обладал намного более широкими взглядами.

– Что ж, мой отец научил меня одному: не быть такой, как отец.

– Конрад мыслил не просто на века вперед. Он мыслил категориями, которые не подвластны даже современным магам. Он изучал яды, новые заклинания, зелья. Именно он вывел состав для зеркальных порталов. Лишь малая часть его изобретений стала известна. Остальная оказалась утеряна.

– Утеряна? Или спрятана?

Мэнфорд кивнул.

– Да, Кайла, скорее всего, Конрад Кордеро спрятал свои работы. Почему? Никто не знает. Возможно, он боялся, что его работы используют во зло. Возможно, надеялся вернуться к ним позже или выгодно продать. Считается, что он погиб во время беспорядков на сорок восьмом году жизни. Кроме пары дневников, ничего так и не

нашли. Конрад спрятал или уничтожил все оборудование, все исследования, ингредиенты, записи, книги – все! Его сыну не досталось ничего из великого наследия отца.

– Хорошо, – я потеряла виски, ибо чувствовала, что начинается мигрень, – но при чем здесь я и Стелла? Зачем вы затеяли эту погоню? Я вас не совсем понимаю, господин Хефнер.

– Всему свое время. Я ведь рассказываю с начала, чтобы тебе было проще. Так вот, однажды мы с твоим отцом беседовали, и он обмолвился, что кое-какие дневники, вопреки расхожему мнению, уцелели. Ему удалось заполучить пару книг Конрада на аукционе наших... гм... южных партнеров. Что косвенно подтверждает мою теорию.

– Какую? О том, что мой отец помешался на могуществе Кордеро и скупал за бесценок всякий хлам? Да, вы угадали. Весь подвал завален этим дерьмом. Впрочем, сестра наверняка уже все выбросила.

– Нет, Кайла, ту теорию, что гибель Конрада в самом расцвете лет была лишь тщательно продуманным спектаклем. Я уверен, он всего лишь не хотел, чтобы его наработки использовали во зло. Но не мог противиться тяге к знаниям, а потому уехал, инсценировав смерть. И продолжил работу.

– Потрясающая история. Все еще не понимаю, при чем здесь я.

– Твой отец купил один из дневников Конрада на черном рынке. Мне нужен этот дневник, и ты поможешь мне его найти.

– Я? Каким образом? Понятия не имею, где отец хранил такие вещи. Да и договариваться о поисках в доме нужно с Кортни, а не со мной...

– Карл никогда не стал бы хранить такие ценные документы в доме, – отмахнулся Мэнфорд. – Нет, он спрятал его в другом месте. Тебе лишь нужно понять в каком – и я отпущу вас со Стеллой.

– Я боюсь, вы разочаруетесь. Я никогда не была близка с отцом. Он ничего мне не рассказывал.

– Ты ошибаешься, Кайла. Вы все ошибались насчет него.

Мэнфорд устало откинулся в кресле и прикрыл глаза, словно устал. У меня в голове вертелись сотни вопросов, но задать их я не успела.

– На сегодня все. Тебя проводят.

– Что в дневнике? За чем вы так охотитесь?

Мэнфорд долго молчал. Я думала, так и не ответит. Лишь когда за дверью раздались шаги служанки, он тихо произнес:

– Твой отец кое-что рассказывал о дневнике. Он может помочь одному не совсем здоровому члену моей семьи.

– Что ж, похвально, что вы еще надеетесь вернуть сыну мозги, – холодно сказала я.

– Да, – усмехнулся Мэнфорд, – к слову, о Райане. Если ты считаешь, что я оставлю твою выходку безнаказанной, – глубоко ошибаешься. Сиси проводит тебя к моему сыну. И, Кайла, в твоих интересах сделать все, чтобы он выжил. Иначе наш разговор будет немного другим.

Все же мы, девушки, бываем довольно наивны. Я не ждала от Мэнфорда полной свободы и уж точно не думала, будто ко мне станут относиться как к принцессе. Но все же полагала, что в целом я буду скорее на правах гостыи, пусть ограниченной в свободе, но все же гостыи.

Но нет. Пленницей я не была, гостыей тоже. В планах Хефнера-старшего я была сиделкой, причем для мужчины, которого сама пыталась убить.

По мне, это решение было несколько... беспечным. Если принять за точку отсчета то, что я разумный человек, опасющийся за свою жизнь, Райану ничего не угрожает, второй раз я не попытаюсь его убить. Но разве Мэнфорд достаточно хорошо меня знает, чтобы рисковать жизнью сына? Что ж, похоже, в этой семье родственные связи значат еще меньше, чем значили в моей.

– Целитель бывает у хозяина дважды в день, – сообщила мне Сиси. – Он вас всему научит. В шкафу несколько комплектов одежды для вас. Ванная комната вон там.

Я хмуро кивнула, снимая пиджак, и только когда повесила его на спинку стула, поняла, что в этой комнате явно чего-то не хватает.

– Так, погодите! А спать я где должна?!

В спальне Райана действительно была всего одна кровать, причем он лежал ровно посередине, и при всем желании я не смогла бы его сдвинуть.

Сиси, к моему удивлению, поджала губы. Я даже опешила, настолько служанка стала вдруг похожа на капризную молодую хозяйку.

– Граф велел сказать вам, что ваши, и исключительно ваши проблемы, где вы будете спать.

– А кормить вы меня тоже не собираетесь? Не боитесь, что доем вашего, – я хмыкнула и кивнула на Райана, – мальчика?

– Кормить вас будут, не беспокойтесь.

Значит, мне не показалось, и Сиси действительно меня невзлюбила. Но была ли служанка отражением отношения хозяина или у нее имелись свои причины ненавидеть Кайлу Кордеро? Как оказалось после смерти отца, таких людей было очень и очень много.

– Граф еще раз просил напомнить, что если с господином Райаном что-то случится, то вас ждут неприятные последствия.

– Знаешь, дорогая, – я, к удивлению Сиси, изобразила ласковую улыбку, – передай графу, что если я соглашусь на его выгодное предложение, то бонусом к оговоренной цене попрошу вышвырнуть тебя на улицу без выходного пособия. Как думаешь, он пойдет на эту маленькую уступку, чтобы получить желаемое, или граф ценит твои рвение и верность выше всех своих стремлений?

Да, я даже начала забывать, что это довольно приятное чувство.

Краска медленно залила лицо служанки, и она вышла. Дверью хлопнуть не решилась.

В шкафу действительно обнаружили три платья и ночная рубашка. Все из легких тканей, простых фасонов, ни одного дорожного. Обуви не было, только открытые домашние туфли, сплетенные из ремешков. Моего размера, что навело на определенные мысли.

Помимо шкафа и кровати, в комнате стоял небольшой столик, весь заставленный флаконами с зельями. Если б не обилие дорогих тканей и дорогой мебели, я бы сказала, что комната Райана отличалась аскетизмом – в отличие от остального дома.

Хотя... пожалуй, это не его комната. Личных вещей нет, ящики столика пусты, за редким исключением, в шкафу совсем немного одежды. Значит, Мэнфорд велел положить Райана в гостевой спальне специально, чтобы засунуть сюда и меня.

Не особо на что-то надеясь, я подергала дверь. Заперто.

– А если пожар? – хмыкнула я. – Техника безопасности при пожаре: бегать по комнате и орать?

Сесть было некуда, а двигать Райана я побоялась. Он был укрыт простыней, рану я не видела, да и не собиралась рассматривать. Поэтому опустилась на ковер, прислонившись спиной к столику. Долго я так не протяну. Мы со Стеллой ночевали в разных гостиницах, но кровать была везде, и даже в тюремной камере койка была удобнее, чем пол Хефнеров. Похоже, Мэнфорд действительно на меня зол.

Вопреки здравому смыслу от этого предположения стало весело. Это ж как ему нужна моя помощь, что пришлось ограничиться такой мезью?

– Что же такого тебе нужно в дневнике Конрада?

Папа действительно коллекционировал предметы искусства, связанные с нашим родом. И нередко покупал что-то нелегально, используя связи. Кристалл – наша мачеха – считала это милым увлечением, но порой и в ее речах проскальзывало раздражение. Ей не нравилось, что Кордеро-холл превращался в алтарь славного прошлого.

Я так и не смогла уснуть вплоть до прихода целителя, причем его шаги и голос Мэнфорда слышала издали. Успела пригладить волосы, подняться и отступить к окну, делая вид, что просто рассматриваю залитый лунным светом парк. Такой прямой спины у меня не было, даже когда учитель этикета принимал у нас с Кортни экзамен в присутствии папы.

– Кайла, мы тебя не разбудили? – насмешливо поинтересовался Мэнфорд.

Я улыбнулась.

– Нет, что вы. У вас прекрасные лунные ночи. Какой тут сон? К тому же я так волнуюсь за вашего сына, что даже боюсь лишний раз пошевелиться. Вдруг что случится, а обвините вы в этом меня. Кстати, он еще жив? Я просто совсем не умею обращаться с больными. А в комнате даже нет зеркальца, чтобы проверить его дыхание... Признаться честно, сначала это меня беспокоило, ведь я даже не смогу понять, что что-то идет не так. Но потом я поняла: граф Хефнер, безусловно, не станет подвергать сына риску, а значит, вы, господин целитель, уверены, что Райан выживет. Ведь так?

Целитель явно чувствовал себя не в своей тарелке, а Мэнфорд, прищурившись, меня рассматривал. Но ничего не сказал, только тихо хмыкнул.

– Я не могу давать гарантий, – с сожалением покачал головой целитель. – Со своей стороны я сделал все, что мог. Остается лишь ждать, выкарабкается ли господин.

К собственному неудовольствию, я почувствовала, как екнуло сердце. Но Мэнфорд внимательно за мной наблюдал, поэтому я изо всех сил старалась сохранять бесстрастность.

– Покажите Кайле, как обрабатывать рану. Отныне вы будете приходить лишь для осмотра.

Если Мэнфорд думал, что зрелище меня впечатлит, то он плохо знал нашу семью. Кровь, раны, болезнь – этого я навиделась достаточно. Хотя и меньше, чем могла бы. Отец требовал, чтобы во время его болезни за ним ухаживали мы. Но Кристалл не разрешила. И мы ее защитили, сделав вид, что отказались сами. Тогда отец сказал много неприятного о том, какие мы неженки. Ему и в голову не приходило, что никто из нас не хочет за ним ухаживать не из-за отвращения к болезни, а из-за отвращения к нему.

К Райану я ничего подобного не испытывала. Злость, моральное удовлетворение от того, что сделала ему больно. Но не отвращение. Даже уколола жалость при виде раны – кстати, не такой ужасной на вид.

Почему он без сознания? Должно быть, усыпили, чтобы не чувствовал боли... Но все равно жутковато. Райан даже не реагировал на манипуляции целителя.

– Запомнили? – спросил тот.

– Да, – кивнула я. – Ничего сложного.

Во взгляде Мэнфорда читалось подозрение. Много подозрения. И я едва сдержала злорадную усмешку. Он пытается показать, кто здесь главный. Устанавливать свои правила, лишать свободы, заставлять выполнять приказы.

У отца получалось лучше. Хоть Хефнер-старший и пытался его копировать, выходило как-то смазанно.

– Тогда до завтра. Граф Мэнфорд, леди... – Целитель вопросительно на меня посмотрел.

– Хефнер, она леди Хефнер, – перебил меня Мэнфорд. – Это моя племянница, приехала погостить.

Ага, значит, он еще и боится, что о моем присутствии станет известно. Значит, меня ищут? Герберт поднял всех на уши? Лавреско

не оставляет попыток добраться до Стеллы? Хорошо бы первый вариант.

– До свидания, граф и леди Хефнер, – поклонился целитель. – Райану скорейшего выздоровления. Уверен, ваша забота быстро поставит его на ноги.

– Это точно, – широко улыбнулась я, и Мэнфорд, кажется, вышел из себя окончательно.

Когда дверь за целителем закрылась, он повернулся ко мне. Во взгляде уже тускнеющих с возрастом глаз читалась ярость.

– Только попробуй, мерзавка, сделать что-то моему сыну...

– Мэнфорд, вы меня пугаете. Как человек с отсутствием логики смог добиться такого успеха? Или вы только проматываете накопленное вашими предками? Вы сами меня приставили к Райану и теперь ждете, что мое внимание будет всецело приковано к нему?

– Если он умрет, ты даже не представляешь, что я с тобой сделаю.

– Разве? А мне показалось, я вам очень нужна. Вряд ли дневник Конрада Кордеро нужен вам для Райана. А он, похоже, его разыскивал по вашему приказу. Вы не задумываясь отправили сына на такое опасное дело ради... Погодите, ради спасения другого ребенка, так? Как цинично... рискнуть жизнью приемного ребенка, чтобы помочь родному. Что такое? Вы удивлены? Райан о многом лгал мне, в том числе изображая бедного парня из простой семьи, но об усыновлении он не забыл упомянуть. Погодите-ка... так он не случайно попал на работу к отцу тогда, одиннадцать лет назад! Он искал дневник. И рассчитывал через меня подобраться ближе.

– Он не рисковал бы жизнью, не будь ты так глупа и стервозна.

– Вы удивлены тем, что я защищалась? То есть вы не знали, что за мной и Стеллой идет охота? Не знали о Лавреско? О жестоко убитой семье Эдмонда Белами? Да бросьте, Мэнфорд, скажите хоть мне правду.

– Правда в том, что я, Кайла, вспыльчив, но отходчив. Я собирался перевести тебя в гостевую спальню. Но, раз тебе так нравится меня провоцировать, спи на полу. Там таким, как ты, и место.

– Что ж, Райан – достойный сын своего отца. Спокойной ночи, граф.

– Ваша ночь, леди Кордеро, вряд ли будет спокойной.

– Ваша тоже. Я всего лишь посплю на полу, а вот вы будете мучиться всю ночь, не зная, доживет ли ваш сын до утра. Если вам, конечно, есть до него дело.

Мэнфорд хлопнул дверью с такой силой, что меня чуть не снесло ветром.

– Для того, кому нужна моя помощь, он слишком дерзкий.

Я посмотрела на Райана.

– Знаешь, что самое обидное? Ты мог просто попросить. Тогда я так сильно тебя любила, что отдала бы все, что ты захотел.

Мои уверенность и спокойствие таяли с каждой ночной минутой. В детстве я, когда не могла уснуть, неоднократно замечала, что ночью время как будто тянется медленнее. Дневные часы пролетали, как стрела, ночь же тянулась бесконечно. Сейчас я снова ощутила себя той девочкой, только вместо большой мягкой кровати был холодный пол.

Под голову я положила свернутое платье, но уснуть все равно не смогла. Промучившись час с небольшим, села, а голову положила на свободный кусочек кровати. Эта поза оказалась чуть удобнее, и, незаметно для себя, я задремала. О глубоком сне речи не шло, но хоть какой-то отдых.

Когда я открыла глаза, очнувшись словно от толчка, за окном светлело. И кое-что было не так...

В волосах, которые я распустила, запуталась рука Райана. Причем она... шевелилась. Пальцы осторожно перебирали светлые пряди. Силы в этих движениях почти не было, но даже сквозь сонную дымку я чувствовала, как откликается тело. И душа, похоже, тоже.

– Кайли, – почти шепотом позвал он.

– Хочешь пить? – спросила я.

– Давай.

Подняться он вряд ли смог бы, так что воду я вливала очень маленькими порциями. Это было сложно – ложки мне не предоставили. Мэнфорд в своем желании создать мне трудности готов был, кажется, на все, и плевать, как при этом будет себя чувствовать Райан.

– Прости, но ложки нет. Постарайся не захлебнуться. Мне влетит.

Он закашлялся, и я отдернула руку. Но почему-то на его лице вдруг промелькнула улыбка.

– Раз ложки нет, используй ротик, – сказал он, и мне захотелось вылить кувшин на его светлую башку.

– Размечтался. Сейчас я обработаю рану. Будешь орать – сюда сбежится весь дом. Решат, что я тебя убиваю.

Столик оказался легким, я без труда подтащила его к кровати. Хорошо вымыла руки и обработала их обеззараживающим раствором.

Зелья, которыми лечили Райана, были очень сильные. Я читала на этикетках названия, составные компоненты и поражалась – неужели я так глубоко ударила?! Все события той ночи смешались в голове, но мне казалось, лезвие ножа было настолько коротким, что едва ли могло нанести серьезную травму.

Райан поморщился, когда я сняла повязку. Рана не затянулась, все еще кровила. Плохо. На взрослом мужчине, маге, да с такими зельями все должно заживать намного быстрее.

– Терпи, – приказала я.

И быстро начала делать все то же, что и целитель. Обработала края раны, добавила несколько капель зелья прямо внутрь и закрыла повязкой. Райан снова уснул.

Затем я прибралась, перебрала зелья, на чем свет стоит ругая Мэнфорда и прислугу, спрятала все, что следовало хранить вдали от солнца, в темный шкафчик и только тогда направилась в ванную комнату, чтобы привести себя в порядок. Вода, к сожалению, была холодная. Мылась я быстро, вытиралась, подгоняемая холодным утренним воздухом, еще быстрее. А когда вышла, увидела на столике завтрак. Разумеется, для меня – Райан о еде пока не помышлял.

Мне принесли целый чайник с отличным мятным чаем, несколько тостов, варенье, миску с кашей и небольшое блюдо со свежими ягодами и кусочками фруктов. Отлично, морить голодом меня не хотели. Разве что решили отравить, но смысла в этом не было ровным счетом никакого.

Я уселась прямо на пол и там позавтракала. Наверное, стоило оскорбиться, ведь на полу едят рабы или собаки. Но почему-то именно в это утро подобное положение вещей меня не трогало. Если не брать в расчет то, что я заперта в комнате с раненым бывшим любовником, которого пыталась убить, то мое настроение можно было даже назвать хорошим.

Лишь спустя час после завтрака открылся один неприятный факт: мне было решительно нечем заняться.

Каково сидеть в небольшой комнате, где нет ни кровати, ни стула, ни книг – ничего! Еще неделя – и я сойду с ума в этом замкнутом пространстве. Мне оставалось только окно. Больше трех часов до обеда я смотрела в него, наблюдая, как садовник подстригает кусты, а служанка – не Сиси, а пожилая и упитанная женщина – то и дело носит ему стаканы с водой. Наверное, она ему очень нравилась, потому что бедняга определенно едва ли не лопался, но послушно принимал знаки внимания и усиленно благодарил.

После обеда пришел целитель, заменил опустевшие флаконы с зельями.

– Продолжайте уход, – кивнул он мне. – Состояние не ухудшается, это хорошо.

– Он выживет?

– Ранение тяжелое, – неуверенно ответил целитель. – Я не берусь предугадать итог. Все, что вы можете сделать, – давать лекарство, менять повязки и поддерживать его.

Ну, с поддержкой лично у меня не очень, с остальным как-нибудь справлюсь. Но рана меня напрягала.

– А органы? Не задеты? У него нет внутреннего кровотечения?

– С этим все в порядке. Удар был сильный, но удачно обошел жизненно важные органы. Если бы было кровотечение, господина Хефнера уже хоронили бы.

Тогда почему Райан не поправляется? Ему должно уже стать легче! Пусть даже у зелий побочный эффект в виде слабости и сонливости, но рана должна заживать. Или еще слишком рано? Боги, ну почему я так пренебрежительно относилась к занятиям по целительству в колледже?

И снова потекли часы в ожидании ужина. Я то смотрела в окно, то дремала, привалившись к кровати. Райан все это время спал, его мерное дыхание немного, но успокаивало.

– Хоть бы проснулся, – с тоской протянула я, – развлек. Я даже на твои пошлые шуточки сейчас согласна.

Но увы. Ужин прошел в такой же гробовой тишине, на полу. Причем ужин был остывший, едва теплый. Я ковырялась вилкой в

салате и придумывала варианты мести Мэнфорду. Хорошее настроение улетучилось, словно его и не было.

– Райан, – я попыталась его разбудить, – надо выпить воды.

Я долго раздумывала, дать ему что-то съесть или нет, и в итоге влила несколько ложек бульона. Показалось, ему стало чуть лучше, но вечером я своими глазами увидела, что рана совсем не изменилась.

Я нарочно делала все медленно, чтобы хоть как-то занять время. Уход за Райаном стал моим единственным развлечением, и на этот раз стоило признать: Мэнфорд победил. Можно причинить боль тому, кого ты когда-то любила, тому, кто представляет опасность твоему ребенку. Но чтобы навредить тому, кто полностью от тебя зависит, тому, кто едва цепляется за жизнь, нужно быть монстром.

Наконец я потушила свет и привычно устроилась на полу. Ночь выдалась холодной, а особняк был старый. По полу тянуло холодом, уснуть никак не удавалось. Давала о себе звать спина. Долго я не смогу так спать, но как же не хотелось просить у Мэнфорда нормальную комнату! В итоге я вновь пришла к тому же положению, что и прошлой ночью: села у постели и положила голову на мягкую перину.

Но не успела уснуть, как услышала голос Райана. И вскочила, решив, что ему стало хуже.

– Иди сюда, – сказал он сонно.

В полумраке я заметила, что он подвинулся, освободив почти половину кровати.

– Тебе нельзя шевелиться! – воскликнула я, зажгла свечи и проверила повязку. К счастью, крови не было, значит, он не потревожил рану. – Райан, чтобы я такого больше никогда не видела, слышишь? Не смей двигаться!

И сама удивилась своему голосу – дрожал, немного, едва заметно, но дрожал.

– Что ж, раз я уже подвинулся, может, ляжешь рядом и согреешь? Сегодня какая-то слишком уж холодная ночка.

– Я не...

– Да-да, – устало откликнулся он. – Ты лучше умрешь от воспаления легких после ночевки на полу, чем ляжешь со мной в одну постель. Будь у тебя что-то острее ложки, ты бы немедленно довершила начатое. Я знаю. Давай уже перейдем к той части, где тебе

становится меня жаль и ты лежишь рядом, напряженно вслушиваясь в мое дыхание.

– Какая длинная речь. Похоже, тебе лучше.

– Мне было лучше. До того как я решил подвинуться. Сделай так, чтобы моя жертва была не напрасной.

Я закатила глаза, но Райан этого не увидел. И все же соблазн поспать в нормальной постели победил упрямство.

Платье занимало слишком много места, так что я осталась в ночной сорочке, которую мне любезно предоставили. Райана не укрывали одеялом, так что мое присутствие действительно могло его согреть. Я осторожно, почти не дыша, опустилась на свободную часть кровати.

Хотела что-нибудь сказать, чтобы разрядить обстановку, но не удержалась и с шумом выдохнула, почувствовав, как расслабляется спина, получив желанный отдых. Райан, разумеется, все услышал. Он протянул руку и заправил несколько выбившихся из пучка прядок мне за ухо.

– Спи, – сказал он.

– И кто за кем следит? Это я должна тебе указывать.

– Мне уже поздно указывать.

Он замолчал, уставившись, не мигая, в потолок.

– Я умру, Кайли.

Сердце замерло и ужасно долго не хотело снова начать биться.

– Нет.

– Да. Ты тоже это знаешь. Ты упрямая, борешься. Но еще дней пять, и я умру. Я должен тебе рассказать. Зачем... зачем все это. И о Веронике.

– Я не хочу слушать! – почти зло произнесла я.

– Ты можешь меня ненавидеть, – продолжил он, – но не за Веронику.

– Мне плевать, ясно? Ничего не хочу слушать. Оставь прощальные речи отцу. Впрочем, соглашусь тебя выслушать, когда рана заживет. Но не обещаю, что впечатлюсь.

Райан тихо засмеялся, но вскоре умолк. Наверняка рана давала о себе знать.

– Все, я закрыла глаза и сплю! – заявила я.

Как в детстве. Если закрыть глаза, можно поверить, что при игре в прятки тебя не найдут. Ты ведь охотника не видишь.

– Ты не спишь. Ты очень внимательно слушаешь. А когда слушаешь, у тебя ухо дергается, – фыркнул он.

Я тут же схватилась за ухо и нахмурилась.

– Ничего у меня не дергается! Хефнер, я серьезно, спи, пожалуйста! Чем больше ты спишь, тем быстрее выздоравливаешь.

– Ненавижу спать, – вдруг произнес Райан. – Каждый раз, засыпая, не знаю, проснусь ли.

Это прозвучало как откровение. И если до сих пор мы просто переругивались и подкалывали друг друга, то сейчас его голос звучал серьезно. Слова давались ему с трудом.

– Мне не снятся сны. И каждый раз я думаю, что из темноты уже не выбраться.

Я была поражена. Никогда еще Райан не говорил мне о страхах или снах. Даже в то время, когда я считала себя его девушкой, он мало говорил о личном и все больше шутил. Или сыпал обещаниями безоблачного будущего.

– Мне тоже не снятся. И это хорошо, а то иной раз такое увидишь, что лучше бы и не засыпала. Тебе надо меньше думать о смерти. Иначе помрешь от страха перед ней.

– Разве ты не хотела этого?

– Нет. Конечно нет, я не хотела, чтобы ты погиб. Я просто перепугалась и на какое-то время поверила, что ты заодно с Лавреско. Я обещала защитить Стеллу, понимаешь? Они убили ее семью. Маленького брата. Охотились за нами, шли по трупам. Ты пригрозил ею, и на несколько секунд я поверила. Тот Райан, которого я знала, не навредил бы ребенку.

– А ты его знала?

– Может, не так хорошо, как думала. Но фамилия, происхождение и мотивы – далеко не все, что стоит знать о человеке. Тебе рано умирать. Я еще не поквиталась.

– А по-моему, вполне.

Что ж, тут оставалось только согласиться.

– Вот, – я осторожно взяла его руку, – пока ты чувствуешь прикосновение, ты точно живой. Поверь, на том свете нет второй Кайлы, которая коварно введет тебя в заблуждение.

– Да и на этом, по-моему, ты одна, – пробормотал Райан, засыпая.

Я думала, что он уснет и я смогу убрать руку, но, похоже, она действительно хоть как-то держала его в реальности. Как только я попыталась вытащить ладонь, Райан просыпался и ворочался. В конце концов пришлось лежать тихо. Это все равно было лучше, чем голый пол. Намного.

Но, несмотря на кровать и комфортный сон, я проснулась очень рано. Сначала не поняла от чего. Мысли путались, а взор застилала мутная пелена. Лишь когда сознание более-менее прояснилось, я почувствовала, какой Райан горячий.

Ночью было холодно, и я осторожно подвинулась поближе. Он так и не выпустил мою руку. Сейчас мне казалось, словно пальцы сковали горячие тиски.

– Райан, – позвала я. – Эй! Проснись!

Но сон был слишком глубокий. Я потрясла его, стараясь не потревожить рану. Бесполезно.

В комнате не было ни материалов для компрессов, ни жаропонижающих зелий. Ничего, кроме лекарств для повязок. И рядом была только я, растерянная, не знающая, что со всем этим делать.

Я стучала. Громко. Звала слуг, Мэнфорда, хоть кого-нибудь. Надеялась, что мои вопли услышат, но без толку. От бессилия хотелось плакать. Райан был не нужен даже собственному отцу. Про нас с ним словно забыли.

Он был жив. Пока. Но сколько еще протянет с таким жаром и с такой раной?

Почему она не заживает?!

Я помнила, как в детстве Ким случайно напоролась на острую ветку. Уже на третий день она вставала и перестала принимать обезболивающие зелья. А сколько лежит Райан? И если рана не затронула внутренние органы, то почему же он тогда не поправляется!

В сердцах я запустила стакан в стену, он разлетелся на мелкие осколки, а по красивым обоям потекли струйки воды.

Лишь спустя час после времени, когда меня надлежало кормить, дверь открылась.

– Позови Мэнфорда, – приказала я Сиси.

– Граф не велел его сегодня беспокоить.

– Что ж, тогда побеспокой его завтра и скажи, что сына пора хоронить. Дольше трех дней тело держать не стоит.

Девчонка испуганно охнула и уронила поднос. А вот это зря, еще убираться тут. Не мне, надеюсь.

Она быстро унеслась, а вернулась буквально через минуту, с Мэнфордом, цвет лица которого мог побороться с брачным платьем невинной девицы.

– Он...

– Не мертв, – закончила за него я. – Пока что. У Райана сильный жар, и если бы вы не запирали меня, как нашкодившую девочку, я позвала бы помощь раньше.

По его лицу я отчетливо прочитала, как хочется ему меня убить. И ощутила мстительное удовольствие.

Он словно мне не верил. Подошел к сыну, пощупал лоб. И действительно испугался, потому что тотчас послал за целителем.

– Убери здесь, – бросил он мне.

– Еще один подобный приказ, граф, и в следующий раз я сделаю вид, что крепко спала, в то время как ваш сын бился в припадке и умирал. Вы, похоже, совсем не цените добро. Найдите служанку, Мэнфорд, я пленница, а не прислуга.

Я отвернулась, отстраненно подумав, что завтраком меня накормить совсем забыли.

Как, впрочем, и обедом. Целитель пришел через час и влил в Райана столько зелий, что я всерьез испугалась за его сердце. Каким бы сильным магом ты ни был, чужая магия, а тем более лечебная, требует серьезных ресурсов. И все же, несмотря на все усилия, жар не спадал, а рана покраснела и припухла.

Целитель мрачнел на глазах, а Мэнфорд не отходил от сына. А я отстраненно думала, что мне и самой скоро понадобится помощь.

Потому что из-под ног выбивали опору. Есть разная ненависть. Бывает такая, что хочется убить человека, пожелать ему самой мучительной смерти. Я с ней сталкивалась и даже испытывала не единожды.

Райан был человеком, которого я могла ненавидеть, лишь когда он был жив и здоров.

Сейчас, умирающий, страдающий от сильной боли, он был единственным человеком на свете, ради которого я жила. Мне было

страшно, что однажды настанет утро, в котором его не будет.

Больше одиннадцати лет я жила, считая, что ненавижу его. Вспоминала чаще всего за бокалом вина, оказываясь в одиночестве. Мысленно проклинала за то, что он сделал, и за то, что после я так и не смогла никого полюбить.

Но все это было притворством перед самой собой. Сначала перед отцом, конечно, который пригрозил меня убить, если увидит хоть раз, что я вздыхаю по Хефнеру. Потом все вошло в привычку. И маска циничной стервы оказалась удобной, защищала от ударов, которыми судьба нас всех отрезвляла.

Но где-то внутри сидела семнадцатилетняя Кайла, которая все еще ждала, что Райан Хефнер, этот совершенно несносный и невероятный парень, вернется, улыбнется так, как умел только он, и объявит все плохой шуткой, которая слишком затянулась.

К вечеру все стало совсем плохо. Райана начал бить озноб, он очнулся, но почти никого не узнавал. В дверь позвонили, и Мэнфорду пришлось отойти. Целитель тут же этим воспользовался.

Он повернулся ко мне, дрожащими руками запихивая в чемоданчик бутылки.

– Простите, миледи, я бессилён. Не все можно вылечить магией. И таково решение богов. Упорство только продлит мучения. Я сожалею. Желая вам быть сильной.

Я почти не обращала на него внимания, вглядываясь в лицо Райана.

– Привет, – тихо сказал он.

Его взгляд вдруг прояснился.

– Привет, – улыбнулась я.

– Ты голодная.

– Откуда ты знаешь?

Он с трудом – я видела, как непросто ему далось это движение, – поднял руку и коснулся моей.

– Я тебя знаю. Ты голодная. Иди и поешь. В этой комнате должен быть только один труп.

– Ни одного, – прошептала я, отворачиваясь.

Как тяжело было ему врать, как страшно обещать, что все будет хорошо.

– Кайли, ну что ты? Так всегда было. Кто-то умирает, кто-то живет дальше. Я десять лет проработал детективом. Знаешь, сколько раз меня пытались подстрелить, поджечь, отравить, ударить по голове дубиной? Я не очень законопослушный детектив.

– Где-то я уже это слышала.

– Я много совершил ошибок. Вероника – одна из них. Честно признаться, думал, это произойдет раньше. Но я даже успел увидеть тебя.

– Райан, я...

– Не извиняйся. Ты правильно сделала. Прости, что напугал тебя, и спасибо, что веришь, будто я когда-то был хорошим парнем. Не плачь.

Я смахнула с ресниц слезы.

– Лучше скажи, что любишь меня. Соври, Кайли. Я закрою глаза – и тебе поверю.

– Я люблю тебя. С той встречи в кабинете отца. Ты улыбнулся, представился – и с тех пор я не знаю, как жить, когда тебя нет рядом. Ты был первый, кто показал, что можно жить по-другому. Без страха, без насилия. Что можно спорить и ссориться, а потом просить прощения и мириться. Что можно ошибаться и исправлять ошибки вместе. Когда ты ушел, я постоянно спрашивала себя: что я сделала не так? Ты ведь обещал меня увезти. Я долго убеждала себя возненавидеть тебя. А получилось возненавидеть только себя.

– Прости, – его голос звучал едва слышно, больше похожий на шепот. – Я так и не отвез тебя к настоящему морю.

Мэнфорд вернулся прежде, чем я успела что-то сказать в ответ, и от него не укрылись мои блестящие от слез глаза.

– Он умирает, – произнесла я. – И не доживет до утра.

По лицу Мэнфорда пробежала тень.

– Я ничего не могу сделать. Он не может справиться. Может, нож был отравлен, может, он чем-то болен.

– Я знаю, – глухо откликнулся он. – Выйди. Мне надо попрощаться с сыном.

Чувствуя, как меня шатает, я вышла из комнаты и прислонилась к холодной стене в коридоре. Сколько раз я желала Райану смерти? Бессчетное количество. А теперь изнутри разрывало от боли. Он просил солгать, а я не сказала ни слова неправды.

Я научилась без него жить – тогда, в семнадцать. Убедила себя, что жизнь продолжается, и первая любовь – лишь глупость в череде прочих, как и всегда бывает. Но ведь знала, что он жив, что он, возможно, где-то счастлив.

А сейчас он умирает по моей вине. Если бы я не взяла тот нож, если б не желала так отчаянно спастись... Было бы лучше сотрудничать с Мэнфордом, ведь все равно в итоге я оказалась у него. Но тогда я смертельно боялась Лавреско. И позволила себе поддаться уговорам «К».

Я так не хотела верить в то, что «К» подсунула мне отравленный нож, что истязала саму себя. Может, Райан болен? Некоторые болезни не проявляются внешне, но мешают зельям действовать. Может, мы как-то неправильно его лечили? Мне еще в первый день показалось странным, что...

Я подняла голову, рассматривая лепнину на потолке. Интуитивная догадка постепенно перерождалась во вполне самостоятельную мысль, пусть и дерзкую.

– Что... Не может быть.

«К» любит играть. Любит загадки. Ким, играя в опасные и порой смертельные игры, всегда оставляла лазейку. Иначе ей просто не нравилось, жертва должна была иметь шанс выиграть. Ким не может быть «К», подсунувшей мне нож, но если это она... Райану уже нечего терять.

– Мэнфорд! – Я ворвалась в спальню. – У вас есть сад? В саду есть кордеры?

Мэнфорд стоял у постели Райана на коленях. При виде меня он спешно поднялся. Не хотел, чтобы я видела его минуты слабости. Что ж, хотя бы он любил сына. Он с трудом поднялся, пошатываясь, словно близкая смерть сына вдруг отняла у него добрых лет десять.

– Что ты собираешься делать?

– Из цветов кордера делают разные зелья. Если нож был отравлен, возможно, поможет одно из них.

– Это невозможно. Ты никогда не угадаешь, что именно за яд был на ноже! Кордер может убить его.

– Он и так умрет. Вы можете прощаться и размазывать по подушке сопли, а можете ухватиться за единственный шанс. У меня есть основания полагать, что зелье поможет. Но да, с такой же долей

вероятности оно его убьет. Если ничего не делать, Райан умрет через пару часов сам. Если использовать зелье, возможно, выживет. А возможно, умрет быстрее. Решать вам.

Прошла долгая, мучительно долгая минута, на протяжении которой мне казалось, что Мэнфорд скорее позволит сыну умереть, чем разрешит мне работать с зельями. Но наконец он медленно кивнул.

– Делай. Или прощайся. Решай сама. Если он выживет, я тебя отпущу. И тебя, и Стеллу.

– А если нет, отправишь следом, я знаю. Скажи, чтобы нарвали в саду кордеров. Только цветы, не стебли. Часть уже раскрывшихся, часть незрелых. Принесите котел, весы и все запасы для зелий, которые есть. И еще иглы, как можно больше, я сама выберу подходящие.

И вскоре недовольная, но слегка поуверившая пыл служанка принесла искомое в одну из комнат, наспех переоборудованную под алхимическую лабораторию. Когда-то, много десятков лет назад, в каждом уважающем себя поместье было специальное помещение для алхимических экспериментов. Благополучие нас избаловало: приходилось колдовать над опасным зельем, сидя за роскошным мраморным столом.

Я оборвала ярко-красные лепестки, поставила котел на огонь и прислушалась к приятному, немного пряному запаху кордера. Когда-то вокруг нашего дома (кстати, того самого, что построил Конрад) цвел настоящий кордеровый сад. Увы, со временем от него почти ничего не осталось. Садовник выращивал пару кустов, но больше в качестве символа: Кристалл срезала их и ставила в вазу перед приездом особо важных гостей. Я работала с кордером очень давно, во время практики в колледже, но никогда еще не делала противоядий.

Тем временем лепестки в горячей воде начали давать сок. Вскоре кухню и часть столовой заволочло розоватым паром, и пришлось открыть все окна.

– Это поможет? – тихо спросила Сиси, до сих пор безмолвно наблюдавшая за моими приготовлениями.

Я не удостоила ее ответом. Не было сил вести светскую беседу с прислугой, и что греха таить: я запомнила ее пренебрежение. Очевидно, служанка была влюблена в Райана, но меня заперли в этом

доме не для того, чтобы быть подружкой для всех трепетных девиц в округе.

Пока зелье весело булькало, я занялась незрелыми цветками. Лепестки в них еще не сформировались, а хрупкие прожилки были тонкими, но прочными нитями, которые следовало достать.

– Ты алхимик? – снова сделала попытку влезть мне под руку служанка.

Из вредности я решила ответить:

– Нет. Но спала с одним алхимиком. Он меня многому научил.

– Варить такие сложные зелья?

– Зелья? А, нет, я про позы и стоны. Про зелья я читала в женском журнале.

С лица Сиси сошла краска, а я хихикнула и убавила огонь.

– Кайла – магистр алхимии, – сказал вошедший в кухню Мэнфорд.

– Не льстите мне, я теоретик. И я даже не уверена, что противоядие верное.

– А мне интересно, как отравленный нож оказался у тебя? Я наблюдаю за тобой, Кайла, ты искренна. Тебе страшно. Ты боишься потерять Райана и все еще его любишь. Значит, ты не хотела его убить. И не знала, что нож отравлен. Кто дал тебе нож?

Я разделила зелье на две чаши. Одну накрыла пергаментом, а во вторую бросила иглы и нити.

– Тот, кто перешагнет через ваши трупы, если вы будете мешать его играм.

– Ким?

Я пожалала плечами. Конечно, Мэнфорд знал о Ким. Все знали о Ким.

– Я думал, она в лечебнице.

– Я тоже. Сейчас мы не можем проверить, верно? Но если это Ким – то Райан поправится, так что молитесь, Мэнфорд.

Подхватив поднос с чашками, я направилась к лестнице.

– И на всякий случай проверяйте замки. Ким любит играть с мышками в их домике.

Райана трясло. Жар только усиливался, он что-то бессвязно бормотал и вряд ли понимал, что я здесь. Я различила и свое имя тоже, но не вслушивалась. В ушах звенело от напряжения. И я вдруг

испугалась, что не выдержу и потеряю сознание. То ли от усталости, то ли от страха.

– Будет больно, – предупредила я. – Очень. У меня нет ничего, что облегчит боль или усыпит тебя. Придется терпеть. Постарайся, пожалуйста, не двигаться. По возможности. И не кричать. Это меня очень пугает, а делаю я такое впервые. Ты вообще любишь быть у девушек первым, Хефнер.

Райан едва заметно кивнул.

– Тогда вперед, – выдохнула я.

Взяла чашу с раствором и медленно начала лить на рану. Райан заорал так, что я до боли в побелевших пальцах сжала чашу. Только бы не уронить, тогда он попросту свихнется или сердце не выдержит. Кровь смешалась с отваром, рана выглядела еще страшнее, чем прежде. Руки дрожали, из-за чего лила я неровно, порциями, и каждый раз, когда раствор касался раны, Райан выгибался. Я видела, что он старается не двигаться, пытается облегчить мне задачу, но боль была сильнее. От жалости и необходимости мучить его на глазах выступили слезы.

Отвар кончился, казалось, спустя целую вечность. Но постепенно Райан затих и, хоть грудь его тяжело вздымалась, больше не кричал. Как ни странно, в комнату никто не зашел. Хотя наверняка обитатели дома собрались под дверью, а от того, чтобы убить меня, Мэнфорда отделяло лишь осознание, что выбора все равно уже нет.

– Прости, – шепнула я, проводя рукой по светлым волосам, – еще не все. Но потом ты поспишь, обещаю. Даже расскажу тебе сказку. Потерпи немного.

Руками я свела края раны. Райан застонал, сжав зубы, когда игла проколола кожу. Но с этим я справилась быстрее. Шитью нас обучали, и оказалось, шить кожу ничуть не сложнее ткани. Хотя в занятиях я не преуспевала, так что, если Райан выживет, жуткий шрам будет до конца дней напоминать ему, как опасно связываться с семейством Кордеро.

Я еще раз обработала все остатками отвара и наложила сухую повязку.

– Надо сбить жар, – сказала я скорее себе, чем Райану.

Снова набрала холодной воды и сделала компрессы, теперь уже по всему телу. Лишним не будет.

– Теперь борись, – шепнула я ему. – Спи и поправляйся. Если нам повезло, ты поправишься.

– А если нет? – сквозь сон с трудом спросил Райан.

– Тогда обо мне пойдет дурная слава.

Я собрала в опустевшую чашку все флаконы с зельями, что давал целитель, и потушила свет, оставив только пару свечей. Райан уже спал, измученный и уставший. Мне хотелось верить, что так действует зелье, но я все равно вслушивалась в его дыхание.

Мэнфорд встретил немым вопросом. Я только пожала плечами.

– Посмотрим. В любом случае выбора не было. Вот, – протянула ему чашку с флаконами, – проверьте зелья.

– На что ты намекаешь?

– Не намекаю. Говорю прямо. Зелья не помогали ране затягиваться, они ее раздражали. Вот, – я сунула ему под нос палец, – я порезалась, когда получила нож, а когда меняла Райану повязку, зелье попало на ранку. Обычная царапина, а не может затянуться несколько дней. Или ваш целитель идиот, или в эти флаконы он влил совсем не заживляющие зелья. Я обработала рану отваром кордера. Буду благодарна, если об этом никто не узнает, отвар кордера признан наркотиком, и за такую алхимию может влететь.

– То есть все это время рану надо было просто промывать?

– Не просто, а противоядием. И зашить. Сейчас раны зашивают. Сначала я думала, что в вашей глуши целители просто не умеют накладывать швы. Но потом заметила у Райана шрам на левом плече. Там явно видны следы нитей. Лекарских шелковых у меня не было, но нити кордера даже лучше – кровь просто их растворит. Правда, Райан некоторое время будет немного... под наркотиками. Но уверена, его поведение почти не изменится, он и так постоянно словно обкуренный.

– Идем ко мне в кабинет. Мне надо выпить.

Мне тоже. Очень надо. Поэтому я решила, демон с ней, с обоюдной ненавистью. стакан виски сближает.

Первый я выпила залпом, второй принялась смаковать. Желанная легкость так и не пришла, расслабиться не получилось. Долгое время мы с Мэнфордом молчали, и только потом, когда Сиси принесла на закуску сыр и орехи, он заговорил:

– Вынужден признаться, я был к тебе несправедлив. Спасибо, что помогла Райану. Или хотя бы попыталась.

– Нас с ним многое связывает, – сказала я после некоторого раздумья.

– Например, Стелла.

Виски попал не в то горло.

– Вы знаете?

– Разумеется, я знаю. Я умею считать, Кайла. И видел девочку. Она копия отца. Очаровательная юная барышня. Жаль, что ей пришлось такое пережить.

– Ваша невестка убила ее родителей. И пыталась убить нас.

– Вероника? Не удивлен. Ты можешь не волноваться, Вероника не знает, где Стелла. Моя внучка в безопасности.

Я поморщилась и хотела было напомнить, что между ним и Стеллой столько же родства, сколько между мной и табуреткой из его кабинета, но решила не рушить хрупкое перемирие. Тем более что весь день ничего не ела. От алкоголя на голодный желудок как-то повело, и Мэнфорд это заметил, приказав Сиси принести ужин.

На приказ служанка отреагировала странно. Она явно не понимала, в какой момент я из запертой пленницы превратилась в собеседника, с которым Мэнфорд пьет в кабинете.

– Господин, с ужина все уже давно остыло...

– Так разогрей! – прикрикнул Хефнер-старший. – Ты что, не способна справиться с двумя тарелками и печью?!

Она испуганно унеслась, но я не почувствовала ровным счетом никакого сожаления. Пора бы привыкнуть, что у такого, как Мэнфорд, в один момент враг может стать другом, а пленник – гостем.

Я с удовольствием накинулась на хоть и разогретое, но очень вкусное мясо. Мэнфорд тем временем продолжил:

– От тебя у нее только глаза.

– А Райан не заметил.

– Не суди строго, Кайла. Вы были слишком молоды. Он не допускает и мысли, что у тебя может быть ребенок.

Мы немного помолчали.

– Вы ему расскажете? – спросила я.

– Нет, – ответил Мэнфорд. – Ты расскажешь. Если пожелаешь.

– То есть заставляя вы не станете? Почему?

– Это ваше дело. Скажу тебе честно, Кайла, я не хотел бы видеть тебя своей невесткой. Но не могу отрицать, что в вашей паре есть некоторое... очарование. Поэтому все свои проблемы вы будете решать исключительно сами.

И тут мы подошли к самой сути моего пребывания в поместье.

– Тогда зачем вы меня здесь держите? – спросила я, откидываясь на спинку кресла.

Сиси принесла кофе и печенье.

– Я ведь говорил. Мне нужен дневник Конрада Кордеро.

– Да, вы сказали, что я помогу вам его найти. Но не соизволили рассказать подробности.

– Сначала мой сын должен поправиться. Понимаешь, в моей семье есть один человек, которому очень нужна помощь. И Конрад совершенно точно нашел нужный мне способ. Но я не знаю, где твой отец спрятал дневник. И уверен, что ты сможешь помочь.

– Как?

– Всему свое время. Просмотришь документы, прочтешь письма Карла. Может, это натолкнет тебя на какую-то мысль.

– После его смерти всем имуществом заведовала Кристалл. Часть папиных вещей мы убрали в подвал. Часть раздали согласно завещанию. Немного передали в музей, в фонды.

Мэнфорд отмахнулся.

– Карл не стал бы хранить такую реликвию дома или в подвале. Нет, Кайла, этот дневник стоит целое состояние. Для магов он бесценен. Он спрятал его, и ты должна понять, куда именно.

– Вы безумец.

– Возможно. Но не более безумный, чем девушка, рискнувшая всем ради человека, которого пыталась убить.

– Я... Да катитесь вы, Хефнер.

– Думаю, тебе пора отдохнуть, день был долгий. Я велел, как только Райану станет лучше, перевести его в апартаменты побольше. Они последние на первом этаже, можешь занять малую комнату сейчас. Рядом с ним будет всю ночь дежурить прислуга.

Подивившись такой щедрости и порадовавшись, что больше не придется спать на полу или жаться к Райану, я поднялась.

– Я не стану запираеть дверь, – донеслось, когда я была уже у выхода. – Но прошу тебя не бродить без надобности по дому. А еще

завтра я принесу тебе письма отца, в которых он упоминает дневник. Изучи их и подумай, где он мог его спрятать.

– Я попробую, – в качестве компромисса кивнула я. – Обещать ничего не могу. К сожалению, я не самая талантливая в семье Кордеро.

– Однако мой сын почему-то выбрал тебя, – бросил вслед мне Мэнфорд.

Знал бы он, как часто я задавала себе этот вопрос.

Почему?

Глава 6

Райану стало легче через два дня, и то время, что я провела без него, было лучшим за последние недели. Я спала, ела, читала, бродила по новым апартаментам и отдыхала. Душой и телом.

Когда Райан пошел на поправку, у меня с души словно свалился камень. И я вновь начала радоваться чашке кофе утром, горячей ванне вечером.

Нарушали идиллию лишь письма отца, которые приходилось просматривать. Его почерк, фразы – все возвращало меня в то время, когда папа был жив. Порой казалось, его голос звучит наяву. А еще он снова приходил ко мне в кошмарах.

Они с Мэнфордом действительно дружили, во всяком случае, вели переписку – и она доставляла отцу удовольствие. Обсуждали новости, исследования отца, историю, политику. В том числе и Конрада Кордеро.

Если верить отцу, Конрад обладал могуществом, которое не снилось никому из современных магов. Дирижабли, поезда, магический свет, камни для приготовления пищи – основы для всего этого заложил именно он. Он опережал время. Его наработками пользовались до сих пор. И если раньше я скептически относилась к одержимости Мэнфорда дневником, то сейчас начинала сомневаться: а все ли я знала об отце? И какие еще тайны рода Кордеро он не успел нам передать? Или не хотел...

Райана привели в апартаменты вечером, когда я продиралась через отцовские черновики, неизвестно как добытые Мэнфордом, и неспешно попивала почти остывший чай. Но ароматный свежесваренный напиток был до того хорош, что, даже холодный, он мне нравился.

Послышались голоса, несколько мужчин – наверняка работавших у Хефнеров – помогли Райану лечь.

Комнат, к слову, в выделенных апартаментах было две. Маленькая, дальняя, которую занимала я, – уютная, в темно-зеленых тонах, с небольшой кроватью, столиком и креслами. И большая, серо-зеленая, куда вместились и трюмо, и выход в ванную, и несколько

шкафов, стеллажей, и даже небольшой бар. Правда, пустой. В ней разместили Райана.

Зачем Мэнфорд так упорно селит Райана рядом со мной? Чего он добивается?

В первый раз – наказать меня, хорошо. Но ведь я спасла Райана, сейчас-то какой в этом смысл?

Обо всем этом я и собиралась спросить Мэнфорда, но, пока переодевалась, он уже ушел. Райан был в сознании и даже пришел сам, хоть и не без посторонней помощи. Он смотрел внимательно, рассматривая, казалось, каждую пуговицу на мне.

– Привет, – как-то не очень уверенно начала я. – Как ты себя чувствуешь?..

– Несмотря на все твои усилия, – холодно проговорил Райан, – неплохо.

– Что? – выдохнула я. – Я, вообще-то, тебя спасла!

От его равнодушного тона я почувствовала себя так, словно меня окатили ведром ледяной воды.

– А перед этим пыталась убить.

– Что ж, я рада, что тебе лучше. Полагаю, тебе надо отдыхать, поэтому пойду к себе. Спокойной ночи.

– А мне больше нравилось, когда ты сидела в ногах.

Лежачих не бьют, Кайла. Больных – тем более. А больных на голову вообще жалеют.

Райан словно и забыл, как тянуло его ко мне во время лихорадки. А может, и не забыл. Его ненависть и злость ударили хлыстом, заставив поморщиться. Я долго сидела в своей комнате, рассматривая витиеватый узор на стене.

– Подойди, – спустя некоторое время раздалось из гостиной.

Сначала не хотелось. Потом подумала, что, если Райан раскричится, сюда сбежится весь дом. И вряд ли Мэнфорд поверит, что я всего лишь обиделась на неласковую встречу.

– Чего тебе? Воды, еды, подзатыльник?

– Я бы предпочел что-нибудь погорячее, – усмехнулся он, – но, боюсь, тебе не подхожу. Ты ведь дважды на одного мужика не прыгаешь, да?

– Зато среди них, кроме тебя, не было идиотов. Райан, что тебе нужно? Я устала и хочу спать.

Он придумывал – поняла я. Он придумывал, зачем меня позвал! О да, наш мальчик поправился и снова стал собой.

– Хефнер, если ты полагаешь, что мне доставляет удовольствие твое общество, то совершенно напрасно. Либо говори, что тебе нужно, либо проваливай ко всем демонам, потому что я устала и хочу спать.

– Ну, насколько мне известно, раньше, – он сделал ударение на последнем слове, – тебе мое присутствие доставляло много удовольствия.

– Да, прекрасное время. Мне еще нравилось то, где ты в бреду был милым и очень трогательно со мной прощался. Жаль, что все хорошее так скоротечно.

– Ты так стремилась сбежать от своих сестер в мои объятия... Что?

Райан рассмеялся.

– Ты покраснела? Серьезно? Кайли, ты краснеешь передо мной? Вот уж не думал, что когда-нибудь такой момент наступит. Но разве я не прав? Что, кстати, твои сестры? Почему они до сих пор не вытащили тебя отсюда?

– Ты ничего не знаешь о моих сестрах, – проговорила я, чувствуя, как начинаю мелко дрожать от злости.

– Разве? А мне кажется, они оказались чуть умнее, и ваш папочка не лишал их наследства. Почему ты уехала в Даркфелл? Уж не потому ли, что в родном городке тебе больше не с кем было спать?

Я взорвалась. Просто в один момент поняла, что в глазах темнеет, и чудом, нереальным внутренним усилием я не вlepила Райану пощечину. Срывающимся от ярости и обиды голосом я произнесла:

– Чтобы ты знал, Райан, я уехала из Хейзенвилля, потому что моя младшая сестра оказалась сумасшедшей. Она убила четырех человек, пыталась убить меня и Кортни. Я уехала, когда Ким заперли в психушке до конца жизни, а Кортни вышла замуж и стала главой рода. Потому что места мне там не оставалось. Но в твоём, Райан, ограниченном мире люди убегают из дома просто потому, что им скучно живется. И значение имеют только твои чувства. Ты умирал – и я была нужна тебе рядом. Ты выздоровел – и вот я превращаюсь в шлюху, пригодную только для тренировки остроумия. И знаешь что? Мне плевать, что ты думаешь о моем переезде или обо мне лично. Совсем плевать. И на тебя мне тоже плевать, а вылечила я тебя лишь

потому, что сама не хочу отправиться следом. Поэтому, в сущности, мне все равно, в каких условиях ты тут будешь жить. Поэтому будь добр, если не собираешься умирать, не трать понапрасну силы – не зови меня. Можешь пожаловаться отцу. На это мне тоже плевать.

Я сохранила спокойный тон до конца и так же спокойно ушла к себе, плотно закрыв дверь. К сожалению, не было замка, а подпереть дверь ничем не удалось. Но мне хотелось верить, что Райану хватит ума не трогать меня сейчас. Потому что иначе я не выдержу. И это будет истерика, самая настоящая. Со слезами, криками и дракой.

Он не пришел.

И, разумеется, я испытала от этого дикое разочарование. К списку эмоций добавилась ненависть к себе.

Наутро не принесли завтрак. Ни мне, ни Райану. Пока я умывалась, все надеялась, что вот-вот скрипнет дверь и Сиси принесет поднос. Но, видимо, Мэнфорд не зря поселил нас рядом. И в мои обязанности теперь входило таскать Райану еду. Заодно и себе.

Когда я шла в ванную, он еще спал. Но теперь, закончив мыться, я слышала, как он медленно ходит по комнате. Какая-то часть меня радовалась, что он быстро восстанавливается. Но другая злилась. Так сильно, что порой я испытывала сожаление. Не рискни я с зельем – в памяти навсегда бы остался Райан, перебирающий мои волосы, умоляющий, чтобы я сказала, как люблю его. А теперь он будет мучить меня, пока не наиграется. Да, я законченная эгоистка. Ничего нового в этой мысли нет.

– Схожу за едой, – буркнула я, выскочив из ванной.

Выйти мне не дали. Хэфнер перегородил проход между креслом и кроватью, придержав меня за локоть.

– Я не знал про Ким, – сказал Райан. – Как давно...

– Год назад, – глухо ответила я. – Когда умерла мачеха. Кортни пришлось вернуться из Даркфелла на похороны, и Ким начала играть с нами. Это она убила папу.

– Кортни уехала в Даркфелл?

Я усмехнулась, подняв на Райана глаза. Не издевался... надо же. Ему действительно было интересно, как мы жили?

– Да. Кортни сбежала в Даркфелл, когда ей исполнилось восемнадцать. От Герберта.

– Постой... Кортни и Герберт...

– Вместе. После того как Ким пыталась убить их обоих, они поженились. Кажется, они счастливы, хотя папа убил бы Герберта. Но у папы больше нет права голоса, моя младшая сестра его отравила. И мачеху. И мою лучшую подругу Ким тоже убила, она...

– Кайли, стой. – Райан протянул руку, чтобы вытереть с моего лица слезы, которые сама я не заметила. – Тихо. Я понял. Много пропустил. Я не знал, что Ким... и вообще.

И про Стеллу он не знает, и про Лавреско. Кажется, Райан вообще ничего не знает, в том числе и обо мне. Только это не мешает ему бить как можно больнее.

– Расскажешь мне? – попросил он. – О том, что вообще происходило, пока меня не было.

Рассказать? Мысленно я усмехнулась. Знал бы Райан, что именно я от него скрываю. Что ж, может, если он будет думать, что я с ним откровенна, мне будет проще скрыть дочь. Я все еще не теряю надежды вырваться и вернуться домой.

– Схожу за завтраком, – кивнула я. – Потом поговорим. Ляг, пожалуйста, иначе потревожишь рану.

Райан послушно направился к постели.

И, уже приоткрыв дверь, я услышала голос. Он доносился снизу, и я не сумела разобрать слова, но голос... я узнала его сразу. Бархатистый, с хрипотцой, низкий и до боли знакомый. Я часто сравнивала Герберта и Райана, пытаюсь понять, почему сестра не ошиблась с выбором мужчины, а я обожглась. Мы обе влюбились в тех, кого никогда не одобрил бы отец, обе наши истории прервались долгой разлукой. Только разлука Кортни обратилась возобновлением страсти и свадьбой, а моя... моя чуть не кончилась убийством. А может, еще и кончится, если Райан не прекратит надо мной издеваться.

Я распахнула дверь, чтобы выскочить в коридор, едва сдержав радостный возглас. Герберт меня нашел! Приехал за мной! Конец заточению у Хефнеров, я снова стану свободной и придумаю, как забрать Стеллу!

Райан подошел со спины едва слышно, обхватил меня за талию, а свободной рукой зажал рот. И осторожно навалился на дверь, закрыв ее. Поначалу я опешила и испугалась, а потом поняла, что Мэнфорд внизу придумает, что соврать, а Райан здесь не допустит, чтобы я выдала свое присутствие.

Паника, злость и обида накрыли одновременно.

Я брыкалась, как дикая кошка, вырывалась, норовя его ударить. Но он с легкостью пресекал все мои попытки высвободиться. Райана, казалось, совсем не беспокоила рана. Слезы бессилия и обиды хлынули из глаз, я сопротивлялась с каждой секундой все слабее и слабее.

И обида была не на несостоявшуюся встречу с Гербертом и не на ускользнувшую свободу, а на то, что именно Райан держит меня, именно он не дает вырваться из этого дома. Да, мне казалось, что он добрее отца. Он дал мне кровать, когда я спала на полу. Просил помощи, когда умирал. А потом, выкарабкавшись, вновь напомнил, что парень, обещавший меня спасти, – всего лишь фантазия юности.

– Кайли, – шепнул он мне, – пожалуйста, ты нам нужна.

Я снова дернулась, попав ему по голени. Райан зашипел, но стальная хватка стала только сильнее.

– Кайли, не бойся меня, прекрати брыкаться, ты нужна нам, ну, пожалуйста, я не могу тебя отпустить. Тебя никто не тронет, я обещаю. Детка, ну не плачь, пожалуйста, ты разбиваешь мне сердце.

Сердце? А оно у него вообще хоть когда-нибудь было?

Я почувствовала его дыхание на шее. Горячие губы прижались к очень чувствительной коже за ухом. Раньше я таяла от таких поцелуев, но сейчас он только причинил еще большую боль.

– Кайли, – голос Райана охрип, – идем в постель, я обещаю, ты забудешь об Уолдере и своем желании отсюда уйти.

Меня вдруг охватила ярость, и на миг даже удалось вырваться. Я закричала, но Райан тут же изловчился и снова сжал меня в объятиях. Он опустился в кресло, и я окончательно потеряла возможность сопротивляться. Силы пропали разом. Я откинулась ему на грудь и сквозь слезы рассматривала лепнину на потолке. Райан что-то шептал. Ласковое, успокаивающее. Но я не могла разобрать слов из-за ударов собственного сердца и всхлипов, которые уже не зависели от моей воли. Его рука запуталась в моих волосах, перебирала неровно окрашенные пряди. И постепенно, убаюканная этой размеренной лаской, я задремала. Во сне, где разум отступал в тень, давая волю бессознательному, мне хотелось быть как можно ближе к этому мужчине, вдыхать его запах, чувствовать тепло его тела.

Проснулась там же, когда почти стемнело и красные отблески заката играли с хрустальными подвесками на люстре. Обнаружила себя в теплых объятиях Райана и испытала приступ стыда за собственную слабость.

– И снова привет, – шепнул Райан. – Тебе легче?

С молчаливой холодностью я поднялась с его колен, чтобы отряхнуть платье и пригладить растрепавшиеся волосы.

– Не злись на меня, Кайла, и не проклинай. Я обещал, что отпущу тебя, как только поможешь, и я отпущу. Но Герберт Уолдер лишь осложнит ситуацию. Я еще раз повторяю: никто не причинит тебе боль. Никто не опустится до насилия. Девочка в безопасности, Вероника не знает, где она, как и то, что я с тобой вообще знаком. Но пойми меня, Кайла, я...

– Замолчи, Райан, – глухо произнесла я. – Мне плевать.

Я подошла к окну и замерла, вглядываясь в сумеречный туман до тех пор, пока не заболели глаза. Я готова была смотреть куда угодно: на птиц, на кроны деревьев, на облака и закатное солнце, но не на Райана и опостылевшие апартаменты.

И вдруг я увидела Герберта. Он шагал по дорожке, а Хефнер-старший его провожал, что-то миролюбиво рассказывая, активно жестикулируя и посмеиваясь. И в миг, когда Мэнфорд отвлекся на указания дворецкому, Герберт поднял голову.

Он смотрел прямо на меня, каким-то непостижимым образом безошибочно нашел мой взгляд. И подмигнул. Весело, как мог только он, с обещанием вернуться. Я действительно думала, что в Кордеро-холле после свадьбы сестры для меня не осталось места. Но что, если это не так?

Я улыбнулась. И Герберт эту улыбку заметил, а затем снова повернулся к Мэнфорду, сделав вид, что лишь окинул восхищенным взглядом дом.

В этот момент никого роднее у меня не было.

* * *

– Злишься, – констатировал Райан.

– Нет, – пожалала я плечами. – Не злюсь.

– А глаза злые. Кайли, не злись.

– Я не злюсь, Райан. – Меня бесило его чуть насмешливое «Кайли». – Я разочарована, только и всего.

– Ты не знаешь всей ситуации. Не понимаешь, насколько нам нужна.

– Нет, не понимаю. Не знаю. Вы не объясняете. Не просите помощи. Заперли в доме, отобрали ребенка. Вы даже не допустили мысли, что я могу помочь вам добровольно. Что Кортни не наш отец и у нее не каменное сердце. Значит, вы или считаете меня бесчувственной тварью, от которой можно добиться помощи лишь безобразным шантажом. Либо лжете, и дело вовсе не в помощи бедному больному ребенку. И я не обязана быть приветливой. А в данный момент я еще и хочу есть. Я намереваюсь принести ужин, раз не сложилось с завтраком и обедом. Но за своей порцией иди сам. Я смотрю, ты почти поправился. Можешь не благодарить.

Я вышла из комнаты, рассчитывая если не найти Сиси и заставить ее разогреть остатки ужина, то хотя бы самой сообразить пару бутербродов. От голода немного подташнивало. Апатия и обида прошли, короткий зрительный контакт с Гербертом подарил прилив сил. И этот прилив потребовал энергии.

Если семья знает, где я, покинуть поместье не составит труда. Мэнфорд не настолько безумен, чтобы пойти на открытый конфликт с Кордеро. А похищение – серьезная на него заявка. Он, конечно, может сослаться на то, что Стелла его внучка, но для Герберта это станет лишь еще одним поводом уничтожить Мэнфордов. Как бы я ни относилась к мужу сестры, некоторые при упоминании его фамилии начинали заикаться заранее – на всякий случай.

Если Герберт не забрал меня сейчас, значит, следует ждать. Может, он сначала хочет спрятать Стеллу? Или знает о дневнике и ищет его, чтобы манипулировать Мэнфордом? Как знать.

Дом уже затих. Еще не спал, но малочисленные обитатели поместья разбрелись по своим комнатам, а прислуга закончила уборку после ужина. Не было слышно ни разговоров, ни смеха. Мне казалось, я осталась совсем одна.

У всех сестер Кордеро была одна, несомненно, неоднозначная черта, которую наш отец всеми силами пытался искоренить. Любопытство.

Кортни была сдержанно любопытной. Она не любила скрываться и подсматривать, предпочитала прямо спрашивать обо всем, что ее интересовало. Ким была наивно любопытной. И эта наивность умиляла окружающих настолько, что младшая сестричка действительно знала все наши секреты. И позже ими воспользовалась.

А у меня лучше всего получалось подсмотреть и промолчать, что подсмотрела, чтобы потом вовремя вытащить козырь из рукава. Чем меньше людей знают о моей осведомленности, тем проще мне жить. И им, кстати, тоже.

Поэтому, проходя мимо открытой двери кабинета Мэнфорда, я не сдержалась и заглянула внутрь. Лампы не горели, свечи еще дымились, словно хозяин совсем недавно вышел. Стол был завален бумагами, письмами и книгами. Кажется, Хефнер-старший остервенело, сутками напролет изучал все, что сумел достать о Конраде Кордеро.

Ведомая каким-то шестым чувством, я перебирала плотные старые листы, пока не вздрогнула, различив до боли знакомый почерк, так напоминающий мой. Буквы были наклонены в другую сторону, благодаря чему смотрелись крупными, кругловатыми.

Так писал папа, и только я переняла его манеру.

«Рейган.

Однажды я сказал, что магия сродни живому организму. Она меняется, рушит собственные законы и создает новые. Ты хотел следовать за мной, и я предупредил: мы вступаем на тропу войны. Мы не используем магическую энергию, а подчиняем ее. И она будет отчаянно сопротивляться. Мы оба могли выбрать иное. Прожить долгую, спокойную жизнь, сделав вид, будто то, что мы открыли в себе, – лишь плод воображения двух энтузиастов.

Но ты выбрал путь, что я тебе предложил. Выбрал стать моим другом и братом. То, что мы сделали, то, что нашли, изменило нас. Мы подчинили величайшую силу на свете, совершили невозможное. Если однажды кто-то узнает о нас, мир изменится навсегда.

Я ужасно огорчен твоей неудачей. Жаль чудесную девочку Жизель, она была твоим шансом, но ставка, увы, не

сыграла. Впервые за многие годы я признаю свое бессилие.

Солгу, если скажу, что не ожидал этого. Играя с разумом, неизбежно рискуешь все потерять.

Когда родились Кайла и Кортни, я еще верил, что у меня есть шанс. Не упрекай меня в недостаточной верности идее: я уничтожил все, что мне было дорого, ради нашего общего блага. Жену. Семью. Могущество рода Кордеро.

Как и Жизель для тебя, Кимберли была моим последним шансом, но, кажется, я ошибся. Как иронично, что из всех моих детей именно она – случайный ребенок случайной шлюхи – стала моим продолжением. Единственной наследницей богатства, которым я действительно дорожил. И с которым так обошелся.

Боюсь, мои дни подходят к концу. Я признаю поражение, Рейган.

Когда-то мы заключили соглашение. Ты знаешь, что это значит. Знания о ритуале навечно будут похоронены в моем разуме. Но если я не ошибся в Ким, если она действительно так сильна, как я чувствую, однажды она найдет записи. И если ее ненависть ко мне утихнет...

Иначе я отправлюсь в ад.

Когда-то ты, Рейган, поклялся отправиться туда вместе со мной.

До скорой встречи.

К.»

Подписываться «К» становится милой семейной традицией. Хорошо, что мертвые не пишут писем. Я будто снова стала ребенком, тайком от отца прокравшимся в кабинет, чтобы почитать запретные письма.

Кто такой этот Рейган, интересно. Никогда не слышала от отца это имя. Судя по написанному – близкий друг. Каким-то образом письмо оказалось у Мэнфорда, и теперь он жаждал найти записи, предназначенные Ким.

– Ким... – пробормотала я, еще раз перечитывая строки о сестре. – Что он с тобой сделал?

Мы и раньше догадывались, что безумие и ненависть в Ким – результат действий отца, но боялись говорить об этом вслух. Когда Ким заперли в больнице, Герберт спрашивал, не трогал ли нас отец, но правда в том, что мы с Кортни никогда его не интересовали, для нас будто создали роль благовоспитанных представительниц древнего магического рода, и мы ее играли.

Ким была другой. Мы любили ее, опекали, но...

Еще мы завидовали. Нам виделась в отношении отца к младшей дочери та теплота, которой так не хватало. Какие же мы были дурочки! Что ж, теперь Ким вряд ли сможет продолжить исследования отца, какими бы они ни были. А значит, он уже давно в аду, где ему и место.

Я вздрогнула, услышав тихие шаги, и быстро юркнула под стол. Но ни через минуту, ни через десять в кабинет никто не вошел, и я решилась вылезти и выглянуть в коридор.

Никого.

Надо было идти за едой и возвращаться в комнату.

Где-то у лестницы тикали настенные часы. Я направилась к ступенькам и начала спускаться, как снова услышала шорох, теперь в противоположном конце коридора.

Резко обернулась. И готова была поклясться, что заметила, как на фоне темной стены мелькнуло что-то светлое! Сердце замерло и пропустило несколько ударов, дыхание перехватило.

Спокойно, Кайла, призраков не существует. Это детские страшилки о тайной магии мертвых. Вот она, магия, простая и доступная: свет, графины, греющие воду для чая, шкафы, сохраняющие холод, котлы, где долго томится мясо, экипажи без лошадей, поезда. В наш мир нет ходу мертвым. А сказки о призраках в старых поместьях – всего лишь сказки.

Сказки не могут пугать. Но почему тогда дрожат руки?

В детстве у нас с сестрами была своеобразная игра. Надо было зайти в темную комнату и стоять, пока не станет нестерпимо страшно. Но, будучи старшей, даже одолеваемая диким ужасом, я выходила из комнаты спокойно, доказывая Хейвен и Кортни, что ничуть не боюсь скрывающихся во тьме чудовищ.

Сейчас рядом не было ни сестры, ни подруги.

Я медленно продвигалась вперед, затаив дыхание. Ждала, что снова что-то увижу, и...

...увидела.

Если бы какой-нибудь эксцентричный художник вздумал перенести на холст движение, оно бы выглядело так. На фоне темных стен мелькнула белая ткань, прозрачная, призрачная. Мелькнула и исчезла, растворилась в мрачной атмосфере поместья.

Я двинулась вперед, а с середины коридора сорвалась на бег. Но за углом оказался лишь коридор с узкой деревянной лестницей, ведущей в темноту. Глаза долго привыкали к этому абсолютному мраку, но я, ведомая интуицией, двинулась вперед.

Лестница кончалась чуть приоткрытой дверью. Из нее лился слабый лунный свет. Сердце так бешено колотилось, что в полной тишине я слышала его удары. В горле пересохло от волнения. Я продвигалась шаг за шагом, чувствуя, что за дверью скрыто что-то важное. Что-то, что раскроет тайны поместья Хефнеров и, быть может, приблизит меня к тому, чтобы раскрыть свои.

Резко, так, что я вскрикнула и отскочила, из-за двери показалась неестественно бледная женская рука. Провела длинными, остро заточенными ногтями по лакированному шпону, оставив едва заметные царапины, и пропала. Тишину взорвал женский истеричный смех, а потом дверь с грохотом захлопнулась.

С меня спало оцепенение. Я подергала ручку, но дверь оказалась надежно заперта. Что это было?

Призрак? Призраков не существует, а еще они не оставляют на дверях царапины. Так что скрывает Мэнфорд в своем поместье... или кого?

Я коснулась бороздок, оставленных когтями неизвестного призрака. Осязаемые, вполне ощутимые, хоть и не слишком глубокие. Нет, в призраков я не верила. А вот в иллюзии... я уже видела одну, у библиотеки. Именно странная призрачная процессия заставила меня спрятаться внутри, где я встретила Райана. Неужели снова?

– Кайла!

От неожиданности я подскочила и вскрикнула. Райан крепко схватил меня за локоть и настойчиво потащил прочь.

– Ты собиралась сходить за едой. Что ты тут делаешь? – с легкой злостью в голосе спросил он.

– Я видела кого-то у этой двери. Что там?

– Чердак, – последовал краткий ответ.

– А почему заперт?

– Потому что дом старый, пол прогнил, а прислуга любит копаться в старых сундуках. Нам не нужны несчастные случаи.

– Я тебе не верю. Если там всего лишь чердак, то покажи! Отопри дверь и покажи, я не буду заходить внутрь, только посмотрю. Или это все-таки очередная ложь? Как и то, что вы отпустите меня, если я помогу? И что не причините вреда Стелле?

Райан раздраженно выдохнул.

– Хорошо. Я тебе покажу. Но не отходи от меня ни на шаг. Год назад горничная стащила ключ и сломала спину, когда доски под ней провалились. Я, в отличие от тебя, не алхимик и запрещенные зелья варить не умею.

– Ну хватит уже благодарить меня за спасение, смущаешь, – буркнула я.

Он повернулся к стене, где за невзрачной картиной, изображающей юную пастушку, висел на крючке ключ. Движения давались Райану с трудом, и мне даже стало его немного жаль. Ровно до того момента, пока я не вспомнила, по чьей милости не смогла дать о себе знать Герберту.

Я затаила дыхание, когда ключ со скрипом вошел в скважину и дверь открылась. Это действительно был чердак, заваленный разнообразным хламом. Старыми коврами, картинами, свертками. Большая часть пространства была заставлена сундуками.

Райан потрогал ногой пол, и доски жалобно закрипели.

– Нет, – решил он, – не надо. Убедилась? Здесь ничего и никого нет. Вон там кое-как заделанные доски – там упала горничная. Это просто старая комната. Иногда здесь что-то падает и пугает гостей. Но вообще поместье давно пора ремонтировать. Я говорю отцу, но он так вцепился в память о своем детстве, что не дает даже перестелить крышу.

Райан оттеснил меня обратно на лестницу и запер дверь.

Но я была уверена в том, что видела. Иллюзию не списать на усталость, кто-то намеренно создал ее, чтобы меня испугать. Снова «К»? Невольно вспомнились строки из письма. Вдруг Ким действительно на свободе и снова с нами играет?

– Кайла! – помахал перед моим носом рукой Райан. – Ты меня слушаешь?

– Что, прости?

– Я говорю, идем уже и что-нибудь съедим. Иначе утром я проснусь совершенно невыносимым.

– Как будто обычно ты просыпаешься другим, – пробурчала я.

Но все же спустилась следом за Райаном на кухню. Он притворил двери, чтобы не потревожить отца и прислугу, и с удивительной резвостью для раненого и недавно умиравшего больного принялся сооружать огромные бутерброды. В другое время я бы всенепременно возмутилась таким наплевательским отношением к фигуре и здоровью. Но сейчас появилась возможность разговорить Райана, и я не собиралась упускать такой шанс.

И еще страшно хотелось есть.

– Расскажи мне кое-что, – когда первый голод был утолен, попросила я. – Почему ты притворялся простым парнем, желающим работать на отца?

– Ты мне не поверишь, – хмыкнул Райан.

– Я попробую.

– Ну, я был не слишком прилежным сыном. Сбежал с занятий, перечил отцу, попадал к стражникам за мелкое хулиганство. Папа лишил меня денег и велел идти работать. Разнорабочим я не хотел – мозги были. Пошел к твоему отцу.

– И обокрал его.

– Ну, я уже сказал, закон не мой конек.

– Поэтому ты работаешь детективом.

Лгал. Почему? Почему не сказать, что это было заданием Мэнфорда? Почему не рассказать, что искал дневники Конрада уже тогда?

– Несколько недель назад, – вдруг вспомнила я заметку, так напугавшую нас со Стеллой, – ты расследовал убийство двух владелиц апартаментов. Мать и дочь сдавали комнаты состоятельным людям, неподалеку от Рейвенвуда. Их убили ментальные маги, а детективом значился Р. Дж. Хефнер.

Райан кивнул.

– Да, я помню. Ужасно жестокое убийство. Мы никого не нашли. Убийц-менталистов очень сложно поймать. Почему ты об этом спрашиваешь?

– Потому что убийство абсолютно идентично совершенному в Хейзенвилле. Когда на семью Стеллы Белами напали неизвестные. Убили мать и ребенка, отец парализован, Стелла чудом осталась в живых. Нападения ментальных магов редки. Я не верю, что до Рейвенвуда не дошли новости об этом убийстве. Как и в то, что ты не знал о Веронике Лавреско, которая обладает столь редким и необычным даром. Ты ведь все еще на ней женат.

Райан молчал, наверное, с минуту, рассматривая меня так, словно видел впервые в жизни. Его губ коснулась улыбка.

– Ты совершенно очаровательна, когда ревнуешь к Веронике. Она тоже дико ревновала к тебе. Даже когда не знала твоего имени. Просто чувствовала, что есть та, в сравнении с которой она всегда вторая.

– Я говорю не о ревности, Райан. А о том, что твоя жена – убийца. Преследующая ребенка, за которого я ответственна. Не хочешь мне рассказать что-нибудь о ней?

Он явно колебался. Я была убедительна, и я имела право знать, за что с моим ребенком так обошлись. Но, с другой стороны, Мэнфорд явно был против моей осведомленности. Не знаю, что происходило в голове у Райана, но он все же решился.

– Не говори отцу, – предупредил. – Он считает, я должен был решить проблемы с Вероникой сам и без шума. И злится, что я этого не сделал.

Я налила кофе и приготовилась слушать.

– Мы с Вероникой познакомились на работе. Она работала в отделе преступлений против детей. Я только начинал карьеру детектива. Мы поженились, затем ей предложили работу в Даркфелле. Мне не хотелось переезжать, а она мечтала вырваться из управления. Так мы стали жить на два города, это больше напоминало жизнь двух свободных любовников, а не брак. Ника всегда была слишком независима. У нее были друзья, которых я не знал, мероприятия, на которые не был приглашен. В целом меня все устраивало... до тех пор, пока не случилось убийство в Хейзенвилле. Мне не просто передали новости, я расследовал дело Белами. И вышел на Веронику.

– Ты знал, что она менталист?

– Нет. Она никогда не говорила и не применяла дар в моем присутствии. Однако мне удалось выяснить, что Вероника состояла в «Дора Заката» – ордене менталистов.

– Ордены запрещены, – пробормотала я, переваривая новую информацию.

– Да. Но менталисты поставили себя вне закона. Прямых доказательств ее причастности я не нашел, но ее командировка очень удачно совпала с убийством. Тогда я решил последить за ней. Под предлогом возрождения отношений и былой страсти я приехал в Даркфелл и попытался осторожно выяснить, не причастна ли «Дора Заката» к убийствам. А вместо этого увидел тебя.

– И рассказал отцу?

– Да. Он давно искал записи Конрада Кордеро. Я уговаривал его обратиться к Кортни, но он был уверен, что она откажет. И что если твой отец и спрятал записи, то, скорее, доверил их старшей дочери.

Я криво усмехнулась.

– Как наивно. Но зачем «Дора Заката» убили семью Стеллы?

– Не знаю. Я не нашел очевидных мотивов. Но ты можешь быть уверена, что девочка в безопасности. Ника до нее не доберется. А когда я окончательно поправлюсь, то разберусь с «Дора Заката» раз и навсегда.

– Она сильная. Мы встретились в гостинице. Нас спас только револьвер.

– Кайла, Вероника – моя проблема. Тебе не нужно больше думать о ней. Постарайся помочь отцу найти записи Конрада. А я обеспечу вашу с девочкой безопасность.

– Ты так и не расскажешь, что за ритуал Мэнфорд хочет найти?

Райан с подозрением прищурился.

– С чего ты взяла, что речь о ритуале?

– Это очевидно, – равнодушно пожала плечами я, но мысленно обругала себя. – Если дневник может помочь кому-то из твоей семьи, значит, это ритуал.

– Почему не зелье? Ты же алхимик.

– Потому что не существует тайных зелий, способных на то, что недоступно целителям.

– Это говорит девушка, спасшая мне жизнь при помощи цветка.

– Кордер не революция в мире магии, это всего лишь запрещенный государством ингредиент. Кстати, а зачем вы его выращиваете? Я слышала, за это полагается штраф.

Райан замешкался и не нашел способа уйти от ответа лучше, чем назначить другого виноватого:

– Лучше спроси у отца. Я понятия не имею, что творится с садом. Раз он поклонник Конрада... может, это дань уважения вашей семье?

Или лжи во всем, что он мне рассказал, в разы больше, нежели правды.

– Уже поздно. – Я поднялась и начала убирать со стола. – Я ужасно хочу спать.

Райан принялся мне помогать. Но, поскольку рана мешала наклоняться (а еще, кажется, снова ныла после того, как ему пришлось со мной бороться), он скорее мешал.

– Слушай, я справлюсь одна быстрее, – наконец не выдержала я.

Неловко повернулась, чтобы убрать нож в мойку, и задела рану. Райан охнул и посерел.

– Прости! Я не хотела... правда. На этот раз точно не хотела. Тебе помочь? Сядь, я посмотрю.

Он оперся на мое плечо и аккуратно сел на стул, морщась от боли. А я еще у лестницы подумала, что такая активность – перебор для раны, только-только начавшей заживать. К счастью, крови не было. Но в комнате придется сделать перевязку. Просто на всякий случай.

– Вот и сиди здесь, пока я не закончу, – велела я.

Затем потянулась к остаткам бутербродов, но Райан не пустил. Удержал за руку, заставив посмотреть ему в глаза.

Показалось, словно я окунулась в прошлое. Он стал старше, из парня превратился в мужчину, а глаза были все такие же. Этому взгляду я не могла сопротивляться. Чарующему, зовущему за собой.

– Поцелуй меня, Кайли, – низким голосом попросил Райан.

И я почти послушалась. Почти ощутила прикосновение горячих губ к своим. Почти позволила рвущемуся наружу желанию взять верх.

Но в последний момент отступила. Было бы верхом безумия целовать его, будучи пленницей в старом доме. Скрывая его дочь, за которой охотится его же бывшая жена. Помня, какую боль он мне причинил.

– Уже поздно. Тебе надо отдохнуть. Мне тоже.

Проступившее на миг разочарование скрыла привычная насмешливая маска. Райан откинулся на спинку, наблюдая, как я мою чашки, и мелькнула шальная мысль: а может, я и не задела рану вовсе?

И он притворялся, чтобы получить поцелуй? Это было вполне в духе Райана.

Но я выбросила эту мысль из головы. Потому что тогда снова стала бы ему верить.

А он уже доказал, что делать это ни в коем случае нельзя.

Глава 7

Я засыпала. Пока умывалась ледяной водой, пока расчесывала длинные волосы – засыпала и ничего не могла с собой поделаться. Несмотря на то что я проспала почти весь день у Райана на руках, тот сон не принес никакого расслабления. Письмо отца, иллюзия, ночные разговоры и постоянные повторяющиеся размышления – все это выматывало не хуже физической работы.

Райан стоял в дверях, наблюдая.

Я смущалась его присутствия. Того, что он видел меня без привычного пучка, того, что сейчас я сидела не в дорогом платье, а в тонкой сорочке, едва достигающей до колен. Но закутаться в одеяло или попросить уйти означало показать слабость. Этого я себе позволить не могла.

– Ты так и будешь здесь стоять? – наконец не выдержала я.

– Не хочу уходить. Ты красивая. Мне нравится за тобой наблюдать.

– Папочка подарил тебе игрушку. Хочешь поиграть, да?

– Я не хочу с тобой играть. Но ты сказала, что любишь меня.

– Ты умирал. Отказать человеку в его последние минуты – высшая форма жестокости.

– А мне показалось, это было искренне.

– Может быть. Но это не имеет никакого значения. Ты уйдешь к себе. Обрабатываешь рану и ляжешь спать. И у тебя не возникнет даже мысли о том, чтобы ступить на порог моей комнаты.

– Уверена, что устоишь? Ты была готова со мной переспать прямо в камере тюрьмы, детка.

– Ты угрожал ребенку. Любая мать, пусть плохая, пусть приемная, сделает все, чтобы вернуть ребенка, за которого она несет ответственность. Хочешь сделать меня плохой? Не буду мешать тебе жить в мире иллюзий, только посмотри в зеркало. Посмотри, во что превратился ты. Когда, Райан, когда ты стал человеком, не гнушающимся шантажировать женщину ребенком? Когда из человека, которого я так любила, ты стал моим врагом?

Последнюю фразу я не собиралась говорить, но она все равно вырвалась, а вместе с ней и вся обида на то давнее предательство.

– Любила? Или злила отца, встречаясь с парнем из простой семьи?

– Из простой? – рассмеялась я. – Да ты даже тогда мне врал! Кем, говоришь, были твои родители? Гончары? Серьезно? Тебе хватало наглости врать мне в лицо!

– Я не врал тебе, Мэнфорд – приемный отец.

– Серьезно? Вот как ты себя оправдал?! Если называешь себя настоящим мужчиной, так играй его не только в постели!

– И что же мне сделать? – насмешливо спросил Райан, приподняв одну бровь. – Попросить у тебя прощения?

В порыве злости я швырнула гребень, и, не будь на полу мягкого ковра, на грохот сбежался бы весь дом.

– Да, Райан, я уверена. Знаешь почему? Потому что ты уже бросил меня однажды! Можешь смеяться над наивной дурочкой, которая одиннадцать лет обижается на то, что парень не захотел с ней встречаться, но знаешь что? Ты не просто разорвал отношения, которые стали тебе не нужны! Я рассказывала тебе все, Райан. Ты знал, как отец с нами обращается. Ты знал, в какой атмосфере мы росли. К тебе я шла каждый раз, когда мне было плохо. Ты обещал мне, что защитишь. Ты обещал, что увезешь из Хейзенвилля. Ты клялся, Райан, клялся! И я ждала. Терпела. Потому что верила, что наступит момент, когда мы уедем. Когда, засыпая, я мечтала однажды не проснуться, я верила, что наступит день – и я открою глаза в домике у моря, который ты мне обещал.

Я подняла с пола гребень и бросила его на трюмо.

– А потом папа позвал меня к себе и сказал, что ты сбежал с его деньгами. И знаешь что? Еще какое-то время я верила, что ты вернешься. Что деньги нужны были тебе для того, чтобы все устроить. И мы действительно уедем. Но ты не приезжал, а отец меня возненавидел. Он увез меня в Даркфелл и запер в одном из домов в глуши. Там было еды недели на две, ужасно холодно и темно. Я провела там несколько месяцев одна, даже не зная, вернется ли за мной хоть кто-нибудь или однажды кончится и вода.

Там, в темной комнате, родилась Стелла. Она долго не могла закричать, и за нее кричала я – в надежде, что хоть кто-нибудь придет

и поможет хотя бы крохе, которая не совершала никаких ошибок. И не была обязана платить за мои.

– А когда папа все-таки приехал, он заставил меня просить прощения, сказал, что я выйду за того, кого он мне подберет, и лучше бы мне быть очень хорошей дочерью, чтобы семейная жизнь не превратилась в ад. До самой его смерти я делала то, что он прикажет. Окончила колледж, осталась преподавать. Потом выяснилось, что я не могу иметь детей, и тогда отец сказал, что для меня не предусмотрена семья. Вот почему я не хочу, чтобы ты ко мне прикасался.

– Кайли... – Райан прислонился лбом к косяку. – Я не знал, что он так поступил...

– Ты знал, что ничего хорошего меня не ждет. Ты знал все или почти все, что происходило в доме. Просто тебе было плевать.

– Как вы справились? Как выжили?

Я рассмеялась, вытирая слезы.

– Как ни странно, благодаря Ким. Через два года отец заболел. Он почти не выходил из комнаты, и жить стало проще. А потом он умер. Кристалл взяла на себя все дела Кордеро, и я оказалась предоставлена самой себе. Мы не знали, что Ким травила папу. Но знаешь... она убила Хейвен, собственную мать, детектива – и на это ее толкнуло безумие. Но отца она убила, потому что всегда есть герой, который убивает чудовище. Это законы жанра.

Я много читала раньше. Истории о других мирах, захватывающих приключениях. Там принцы всегда возвращались – с завоеванными землями, трофеями и поверженными драконами.

В реальности все оказалось иначе, и эта горькая разница отравила мне двадцать восемь лет жизни.

Я получила вместо завоеванных земель мрачный особняк с прогнившим насквозь чердаком.

Вместо трофеев – старые письма с чужими тайнами.

А вместо драконов – хладнокровных убийц.

– Я хочу увидеть Стеллу. Она – ребенок, ей страшно. Она ничего не сделала и не заслужила жить в неизвестности с чужими людьми.

– Я поговорю с отцом.

– Спокойной ночи, Райан.

Удивительно, но он послушался, только замешкавшись на пару секунд.

– Кайли... прости меня. Если бы я мог что-то исправить, изменить... я увез бы тебя.

– Нет. Не увез бы. Но спасибо за то, что попытался солгать.

Я без сил опустилась на постель.

Как иронично: Райан снова стал единственным человеком, добившимся от меня откровенности. Я никому и никогда не говорила, что случилось после его побега. Кортни и остальные думали, я уехала в Даркфелл, чтобы тайно родить там Стеллу. Никто из них не знал подробностей тех месяцев. Папа постарался привести меня в порядок, прежде чем вернуть послушную дочь в лоно семьи.

Я часто думала о том, могло ли все обернуться иначе. Если бы рядом были целители, если бы я не была одна. Могла ли я сохранить способность иметь детей?

Повезло, что у меня еще сохранились остатки гордости. Как бы ни хотелось, чтобы Райан все же пришел, я ни за что не решилась бы об этом попросить.

Сквозь сон я будто бы слышала шаги, но, когда открыла глаза, в комнате никого не было. Зато я отчетливо слышала приглушенный смех и поняла, что он звучит за стенкой. В коридоре.

Сон слетел, словно и не было. Я поднялась.

На туалетном столике рядом с гребнем лежал конверт со знакомой «К», старательно выведенной красными чернилами.

Руки мелко дрожали, но мне удалось открыть записку, не порвав. В полумраке я долго всматривалась в ровные изящные строчки.

«Ваша пара никогда мне не нравилась. Мещанство – кривое отражение настоящей роскоши. Хочешь узнать главную тайну поместья Хефнеров? За некоторыми дверями прячутся чужие секреты... Твоя взволнованная К.»

Помимо записки в конверте был ключ. Тот же самый или идентичный тому, что использовал Райан, чтобы попасть на чердак.

«К» нельзя было верить. Из-за нее я едва не убила Райана. Но она не раз помогла сбежать от Лавреско. И вряд ли, вытаскивая меня из тюрьмы, брала в расчет старые чувства. И теперь хотела, чтобы я увидела, что на чердаке. И, боги ее разрази, я желала этого не меньше!

Жребий брошен. Назад дороги нет. Стараясь ступать бесшумно и надеясь, что Райану не придет в голову искать меня, я направилась прочь из апартаментов.

Невидимой тенью я выскользнула из комнаты. Отстраненно подумала, что запоздавшему полуночнику я и сама могу показаться привидением в этой светлой сорочке и с растрепанными волосами.

Я только на минутку – убеждала себя. Лишь взгляну на дверь чердака и вернусь. Я должна убедиться, что царапины никуда не исчезли, что мне не привиделось.

Полы были холодные, ковры не спасали. Дом насквозь пронизывал леденящий душу холод. Где-то в трубах выл ветер. Свет не горел, только луна заглядывала в окна. Я быстро начала дрожать от холода, но упрямо шла вперед.

Дверь оказалась заперта. Но я поднялась по деревянным ступеням и подошла вплотную. Тихо.

Я с облегчением и в то же время с затаенным страхом выдохнула. Провела пальцем по лакированной поверхности, вдохнула запах дерева.

Царапины были на месте. Не привиделось.

Не давая себе передумать, я кинулась к картине с намерением открыть эту проклятую дверь и обследовать каждый уголок чердака. Пусть опасно, пусть пол грозит обвалиться, я должна! Меня тянуло к этой комнате, все существо жаждало обследовать чердак.

А из-за двери доносился тихий женский голос, напевающий старую песенку.

*Тук-тук, за окном
Тихо плачет навь.
Старый дом, старый дом,
Сон ты или явь?..*

Любимую песенку Ким.

Не знаю, сколько я просидела на верхней ступеньке, вслушиваясь в один и тот же куплет, повторяющийся раз за разом. За дверью не могло быть Ким, но я все равно слышала ее голос. Вертела в руках ключ от чердака и не решалась отпереть замок. Я так сильно его сжимала, что он впивался в кожу, грозя оставить красные следы.

Там никого нет, убеждала я себя, чтобы успокоить сбившееся дыхание.

Но знала, что есть. «К» никогда не врала. Хефнеры скрывают что-то на чердаке, и оно тесно связано со мной. Надо выяснить что. Но интуиция нашептывала развернуться и сбежать.

Тук-тук, за окном...

Я не могла больше это слушать. И знала, что если просто уйду, то каждую ночь буду вслушиваться в тишину, ожидая момента, когда раздастся смех или польется зловещая песенка. А потом просто сойду с ума и никогда не прощу себе трусость.

Ключ входил с неохотой. Будто замком давно не пользовались, хоть Райан и открывал его при мне всего несколько часов назад. С негромким щелчком замок наконец поддался, но я потратила еще минуту, чтобы вытащить ключ. Не хотелось оставлять его снаружи.

В нос ударил запах пыли, дерева и дождя. На чердаке было настежь открыто окно, в котором в лучах лунного света переливались мокрые листья дерева, растущего прямо у дома. Я сделала несколько шагов внутрь. Пол пружинил, но казался достаточно крепким, чтобы выдержать меня.

Еще одна ложь Райана.

Чего здесь только не было! Мебель: старинная, в хорошем состоянии. Посуда: дорогая, фарфоровая, тончайшая. Ткани, абажуры, канделябры. Все, что надоедало хозяевам поместья или ломалось, годами стаскивали сюда и забывали. Я видела стопки устаревших и никому не нужных учебников, карты, портреты. Выцветшие пейзажи, целая коллекция морских мотивов...

Еще дальше стоял, чуть покосившись, большой секретер, заваленный бумагами. Почему-то мне вдруг захотелось их все просмотреть.

Ничего особенного там не нашлось, просто наброски художника среднего пошиба. Старый покосившийся дом с забитыми окнами. Хейзенвилльский маяк с неизменно обступающими его низкими тучами. И люди. Много портретов, набросков и зарисовок. Кому они принадлежали?

Чаще всего встречался портрет милой маленькой девочки, чем-то напоминавшей Стеллу. Я насчитала около десяти рисунков с ней, и всегда она была в одном и том же платьице с кружевными оборками. Такие вышли из моды лет двадцать назад. Ни на одном из рисунков девочка не улыбалась.

Последний лист заставил вздрогнуть. Я словно окунулась в ледяное прошлое, внезапно, без предупреждения. Знакомые черты лица, мягкие светлые волосы, губы, тронутые улыбкой. С рисунка смотрела Ким, младшая сестра, ныне навечно запертая в лечебнице. Такой я ее запомнила – красивой, улыбчивой, доброй. Мне повезло в какой-то мере: безумия сестры я не видела, в больнице ее не навещала. Не могла себя заставить взглянуть на эту новую Ким. Рисунок на мгновение вернул ее в мою жизнь.

*Тук-тук, за окном
Тихо плачет навь.*

Я подскочила, не сдержав возгласа, когда по чердаку пронесся женский голос. Его я уже слышала раньше.

Голос заполнял собой все пространство, сложно было понять, откуда он исходит.

– Кто здесь? – спросила я.

*Старый дом, старый дом,
Сон ты или явь?..*

Никогда не слышала полной версии этой песенки и не была уверена, что хочу услышать.

Голос становился то громче, то тише, рассеивался среди многочисленного хлама. Я бродила по чердаку в поисках источника и наконец замерла, поняв, откуда доносится песня.

Из одного из сундуков, в которых в старые времена хранили одежду.

– О, боги, что вы здесь прячете... – пробормотала я.

От волнения и страха тошнило, но я решительно взялась за крышку сундука и с трудом подняла ее. Свет из небольшого чердачного окошка упал в темное нутро сундука.

Я встретилась взглядом с серыми, пронзительными в своем безумии глазами.

В сундуке лежала девушка в длинной светлой сорочке, и, наверное, это было то, чего я никак не ждала увидеть. Она смотрела с любопытством и не шевелилась, производя жуткое впечатление.

Когда я отшатнулась, девушка поднялась, вылезая из сундука. Она двигалась как-то странно, плавно и медленно. За тем исключением, что у нее были очень сухие волосы, а неестественная бледность кожи в темноте казалась мертвецкой, девушка была симпатичной. Светловолосой и стройной.

– Ты кто? – севшим голосом спросила я.

Она внимательно меня рассматривала, склонив голову и чуть сощурившись.

– Как тебя зовут? – снова спросила я.

И, к моему удивлению, девушка ответила:

– Жизель.

– Жиз... погоди, ты дочь Рейгана... Стой, я не понимаю! О тебе писал мой отец, как ты здесь... Тебя запер Мэнфорд?

– Запер, – эхом откликнулась она. – Я люблю снежинки. Их здесь много. Посмотри!

Она закружилась по комнате, ловя руками невидимые снежинки, но не рассчитала траекторию и врезалась в старое пыльное кресло.

– Осторожно! – Я подскочила к ней, чтобы помочь подняться.

Жизель смеялась. И вдруг так же резко прекратила, с легкостью оказавшись на ногах. Посмотрела в дальний угол и что-то забормотала.

– Мертвый мальчик, – наконец я смогла разобрать хоть что-то, – он всегда здесь. Почему? Мно-о-ого мертвых мальчиков. Мертвые поколения. Они исчезают не сразу...

– Там никого нет. Жизель, давай спустимся вниз, ладно? Я обещаю, если тебе причиняли вред, это прекратится...

Она вырвала руку из моей и отскочила к стене, тяжело дыша. В широко раскрытых глазах читался неподдельный ужас. Жизель смотрела на что-то за моей спиной. Я подумала было, что она снова видит какого-то призрачного мальчика, но потом услышала вполне реальные шаги. И резко обернулась.

– Ты обожаешь лезть не в свои дела, да, Кайла? – спросил Мэнфорд.

– Не в свои? Девушка больна! Ей нужен целитель!

– Тебя это не касается. Кто разрешил тебе сюда войти?

– Я услышала ее голос, когда спала! Райан солгал, что чердак пуст. Думаете, я вот так возьму и поверю, что она заперта здесь по собственной воле?

– Она моя дочь. Жизель действительно больна, но что я должен, по-твоему, сделать? Запереть ее в больнице, как это сделали вы с сестрой? Лишить магии, отдать на растерзание менталистам и превратить в безвольное растение?

– Да, конечно, гораздо лучше запереть ее на чердаке, среди кучи хлама, где она может пораниться или задохнуться в одном из сундуков! И вместо того, чтобы бросить все свое состояние на то, чтобы облегчить ее муки, бегать по всему свету и искать мифический дневник магического гения, который якобы может помочь! Не гнушаясь ни похищениями, ни шантажом. Рискую жизнью сына и безопасностью внучки. Браво, Мэнфорд, вы удивительный кретин.

– Жизель сама выбрала это место. Ей здесь спокойнее.

– Конечно. Ничуть не удивлена. Вы ведь дружили с моим отцом, наверняка переняли его передовые методики воспитания. Может, хоть вы расскажете, что такого делаете с дочерьми, что они сходят с ума? Погодите... Кто такой Рейган?

Мэнфорд нахмурился и занервничал. Он переводил взгляд то на меня, то на дочь, снова погруженную в чертоги собственного разума.

– Откуда ты взяла это имя?

– Какая разница?

– Рейган – мое второе имя. Я представлялся им твоему отцу. Допрос окончен? Ты ее пугаешь. Идем вниз.

– Мертвые мальчики не уходят сразу, – захихикала Жизель. – Они еще долго живут здесь...

Она ткнула указательным пальцем в свой лоб.

– О чем она?

– Кайла, она больна. И боится незнакомых людей. Извини, что Жизель тебя напугала. Идем в мой кабинет и поговорим, – взяв себя в руки, произнес Мэнфорд.

Я не сомневалась, что услышу очередную складную ложь, и колебалась. Мне хотелось увести Жизель отсюда, помочь ей, и в глубине души я даже понимала почему. Я была отвратительной старшей сестрой. Занятая своими страданиями, я не заметила того, как плохо было Ким. А с тех пор, как она попала в больницу, так и не нашла в себе силы ее навестить.

Что произошло с Жизель? Почему у двух друзей и соратников, занимавшихся исследованиями магии, безумные дочери?

– Если вы с отцом были друзьями и он знал о состоянии Жизель, почему просто не передал вам копию дневника Конрада? Если вы были друзьями, то знаете, что моя сестра не монстр и не садистка, вы могли обратиться к ней, а не похищать меня. Раз вы не обратились к моей семье за помощью, там явно не спасительный ритуал для Жизель. И оставлять меня в живых вы не собираетесь, иначе ваш сын не прятал бы меня от Герберта. Чем вы занимались с моим отцом, Мэнфорд? Что вы сделали с Ким и Жизель? Что за ритуал создал Конрад Кордеро? Вы либо ответите на эти вопросы, либо я расскажу Райану о том, что Стелла – его дочь. И посмотрим, решится ли он помогать вам и дальше, зная, что спасение дочери – последнее, о чем вы думаете!

Я блефовала. Понятия не имела, хватит ли Райану моральных качеств, чтобы остановить творящееся безумие. Возможно, он всего лишь умело играл и у Мэнфорда не было от приемного сына секретов.

Жизель вдруг закричала. Пронзительно, хрипло, так, что наверняка было слышно в каждом уголке дома. Следом раздался звон. В свете луны в окровавленной руке девушки мелькнул осколок. Мелкая крошка разбитого зеркала впивалась ей в ноги, но Жизель, казалось, совсем не замечала боли.

Она бросилась на Мэнфорда с невероятной для хрупкой девушки силой. Они рухнули на пол, доски опасно закрипели. Ступор длился доли секунды, а потом я подскочила к ним и с нечеловеческим усилием оттащила Жизель от отца. Она кричала и вырывалась, как дикая кошка, и моих сил не хватало.

– Не трогай ее! – рявкнул Хефнер-старший. – Нет!

Одержимая приступом ярости, Жизель была намного сильнее меня. Показалось, ей не стоило никаких усилий отшвырнуть меня в сторону и вновь броситься к отцу. Ее тело охватили сияющие серебром нити магии, сковав движение, но было уже поздно.

Я вскрикнула. На лице Мэнфорда появилось удивление. Всего лишь удивление – вот что чувствует человек, получающий удар осколком зеркала в сердце.

Второй. Третий.

Жизель била яростно, вкладывая в каждый удар ненависть и боль. Я видела, как по ее щекам текут слезы, видела отчаяние в красивых глазах.

Мэнфорд пошатнулся. Из уголка губ показалась струйка крови. Я боялась даже пошевелиться, понимая, что Жизель совсем себя не контролирует. Она словно не могла остановиться.

Мэнфорд упал.

– Мертвый мальчик, – раскачиваясь на месте, произнесла Жизель. – Мертвому мальчику негде жить.

Потом подняла голову, уставившись в пустоту.

– Папа. Где папа? Ты обещал, что я увижу папу!

Я ощутила, как по коже проходит мороз. Она верила в то, что видела. И, кажется, хотела, чтобы это увидела и я. Жизель с такой силой вцепилась в мое запястье, что мне показалось, сломала его.

– Ты видишь?! Видишь их?!

С грохотом дверь вылетела из петель, а на пороге возник Райан. Лишь бросив на отца быстрый взгляд, он с трудом разжал пальцы сестры и оттолкнул меня в сторону.

Она брыкалась и вырывалась, но силы вскоре кончились. Теперь это была лишь слабая девушка, истерзанная болезнью. Жизель рычала, плакала, кричала. Когда она перестала сопротивляться, Райан осторожно опустил ее на пол и обнял.

– Ну все, все. Не бойся. Я с тобой. Его больше нет. Не бойся...

Я ахнула, увидев на его рубашке кровь, и взмолилась, чтобы это была лишь растревоженная рана. Но Райан, кажется, совсем не ощущал боли. Он удивленно посмотрел на руки, а затем перевел взгляд на сестру.

Жизель обмякла, только плечи вздрагивали от рыданий. Райан поднял голову, и у меня дрогнуло сердце от его растерянного взгляда с немой мольбой о помощи. Он осторожно положил сестру на пол. Из ее живота торчал острый зеркальный осколок. Тот самый, что оборвал жизнь ее отца.

– Райан... это ты?

Ее взгляд будто прояснился, и Райана это явно поразило. Жизель выглядела почти нормальной, вот только она умирала. Ласково, почти невесомо, Райан погладил ее по голове, убрав с лица испачканные кровью светлые пряди.

Жизель всхлипнула, ее голос то и дело срывался, звучал приглушенно, как из сломанной музыкальной шкатулки.

– Я так устала...

– Знаю. Прости, что не смог тебе помочь.

– Почитай мне. Расскажи... чтобы я заснула.

– Я не знаю слов, малышка.

Медленно, пошатываясь, я подошла ближе и опустилась возле них. Взгляд девушки с трудом остановился на мне. Сейчас в нем не было и тени безумия.

– Я тебя знаю. Он говорил о тебе...

– Твой отец?

– Твой.

Я открыла было рот, чтобы спросить о том, когда она видела папу и что они с Мэнфордом сделали, но Райан умоляюще на меня посмотрел – и духу не хватило. У него умирает сестра, а я хочу использовать ее, чтобы выяснить то, что и так знаю: мой отец был совершенным подонком.

– Тук-тук, за окном тихо плачет навь.

– Старый дом... – эхом откликнулась Жизель.

– Старый дом.

– Сон ты или явь.

Жизель прерывисто всхлипнула и затихла.

Я до крови закусил губу, а Райан устало опустил голову.

– Мне жаль, – хрипло произнесла я.

– Я много раз задавался вопросом, почему отец никогда не заходит к ней. Он как будто стыдился Жизель. А теперь кажется, что боялся.

– Твой отец что-то с ней сделал. Как и мой с Ким. Я нашла их переписку у Мэнфорда на столе. Они говорили о неудавшемся ритуале.

– Что ж, они мертвы, и мы вряд ли узнаем правду. Ты ранена? – Райан заглянул мне в глаза. – Все в порядке?

Медленно я покачала головой. Взгляд упал на тело Жизель. Ее лицо было спокойным, глаза закрыты, а на губах играла улыбка. Она, кажется, наконец-то избавилась от всего, что ее мучило.

Но я все равно не могла не чувствовать вину.

Она накрыла резко, в один момент. Ноги подкосились, и Райан чудом меня удержал.

– Прости. Не надо было мне подниматься.

– Кайли, – ласково отозвался он, – ты не виновата.

Не в порядке. Две смерти из-за одного письма – не нормально.

«К» снова победила. Сколько еще человек должны погибнуть, чтобы до меня наконец дошло?

Глава 8

В комнате царила тьма.

Под одеялом было жарко, и, откинув его, я обнаружила, что обнажена. Платье валялось рядом на полу. Даже не помню, как раздевалась. Не помню, как провалилась в сон.

Когда глаза немного привыкли к темноте, я осмотрелась и поняла, что это не та комната, к которой я привыкла. В ней все выдавало хозяина. Портреты на прикроватной тумбочке, куча записных книжек на письменном столе, стеллажи с книгами по криминологии. Здесь даже пахло по-особенному. Табаком – как в управлении стражи. И ванилью – от ароматических саше, которые раскладывала по дому прислуга.

Райан сидел за столом над бумагами. Одиноким свечей, освещавшей крохотный клочок стола, явно не хватало. Но, кажется, он не зажигал свет, чтобы я могла поспать.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил мужчина.

– Голова тяжелая. Как ты?

– Терпимо. Устал, но самая сложная часть позади. Тела уже забрали, им понадобится два дня на проведение экспертизы. Если все будет в порядке, то похороны пройдут сразу после того, как дело закроют. По официальной версии, Жизель, не выдержав болезни, пыталась убить себя. Отец пытался ей помешать, они боролись, и она случайно убила его. А затем истекла кровью сама. Мы с тобой спали, когда я услышал шум наверху. И нашел тела. Запомни эту историю на всякий случай. Вдруг детектив решит тебя допросить.

– Но там остались мои следы. Отпечатки.

– Кайли, – слабо улыбнулся Райан, – я отдал управлению стражи половину сознательной жизни. Я умею замечать следы. Нам не нужно, чтобы твое имя всплыло в расследовании.

– Потому что тогда все узнают, что вы держали меня в доме против воли?

– Потому что о тебе снова начнут писать гадости в газетах.

Чуть подумав, он добавил:

– Ну и да, тогда все узнают, что я тебя похитил. Сжался, Кайли, я засадил за решетку столько плохих парней, что не проживу в тюрьме и дня. Хотя... может, это было бы справедливо.

– Ты ни в чем не виноват.

– Кроме похищения, шантажа, предательства и угроз?

– Ну... у всех свои недостатки.

Он улыбнулся, и, на удивление, у меня нашлись силы ответить на улыбку.

Райан поднялся. От движения воздуха огонек свечи задрожал, и тени в комнате стали напоминать жуткие искаженные силуэты.

– Полагаю, у меня больше нет ни права, ни причин держать тебя здесь. Поиски записей не имеют никакого смысла. Да и вряд ли вообще имели. Если хочешь уйти, я вызову для тебя экипаж до Даркфелла или Хейзенвилля. Или напишу твоему поверенному. Хотя, по правде, я надеюсь, что ты останешься до похорон. Останешься?

– Конечно, – шепнула я, не заметив, как на глазах выступили слезы. – Райан, ты справишься? Что теперь будет?

Он пожал плечами. Получилось нервно, и сердце сжалось от жалости.

– Кайли, – вдруг произнес он, – ты мне нужна.

– Иди сюда, – позвала я.

Пальцы с удовольствием погрузились в мягкие светлые волосы. Райан закрыл глаза, поддаваясь ласке. От него пахло алкоголем, но сейчас этот запах не вызывал у меня неприязни. Внутри все сжималось от огромной, непередаваемой жалости. В один день он потерял отца и сестру, остался единственным наследником рода. Практически единственным жильцом этого поместья. А из зловещего особняка оно вдруг превратилось в обычный старый дом.

– Мне так жаль, – шепнула я. – Прости меня, Райан, я не знала о Жизель и не хотела, чтобы так все вышло.

– Ты не виновата. Мне следовало тебе довериться, а не слепо подчиняться отцу. Я любил сестру. Опекал ее, когда Жизель была малышкой. Все эти годы мучился чувством вины. Где я ошибся? Почему упустил ее болезнь? Если бы заметил раньше, можно было бы хоть что-то сделать? Отец умело играл на моих чувствах. И преследовал свои цели.

Я вздохнула:

– Как и мой. Только Ким оказалась сильнее. Может, сыграл роль ее дар менталиста. Они что-то сделали, какой-то эксперимент пошел не по плану, и пострадали дети. Как она заболела? Давно?

И Райан начал рассказывать.

– Ей было тринадцать. Жизель росла обычным ребенком. Доброй, веселой, немного сумасбродной. Обожала танцы, даже говорила отцу, что будет делать карьеру танцовщицы, но он, разумеется, никогда бы не позволил. Я был занят карьерой, Вероникой и не сразу заметил, что с ней что-то не так. Это вообще моя отличительная черта: не видеть того, что творится прямо под носом. Сначала все было вполне невинно: Жизель забывала свои вещи, терялась в городе, могла по рассеянности надеть разные туфли или забыть, о чем говорила буквально несколько минут назад. Мы списывали все на усталость в школе, на особенности характера. Хотя отца это очень раздражало.

Пока он говорил, я силилась вспомнить, были ли похожие симптомы у Ким, но, к собственному стыду, не смогла. Она выглядела абсолютно нормальной, вела себя разумно, тихо, талантливо играя роль послушной девочки из хорошей семьи. Мы верили Ким. Или хотели верить и не замечали тревожных звоночков.

– Потом начались странности. Жизель приносила мертвых птиц, бродила по дому ночами, а потом перестала выходить на улицу. Однажды она поднялась на чердак и наотрез отказалась выходить оттуда. Все наши попытки вытащить ее или хотя бы оборудовать для нее комнату кончались жуткой истерикой. Никто не понимал, как всеобщая любимица превратилась в призрака. Жизель спала в одном из старых сундуков, пела и кричала ночами, не подпускала к себе никого...

Райан замялся, и я догадалась, что он скажет дальше:

– Кроме Вероники.

– Да. Она помогала Жизель и, пожалуй, действительно была к ней добра. Мыла ее, кормила, лечила. Часами с ней разговаривала. Между нами давно не осталось чувств, но ради Жизель я раз за разом спасал собственный брак. Ведь мы понятия не имели, что станем делать, если Ника исчезнет из жизни Жизель. Когда Вероника уехала, все стало совсем плохо. Отец верил, что записи Конрада Кордеро помогут. Конрад был величайшим магом-менталистом. Мне хотелось верить, что у Жизель есть шанс, но ты права, нужно было отправить ее к

целителям. Отец никогда не входил на чердак. Всегда запирали ее дверь снаружи. Он объяснял это заботой о безопасности обитателей дома, но...

– Но что?

– Сегодня был единственный раз, когда Жизель повела себя агрессивно.

– Потому что Мэнфорд пришел. Он боялся ее. Но все же вошел, потому что там была я. Может, твой отец не хотел, чтобы Жизель что-то рассказала мне?

– Я не знаю, Кайли. Я много лет верил в то, что ищу способ помочь сестре, но теперь уже ни в чем не уверен. Могу я у тебя кое-что спросить? Только ответь честно, ладно? Знаю, что не заслужил твоей честности, но это для меня важно.

– Хорошо, – ответила я. – Спрашивай.

– Кто такая «К»?

Райан извлек из кармана сложенный вдвое листок, в котором я узнала записку, толкнувшую меня к чердаку. Не знаю, на что я рассчитывала. Что он не узнает?

– Я не знаю, кто это. Раньше так подписывалась Ким, когда играла с нами. Но Ким в лечебнице. По крайней мере, я в это верю. «К» не раз помогала скрыться от Лавреско. Я верила этим письмам. Похоже, на это и был расчет.

От переизбытка эмоций я вскочила и прошла от кровати до двери. Потом поняла, что все еще обнажена, и быстро схватила платье.

– Не надо, – улыбнулся Райан, – ты скрашиваешь мое существование таким видом.

– Я думаю, «К» была в доме. Она выпустила Жизель, чтобы привлечь мое внимание к чердаку. А потом подкинула письмо с ключом и намекнула, что за дверью разгадки, которые мне так нужны. Может, это сама Вероника. Может, Ким сбежала. А может, кто-то третий, кто преследует собственные цели. Знаешь, я тут подумала вот о чем. Наши отцы использовали наработки Конрада Кордеро, из-за чего пострадали Ким и Жизель. Вряд ли это ритуалы, направленные на благо человечества. Нам все равно нужно найти дневник, пока до него не добрались... Стой!

Райан нахмурился, а у меня возбужденно забилося сердце.

– Белами! Он держал книжный магазин, там была целая куча антикварной литературы! Герберт постоянно покупает там для Кортни подарки. К Белами везли редкие экземпляры со всего мира. Может, «Дора Заката» искали дневник Конрада? И поэтому напали на Белами? А сейчас ищут Стеллу не потому что она свидетель, а потому что может знать, где отец хранит ценные экземпляры!

– Звучит логично, хотя я не понимаю, зачем «Дора Заката» охотятся за дневниками твоего предка.

– Орден менталистов? За дневниками величайшего менталиста в истории? Все сходится, Райан. Вмешательство в разум опасно. Они экспериментировали с ментальной магией на Ким и Жизель. Но что-то пошло не так. Ким отравила отца, а перед смертью он спрятал дневники. Или продал их, не знаю... Когда «Дора Заката» послали Лавреско искать дневники, она раскопала историю о соглашении отца с Белами. И решила, что речь идет о продаже дневников. Она ведь не знала...

Я прикусила язык. То соглашение касалось Стеллы. Я отдала ее в приемную семью, не зная, что спустя годы это их и убьет.

– Надо найти записи. Только так мы поймем Веронику и остальных. Только так защитим Стеллу.

– Да, – Райан кивнул, – ты права. Завтра я возьму разрешение на работу в Хейзенвилле, скажу, что расследование убийства Чарлинг и Палмер привело меня туда. Обыщем дом, магазин Белами, поищем зацепки. Если Веронике тоже нужен дневник, она появится. После похорон сразу уедем.

Он вздохнул, убрав с моего лица прядь волос.

– Я рад, что ты не пострадала.

– Нам надо поговорить, – с трудом произнесла я. – О том, что... о чем мы говорили вечером.

– Я устал, Кайли. Сначала общался с детективами, потом сидел возле тебя и пил, а потом еще и писал списки приглашенных – и кто только придумал превращать похороны в светское мероприятие? Потом плюнул и написал всем, что похороны пройдут в тесном кругу, но семья благодарит за соболезнования. Давай отложим выяснение отношений до завтра. А лучше до того момента, как все закончится.

– Хорошо.

Мы замолчали, а я лихорадочно размышляла, уйти мне в старые апартаменты или остаться здесь. Остаться одной в темном холодном доме не хотелось. Провести ночь рядом с ним – резать по живому.

Райан сам решил мою дилемму, склонившись и начав покрывать осторожными поцелуями шею и плечо. Я замерла, прислушиваясь к ощущениям. Здравый смысл начисто отключился, а пережитое напряжение дало о себе знать в самый неожиданный момент. Я почувствовала, как под осторожными прикосновениями таю, расслабляюсь и окончательно теряю способность сопротивляться чарам этого мужчины.

Наши губы встретились в медленном и волнующем поцелуе. Пальцы скользили по ключице, неспешно лаская кожу, от прикосновений распространялись волны тепла, а низ живота приятно свело, напомнив вдруг о давно забытых ощущениях юности. Я чувствовала, как выпрыгивает из груди сердце. Райан обвел указательным пальцем затвердевший сосок, склонился и втянул губами. У меня вырвался короткий стон.

– Тебе не кажется, – с трудом произнесла я, – что сейчас не лучшее время для этого?

– Потом ты снова сбежишь, – ответил он, возвращаясь к губам.

Платье, которое я все же натянула, но не успела зашнуровать, оказалось на полу, а я – на постели, среди вороха подушек. Райан перенес часть веса на руки, его глаза блестели в слабом свете единственной свечи. Мы целовались как безумные, и каждому было ясно, что теперь уже дойдем до конца.

Я с удовольствием гладила его спину, плечи, наслаждалась ощущением прикосновения к горячей коже, к рельефным мышцам тренированного тела. Кажется, Райан тянулся к ласке не меньше меня.

– Я потратил много лет на то, чтобы убедить себя в равнодушии к тебе. А рухнуло все в один миг.

Он прикасался взглядом, неспешно рассматривая меня, и я вдруг испугалась, что из привлекающей юностью девчонки превратилась в обычную, ничем не примечательную женщину. С неровно покрашенными волосами и усталым взглядом.

– Помнишь нашу последнюю ночь перед тем, как я уехал?

– Да. Мы улизнули в домик у озера. Хотели искупаться и пожарить зефир, но пошел жуткий дождь. Пришлось спрятаться

внутри. Мы не могли разжечь камин, папа узнал бы, что кто-то был в доме. И грелись в постели до тех пор, пока не уснули. Стемнело, пришлось бежать домой. Кортни прикрыла меня, сказав, что я писала за нее доклад в школе. Ей сильно влетело.

– Мне следовало тебя увезти. Прости, Кайли, я пытаюсь придумать себе оправдание, но его нет. Я действительно тебя предал.

– У тебя есть шанс исправиться. – Я снова потянулась к его губам.

Заглушить обиду желанием, страх – нежностью, злость – наслаждением. Не такой уж плохой способ пережить то, что с нами происходит. Хотя и не самый лучший. Я лгу ему о Стелле. А Райан определенно не из тех, кто женится на первой подружке, даже из жалости.

Я чувствовала его возбуждение и нетерпение, но Райан не переходил к главному, только дразнил до тех пор, пока я не хныкнула, не в силах сдерживать желание. С самодовольной и немного торжествующей улыбкой он поднялся, чтобы снять штаны, и я увидела, что на повязке выступила кровь.

– Райан! Ты вообще следишь за раной?

До него не сразу дошло, что секс отменяется, а когда я сползла с кровати и направилась одеваться, он скорчил такое обиженное лицо, что я не выдержала и рассмеялась.

– Кайла! Ты не можешь вот так...

– Швы разошлись! Ты вообще хоть немного думаешь о здоровье? А лекарства? Ты накладывал мазь? Боги, и на этого человека я потратила лучшие незаконные цветы его сада!

В ответ мне подарили виноватый взгляд.

Когда я вернулась с зельями и бинтами, Райан уже был готов к перевязке – обиженно сопел и делал вид, будто смертельно оскорблен. Он сидел в кресле, я привычно устроилась в ногах, на ковре. Когда я стала промывать рану, на наше счастье, совсем немного растревоженную, Райан зашипел сквозь зубы от боли. Но быстро успокоился и оценил прелесть положения. Он все еще был возбужден и теперь – я заметила лихорадочный блеск в его глазах – обдумывал, как свое преимущество использовать.

Честно сказать, план у него вышел так себе.

– Кайли, очень вредно оставлять мужчину в таком напряжении.

– Да ты что? – притворно удивилась я. – Придется этому мужчине воспитывать силу воли.

– Ты мне мстишь, да? – с улыбкой спросил Райан.

– Как ты мог обо мне такое подумать? Берегу твое здоровье. Жаль будет вложенных усилий, если ты не выдержишь нагрузок. А еще обо мне плохо напишут в газетах.

– Ты можешь быть сверху.

Я рассмеялась.

– Нет, Райан, не могу.

– Потому что у тебя не так много опыта, как ты хочешь всем показать?

– Потому что я ужасно устала.

Он посерьезнел вдруг и взял меня за руку.

– Все равно останься.

– Ладно.

И, направляясь к постели, добавила:

– На самом деле я жутко боюсь старых домов.

* * *

Все произошедшее так вымотало меня, что, проснувшись на следующее утро, я поняла, что проспала почти до обеда. Райан куда-то ушел, а на столике стоял накрытый салфеткой завтрак и – записка:

«Рассчитываю, что ты составишь мне компанию на прогулке. Принес одежду. Как будешь готова, спускайся».

Пришлось, сгорая от любопытства, быстро приводить себя в порядок. На кресле обнаружилась уличная одежда: платье, туфли и шляпка. Новое, по размеру, дорогое и ужасно красивое. Винный цвет всегда мне шел, и хоть после скитаний по стране и долгого заключения в поместье Хефнеров я не могла похвастаться здоровым цветом лица, все равно впервые за много дней почувствовала себя по-настоящему красивой. Не считая вчерашних поцелуев, когда Райан смотрел затуманенным от желания взглядом. Но я старалась о них не думать.

Когда я спустилась в гостиную, уже одетый Райан сидел за столом, неспешно потягивая кофе. При виде меня он поднялся.

– Готова? Как спалось? Оценила то, каким джентльменом я был ночью? Между прочим, это стоило мне усилий.

– Куда мы сейчас? – спросила я.

– Прогуляемся.

– Все в порядке?

На что Райан мягко, но серьезно ответил:

– Да, Кайли. Но я действительно хочу выйти и пройтись.

Впервые за много дней я вышла на улицу. Вдохнула прохладный воздух, посмотрела в серое небо и улыбнулась свободе. Я действительно больше не была пленницей. Вряд ли Райан воспрепятствовал бы, решишь я сейчас уйти.

Мы свернули за дом, и я решила, что Райан затеял прогулку по саду. Однако каково же было мое удивление, когда у черного входа я увидела экипаж. Неприметный, совсем не соответствующий статусу Хефнеров, без опознавательных знаков и окон, он смотрелся чужеродным среди великолепного – за ним ухаживали явно лучше, чем за домом, – сада.

Я вопросительно посмотрела на Райана, но он молча потянул меня в экипаж. Едва закрылась дверь, мы тронулись, причем выехали с черного входа. Очевидно, Райан не хотел привлекать внимание к нашему отъезду. Но почему?

– Так куда мы едем? – спросила я.

– Скоро узнаешь. Не волнуйся, я не убиваю хорошеньких стервочек в темных лесах.

Я закатила глаза. Но его веселый тон и усмешка немного успокоили. Вряд ли Райан сохранил бы способность шутить, если бы нас нашла Лавреско. Или обвинили в убийстве Мэнфорда. Я ждала от «К» любых подлостей, но она пока что вела себя тихо. Наверняка удовлетворена проделанной работой.

Мы ехали не дольше получаса, судя по ощущениям – не слишком спешили. Наконец экипаж резко остановился.

Райан вылез первый и помог спуститься мне. Мы действительно приехали в лес, только где-то вдалеке, среди мокрых деревьев, виднелся небольшой, но очень красивый деревянный дом. До меня медленно начало доходить, куда и для чего мы приехали. Тело охватил

непонятный иррациональный страх. Заметив, как я дрожу, Райан взял мою руку.

На верхнем этаже дома горел свет, нижние окна оставались темными. Когда мы приблизились, вокруг вспыхнул золотистый купол.

– Дом могут увидеть только те, кто имеет доступ, или те, кого веду я. Зайти за купол практически невозможно. Он убьет любого мага, особенно менталиста. И отсюда вытекает правило, Кайли: не выходи без меня. Даже если смертельно обидишься и решишь навсегда уйти, даже если я буду умирать за его пределами.

– Хватит уже умирать, – нервно пробормотала я.

Мы вошли в дом, изнутри оказавшийся довольно уютным, в охотничьем стиле. В нос ударил запах выпечки и какао, а в гостиной уютно трещал камин.

– Господин Хефнер. – На лестнице показалась молоденькая девушка с темной кожей и ярко-голубыми глазами. – Доброго дня. Миледи.

Она сделала реверанс и скрылась, а вернулась уже со Стеллой.

Были мгновения, когда я боялась, что Стелла после разлуки или не захочет меня видеть, или вовсе не вспомнит о моем существовании. Кем я для нее, в сущности, была? Вряд ли Стелла вообще воспринимала меня как мать.

Но дочь со всех ног бросилась ко мне, повиснув на шее. Обнимая ее, я только сейчас поняла, как скучала.

– Как я рада тебя видеть! Слава богам, ты в порядке. Испугалась? Все позади. Никто нас больше не разлучит. Ты здорова? Покажи, как ты здесь устроилась. Тебя никто не обижает?

Райан тактично удалился, оставив меня наедине со Стеллой. А еще с собственными мыслями, потому что я так и не рассказала ему о том, что это наша дочь. И скрывать с каждым днем становилось все труднее. А еще – непонятно зачем.

Для Стеллы выделили отдельную комнату. Достаточно большую для девочки ее возраста, просторную и светлую. Здесь были и письменный стол для занятий, и место для игр, и огромный стеллаж, полный игрушек. И даже небольшая лесенка на стене, для зарядки.

– Знаю, тебе непросто, – сказала я, когда мы сели, чтобы перекусить. – И страшно. Прости, что не смогла защитить тебя. Нам крупно повезло, что Райан помог. Обещаю, Стелла, я не брошу тебя.

Мы обязательно уедем, купим дом нашей мечты и будем в нем жить. И ты пойдешь в школу, а я попытаюсь стать для тебя хорошей мамой. Или хотя бы просто мамой.

«Их поймали?» – написала Стелла в блокноте.

– Еще нет. Но Райан – детектив, он работает над этим делом. Скоро те, кто напал на твою семью, окажутся за решеткой.

Потом мы долго сидели у камина и читали книжки. Веселый треск поленьев придавал вечеру уют. Стелла жалась ко мне, изголодавшись по объятиям, и я испытывала странную гордость. Вряд ли хоть кто-то в моем окружении мог представить, что я стану матерью. Строго говоря, я еще ею не стала. Но для начала неплохо справляюсь.

– Кайла, нам пора. – Когда стрелки часов близились к одиннадцати, Райан вошел в гостиную. – Я думаю, Стелле будет безопаснее здесь, чем в поместье. Она привыкла к няне. И об этом домике никто не знает. Даже Вероника.

Я нехотя кивнула. Как бы мне ни хотелось забрать Стеллу, не выпуская из вида, я не могла забрать ее в поместье. А остаться здесь, бросив Райана наедине с домом, где погибла его семья, было бы слишком жестоко.

– Поживи еще немного здесь, с няней, хорошо? – попросила я. – Здесь безопасно. Я постараюсь приходить к тебе как можно чаще.

Стелла все понимала, кивала и, хоть и загрустила, не стала обижаться и мучить меня слезами. У меня сжалось сердце, когда, обернувшись, я увидела, как дочь стоит у окна и неотрывно смотрит нам вслед. Райан внимательно за мной наблюдал.

– Кажется, вы нашли общий язык. Она к тебе тянется.

– Что, не вяжется с образом законченной стервы Кайлы Кордеро?

– Ты не стерва. Хотя иногда и кажешься таковой. Когда все кончится, ты правда будешь ее растить? – спросил он.

Мне почудилось в этом вопросе некое недоверие или недовольство.

– Да, – немного грубо отрезала я.

Но мужчина сказал совсем неожиданное:

– Ты будешь хорошей матерью, Кайли.

Я думала об этих словах всю дорогу домой и позже, остаток вечера, лежа в постели и вслушиваясь в звуки старого дома. Все дело в

том, что я не имела ни малейшего понятия о том, каково это: быть хорошим родителем. У меня просто не было примера.

Глава 9

На всех похоронах обычно идет дождь. Я не помню ни одних, где бы обошлось без морозящих холодных капель, падающих с серого неба.

Мама говорила, что если идет дождь, значит, боги оплакивают умершего. Еще в детстве мне казалась эта мысль сомнительной.

Мэнфорда Хефнера вряд ли стали бы оплакивать высшие силы. А значит, дождь был просто дождем.

Или эти слезы были по Жизель?

Похороны графа проходили в тесном кругу: помимо нас с Райаном и прислуги, приехало несколько человек, самых близких друзей Мэнфорда. Смерть Жизель от них скрыли, как и само существование. Ее могила была чуть поодаль, скрытая за раскидистыми молодыми деревьями.

Тяжесть смерти отца и сестры навалилась на Райана всем своим грузом, и если накануне ему явно некогда было тосковать, то в день похорон он напоминал лишь тень от того Райана Хефнера, которого знала я. Минут двадцать он просто стоял перед свежей могилой и смотрел в пустоту, пока кто-то его не окликнул.

Меня, признаться честно, пугала традиция хоронить родных в специально оборудованном уголке сада. Большая территория поместья позволяла гулять, не натываясь на чужие могилы, но все же от мысли, что в нескольких сотнях метров кто-то похоронен, становилось не по себе.

Сочувственных слов было немного, разговоров – тоже. Никто не вспоминал, каким отличным человеком был Мэнфорд. Никто не рассказывал забавные истории из его жизни. Немногословные пожилые мужчины в черных костюмах постояли у могилы, выпили по бокалу бренди и пожелали Райану удачи. Прислуга тоже не стала задерживаться, работу в доме никто не отменял.

Так мы остались одни посреди дождливого сада, наедине с двумя свежими могилами.

– Странно думать, что ты проходила через это не единожды. Удивительно, но я до сих пор никого не терял.

– Из всех я скучаю только по Хейвен. У меня никогда не было друзей, но ее, пожалуй, я бы назвала подругой. Мне не хватает того, с кем можно поговорить по душам. И несмотря на мое отношение к Мэнфорду, знаешь, я тебе немного завидую. Отец любил тебя. Меня мой ненавидел.

Райан невесело рассмеялся.

– Он использовал меня, играя на любви к сестре, чтобы найти записи Кордеро. Заставил похитить тебя и угрожать ребенку. Не думаю, что это вписывается в понятие «любил».

– Я видела его, когда ты умирал. Райан, он любил тебя. Не всегда правильно поступал, но любил.

– Извращенная какая-то любовь.

– Некоторые согласны и на такую.

Мне вдруг вспомнилось, как зачитывали завещание отца. Только зря потратили время. Я не смогу получить наследство, ибо нарушила все его условия. Изменила внешность, не рожу наследника до тридцати. Стелла вряд ли пойдет в зачет, завещание – это про бумаги, а не родство. По документам мы навсегда останемся опекуном и подопечной.

– Не думаю, что кого-то устроит семья, основанная на лжи, – покачал головой Райан.

Кстати, о лжи.

– Нам надо поговорить.

– Надо, – согласился Райан. – Прежде чем мы уедем, надо решить, что делать дальше. Что будет с нами.

– Нет. – Я помотала головой. – Не об этом. О Стелле.

– А что с ней? Она в безопасности. Но лучше взять ее с собой в Хейзенвилль. Твои родные сумеют защитить ее?

– Выслушай меня, пожалуйста, и не перебивай.

Я так долго не решалась ему рассказать, что чувствовала, как дрожат от страха руки. Правильно ли я поступаю? Это все еще тот Райан, что бросил меня. Тот же Райан, что похитил и шантажировал. Еще несколько недель назад я клялась: он никогда не узнает правду! А теперь собираюсь совершить самый необдуманый поступок в жизни.

Снова рискнуть сердцем.

– Мне отдали Стеллу не просто так. Когда семью Белами убили, наш поверенный, Герберт Уолдер, практически заставил меня взять ее,

потому что Стелла – моя дочь. Родная. Я родила ее и отдала в приемную семью. Отец очень злился и, чтобы наказать меня, отдал Стеллу в семью из Хейзенвилля. Чтобы я видела ее. Чтобы всегда помнила об ошибке.

– Ты хочешь сказать... – начал было Райан.

– Наша дочь.

Я с опаской на него посмотрела. Смесь недоверия и удивления застыла на лице Райана, не оставив мне даже шансов сохранить холодный разум. Если он сейчас откажется от нас, если уйдет навсегда – я всю жизнь буду себя ненавидеть за то, что позволила себе снова в него влюбиться.

За то, что после всего произошедшего не просто отказываюсь ненавидеть Райана Хефнера, но и больше всего на свете боюсь снова с ним расстаться.

– Скажи что-нибудь, а то ты выглядишь так, словно я второй раз всадила в тебя нож.

– Я не знаю, что сказать. У меня есть дочь. Почти взрослая дочь, о которой я ничего не знал. О которой знала ты и молчала столько времени. И решила сказать мне об этом сейчас. На похоронах моего отца.

– Я просто не могла больше скрывать. Это было проще, когда ты ненавидел меня. А сейчас... не знаю.

– Кайла... а я знаю? Ты вот так, запросто, говоришь, что у нас есть дочь, которая больше десяти лет росла в чужой семье! И ты так спокойно рассказываешь! Как ты могла скрывать от меня ребенка? Как ты могла ее бросить?!

Ярость внутри взвилась ядовитой змеей, и я залепила Райану звонкую пощечину.

– Как я могла?! Я?! Ты бросил меня, сбежав с деньгами! Что я должна была сделать? Не лги, что не знал моего отца! И что после секса бывают последствия! Я, значит, должна была разгребать их в одиночку? Или что, обрадоваться, что у меня от тебя остался на память хотя бы ребенок?!

Я перевела дух. Райан смотрел с удивлением, а в его глазах больше не было теплоты.

– Поразительно, – немного истерично хохотнула я. – Из-за тебя отец возненавидел меня. Из-за тебя я несколько месяцев провела

взаперти, почти без еды и света. Ты хоть представляешь, что такое экономить каждую крошку, нося под сердцем ребенка?! Ты хоть представляешь, как страшно было там в одиночестве?! Когда она родилась, то не кричала, а я понятия не имела, что делать и жив ли вообще ребенок! Из-за тебя я осталась бесплодна. Из-за тебя меня до самой смерти презирал отец. Не из-за того, что ты со мной спал. А из-за того, что выставил идиоткой, бросил, как какую-то девку. Из-за того, что оказалась беременной от вора. И сейчас ты обвиняешь меня в том, что я оставила ребенка в другой семье. Я сама была ребенком!

– Ты могла уехать. Кортни же сумела.

– Я не Кортни! Если ты не заметил, я не такая, как она!

Закрыв глаза – усталость вдруг навалилась в один миг нестерпимой тяжестью, – я покачала головой.

– Забудь. Не знаю, зачем я тебе рассказала. Не думай, что я пытаюсь привязать тебя или что-то потребовать. Наверное, мне просто хотелось поделиться. Мне страшно. Я не знаю, что такое быть матерью, я никогда этого не хотела. И мне не с кем поговорить. Прости, что вывалила на тебя кучу своих проблем.

Я отвернулась, скрывая слезы, выступившие на глазах. Было обидно. Страшно и обидно, потому что после всего произошедшего я позволила себе поверить в то, что мы с Райаном снова сможем быть вместе.

Наверное, есть женщины, которым любовь просто не дана. Есть женщины, которые уничтожают все светлые чувства одним присутствием.

Возможно, я из таких.

Я найду дневник Конрада Кордеро. Выясню, что Мэнфорд и папа сделали с Ким и Жизель. Упеку Лавреско за решетку. Сделаю так, чтобы от тех, кто угрожал Стелле, не осталось и следа. А потом снова попрощаюсь с Райаном. Вернусь в Кордеро-холл, и Стелла будет расти вместе с детьми Кортни и Герберта. Райан прав в одном. Из меня получится хорошая мать. Просто обязана получиться.

Я бросила последний взгляд на могилу Мэнфорда. Он был мертв, а я оставалась жить, и была в этом какая-то извращенная справедливость.

Мой взгляд упал на надгробие. Под золотистой табличкой с именем и годами жизни едва виднелась какая-то надпись. Может,

эпитафия? В сущности, я не хотела знать, что написали на могиле этого человека. Но почему-то опустилась на колени и всмотрелась в едва заметные буквы.

«В погоне за властью можно обронить самое ценное – жизнь. Здесь лежит человек, который потерял очень много жизней. Теперь все, кто искал власть Конрада, мертвы. Уверены, что все еще хотите мне противостоять? К.»

* * *

– Я хочу, чтобы ты это подписала.

Не такого начала разговора я ожидала, но мы впервые оказались в одной комнате с тех пор, как я призналась в том, что Стелла – дочь Райана.

Он познакомился с ней на следующий день, представившись моим другом. Наплевав на мои запреты и просьбы, проигнорировав доводы разума и здравого смысла. Я не спускала с них глаз, потратив месячный запас выдержки на то, чтобы ничем не выдать страх, что Стелла узнает правду и никогда меня не простит.

Но была вынуждена признать: они понимали друг друга с полуслова. Точнее, с жестов, улыбок и взглядов. Просто абсолютная идиллия.

О нет, это не были эталонные отношения отца и дочери. Но между Райаном и Стеллой определенно зародилось нечто вроде осторожной дружбы. А значит, все грозило сильно усложниться.

– Что это? – Я оторвалась от косы и посмотрела на кипу бумаг.

Вчиталась в заголовок и недоверчиво рассмеялась.

– Брачный контракт? Хефнер, ты серьезно? Я это не подпишу!

– Будешь матерью-одиночкой?

– А это так страшно?

– Она и моя дочь.

– Два дня назад ты даже не знал об этом.

– По твоей милости, смею заметить. Если бы ты соизволила признаться раньше...

– То что? Ты бы с извинениями выпустил меня на свободу?

– Мой ребенок заслуживает гарантий. Я всю жизнь проработал в управлении стражи, я был женат на женщине, которая расследовала преступления против детей. Ты не представляешь, Кайла, скольких проблем можно избежать, лишь имея все необходимые документы на ребенка!

– Кстати, о супругах. Не слышала, чтобы ты развелся.

– Я развелся! – рявкнул Райан. – И намереваюсь сделать так, чтобы мой ребенок рос в полной семье.

– Боги, Райан! Ты себя слышишь? О какой семье речь?! Ты хоть знаешь, что это слово значит? Мы чужие друг другу люди! О чем ты просишь? Изображать счастливый брак ради... чего? Иллюзии благополучия? Ты сумасшедший! Ты осуждаешь отца за ложь, которой он вас окружил, а теперь сам пытаешься сделать то же со Стеллой!

Я закончила с прической и поднялась. Часы уже показывали семь вечера, пора выходить.

– Не делай из меня монстра. Я не могу и не хочу запретить тебе видеть Стеллу. Но лгать ей я не стану. Между нами ничего нет, Райан.

– Ты все так же плохо врешь, Кайли. – Он рассматривал вырез моего платья, и постепенно в глазах загорался нехороший огонек. – Между нами гораздо больше, чем «ничего».

Он сделал шаг в мою сторону. Отступая, я уперлась спиной в холодную стену. Как тогда, в библиотеке, Райан поставил руки по обе стороны от моей головы, преграждая пути к отступлению.

– Выпусти меня! – потребовала я.

– Не хочу. – Огонек превращался в пламя.

– Меня ждет Стелла.

– Ты сама как-то сказала, – он опасно приблизился, – это будет быстро.

Губы Райана скользнули по шее, вниз, язык обрисовал ключицу, вырвав у меня короткий стон.

– Хватит!

– То же самое я хотел сказать тебе. Ты избегаешь меня все эти дни.

– Нет идей почему?

Он снова губами прижался к моим губам. И снова, как одиннадцать лет назад, я сама не поняла, как обвила его руками за шею.

– Я был груб. Прости, Кайли. Все навалилось сразу. Последнее, чего я ожидал, это что ты скажешь, что у нас есть дочь. Прости, что меня не было рядом. Каждый раз, когда я закрываю глаза, я вижу тебя в старом холодном доме. Одну, испуганную. И ненавижу себя за то, что позволил так с тобой обойтись. Дай мне исправить ошибку.

– Ее не исправить браком по расчету, Райан, – тихо выдохнула я.

– Ты сказала, отец лишил тебя наследства.

– Да.

– На что вы будете жить?

– У меня есть работа, Райан, я преподаватель алхимии. А еще у меня есть сестра, и Кортни плевала на все указания отца. Никто не позволит нам умереть с голоду.

– Почему ты такая упрямая, Кайли?

Он не торопился. Неспешно ласкал шею, плечи, целовал грудь, не торопясь стаскивать платье. Я потянулась к губам Райана, но он ловко уклонился. Жажда поцелуя стала нестерпимой. Неудовлетворенность и злость на то, что он снова со мной играет, отключили разум.

– Когда я увидела тебя в библиотеке, – хрипло произнесла я, – то подумала, что ты повзрослел.

Мой палец обвел его губы.

– Я ошиблась.

Он злился, словно я задела за живое. Словно отчаянно пытался убедить себя в состоятельности, а я разбередила рану и вытащила наружу страхи.

Райан впился в мои губы жестким поцелуем-укусом, от которого я застонала. Нежность словно испарилась, да она и не была нужна. С первой нашей встречи в библиотеке, с первого поцелуя в тюремной камере я знала, что этим все кончится.

Он заставил меня развернуться и выгнуться в спине, опершись на стену. Я впились ногтями в дорогие обои, сдирая абстрактные золотистые узоры до онемения пальцев. Первый толчок отозвался внутри сладкой болью.

– Как ты пахнешь, Кайли, – пробормотал Райан. – Я планировал это не так.

Мои волосы, прежде уложенные в изящную прическу, рассыпались по плечам. Он сжал их в кулаке, заставляя меня

выгнуться. Хриплое дыхание опаляло кожу на шее, а поцелуи чередовались с волнующими укусами.

Толчки становились медленнее, словно Райан хотел продлить момент близости. Я таяла в его руках, подаваясь каждому движению, не контролируя голос.

– Кайли, – шепнул он, – скажи мое имя.

– Катись, – простонала я.

– Тогда я буду мучить тебя.

Он замер, и у меня закружилась голова от неудовлетворенного желания. Рука Райана опустилась вниз, подарив мимолетную ласку, и тут же пропала. Я подалась вперед, чтобы как-то заставить его снова двинуться, но стальная хватка сильных рук не позволила.

– Имя, Кайли, – потребовал он.

– Райан, – выдохнула я.

Он вошел последний раз, застонав. Я почувствовала, как по телу проходит дрожь, и замерла, отдаваясь ощущениям без остатка. Вместе с ошеломляющим удовольствием в памяти всплыли наши ночи десятилетней давности. Тогда он был нежнее. А я верила и любила так, как уже не способна верить и любить сейчас.

– Мне надо к Стелле. Я обещала, – глухо проговорила я, стараясь не смотреть в глаза Райану.

Почему-то вдруг стало неловко и неудобно. Я дрожащими руками зашнуровывала платье, стараясь сохранить невозмутимость и спокойствие.

– Возьмешь меня с собой? – спросил Райан.

– Зачем? Ты ведь получил то, что хотел. О контракте можешь забыть.

Он заставил меня поднять голову и заправил за ухо особенно непослушную прядь. Я убила на косу больше часа, а он ее просто взял и распустил.

– Я хочу провести вечер с вами.

– Потому что тебе важно победить?

– Потому что мне важно не наделать еще больше ошибок.

– Хорошо. Приходи не ради того, чтобы уколоть меня побольнее.

Приходи, если ты действительно хочешь провести вечер с нами.

Я открыла дверь, пролив в коридор немного света.

– Иначе ты нам не нужен.

В доме, где жила Стелла, было уютно, безопасно и спокойно. В этом доме я любила всех чуточку больше. И могла спокойно спать.

– Стелла! – крикнула я, зная, что дочь не спит. – Я принесла целую гору еды.

Ответом мне стал женский голос:

– Это просто замечательно, я жутко голодна.

Сердце выпрыгнуло из груди, я почувствовала, как не хватает воздуха для вдоха. Лавреско?

Вспыхнул свет, и так же быстро, как и страх, накатило облегчение. Я едва не рассмеялась. В кресле у камина сидела высокая шатенка в застегнутом наглухо черном пальто. Я смотрела на нее так, словно впервые видела. Отчасти так оно и было: озорная, совсем не свойственная этой девице улыбка оказалась мне в новинку.

– Кортни, – улыбнулась я. – Не отказала себе в удовольствии меня напугать.

– Это было просто. Как и найти это место. Хефнеры уверены в его безопасности?

– Да, Райан клялся, что в дом невозможно проникнуть без его помощи. И я верила, – с досадой ответила я.

– Должна сказать, с положом действительно возникли проблемы. Но ничто не способно остановить сестер Кордеро на пути к цели. Ну, как ты?

Кортни поднялась, чтобы крепко меня обнять, и только тогда я поняла, как скучала. Мы не виделись больше года. Сначала я не хотела ее видеть, пожалуй, испытывая злость. Кортни не было с нами, когда Ким медленно сходила с ума. Кортни стала наследницей – так решил отец, наглядно продемонстрировав свое ко мне отношение. Кортни счастливо вышла замуж, и все разговоры о ненависти к Герберту Уолдеру оказались ложью.

Но сейчас я была рада ее видеть. И я действительно соскучилась. Я написала домой сразу же после похорон Мэнфорда, но не думала, что они приедут. Мы собирались добраться до Хейзенвилля и попросили разрешения остановиться в Кордеро-холле. Другого столь же защищенного места в этом городе просто не существовало.

– Ты одна? – спросила я.

– Нет, Герберт наверху, общается с няней. Проверяет ее.

– Она надежная. Стелла с ней уже давно. Они ладят.

– Ну, садись. И дай мне что-нибудь уже поесть, я умираю с голоду!

Я выставила на стол свертки с бутербродами, гранатовыми крыльями и овощами. Кортни тут же набросилась на еду, из чего я сделала вывод, что они наверняка провели в экипаже весь день.

На лестнице показалась Стелла, явно напуганная приходом посторонних. Увидев меня и поняв, что я выгляжу вполне счастливой, она осторожно приблизилась и с любопытством посмотрела на Кортни.

– Это моя сестра Кортни, Стелла. Твоя тетья.

– Она знает, мы виделись как-то в городе. Привет, Стелла. Как дела?

Дочь кивнула и потянулась к еде, которую я сложила ей на тарелку.

– Надо же, – на лестнице показался Герберт, как всегда одетый с иголки и бодрый, – Кайла, ты сегодня очаровательна. Не желаешь выпить?

– Ты что, возишь выпивку с собой? Кортни, и где воспитание твоего мужа?

Кортни фыркнула и украдкой закатила глаза.

– Он дразнит тебя, не обращай внимания. Кайла, ты не против, если мы останемся на ночь? Рядом нет гостиниц.

– Конечно. Приготовлю вам постель.

– А хозяин против не будет? – хмыкнул Герберт. – Или ты здесь полноправная хозяйка?

– Райан придет позже. Я попросила дать мне пару часов со Стеллой.

– Он знает? – спросила Кортни.

Я покосилась на дочь и едва заметно кивнула. Мы еще не рассказали Стелле, справедливо считая, что вывалить на нее столько перемен разом довольно жестоко.

– Я был бы не прочь побеседовать с графом Хефнером, – мрачно произнес Герберт. – Если он считает, что можно безнаказанно похищать и удерживать членов моей семьи, то пора напомнить правила.

В груди разлилось странное, доселе неизвестное тепло от того, что меня все еще считали членом этой семьи. Когда эти двое поженились, мне стало казаться, им никто не нужен. Потом подумалось, что, быть может, каждой влюбленной паре нужен такой период, когда не существует весь остальной мир. Я даже привыкла к одиночеству.

– Не бей Райана, – как-то по-детски попросила я. – Я еще не поняла, как к нему относиться. И он потерял отца.

– Что? – Герберт оторвался от бокалов, по которым разливал вино. – Мэнфорд мертв?

Я кивнула, покосившись на Стеллу, но та делала вид, что не слушает, полностью поглощенная десертом.

– Не без моей помощи.

Тут уже Кортни открыла рот.

– Так! – Ее тоже смущало присутствие Стеллы. – Давайте перекусим, отправим ребенка спать и тогда поговорим.

Мы выпили за встречу, доели принесенный ужин, и разморенная Стелла уснула прямо у меня на коленях. Герберт отнес ее наверх, няня привычно устроилась на невысокой софе рядом с кроватью, и за дочь я осталась спокойна.

Все сели в гостиной, и под треск поленьев я начала рассказ, начиная от встречи с Лавреско в гостинице и заканчивая смертью Мэнфорда. Умолчала лишь о ссоре с Райаном и о его требовании подписать брачный контракт. С этим я еще сама не разобралась.

– Подводя итоги, – задумчиво произнес Герберт, – остается лишь Лавреско, которая убила родителей Стеллы. Она охотится за девочкой, чтобы найти дневник Конрада Кордеро, вашего предка, менталиста.

– Да, – кивнула я. – Мэнфорд с дистанции сошел.

– Знаете, – хмыкнул Герберт, – иногда у меня появляются фантазии. Ночь, наш дом, вы, одетые в кружевные сорочки...

– Я не хочу это слышать! – Кортни округлила глаза.

Но Герберт, проигнорировав жену, продолжил:

– ...Одетые в кружевные сорочки, спите! В своих! Комнатах! Не вязываетесь в очередное приключение! Не бегаєте от маньяков! А просто спите, каждая в своей комнате, с закрытыми окнами, дверями, вентиляционными шахтами! И я сплю! А не вытаскиваю вас из подвалов, не закапываю трупы и не гоняюсь за психами!

От избытка чувств и такого простого желания Герберт залпом допил оставшееся в бокале вино.

Мы с сестрой переглянулись и фыркнули. Да, мужчинам в нашей семье приходится несладко.

– Значит, Карл и Мэнфорд проводили эксперименты с магией, основанные на работах далекого предка. И что-то пошло не так, предположительно, с Ким и Жизель Хефнер.

– Да, – я кивнула, – ты можешь сказать, что именно?

Герберт покачал головой.

– Ментальная магия слишком непредсказуемая и слишком опасная. Но если Карл действительно использовал Ким, то я рад, что он мертв.

От меня не укрылось, как он взял Кортни за руку, словно представив на миг, что на месте младшей сестры могла оказаться она.

– Нужно найти дневники. И если в них есть что-то, что поможет Ким, то использовать это.

Мы никогда не говорили о болезни Ким. И уж точно не строили иллюзий, в которых сестра возвращается домой, здоровая и прежняя. Но сейчас, глядя в глаза Кортни, я, как в зеркале, видела отражение надежды.

– У тебя есть идеи, где может быть дневник?

– Вероника Лавреско убила Эдмонда Белами. Он держал книжный магазин. Если дневники были у папы, то они либо в доме, либо там, куда их отдала после его смерти Кристалл. Букинистическая лавка – вполне в ее духе. А еще я видела книгу за авторством «К. Кордеро» в даркфеллской библиотеке. Возможно, она попала и туда.

Мы с Кортни подскочили, когда в дверях появился Райан. Неизвестно, сколько он стоял там и что слышал, но по его лицу я поняла, что многое.

– И когда же ты вспомнила это, Кайли? – зло проговорил он.

– А вы дали мне повод вас радовать? – холодно спросила в ответ я. – Вы делали все, чтобы я как можно правдоподобнее притворялась душой. Чем меньше информации я выдавала, тем дольше была жива.

– Не носи бред, тебя никто не грозил убить!

– Серьезно? – Я откинулась в кресле. – Да, удобно врать, мертвые ведь не могут опровергнуть. Чего ты ждешь от меня?

– Того, что ты испытываешь хоть немного сожаления из-за того, что у тебя была нужная нам информация, но ты решила ею не делиться! Моя сестра мертва, а я узнаю, что ты могла просто рассказать про библиотеку?!

– Вы не рассказывали мне о Жизель! – Я сорвалась было на крик, но тут же понизила голос, испугавшись, что Стелла проснется. – Только угрожали, запирали и шантажировали! Твоя сестра, Райан, мертва, потому что твой отец так с ней обошелся. Может, разберешься с этой проблемой, а не будешь ставить мне в вину попытки выжить?!

– Или объяснишься со мной. – Герберт легко поднялся.

Вслед за ним вскочили мы с Кортни.

– Я вас очень прошу, – сказала сестра, – обойдитесь без драки.

– Поддерживаю, – кивнула я. – Наверху Стелла. У нас общая цель, и я хочу завершить дело. Я хочу оказаться в безопасности вместе с ребенком! Если вы друг друга поубиваете, безопаснее для нас не станет.

Не знаю, что подействовало на Герберта, просьба жены или мои разумные доводы, но он сел обратно, хмуро рассматривая Райана. Не сводя с него взгляда, поверенный произнес:

– Стеллу надо спрятать. Это место ненадежно.

– Варианты? – спросила сестра.

– Кордеро-холл, – ответила ей я. – Вы заберете Стеллу и няню. Нет безопаснее места, чем наш дом.

– Это совсем рядом с местом, где убили ее родителей, – тихо возразил Герберт. – Она и так не разговаривает. Ты уверена, что каждый день напоминать ей о трагедии – хорошая идея?

– Лучше грустить по родным, чем столкнуться с Вероникой Лавреско. Я видела, на что она способна. Я уверена.

Райан снова напомнил о своем присутствии:

– Я ее отец. Не хотите дать право голоса мне?

– Хорошо. – Я заставила себя успокоиться и говорить с ним спокойно. – Твои варианты?

– Заграница. Если Стеллу и няню отправить за рубеж, Веронике будет сложнее до них добраться.

– А если все же получится? – спросила я. – Мы не успеем приехать на помощь. Неизвестно, что Вероника хочет сделать со

Стеллой. А ты предлагаешь отправить ее туда, где у нас нет ни власти, ни связей!

– В Хейзенвилле нас могут ждать.

– Подождите, – вмешалась Кортни. – Я согласна, что Хейзенвилль не лучший вариант. И что нельзя отправлять Стеллу далеко. Но у нашей семьи много недвижимости. Может, проверим, как дела на юге?

Ее губы тронула легкая улыбка.

– Стелле понравится теплое море. Мы найдем такую охрану, что никто не рискнет подойти даже близко. В том числе менталистов. Как только поймем Лавреско и найдем дневники, приедем за девочкой.

– Мне не нравится идея оставлять ее одну, – вздохнула я.

– Герберт останется с ней, – кивнула Кортни.

– Плохая идея! – тут же отозвался он.

– Я не могу доверить ее никому, кроме тебя. Мы с Кайлой найдем дневник, Райан поймает Веронику, а ты защити Стеллу. Никто из нас не справится лучше.

На этот счет Райан явно имел другие мысли, но я украдкой ткнула его в бок. Смерив присутствующих мрачным взглядом, Герберт нехотя кивнул, и я выдохнула. Стелла будет в безопасности. С остальным мы разберемся.

В доме было две спальни: в одной спала Стелла, вторую заняли Кортни с Гербертом. Я колебалась между тем, чтобы поехать спать в поместье Хефнеров или попытаться подремать в гостиной, на крошечном неудобном диване. Но кто бы знал, как не хотелось снова оставаться наедине с Райаном, особенно после того, как мы не сдержались.

Снова изматывающие разговоры, притяжение, снова прикосновения на грани. И очередная ссора. Я старалась не думать, что будет потом, когда мы разберемся с Лавреско.

Как оставить Райана в жизни Стеллы, дать ей отца и самой избавиться от ноющей боли внутри? Вряд ли такое решение вообще существует.

– Ты идешь? – спросил Райан, когда я проводила спать Кортни.

– Нет, я лягу со Стеллой. Завтра они уедут, я хочу попрощаться.

Мы действительно решили, что Кортни с Гербертом поедут с самого утра. Кортни вернется в Хейзенвилль и обыщет дом на случай,

если дневники Конрада все еще там. А мы с Райаном отправимся обыскивать магазин Белами.

Повисла неловкая пауза, нарушаемая лишь завываниями ветра снаружи.

А потом мы заговорили одновременно, и оба запутались в мыслях.

– Давай ты, – произнес Райан.

– Мне жаль, что я не рассказала о библиотеке раньше. И что из-за этого Жизель не получила свой шанс. Тогда я не знала, о чем речь. И считала тебя врагом.

Он покачал головой.

– Это не твоя вина. Мне нужно было рассказать. Прости, Кайла, я срываюсь на тебе, потому что очень устал. И хоть знаю, что не имею права, это выше моих сил. Все свалилось в один момент. Смерть отца, Жизель, их эксперименты, Вероника, Стелла. Мои чувства к тебе.

На несколько секунд я забыла, как дышать. Потом вспомнила, но получилось лишь сделать пару судорожных вдохов – и снова закружилась голова.

– Я хочу, чтобы ты подписала контракт, потому что не представляю, как еще не дать вам уйти. И уговорить тебя дать мне шанс, потому что – будем откровенны – я этого шанса не заслуживаю. Но мысль о том, что вы найдете себе кого-то, кто будет с вами всю жизнь, а я останусь один в этом проклятом доме, меня медленно убивает.

– Если я дам тебе шанс, а ты снова уйдешь, то я просто не выживу, Райан. А я не имею права не выжить. Ради Стеллы. Проще разбить себе сердце сейчас, чем потом, когда ты оправишься от смерти отца и наиграешься.

– Кайла, я не играю с тобой. Я влюбился в тебя тогда. Разыгрывая парня из бедной семьи, я не притворялся только с тобой. На протяжении одиннадцати лет мне удавалось только глушить это чувство, убеждать себя, что у такой, как ты, сотни претендентов на руку и сердце.

По телу прошла волна дрожи. Я уговаривала себя быть разумной. Хладнокровной, циничной, настоящей Кордеро. Но в голове билось только одновременно сладкое и горькое «влюбился».

– Уже поздно. Давай пойдем спать.

– Я не хочу сейчас спать, – шепнул Райан. – Мне было мало. Я думал, что, заполучив тебя, перестану сходить с ума.

Он приблизился, говорил, почти касаясь моего лица губами:

– Но, кажется, все стало только хуже.

– Тогда прекрати! Хватит обвинять меня во всех преступлениях! Хватит мучить!

Легкий поцелуй заставил застонать.

– Не буду, – шепнул Райан. – Обещаю, Кайли.

– Прекрати называть меня Кайли! Я не собака!

– Мне нравится это имя. Оно тебе больше подходит.

– А мне не нравится.

– Врешь.

– Райан, стой! – Когда он принялся целовать мою шею, я оттолкнула мужчину. Пока еще могла. – Мы же не одни!

– Стелла спит у себя с няней. Твоя сестра и ее ручной юрист слишком вымотались, чтобы подсматривать.

Он прижался всем телом, чтобы я ощутила его возбуждение. Тепло от этого мужчины исходило невероятное, и меня пожирало желание отдаться этому теплу, купаться в нем и никогда больше не отходить.

– Я не могу иметь детей.

– Из-за меня.

– Нет...

– Да. Из-за Стеллы, из-за того, что ты родила ее так рано. И в таких... условиях.

– Неважно. А то, что со мной не получится семьи, – важно. Я не рожу тебе ребенка. У меня нет денег. Непростое прошлое, сестра в психушке и дочь, за которой охотятся менталисты-убийцы. Зачем тебе такая Кайла?

Он улыбнулся.

– Я увезу тебя на теплое море. С золотыми пляжами, бирюзовой водой и протяжными дождями вместо суровой зимы. Мы будем жить там, пока не надоест, и каждый день завтракать у воды. Засыпать под шум прибоя. Валяться на песке, строить замки и пить кокосовую воду. А дома всегда будет свет.

Он снова вернулся к моим губам, целуя и чуть прикусывая.

– Кайли... Завтра мы поедем в Хейзенвилль. Это может быть наша последняя ночь. Неужели ты хочешь провести ее по разным комнатам?

– Нет, – сдалась я. – Ненавижу тебя.

– Любишь, – улыбнулся Райан.

Люблю. Но признать это – значило расписаться в собственной слабости и перечеркнуть одиннадцать лет попыток его забыть.

– Я не хочу уезжать, – раздался тихий голос, который я раньше не слышала.

Словно обжегшись, мы отскочили друг от друга и повернулись к лестнице, где, сжимая какую-то мягкую игрушку, стояла заспанная Стелла в теплой и слегка большеватой пижаме. До меня не сразу дошло, что только что случилось, а вот Райан сообразил быстрее. Он опустился на ступеньку рядом с дочерью и подмигнул мне.

– Это ненадолго. Совсем скоро мы с мамой приедем к тебе.

– Вместе?

Я никогда еще не слышала ее голос. Чистый, звонкий, так напоминающий родной голос Ким.

– Вместе, – сквозь слезы улыбнулась я дочери. – Обязательно вместе.

Глава 10

– Ты что, сняла всю библиотеку? – Я поразилась отсутствию людей.

В это время в даркфеллской библиотеке должны быть толпы студентов! Но наши шаги эхом отдавались в пустых помещениях.

– Разумеется, – невозмутимо ответила Кортни. – Вероника Лавреско все еще на свободе. Мне не нужны лишние жертвы. Жаль, что со времен детектива Портера в управлении ничего не изменилось, и они все такие же непроходимые тупицы. Извини, Райан.

– Ничего, – флегматично отозвался он.

– То, что они не выделили людей оцепить территорию, еще раз доказывает, что план Герберта спрятать вас со Стеллой был единственно верным.

– Только он не сработал, – хмыкнул Райан.

– Да, потому что вмешался твой отец. Если бы вы связались со мной и рассказали о ситуации с Жизель, я помогла бы вам. Мэнфорд этого не сделал, а значит, скорее всего, он лгал о содержимом дневника.

Иронично, что поиски записей Конрада Кордеро привели меня туда, где все и началось: в библиотеку. Как давно это было! И сколько всего произошло с тех пор. Случайно ли жуткая иллюзия загнала меня сюда?

А вот Райан о случайностях и совпадениях не думал. На службе он неуловимо менялся, превращаясь в собранного, жесткого и хладнокровного детектива.

После того как Герберт увез Стеллу, мы обшарили весь Кордеро-холл, от подвала до чердака. Но не нашли ни единого упоминания Конрада Кордеро. Я сильно усомнилась в том, что для отца труды предка имели такое уж большое значение. Хоть что-то должно было найтись! Но не нашлось.

Ни портретов. Ни книг. Ни именных предметов.

В лавке Белами история повторилась. На то, чтобы проверить все до единой книги, ушло несколько дней, но все, чего мы добились:

изрезали пальцы и надорвали спины, таская тяжеленные многотомники с места на место.

Оставалась только библиотека Даркфелла. После нее нас ждал тупик, а я даже не могла поклясться, что книга не была очередной иллюзией.

Несмотря на все усилия, Веронику Лавреско так и не нашли. Может, мне и книга привиделась?

– Где ты ее видела? – спросила Кортни.

– В разделе ментальной магии. Точно не помню. Райан, где мы с тобой говорили?

– Ты хотела сказать, где ты меня подставила?

Кортни с интересом и ухмылкой на нас посмотрела.

– Хорошо. Где я тебя подставила?

– Не помню. Я был занят тем, чтобы не получить в морду.

– Мы ищем иголку в стоге сена, – вздохнула сестра, остановившись у первого стеллажа. – Здесь тысячи книг! А в нашей семье были десятки писателей. Кормак Кордеро изучал магию огня в низких потенциалах. Курт Кордеро писал очерки о путешествиях. Кейн Кордеро – романист, а Клара – поэтесса. И все они написали кучу книг, которые хранятся в библиотеках, продаются в магазинах, изучаются на курсах истории и литературы. Можно целую вечность бегать по миру и вылавливать книги.

– Раздел менталистики, – напомнила я. – Я видела книгу в разделе ментальной магии. Разве у нас кто-то писал о ней?

– Кевин Кордеро написал «Энциклопедию разума» для углубленного курса в школе. Каспер Кордеро выпустил жизнеописания величайших ментальных магов столетия. Корентин Кордеро – один из составителей словаря менталистов, а...

– Ладно-ладно, я поняла. А ты неплохо изучила нашу историю за этот год.

– Я замужем за невыносимым занудой, юристом и историком. У меня не было выбора.

– Хорошо, что Герберт тебя не слышит, – улыбнулась я.

Вздохнула и посмотрела на Райана, который осматривал полки чуть поодаль.

– Что между вами происходит? – спросила сестра.

– Не знаю. Чувствую себя какой-то... слабовольной. Я должна его ненавидеть. Но Стелла тянется к нему. И он к ней. Она стала говорить. И у меня не осталось сил его ненавидеть. За одиннадцать лет кончились.

– Ты ничего никому не должна, Кайла. А уж тем более ненавидеть. Если бы не ваши отцы, вы бы не расстались. Используйте шанс, если хотите, сейчас.

– Если бы не наши отцы, мы бы и не встретились.

– Тогда тем более используй.

– О! Нашла!

Кортни приподнялась на цыпочки и вытащила с полки какую-то книгу. Я покачала головой еще до того, как мы прочли название.

– Нет, это учебник. Ты точно видела не его?

– Да. Он здесь, я уверена.

– Не хочешь рассказать почему?

– В тот вечер, когда я встретила Райана, библиотека не входила в мои планы. Меня загнала сюда жутковатая иллюзия на улице. Похоронная процессия появлялась снова и снова, я была пьяна, испугалась и спряталась в первом попавшемся месте. Как будто кто-то специально испугал меня, чтобы загнать сюда.

– Это могла быть Вероника?

Я пожала плечами.

– Иллюзии – дар менталистов. Но зачем ей приводить меня к книге, если она сама за ней охотится?

– Может, мы знаем не все. Или неправильно интерпретировали ее цели.

– Или «К» не Вероника, а ее кукловод.

– Если ты намекаешь на Ким, то она в лечебнице. Я заходила к ней. Оттуда невозможно сбежать, Кайла. Кто бы ни играл с тобой, это не она.

– Значит, это папа восстал из могилы и мстит за то, что мы оказались непутевыми дочерьми, – мрачно пошутила я.

Кортни передернуло.

И тут я увидела заветный корешок.

– А вот и она. Райан!

Память меня не подводила, а книга не привиделась – я схватила ее с полки и, затаив дыхание от волнения, провела пальцем по тисненым

буквам на обложке.

«К. Кордеро»

Ни названия, ни выходных данных, только имя.

– Это она. Дневник. Не тиражная печать.

– Открой! – потребовала Кортни.

Но когда я раскрыла книгу на середине, мы дружно испустили разочарованный вздох.

– Зашифрована. И ключ к шифру наверняка в могиле вместе с Конрадом. Да что за проклятый род!

Кортни впервые на моей памяти сорвалась. Она отвернулась, опершись на ближайший стеллаж. Райан с сочувствием на меня посмотрел. Мы обе надеялись, что если в словах Мэнфорда была хоть частичка правды, если он надеялся помочь Жизель, то заметки Конрада помогут Ким. Без ключа к шифру мы никогда не пойдем, о чем здесь написано. Подобрать ключ к шифру человека, о котором хоть что-то известно, можно. Но не о том, кто жил много сотен лет назад.

Райан притянул меня к себе и уткнулся носом в макушку.

– Мне жаль, родная. Мы не сдадимся. Что-нибудь придумаем, будем искать и изучать.

На то, чтобы найти хоть что-то, уйдут годы, которых у Ким просто нет. Она не протянет и трех в лечебнице. Сквозь слезы я смотрела на бессмысленный набор символов в дневнике и так злилась, что уничтожила бы его, не раздумывая. Хотя впору было злиться на себя. Я снова поддалась надежде.

– Что-то не то, – задумчиво сказала я. – Не могу понять...

– А я думала, наш брак основан на принципах верности и честности, – услышали мы.

– А я не думал, что женат на убийце.

Я вытащила из кармана револьвер. Райан оттеснил меня к себе за спину. В руке Кортни вспыхнуло алое пламя.

– О, как мило, вы подготовились. Да, выглядите грозно. Хотя, надо сказать, вы ужасно скучные и предсказуемые. Я чуть не умерла со скуки, пока следила за вами. Мне бы очень хотелось, чтобы вы добровольно отдали мне дневник. Тогда никто не пострадает. Иначе мне придется вас убить. Возможно, вы думаете, что трое против

одного – неравный бой. Но специфика ментальной магии в том, что прежде, чем вы меня пристрелите или спалите, я успею выжечь кому-нибудь мозги. Кого выбрать? Кортни, любимую игрушку посредственного юриста? Райана, неверного супруга и доверчивого детектива? Кайли, шлюху, возомнившую себя матерью-героиней? Пожалуй, будет сюрприз. Ну же, Кортни, ты глава рода, ты должна любой ценой защищать семью. Прикажи сестре отдать мне дневник.

– Пожалуй, я рискну, – холодно ответила она.

Вероника скривилась.

– Большая ошибка.

– Подожди! – крикнула я. – Бери.

– Кайла! – шепнул Райан. – С ума сошла?!

– Дневник зашифрован, – ответила я. – Какая разница, кому он достанется? Никто не сможет его расшифровать.

Или у Вероники на этот случай был план, или она отлично собой владела, потому что новость о шифре ее совсем не удивила.

– Отдай его Райану, – велела она. – И отойди.

Неужели она считала меня опаснее бывшего мужа? Или рассчитывала, что он еще испытывает какие-то чувства и не решится выстрелить?

– Положи его на пол. И толкни ко мне.

Жаль, что в библиотеке не было служащих. За такое обращение с книгами любой уважающий себя библиотекарь порвал бы Лавреско голыми руками.

Вероника подняла книгу и быстро пролистала.

– Хорошо. А теперь я уйду. Вы останетесь на своих местах, потому что если попытаетесь меня преследовать, то я убью кого-то из вас.

Пятясь, она не сводила с меня глаз.

– Знаешь, Кайла, в нашем браке всегда было трое. Любопытно наконец на тебя взглянуть. У Райана всегда был странный вкус.

– Ответь мне на один вопрос. Зачем ты пыталась убить Стеллу?

– Ну, во-первых, она Кордеро, а значит, почему бы нет? А во-вторых, Стелла видела кое-что, когда мы навещали Белами. Впрочем, кажется, она и сама этого не понимает. Если бы я хотела убить ее, то убила бы еще до того, как отдала тебе. Я лишь пыталась загнать дичь,

Кайли. Вполне успешно, ведь в итоге ты привела меня к дневнику. Пусть и немного не тем путем, каким ожидалось.

Помрачнев, она покосилась на Райана.

– Довольно обидно, что ты развелся со мной через суд. Мог хотя бы прислать письмо.

– Я с тобой не развелся. Я написал, что вдовец.

На лице Вероники отразилось удивление – всего на миг, но она отвела от меня взгляд, и Кортни крикнула: «Стреляй!» А потом что было силы толкнула меня за стеллажи, куда-то во тьму. Я не удержалась на ногах, врезалась в стеллаж, и сверху посыпались книги.

Несколько оглушительных выстрелов почти лишили меня слуха. Стеллаж закрывал большую часть обзора, но я сумела увидеть, как из ослабевших пальцев Вероники выскользнул дневник. Сначала я почувствовала запах крови, потом что-то теплое полилось из носа на рубашку. И только когда я, словно находясь в тумане, посмотрела на собственные ладони, алые от крови, накатила боль.

Голову словно разрывало на части. Ни с чем не сравнимая боль, невыносимая, жуткая. Единственным желанием стало лишь добраться до оружия и любым способом все прекратить. Я никогда не испытывала ничего подобного. Казалось, запертое в непослушном теле сознание истерично металось, неспособное вырваться и закончить собственные муки. Осознав, что совсем рядом, возле груды старых книг, лежит револьвер, я собрала остатки сил и потянулась к нему.

Измученный адской болью разум заставил забыть обо всем, кроме невыносимого желания все прекратить. Забыть о Стелле, дочери, которую у меня не было шанса воспитать. Забыть о Райане, мужчине, которого я так долго и отчаянно любила. О Кортни, которой так и не сказала «прости». О мечтах о теплом море и золотом песке. О жизни, которая могла бы случиться, но так и осталась в глупых фантазиях.

Когда пальцы коснулись холодной стали, на мою руку легла чужая.

– Райан! Оставь Лавреско, помоги мне! – крикнула Кортни.

Сквозь пелену я с трудом могла рассмотреть сестру.

– Потерпи. Целители в пути.

Я застонала. От нового приступа я свернулась клубочком и в этот момент ненавидела Кортни за то, что она продлила мучения.

Исход все равно один. Зачем, зачем она меня остановила?!

Кто-то поднял меня на руки. Я узнала запах и захныкала.

– Тише, Кайли, сейчас мы отнесем тебя к целителям. Все будет хорошо.

Кажется, на несколько секунд я потеряла сознание, потому что следующее, что помню, – как ветер развеивает волосы. Легкие наполнились холодным воздухом, я закашлялась и снова заскулила от боли, но вдруг поняла, что она стала немного слабее.

Потом Райан положил меня на какую-то кушетку, и вокруг засуетились люди. Я слышала крики, кажется, выстрелы, почувствовала запах гари, но, возможно, он просто мне привиделся. Кто-то поднес мне к губам флакон с зельем.

– Нужно выпить, Кайли, – раздался откуда-то голос Райана. – Это поможет.

Я нащупала во тьме его руку и сжала так сильно, как была способна. Хотела сказать, чтобы позаботился о Стелле, если я все же не выдержу, но тут кто-то ловкий воспользовался моментом – и я закашлялась, подавившись зельем.

Боль стихала. Я откинулась на кушетку, закрыв глаза, и поняла, что проваливаюсь в спасительный сон.

– Дневник... забери его, не отдавай. Он нам нужен. Он нужен Ким.

* * *

– Я уж думал, ты решила меня бросить.

Я оторвалась от книги и улыбнулась, увидев в дверях палаты Райана.

– Где мой букет? Все присылают букеты.

– Я принес кое-что лучше букета. Я принес тебе нормальный завтрак.

Он помахал бумажным пакетом, в котором я обнаружила блины со свежими ягодами, травяной чай и мягкий творог. Что ж, не кофе, но тоже неплохо. Совру, если скажу, что еда в лечебнице отвратительна, но изыски не оплачиваются короной. Даже для леди Кайлы Кордеро, пострадавшей во время операции по поимке опасной преступницы.

– Как ты, Кайли?

Райан опустился в кресло рядом с койкой и поправил мне съехавшую подушку.

– Я за тебя испугался.

– В относительном порядке. Голова немного болит. Целитель сказал, на восстановление после ментального удара потребуется до полугода. Но мне повезло, Вероника не успела задействовать все свои магические резервы. Ну и Кортни вовремя меня толкнула.

– Если бы ты погибла, я бы возненавидел себя до конца дней. Я предполагал, что она попытается убить тебя, но...

– Но до последнего надеялся, что это будешь ты. Да, я знаю. И ненавижу тебя за это. Ты стоял к ней ближе всех! Она бы убила тебя гарантированно!

– Взаимное гарантированное уничтожение. Основа теории военного сдерживания в колледже. Мой преподаватель говорил, что когда у двух сторон есть оружие, способное нанести непоправимый ущерб, ни одна сторона не решится на применение. Напишу ему, что он дурак.

Я слабо улыбнулась, вдыхая аромат трав. Чай напомнил о доме. Его заваривала наша экономка в Кордеро-холле, и я даже не знала, что так скучала и по ней тоже.

– Сегодня утром приходил начальник стражи. Допрашивал меня.

– И что ты сказала?

Я пожала плечами.

– Правду. Всю... за исключением смерти Мэнфорда и кое-каких нюансов. Их мало интересовали мои приключения, в основном Белами, Вероника и то, что мы делали в библиотеке. Они считают, что «Дора Заката» охотилась за историческими ценностями, чтобы продать их на черном рынке. В том числе за дневниками Конрада.

– Но никого, кроме Вероники, не взяли, так? Да и она в тяжелом состоянии – неизвестно, выживет ли. Мы по-прежнему не знаем, кто ей помогал. Ничего о других членах ордена.

Я покачала головой.

– Но хотя бы есть шанс, что их будут искать. Поднялся большой скандал. Сотрудница опеки – убийца. Во всех газетах наши имена.

– Таковы законы жестокого мира. Что поделать? Я известный детектив. Тебе придется смириться с моей популярностью, Кайли.

Рассмеявшись, я облизала сладкие от ягодного сока пальцы.

– Как Стелла? Ты связался с Гербертом? Она в порядке?

– О, они нашли общий язык. Ей нравятся теплые края.

Говоря это, Райан как-то странно отвел глаза, и я занервничала.

– Что такое?

– Ничего. Просто у нас с Уолдером возник небольшой спор... Я запретил ему учить Стеллу плавать. А Уолдер в ответ посоветовал сначала получить право ее воспитывать. Слово за слово – и нас услышала твоя сестра.

– Представляю...

– Да, обоим крепко влетело. Вот уж не думал, что тихоня Кортни вырастет в такую стерву. Оказывается, я по ней скучал.

– Может, Стелле не стоит пока возвращаться? Пока «Дора Заката» не поймают?

– Их могут и не найти. Сейчас они залягут на дно и постараются спрятаться. Мы не знаем даже, сколько там членов. У меня есть идея получше. Может, нам троим не стоит возвращаться? Я же обещал тебе теплое море, золотой песок и что там еще?

Райан протянул руку, и я осторожно вложила свою, а потом притянула его к себе, чтобы поцеловать.

– С ума сошла! Кайли! Ты еще не поправилась.

Он коснулся губами моей щеки.

– Если ты не будешь хорошей девочкой, я тебя накажу.

– Нет уж, Хефнер, оставь свои фантазии при себе. Мне давно не семнадцать.

– Кайли. – Райан отстранил меня, чтобы посмотреть в глаза. – Ты же не думаешь сбежать? Ты останешься... вы останетесь со мной?

– Да. Конечно, останемся, если ты захочешь. Только я хочу, чтобы ты понимал, на что идешь. Что я больше не смогу иметь детей, что вокруг моей семьи вечно бродят какие-то психи. Что моя сестра в лечебнице, а у меня самой репутация неразборчивой в связях богатенькой дурочки.

– Ну, у нас у каждого на счету длинный список глупостей. По моему, после всего, что мы пережили, я просто обязан тебя не отпускать.

Он заключил меня в объятия, и сколько мы так просидели – не знаю.

– А контракт подпишешь? – спросил Райан.

– Не-а, – улыбнулась я. – Ни за что.

– Упрямая. И колючая. Ежик. Кайли, я сейчас серьезно. Мне не нужен контракт, чтобы забрать Стеллу. Контракт мне нужен, чтобы не дать тебе сбежать. Вернее, дать мне время, если ты вдруг захочешь сбежать. Убедить тебя, что я – мужчина твоей мечты. Кайли, я тебя люблю. Второй раз я не совершу ошибку.

– Я тоже люблю тебя. Но придется как-то это пережить. Я не подпишу, прости. Я слишком часто обжигалась и, наверное, дую на воду. Но нет.

– А Стелла? Она должна быть моей дочерью не только на словах. Если с тобой что-то случится, а мы не будем женаты, она попадет в приют.

– Я напишу завещание и укажу тебя опекуном так же, как папа указал опекуном для Ким Герберта. Мы не позволим ей остаться одной.

– Герберт, – недовольно буркнул Райан. – Гениальный юрист.

– Эй, хватит, вы в какой-то мере коллеги. Во всяком случае, на одной стороне.

– Да, на стороне сестричек Кордеро. А в остальном, милая, адвокат – второй враг детектива.

– А первый кто?

– А первый – свидетель.

– Ты невыносимый эгоист.

– Угу. Совершенный. А совершенство, моя дорогая, прекрасно в любом своем проявлении.

И с ним мне жить до самой старости? Райан хмыкнул, расстегивая больничную рубашку, горячая ладонь проникла под тонкую ткань. Дыханием обожгло ухо:

– Теперь моя очередь тебя лечить.

Услышав стук каблуков, я резко отпрянула от него и поморщилась: резкие движения еще причиняли боль. Воспоминания о ментальном ударе потускнели, но тело помнило ощущения и отчаянно сопротивлялось повторению.

– Я ничего не видела! – заявила Кортни, демонстративно прикрывая глаза.

– Да брось, как будто ты не в курсе, откуда берутся дети. Что, Герберт тебе до сих пор не объяснил? Или ему для того, чтобы

кончить, нужно подписать тысячу бумаг и соглашений? – фыркнула я.

– Узнаю любимую сестру. Райан, неловко оставлять тебя наедине с нереализованными желаниями, но я всего на полчаса, поболтать с Кайлой. Ты нас не оставишь?

– Конечно. – Он поднялся и целомудренно поцеловал меня в лоб, ни дать ни взять заботливый супруг. – Заскочу на работу, а вечером загляну еще раз. Надо решить, что будем делать, когда тебя отпустят.

Кортни напряженно следила за тем, как Райан собирается, и я поняла: это вовсе не сестринский визит к постели больной. Что-то случилось, и наверняка это «что-то» связано или с «К» или с «Дора Заката». Как-то многовато в моей жизни дурацких псевдонимов и названий.

– Что случилось?

– Когда тебя увезли целители, мы вернулись, чтобы обыскать Веронику и найти зацепки, которые бы вывели нас на других членов «Дора Заката». И забрали дневник Конрада.

– Это же хорошо. У вас получилось подобрать код? Ты отправила Герберту копию, чтобы он попробовал найти его?

Вместо ответа Кортни молча протянула мне знакомую книгу. Полная нехороших предчувствий, я открыла первую попавшуюся страницу и ахнула. Она была совершенно пуста. Вся книга была пуста, словно я держала в руках не дневник человека, жившего много сотен лет назад, а стилизованный под старину блокнот!

– Не понимаю. Это какая-то магия? Защитное заклятие? Я же своими глазами видела записи!

– Кто-то подменил дневник в суматохе. Я вернулась почти сразу же, как только убедилась, что к тебе подоспела помощь. Пока Райан был с тобой, а стража только подтягивалась, я быстро проскользнула наверх. Поняла, что Вероника еще жива, забрала дневник и позвала на помощь. Меня не было несколько минут, и за это время...

Она развела руками.

– Теперь мы не сможем ничего расшифровать.

Я устало откинулась на подушки.

– Да плевать. Это все равно пустышка.

– Что? – Кортни нахмурилась.

– В библиотеке, перед тем как появилась Вероника, я посмотрела на исписанные страницы – и что-то в них показалось мне странным.

Не то неправильным, не то знакомым. Тогда я не успела толком осознать, а потом, когда очнулась здесь, поняла. Что бы это ни были за дневники, они никогда не принадлежали Конраду Кордеро. В них был папин почерк.

– Ты уверена? Кайла, ты сейчас серьезно?

– Кортни, я преподавала много лет. Я проверила тысячи конспектов, контрольных работ, рефератов и прочей ерунды. Я умею различать почерки. В том дневнике писал папа, а не Конрад. Ни у нас, ни у «Дора Заката» все еще нет настоящих записей.

– Стой, что это? – Кортни вырвала у меня из рук дневник и раскрыла на первой странице. – О, нет...

– Что?

Еще один знакомый почерк. Ну здравствуй, старый друг. Увы, но счет наших встреч явно не в мою пользу.

«Плохие девочки совершают плохие поступки. Я знаю о каждом. Придет время платить по счетам. К.»

* * *

Я так устала, что проспала весь день, и лишь к вечеру, когда принесли ужин, немного пришла в себя. Райан обещал зайти, но, похоже, застрял на работе. Я взяла книгу, но больше для вида, мысли постоянно возвращались к личности «К».

Ким в лечебнице.

Вероника не в том состоянии, чтобы подменять дневники.

Что мы упускаем? И почему нашу семью просто не могут оставить в покое?

Хотелось верить, теперь будет проще. Но когда поймали Ким, тоже верилось. А тогда за нами не охотился орден ментальных магов.

Но тогда я была одна. А сейчас есть Райан Хефнер, самый невыносимый и любимый мужчина на свете. Отец моего ребенка. Как же странно это произносить, даже мысленно! На меня вдруг свалилась настоящая семья, и я понятия не имела, что с ней делать. Может, это и слабость – простить Райана за все произошедшее.

А может, сила, ибо более уверенной я себя никогда не чувствовала.

Стелла останется жить с нами. Может, я и не стану для нее идеальной матерью, но точно буду стараться.

Уедем. К теплому морю, как когда-то обещал Райан. Вычеркнем одиннадцать лет разлуки и ошибок. Научим дочь плавать, будем любоваться закатами из окон маленького домика на побережье. Увидим горы, чужие города. Залижем раны и вернемся, чтобы стать частью новой семьи Кордеро. Не такой уж ненавистной, как раньше.

Мы все вместе переедем в Даркфелл, в небольшую квартиру с отдельным входом. Где зимой будет засыпать снегом крыльцо, а летом у самого окна будут шелестеть ветки раскидистого дерева.

За мечтами я почувствовала себя лучше, поэтому до меня не сразу дошел смысл песенки, раздающейся из коридора:

*Тук-тук, за окном
Тихо плачет навь.*

Медленно я поднялась с постели и, пошатываясь, подошла к двери. Чистый и красивый голос идеально попадал в ноты.

*Старый дом, старый дом,
Сон ты или явь?*

Я резко распахнула дверь в коридор. Он был пуст, но по этой пустоте прокатился звонкий женский смех. И песня донеслась уже из другого конца:

*Тук-тук, медленно
Открываю дверь.*

Я выскочила к лестнице, а голос стал удаляться. Казалось, я вот-вот его настигну. Он напоминал одновременно и голоса сестер, и дочери, и в то же время был мне незнаком.

*Старый дом, старый дом —
Ты ему не верь.*

Приоткрылась входная дверь, ветром в холл занесло пару листочков. Пост дежурной целительницы оказался пуст. Я двигалась словно во сне. Не задумываясь о том, что одета лишь в больничную рубашку, босая. Не думая о том, что было в этой ситуации что-то жуткое и неправильное.

Я резко распахнула дверь, оказавшись на улице. И сразу увидела то, что должна была увидеть. Напротив, на крыше небольшой часовенки, стояла хрупкая фигурка в светлой сорочке – такой же, в какую была одета я. На самом краю. А внизу – на мгновение я даже увидела эту картину ее глазами – раскинулся город.

В девушке, хоть она и стояла высоко, я узнала Веронику. Рыжие волосы растрепались на ветру, а на белой ткани расплылось алое пятно крови. Она опасно раскачивалась, обняв себя руками, и мотала головой, словно спорила с невидимым собеседником. Затем обернулась – и над крышами пронесся ее отчаянный крик.

Я вскрикнула, когда светлая фигурка сорвалась и устремилась вниз. Я не могла слышать звук удара с такого расстояния, но, закрыв глаза, – клянусь – я его услышала.

Последний куплет прозвучал прямо у самого уха:

*Тук-тук, ветер здесь,
Он стучит в окно.*

Я резко обернулась. Никого не было. Над крышами домов в полусне-полуяви пронеслось:

*Обернись, ведь тебе
Жить не суждено.*

Эпилог

Главный целитель лечебницы «Хейзенвилль-гард» Хантер Дельвего ненавидел, когда поступают новые пациенты. Приходилось оформлять целый ворох бумаг, порой он засиживался за работой до поздней ночи и ночевал здесь же, в кабинете, на небольшом диванчике. На такой случай в шкафу всегда висел запасной костюм.

Сегодня, к счастью, прибыл только один новенький. И это должно было быть быстро.

– Итак, Эдмонд, как вы себя чувствуете?

Но Эдмонд Белами – так, судя по документам, его звали – стеклянным взглядом смотрел куда-то в стену, вряд ли способный на внятную речь. Так что первичный осмотр – всего лишь формальность.

Хантер бегло просмотрел историю болезни.

Ментальный удар. Белами повезло, что он выжил. Хотя вряд ли можно назвать везением такое существование. Уже трое целителей-менталистов пытались найти в его сознании хоть что-то. Но после ментального удара такой силы от человека остается лишь оболочка.

Хантер выдохнул с облегчением. Он ненавидел вторгаться в чужой разум. Даже если делал это с целью облегчить страдания. Но если три менталиста не нашли ничего, кроме поврежденного варварским вмешательством сознания, его подтверждение не требуется.

– Хорошо, Эдмонд. Вряд ли вы меня понимаете, впрочем, так как мы далеки от полного познания разума, я вам кое-что все же скажу. В «Хейзенвилль-гард» вы получите помощь, в которой нуждаетесь. Я назначу для вас целителя, он поможет облегчить боль. Если у вас есть близкие, они смогут вас навещать. Не стану скрывать, это место станет вашим домом. Но мы сделаем все, чтобы вам, Эдмонд, было легче.

Сколько раз он говорил эти фразы? Родственникам, самим больным, репортерам, жаждущим сенсаций в духе историй ужасов о ментальных лечебницах. Все было бы проще, если бы Хантер в это верил.

Нет, «Хейзенвилль-гард» никому не был домом. Только тюрьмой.

– Когда я на них смотрю, то начинаю ценить жизнь, – сказал целитель, которому поручили Белами.

Хантер велел проводить его на обед, но в конечном итоге почему-то решил проконтролировать все лично.

– Что с ним случилось?

– Несколько менталистов ворвались в дом. Убили жену и ребенка. Просчитались с силой удара и не добились его. А может, пытались что-то узнать. Говорят, одну из нападавших застрелили во время ареста. Остальные скрылись. Так что вряд ли мы когда-нибудь узнаем.

– Жаль.

Хантер усмехнулся.

– У тебя еще остались силы на жалость?

– Не всем же быть такими циниками, как ты.

Стоя в дверях, Хантер задумчиво наблюдал, как совершенно безучастный Белами идет к накрытым столам. Скорее всего, он просто не сумеет есть самостоятельно, и придется приказать сестрам-лекаркам кормить его силой, вливать питательные зелья. Но Хантер не мог не попробовать. Он всегда пытался. Жаль, что чаще всего попытки оказывались безуспешны. К нему не попадали те, у кого был хоть какой-то шанс на излечение.

Белами вдруг быстро обернулся, словно проверял, есть ли кто у него за спиной, и от неожиданности Хантер подавился воздухом. Нет, так не ведут себя пустые оболочки, некогда бывшие людьми.

Осторожно, чтобы не привлекать внимания, он отошел с прохода и поспешил к другой двери, ведущей во внутренние помещения кухни. Оттуда можно было выйти к стойке раздачи и беспрепятственно наблюдать за залом.

Он не сразу нашел взглядом Белами, а когда нашел, не поверил собственным глазам.

Эдмонд Белами, жертва ментального удара, сидел за столом рядом с хорошенькой блондинкой и... разговаривал. К счастью, Хантер умел читать по губам.

– *Здравствуй, Ким. Подобраться к тебе оказалось сложно. Наш общий друг передает тебе привет.*

Она, прежде равнодушная, резко вскинула голову. Прищурившись, Кимберли Кордеро, еще одна безнадежная пациентка,

которую Хантер просто чудом вывел из прострации, рассматривала нового соседа.

Еще раз воровато оглядевшись, Эдмонд вытащил что-то из-под рубашки. Хантер напрягся было, но предметом оказалась всего лишь книга. Что ж, сегодня все, кто работал на первичном приеме пациентов, потеряют работу. Скорее всего, никто и не подумал обыскать Эдмонда, его ведь перевели из даркфеллской лечебницы.

– Хочу, чтобы ты это прочла для меня.

Эдмонд пододвинул к ней книгу, и Кимберли медленно ее открыла. От Хантера не укрылось, как она побледнела. Увы, с такого расстояния он не смог рассмотреть, что так испугало Ким.

– Ты знаешь, что здесь написано. Он хочет, чтобы ты прочла. Чтобы ты использовала свой дар. Ты нужна ему.

Она швырнула книгу в сторону. Вместе с посудой и остатками обеда. Эдмонд не шелохнулся, а со всех сторон к ним уже спешили сестры-лекарки. Но прежде, чем Ким скрутили и увели, Хантер успел прочесть последнюю фразу Белами:

– Он ждет тебя, Ким.

Она закричала. Пронзительно, яростно, истерично. До сих пор, с самого появления в лечебнице, Кимберли Кордеро не произнесла ни слова, погруженная в свой извращенный безумным разумом мир.

Хантер улыбнулся.

Он тоже умеет ждать. И, кажется, как никогда близок к цели.

Часть третья. Притворщица

Глава 1

Мертвая девушка смеялась.

Смотрела и смеялась, глядя, как я кружусь, подняв руки вверх. Белое перемежалось желтым, стены и потолок палаты смешались в один водоворот тусклых красок. Никогда не думала, что белый цвет может быть настолько унылым.

– Опять голова закружится! – не выдержала мертвая девушка.

– Хейвен, заткнись! – пробурчала я.

Перестала кружиться и упала на мягкий пол. Потолок все равно вращался.

– Ну вот и зачем? – фыркнула Хейвен, садясь рядом. – Теперь тебе плохо, а мне скучно.

– Тебе не может быть скучно. Ты мертвая.

– А что, ты полагаешь, что смерть – это весело? Нет, Кимми, это ужасно скучно. Это вечность скуки. Даже тому, кто убивает, веселее. Вот тебе было весело, когда ты меня убила?

– Вряд ли.

Она начинала утомлять, и в такие моменты я обычно стучала в дверь палаты, требуя принести успокаивающее зелье. Но сегодня, кажется, был выходной, и мне не хотелось спать. И сестра-целительница принесла вкусное желе. Почему она всегда носит только желе? Я бы выпила кофе. Не уверена, что помню его вкус. Но помню *ощущение*: кофе – это что-то чудесное.

– Я хочу к морю, – протянула Хейвен. – Очень хочу.

– Тебе не светит. Ты – плод моего воображения. В нем нет моря. Хочешь, отправлю в домик у озера? Его я помню... вроде бы.

– Была там сто раз. Почему ты не можешь придумать мне море? Ким, я хочу море!

– Хейвен, отстань! – рявкнула я.

И привлекла внимание дежурной сестры, потому что в замке палаты вдруг повернулся ключ.

– Все нормально, – поспешно сказала я.

Если им что-то не понравится, они заставят выпить зелье – и я усну. Ненавижу спать.

– Ким, я хочу поговорить с тобой.

Нет, это не сестра-целительница.

А высокая рыжеволосая лекарь Дельвего. Я удивленно села на полу: раньше Кристина ко мне не заходила. Меня водили в ее кабинет раз в два дня, и там я по нескольку часов отвечала на многочисленные вопросы. О себе, о мыслях, о прошлом. Иногда казалось, что лекари намеренно не давали мне забыть о том, из-за чего я сюда попала.

– Ким, я хочу с тобой поговорить, пойдем, – улыбнулась доктор. – Не волнуйся, все в порядке. У меня для тебя небольшое задание.

Когда человеку говорят «не волнуйся», обычно он начинает волноваться еще сильнее. Я так точно: даже руки задрожали, а в обычно прохладном лекарском доме вдруг стало нестерпимо жарко. Если лекарь Дельвего и заметила мое состояние, то не подала виду.

В дверях я обернулась к Хейвен, которая деловито приглаживала волосы.

– Ты остаешься, – бросила я ей.

Лекарь ободряюще мне улыбнулась. Я знала, что она не видит Хейвен. Зато она видела ее портрет – моя сестра принесла по ее просьбе. Мне хотелось бы, чтобы Кристина заставила Хейвен уйти, но она почему-то не спешила, уверяя, что однажды Хейвен исчезнет сама.

– Проходи, садись. Чай и угощение для тебя, позавтракай со мной.

Как всегда случалось, я в ступоре застыла у стола. За два года в лечебнице у лекаря выработался устойчивый ритуал: послать за мной сестру-целительницу, привести в кабинет, усадить за стол, дать стакан воды. Любое отклонение от маршрута вызывало у меня панику и оцепенение.

Но сейчас на столе стояло блюдо с печеньем. Я столько раз говорила, что хочу печенья, а сейчас оно лежало прямо передо мной. И нас разделяла лишь дурацкая паника.

– Ну что случится, если ты сядешь и попьешь чаю с печеньем? – Взвзвывая из пустоты Хейвен закатила глаза.

Она понюхала угощение и мечтательно зажмурилась. А потом захныкала:

– Давай, Ким! Я хочу хотя бы посмотреть! Возьми печенье! Оно с шоколадом!

Я сглотнула слюну.

– Что она говорит, Ким? – мягко спросила лекарь Дельвего.

– Уговаривает сесть и взять печенье, – тихо призналась я.

– Что ж, не могу не отметить в ее словах рациональное зерно.

Садись, Ким, нам предстоит разговор.

– Это моя сестра принесла? – Я все еще колебалась.

– Нет.

Она отодвинула кресло, приглашая сесть, и я нашла в себе силы упасть в него. Меня пододвинули к столу – несмотря на внешнюю хрупкость, Кристина Дельвего обладала поразительной силой. А может, я весила совсем немного. Во всяком случае, однажды, во время прогулки, она в одиночку вытащила меня из провалившегося пола в подвале хозяйственного корпуса, куда я забрела, стремясь убежать от Хейвен.

– Печенье, Ким, – настойчиво потребовала Хейвен.

На ощупь оно оказалось шероховатым, с гладкими вкраплениями шоколада. Мой палец был настолько горячий, что шоколад начал таять, и я испуганно отдернула руку, а палец облизала. Вкусно. Невероятный, давно забытый вкус шоколада.

Лекарь Дельвего терпеливо ждала. Еще несколько минут я колебалась, но Хейвен так кричала, что я не выдержала и отправила в рот небольшой кусочек лакомства. Тогда призрак умолк, а Кристина, удовлетворенная результатом, начала говорить:

– Как ты себя чувствуешь, Ким?

– Нормально. Голова иногда болит.

– Хорошо. Надеюсь, ты не против, что мы не одни?

Только сейчас я обратила внимание на мужчину в углу комнаты и вздрогнула, поймав взгляд холодных серых глаз. Он смотрел пристально, не мигая, проникая мне прямо в черную душу и обшаривая там каждый уголок.

– Ты помнишь Хантера? Он наблюдал тебя в первый год в больнице. Лекарь Хантер Дельвего.

– Ваш брат, – неуверенно кивнула я.

– Верно. Сегодня у нас необычная встреча, и Хантер, как глава лекарского дома, хочет лично все проконтролировать.

– Что все? – не поняла я.

Теперь его взгляд почти осязаемо касался моей кожи. Я не могла заставить себя не обращать на мужчину внимания. Он буквально

притягивал взгляд. Одновременно пугал и интриговал. Я его почти не помнила.

– Я подумала, тебе уже надоело сидеть в четырех стенах. И ты не прочь... выполнить какую-нибудь работу, помочь кому-то, да? В меру своих возможностей.

Слова отозвались внутри тягучим подозрением.

– Помочь? – переспросила я.

– Следствию. Детективу. Как ты знаешь, я – маг-менталист, консультант управления стражи Хейзенвилля. Ко мне обратился детектив Ренсом с просьбой помочь в решении одной загадки. И я хочу дать кое-какое задание тебе. Как ты на это смотришь?

– Детектив Ренсом? Он пришел взамен того, кого я убила?

Кристина привыкла к моим вопросам.

– Да, что-то вроде того. Он работает над убийствами, и я полагаю, ты сможешь нам помочь.

– Над моими?

– Нет. Они произошли, когда ты находилась уже здесь.

– И как ты можешь ей помочь? – подала голос Хейвен. – Возьмешь вину на себя и обеспечишь им прибавку к жалованью?

Я мотнула головой, отгоняя ее.

– А что мне нужно сделать?

– Завтра придет детектив. Он с тобой поговорит, а потом мы пойдем погулять по городу. В процессе прогулки я буду тебя спрашивать... о разном. Простые вопросы. Следствию очень пригодится взгляд со стороны. Твой взгляд.

– И это поможет?

– Даже не сомневайся. – Кристина улыбнулась. – Так что, ты согласна?

– А моя сестра разрешит? Разве вы не должны спросить разрешения у Кортни?

– Соглашайся! – рявкнула Хейвен.

Она остановилась посреди кабинета лекарки, сложив на груди руки.

– Ты что, не хочешь гулять по городу?!

– Я все улажу, Кимберли. Не волнуйся. Если ты согласна, завтра вечером сможешь выйти и прогуляться по городу. Ты ведь об этом мечтала, правда?

– Да, – шепнула я, закрывая глаза, – согласна.

Даже в полной тьме я чувствовала взгляд менталиста, не проронившего ни слова.

И потом, через несколько часов, проводя очередную бессонную ночь в палате, я жалела, что так и не доела печенье.

Вечером принесли одежду. Ее надлежало надеть с самого утра, после завтрака. И быть готовой в любую минуту. Лекарь Дельвего обещала за мной зайти.

Я переоделась в полночь.

– Это даже не платье! – скривилась Хейвен. – Ты посмотри! Это штаны!

К штанам прилагалась белоснежная новая рубашка, а еще куртка, немного не в размер. Наверное, она довольно несуразно болталась, скрывая фигуру и делая меня похожей на ребенка. Но мне понравилось. В лечебнице носили только одинаковые серые платья, которые надоели уже через пару недель. Жаль, в палате нет зеркала. Я с тоской ощупала спутанные волосы. Расческу мне тоже давали под присмотром.

Спать не получалось. Я села в углу палаты, чтобы можно было, задрав голову, видеть в зарешеченном окне луну. Сегодня она оказалась необычайно яркой. Я погрозила ей кулаком и отвернулась. Проклятая луна, ее свет всегда вызывал необъяснимую тревогу.

Хейвен бегала по палате. Я вдруг задумалась, почему она никогда не летает? Привидения ведь должны летать над землей, а не ходить по полу. Во всех книгах, что я прочла до болезни, их описывали именно так.

Впрочем, если бы Хейвен видели другие – лекари и больные, – я бы даже не поняла, что она давно мертва, такой обычной она казалась. Ну, это если бы не помнила, как ее убивала.

Я помнила.

– Ты же понимаешь, что тебя не выпустят насовсем? – вдруг остановилась Хейвен. – После прогулки мы сюда вернемся.

– Когда ты уйдешь?

– Когда надо будет. Я же не знаю, почему я к тебе привязана.

– Потому что ты не существуешь. Я тебя придумала. От тоски и одиночества. А еще потому, что я больная. Тебя. Не. Существует.

Хейвен захныкала, села в противоположном углу, зажав уши, и начала раскачиваться. Она всегда так делала, когда я на нее кричала. Словно маленькая девочка. А ведь, когда она умерла, ей было около двадцати шести.

– Не! Существует!

– Кимберли! – раздался голос сестры-целительницы.

– Извините! – прокричала я в ответ. – Мы больше не будем.

А для Хейвен все-таки еще раз прошептала:

– Не существует!

Когда Хейвен расстраивалась, мы часами сидели молча. И если отвернуться, можно было сделать вид, что Хейвен здесь нет, я по-прежнему одна. Эта иллюзия позволяла на время забыться.

Мне вспомнился первый раз, когда она появилась. Я увидела ее на завтраке. Хейвен стояла вдалеке, неотрывно глядя на меня. А потом, подойдя, спросила:

– Привет, это ты меня убила?

Потом я потеряла сознание, а когда очнулась, она уже поселилась в палате. С тех пор почти два года мы не расставались. И несмотря на то, что частенько я приказывала ей навсегда уйти, Хейвен не слушалась. И в некоторые моменты я была даже рада ее присутствию. Кристина говорила, через Хейвен со мной говорит подсознание. А по мне, лучше бы оно молчало.

Перед завтраком пришла новая сестра-целительница. Она не слышала, как я кричала ночью, поэтому улыбалась.

– Я принесла для тебя сапожки, Кимми! Они чудесные.

– А завтрак? – нахмурилась я.

– Лекарь Дельвего велел привести тебя одетую к воротам, едва ты проснешься. На завтрак сегодня нет распоряжения.

– Ну вот, – надулась Хейвен, – мне это уже не нравится. Давай останемся?

– Ты же вчера уговаривала меня пойти!

– Я передумала!

– Вот и отлично, мне все равно плевать.

Сапожки были действительно чудо как хороши. С аккуратными бронзовыми заклепками, идеального размера, с блестящими новенькими кожаными пряжками.

– А причесаться? – попросила я.

Но щетки у сестры-целительницы не оказалось, а стрелки часов приближались к семи. Мы вышли на холодный весенний воздух, и я с любопытством рассматривала капельки росы на жухлой траве. Я так давно не видела росу, что забыла, как она пахнет. Ярко и свежо. Это был запах утра.

Меня не торопили, но в воздухе витало напряжение: Кристина явно просила привести меня как можно скорее. Однако я чувствовала, что, если буду торопиться, снова впаду в ступор. Я не выходила за пределы лечебницы два года, и сама мысль о том, чтобы снова войти в город, вызывала дрожь. Я была уже на грани.

И наконец переступила ее: словно налетев на невидимую стену, остановилась.

– Не пойду, – прошептала я.

– Что?! – Хейвен будто и забыла, что всего пару минут назад уговаривала меня не ходить. – Ким!

– Не пойду. Не пойду, Хейвен. Туда нельзя.

– Почему?

– Просто нельзя. Я чувствую, там... что-то плохое. Я всегда чувствую плохое.

Хейвен нетерпеливо притоптывала у входа в сад.

– Тогда надо выйти и проверить. Идем, Ким...

Она отступала назад, протягивая мне руку. С каждым шагом все отдалялась и отдалялась. Словно растворялась в утреннем тумане.

– Хейвен! – крикнула озадаченная я.

– Идем! – прошелестела листва. – Иначе так никогда и не узнаешь...

Хейвен скрылась среди деревьев, а я словно очнулась. Не обращая внимания ни на лекарку, ни на собственный дикий страх, я рванула вперед. Но Хейвен нигде не было. Она никогда не уходила! Никогда меня не оставляла! Даже в те дни, когда я считала, будто ее нет, и надеялась, что это закончилось, она незримо была рядом, а сейчас я ее совсем не чувствовала.

Я выскочила за ворота. В обычное время за это полагалось немедленное оглушающее заклятие, но сейчас почему-то ничего не случилось. Я сотни раз проигрывала в голове этот момент и сотни раз погибала, пытаясь вырваться на свободу. Все сны кончались здесь, за

воротами «Хейзенвилль-гард». Но сейчас вместо оглушающей тьмы я увидела... улицу.

Безлюдную, поросшую вдоль обочин травой. Уходящую вдаль, теряющуюся в тумане. Обрамленную, словно темной тесьмой, лесом.

Хейвен не было. И не было еще кое-чего очень важного: страха оказаться за пределами лечебницы. И пусть то был совсем небольшой и глупый страх, самый незначительный из многих, я почувствовала, как дыхание становится глубже.

– Кимберли? С тобой все в порядке? – услышала я голос Кристины.

Будто над ухом кто-то щелкнул пальцами. Я очнулась от полусна и резко обернулась.

Кристина и ее брат не сводили с меня глаз.

К нам уже спешила грузная сестра-целительница. Она изо всех сил старалась поспевать, но куда там – я всегда была самой быстрой среди ровесников и за два года взаперти не растеряла навыки.

– Простите, господин Дельвего, – запыхавшимся голосом проговорила женщина, – она так побежала, я не успела...

– Просто хотела скорее увидеть, что за воротами, – поспешно оправдалась я.

Кристина долго смотрела мне в глаза, ища агрессию или приступ паники. И наконец медленно кивнула.

– Можешь идти, – бросил сестре-лекарке Хантер.

Та поспешила подчиниться, наверняка радуясь, что так легко удалось избежать нагоняя.

Я не сразу заметила еще одного спутника Кристины. А когда заметила, начала пристально рассматривать.

Мужчина обладал мощным телосложением. Очень мощным – на его фоне я смотрелась просто несуразным подростком. Черные волосы он стриг очень коротко, а серые глаза – почти такие же серые, как у Хантера, – смотрели враждебно. Он рассматривал меня с явным неодобрением, глядя сверху вниз. Впервые в жизни я была не прочь поговорить с Хейвен. Он бы ей понравился?

– Вы кто? – спросила я.

– То же самое я спрошу у тебя, Кристина. Кто это?

– Кимберли, познакомься с детективом Аланом Ренсомом. Алан, это Кимберли. Моя пациентка.

– Кристина, ты это всерьез? Я думал, мы ждем твоего коллегу. Как сумасшедшая девочка может помочь мне в расследовании?

Мне и самой хотелось это знать, поэтому я поступила как всегда – слилась с пейзажем, сделалась тенью и наблюдала.

Сколько секретов, тайн и загадок можно узнать, всего лишь наблюдая. Когда никто не замечает твоего присутствия, когда для всех ты – маленькая тихая девочка Кордеро, неспособная обидеть и муху. Наблюдать – вот самая интересная часть игры. Смотреть, как жертва в отчаянии мечется, упиваться ее страхом и собственной властью.

Я скучала по этому чувству почти так же, как по кофе.

– Ким?

Я вынырнула из размышлений.

– Ты готова нам помочь?

Провалы в памяти – штука сама по себе мерзкая, а на свободе особенно. Я хотела запомнить каждую минуту этой прогулки.

Взгляд неизменно возвращался к Алану. Он сторонился меня, но не боялся. Не было страха перед душевнобольными, как у прочих. Было отвращение и... гнев? Я с удивлением уловила гнев. Ненавидит психов. Нет, убийц. Ненавидит убийц и поэтому их ловит – классический мотив детектива. Ненавидит, потому что кого-то потерял.

– Кого у вас убили? – Слова сорвались с губ прежде, чем я успела их обдумать.

– Ким... – вздохнула Кристина.

Глаза Алана потемнели.

– Я знаю. Кого?

Он отвернулся. Кристина укоризненно и в то же время с жалостью покачала головой. Я лишь пожала плечами. Мне не было интересно. Просто спросила.

Все вместе мы направились вперед по дороге. Лечебница располагалась вдали от города, омнибусы ходили редко, и, чтобы добраться до Хейзенвилля, приходилось преодолевать значительное расстояние пешком. Я готова была останавливаться у каждого дерева, наслаждаясь первой за два года прогулкой. Но приходилось почти бежать за Кристиной и Аланом. Хантер шел чуть позади, будто боялся, что я отстану. Я постоянно оборачивалась, словно надеялась, что он – галлюцинация, такая же, как мертвая Хейвен.

Где-то на середине пути я заметила странное. Мои спутники негромко разговаривали, но несмотря на то что я шла меньше чем в метре от них, ничего не могла разобрать. Присмотревшись, я увидела завесу – тончайшую пленку магии, ограждающую собеседников от любопытных ушей. А еще через минуту вдруг осознала, что слова постепенно обретают смысл, слышатся все громче и громче. Мне стоило немалых усилий не поддать виду.

– ...Двенадцать. И я не понимаю, как его найти. Я обратился к тебе, Кристина, надеюсь, что ты сможешь. А ты используешь меня для эксперимента над пациенткой.

– Алан, я и пытаюсь тебе помочь. Я сказала все, что могла. Это не просто убийства ради убийств, у него есть какая-то цель. Он осторожен, действует эстетично. Если и получает от убийства удовольствие, то тщательно это скрывает.

– Я читал твой отчет, – нетерпеливо перебил ее Алан. – При чем тут эта Кимберли? Ты выпустила на свободу опасную убийцу!

– Ким не убивает просто так, она не опасна. Она расправлялась с последствиями нанесенной ей в прошлом травмы.

– Какой?

– Не знаю, – честно призналась лекарь. – Мне так и не удалось до нее достучаться, эти воспоминания слишком глубокие. Но тем не менее, пока она под присмотром, она безопасна. Ким тоже не получала удовольствия от самого убийства, ее интересовала игра. То, что она получала после совершенного преступления, – это цепочка событий, возможности для манипулирования.

– Действительно, – фыркнул Алан. – Милая девчушка. Она точно нас не слышит?

– Разумеется, я поставила завесу. Ким может помочь нам выяснить что-то о твоём убийце. А мы можем помочь ей разобраться с внутренними демонами. Алан, пожалуйста, не обижай ее. Во многом мои девочки – жертвы, а не охотники.

– Убийцы?

– Они больны. В их голове, магии, жизни что-то пошло не так, и преступления лежат на совести тех, кто с ними это сделал. Ким сильная и способная, у нее значительный прогресс. Она поступила к нам после того, как пыталась убить сестру. Ни с кем не говорила,

ничего не ела, игнорировала внешний мир. Только напевала какую-то детскую песенку.

Кристина перевела дух, обернувшись, и я сделала вид, будто поглощена рассматриванием леса. При мне еще никто не рассказывал, как я попала в больницу. Много из того времени я просто не помню.

– Потом у нее появилась Хейвен – что-то вроде воображаемого друга. Хейвен перенесла на себя все, что пережила Ким. И та начала общаться с врачами, чем-то интересоваться, принимать пищу, наконец. Сейчас она, конечно, нездорова – да и вряд ли когда-то будет. Но контактна и в целом довольно здраво мыслит. В любом случае я всегда буду рядом.

Алан сдался:

– Хорошо, поступай как знаешь, Кристина. Если это поможет – я готов сотрудничать с самими демонами из ада.

– Ким, – лекарь повернулась ко мне, и завеса спала, – давай я расскажу, что происходит. Недавно в Хейзенвилле произошло несколько преступлений, предположительно совершенных ментальным магом. Детектив Ренсом ищет убийцу. Все началось двенадцать дней назад, так что у нас не так уж много времени до нового убийства. Жертвы не связаны между собой, не были знакомы, не имеют общих черт. И детектив Ренсом в тупике. Мы надеемся, ты сможешь... обратиться к своему прошлому, чтобы разобраться в настоящем, понимаешь?

– Потому что я такая же, как он? – спросила я.

Кристина замялась.

– Да, Ким. Я думаю, вы похожи.

Я удовлетворенно кивнула. Вряд ли бы мне захотелось ей помогать, если б она соврала.

– Хорошо. Я попробую. Что мне делать?

– Для начала, – лекарь улыбнулась, – выбери в Хейзенвилле место, где ты хотела бы позавтракать. И там поговорим.

– «Кондитерская Аделины», – не раздумывая, ответила я. – Там очень вкусно.

Алан Ренсом скептически хмыкнул. Я сдержала улыбку. Он был прост, слишком прост, чтобы на него злиться.

– Тогда направляемся туда, – решила Кристина. – И поговорим.

Вдалеке зазвенел колокольчик омнибуса. Я повернулась, готовясь впервые за долгие месяцы встретиться лицом к лицу с кем-то вне стен больницы.

«Кондитерская Аделины», несмотря на внешнюю скромность, была любима многими жителями Хейзенвилля. Здесь пекли чудесные булочки, подавали сытные завтраки и в любое время дня и ночи без ограничений наливали кофе.

Я выбрала это место по двум причинам. Первая – у детективов и врачей никогда не бывает слишком много денег, вряд ли Кристина, Хантер или господин Ренсом станут угощать меня в ресторане. Вторая – сюда никогда не ходят господа, которые могут меня узнать.

Пахло просто потрясающе! Мы вошли в тесное помещение с развешенными по стенам пейзажами, что рисовала сама Аделина – владелица кондитерской. Я сразу направилась к дальнему столику, чтобы не встречаться со знакомой хозяйкой, если вдруг она сегодня сама обслуживает посетителей.

И через пять минут Хантер принес поднос, на котором стояла чашка вожделенного кофе и целая гора всевозможной выпечки. Там были и сэндвичи, и сладкие булочки, и печенье. Я чувствовала на себе настороженный взгляд Кристины. Она явно опасалась повторения сцены в ее кабинете, когда я не смогла съесть печенье.

Но... без Хейвен, в непривычной и в то же время до боли знакомой обстановке я чувствовала, что до грани еще далеко.

– Приятного аппетита, – улыбнулась врач.

Алан Ренсом хмурился. Похоже, это было его обычное лицо – суровое и неприязненное. А вот Хантер, казалось, не проявлял к происходящему никакого интереса. Он не обмолвился с сестрой и детективом и словом с тех самых пор, как мы вышли из лечебницы.

– Сестра знает, что вы меня увели? – спросила я, вгрызаясь в сэндвич.

– Это та самая, которую ты пыталась убить? – хмыкнул Алан.

Кристина шикнула на него, на миг прикрыв глаза, будто от усталости. Я неспешно прожевала кусок и кивнула.

– Да. Сначала я хотела ее застрелить, а потом заперла в склепе, потому что она не отдавала мне кое-что важное.

Серые глаза стали чуточку темнее.

– Ким, – мягко одернула меня лекарь. – Алан, я прошу тебя. Отнесись к ней терпимее.

– Как он их убивает? – спросила я. – С чего вы взяли, что я могу помочь?

– Выжигает мозги. Менталист, – буркнул детектив. – Выжигает и оставляет жертву мучиться.

– Не добивает? – Я засмотрелась на свисающее с люстры украшение. – Тогда он не убийца.

Детектив хрипло рассмеялся.

– Вот так, Кристина, ты слышала? Твоя ручная психопатка говорит, он не убийца. Закрываем дело, приносим извинения подозреваемым. Серьезно, мы теряем время. То, что эта кукла поехала крышей и прикончила подружку, не значит, что она может проникнуть в разум серийного убийцы. Она в своем-то не способна разобраться.

Я терпеливо дождалась конца язвительной тирады.

– Вы убивали людей, Алан? – спросила я его, пристально глядя прямо в глаза.

Он ответил без страха, лишь с ненавистью и презрением.

– Полагаю, убивал, – холодно сказал он.

– Это было вашей целью? Убить? Лишить жизни? Было?

– Нет, обычно я или защищался, или предотвращал преступление.

– Значит, вы не убийца.

Я замолчала, обдумывая сказанное и услышанное. Где-то неподалеку громко тикали часы, напоминая метроном в кабинете лекаря. От этого звука немного хотелось спать.

– И кто же он, раз не убийца? – поинтересовался детектив.

– Не знаю, – чуть улыбнулась я. – Но у него есть цель. Ментальная магия – сложная наука, детектив. Она многих заставляет ломать голову. А многих сводит с ума.

Ренсом скривился и поднялся, да так резко, что посуда жалобно звякнула от толчка.

– Кристина, разговор бесполезен. Я прошу прощения, что отнял у тебя время. Безмерно был рад познакомиться с Кимберли, но работа – спешу. Приятного аппетита, дамы, не обижайте чудесную хозяйку пренебрежением к ее труду – не оставляйте ни крошки.

– Терпение, Алан, – искусство, которым ты так и не смог овладеть, – улыбнулась Кристина. – Удачного дня. Жаль, что не смогла

тебе помочь. Ты не дал шанса.

Дверь за детективом захлопнулась, но женщина за стойкой даже не повернула головы. Я пожала плечами и вопросительно посмотрела на Кристину. Мы вернемся в лечебницу? Об этом я думала с сожалением.

– Не расстраивайся, – ободряюще сказала она. – Ты хорошая девочка. Просто Алан не привык к таким, как ты. К тому же профессия накладывает отпечаток.

– Я больна.

– Одна из немногих, кто это понимает.

– Он вернется.

– Что? – Кристина замерла.

– Детектив вернется. Можно мы возьмем с собой остатки? Я хочу съесть их вечером. Можно?

– Конечно, дорогая. Допивай свой кофе, мы не спешим.

Я смотрела поверх ее плеча, туда, где на стене висела большая деревянная доска для рисования мелом. Гости оставляли на ней отзывы и благодарности, а дети рисовали, пока ждали родителей, поэтому на доске всегда была мешанина почерков, рисунков, каляк и пятен.

– Можно? – спросила я.

Кристина кивнула, поднимаясь.

Я прикоснулась к холодному мелку, покатила его в руке, наблюдая, как на коже остаются белые следы. Рука дрожала, когда я выводила буквы. Как давно я не писала! Буквы получались неровные и какие-то карикатурные:

«Смерть не конец пути. Для убийцы это только начало. К.»

Я положила мелок обратно и повернулась к Кристине. Та задумчиво рассматривала надпись, словно что-то вспоминая.

– Идем?

– Идем, – согласилась она.

На улице начинался дождь. Мы прождали омнибус лечебницы очень долго, я успела вымокнуть. Но ничто не могло заставить меня отвести взгляд от серого неба, с которого лилась вода. Я помнила, что в Хейзенвилле постоянно шел дождь, но никак не могла вспомнить ощущение, когда холодные капли падают на лицо.

Кристина почти силком затащила меня в омнибус. Мы сели на самые задние места, несмотря на то что, кроме нас, пассажиров не было. Экипаж медленно двинулся вдоль узких хейзенвилльских улочек. Я смотрела на знакомые пейзажи и чувствовала себя – впервые за долгое время – живой.

И вдруг – словно удар в солнечное сплетение – я увидела девушку. На противоположной стороне дороги. Она сидела на скамейке перед банком, листая свежую газету. Вероятно, ждала, когда закончится дождь, – при ней не было зонта.

– Кортни! – прошептала я.

И закричала так, что Кристина вскочила:

– Кортни!

– Ким! Прекрати! – раздался строгий голос Хантера Дельвего.

Но я уже не слышала ничего, кроме бешено бьющегося сердца. Я рванулась к дверям и выскочила прямо на дождливую улицу. Рванулась вперед, к сестре, набирая в легкие воздух, чтобы закричать. Но почувствовала, как слабеют ноги и сознание ускользает прочь.

– Кимберли, – из тумана донесся мужской голос, – расслабься.

Выбора уже не было. Не успела.

Сильные руки обхватили меня за плечи. Я дернулась, истратив остаток сил на глупую попытку вырваться.

– Ким. На сегодня хватит. Сейчас ты успокоишься и уснешь.

Я силилась найти взглядом Кристину, но не видела ничего, кроме колдовских серых глаз менталиста. Они затягивали в бездонный омут, заглушали звуки внешнего мира и забирали его краски. Ноги подкосились, но Хантер не дал мне упасть, мягко подхватив на руки.

Показалось, перед обмороком я поняла что-то очень важное.

Но не успела осознать.

Год назад

– *Господин Дельвего, – сестра-целительница передала мне папку, – мы ждем вас несколько часов.*

– *Что-то срочное?*

Ему совсем не хочется сейчас заниматься делами «Хейзенвилльгард». Хантеру Дельвего плевать на вверенную городом лечебницу, как и на всех этих воющих в коридорах безумцев. Когда-то он верил, что

сильный ментальный дар – ключ к разгадке тайн безумия, но жизнь умеет разочаровывать. Порой казалось, он застрял в одном-единственном дне.

– Мы так и не смогли достучаться до новенькой. Кимберли Кордеро, вот история болезни. Она ничего не ест, отказывается от воды и почти не спит. Ее сестра...

– Да, Кордеро, я знаю.

Все в Хейзенвилле знают семью Кордеро. Как иронично, что у одной из их наследниц поехала крыша. Хантер не застал Карла Кордеро, но слухи о нем ходили даже в Даркфелле.

– Ее сестра дала добро на ментальное вмешательство. Они хотят сохранить ей жизнь.

Как и все эгоисты. За свою карьеру ментального лекаря Хантер общался с тысячами безумцев, и никто из них не желал для себя такой жизни. Но, по иронии судьбы, они не имели права этой жизнью распоряжаться.

– Хорошо. Приведите ее в кабинет, я займусь.

– Да, господин Дельвего. Должна предупредить: девушка может быть опасна. На ее счету три убийства и несколько покушений.

– Я справлюсь, – натянуто улыбается он. – Приведи.

Через полчаса Кимберли сидит в углу его кабинета, пустым взглядом буравя стену. А он задумчиво рассматривает ее, отстраненно отмечая былую красоту. Когда-то она определенно была хороша: длинные светлые волосы, огромные глаза, похожие на кукольные, милое личико и фарфоровая нежная кожа.

Ким напоминает ему свою сестру.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивает он.

Девушка молчит.

– У меня тут твоя история болезни. Впечатляет. Ты устроила сестрам настоящий ад. Я даже восхищен. Не поделишься, за что ты их так возненавидела?

Для нее его, кажется, вовсе не существует. Хантер со вздохом откладывает в сторону бумаги. Часа слишком много: несколько минут ментального воздействия – и Ким превратится в живую куклу, способную лишь отстраненно выполнять чужие приказы. Из этого состояния нет выхода, для него не существует исцеления.

Это тоже всегда казалось ему эгоистичным: запереть больную душу внутри, обрекая на вечные муки. Даже боги не знают, что скрывается за таким желанным внешним спокойствием безумца.

– Ким, – он подходит ближе и опускается на корточки рядом с ней, – я знаю, что ты понимаешь меня. Буду с тобой откровенен: я должен сделать нечто очень неприятное и необратимое. Таковы правила. Когда пациент отказывается от еды и медленно убивает сам себя, мы подвергаем его ментальному воздействию. Оно сотрет тебя, Ким, оставит только пустую оболочку. Но это вовсе не смерть. Не желанное избавление от страданий, это много хуже. Пустота. Твои страхи, от которых невозможно сбежать. Твои самые худшие воспоминания, которые ты проживаешь раз за разом без возможности сбежать. Если я это сделаю, ты навсегда окажешься во тьме. Мне бы этого не хотелось.

Он протягивает руку и убирает с ее лица волосы.

– Я знаю, что ты умная девушка, Ким. И я думаю, мы сможем подружиться.

Глава 2

– И что ты такое сделала, что оказалась здесь? – раздался над ухом ехидный голос Хейвен. – Покусила красавчика-детектива?

Меня поместили в одиночную камеру размером едва ли больше постели, которая в ней стояла. Узкой и твердой постели, где не было даже подушки. Из-за этого болела голова, а на губах ощущался горьковатый привкус лекарственных зелий.

– Устроила истерику в омнибусе, – простонала я. – Как хочется пить. Сколько времени?

– Середина ночи.

Значит, воды не дадут до утра. Что ж, веселая выдаться ночка.

– А истерика была хотя бы достойная?

– Не очень. Я видела Кортни.

– А, эту напыщенную стерву.

– Она не напыщенная и не стерва, – возразила я собственной галлюцинации.

– И почему тогда она ни разу тебя не навещала?

Я промолчала, уставившись в стену. Все равно я надолго запомню эту вылазку. Даже стало как-то легче, увидев жизнь, которая не остановилась с начала моего заключения. И пусть Кристина больше никогда не попросит о помощи, я сохраню в памяти запах кондитерской, ощущение дождя на лице и мела на пальцах.

– А где ты была? – спросила я.

– Не знаю. – Хейвен пожала плечами. – Где-то.

Вдвоем нам было тесновато, хоть я и знала, что не могу прикоснуться к Хейвен – она не имела плоти. Но все равно ходить через призрака казалось диким. Я сползла с жесткой койки на мягкий пол. Парадокс – пол в камерах мягкий, чтобы мы не бились об него головой, а койки жесткие. Что ни говори, мне больше нравилась моя камера, там можно было спать везде, в любом положении и месте.

– Как думаешь, почему он их убивает? – вдруг спросила Хейвен.

– Не знаю. Может, кому-то мстит. Может, кого-то ищет. Может, что-то забирает. Не знаю. Мне неинтересно.

– Врешь.

Хейвен легла на койку. Она всегда была одета в один и тот же костюм для верховой езды. Разве что не хватало шлема, да куртка осталась лежать где-то в гостиной дома. Там, где я ее убила.

– А если детектив не вернется, что будешь делать тогда?

– Хейвен, я не знаю, отстань! Я не хочу, чтобы он возвращался.

– Но ты хочешь еще разок выйти.

Девушка свесилась с койки и заговорщически прошептала:

– А давай притворимся, что ты что-то знаешь? Они будут тебя выпускать!

– Кристина, как и ее брат, – менталист. Думаешь, она не поймет? Знаешь, я устала, я буду спать. Сделай одолжение, помолчи для разнообразия.

Хейвен насупилась, но заткнулась, и я погрузилась в спасительную тишину. Можно было не думать, не вспоминать и не представлять. Спать не хотелось, но, чтобы Хейвен не доставала, я сделала вид, будто заснула.

Дверь камеры вдруг приоткрылась, впустив слабую полоску света. И зачем меня здесь запирают? Для других пациенток это еще имеет смысл: все живут по двое или по трое. Меня переводить из одиночной камеры в камеру поменьше довольно скучно.

– Ким, у тебя посетитель.

На удивление, пришла не сестра-лекарка и не охранник, а сама Кристина. Я зажмурилась от света, ставшего ярче, и поднялась. Потом вдруг поняла, что Хейвен снова нет. И успела лишь мельком удивиться.

Потому что затем все смешалось.

Надежда.

Сестры? Меня еще никто не навещал с тех пор, как я попала сюда.

Удивление.

Почему ночью? В это время не пускали посетителей.

Разочарование.

Это не сестры, а, скорее, заносчивый, хамоватый детектив.

Это разочарование так испортило настроение, что когда я вошла в комнату для свиданий, даже не взглянула на Ренсома и равнодушно скользнула взглядом по Хантеру у дальней стены. Охранник усадил меня на стул и выжидающе посмотрел. Нехотя я протянула руки, и на

запястьях сомкнулись кандалы. Впрочем, это было лишним в комнате с двумя магами, один из которых сильнейший менталист.

Впервые в жизни я рассматривала комнату для свиданий. Ничего особенного она собой не представляла: полутемное помещение, посередине низенький стол с отполированной множеством рук столешницей. Выходов два: один для посетителя, второй для пациента, и у обоих стоит охрана.

Я удивилась, когда Ренсом поставил для охранников завесу. Ждала, что те его одернут или Хантер потребует снять заклятие, но, похоже, они уже обсудили этот момент.

– Обычно люди извиняются, когда посреди ночи поднимают кого-то для разговора, – сказала я.

– Обычно я даже не разговариваю с такими, как ты.

– Зря идешь против принципов.

Я поднялась, повернувшись к охранникам, чтобы они увели меня в палату. Но... они остались безмолвными и неподвижными.

– Ким, сядь, – мягко произнес Хантер, но в его голосе на секунду прозвучали стальные нотки.

– Я предполагал, что твое хорошее настроение от прогулки испарится. Кристина предупредила, что иногда ты бываешь... агрессивна.

– А она не предупредила, что среди моих жертв был детектив? – улыбнулась я.

– Он снова убил. Я хочу, чтобы ты еще подумала над мотивами и целями.

– Катись.

– Ты неменяемая.

– Это не новость в наших краях, придумай что-то еще.

Ренсом полез во внутренний карман куртки, и я напряглась. Но детектив извлек небольшой серебряный портсигар и толкнул ко мне. Я поймала и почувствовала тонкий запах табака.

– Это первое, что я хочу тебе предложить.

Никогда не любила сигары и в юности не курила. Но сейчас почему-то очень захотелось, и я повременила уходить. Ренсом помог мне закурить, но сам не стал.

От едкого горького дыма я закашлялась. В голове немного прояснилось.

– Ты написала кое-что на доске в кондитерской. Зачем?

Я пожалала плечами, выпустив колечки дыма.

– Я всегда так делаю. Пишу записочки. Пугаю людей.

Ренсом смотрел с отвращением, которое плохо пытался скрывать. Я же готова была рассмеяться. Сигара медленно тлела в руках, и дымок, поднимающийся от кончика, завораживал.

– Что ж, его ты не напугала. Скорее заинтриговала. Он убил хозяйку. И оставил для тебя вот это.

Ренсом вытащил небольшую коробочку, напоминающую ювелирную, только чуть больше размером. Я замерла, и впервые рука с сигарой дрогнула. Я не спешила брать предложенное. Долго смотрела на красный бархат и гадала, чем аукнется мне эта история.

Потом все же взяла. Хуже быть не могло.

В коробочке оказался небольшой цветок, красивый, с красными шелковистыми лепестками и сочными зелеными листьями. Мастерская миниатюрная копия цветка кордера. Но едва я коснулась цветка, тот сразу же почернел и опал. В нос ударил легкий запах гнили, в ярости я отбросила шкатулку и ударила по столу рукой.

Охранники бросились ко мне, но Хантер жестом их остановил.

– И третье, – как ни в чем не бывало продолжил детектив, – я хочу предложить тебе выйти со мной на сутки и посетить места преступлений. Он клюнул на тебя. Я хочу это использовать. А ты получишь возможность гулять и вкусно есть за мой счет.

Он улыбнулся, и мне вдруг захотелось стереть эту улыбку с лица детектива.

– Воспоминания об этом деле скрасят тебе остаток жизни.

Я вернулась к сигаре, которая, на удивление, не потухла.

– Не боишься оставаться со мной наедине? Я ведь ненормальная.

Ренсом поднялся и подошел к моему стулу. Обоняние учуяло тонкий запах его парфюма. Приятный, тяжелый аромат. Я не двинулась с места, лишь подняла глаза.

– Ты ведь не знаешь, насколько нормален я, – сказал Алан.

И уже у выхода, намереваясь закрыть дверь, обронил:

– У тебя час, Кордеро. На размышления и сборы. Второй раз я не приду.

– И почему он ведет себя так, словно это мне хочется ему помогать? – задумчиво спросила я у охранника.

Тот, конечно, ничего не смог ответить.

* * *

Детектив солгал: он дал меньше часа. Наверное, не допускал даже мысли, что я откажусь, потому что почти сразу же, как мы с Хейвен вернулись в палату, сестра-целительница принесла стопку одежды.

– Не хочешь ничего мне рассказать? – обиженно спросила Хейвен, пока я одевалась.

– Что, например?

– Убийца прислал тебе цветок кордера. Ты его знаешь?

– Нет. – Я пожала плечами. – Но он знает меня.

– И тебе неинтересно откуда?

– Обо мне писали газеты. Наследница рода Кордеро оказалась сумасшедшей убийцей. Это сенсация. Любой мог прочесть.

Хейвен вдруг расхохоталась. Ее смех эхом прокатился по пустым коридорам лечебницы. Я знала, что никто, кроме меня, ее не слышит, но все равно вздрогнула и на секунду испугалась, что сейчас придет дежурная сестра и запретит мне идти с Ренсомом.

А значит, решение было принято: я выхожу на свободу.

Пусть ненадолго, пусть лишь чтобы остановить такого же монстра, как и я сама. Но это несколько сладких дней на свободе и... новая игра, мысли о которой будоражат.

Я прислонилась лбом к холодной двери камеры, чтобы успокоиться.

Нет, Ким, нет. Игры закончились. Посмотри, что бывает, когда проигрываешь. Посмотри, где ты оказалась. Запертая навечно с мертвой девушкой.

– Почему я вижу тебя, а других нет? – спросила я.

– Других? – Хейвен нахмурилась.

– Я убила троих. Тебя, маму и детектива. Почему они не приходят?

– Не знаю. Помнишь, что говорил лекарь Дельвего?

– Хантер? Я вообще его не помню. Кристина говорит, он лечил меня. Но я словно... словно не встречалась с ним раньше. Интересно, почему?

«Провалы в памяти неслучайны, Ким. То, что с тобой произошло, не способен выдержать человек. Твоя магия сходит с ума, блокирует воспоминания о прошлом. Потому что иначе они обрушатся на тебя со всей тяжестью и уничтожат».

Его голос был так реален, что я даже обернулась в поисках лекаря. Но Хантера в палате не оказалось, да и Хейвен куда-то исчезла. Я с силой давила на виски, пока не потемнело в глазах.

С каждым днем мне все хуже и хуже. Граница между миром галлюцинаций и миром реальности стирается, воспоминания тускнеют. Я почти не помню лиц сестер, лишь слышу иногда их голоса. Не помню дни здесь, в лечебнице. Говорят, лишенный магии обречен медленно умирать, теряя себя. Говорят, зелья и ментальные заклятия, что используют на нас, разрушают личность. Такие, как я, не живут здесь дольше пяти лет.

Безнадежные. Изгнанные из мира нормальных людей.

Убийцы, насильники, психопаты.

Меня лишили магии два года назад. Время неумолимо вело отсчет.

Я почти ждала, когда стрелки на этих часах остановятся навечно.

Дверь вдруг скрипнула, и в темную палату проникла полоска тусклого света. Я отпрянула, ожидая увидеть сестру-целительницу, Кристину или охранника, но... никто так и не вошел.

Сердце билось так быстро, что мне не хватало воздуха, а Хейвен, как назло, куда-то пропала. Первые несколько шагов дались с невероятным трудом.

Тук-тук, за окном

Тихо плачет навь.

Мой собственный голос звучал откуда-то издалека.

Старый дом, старый дом,

Сон ты или явь?..

Собравшись с духом, я решительно вышла в коридор, намереваясь привлечь внимание охраны, но он был совершенно пуст.

*Тук-тук, медленно
Открываю дверь.*

Ряды одинаковых зарешеченных окошек палат, слегка подрагивающий тусклый желтый свет. И круглое окно в самом конце. Я никогда не видела его ночью, а днем оно казалось не таким жутким. Сейчас в него смотрела проклятая луна.

*Старый дом, старый дом —
Ты ему не верь...*

Кроваво-красные буквы ярко выделялись на светлой стене:

*Тук-тук, ветер здесь,
Он стучит в окно.*

Темная фигура: бесформенная, уродливая, словно сотканная сразу из всех моих кошмаров, — ярко выделяется, подсвеченная предательницей-луной.

*Обернись, ведь тебе
Жить не суждено.*

Старая детская песенка, неизвестно откуда появившаяся в моей голове, звучала по-особенному мрачно сейчас, когда я не отрываясь смотрела на силуэт в конце коридора. Темный плащ полностью скрывал человека... нет, существо — человеком эта тварь не могла быть по определению. Но я знала, что оно смотрит. Знала, что если пошевелюсь, то произойдет что-то непоправимое.

Как будто так уже бывало.
Как будто так было всегда.

Оцепенение спало, и я сделала единственную вещь, казавшуюся логичной: попыталась вернуться в палату. Часть меня – та, которая еще сохранила остатки разума, – понимала, что происходящее лишь ночной кошмар и все, что нужно сделать, – это проснуться. Другая, ведомая инстинктами, как испуганный зверек, бежала прятаться в палату. Как будто железная решетка могла защитить от чудовищ, порожденных разумом.

– Кимберли!

Пятясь и не сводя взгляда с темной фигуры у окна, я врезалась в кого-то спиной. От неожиданности вскрикнула, оступилась и едва не упала на холодный каменный пол, но Хантер Дельвего успел подхватить меня прежде, чем это случилось.

– Что ты здесь делаешь? Почему ты не в палате?

Я обернулась к окну, чтобы удостовериться: призрак исчез. Как и всегда бывает, столкновение с реальным миром на некоторое время вырвало меня из власти болезни.

Но скоро все повторится. Снова и снова, пока я не потеряюсь окончательно и от прежней Ким не останется пустая оболочка. Пока кошмары не сожрут привычный мир и не превратят его в кривое отражение кровавого прошлого.

– Кто-то открыл дверь... – пробормотала я.

Двери не открываются сами по себе. Когда я играла с сестрами, я делала это десятки раз.

А теперь кто-то играет со мной?

– Я разберусь, – сказал он. – Идем, нам пора.

– К детективу Ренсому?

Хантер бросил на меня задумчивый взгляд.

– Да. К детективу Ренсому. Нужна твоя помощь, Ким. Нужно поймать того, кто держит Хейзенвилль в страхе.

– Жаль, что это не я. – Моих губ коснулась улыбка. – Вы бы справились быстрее.

Будь я чуть умнее или удачливее, мои сестры были бы мертвы.

Хейзенвилль – холодный город. Тусклый, дождливый, старинный и мрачный. Я редко покидала его пределы, но когда это все же случалось, то казалось, будто время здесь остановилось. Будто мы все – персонажи огромного кукольного домика, покрытого пылью и населенного призраками.

На этот раз они не стали рисковать, и в город меня вез частный экипаж с закрытыми наглухо окнами. Но я слышала барабнящий по крыше дождь и, закрыв глаза, представляла, как холодные капли падают на лицо, стекают по щекам и теряются где-то в одежде.

А потом мечты воплотились в реальность. Мы вышли на залитую водой улицу и, пока шли, перепрыгивая бурлящие потоки, вымокли почти насквозь. Хантер сквозь зубы ругал неработающие ливневки и магов из мэрии, каждый раз удивляющихся дождю, а мне хотелось остановиться, посмотреть в затянутое тучами ночное небо и рассмеяться.

Даже если это последнее воспоминание о реальном мире, перед тем как я навсегда погружусь в собственные кошмары, – оно того стоит.

Алан Ренсом появился словно из ниоткуда. Он молча смерил меня мрачным взглядом и, обогнав нас, поднялся на второй этаж старого дома с апартаментами.

– Это его дом? – спросила я у Хантера.

– Кого? – Он был так погружен в свои мысли, что, кажется, даже не заметил присоединившегося к нам детектива. – А... нет, это служебная квартира управления. Ее используют, когда приезжают детективы из Даркфелла или когда берут под охрану свидетелей.

– Но я не свидетель.

– Ты консультант.

Неожиданно даже для самой себя я почувствовала прилив душевных сил.

У меня не было шанса представить свое будущее. Его просто не существовало. С самой смерти отца я знала, что сделаю, я сгорала от нетерпения, выведывая секреты сестер.

Кортни и Кайла. О, у них было много тайн. И все они тщательно скрывали от глупой наивной малышки Ким. Их лица, когда я один за другим щелкала их секреты, надо было видеть!

– Ким!

Я снова слишком глубоко погрузилась в мысли. Хантер усадил меня на диван и дал большое сухое полотенце, чтобы я вытерла волосы. Детектив сел напротив. Пока я силилась вспомнить лица сестер, он успел разложить на столике папки с делами.

– Взгляни на это. И скажи, что видишь.

Детектив был прав еще в кондитерской: я бесполезна. Я не умею проникать в разум преступников, я не обладаю нужными знаниями или интуицией. Когда-то мачеха робко предполагала, что у меня могут быть способности менталиста, но и те крохи дара, полученного по наследству, отобрали вместе с правом на свободу.

Так несправедливо: много лет назад моя сестра забрала чужую магию. И до сих пор живет с ней. А мне пришлось отдать свою.

– Эй, ты уснула? – Детектив помахал рукой у меня перед носом. – Боги, что я здесь делаю? Она просто больная. Давайте выставим ее как приманку – и перестанем делать вид, что нам и впрямь нужна консультация полоумной.

– Алан, не дави на нее, – сказала Кристина. – Ким, убийца тобой заинтересовался. Попробуй предположить почему.

Со вздохом я придвинула документы ближе и вчиталась.

– Он убивает только мужчин, за исключением Аделины. Он впервые убил женщину. Мужчины ему нужны для чего-то, а женщина – для меня. Ответ на сообщение.

– Совесть не мучает? – ехидно поинтересовался детектив.

Лекарь Дельвего закатила глаза.

– Нет, – улыбнулась я. – Алан, вы знали, что многие убийцы не способны к эмпатии? Мы просто не испытываем к жертвам сочувствия. Не можем их пожалеть, примерить их боль на себя. Не можем сопереживать кому-то, радоваться за кого-то. Ненавидеть кого-то. Мы просто чувствуем желание убить – и не противимся ему.

Детектив смотрел с отвращением. Казалось, если бы не Хантер и Кристина, он бы потянулся за револьвером и пристрелил меня на месте. Хм... Неожиданно будоражащая мысль.

– Всех жертв держали взаперти несколько дней. Но не пытали, не насиловали. Для чего? И почему именно ментальный удар?

Я почувствовала, как начинает болеть голова. Все отдала бы за чашку горячего чая, но Кристина куда-то исчезла, детектив вряд ли станет за мной ухаживать, а Хантера просить не хотелось. Я чувствовала его пристальный взгляд затылком и старалась не оборачиваться.

Просматривала какие-то отчеты, записи, допросы. Вскоре они слились в один комок непонятной и неинтересной информации. Но кое за что я все же зацепилась. Каждое место преступления записывали.

Брали кристалл, делали снимки. Артефакт отправляли на очистку, а снимки переносили на бумагу и подшивали к делу.

Когда я только попала в лечебницу, у меня тоже было такое дело.

– Он похищает их, – произнес детектив Ренсом. – Держит где-то несколько дней, но не мучает. Потом выжигает мозги – и отвозит куда-то умирать. Каждый раз в разное место. Старая ратуша. Маяк. Задний двор давно пустующего дома. Не добивает сам, словно не боится, что кто-то выживет и даст показания. Почему?

– Я не знаю, – прошептала я.

– Кто он?

– Не знаю.

– Что ему нужно?

– НЕ ЗНАЮ!

Ренсом с такой силой ударил по столу, что я отпрянула и забралась на диван с ногами.

– Бесплезная психопатка. Зачем только я тебя слушаю?

– Я хочу спать.

За неимением Кристины (куда она запропастилась, разве лекарь не должна за мной следить?) я повернулась к Хантеру.

– Я устала. Я хочу спать.

– О, конечно, теперь мы будем ждать, когда Кимми поспит. Мы ведь для этого собрались. Чтобы она отдохнула! Прогулялась, поспала, вкусно поела, да? Подумаешь, убийца, жертвы, расследование – у Кимми ведь нет эмпатии. Ей плевать на чужие жизни, Кимми хочет в постельку!

– Алан! – оборвала его Кристина. – Ким больна. У нее была бессонная ночь, не без твоей помощи. Дай ей пару часов, а потом свози на места преступлений.

– Все, – раздался голос Хантера, – Кимберли, идем. Здесь есть спальня, ты сможешь немного поспать.

Детектив Ренсом был в ярости, а Кристина вновь скрылась где-то в недрах апартаментов. Я злилась, что она не смогла проводить меня в комнату и помочь, но все равно была благодарна за то, что заткнула детектива. Его яростный взгляд преследовал меня, готовый прожечь в затылке дырку.

В последний раз я бросила взгляд на разложенные на столе картинки, задержавшись на старом маяке, и вдруг изображение будто

ожило. Среди грубых мазков магической краски в мягком свете луны на маяке промелькнул силуэт, очень похожий на воплощение моего ночного кошмара.

Я моргнула и тряхнула головой.

– Ким? – спросил Хантер.

Его голос, как и всегда, разрушил наваждение. Картинка осталась статичной.

– Я хочу спать, – повторила я.

– Идем. Завтра продолжим.

Как долго я не спала в нормальной постели!

При виде двуспальной кровати с горой подушек и огромным тяжелым одеялом перехватило дыхание. Не верю, что мне разрешат спать здесь, и как же не хватает Хейвен! Она непременно должна это увидеть!

– Хейвен? – позвала я. – Ты здесь? Смотри, какая шикарная кровать! Эй! Почему ты пропала?

Хантер сбросил покрывало на пол и кивнул:

– Ложись. Мне нужно тебя осмотреть. Как ты себя чувствуешь?

– Голова болит.

Я осторожно легла на подушки и тут же вскочила: испугалась. Сердце засбило, разгоняя по венам кровь, дыхание сбилась.

– Эй, – мягко произнес лекарь, – тебе нечего бояться.

– Тук-тук, за окном...

– Ким. Ким! Это просто кровать. Мы в служебной квартире. За ее пределами стоит охрана, и никто не войдет сюда. Тебе нечего бояться.

– Почему ушла Хейвен? – хныкнула я.

– Вероятно, сейчас ты в ней не нуждаешься. Ложись. Закрой глаза. Не бойся. Я не стану вторгаться в твой разум, просто удостоверюсь, что ты в порядке.

Это все равно страшно. Прикосновение чужого разума рождает глубинный, животный ужас. Я до боли в костяшках сжала одеяло, когда почувствовала, как Хантер проникает ко мне в голову.

Каждый день. Два года. Им просто нужно убедиться, что я в порядке. Что внутри еще есть личность Ким.

Когда все закончилось и воцарилась тишина, я открыла глаза и поняла, что плакала. Или от яркого света заслезились глаза?

– Ты молодец. Я думал, будет хуже. Отдохни. Я буду в соседней комнате, но не делай глупостей, Ким. Иначе придется вернуть тебя в палату – и больше ты ее не покинешь.

Облизнув пересохшие губы, я спросила:

– Можно вопрос?

– Давай.

У меня не получалось говорить громко, я почти шептала, обессилив после ментального воздействия, и Хантеру пришлось сесть на краешек постели.

– Ваша сестра как-то сказала, что я почти не помню детства из-за того, как со мной обращался отец. Что моя магия не дает мне помнить, это ее способ защитить нас. Что из-за жестокости моя личность отделилась от магии – и поэтому я больна.

– Немного примитивно, но в целом верно. Мы часто подавляем страшные воспоминания. Это наш способ выжить. Ты не одинока и не уникальна, даже здоровые люди порой предпочитают что-нибудь забыть.

– Тогда почему я не помню вас?

Он усмехнулся.

– Может, потому что я тоже тебя мучил?

Я похолодела, но не смогла пошевелиться. Хантер покачал головой, я только сейчас заметила, что и он едва держится на ногах от усталости.

– Я обязательно вспомню. Я вас вспомню.

– Тогда у меня мало времени, – улыбнулся он.

Поднялся, погасил свет, оставив лишь небольшой ночник на тумбочке у постели.

– Для чего? – спросила я.

– Чтобы тебя спасти. Спокойной ночи, Ким.

Год назад

– *Леди Кордеро, лорд Уолдер, прошу прощения за задержку, сложный пациент.* – Хантер входит в кабинет и быстро окидывает взглядом гостей.

Девушка лет двадцати – двадцати пяти, не больше. Красивая шатенка с роскошными длинными волосами, собранными в косу.

Кортни Кордеро – он слышал о ней. Единственная законная наследница состояния Карла Кордеро. Хантер украдкой рассматривает ее, пытаясь отыскать сходство с отцом. Но, судя по тому, что он выяснил, Кортни не самое большое зло в Хейзенвилле.

А вот ее супруг, Герберт Уолдер, может создать много проблем. Юрист, поверенный семьи Кордеро, всецело преданный Карлу. Классический случай: работал на друга, женат на дочери друга. Верный пес со смертельной хваткой.

– И что же Хантер Дельвего забыл в провинциальной лечебнице для безумцев? – кривится Герберт.

Кортни удивленно смотрит на мужа.

– Вы знакомы?

Тот кивает, и одновременно с его ответом Хантер вспоминает, где видел Уолдера.

– Пересекались несколько раз на процессах. Он был судебным менталистом. После его допросов немногим удавалось сохранить разум.

– Я не выбирал свое назначение, – мягко говорит он. – Приказы его величества не обсуждаются. Как и на прошлой должности, я выполняю свою работу. И пригласил вас, чтобы обсудить состояние Ким.

Кортни выдыхает, отводя взгляд, а Уолдер едва заметно стискивает деревянные четки, которые до этого вертел между пальцами. Что ж, им все еще больно от того, что случилось с младшей Кордеро, и эта боль сейчас – его союзник.

– Я хочу немного поработать с Ким. Мне нужно ваше разрешение на ментальное вмешательство.

– Вы уже лишили ее магии. Что еще вам от нее нужно? Оставьте ее, дайте провести остаток дней без боли! – Голос леди Кордеро звенит.

– Я не собираюсь причинять Кимберли боль. Намеренно уж точно. Я лишь хочу попробовать несколько экспериментальных методик. Сейчас Ким замкнута, она не разговаривает, не принимает пищу. По протоколу я должен заставить ее, лишит воли, но вы и сами знаете, что это только приблизит конец. Методики, разработанные мной...

– Знаете, что о вас говорят, Хантер? – перебивает его Уолдер.

– Что я гениальный менталист?

И что ему не хватает выдержки. Он всерьез собирается мериться крутостью с опекуном своей пациентки? Просто потому что... что?

– *Что вы полный подонок. Для вас не существует границ, морали, принципов этики. Не знаю, кому пришло в голову назначить вас на это место...*

– *Хорошо, я буду честен.*

Видят боги, он не хотел делать это так. Но ему нужно проникнуть в голову Ким Кордеро. Нужно достать ее воспоминания и удостовериться, что он сам не безумец.

– *Хейвен О’Ши, Эмили Фаннинг и детектив Портер, вероятно, могут быть не единственными жертвами Ким.*

Кортни вздрагивает, и маска холодной наследницы из высшего общества слетает. Перед ним испуганная девчонка, отчаянно ищущая руку мужа как опору в мире, где у нее забрали сестру.

– *Мы думаем, она начала убивать задолго до того, как стала с вами играть. Если это так, мы должны знать обо всех жертвах. И я узнаю. Либо с вашей помощью – и тогда Ким, возможно, станет лучше. Либо по протоколу управления правопорядка. Тогда она перестанет быть вашей сестрой.*

Он лжет.

Ким Кордеро никого не убивала – за исключением известных жертв, разумеется.

Но ему очень нужно к ней подобраться.

В одном Уолдер прав: Хантеру и впрямь плевать на мораль.

Глава 3

Я старалась. Я очень старалась быть хорошей девочкой.

Но хорошие девочки не убивают, и я перестала притворяться.

Когда луна заняла себе место прямо напротив окна комнаты, где меня положили, я поняла, что вряд ли усну. Притворная усталость была способом сбежать от агрессивного допроса детектива Ренсома, но на самом деле сна не было ни в одном глазу. Порой я могла не спать сутками, меряя шагами палату.

А сейчас передо мной был открыт весь мир.

Как можно тише я оделась и выскользнула из комнаты. Сердце неистово стучало, а еще я боялась, что в самый неподходящий момент появится Хейвен. Хоть она не могла меня выдать, я все равно порой думала, что Кристина ее видит.

Но мои сопровождающие, кажется, спали. Во всяком случае, ни Алана Ренсома, ни Кристины, ни Хантера не нашлось в гостиной. А вот на столе все еще валялись документы по убийствам, и я даже поразилась такой беспечности.

– И кто из нас здесь сумасшедший? – пробормотала я.

На кухне нашлись чай и печенье. Я даже не поняла, что голодна, но когда немного поела, стала чувствовать себя чуть лучше. Без ежедневных доз зелий туман в голове постепенно рассеивался. А вместе с ним возвращался вкус к жизни.

Отовсюду слышалось завывание ветра. В это время в старых домах Хейзенвилля ужасно холодно, сквозняки пробирают до костей. Я с тоской вспомнила, как осенью дома зажигали камины. Они уютно потрескивали круглые сутки, а мы с сестрами жарили на открытом огне хлеб и зефир. Тайком от папы и мачехи.

Грея руки о чашку с чаем, я села на диван.

Сейчас я увидела то, что ускользнуло от внимания при разговоре с Аланом. А может, он намеренно скрыл от меня часть материалов, опасаясь срыва. Но в каждой папке, посвященной убийству, самым последним листом шел портрет жертвы.

– Что это ты тут делаешь? – услышала я голос Хейвен. – И где твои надзиратели?

Не отрываясь от рисунков, я шикнула на нее.

– О... – Хейвен заглянула мне через плечо. – Как интересно. Это те, кого он убил?

– Да, – шепотом, боясь, что проснется Хантер, сказала я. – Это жертвы.

Мне стоило взглянуть на одну иллюстрацию – и я уже знала, что увижу на следующих. Мужчины, свернувшиеся клубочком в бесплодных попытках спрятаться от боли, разрывающей голову изнутри. С ярко выступающими венами неестественного алого оттенка.

И три следа на запястьях. От трех тонких цепочек.

Одного из них я знала.

Эдмонд Белами.

Человек, чьего ребенка я когда-то похитила, чтобы подставить сестру. Человек, который притворился безумным. Тот, кто сказал...

Он ждет тебя.

Я отбросила папки в сторону и опустила голову, глубоко дыша, как учила Кристина. В надежде, что сейчас закружится голова и мир вокруг померкнет, а потом я проснусь в своей палате и рядом будет доставучая мертвая Хейвен.

– Он вернулся, да? – вместо этого услышала я ее голос. – Я думала, ты его выдумала.

– Я тоже так думала, – глухо сказала я. – Это безумие. В чистом виде. Он не мог вернуться, он мертв!

– Может, ты ошиблась? Вдруг ты ошиблась?

Хейвен панически заметалась по комнате.

– Он нас найдет! Он отомстит!

– Хейвен, я прошу тебя, уймись! Дай мне подумать!

– Ты глупая, глупая, глупая! Зачем ты его убила?! Почему ты не слушалась, Ким?! Почему ты такая непослушная?!

– Заткнись! – прошипела я, чувствуя, как внутри поднимается ярость.

От неожиданности я замерла, прислушиваясь к себе. Я давно не испытывала таких чистых эмоций. Я давно не испытывала злости, ярости, ревности – таких простых человеческих чувств. Лекарственные зелья глушили все, кроме монотонного выматывающего страха. Иногда через пелену тумана в сознании

пробивалась обида или усталость, но страх – вот основа послушания каждого безумца.

– Он вернулся... – все шептала и шептала Хейвен. – Вернулся. Что нам теперь делать, Ким? Он убьет нас! Убьет, как убил их всех...

Я резко поднялась, и она отпрянула. Расширившимися от ужаса глазами посмотрела на меня, попятилась и замотала головой так отчаянно, что если бы не была призраком, непременно свернула бы себе шею.

– Нет! Нет! Нет! Не смей! Не смей, Ким, ты слышишь?! Ты не можешь уйти! Ты не можешь пойти к нему! Ты больная! Ты должна оставаться здесь! Тебе нельзя уйти! Ким!

Хейвен преградила мне путь. В темноте казалось, будто ее черты исказились, превратив некогда красивую девушку в одного из монстров моих кошмаров.

– Отойди, Хейвен, – тихо сказала я.

– Я не позволю тебе снова играть! Снова стать «К»! Снова вредить твоим сестрам! Ты не уйдешь. Не сможешь. У тебя не осталось магии. Тебя схватят и упекут в психушку навечно, где ты умрешь, забытая своими обожаемыми сестрами, с которыми тебе так нравилось играть...

Я сделала то, на что никогда не решалась: прошла прямо сквозь Хейвен, заглушив ее вопли старой детской песенкой, которую всегда напевала, когда становилось невыносимо.

*Тук-тук, за окном
Тихо плачет навь...*

Когда я обернулась, Хейвен в коридоре не было.

Как же давно я не ходила по улице в одиночку!

Старинные переулки Хейзенвилля в ночное время были пустыни. Они одновременно пугали и восхищали своей мрачностью.

«И ночью стелется туман по духом зла испещренному тенями проспекту», – одна из любимых цитат первой жены отца. Маленькая, я часто слышала ее от старших сестер, но никогда не размышляла над сутью.

А сейчас, перепрыгивая темные выбоины в старой брусчатке, кутаясь в тонкую рубашку, насквозь промокшую из-за плотного клубящегося по улицам тумана, я поняла, что древняя книжка наверняка имела в виду таких, как я. Пронизанных злом, пропитанных до самой души. Как черные ямы-пятна на блестящей от дождя дороге, на мне не заживают отметины прошлого.

Каленым железом выжжены имена. Наполняют сны их последние крики.

Хейвен.

Эмили.

Я вдруг споткнулась, поняв, что не помню (а может, и никогда не знала) имени детектива, которого убила.

На глаза набежали слезы. Каждый заслуживает, чтобы его помнил его убийца.

Я не знала, куда направляюсь, лишь знала, что должна снова дать о себе знать. Позвать его, крикнуть «Я в игре!», оставить послание. Но ноги сами несли меня в последнее место, куда стоило идти.

В старинный особняк, стоящий поодаль от прочих домов, надежно скрытый за роскошным садом.

В резиденцию древнего магического рода, заложившего основы основ: алхимию, пламя и разум.

Кордеро-холл.

Домой.

Я знала в нем каждый коридор, закуток, каждую комнатку. Знала, какой из прутьев можно сдвинуть, чтобы попасть в сад, и под каким из деревьев спрятан тайный ход, ведущий прямо в подвал. Я могла передвигаться бесшумно, не выдавая своего присутствия, ведь делала это много лет. Целая сеть тайных ходов Кордеро-холла служила мне верным напарником. Используя тайны старого дома, я оказывалась там, где быть не могла, и всегда оставалась незамеченной.

Дом – это место, где я обожала играть. И единственное место, по которому немного скучала.

Потайной ход, ведущий из домика прислуги в особняк, предсказуемо оказался засыпан, но я знала еще об одном. Его не нашли ни сестры, ни рабочие, когда делали ремонт. Его не было на планах, и о нем молчала я. Во время игры я не пользовалась этим ходом, делая

вид, будто его не существует. Но сейчас он был единственным способом попасть внутрь.

Неподалеку, буквально в нескольких кварталах, много лет стоял заброшенный домишко. Не перечить, сколько раз на общегородском собрании поднимался вопрос о его сносе, но в Хейзенвилле, городе, где правит частная собственность, никто не решился бы снести дом без согласия владельца. А его, увы, так и не разыскали. Кто-то говорил, что он уехал за океан, кто-то – что пропал без вести. Но счета оплачивались в срок, пожертвования в фонд благосостояния Хейзенвилля исправно вносились, и вопрос откладывался снова и снова.

Всего два человека знали, кто настоящий хозяин дома.

Я и папа.

Впрочем, после того как я его убила, наверняка за дом не платили, но ход, ведущий в Кордеро-холл, должен был остаться.

Сад совсем зарос. Я с трудом пробралась через высокую траву к ссохшимся деревянным ступеням, ведущим в дом. Они жалобно скрипнули и прогнулись, а сердце на секунду остановилось. Я пригнулась и прислушалась, но вокруг стояла совершенная, идеальная тишина.

– Что это за место?

Хейвен появилась так неожиданно, что я вздрогнула, хотя давно перестала пугаться ее внезапных появлений. Но стены старого дома из давних кошмаров обострили все темные эмоции, и страх в том числе.

– Дом.

– Дом? – Хейвен с подозрением на меня посмотрела. – И что ты здесь делаешь, в этом доме?

– Просто пришла. Тебе какая разница?

– Ты врешь мне, Ким! Ты врешь! Что это за дом?

– Хейвен, отстань, мне нужно кое-что найти!

– Не отстану, пока не расскажешь! Не отстану! Не отстану! Не отстану!

– Ладно, хватит! – не выдержала я. – Замолчи! Это папин дом. Через тоннели он связан с Кордеро-холлом.

– И ты об этом знаешь, потому что...

Я ненавижу Хейвен. Я знаю, что она – мое подсознание, и будет правильнее сказать, что я ненавижу себя, но как же я порой мечтаю,

чтобы она исчезла раз и навсегда!

– Потому что, когда я была нужна папе, он приводил меня сюда через тоннель. Так никто не догадывался, что мы отлучались.

Хейвен рассмеялась. Прислонившись к стене (прямо как живая!), она укоризненно на меня смотрела.

– Была нужна папе? Так ты это называешь?

– Сделай одолжение – сгинь, – буркнула я.

Вдруг оказавшись в стенах старого дома, я поняла, что почти его не помню. Что вид обшарпанных, покрытых плесенью и паутиной стен вызывает лишь слабое чувство тревоги. Где-то внутри, так глубоко, что не получается подковырнуть и вытащить на поверхность.

Я провела в этом доме так много времени, но совсем его не помню...

– Тук-тук, за окном, – тихо пропела Хейвен, – тихо плачет навь.

– Старый дом, старый дом, – эхом откликнулась я, – сон ты или явь?.. Откуда эта песенка? Ты знаешь? Из какой-то книги?

– А ты вспомни сама, – с вызовом ответила Хейвен и пропала.

Зато я хорошо помнила, где искать тайный ход, ведущий в Кордеро-холл. В комнате, некогда бывшей гостиной, стоял покосившийся шкаф. За время, что дом был заброшен, без охранных заклятий отца немногочисленную мебель или вынесли, или сожгли, но шкаф остался почти нетронутым. Он казался намертво вмонтированным в стену лишь на первый взгляд. Но если нащупать крошечный бугорок на боковой стенке и одновременно толкнуть – то шкаф легко отодвигался, открывая небольшую дверку.

Им явно давно не пользовались, потому что мне пришлось приложить все силы, чтобы со скрипом сдвинуть шкаф в сторону. На середине прохода он намертво застрял, но получившейся щели хватило, чтобы пролезть внутрь. За два года в лечебнице я сильно похудела.

Пахло сырым камнем и мокрой землей. Факелы, разумеется, не горели, а магии у меня больше не было, так что пришлось идти на ощупь. Руки дрожали, когда я ощупывала холодные стены, осторожно продвигаясь вперед.

В абсолютной тишине слышалось лишь мое дыхание.

Почему я не захватила хотя бы свечу?

Дорога заняла около получаса: приходилось двигаться практически вслепую. Хорошо, что у тоннеля не было никаких ответвлений. И жаль, что Хейвен исчезла. Мне бы не помешала компания.

Порой казалось, будто из темноты кто-то пристально за мной наблюдает. Воображение живо дорисовывало очертания скрюченного монстра, скрытого под темным плащом. Иногда я почти наяву слышала его хриплое дыхание, а иногда казалось, что за спиной раздаются тяжелые шаги.

Наконец я выдохнула: рука коснулась двери в конце тоннеля. К счастью, она оказалась не заперта.

Я вывалилась в подвал, не заботясь об осторожности, тяжело дыша и кашляя от мерзкого воздуха подземелья. За моей спиной медленно вставал на место точно такой же шкаф – только лучше сохранившийся.

Придя в себя, я осмотрелась. Подвал почти не изменился, разве что хлама стало больше. Я узнала стеллажи, раньше стоявшие в кабинете отца, и бар из малой гостиной. Значит, сестры сделали ремонт, как и собирались. Я поняла, что ужасно хочу взглянуть на то, как преобразился дом. Но прежде стоило убедиться, что меня никто не увидит, потому что если я попадусь – Хейвен права, – никогда больше не выйду на свободу.

Старое разбитое зеркало, раньше висевшее в папином кабинете, тоже переехало сюда. У нас считалось дурным знаком выбрасывать зеркала. Хотя Кристалл – мачеха – считала суеверия глупостью. Да и Кортни не была впечатлительной. Скорее, оставила как память – некоторой мебели в доме насчитывалось несколько сотен лет.

Я неспешно прошла по подвалу, рассматривая вещи. Каждая хранила воспоминания. О детстве, о юности. Об игре.

Задрав голову и посмотрев на потолок, я рассмеялась: несколько крюков так и торчали в нем. Когда-то папа вкрутил их, чтобы повесить снаряды. Он до последнего надеялся на то, что хоть какая-то из любовниц подарит ему сына. После его смерти от идеи отказались, но сестричка с мужем придумали для крюков более интересное применение.

Я знаю все их секреты.

Все пороки. Желания. Грехи.

Я много лет наблюдала, пряталась, была невидимкой. Любимой младшей сестренкой, такой же глупенькой, как и хорошенькой. Меня оберегали, меня любили, никто не мог представить меня в роли злодейки.

И это было удобно.

А сейчас приходится прятаться. Как крысам в подвале. Вслушиваться в звуки наверху и молиться, чтобы никому из обитателей Кордеро-холла не пришло в голову спуститься в подвал.

Неожиданно я остановилась. Так резко, словно налетела на невидимую стену.

У дальней стены высилась настоящая башня из коробок, и не одна. Добрый десяток здоровых картонных ящиков свалили в углу, забыв навсегда. На них лежал толстый слой пыли, упаковочная лента пожелтела и отошла.

На каждой из коробок – сделанная аккуратным почерком сестры – красовалась надпись.

«КИМ».

Вот так просто меня сложили в коробку и отправили в подвал. Как будто и не было Кимберли Кордеро, как будто у папы всегда было только две дочери. Интересно, как Кортни и Кайла отвечают на вопросы обо мне? Лгут, что я учусь за границей? Делают вид, будто никогда не знали никого по имени Ким? Рассказывают неполную, но такую удобную правду о душевной болезни бедняжки, из-за которой она не выходит из дома?

Жаль, что я не знаю.

Иногда мне казалось, что я люблю сестер. Скучаю по язвительным шуткам Кайлы и ее дерзким выходкам. По рассудительности и мягкости Кортни.

Скучаю по Герберту, которого любила больше всего на свете и ненавидела за то, что он видел во мне лишь младшую сестренку своей потаскушки...

А потом я вспоминаю обжигающую ненависть.

Она сильнее магии, сильнее восхваляемой всеми любви, это чувство просто не имеет границ.

Я ненавижу их. Ненавижу так сильно, как вообще способна.

Ненавижу Кортни. Ненавижу Кайлу. Ненавижу их мужей и детей, даже если их еще нет.

– За что их ненавидеть? – фыркнула вновь появившаяся Хейвен. – Маленькие глупенькие девочки, пытающиеся играть в наследниц крутого магического рода. Знаешь, если бы Конрад Кордеро дожил...

– Прекрати! – оборвала ее я. – Иначе нас заметят!

Хейвен хитро улыбнулась.

– Идем и найдем что-нибудь поесть. Ты ужасно голодна, а я хочу посмотреть на дом. Давай же, Ким, скорее!

Она была права, я отдала бы все на свете даже за кусок хлеба. Мельком взглянув на часы, я решила. Час ранний, сестры наверняка спят. А я умею быть тихой, знаю каждую ступеньку в доме, каждую скрипящую половицу. Прокрадусь на кухню, возьму что-нибудь незаметно, вернусь в подвал и буду размышлять дальше.

Дом стал светлее. Красное дерево заменили орехом, а тяжелые темные ткани – легким и светлым текстилем. Получилось довольно мило, хоть и лицемерно. Ничего светлого в хозяевах этого дома нет.

На кухне я быстро отыскала хлеб, оставшийся с вечера и немного подсохший, и арахисовую пасту. Сглотнула слюну, намазывая бутерброд и, облизав ложку, сунула ее обратно в ящик.

Как странно вдруг оказаться здесь, в доме, где я выросла. Можно закрыть глаза, вслушаться в его тишину и представить, словно двух лет в лечебнице просто не было. Словно я всего лишь проснулась раньше всех и спустилась вниз, чтобы перекусить, пока Нина делает завтрак.

В ящике под хлебницей я нашла свечи и спички. Достаточно много, чтобы пропажу парочки не заметили. Не придется пробираться обратно в темноте. Подумав, я отыскала бумажный пакет и сложила в него немного продуктов. Хлеб, сыр, несколько кусков шоколада. Хорошо бы достать воды, но пропажу кувшина точно заметят. С водой придется что-нибудь придумать. Ко всему прочему я сунула в пакет еще и нож. На всякий случай.

Пора было уходить.

Хантер, Алан и Кристина наверняка скоро поймут, что я сбежала, и наверняка явятся сюда. Сестры испугаются, их мужья проверят дом от и до и даже, возможно, найдут следы моего визита. Но вряд ли обнаружат потайной тоннель в заброшенный дом, никак не связанный с семьей Кордеро.

А когда они смирятся с моим побегом, когда научатся жить как прежде...

Из столовой, примыкающей к кухне, донеслись неторопливые шаги. Я тенью метнулась в кладовку и едва успела закрыть за собой дверь. Экономка пришла? Но я не слышала, чтобы кто-то входил. Сестры проснулись? Или их разбудил детектив Ренсом и они начнут обыскивать дом до того, как я успею уйти?

Неожиданно для себя я разволновалась. Последняя мимолетная встреча с сестрой (которую даже встречей-то назвать было сложно) закончилась обмороком и истерикой. Я не была уверена, что сдержусь, если увижу ее так близко.

– Что, птичка попалась в клетку? – фыркнула Хейвен из темноты кладовой.

Я стиснула зубы. Нельзя с ней говорить. Нельзя себя выдать.

Я должна помнить, что Хейвен не слышит никто, кроме меня.

– Сейчас тебя найдут и навечно отправят в психушку. Ну, как навечно? Лет на пять, ты все равно дольше не проживешь. Зачем ты пришла сюда, Ким? Ты им не нужна. Они с радостью избавились от тебя, неужели ты так и не поняла? Как только ты исчезла, твоя средняя сестра вышла замуж за человека, которого якобы ненавидела. А старшая обзавелась еще и ребенком...

– Что? – не выдержала я и тут же зажала себе рот рукой.

Но, к счастью, тот, кто зашел в кухню, ничего не услышал.

Я стояла в темноте среди полок, заставленных банками, коробками и свертками, молясь, чтобы никому не пришлось в голову достать что-то из кладовой. В крошечную щелочку я рассмотрела Нину – нашу экономку – и без сил опустилась на пол. Нина непременно заглянет в кладовую, просто не может не заглянуть. И тогда для меня все кончится.

Когда глаза привыкли к темноте, я осторожно, чтобы ничего не задеть, заползла в пространство между полками в надежде, что свет из открывшейся двери до меня не достанет и Нина не заметит.

Ее шаги прозвучали совсем близко, и я затаила дыхание. А Хейвен словно сошла с ума:

– Сейчас любимые сестрички тебя найдут и накажут. Думаешь, они забыли, что ты с ними делала? Думаешь, Кайла и Кортни не помнят, как ты играла? Как убила меня? Как заперла Кортни в гробу

вашего отца? Думаешь, они примут тебя с распростертыми объятиями? О, Кимми, им совсем невыгодно, чтобы ты вернулась. Помнишь детектива Портера? Ты ведь даже не помнишь, что его убила не ты.

Дверь кладовки открылась, но я даже не заметила, все мое внимание было приковано к Хейвен.

– Что такое, Ким, ты удивлена? Детектива застрелила Кортни, Ким. А ее муженек, в которого ты так влюблена, свалил все на тебя. Чтобы его обожаемую лгунью не посадили. Тебе ведь уже все равно. Убийством больше, убийством меньше. А ты и не знаешь...

Экономка вышла, закрыв дверь, и я выдохнула. Хейвен замолчала, довольная произведенным эффектом. Я действительно не помнила, как убила детектива, зато знала, что он числится в списке моих жертв.

Но в нем не числится папа.

Не знаю, сколько я просидела в кладовке. Час, может, чуть больше. Но вышла, лишь когда убедилась, что Нина давно ушла и ничего не оставила на плите. От ароматов, наполнивших кухню, заболел желудок. Блинчики, омлет с сыром и помидорами, маринованное мясо на пышном хлебе с коронным ореховым соусом. Я внимательно осмотрела кухню, но не нашла никаких остатков роскошного завтрака.

И вдруг поняла, что он еще не закончился.

Так и не сумев преодолеть соблазн, я осторожно заглянула в столовую, готовая, чуть что, бежать сломя голову. Как глупо будет, если после того, как экономка чудом не заметила меня в кладовке, кто-нибудь увидит, как я наблюдаю за их завтраком.

От увиденного перехватило дыхание. Сейчас я не сорвалась, я была готова к тому, что увижу людей, которые когда-то были мне семьей. Но все же видеть их так близко, тенью стоять в нескольких метрах и наблюдать со стороны...

Это было не так, как раньше. Не так, как когда я с ними играла. Тогда я была невидимым кукловодом, умело дергающим за ниточки. Сейчас – призраком, о котором никто не вспоминал.

Кайла. Красивая, дерзкая и веселая Кайла – старшая сестра, алхимик. Совершенная стерва, тусовщица и шлюха – такой она была в моих воспоминаниях. Но та Кайла куда-то исчезла, а вместо нее за столом сидела... мама? Мама девочки, такой похожей на нее. Девочка

с аппетитом уплетала блинчики, а Кайла щедро делилась с ней самыми вкусными ягодами из собственной тарелки.

По другую сторону от девочки я увидела мужчину. Память услужливо подбросила смутные воспоминания: кажется, с ним у Кайлы был роман. От него она забеременела, отдала ребенка и потеряла возможность еще родить. Я умело это использовала.

Значит, Кайла нашла дочь?

И вернулась к ее отцу. И счастлива, судя по улыбке и беззаботному смеху.

Кортни.

За два года она прошла путь от ходячего сгустка эмоций до сдержанной и даже холодной леди. Та студентка колледжа магии, которая всем сердцем ненавидела Кордеро-холл, наше наследие и память об отце, сама превратилась в его подобие. А еще она ненавидела Герберта Уолдера – и об этом тоже забыла, получив состояние рода.

Герберт.

Друг отца. Поверенный семьи. Талантливый юрист с мертвой хваткой и отсутствием принципов. Когда-то я его любила. А потом – ненавидела. За то, как он насмешливо трепал крошку Кимми по голове и считал кем-то вроде домашней зверушки. За то, как смотрел словно сквозь меня, в любой толпе находя взглядом Кортни. За то, как защищал ее, оберегал, прятал от отца – и оставлял во тьме старого дома меня.

Он любил ее. С юности любил так сильно, как вообще может любить человек такого толка. И с тех пор, как Герберт ее полюбил, Кортни освободилась от папы.

Она, правда, этого совсем не ценила и сбежала – и за это я ненавидела ее еще сильнее.

От некогда могущественного колдовского рода Кордеро остались жалкие крохи. Две наследницы, их мужья и дочь, первые годы жизни проведшая в чужой семье. Достойный конец.

Но я смотрела и смотрела. Жадно ловя обрывки разговоров, всматриваясь в знакомые и в то же время новые лица. Чувствуя, как внутри разгорается то же пламя, что и раньше, толкает вновь стереть с их лиц улыбки, ощутить власть и заставить со мной считаться.

Они были счастливы. Эти две семьи, две сестры. Они были счастливы и беззаботны.

Им не нужна была третья.

В дверь позвонили, и Кортни поднялась. Наверняка это детектив Ренсом. Пришел сообщить, что я сбежала. Надо возвращаться, пока не стало поздно.

И тут Кортни, пододвигая стул, повернулась ко мне. Я тут же отпрянула, прижав руку к груди, где неистово билось сердце, но сестра даже не взглянула в мою сторону. А вот я смогла рассмотреть ее в полный рост.

Кортни была беременна.

Нет, Кортни, нет, ты не могла. Ты не могла забеременеть! О чем ты думала?! Неужели ты повелась на манипуляцию отца, неужели прогнулась под его завещание? Перестала быть той Кортни, в которую влюбился Герберт, потеряла силу и независимость?

Я почувствовала, как в висках пульсирует боль.

– Кайла! – раздался ее голос из холла. – Подойди!

Нельзя было медлить дальше. Бесшумно я выскользнула из кухни в коридор для прислуги, а через него оказалась у лестницы, ведущей в подвал. Кортни была совсем рядом, я слышала ее голос за тонкой стеной.

– Что вы сделали?!

– Мы расследуем убийство Эдмонда Белами.

– И для этого использовали нашу душевнобольную сестру?! Вы в своем уме?!

– Леди Кордеро, я вынужден просить...

Я не стала слушать дальше. Наверняка они пришли, чтобы обыскать дом.

Призраком спустилась вниз, спряталась за коробки. Если попытаться уйти сейчас, они могут услышать, как я сдвигаю шкаф. Только бы обыск не начался с подвала!

Сердце рвалось из груди, а перед глазами плясали разноцветные искры. Я прислонилась лбом к холодному пыльному полу, пытаюсь прийти в себя, но мир опасно раскачивался. Только не приступ, только не сейчас!

– Как мило, наша Кортни беременна. Думаешь, у нее будет мальчик? – ехидно поинтересовалась Хейвен.

– Не-е-ет, – тихо простонала я. – Нет!

– Да, Кимми, да, у Кортни будет мальчик. Хорошенький сынок. Может, она даже назовет его в честь дальнего предка... Конрад Кордеро – как символично!

Она расхохоталась, а я зажала уши.

Это никогда не помогало. Хейвен была внутри моей головы.

– Давай, иди к ним! Расскажи, в какой они опасности! Посмотрим, поверит ли Кортни сумасшедшей сестре.

Я с трудом, подавив приступ тошноты, поднялась. Хейвен захлопала в ладоши.

Найдя острый угол какого-то старого стола, я, стиснув зубы, рассекла ладонь. Ярко-красная кровь закапала на пол, впитываясь в старые доски.

Он стоял напротив зеркала. Закрытый старой белой тканью, никому не нужный. Почти такой же, как коробки с напоминанием обо мне. Большой семейный портрет Кордеро. Отец в любимом кресле и три его дочери.

Сдернув пыльную ткань, я вздрогнула. Художник мастерски передал взгляд отца. Холодный, властный, абсолютно равнодушный. Чем дольше я всматривалась, тем сильнее казалось, что вот-вот его губы изогнутся в привычной жестокой усмешке.

Я прикоснулась пальцем к массивной и холодной овальной раме. Когда-то портрет висел в гостиной. Должно быть, после того как меня заперли в лечебнице, Кортни распорядилась убрать его вместе с другими напоминаниями о жизни с отцом в этом доме.

Ссадина на руке еще саднила, но стремительно затягивалась, и я не стала медлить. Окунула палец в свежую кровь и аккуратно – насколько вообще была на это способна – вывела послание прямо поверх холста.

*«Романтические герои сжигают мосты.
Отрицательные – дома. Однажды мы сгорим вместе. К.»*

Серная головка спички вспыхнула. Масляные мазки на портрете, подсвеченные золотым пламенем, придали картине зловещий вид. Я в последний раз посмотрела отцу в глаза и усмехнулась.

Огонь охватил коробки, старый диван. О, в подвале было много того, на что радостно перекинулось пламя. Книги, старые ковры. Пожар разгорался, за считанные минуты превращая наследие рода Кордеро в пепел.

Я знаю, как ведет себя огонь. Понимаю его сущность, душу. Огонь – одна из трех основ магии нашего мира. Он совсем не хаотичен, он разумен и неумолим. Вскоре он охватит весь подвал, затем перекинется на дом и – если не успеют потушить – уничтожит адское место.

Но портрет... Отец позаботился о том, чтобы память о нем не трогало пламя. Портрет останется на погребальном костре рода Кордеро. Как память о монстрах, населявших этот дом.

Не дожидаясь, пока комнату заволочет едким дымом, я сдвинула шкаф и нырнула в темноту подполья. Со второй попытки непослушными пальцами я зажгла свечу, и обратный путь занял гораздо меньше времени. Когда я вышла из старого дома, где-то вдали над Кордеро-холлом в небо поднимались клубы черного дыма.

– Ожидание – самое приятное в игре, – произнесла я, впрочем, зная, что никто не услышит.

Год назад

– Здравствуй, Ким. Ты помнишь меня?

Она сидит в кресле напротив, обняв колени, и смотрит куда-то вниз. Против собственной воли Хантер следит за ее взглядом, но ровным счетом ничего не видит.

– Мое имя Хантер Дельвего, я главный целитель-менталист. Я представлялся тебе уже не один десяток раз. Но ты еще ни разу не отвечала мне. Я надеялся, ответишь сегодня.

Кимберли молчит. Все те месяцы, что он с ней работает, она напоминает скорее тень человека, нежели цельную личность. Не читай он ее досье, подумал бы, что бедняжка получила ментальный удар, как многие пациенты здесь, но нет. Ее личность не уничтожена. Ее личность где-то там, и Хантеру просто необходимо до нее докопаться.

– Расскажи мне о том, что случилось сегодня в столовой. Ты говорила с другим пациентом. Я видел. Ты знакома с Эдмондом

Белами, так?

Впервые с того момента, как он приехал – узнав о том, что Кимберли Кордеро здесь, – она поднимает на него взгляд. Когда-то Хантер уже видел ее портрет, и тогда красивые голубые глаза лучились светом. Наверное, то была лишь иллюзия: Ким была больна задолго до времени написания того портрета, но тогда он понял, почему ее болезнь так потрясла близких. В невероятно красивую белокурую девчонку с веселыми искорками в глазах невозможно было не влюбиться.

Сегодня на него смотрит ее тень. И голубые глаза потускнели от постоянного ментального вмешательства, превратились в серые.

– О чем вы говорили?

– Он пропал.

У нее хриплый, но красивый голос.

Хантер хмурится, поймав себя на мысли, что его взгляд прикован к искусанным, но соблазнительным полным губам Ким. Боги... ее лишили магии, но почему ему кажется, что Ким все еще обладает пугающей колдовской притягательностью?

– Он не пропал. Он в тюрьме. Эдмонд инсценировал нападение на свою семью. Убил жену и ребенка, а затем притворился жертвой ментального удара. Будучи талантливым менталистом, Белами без труда обманул целителей и попал сюда. К тебе. Расскажи, о чем вы беседовали.

– Мы не беседовали. Он убил свою семью?

Хантер игнорирует вопрос и достает из ящика стола книгу.

«К. Кордеро» – единственное, что значится на обложке.

– Он дал тебе это.

Прежде спокойная, Ким отшатывается, словно он на нее замахнулся. В бесцветных глазах плещется ужас.

– Это почерк твоего отца, так? Ким, ты можешь сказать, о чем здесь написано?

– Нет, – едва слышно шепчет она.

– А мне кажется, можешь. Ты набросилась на него после того, как он показал тебе книгу. Почему?

Молчит. С тоской смотрит в окно, и на миг ему становится ее жаль.

Жалость не входит в план, и Хантер злится сам на себя. Ей уже не помочь, ее разум поврежден необратимо. Менталисты, работающие с душевнобольными, быстро черствеют. Но когда безумец перед тобой уродлив и жалок, просто отбросить эмоции. А когда это юная девочка, хрупкая, измученная, совершенно не заслужившая того, что с ней сделали, внутри ворочается что-то человеческое. Остатки совести, может.

– Он ждет тебя, – говорит Хантер.

Затаив дыхание, наблюдает за Ким, ожидая нового срыва, истерики, ярости.

Но вместо этого она криво усмехается.

– Ожидание – самое приятное в игре.

Глава 4

У воды я почувствовала себя хуже.

Еще одно место, мое тайное убежище для игр – старый хейзенвилльский маяк. Давно заброшенный, он годился разве что для образца к иллюстрациям на открытки. Два года назад я убила там женщину, которая называла себя моей матерью. Наверное, она ею и была, если мы имеем в виду секс с нашим отцом, беременность и роды. Но для того, чтобы называться матерью, нужно сделать что-то более значимое, чем раздвинуть ноги. Не уверена, что знаю что именно. Но все же.

На маяке было холодно. Холоднее, чем в воспоминаниях. Жутко скрипели доски, их вой напоминал чьи-то стоны. Пахло морской солью и прогнившим деревом. Я все бы отдала за одеяло, но даже не догадалась прихватить его из подвала.

Порыв эмоций прошел. За мной больше не гнались призраки Кордеро-холла, и я осталась наедине с отчаянием и жалостью к себе. Я съежилась возле стены, как можно дальше от окна, чтобы брызги разбушевавшегося моря не попадали на кожу.

Кортни, глупая ты девочка. Зачем, зачем ты решила привести в этот мир ребенка? В нашу проклятую семью, где никому не повезет быть счастливым.

Магия никогда не подчинялась людям. Лишь сосуществовала рядом с нами, позволяя пользоваться малой частью своих возможностей.

Магия всегда в балансе, как и природа. А если что-то этот баланс нарушает, то мироздание приводит все к равновесию силой.

Так появились мы.

Сестры Кордеро, три наследницы некогда великого магического рода. От него остались жалкие крохи – и это наша кара за то, что предки играли в богов.

– А мне говорили, ты гениальна, – услышала я чей-то голос.

Подняв голову, поняла, что плачу, и быстро вытерла мокрые щеки. Алан Ренсом, спрятав руки в карманах длинного плаща, с которого на

пол стекала вода, стоял, прислонившись к стене. Я не слышала, как он вошел.

– Та Ким, образ которой мне нарисовали, сюда бы не пошла.

– Мне некуда идти.

– Поэтому я тебя и нашел. Это очевидно: в твоем личном деле не так много знаковых мест. Кордеро-холл, дом у озера, маяк, склеп и лечебница.

– Поздравляю, награда «Детектив года» – твоя.

Алан, к моему удивлению, не защелкнул мне на запястьях кандалы, а сел на пол напротив. Склонив голову и прищурившись, он с интересом меня рассматривал.

– Неужели тебя не мучают воспоминания? Чувство вины. Здесь ты убила свою мать, Ким. Неужели ты сейчас не вспоминаешь ее крики, последний взгляд? Миг осознания, когда она поняла, что ее родной человек – любимая дочурка – сейчас хладнокровно столкнет ее вниз.

Я хрипло расхохоталась, запрокинув голову.

– И что смешного? – поинтересовался Алан.

– Ты ничего обо мне не знаешь.

– Я знаю о тебе все, что нужно. Все убийцы оправдывают себя. Жестокими родителями, травлей в школе, отсутствием талантов, несчастной любовью. Но правда в том, что ты, Кимберли, просто больная.

– Это так.

Мы замолчали. Ренсом не двигался, рассматривая заколоченное досками окно. Я дрожала. То ли от холода, то ли от того, что уже давно не принимала лекарства и эмоции лавиной обрушились на сознание. Сколько прошло времени, не знаю, порой казалось, что на старом холодном маяке я совершенно одна. И оттого удивительно было услышать собственный же голос: я не собиралась откровенничать с детективом, который меня презирал. Но я так давно ни с кем не говорила, что не смогла удержаться.

– Он их любил.

– Что?

– Папа любил Кайлу и Кортни. Во всяком случае, поначалу. И так, как умел. И их мать любил. Ее, пожалуй, даже больше, чем девочек. Может, он и хотел их использовать, но боялся причинить ей боль. А

когда она умерла, превратил их в памятные вещички о любимой женщине. А такие вещички очень берегут. Знаешь, детектив, что он тогда сделал?

– Что?

– Нашел какую-то дешевую шлюху, готовую родить ему ребенка. Ему нужен был сын. Нужно было продолжать исследования – так он это называл. Эмили Фаннинг – ее ты называешь моей матерью – продалась за очень хорошие деньги. Она получила красивую жизнь, папа – ребенка, которого не жалко. А что получила от этой сделки я?

– Значит, ты ей отомстила.

– О, мне было плевать на нее. Но Эмили Фаннинг хотела еще денег. Папа умер, она решила, что это отличный повод забыть об уговоре. Она пригрозила рассказать все газетам. О том, как несчастная бедная девушка влюбилась в богатого мага. Как забеременела и под угрозами отдала новорожденную дочурку бывшему любовнику. Как страдала все время, зная, что делает с ее девочкой отец, и как тут же примчалась, едва он умер и перестал представлять угрозу. Тогда я собиралась начать жить, Алан. После того, как закончу с сестрами. По-настоящему. Но если бы все узнали...

– Об этом я и говорю. Все убийцы ищут себе оправдания. Зачем ты сожгла дом?

– Ты должен знать, раз читал мое досье. Я его ненавижу.

– А послание?

Если детектив в курсе, о моей подписи в подвале уже знают и все остальные.

А значит, знает и тот, кому она предназначалась.

– Старые привычки. Такова наша сущность. Мы всегда возвращаемся к тому, что когда-то дарило сильные эмоции. Власть, чужой страх – это лучше, чем секс.

Детектив фыркнул.

– Как будто у тебя так много опыта.

– Да. О таком в досье не напишут.

Мы снова замолчали. Внизу волны бились о камни, а над головами завывал ветер. Я понятия не имела, куда пойду и что буду делать дальше. Меня ищет, наверное, вся стража Хейзенвилля. Сестры знают, что я на свободе. Вряд ли они даже теперь решатся со мной встретиться, но, наверное, это к лучшему. Возможно, у меня даже

получится сбежать и спрятаться. Но не тогда, когда детектив-грубиян буравит своим профессионально пронзительным взглядом.

– Ты знаешь, кто убийца, так?

– Нет.

– Ложь. Ты лживая насковзь, Ким Кордеро. Маленькая притворщица. Ты только притворяешься сумасшедшей девочкой, жертвой жестокого отца. Ты лжешь каждую минуту своего существования. И ты знаешь, кто убийца. Твои послания для него.

– Заткнись!

Меня скрутило приступом головной боли. Перед глазами встала темная мутная пелена, она превратила мрачное помещение старого маяка в его кривое отражение, словно кто-то на секунду позволил мне заглянуть в иной мир. Пустой, холодный, гнилой, опустевший.

И оттуда, из этого мира, на меня смотрел монстр.

Я не видела его лица, только уже знакомый уродливый силуэт под широким плащом. Но чувствовала на себе его взгляд. И в полной тишине – в темном отражении мира не было ни ветра, ни моря – слышала дыхание чудовища. Тяжелое и хриплое, словно каждый вдох давался ему с трудом.

Он ждет тебя.

Ты знаешь, зачем он пришел.

Вскоре боль прошла, и я обнаружила себя лежащей на полу, а детектива Ренсома невозмутимо стоявшим у окна.

– Спасибо за помощь, – бросила я.

– Мне плевать, сдохнешь ты здесь или поползешь еще в какое-нибудь памятное место, Кордеро. Мне нужно лишь имя убийцы.

– А мне нужны лекарства.

Я с трудом, держась за стенку, поднялась на ноги. Еще несколько таких приступов, и в фамильном склепе нашего рода появится новый гроб. Там наверняка для меня приберегли самое теплое местечко. А может, Кортни решит похоронить меня тайно? Надо думать, я настоящий позор известного семейства.

– Мне нужно к Кристине.

С трудом, на подкашивающихся ногах я спустилась с маяка вниз. В лицо тут же ударили ледяные брызги. Погода разыгралась не на шутку. Я плотнее запахнула куртку и вжала голову в плечи, но это не

спасло от пронизывающего холода. Поскальзываясь на мокрых камнях, я побрела к дороге.

– Ты мечешься, – сказал Алан. – Сама не знаешь, чего хочешь. То сбегаешь, то возвращаешься в лечебницу. То хочешь спасти сестер, то поджигаете их дом.

– Ты ничего обо мне не знаешь.

– А мне кажется, я знаю все. Назови имя убийцы, Ким.

– С чего ты взял, что оно мне известно?

– У меня свои источники. Не думала же ты, что я появился в твоей жизни просто потому, что ты сообразительная девочка? Что все вокруг пошли на риск – выпустили из психушки убийцу – просто потому, что она умнее опытных детективов? Ты знаешь его имя. И я хочу, чтобы ты его произнесла.

– Сначала ты. Расскажи, почему ненавидишь таких, как я. Кто у тебя умер?

Алан долго молчал. Мы шли вдоль дороги, стараясь держаться в тени, чтобы не привлекать внимание стражи. Я дрожала, онемевшими пальцами кое-как закрывая шею воротником. Не думала, что детектив ответит, но он, к моему удивлению, медленно произнес:

– У меня была старшая сестра. Она погибла.

– Ее убили?

– Да. Когда ей было пятнадцать, она встретила парня. Влюбилась в него без оглядки. Но он ее бросил. Спустя несколько лет, когда она уже стала взрослой, она снова встретила его. Она любила. Всю жизнь его любила. А он убил ее.

– Почему?

Детектив пожал плечами.

– Ты мне скажи. Ты же знаешь, как мыслят убийцы.

– Да ничего я не знаю. Только знаю, какая бывает ненависть. Как тяжело дышать, когда она душит тебя. Как ты сгораешь от боли, зная, что тот, кого ты ненавидишь, счастлив и даже не знает, как сильно ты мечтаешь убить его.

– Ты ненавидела сестер? Не могу понять за что.

– Разве не очевидно? – хохотнула я. – За то, что он их любил. За то, что не делал с ними того, что со мной. За то, что не лез в их головы, не мучил, не испытывал все новые и новые ритуалы. Он брал меня с собой в лабораторию – и я могла кричать много часов, потому что

голову словно разрывали на части! А когда мы возвращались, Кортни спрашивала: «Ким, ты не заболела, у тебя хриплый голос?» Им было плевать. Они были счастливы. Две любимые принцессы Карла Кордеро. И младшая, выращенная как скотина. Та, которую не жалко. Считаешь, у меня не было причин их ненавидеть?

– Считаю, тебе стоило ненавидеть отца. Думаю, в нем все дело. В том, что он не человек, а чудовище. Да и сложно назвать любимой принцессой Кайлу. Он ведь запер ее в старом доме одну, без помощи и запасов еды, и заставил рожать.

Я вздрогнула, вспомнив старый дом.

– Она сама виновата. Не надо было путаться с тем парнем. Еще и вышла за него замуж.

Ногой я неудачно наступила на камень и споткнулась. Алан снова не сделал ни малейшей попытки помочь, только равнодушно смотрел, как я хнычу от боли и баюкаю руку с порезом. Теперь в рану попадет грязь, она воспалится, и, быть может, я наконец-то сдохну.

– Как убили твою сестру?

– Ментальным ударом.

Я с удивлением посмотрела на Алана. Так вот в чем дело! Он ненавидит не убийц и не меня лично, а менталистов. Ну, рядом со мной он может быть спокоен. Меня давно лишили магии, я сейчас такой же менталист, как вон то гнилое бревно неподалеку.

– Мы были дома, – продолжил он, – когда все случилось. Кто-то постучал, сестра подошла к двери. Я не слышал разговор. Потом она вернулась.

Чем дальше он говорил, тем сложнее ему давался рассказ.

– Села в кресло в гостиной. Она смотрела прямо перед собой и плакала, а слезы смешивались с кровью. Моя сестра умирала у меня на глазах, и она знала, кто ее убил. Но не смогла рассказать.

– Его не нашли?

– Нет. Не нашли.

– Дерьмово.

– То, что тебе причинили боль, не значит, что ты в ответ должна причинять ее другим. Вспомни себя до того, как появилась ненависть. До того, как твой отец начал тебя мучить. Вспомни, Кимми, и скажи, есть ли в тебе хоть что-то от тебя прежней.

Я обернулась к маяку, он неизменно притягивал внимание. На секунду показалось, что на противоположном берегу бухты, на камнях, я вижу темную фигуру. Не того пришедшего из кошмаров монстра в плаще, а очень знакомую. Кто-то словно наблюдал за мной издали.

– Сделай мне одолжение, Алан Ренсом, – хрипло попросила я. – Когда все закончится. У тебя ведь есть служебный револьвер?

Очередной порыв ветра едва не сбил меня с ног. Закашлявшись, я согнулась пополам, чувствуя, как за грудиной словно все внутренности охватывает пламя. Голову будто сдавили в тисках, а новый приступ тошноты в прямом смысле поставил меня на колени.

– Леди? Леди, с вами все в порядке? Вам нужна помощь?

Когда я немного пришла в себя, то обнаружила рядом с собой стража. Наверняка совсем юный, их всех отправляют в патруль поначалу. Когда-то у меня был парень-страж. Как из другой жизни.

Как же его звали?

– Тай...

– Ким?

Я отшатнулась, всмотревшись в его лицо.

– Ким, боги, это правда ты... Почему ты не в лечебнице?! Что случилось?.. Ты вся в крови! Ким, тебе нужна помощь. Нужно к целителю. Идем, я тебе помогу, сейчас найдем экипаж...

Когда-то я притворялась, что люблю его.

Это была та самая подростковая мечта: красивый, из хорошей семьи, талантливый и способный парень. Будущий страж с отличными перспективами повышения до детектива. Тай был старше, он был предметом обожания всех девчонок в моей школе. Когда мы появлялись вместе, говорили только о нас.

Как прекрасна первая, чистая любовь!

Как светится малышка Кимми!

Когда же состоится помолвка юных влюбленных?

Как повезло Карлу: теперь в его семье, помимо зубастого юриста, появится будущий детектив, и Кордеро окончательно захватят в городе власть.

Я убила его сестру.

– Идем, ну же. Как ты сбежала? О, Ким, поверить не могу. Покажи мне руку? Нужно промыть и зашить. Что с тобой? Можешь идти? У тебя приступ?

За его спиной мелькнула черная тень. Где-то вдали, между домами, там, куда не хватало света фонарей с проспекта, мне почудился знакомый монстр. Среди тумана и гнилой вони я слышала его хриплое дыхание. И чувствовала на себе изучающий взгляд.

Пальцы, совсем недавно еле слушавшиеся, крепко схватились за рукоять ножа в кармане.

– Ким... – Тай оставил попытки встряхнуть меня и жалобно заглянул мне в лицо. – Скажи что-нибудь, Ким...

– Не надо было тебе останавливаться, – тихо сказала я.

Затем нож вошел в податливую плоть.

Я давно не убивала. Забыла, каково это: причинять боль. Забыла ощущение восторга в тот момент, когда непонимание в глазах жертвы сменяется животным ужасом. Забыла, как согревает утекающая из тела жизнь.

– Прости, – я опустилась рядом с Таем на мокрую мостовую, – так надо. Так лучше.

Посмотрела в переулок.

Монстр ушел.

– Ким...

– Все будет хорошо. *Ему нужны живые.*

* * *

Когда я добралась до лечебницы, дождь превратился в ливень, ветер – в ураган, а отдаленные раскаты грома – в ту самую грозу, когда из-за низких темных туч сложно понять, какое за окном время суток. Должно быть, поздний вечер или даже ночь, потому что в коридорах не было ни одной живой души.

Я тяжело дышала. Голова кружилась и раскалывалась на части. То и дело от приступов тошноты я содрогалась, надсадно кашляя, но желудок был пуст. Лишь возле знакомой палаты я смогла успокоиться и отдышаться.

Я любила Тая. По-своему любила. Как красивую игрушку, доставшуюся мне, а не сестрам. Как домашнего питомца, милого и веселого. Как любимую куклу в коллекции, ведь Тай для меня готов был на все.

Но настоящие чувства я испытывала совсем к другому человеку. И это был еще один повод ненавидеть Кортни.

Я всю жизнь любила ее мужа.

Тогда он не был им, разумеется. Тогда Герберт Уолдер был другом отца, его поверенным, талантливым юристом. Кто бы не влюбился? Только полная дура устояла бы перед темным обаянием этого мужчины.

Я долго ждала.

Хотела набраться опыта с Таем, хотя толку от него не было ровным счетом никакого: он слишком боялся гнева отца, чтобы хоть пальцем ко мне прикоснуться. Уничтожить сестер, которых всегда интересовали они сами, а не окружающие. Остаться наследницей рода Кордеро, так нуждающейся в помощи и защите.

Герберт не заметил бы, как оказался в ловушке. И у нас было бы все хо-ро-шо.

Любила ли я его сейчас?

Скорее нет, чем да. Хоть мысли о них с Кортни все еще причиняли боль, теперь, когда я думала о Герберте, я чувствовала животный страх.

У них будет ребенок.

Сын.

И тогда его постигнет участь намного более жуткая, чем смерть.

Дочь?

У нее останется один-единственный крошечный шанс не стать такой, как я. Слишком мало, чтобы я позволила ей стать частью своего мира.

Мысли лихорадочно металась в голове, пока я сидела у двери палаты, без сил прислонившись к холодной стене.

Я бы могла его спрятать. Малыша. Увезти далеко-далеко, где нас никто не найдет. В какой-нибудь крошечный тихий городок, совсем непохожий на холодный дождливый Хейзенвилль. Где нет монстров и старых домов. Где по утрам в окна заглядывает солнце, а вечером оно же окрашивает все вокруг в оранжево-золотистые оттенки.

Да. Я могла бы быть для малыша хорошей мамой.

Как же больно! Казалось, словно в шею воткнули тысячу игл.

— Кто-нибудь! — громко (так мне показалось) позвала я. — Кристина! Алан! Хантер!

На крик должны были выскочить сестры-целительницы, стражи, хоть кто-то!

Но я словно попала в лечебницу из параллельного мира. Пустую, содрогающуюся от раскатов грома, освещаемую лишь вспышками молний.

А если так...

То это и его мир тоже.

Страх и боль заставили подняться. Они гнали вперед, на поиски того, что облегчит состояние. Я знала, где кабинет Кристины, я так часто в нем бывала, что могла бы дойти на ощупь. А еще я знала, что в стеллаже за ее рабочим столом есть полка с зельями. Иногда она давала мне одно из них, чтобы облегчить боль и прояснить разум.

Я не помню точно – какое. Но узнаю его. Должна узнать, ибо терпеть стало невыносимо.

– Они больше не выпустят тебя, – хихикнула появившаяся из ниоткуда Хейвен. – Ты натворила столько дел! Подожгла дом, убила стража, а теперь собираешься вломиться в кабинет целителя?

– Мне нужно лекарство... Мне больно...

– Конечно, тебе больно. Ты ведь ненормальная. Тебе будет еще больнее, когда они залезут тебе в голову.

– Заткнись, Хейвен!

Она воровато огляделась и наклонилась ко мне:

– А если *он* здесь, Ким? Если он снова тебя заберет?

– Замолчи! – рявкнула я. – Оставь меня в покое! Что тебе надо?!

Хейвен улыбнулась.

– Не могу. Ты меня убила. Лишила будущего. Раз я не могу жить свою жизнь, я буду жить твою.

Стиснув зубы, я взялась за ручку двери. Не слушать ее. Если делать вид, что Хейвен здесь нет, она просто уйдет.

Я ожидала, что кабинет будет заперт, поэтому навалилась всем весом в надежде, что получится сломать замок. И никак не ожидала, что выпаду в комнату, потеряв опору. Вскрикнула, едва успела подставить ладони, чтобы не удариться лицом, и зарычала: свежая, только-только начавшая затягиваться рана снова открылась, заляпав бежевый и наверняка дорогой ковер кровью.

– Ну вот. Ты этого добивалась, Ким? Почему ты всегда приносишь несчастья? Почему из-за тебя всегда случается это?

Я обернулась туда, куда показывала Хейвен, и оцепенела. На диване – я сотни раз лежала на нем, когда целители копались у меня в голове, – сидела Кристина. Сначала мне показалось, она крайне недовольна тем, что я вломилась в ее кабинет после отбоя, и смотрит осуждающе, но потом все же дошло.

Кристина была мертва.

Две дорожки засохшей крови на ее щеках во мраке показались всего лишь потекшей тушью. Она сидела в такой позе, словно опустила на пару минут отдохнуть и совсем не собиралась умирать. Если я что-то и понимала в убийствах – а детектив Ренсом считал, что да, – Кристина Дельвего знала своего убийцу.

Как и я.

Очередная вспышка молнии осветила стену за женщиной.

*«В эту игру можно играть вдвоем. Она уже проиграла.
Теперь в лодке осталось трое. Кто следующий? К.»*

Глава 5

Здесь, среди деревьев, было сыро и холодно. Я стояла, прислонившись к мокрому стволу дерева, отодвинув ветки, и смотрела.

Как вокруг тела на дорожке суеются целители, как стражи собирают улики. С волос стекала вода, я промерзла насквозь, но даже не дрожала: в измученном теле не осталось сил. В кармане, надежно закупоренный, лежал пузырек с зельем, взятым из шкафа Кристины. После глотка лекарства мне стало немного легче. И хоть я больше всего на свете хотела лечь и уснуть, заставляла себя идти дальше и дальше, свернув с пути, лишь чтобы посмотреть, как Тая увозят целители.

– Ну и зачем ты сообщила о нем? – спросил Алан.

Я уже привыкла к тому, что детектив двигался совершенно бесшумно. Он, как призрак, следовал за мной, не теряя ни на минуту. Но я уже привыкла и почти не пугалась. Да и не старалась сбежать.

– Думаешь, это поможет тебе избежать наказания? Ты чуть не убила парня. А он хотел тебе помочь.

– Если так заботаешься о невинных жертвах, арестуй меня – и иди искать своего убийцу сам, – огрызнулась я.

– Непременно сделаю это, когда ты назовешь имя убийцы.

– Тебе оно ничего не скажет.

– Позволь мне самому решать, Ким. Что ты собираешься делать дальше? Скрываться, продолжать писать угрожающие послания? Ты же понимаешь, что все изменилось и ты больше не страшная и таинственная «К»? За тобой охотится вся стража Хейзенвилля, тебе не позволят выехать из города. Будешь прятаться по помойкам, питаться крысами, до тех пор пока не сдохнешь или не попадешься.

– Ты хочешь остановить убийцу или нет?

– Я хочу знать его имя. И засадить его за решетку до самой смерти.

– У тебя ничего не получится.

Когда Тая увезли, я через парк двинулась в сторону окраин, туда, где можно было снять частный экипаж. Забавно, но я в своей жизни

убивала, шантажировала, угрожала и лгала, но почему-то совесть грызла только за взятые в столе Кристины деньги. И хоть они ей были больше не нужны, я чувствовала себя так, словно отплатила ей воровством за доброту и помощь.

Если бы не Кристина, я бы никогда не оказалась на свободе. Не почувствовала себя живой. И не получила бы шанс на возмездие.

– Так куда мы?

– В домик у озера. Он придет туда.

– С чего ты взяла?

– Он сказал.

– А... то есть теперь в твоей голове живет еще и убийца? А не слишком ли много там народу?

Детектив Ренсом начинал злиться. Он вел себя так, словно кто-то взял все мои самые раздражающие качества, довел их до абсурда и поместил в одного мужчину.

– Он оставил послание на стене после того, как убил Кристину. Ее кровью.

– Там не было ничего про озеро.

– Зато было про лодку. В детстве мы часто ездили в дом у озера, и папа катал нас на лодке. Каждую по очереди, чтобы не бесились и никто не свалился в воду. Кайла ненавидела эти прогулки и всегда отдавала свою очередь мне, а я сидела и рисовала. Мне нравилось плавать.

– А я думал, твой отец был той еще тварью.

– Не всегда. Иногда казалось, он нас любил. Особенно Кортни. Думаю, когда он понял, что не сможет зачать сына, он сразу решил, что именно она станет главой рода. И хоть Кортни разочаровала его, сбежав, он все равно привел ее к этому статусу.

– Поэтому ей сильнее всех досталось от тебя, да?

– Не поэтому, – отрезала я и надолго умолкла.

На станции мы сняли экипаж. Скучающий возничий, увидев мокрую до нитки девицу с безумным взглядом, не подал и вида, что удивился. Лишь взял с нас двойную оплату: мало кто согласится ехать за город в дождь.

– Прошу вас, леди. – Он учтиво открыл передо мной дверь. – Вам стоит просушить одежду. Я добавлю тепла, чтобы вы согрелись.

Идея здравая, но, оказавшись в замкнутом пространстве наедине с Аланом, я поняла, что скорее превращусь в ледышку, чем разденусь под насмешливым взглядом детектива, в котором так и читался вызов.

И это показалось странным. До сих пор мне было совершенно плевать на то, в каком я состоянии и кто меня увидит. В лечебницах пациентов не наряжали в вечерние платья. И два года в ней точно не добавили мне красоты. Я сильно похудела, волосы и ногти приобрели ужасающе нездоровый вид (вдруг подумалось, что Кайла пришла бы в ужас, если бы увидела мои посеченные концы и неровно обрезанные лохмы). Совсем не книжная героиня.

Но я все же сняла плащ и ботинки, поставив их поближе к печке, чтобы хоть немного подсушить. Внизу, за решеткой, красноватыми всполохами играла огненная магия – еще одно напоминание о семье Кордеро.

– Наверное, это закономерный конец, – вырвалось у меня.

– Ты о чем? – спросил детектив.

– Когда-то давно наш предок получил богатство и могущество за то, что приручил три самые могущественные силы на свете. Огонь. Алхимию. И разум. Ни одна семья не обладает властью сразу в трех магических сферах. Иронично, что все закончится тремя сестрами, каждой из которых досталось по дару.

Детектив пожал плечами. Я смотрела в окно, на темную дорогу, на жуткие силуэты деревьев, и мне чудились глаза чудовищ, наблюдающих за мчащимся экипажем. Я вспоминала, как в детстве Кортни каждый вечер приходила ко мне, чтобы проверить все шкафы и укромные уголки в комнате и убедиться: никаких монстров и призраков.

И хоть Кортни понятия не имела, что главный монстр живет несколькими комнатами дальше, я каждый вечер ее ждала.

Однажды Кортни перестала приходить. Так я узнала, что она спит с Гербертом. Что предала меня, не только оставив одну, но и забрав мечту. Тогда я ее возненавидела.

Наконец мы остановились у массивных ворот.

«Частная собственность. Проход запрещен», – гласила грозная табличка.

– Вы уверены, что вам сюда? – спросил возникший. – Здесь заперто.

– Уверена, – кивнула я. – Это мой дом. Спасибо, вы можете быть свободны.

– Я могу подождать вас здесь... Молодой девушке не стоит в такое время...

– Вы свободны, – отрезала я.

Бросив на меня недовольный взгляд, возничий прыгнул в кабину – и экипаж покатило по обратной дороге в ночь, сверкая всполохами огненной магии двигателя.

– Странно, что ты его не прирезала, – хмыкнул детектив.

– Странно, что я еще не прирезала тебя.

Дом у озера – единственное место, принадлежащее Кордеро, которое я почти не ненавидела. Мне нравилось ездить сюда, в отличие от сестер. Хейзенвилль – прибрежный городок холодного моря, все время хмурый и буйный. Грозы, шквалистый ветер, штормы и постоянная сырость. Когда-то Хейзенвилль был важным портом, но с тех пор как мы научились использовать магию огня для экипажей, такие городки, как наш, медленно вымирали. Если бы не Кордеро – вымер бы и Хейзенвилль, поколения наших предков цеплялись за родовое гнездо. Но, увы, в городе это почти не ценили. Отец всегда говорил: управлять можно или страхом, или деньгами. А лучше и тем и другим. Но у страха как способа управления есть один огромный недостаток: вместе с ним возвращается ненависть.

А вот дом у озера производил совершенно иное впечатление. Расположенный в тихом месте, он был, пожалуй, воплощением умиротворения. Всегда спокойная чистейшая вода, пики гор вокруг и лес, подступающий почти вплотную.

– Не боишься, что после того, как ты подожгла дом, все семейство отправилось сюда? – спросил Алан.

– Нет. Кортни ненавидит это место. Они уехали в Даркфелл, полагаю. Или сидят в управлении и капают на мозги твоему начальнику, чтобы меня быстрее поймали. Кстати, а твои коллеги знают, что ты связался с сумасшедшей убийцей?

– Мои коллеги знают, что я всегда добиваюсь результата. И не вникают, какими именно способами.

– Да, я помню.

Детектив Портер, желая отомстить за смерть Хейвен, тоже не гнушался спорными методами. Он довольно быстро догадался (и я до

сих пор не знаю как), кто именно убил Хейвен. И пытался отплатить мне той же монетой. Жаль, я не помню, как убила его. Хейвен говорит, это была не я... Но об этом думать не хочется.

Впереди показался дом. Как я и сказала, ни в одном из окон не горел свет. Ничто не нарушало покой и безмятежность этого места. Даже старая лодка была привязана к пирсу. Я бы не рискнула сейчас на ней плыть, время хорошо поработало над деревом. Если дом явно пытались держать в пригодном для проживания виде, то остальной территорией почти не занимались.

Я улыбнулась. Кортни еще не хватает решимости избавиться от наследия отца и создать собственное. Но она определенно на верном пути.

Остановившись у кромки воды, я вдохнула запах дождя, смешавшийся с ароматами леса, и замерла.

– И что дальше? – спросил Ренсом.

– Он придет.

– Ты этого не знаешь.

– Знаю.

– Тогда почему просто не назовешь имя?

Носком ботинка я потрогала водную гладь – и будто нарушила покой этого места. В воде мне почудились глубинные монстры, а лес вдруг уставился пристальными взглядами его темных обитателей.

– Потому что я не знаю, какое имя он считает своим.

Год назад

– Итак, Ким, мы снова встретились. Как ты провела неделю?

Она молчит, рассматривая тучи за окном. Хантер следит за ее взглядом, но там ничего, кроме серого неба.

– Сегодня я хочу поговорить о твоём отце. Расскажи мне о нём.

Она все еще нехотя вступает с ним в диалог, но в то же время по сравнению с той Кимберли, что он впервые увидел, нынешняя Ким кажется вполне здоровой. Это иллюзия, и для понимания этого ему даже не нужно проникать в ее разум. Но даже иллюзия в ее случае – уже хорошо.

– Я его убила. Сварила яд из цветов кордера. Нашла рецепт в старых дневниках одного из предков. Папа просил, чтобы я приносила

ему кофе. Я подливала яд долго, чтобы он ничего не заметил. Они думали, папа заболел. Они давали ему лекарства. Я добавляла яд и в них тоже.

– Это есть в твоём деле, Ким, – мягко обрывает её Хантер. – А я хотел бы поговорить о том времени, когда отец был жив и когда ты не пыталась его убить. Давай начнем с начала? Он потерял жену, когда твои сестры были маленькие. А потом встретил твою маму, так?

Она долго молчит, и Хантер почти смиряется с тем, что придется закончить встречу, так и не продвинувшись. В прошлый раз Ким рассказала об убийстве Хейвен и мачехи, но замкнулась, едва он заговорил о Карле Кордеро. Кое-какие соображения и подозрения у него имелись, но картинка никак не хотела складываться целиком.

Но Ким вдруг начинает говорить:

– Ему нужен был сын. Две дочери для рода Кордеро – катастрофа. Сын должен был родиться. Тогда он нашел Эмили Фаннинг. И заключил сделку.

– То есть это была не страсть? Не случайная связь?

– Так он хотел это представить. Это была сделка. Ей хорошо заплатили за рождение ребенка. За рождение сына заплатили бы больше, но боги оказались жестоки. Родилась девочка. Очередная девочка Кордеро. Тогда он женился на Кристалл. А она не смогла подарить ему наследника.

– Ты была еще совсем ребенком, когда он понял, что больше не сможет иметь детей?

– Он пытался. Я думаю... что-то... какая-то высшая сила пыталась его остановить. А когда стало ясно, что он не остановится, боги забрали саму способность зачать ребенка. Это сломало его. Он написал завещание, в котором обязал нас до тридцатилетия обзавестись наследниками. Надеялся, что, возможно, получится у нас.

– Он вас любил?

– Не знаю. Кайлу и Кортни – возможно. Ко мне он не привязывался. Он знал, что придется меня использовать.

Хантер выпрямляется в кресле. Ким никогда еще не говорила о том, что с ней делал отец.

– Для чего использовать?

Она смотрит ему в глаза. На миг Хантеру чудится в них отчаянная мольба о помощи. А в следующую секунду серая радужка наливается небесно-голубым цветом.

– Чтобы стать бессмертным.

* * *

Я почувствовала его приближение вместе с очередным порывом ледяного ветра. А потом увидела в отражении в воде знакомый силуэт существа, скрытого под темным плащом. О, он жил вовсе не в сумеречном мире, как мне казалось раньше. И сейчас стоял передо мной.

То ли убийца, которого разыскивал Ренсом.

То ли воплощение моих кошмаров.

Капюшон скрывал лицо, но скрюченные пальцы, которыми он сжимал ворот плаща, почернели и набухли. Меня передернуло от смеси страха и отвращения.

Бравада, уверенность в себе и тот образ безумной стервы, который я так старательно разыгрывала перед Аланом Ренсомом, куда-то вмиг испарились. И я превратилась в маленькую девочку Ким, которая понятия не имеет, на какое зло способны люди.

Монстр хрипло расхохотался.

Детектив одним движением отодвинул меня за спину и вытащил револьвер, направив его на чудовище.

– Стой на месте!

Я отступила и сразу же ушла по щиколотку в ледяную воду.

Фигура в плаще сделала еще несколько шагов в нашу сторону, и Алан выстрелил. От грохота заложило уши, он распугал стаю птиц и наверняка привлек внимание обитателей домов неподалеку – если они вообще были.

Но не причинил ровным счетом никакого вреда убийце.

Он лишь пошатнулся, а застрявшие в теле пули блеснули в слабом свете луны.

– Что за тварь... – Ренсом выругался, но конец фразы потонул в мерзком и жутком бульканье.

На несколько секунд детектив замер, а затем рухнул в воду – и вокруг все окрасилось кровью.

Я вскрикнула, снова отшатнувшись, потеряла равновесие и тоже упала в воду. Монстр рассмеялся.

– Здравствуй, Ким. Неужели ты думала, что покончила со мной?

– Тебя не существует...

– Правда?

Он переступил через тело Ренсома так же легко, как одним усилием разума убил его.

Черные пальцы схватили меня за волосы и дернули, заставляя подняться. Голова взорвалась от боли, и вовсе не потому, что он продолжал меня держать.

– Я долго ждал, когда увижу тебя.

– Кто ты... что ты такое... – прохрипела я.

В груди не осталось воздуха. И сил, чтобы сопротивляться ужасу, – тоже. Я слышала его дыхание так близко, как никогда раньше. Чувствовала на себе его обжигающе ненавидящий взгляд. И понимала, какой-то частью себя понимала, что сейчас произойдет.

Глупая безумная девочка решила, что может победить. Опьянела от власти, вступив в игру с тем, у кого невозможно выиграть.

С тем, кто ее создал.

Медленно монстр снял капюшон – и я закричала, не то от страха, не то от злости.

В искаженных болезнью чертах почти не осталось ничего человеческого, но я узнала бы его, даже если бы смерть уже терзала плоть. Узнала бы взгляд и черты.

– Ты была очень плохой дочерью, Кимберли.

Почувствовав проникновение в разум, я закрыла глаза, постаравшись расслабиться. От боли все равно не получится спрятаться, а так она, возможно, закончится быстрее.

И тут я нащупала в кармане что-то твердое.

У меня был только один шанс, и я знала, что это не шанс на спасение.

Возмездие.

Справедливость?

Я полоснула ножом, вложив остатки сил, под собственный крик, совпавший с сильнейшим ментальным ударом. Боль ослепила, лишила

разума и сознания, но я успела увидеть хлещущую из горла отца кровь. Он выпустил меня, но сил собраться уже не осталось. Я полетела в окрашенную кровью Алана Ренсома воду и почти с облегчением поняла, что захлебнусь раньше, чем прочувствую агонию выжженного мозга.

О нет, в игре с «К» невозможно победить.

Но можно сделать так, чтобы проиграли оба.

Глава 6

*Тук-тук, за окном
Где-то плачет навь.
Старый дом, старый дом...*

– Прекрати, пожалуйста, – услышала я женский голос.

– А что такого? – ей ответил мужской. – Она сама ее придумала.

Почему ей можно петь, а мне нет?

Голоса казались знакомыми, но я не могла понять, где уже слышала их. Я вообще не до конца осознавала, где нахожусь и что случилось. Память возвращалась нехотя, в основном услужливо подкидывая эпизоды из славного прошлого и унылые будни в лечебнице.

Но сейчас я лежала не в палате.

Рядом валялись подушки. Слышался ненавязчивый цветочный аромат. Сначала он напомнил мне проклятый кордер, но потом я поняла, что это скорее роза и сандал – любимый запах Кортни.

Эта мысль так поразила, что я открыла глаза.

В очередной раз я очнулась посреди кошмара: напротив кровати в креслах сидели детектив Алан Ренсом и целитель Кристина Дельвего. Она тепло мне улыбнулась.

– Доброе утро, Ким. Мы не думали, что ты очнешься так скоро.

Я зажмурилась. Голова закружилась, и к горлу подкатила тошнота.

– Вы мертвы. Мертвы. Он убил вас обоих, я не хочу с вами говорить, не хочу!

– Кажется, она так ничего и не поняла, – вздохнул Алан.

– Дай ей время. Девочка пережила ментальный удар.

– Девочке пора взрослеть. Чистое самоубийство – быть такой самоуверенной.

– Думаю, Ким сделает выводы. Ким?

– Тш-ш!

Я подняла руку, призывая их умолкнуть. Откуда-то издалека доносились чужие голоса. Реальные на этот раз, а не от призраков, живущих в моей голове.

Откинув одеяло, я обнаружила себя в свободной белой рубашке, по виду напоминающей мужскую. Кое-как пригладила волосы и тенью скользнула к выходу, стараясь не производить лишнего шума. Приоткрыла дверь так, чтобы образовалась небольшая щелка, и замерла, даже перестав дышать.

– Вы обещали, что с ней ничего не случится! Что ей станет легче, Хантер! Убедили нас, что это лишь для того, чтобы ей помочь!

– Леди Кордеро, послушайте...

– Нет, это вы послушайте! Вы ведь знали, что реальная угроза существует? Ответьте мне, целитель Дельвего, вы знали?!

Спустя несколько долгих секунд Хантер ответил:

– Да.

– Так на что вы рассчитывали?!

– Что успею прежде, чем он ей навредит. Я не ищу себе оправданий. Это был самоуверенный поступок, на который меня толкнули эмоции.

– И какие же? Потрудитесь объяснить, что происходит! Потому что я доверила вам сестру, чтобы вы ей помогли, а вместо этого она едва не погибла!

– Подслушивать нехорошо! – прямо мне в ухо заорала появившаяся из ниоткуда Хейвен.

От неожиданности я подскочила и врезалась бедром в столик с подсвечниками. Они с грохотом посыпались на пол, и голоса умолкли.

Осознав, что сейчас увижу сестру, я испуганным зверьком замерла у противоположной стены. Когда дверь приоткрылась и пространство осветила небольшая полоска света, в проходе показался Хантер.

– Ким? Ты проснулась? Как ты сейчас чувствуешь себя?

Я с трудом заставила язык ворочаться:

– Голова очень болит. И хочется пить.

Он протянул руку.

– Иди сюда. Я тебя осмотрю и дам лекарство. Ну же, не бойся. Все самое страшное уже позади. Садись вот сюда.

Он указал на кресло, где еще недавно сидела Кристина. На негнущихся ногах я подошла к нему и рухнула, поняв, что смертельно устала. Вылазка к двери, чтобы подслушать разговор Хантера и Кортни, отняла все силы.

– Посмотри на меня. Что чувствуешь? Кроме головной боли?

– Я... Что произошло? Что со мной случилось?

Он невесело усмехнулся.

– В двух словах и не расскажешь.

И тут словно кто-то одним взмахом руки вернул память. Тяжесть случившегося обрушилась в один миг. Из груди вырвался сдавленный всхлип, и я спрятала лицо в ладонях, с удивлением поняв, что плачу.

Наверное, впервые за много лет по-настоящему плачу.

Поверх спутанных волос легла тяжелая горячая рука Хантера.

– Ким...

– Я не смогла. Не смогла им помочь. Он убил их. И Кристину, и Алана. Алан пытался защитить меня, но у него не было шансов. А Кристину он убил лишь для того, чтобы оставить мне послание. Чтобы я поняла, куда идти! Мне пришлось ударить Тая, иначе он бы... Хантер! Я думала, это невозможно. Это бред, я просто... не хотела верить в то, что это он. Эти убийства...

– Ким! – прервал он меня. – Остановись. Выслушай меня, пожалуйста.

Но я при всем желании не смогла бы остановиться.

– Теперь к Хейвен добавилась и твоя сестра. Мне жаль. Правда жаль, Хантер, я так привыкла к игре, что не смогла остановиться...

– КИМ! – рявкнул он так, что я вздрогнула и замерла. – Послушай меня. То, что я сейчас скажу, очень важно. Возьми себя в руки, малышка. Пообещай мне дослушать до конца, хорошо? Ким?

Я кивнула. Хантер вложил мне в руки стакан с водой, и я жадно выпила все до дна. А потом снова оцепенела, потому что то, что он говорил, казалось еще большим бредом, чем вся моя жизнь.

– Алана и Кристину никто не убивал. Они существовали только в твоей голове.

Я сжала стакан до боли и, опомнившись, убрала его на столик.

– О чем ты говоришь?

– Ты придумала их. Точнее, я придумал их для тебя. Чтобы ты смогла во всем разобраться. Я подумал, что тебе станет легче, если ты выберешься из ментальной ямы, в которую себя загнала. Чуть больше года назад я узнал, что ты поступила в «Хейзенвилль-гард». И что на твоём счету несколько убийств. И тогда я понял, что мне нужно назначение в эту лечебницу. Советник удивился, но дал добро: мои исследования в области ментальной магии высоко ценятся. А безумцы

– отличный материал для исследователя. Так я познакомился с тобой. И после нескольких сеансов понял, что твое состояние вовсе не результат обычной душевной болезни. С тобой случилось что-то совершенно иное, что-то страшное. И это что-то было связано с твоим отцом. Ты не хотела рассказывать, но однажды в лечебницу поступил пациент.

– Эдмонд Белами... – прошептала я.

Хантер кивнул.

– Он пережил ментальный удар. Долгое время был парализован, но оправился физически. А вот ментально так и остался пустой оболочкой без сознания. Так мы думали. Однако Белами, похоже, специально разыграл спектакль, чтобы подобраться к тебе. Незадолго до его перевода в «Хейзенвилль-гард» орден менталистов «Дора Заката» устроил настоящую охоту за дневниками Конрада Кордеро, основателя вашего рода и, по легендам, величайшего менталиста в истории. Я узнал о намерениях Белами случайно, но мне удалось забрать дневник. К сожалению, Эдмонд был убит прежде, чем его допросили.

– Я помню. Он передал мне ту книгу. Просил расшифровать, он думал, я знаю шифр.

– А ты знаешь?

– Да, – выдохнула я. – Это не шифр. Это что-то вроде языка, который придумал Конрад, чтобы его исследования оставались тайными. Даже ближайший соратник не знал, как проводить ритуалы, которые они практиковали.

– Тебя обучил этому языку отец?

– Не совсем.

Хантер подождал немного, явно ожидая, что я продолжу. А когда не дождался, заговорил вновь сам:

– Ты отказалась говорить со мной о дневнике. Но на одной из встреч кое-что все же открыла. Тогда я подумал, что тебе можно помочь, если заставить вспомнить все и разложить по полочкам. Из-за постоянных ментальных вмешательств в твоей голове была настоящая каша. Какие из воспоминаний были ложными, а какие ты подавила, невозможно было разобраться обычным способом. Я решил рискнуть и уговорил твоих родных на эксперимент.

– То есть расследования и убийства – это был эксперимент? И ничего этого не случилось?!

– К сожалению, случилось. Это подборка нераскрытых ментальных убийств за пару лет. Но да, потратив несколько месяцев на изучение твоего состояния, я понял, что ключ к разгадке – это твой страх, твой интеллект и твоя... скажем так, светлая сторона. Кристина олицетворяла именно ее. Тебе нужен был персонаж, которому ты могла бы доверять. И через которого могла принять правду. Детектив Алан Ренсом – воплощение твоего ума, Ким. Можно бесконечно спорить о морали, но то, как ты использовала чужие секреты и манипулировала людьми, достойно восхищения. Эта часть тебя могла разобраться в происходящем, разложить все по полочкам и одолеть страх. А он воплотился в виде монстра, скрытого плащом. Я намеренно не дал ему внятного облика. Чтобы ты наделила его чертами сама. Затем я лишь позволил тебе творить историю. Подыгрывал, наблюдал. Шел по твоим следам, позволяя тебе думать, что все происходящее реально. Я всегда был рядом, Ким. В доме твоих сестер. На маяке. Не выпускал тебя из виду и, знают боги, много раз хотел все прекратить и позволить тебе отдохнуть. Просто дать провести остаток дней в тепле, без кошмаров, воплотившихся наяву. Но план работал. Правда, не совсем так, как я задумывал. Кристина действительно помогла тебе принять и осознать правду, но не душевными беседами. Твоя личность, твой дар вмещались в выстроенный мной сюжет и направили его по новому пути. В дом у озера, на встречу лицом к лицу с монстром.

– И он снял капюшон и превратился в отца, – прошептала я, вспомнив сцену у озера и его искаженное злобой лицо.

– Да. Я думал, что если ты вспомнишь все, уложишь в голове факты в единую историю, то сможешь поправиться. А я...

Он осекся и отвернулся к окну.

– Что?

– А я смогу поквитаться с Карлом Кордеро.

– Не понимаю. Ты только что сказал, что все это – игры разума, что случившееся нереально.

– Ты понимаешь, Ким, – неожиданно холодно отрезал Хантер. – Ты все понимаешь очень хорошо.

– И нам бы хотелось. – Мы слышали шаги.

В комнату вошла Кортни. Я вжалась в спинку кресла при виде сестры. В последний раз так близко я видела ее, когда пыталась убить.

– Вы подвергли мою сестру опасности, хотя утверждали, что ей грозит лишь эмоциональная встряска. Вы явно преследуете какие-то свои цели, и мне бы хотелось узнать какие. Время недомолвок ушло, целитель Дельвего. Либо вы рассказываете всю правду, без увиливаний. Либо я сделаю все, чтобы остаток жизни вы провели за решеткой, потому что подобные эксперименты над пациентами вряд ли законны. Король закрывает глаза на ваши... методы. Но даже он не станет рисковать, чтобы вас защитить.

Она изменилась. Перед тем как меня упекли в лечебницу, Кортни слабо напоминала ту главу семьи, роль которой ей приготовил отец. Она старалась, конечно, и оттого мне было смешно. Испуганная, ненавидящая Хейзенвилль и все, что связано с семьей, Кортни отчаянно боялась потерять авторитет. Она едва не разрушила отношения с Гербертом, превратившись из девушки, которую он любил, в надменную стерву, не приемлющую, когда ей перечат.

Но сейчас перед нами стояла совсем другая Кортни. Спокойная, властная, уверенная в себе. Даже несмотря на то, что одной рукой она обнимала огромный живот, в ее облике не было ничего трогательного или беззащитного. И в серьезности угроз сомневаться не пришлось.

– Твоя сестра права.

Алан Ренсом снова появился передо мной.

– Это далеко не вся история.

Я повернулась к Хантеру.

– Почему ты попросил о переводе, когда узнал, что я попала в лечебницу?

– Потому что история Алана Ренсома – это и моя история, Ким.

* * *

В гостиной горел камин, и, увидев, как я дрожу, один из присутствующих поднялся, чтобы уступить мне место у огня.

Это был Герберт.

Я не смогла бы поблагодарить его, даже если бы попыталась. Голос не слушался. И я просто кивнула, чувствуя, как под всеобщим

вниманием хочется съежиться и забиться в самый дальний угол.

Здесь были все.

Кортни, Герберт, Кайла и мужчина, в котором я узнала ее мужа Райана. Хантер принес мне чашку чая, а на полу рядом с диваном уселась Хейвен. Несмотря на тошноту, мне до ужаса хотелось есть, но я не решалась попросить и грела руки о чашку чая. Второй раз за вечер мне хотелось плакать, но уже от мысли, что сестры никогда не простят меня. Никогда не примут в свою семью. И жить в полном одиночестве еще хуже, чем в абсолютном безумии.

– Мы ждем, Хантер, – произнесла Кортни.

Он тяжело вздохнул.

– Я много лет искал вашего отца. Если быть точнее, сначала я не знал, что ищу именно его. Когда я был ребенком, мою старшую сестру убили. Я не знал кто, почти ничего не видел. Лишь как она истекает кровью, сидя в кресле перед ковром, где я играл.

Я вспомнила мертвую Кристину в кабинете. Кровавую надпись на стене. Отец убил сестру Хантера? Зачем?

– Ее смерть оставила неизгладимый отпечаток. Убийцу не нашли. Открыв в себе дар менталиста, я сотрудничал с управлением стражи. Надеялся, что найду похожие убийства.

– И нашел «Дора Заката»?

– Да. Веронику Лавреско. Почерк был ее: жертва открывала дверь сама, вероятно не видя в красивой женщине угрозу. Затем следовал сильнейший ментальный удар – и жертва медленно умирала. Идеальное убийство, никаких следов.

– Но Вероника не могла убить твою сестру, – чуть подумав, сказал Райан.

– Да, она была слишком молода. Но я стал копать под «Дора Заката». Они с удовольствием приняли меня к себе, им нужны были связи в управлении. Так я узнал, что орден ищет кое-что. И не считается с жертвами и потерями в процессе поиска.

– Только не говорите, что это дневники Конрада! – Кортни в сердцах ударила кулаком по подлокотнику. – Как меня достала эта книжка! Сколько от нее бед!

– Да. – Хантер кивнул. – Они искали дневник. А когда нашли, Эдмонд Белами направился напрямиком к Ким.

– Белами? – Кайла встрепенулась, а муж успокаивающе обнял ее за плечи. – Он же...

– Он никогда не был жертвой «Дора Заката», он был их наставником и хозяином. Дневник нужен был ему.

– Зачем? – спросила Кортни. – И почему Ким?

– «Дора Заката» существовали ради этих записей. Много лет Эдмонд Белами изучал труды Конрада Кордеро. Ваш предок обладал огромным талантом и сколотил неплохое состояние, основав ваш род. Был приближенным ко двору, уважаемым магом. Вел исследования. Открыл тысячи свойств кордера, обуздал магию огня и развил свои ментальные способности до немыслимых пределов. А затем вдруг пропал. Считается, Конрад погиб во время беспорядков, вот только как объяснить пропавшие лаборатории, труды, изобретения?

– Разговорали. – Кайла пожалала плечами. – Обычное дело в то время. За всю историю наш особняк выносили подчистую раза три.

– Ты мыслишь как историк, – улыбнулся Хантер. – Издержки профессии.

«Кайла – алхимик», – хотелось поправить, но я не решилась.

– «Дора Заката» удалось узнать, что Конрад инсценировал свою смерть. И продолжил самые опасные и серьезные исследования. Он искал бессмертие.

Воцарилась звенящая тишина. Я переводила взгляд с одного присутствующего на другого, чтобы понять, кто и как воспринял эту новость.

Герберт удивленно поднял брови. Кортни стиснула зубы, ее красивые карие глаза потемнели, превратившись почти в черные. Райан нахмурился, а Кайла недоверчиво рассмеялась.

– Хантер, вам, кажется, тоже нужна помощь целителей. Бессмертие – детские сказки!

– Не для Конрада. Он действительно продвинулся в поисках вечной жизни. Но столкнулся с непреодолимой трудностью. Бессмертна была душа, а тело старело. Жизнь в таком теле была мукой. Тогда Конрад обратился к другу, еще одному менталисту, Рейгану. Вместе они создали ритуал, который решал эту проблему. Нужно было лишь найти новое здоровое тело – и вот ты вновь так же молод и силен, как прежде. Для ритуала подходили только мужчины. Родные по крови. Иные тела отторгали чужие души.

– Хантер, вы серьезно? – покачал головой Герберт.

– Ким? – Хантер повернулся ко мне.

– Да. Он говорит правду. Рейган и Конрад стали бессмертны. Они веками использовали сыновей.

– О боги... – Кортни побледнела. – Извините... мне нужно выйти.

Герберт проводил жену обеспокоенным взглядом, но не стал следовать за ней.

– Значит, Карл...

– Да, – сказала я. – Вовсе не Карл. Конрад.

– Не могу поверить. Звучит как безумие.

– Он и есть безумец, – ответил Хантер. – Сотни лет, десятки уничтоженных детей, чьи тела он забирал. Конрада сожрало собственное величие, превратив его в монстра из кошмаров Ким.

– Магия всегда стремится к равновесию, – произнесла я. – Так он говорил. Конрад предполагал, что столкнется с новым препятствием. Что рано или поздно магия найдет способ избавиться от него. И вот наступила жизнь, в которой у Конрада не было сына. Только дочери. Мы.

– Как и у Рейгана. Знаешь, почему Вероника Лавреско вышла за тебя? – Хантер повернулся к Райану. – Она знала, кто такой Мэнфорд Рейган Хефнер. Карл считался мертвым, «Дора Заката» не могли до него добраться. Но рассчитывали, что у Мэнфорда есть описание ритуалов для бессмертия. Увы, но Мэнфорд точно так же искал дневники Конрада. Когда-то они условились, что если один потеряет свой дар, то и другой отправится следом. Мэнфорда не радовала перспектива оказаться запертым в отказавшем от старости теле. Он подозревал, что Карла уже постигла подобная участь.

– Но перед этим они пытались изменить ритуал. Использовать дочерей. У Мэнфорда была девочка. Я не помню, как ее звали...

– Жизель, – перебил меня Райан.

Он устало закрыл глаза. Кайла положила руку ему на плечо.

– Это была моя сестра.

– Мне жаль. Что с ней стало?

– Она умерла год назад. И убила отца. Несчастный случай, они боролись. Точнее, я думал, что убила. Теперь даже не знаю. То, что вы говорите, нереально. Безумно, страшно, как какая-то жуткая книга, но...

– Но кусочки мозаики наконец-то встают на место, – кивнул Герберт. – Мы долго не могли понять, как связаны Мэнфорд, Карл, дневник Конрада, Белами и «Дора Заката». Как выяснилось, мы не знали даже половины.

– Конрад и Рейган использовали Жизель и Ким в экспериментах. Надеялись что-то изменить, придумать способ продлить бессмертие снова. Но потерпели неудачу. Жизель сошла с ума, а Ким...

– А Ким не сошла? – хмыкнула я.

– Я осматривал Жизель. Вероника привела меня в дом Хефнеров, посоветовав Мэнфорду как хорошего менталиста. Вас сложно сравнивать, Ким. Она была полностью безумна, ее личность разрушили многолетними ментальными вмешательствами. Ты же сохранила разум. И довольно успешно притворялась. Я не могу это объяснить, к сожалению. Может, сыграло роль то, что тебе передан дар менталистики. Может, ты просто была умнее и сильнее. Но тебе повезло. Ты выдержала.

– Да чтоб тебе так повезло, – буркнул Герберт, и я, не удержавшись, ему улыбнулась.

– Тогда папа понял, что его последний шанс – внуки. И когда догадался, что я его траплю, прежде чем исчезнуть, поставил нам условия в завещании. Он надеялся, что родится мальчик и он успеет провести ритуал прежде, чем старость запрет его в разлагающемся теле. Но мы не спешили выполнять условия. У Кайлы уже была дочь, она не подходила. Кортни занялась управлением делами рода.

– Да, и у Конрада не осталось выбора. Он начал убивать в надежде найти хоть кого-то подходящего.

– И тут мы подходим к главному. – Кортни вернулась. От меня не укрылась неестественная бледность и покрасневшие глаза.

Я вдруг испугалась за ее ребенка, а потом, почти сразу же, собственных эмоций. Непривычно ярких.

– Ты выяснил, что Конрад убил твою сестру. И решил использовать мою, чтобы добраться до него.

– Не совсем, – мягко ответил Хантер. – Я действительно хотел помочь Ким. И да, я считал, что когда она вспомнит все, когда примет то, что с ней сделали, то поможет мне найти Конрада – и я навсегда его остановлю.

– И что пошло не так?

Я нахмурилась. Смысл разговора начал ускользать. Возможно, это было связано с возобновившейся головной болью, а возможно, я не до конца понимала, что происходит.

– Я уже говорил, что создал для Ким трех персонажей. И заставил ее в них поверить. Одним из персонажей был ее страх, тот, кто причинил ей зло. Им оказался Конрад, но... я не заметил момент, когда кошмар превратился в реальность. Когда настоящий Конрад узнал, что Ким на свободе, и нашел ее.

Накатил новый приступ тошноты, но пустой желудок отказался отдавать драгоценную выпитую воду.

– То есть мне он не привиделся?

– Нет, он действительно нашел тебя у озера. Мы предполагали, что ты можешь туда пойти, но после того, как ты ударила Тая О’Ши, весь сценарий полетел в бездну. Но даже тогда я не представлял, что Конрад может преследовать тебя в реальности. Я не успел тебе помочь.

– Тогда напрашивается вопрос. Почему я выжила?

– Он не ожидал, что у тебя есть нож. И не ожидал, что в хрупкой девочке может оказаться столько силы. К тому же его тело стареет. Он бессмертен, но уже болен и слаб.

– Ему не так много лет, – произнесла Кортни. – Во всяком случае, его телу. Отцу было пятьдесят три, когда он... то есть сделал вид, что умер.

– Ким же его травил, – возразил Хантер. – Это повлияло на его здоровье.

Мне даже стало немного неловко.

– Ты получила ментальный удар, но не настолько сильный, чтобы погибнуть. И чудом не утонула. Я вытащил тебя из воды в последние секунды.

– Почему ты не погнался за Конрадом? Если хотел ему отомстить, нужно было его догнать, – сказала я.

Хантер явно опешил. Хотя уж кто-кто, а мой целитель должен был привыкнуть к обескураживающим вопросам.

– Потому что ты – моя пациентка.

– Рада, что ты об этом вспомнил, – буркнула Кайла.

Она поднялась и поправила платье.

– Ну что ж, мне определенно надо все это переварить. А Кортни – отдохнуть. Давайте возьмем паузу и завтра на свежую голову все

обсудим, потому что пока я даже примерно не представляю, что теперь делать. И до сих пор кажется, словно это какой-то сон.

– Согласна. – Кортни устало потерла глаза. – Мы почти не спали. Нельзя пороть горячку. Райан, ты можешь узнать у коллег, не видел ли кто-то что-нибудь странное? Что поможет нам найти Конрада?

– Конечно, – кивнул мужчина.

– Хантер, я надеюсь, вы не отказываетесь от данных мне обещаний?

С этими словами она многозначительно на него посмотрела.

– Ни в коем случае, леди Кордеро.

– Тогда спокойной ночи.

Я до последнего надеялась поймать взгляд сестры, но Кортни вышла, не удостоив меня вниманием. А следом за ней и Кайла. Когда гостиная почти опустела, я подошла к Хантеру и тихо, чтобы не услышал Герберт, сказала:

– Я очень хочу есть. Ты сможешь мне что-нибудь найти?

– Конечно. Идем на кухню, посмотрим.

Как давно я здесь не была!

Сестры переделали особняк в городе, но домик у озера оставили нетронутым. И вряд ли часто сюда приезжали. Я не надеялась, что найдется хоть какая-то еда, но, к моему удивлению, Хантер извлек из шкафа хлеб, сыр, творог, согрел воду для чая и даже нашел сверток с шоколадом.

В ответ на мой изумленный взгляд он пояснил:

– Ты долго была без сознания. Муж твоей сестры привез продукты.

Хотелось спросить, какой именно, но, подумав, я рассудила, что нет никакой разницы.

– Раньше у нас было много слуг. Но папа всех разогнал.

– Когда понял, что сыновей, скорее всего, не будет?

– Думаю, да. Не хотел лишних глаз и ушей. Зато мы выросли самостоятельными.

– Я очень удивлен, как у такого человека, как Конрад, получились такие дочери. То есть вас сложно назвать светлыми, добрейшей души девочками. Но поверь, я насмотрелся на результаты воспитания жестоких родителей. Вы неплохо держитесь.

– Не я.

– Наберись терпения, не все сразу. Ты чудом выжила после ментального удара. Уже это – огромный шаг вперед. Вот, ешь.

Он поставил передо мной чашку с творогом, щедро политым вишневым сиропом, и тарелку с двумя горячими бутербродами, с краев которых стекал расплавленный сыр. Хантер молча наблюдал, как я жадно расправляюсь с ужином, и думал о чем-то своем. Мы так и сидели в тишине, до тех пор пока в кухню не вошел Герберт.

Достав из бара бутылку, он плеснул бренди в стакан и сделал медленный глоток, смакуя вкус.

– Налить вам, целитель Дельвего?

– Благодарю, не стоит.

Герберт рассмеялся.

– Не бойтесь, я не собираюсь вас травить. Но, по-моему, сегодня всем не помешает выпить. Кроме беременных, запойных и...

Он посмотрел на меня.

– Несовершеннолетних.

– Мне девятнадцать.

– И ты все еще под моей опекой.

А вот об этом я забыла. Папа назначил Герберта опекуном, явно не веря в способности Кайлы и не уверенный в том, что вернется Кортни. А раз я попала в лечебницу, Герберт все так же управляет моим скромным наследством. Или уже несуществующим...

– Твои деньги в порядке, – словно прочитав мои мысли, сказал он. – Я хорошо с ними поработал.

– Зачем? – Я пожала плечами. – Мне все равно дают от двух до пяти лет без магии.

– Ты любишь всех удивлять. Ладно. Пойду как-то осмысливать тот факт, что мой друг вовсе не тот, кем я его считал. Пожалуй, прогуляюсь к озеру. Там сейчас полное умиротворение. Не считая толпы детективов в кустах. Не знаю, кого они там надеются поймать. Но, кажется, скоро поймают меня. Пойду развлеку ребят. Хантер. Ким.

Помахав бокалом, Герберт прямо как был, в рубашке, вышел.

– Он был близок к твоему отцу, да? – спросил Хантер, когда захлопнулась дверь.

– Да. Они дружили. Папа помог Герберту встать на ноги, дал ему образование. Но Герберт ревновал. Для него была унижительна

зависимость от друга, а папа не упускал шанса напомнить, кому Герберт всем обязан. Поэтому в отместку тот соблазнил Кортни.

– Но они, похоже, нашли общий язык и вполне счастливы.

– Да. Герберт умный. Кортни повезло, что он любит ее. Иначе давно бы оставил ее ни с чем.

Я поморщилась: от нового приступа головной боли зазвенело в ушах. Действие зелья заканчивалось.

– Тебе нужно еще поспать. Восстановление будет долгим и тяжелым.

Не став противиться, я позволила отвести себя в спальню, осознав, что после еды веки налились тяжестью, а голова почти не соображает. При виде расправленной постели я зевнула. Вот уже второй раз (не считая времени без сознания) я сплю на огромной кровати под тяжелым одеялом и среди мягких подушек. И какое же это невероятное блаженство!

Хантер терпеливо дождался, пока я залезу под одеяло и стыдливо (что в последние два года мне было совершенно несвойственно) стяну рубашку. Я бы с огромным удовольствием приняла ванну, но сил на это уже не было, и я отложила водные процедуры на утро.

Когда Хантер погасил свечу, я вздрогнула: тени деревьев за окном вкуче с фантазией родили новых чудовищ.

– Ты можешь остаться? – вырвалось у меня.

– Что?

– Я уступлю тебе половину кровати. Остайся на случай...

«Если он вернется», – хотелось сказать мне.

Но так как я в совершенстве владела искусством манипуляций, то произнесла нечто совсем иное:

– Если я снова попытаюсь причинить кому-то вред.

– Ты не станешь никому вредить, Ким.

– Я же не всегда себя контролирую. Кортни беременна. Она не должна пострадать.

Еще несколько секунд Хантер колебался, но в итоге все же сдался и обошел постель с другой стороны. Он не стал забирать одеяло, лег прямо в одежде поверх и заложил руки за голову, уставившись в потолок. Герберт был прав: сегодня ночью в доме уснут единицы.

– Почему мой отец убил твою сестру? – спросила я.

– Не знаю. Надеялся спросить у него.

- Я попытаюсь помочь его поймать.
 - А я попытаюсь помочь тебе поправиться.
- Я улыбнулась.
- Это невозможно.

Хантер посмотрел на меня, будто изучая, а потом, спустя несколько минут, когда я уже засыпала, сказал:

– Конрад нашел секрет бессмертия. Думаешь, я не найду способ вернуть тебе... себя?..

Год назад

Он ничего не может с собой поделать. Ее глаза его преследуют. Красивые, голубые, несчастные. Хантер долго боролся с наваждением. Пытался казаться лучше, чем он есть. Но следовало признать: моральные принципы не его сильная сторона. Уолдер был прав, Хантер Дельвего – худшее, что могло случиться с Кимберли Кордеро.

Но в то же время единственное, что ей может помочь.

Сейчас она сидит за столом и рисует. У нее отлично выходит. Если бы она не попала в лечебницу, ее бы наверняка ждало будущее художника.

Ей уже несколько недель не дают зелья. Теперь вместо тумана в ее глазах боль, смешанная с усталостью. Он знает этот взгляд: в минуты просветления многие безумцы ненавидят самих себя, раз за разом спрашивая у богов, за что же они насылают такие кары.

– Как ты себя чувствуешь?

Она поднимает взгляд.

– Отлично.

– Помнишь, мы говорили о лечении, Ким? О том, чтобы помочь тебе?

– Такого лечения не существует.

– У меня есть сестра. Кристина Дельвего. Она очень талантливый менталист. И она как раз исследует болезни, подобные твоей. Давай я вас познакомлю? Кристина поможет тебе, я обещаю.

Она отрывается от блокнота, и Хантер может видеть рисунок. Это милостивая светловолосая девушка лет десяти.

– Кто это?

– Не знаю.

– Красивая. У тебя талант.

– Когда вы познакомите меня с Кристиной?

Он смотрит ей в глаза, медленно проникая в сознание.

– Сейчас.

На то, чтобы создать образ в ее голове, не требуется много времени. Достаточно лишь обозначить парочкой штрихов – воображение доработает его самостоятельно. Ей нужно лишь показать дорогу к воспоминаниям и знаниям, которые ему так нужны.

Которые помогут поймать проклятого Кордеро.

Ментальное вмешательство – двухсторонний процесс. Но Хантер убеждает себя, что забыл об этом. Ведь это так легко и просто.

Поверить, что желание, которое испытывает Ким, – ее собственное, а не отражение его.

И когда она тянется к его губам – ответить, впиваясь жестким поцелуем в мягкие, но искусанные до крови губы. Прижать к себе, наслаждаясь теплом ее тела. Вдохнуть запах мыла для волос и шоколадного печенья.

Это все только ее.

Так проще жить с самим собой.

Глава 7

Утром я столкнулась с Кортни.

Эта встреча выбила из колеи, я специально встала рано, чтобы принять ванну, побыть немного в одиночестве и подумать. Я не знала, отправят меня обратно в лечебницу или позволят помочь с поисками отца не только показаниями, но на всякий случай хотела насладиться удовольствиями, которых была лишена.

Если мне не изменяет память, полотенца хранили в кладовке рядом с ванной на первом этаже. Там меня и обнаружила Кортни. При виде нее мне стало стыдно: наверняка она испугалась, услышав шум. Они с Гербертом заняли спальню на первом этаже.

Мы застыли, глядя друг на друга, и ни одна не знала, что сказать.

– Хотела принять ванну, – наконец решилась я. – Ты не против?

– Об этом стоит спрашивать твоего целителя.

– Мне не запрещали принимать душ. Но в лечебнице нет таких ванн.

Сестра равнодушно пожала плечами и развернулась, чтобы уйти.

– Кортни! – окликнула я. – Подожди...

Она не хотела со мной говорить, это читалось во взгляде, в выражении лица, в закрытой позе. И я испытала сожаление: когда-то при виде меня ее взгляд теплел.

– Я знаю, что много всего натворила. Мне кажется, глупо будет пытаться просить прощения. И оправдываться странно. Вряд ли «я пыталась убить тебя, потому что у меня съехала крыша» сойдет за объяснение. Я просто не знаю, как вести себя и как общаться с вами.

Кортни долго молчала, уставшим взглядом буравя стеллаж с полотенцами и халатами.

– Я тоже не знаю, Ким. Ты не просто «пыталась убить меня». Ты убила Кристалл, ты издевалась над нами, ты рассказала всем о бесплодии Кайлы, ты убила ее лучшую подругу, стреляла в Герберта, едва не утопила меня в озере, а позже заперла в гробу, ты отрезала мне волосы, пока я спала...

– Я не...

Она остановила меня взмахом руки.

– После того как ты оказалась в лечебнице, наша семья едва не развалилась. Мы понятия не имели, как жить дальше и для чего вообще это делать. Зачем вообще приводить в этот мир детей, если с ними может случиться такое, а мы даже не поймем, как им плохо. Я много читала. О ментальной магии, о безумии, о душевных болезнях, обо всем! Искала ответы, объяснения. Оправдание себе, что ты стала такой не из-за моего побега. Что я не бросила тебя наедине с болезнью, что никто не смог бы предсказать, во что ты превратишься. И знаешь что?

– Что? – глухо отозвалась я.

– Ты правда больна. И нуждаешься в помощи. Никто не заслуживает того, через что ты проходишь на лечении. И...

Ее голос сорвался.

– Того, что натворил наш отец. Но ненависть, Ким, та ненависть, которую ты к нам питала и питаешь, она взялась задолго до того, как ты сошла с ума. Ты ненавидела нас за то, о чем мы даже не знали. И на что не могли повлиять.

Закусив губу, я молчала. Кортни была права. Они с Кайлой не могли узнать, как мне было страшно и больно. А если бы и узнали, не смогли бы ничего сделать. Но я ненавидела их. Убивая – думая, что убиваю, – отца, планировала отомстить и им.

– Я рада, что тебе легче. И рада, что ты больше не собираешься меня убивать. Но не проси быть гостеприимной сестрой.

– Да ты и просто сестрой никогда не была, – вырвалось у меня.

Я тут же прикусила язык, но Кортни только криво усмехнулась и ушла. Если бы не остатки головной боли, я бы начала биться лбом о ближайший стеллаж.

– А чего ты ждала? – фыркнула Хейвен. – Распростертых объятий, слез и обещаний никогда больше не расставаться? Ты превратила их жизнь в ад. Скажи спасибо, что они оплачивают твоё лечение и дали Хантеру шанс тебе помочь.

– Спасибо. Не хочешь тоже внести свой вклад в мое ментальное здоровье и исчезнуть?

– Если бы могла, я бы давно это сделала. Ты, знаешь ли, не душа компании. Если бы я знала, что после смерти останусь привязана к ненормальной стерве, то убилась бы до того, как познакомилась с вашей семейкой.

– А ты вообще кто? – спросила я, наблюдая, как набирается ванна.

Шикарная ванна, лучшая в моей жизни. С хлопьями золотистой ароматной пены и маслами. Наверняка эти запасы бутылочек и баночек в шкафу лежали со времен, когда я еще жила с сестрами, и все сроки годности давно вышли, но мне было плевать. Погрузившись в горячую – настолько горячую, что зачесалась кожа, – воду, я откинулась на бортик и закрыла глаза.

– В смысле кто? Я – Хейвен! Тебе память отшибло?

– Я имею в виду, ты мое видение? Или реальная душа девушки, которую я убила? Ты существуешь или я тебя придумала?

– Думаю, ты сама знаешь ответ. Просто не хочешь признавать.

– Если бы я знала, то не спрашивала бы, – огрызнулась я, и Хейвен пропала.

Кристина и Алан больше не приходили. Но я вряд ли уже поверю в них, даже если увижу. Сейчас, вспоминая все произошедшее с первого выхода из лечебницы, я поражалась тому, что не догадалась раньше.

Как Алан внезапно появлялся и так же внезапно исчезал.

Как Хантер все время был рядом и при этом ни разу не поговорил ни с Кристиной, ни с детективом.

Как Возничий и Тай не обращали внимания на моих спутников.

Их просто не существовало, а я не замечала, погруженная в страхи и отголоски воспоминаний.

Даже интересно, как Хантер их создавал. Это ментальное внушение? Или грамотная манипуляция моим личным безумием?

Когда-то я могла создавать иллюзии. Меня называли талантливой менталисткой. Прочили колледж в Даркфелле. Окружающие не знали и о десятой части того, что я могла. Зато сейчас никаких секретов: магии у меня не осталось. На самом деле в этом даже есть определенное везение – далеко не все выживают после этой процедуры.

Я плохо помню те месяцы в лечебнице. Тогда проигрыш меня практически сломал. Оказавшись наедине с собой, в четырех мягких стенах, я словно провалилась в полубессознательное состояние. И вышла из него, лишь однажды увидев Хейвен.

И почерк отца в старой книжке.

А ведь что-то изменилось. Хантер что-то сделал, или после ментального удара в моей голове все перевернулось. Вернулись эмоции, отличные от страха и ненависти, мир вокруг как будто стал ярче. Его вкусы и запахи приобрели смысл.

Стало не все равно.

Я с удивлением поняла, что мокрые ресницы – не от воды, а от слез. И несколько секунд прислушивалась, боясь, что кто-нибудь войдет, но дом, похоже, еще спал. Тогда я отпустила эмоции и дала волю слезам. Прижав руку ко рту, чтобы не дать себе сорваться в рыдания, оплакивала жизнь, которой не случилось, сестер, которым я была не нужна. Будущее, которого сама себя лишила.

Ложь себе имеет ту же природу, что и выдуманные герои.

Я не вернусь домой. Не стану нормальной. Не буду обедать с сестрами по выходным и брать на каникулы племянников.

Раньше меня это не волновало. А сейчас почему-то нестерпимо обидно и больно.

На макушку легла тяжелая теплая рука. Я почему-то подумала, что она принадлежит Хантеру, и посмотрела вверх, ожидая, что он улыбнется и скажет что-то вроде «Ну что ты расклеилась? Все будет нормально».

Но вместо него увидела монстра, скрючившегося под темным плащом.

Он надавил – и я ушла под воду, едва успев схватить ртом воздух.

Сквозь воду, покрытую мерцающим осадком от пены, я видела бесформенное черное пятно. Отец без особых усилий держал меня под водой, а драгоценного воздуха оставалось все меньше и меньше. Внутри все обожгло, когда я случайно хлебнула воды, а потом холодный ужас сменился странным спокойным осознанием: это действительно конец. Очень ироничный, учитывая то, что меня не убил ментальный удар. И обидный. Утонуть в ванне в доме, полном народа?

Удивительно, сколько мыслей появляется в голове в последние секунды.

«Только бы он не тронул остальных», – подумала я.

Хантер – менталист, но сможет ли он остановить человека, оттачивавшего мастерство столетиями?

– Эй! – раздался голос Хейвен. – Не вздумай утонуть! Кордеро! Ты что, с ума сошла?

Давление вдруг ослабло. Какая-то сила вытолкнула меня наверх и удержала над водой. Я схватилась за бортик, жадно хватая ртом воздух и надсадно кашляя.

– Ким? Ты как?

Протерев глаза, я увидела Райана, мужа Кайлы. Он смотрел на меня так, словно тоже увидел призрака. Потом опомнился, схватил со стойки полотенце и протянул мне.

– Что случилось?

– Я... не знаю. Здесь был кто-нибудь?

– Когда я зашел – нет. Ты лежала под водой, и я решил...

Он осекся.

– Кажется, я уснула. Давно не валялась в ванне. Перебор с расслаблением. Спасибо, что вытащил. Я кричала, да?

– Нет, я вообще не знал, что ты здесь. Кайла заняла ванную наверху и сидит там уже час, что-то напевая. Я не выдержал.

– Сейчас. – Я неловко улыбнулась. – Ванная полностью твоя. Я, кажется, наплавалась.

Прижав руку к груди, где неистово колотилось сердце, я выскользнула в коридор и рванула в спальню, намереваясь лечь под одеяло и на всякий случай не шевелиться. Хантер уже проснулся, он читал вчерашнюю газету, развалившись на постели, и, кажется, совсем не переживал, что пациентка куда-то подевалась.

– Как водичка? Кажется, быть богатой наследницей довольно круто. В домах попроще горячие ванны бывают только по праздникам.

– Мне снился сон. Яркий.

– Это проблема? – Хантер нахмурился.

– Да. Раньше не снились.

– Что за сон?

– Папа. Как он пытался утопить меня в ванне. Я уснула в ванне. Чуть не захлебнулась, а Райан меня вытащил.

– Ким, тебе нужно быть осторожнее. Ты много времени провела в лечебнице. То, что просто и легко для здорового человека, тебе может быть сложно после всех процедур. Пожалуйста, если захочешь сделать себе бутерброд, позови меня. Иначе отрежешь себе руку, а Райан может быть занят, чтобы пришить ее обратно.

Хантер улыбнулся, он явно пытался меня развеселить, но, посмотрев на кислую мину, вздохнул и отложил газету.

– Хорошо, вот тебе мое мнение как твоего целителя. В лечебнице мы даем пациентам много лекарств. Среди них – успокаивающие зелья, которые подавляют эмоции. А сны – это своего рода проявления эмоций. Поэтому если они вам и снятся, то тусклые, размытые, тягучие. Ты уже давно не принимаешь лекарства, ты пережила ментальный удар. Твои эмоции возвращаются. А сны – отражение реальности. наших страхов, надежд и чувств. Иногда они эхом повторяют то, что мы и так знаем. А иногда говорят что-то новое.

– И что мне сказал этот сон?

– Ты мне скажи. А пока раздумываешь, пойдем искать завтрак. День будет длинный.

– Дай мне несколько минут, я раздобуду одежду.

– В шкафу сестра для тебя что-то оставила. Спускайся, я буду внизу.

Когда он ушел, я задумчиво распахнула шкаф и посмотрела на несколько домашних платьев, размышляя, кто из сестер одолжил мне одежду. Вряд ли Кортни: судя по утреннему разговору, она ждет, когда появится возможность забыть о моем существовании. Наверное, Кайла одолжила парочку своих.

– Ну, и о чем ты думаешь? – подала голос Хейвен откуда-то из темных недр шкафа. – Что все это значит?

– Что из нас двоих в этом мире есть место только для одного. И отец, кажется, это давно понял.

* * *

Внизу я нашла только Хантера и Райана. Они уже раздобыли завтрак и сели за столом в гостиной, обложившись документами. Я с любопытством сунула в них нос и поняла, что это дела об убийствах, совершенных отцом. Или предположительно им.

За два года агонии он натворил немало дел.

Пытаясь снова и снова провести ритуал, получить себе новое тело, он раз за разом терпел неудачи. Бросал жертв умирать, искал новых. И все повторялось до тех пор, пока на свободу не вышла я.

Хотя, может, и сейчас повторяется. Может, пока мы здесь пытаемся осознать правду о Конраде, он сейчас мучает очередного беднягу.

– Давайте его поймаем, – произнесла я. – Я хочу помочь.

– Я рассчитывал на это, – кивнул Райан. – Без тебя нам никак не справиться.

Меня пронзило острое чувство дежавю. Я уже слышала эти слова, уже помогала детективу найти убийцу-менталиста.

Ощувив прилив паники, я потянулась, чтобы пощупать Райана. Он явно ожидал от меня всего, но не этого, потому что поперхнулся кофе и удивленно посмотрел.

– Хотела убедиться, что ты настоящий.

Хантер рассмеялся, хотя, на мой взгляд, в этом не было ничего смешного.

– Он настоящий, Ким. Все хорошо.

Какое у нас разное понимание слова «хорошо».

– Что от меня требуется?

– Информация в первую очередь. Все, что ты помнишь о том времени, когда Конрад...

Он осекся и явно смутился.

– Ставил на мне эксперименты. Не бойся. Я в порядке.

– Мне нужно все: места, люди, какие-то, может быть, обрывки разговоров. Нужно найти место, где Конрад прячется. И где держит жертв.

Я не стала спрашивать, что Райан и остальные будут делать, когда найдут бессмертного ментального мага. В управлении должны быть менталисты, которые справятся с ним. Но дальше...

– Что будет, когда его поймают?

Хантер подарил мне взгляд, полный подозрения, и пришлось пояснить:

– Нет, я не собираюсь жалеть бедного папочку. Я имею в виду – о Конраде ведь узнают. О бессмертии. И этот секрет не задвинут в дальний угол. Они будут его изучать, и рано или поздно кто-то пройдет тем же путем. Сколько еще безумцев породит этот секрет?

Райан и Хантер переглянулись, словно не могли решить, стоит ли мне доверять.

– Мы не собираемся никому рассказывать. Детективы, что охраняют дом, считают, что за тобой охотится «Дора Заката», – сказал

Райан. – Когда мы поймем Конрада, то...

Он умолк.

– Ну?

– Лишим его магии. И сделаем так, чтобы он не смог никому навредить.

По коже прошелся мороз. Я не стала спрашивать, что Райан имел в виду, но единственным местом, откуда отец не смог бы выбраться, была могила.

То, что я не испытала сочувствия, должно было меня напугать?

– И вы думаете, он использует какое-то место из прошлого? Он же не идиот!

– Он ослаб. Болен. Напуган. Поверь, Ким, то, что ему грозит, хуже смерти. В таком состоянии люди не строят гениальные планы. Он создал лабораторию там, где он хозяин. Мы просматриваем все имущество Кордеро.

Я покачала головой.

– Если папа что-то хотел скрыть, он скрывал. О некоторых его домах никто не знает. Через один из них я пробралась в Кордеро-холл. Он не стал бы прятаться в доме, о котором знает Герберт или Кортни. И у него было время все устроить.

– Герберт поднял документы тех лет, но не нашел никаких подозрительных сделок.

– Поэтому мы думаем, что ты можешь что-то вспомнить, – сказал Хантер.

– Ладно. – Я глубоко вздохнула. – У него была лаборатория в старом доме, неподалеку от Кордеро-холла. В основном он работал там. Дома соединены подземным ходом, старым, но рабочим. Так мы ускользали от всех, оставаясь незамеченными. И в то же время в любой момент могли вернуться. Но там никого, я проверяла.

– Еще какие-нибудь места?

– Маяк. Иногда мы ходили к маяку. Не для экспериментов. Просто, когда мне было очень плохо после ритуалов, папа водил меня туда – и почему-то становилось легче.

Райан стыдливо отвел глаза. Хантер успокаивающе погладил меня по руке. По телу разлилось приятное тепло, и я с трудом улыбнулась.

– На маяке тоже никого, это мы с детективом Ренсомом выяснили.

– Больше нет никаких идей?

– Дом его друга проверили? Рейгана.

– Да. Там пусто. Все имущество Хефнеров принадлежит нам с Кайлой. С ночи прислуга обшарила каждый дом от и до.

– Тогда я не знаю, простите. Плохо помню то время.

– Ничего, Ким. Мы найдем его. Так или иначе, но найдем. Позавтракай, ты не притронулась к яичнице. – Райан пододвинул ко мне тарелку и почти насильно вложил в руку вилку.

Горло заболело от подступивших слез. С каких пор я стала такой чувствительной?

Невольно подумалось, что эти двое мужчин относятся ко мне теплее сестер, даже не вышедших к завтраку.

– Конечно, ты же не пыталась их убить, – хмыкнула Хейвен. – Заметила, что все, кого ты пыталась отправить на тот свет, не жаждут с тобой общаться?

– Заткнись, – буркнула я.

– А? – Райан и Хантер синхронно подняли головы.

– Я не вам. Это Хейвен.

Мы просидели над документами несколько часов. Райан и Хантер по очереди показывали мне иллюстрации, адреса, названия, а я пыталась вспомнить хоть что-то. Но память упорно подсовывала лишь обрывки воспоминаний. Даже их хватало, чтобы чувствовать, как ненависть овладевает всем существом.

Наконец Хантер объявил перерыв, наверняка увидев, что я едва держусь.

– Давайте немного отдохнем. Ким еще не оправилась.

– Да. – Райан зевнул. – Я сижу с ночи и до сих пор не избавился от ощущения, что взялся за задачу, которая мне не по силам. Охотиться за бессмертным магом? Такому не учат в академии.

– Это же не пафосная книжка, – сказала я. – Отец бессмертен, но не всемогущ. К счастью для нас, магия не растет пропорционально возрасту.

– Зато он нервничает, – произнес Хантер. – Знает, что мы близко. Нервничает и будет совершать ошибки. Главное – вовремя узнать о них.

Райан кивнул:

– Я дал задание своим людям просматривать все газеты и сообщать мне о странных случаях, сообщениях о взломах, кражах, о

подозрительных людях. Пока ничего. Также делаем карту убийств Конрада, возможно, раз он болен, сил уходить далеко от места, где он живет, нет. Но пока на карте чистый хаос.

– Нанять экипаж не такая уж проблема, – сказала я. – У меня даже не спросили документы по дороге сюда. А я была вымокшая насквозь, без вещей и разговаривала с воображаемым детективом.

Мы все думали об одном и том же: без моей помощи отца не поймать. Если бы я вспомнила хоть что-то! Но даже правда о Конраде была надежно погребена под руинами сознания, понадобилось едва не погибнуть, чтобы вытащить ее наружу. О том, чтобы вспомнить хоть немного подробностей, не шло и речи.

Дом опустел. Сестры так и не показались, Райан ушел наверх, давать новые указания коллегам. Мне не хотелось оставаться одной в четырех стенах, снова и снова гонять по кругу одни и те же мысли, поэтому я накинула чей-то плащ и вышла на улицу.

Над озером стелился туман. Вдали от дома, у самой кромки воды, не было ни звука. Ни шелеста листьев, ни криков птиц. Полное, даже немного пугающее умиротворение.

Я думала, прийти сюда будет сложно и страшно, но, кажется, я потеряла способность бояться прошлого. Вот будущее немного страшило, но и этот страх не был связан с отцом. Кто бы мог подумать, что сильнее всего пугают не монстры, а одиночество.

Вскоре оказалось, что я не одна отправилась к воде, чтобы проветриться. Сначала я подумала, будто Хантер побоялся, что я сбегу, но потом он остановился возле воды, стянул через голову рубашку и – я едва успела отвернуться – взялся за ремень на штанах.

– Что ты делаешь?!

– Хочу окунуться. Водичка выглядит бодрящей.

– О да, как человек, который в ней едва не утонул, подтверждаю. Она не просто бодрящая, она ледяная!

– Зато какая чистая. Я закаленный, не волнуйся. Жаль, что твои сестры не занимаются домом. Место чудесное.

– Места портят воспоминания.

– Но сами-то места в них не виноваты. Надо спросить у Кортни, не продаст ли она дом.

– Боюсь, при всем желании в ближайшие годы она этого не сделает, – услышали мы звонкий голос Кайлы.

Кутаясь в длинное пальто, она поравнялась со мной.

– Пока она не выполнит условия завещания, то не может распоряжаться собственностью Кордеро. И не хочет вкладываться в дом, потому что ненавидит сюда приезжать. Так что если ты готов ждать – дом твой.

Хантер махнул рукой, что могло означать как «да и шут с ним», так и «договорились». Он быстро зашел в воду по пояс, потянулся, разминая затекшую шею. И я невольно залюбовалась на рельефные очертания мышц.

– Ничего так, – хмыкнула Кайла, занятая тем же самым.

– Эй, ты замужем!

– Никакое замужество не помешает мне по достоинству оценивать таких красавчиков. Раньше я думала, что все целители – старые, страшные и унылые. Но твой буквально обрушил все мои представления о жизни. Еще пару лет назад я была бы вовсе не прочь побыть его пациенткой.

Я рассмеялась. Кайла всегда умела разрядить обстановку.

– Ну, и что у вас с ним? – спросила она.

Показалось, я ослышалась.

– Извини?

– Да брось, мне любопытно. В последнее время не перепадает никаких сплетен. Кортни замужем и уныло верна мужу. Друзей у меня почти нет, а если и есть – то такие же семейные пары. От той Кайлы, о которой говорил весь город, не осталось и следа. Но я же помню, как весело было обсуждать чужие романы. Так что у тебя с ним?

– Ничего. – Я покачала головой. – Он всего лишь ментальный целитель.

– Ага, и поэтому он рискнул работой и свободой, чтобы тебе помочь. Потому что он – всего лишь целитель! Да если кто-то узнает, что он перестал давать пациентке лекарства, выпустил ее на свободу и поддерживал ее бред, то господин Дельвего навсегда лишится таблички на двери.

– Он просто хочет отомстить за сестру.

– И именно поэтому не погнался за папой, а кинулся вытаскивать из воды тебя.

– Не всем быть такими, как я. Большинство нормальных людей не могут пройти мимо избитого и тонущего человека.

– О нормальности – не в нашу семью, – фыркнула Кайла. – Ты говорила с Кортни?

– Да, утром. Она... выразилась предельно ясно.

Сестра вздохнула, и я поняла: она тоже с ней говорила.

– Кортни боится. За ребенка, за нас всех. Сначала на нее свалилась ответственность, теперь – правда об отце. Она не знает, кому можно верить. К тому же ее пугает это место. А когда ты вдруг оказываешься там, где тебе уже было плохо...

*Тук-тук, за окном
Тихо плачет навь...*

Я вздрогнула, увидев бредущую по пляжу Хейвен. Точнее, мне показалось, что это она. Но когда хрупкая фигурка в светлом одеянии приблизилась, я поняла, что не видела эту девушку раньше. Хотя знакомые черты в ней все же угадывались, но я никак не могла вспомнить, где ее видела.

*Старый дом, старый дом,
Сон ты или явь?..*

– Ты ее видишь? – спросила я Кайлу. – Слышишь песенку?

– Что? Нет, я ничего не слышу.

Девушка остановилась и подняла на меня взгляд пустых глазниц.

*Тук-тук, медленно
Открываю дверь.
Старый дом, старый дом —
Ты ему не верь...*

– Хантер! – задохнулась я. – Хантер!

– Ким, ты в порядке? – Кайла нервно закусил губу.

Я повернулась к ней. Руки дрожали, когда я схватила ее за плечи.

– Я знаю, где отец! Дом из этой песенки, он существует!

Глава 8

– Мы придумали ее вместе. Я и Жизель. Чтобы меньше бояться. Я почти ничего не помню, только какой-то темный подвал. И ее.

– Мою сестру?

Райан был мрачнее тучи. Думаю, он до конца не верил в то, что рассказ Хантера – правда. Или надеялся, что мы ошиблись и Жизель не использовали в исследованиях Конрад и Рейган.

Но я вспомнила ее, девушку в светлом платье. Когда мы виделись в последний раз, она была таким же ребенком, как и я.

– Мы просидели там несколько дней и, чтобы не сойти с ума, придумали песенку.

– Но ведь это не значит, что дом существует, – возразил Герберт.

– Значит. Он существует, я уверена. Папа привез меня туда лишь однажды, и тогда я не участвовала в его ритуалах. Но Жизель жила там довольно долго. В подвале была кровать, небольшой комод с ее одеждой, книги, игрушки. Папа не мог позволить мне исчезнуть, люди стали бы задавать вопросы. А вот Рейган, похоже, решил не рисковать и держал Жизель в лаборатории.

Я заметила выражение лица Райана и вздохнула. Все еще чувствуя неловкость за сцену в ванной и благодарность за то, что спас меня, я ненавидела себя за то, какую боль причиняю ему, рассказывая, как обращались с его сестрой.

– Хорошо, и что мы знаем об этом доме? – спросил Хантер. – То, что он старый? Этого мало.

– Навь... там упоминается навь. Дом должен быть у воды.

– Навей много лет никто не видел. С тех пор как магия тесно сплелась с технологиями, они просто вымерли, – возразил Герберт. – К тому же вы были детьми и вполне могли принять за плач нави ветер или скрип старых досок.

– Нет... – медленно произнесла я. – Там было сыро. Я помню плесень на стене в углу.

Райан развернул на весь стол карту и начал расставлять на ней отметки.

– Это – места, где Конрад оставлял жертв. Мы думаем, он старался отвозить их в разные районы, чтобы не привлекать внимания и чтобы убийства не могли связать. Мы действительно далеко не сразу объединили жертв, порой ментальный удар очень сложно определить. Часть жертв – «Дора Заката», часть – его попытки найти себе тело. Думаю, где-то в этом радиусе он живет.

Круг захватывал Хейзенвилль и несколько поселений вокруг. В основном мелкие деревеньки, загородные резиденции, частные территории без опознавательных знаков.

– Водоемов всего пять. Побережье, это озеро, водохранилище, плотина и вот здесь пруд, но он слишком маленький, чтобы там что-то водилось и шумело. На побережье Конрада бы заметили, это оживленный поселок, там куча летних домиков даркфеллской элиты. Остаются это озеро, водохранилище и плотина.

– Точно не это озеро, – покачала головой я.

– Почему? – спросил Герберт. – Это логично. Здесь знакомые ему места, близко до города. И это объясняет то, как Карл оказался рядом с тобой.

– Нам определенно надо договориться, как мы будем его называть, – пробормотал Райан.

– Я просто знаю, – ответила я. – Это место не здесь.

Но Герберт продолжал смотреть своим леденящим душу взглядом, и я сдалась:

– Это глупо, но... я любила этот дом. И озеро. До сих пор люблю, наверное. Если бы отец возил меня сюда, держал в каком-то подвале вместе с Жизель, я не смогла бы здесь находиться. Это сложно объяснить, но когда с тобой происходит что-то такое, помимо очевидных воспоминаний или чувств – ненависти, обиды или злости, – ты оставляешь себе еще кое-что. Нечто эфемерное. Может, звуки и запахи. Атмосферу. Когда ты живешь во тьме, то ищешь в ней хоть что-то светлое.

– И что нашла ты? – спросил Хантер.

Я подняла на него взгляд.

– Ничего. Там не было ничего, кроме темноты и старых игрушек.

– Так. Погодите-ка!

Райан пододвинул к дивану, где я сидела, огромный ящик с бумагами.

– Если этот дом принадлежал моему отцу – а кому же еще он принадлежал, если там держали Жизель? – то он должен был его как-то финансировать. Платить налог и все такое. Невозможно скрыть недвижимость! Невозможно! Даже если она идет через подставных лиц, через несколько фирм, все равно есть следы!

– В детстве мы с Кайлой часто менялись игрушками, – из кухни выглянула Хейвен. – А потом мы украли в лавке кукол. Таких милых маленьких близняшек. И чтобы дома не стали спрашивать, откуда новые куклы, соврали, что поменялись.

– На что ты намекаешь? – спросила я.

Надо отдать должное Герберту и Райану: они почти не удивились моим беседам с пустотой.

– Ни на что. – Хейвен пожала плечами. – Просто рассказываю истории.

Да, конечно, спасибо большое, дорогое подсознание. Рассказы о тайном обмене ворованными куклами – это то, что мне сейчас... Подождите-ка!

– Герберт, а у нашей семьи есть недвижимость у водоемов, которые нашел Райан?

– Проверю. А что?

– Райан, твой отец владел домами в Хейзенвилле?

Хейвен рассмеялась – и исчезла. Впервые от моих галлюцинаций появилась хоть какая-то польза.

Как же много всего в собственности Кордеро! Дома, лавки, салоны, фабрики и компании. Понятия не имею, как Герберту удается вести дела и сколько вообще у него сотрудников. Хефнеры – чуть менее богатая семья, но и в их активах легко было затеряться парочке домиков.

– Да, одному из фондов отца принадлежит дом в Хейзенвилле. Его использовали в то время, как наш дед был в числе городского совета...

Райан осекся и замолчал.

– То есть это был не дед. А Рейган.

– Покажи адрес! – потребовала я.

Едва взглянув на документы, я уже знала, что Герберт найдет дом Хефнеров, где держали Жизель.

– Они не верили, что их будут подозревать. Но все же подстраховались. И платили за чужие дома, чтобы, если бы вдруг

лаборатории нашли, можно было представить все как взлом.

Все взгляды оказались прикованы к Герберту, методично просматривавшему перечень имущества. Следовало отдать ему должное: сейчас педантичность Уолдера сыграла нам на руку. Впрочем, ему пришлось сложнее: в документах не указывалось наличие водоемов поблизости.

– Я очень извиняюсь, – наконец Герберт не выдержал наших взглядов, – а можно не стоять над душой? Я найду дом быстрее, если вы отправитесь сделать чай или тревожно пошептаться в кухне.

– Мы бы нашли его быстрее, если бы ты не шифровал свои документы, – хмыкнул Райан.

– А я и тебе советую это делать, если не хочешь потом унижаться, выпрашивая у нас с Кортни денег на еду. Все это может попасть не в те руки.

– Можно подумать, твой шифр такой надежный. Дай угадаю, ключ к нему – слово «Кортни»?

– Не угадал. – Герберт скорчил рожу. – Мой ключ «Райан». Потому что моя любовь к тебе безгранична.

Кайла, до сих пор сидевшая молча, впервые подала голос:

– Может, выйдете подеретесь, а потом вернетесь и продолжите работать? Мы здесь пытаемся поймать опасного психа и спасти кучу жизней, а вы все выясняете, кто круче! Хотите мое мнение? Останься отец с нами, он никого из вас бы не одобрил! Так что идите и выясните отношения с ним!

Я улыбнулась, а Райан пожал плечами. Мне нравилось наблюдать за их перепалками. Как будто мы на несколько минут снова стали семьей.

– Есть кое-что. В документах дом проходит как бывший пансионат для оздоровления сирот, который Кордеро построили в рамках благотворительной деятельности. Давно заброшен и не обслуживается, первый кандидат на снос после того, как Кортни вступит в права наследования. У дома огромная территория, почти нетронутый лес и... рядом плотина.

– Это он. Я знаю. Отец должен быть там.

Мы с Хантером переглянулись. Оба знали: вступить в схватку с Конрадом Кордеро придется нам.

Когда экипажи остановились так, чтобы из дома нельзя было увидеть нас, я кинулась к выходу, но Райан меня остановил.

– Ким, я думаю, тебе лучше остаться. Пойдем мы.

– Вот еще! Он менталист, он убьет вас.

– Хантер тоже.

– Да, и если я буду с вами, у него больше шансов.

– У тебя нет магии.

– Это мои проблемы.

– Ким...

Я упрямо поджала губы, и Райан сдался.

Сидеть здесь, в темной кабине экипажа, слушая, как мерно потрескивает пламя в двигателе? Нет уж! Это моя битва и моя расплата.

К тому же я кое-что забыла рассказать.

Впереди показался дом, который я сразу узнала. Если бы кто-то срисовал из моего воображения ассоциации к детской песенке, то у него получилось бы именно это: потемневший от старости деревянный, некогда бывший роскошным особняк. Возможно, он действительно когда-то был пансионатом, но вряд ли те, кто застал это время, еще живы.

Судя по свисающей с балок паутине и горе жухлой листвы на крыльце, домом давно не пользовались. Или хотели создать такое впечатление.

Хантер шел первым, единственный среди нас менталист. Оставалось только надеяться, что его сил хватит сдержать отца и дать возможность поработать оружию. Но если нет...

Райан прав, у меня забрали магию, это обязательная процедура во всех учреждениях вроде «Хейзенвилль-гард».

Но кое-что все же осталось. Этого должно хватить на последний удар – даже если он станет таковым и для меня самой.

– Я ничего не чувствую, – шепотом произнес Хантер. – Здесь никого нет.

Неужели я ошиблась? Неужели отец выбрал другое место? Я думала, что хорошо его знаю. Думала, мы похожи.

Скрипнули доски, когда я вошла. Гостиная ничем не напоминала магическую лабораторию менталиста. Лестница, ведущая наверх, покосилась и рассохлась. Вряд ли ею кто-то пользовался.

Вдохнув запах пыли, гнилого дерева и гари, я закрыла глаза.

Он был здесь. Почти умирая, содрогаясь от невыносимой боли, некогда великий Конрад Кордеро прятался, снова и снова пытаюсь найти для себя способ выжить.

Именно выжить, ведь сложно назвать жизнью существование в беспомощном неподчиняющемся теле.

Это место служило ему домом, лабораторией, склепом.

Но его пришлось оставить.

Я шла не то по памяти, не то по интуиции. По коридору в огромную кухню, из которой можно было спуститься в подвал.

В отличие от остального дома, в подвал вела крепкая каменная лестница. Она уходила глубоко во тьму. Хантер помог мне спуститься. Только приняв его руку, я поняла, насколько напряжена.

– Ты как? – тихо, чтобы не услышали остальные, спросил он.

– Лучше, чем когда-либо.

Вспыхнул свет – Райан воспользовался огнем. Очертания предметов проявились не сразу, отблески пламени неспешно рисовали контуры предметов.

Когда глаза привыкли к полумраку, нам явилась святая святых – лаборатория Конрада Кордеро.

Герберт хрипло выругался, а Хантер, явно боясь, что я сорвусь, мягко притянул меня к себе. А может, человечность, атрофировавшаяся за годы работы, вдруг взяла верх и ему просто стало меня жаль.

Для какого-нибудь историка или коллекционера эта лаборатория стала бы бесценным даром. Иные работали на протяжении всей жизни, чтобы обнаружить хоть что-то в тысячи раз менее древнее.

– Думаю, это то немногое, что он смог увезти, – не скрывая отвращения в голосе, произнес Райан. – Проклятый садист.

Нет, здесь не было потеков крови, человеческих костей и замученных животных в духе страшных рассказов. Только книги. Много книг, дневников и свитков. Пустых банок с зельями, от старых и помутневших до совсем новых, блестящих.

А еще кресло. При виде его меня пробрала дрожь. Старинный предмет интерьера превратили в нечто совсем иное, добавив ему ремней и веревок. Они удерживали жертву в кресле, надежно фиксируя руки, ноги и, главное, голову. При виде их я инстинктивно потеряла шею, почти наяву ощутив удушающий захват ремня.

– Печальное зрелище, – сказал Хантер. – А ведь Конрад был выдающимся магом. Его исследования спасли сотни тысяч жизней. В какой момент он превратился в существо, живущее здесь и убивающее невинных?

– В тот момент, когда решил убить своего сына, – ответила я. – Во всех нас бродят разные мысли, подчас темные или жестокие. Мы им не поддаемся, осознавая всю неправильность этого. Но в тот момент, когда мы решаемся убить... по-настоящему, хладнокровно лишиться жизни другого человека – мы превращаемся в чудовищ. И дальше все зависит от того, насколько долго нам позволяют ими быть.

Я подошла к столу с дневниками и полистала парочку. Один, самый свежий, даже не был закончен. По мере того как отцу становилось хуже, понятный и каллиграфический почерк превращался в невнятные закорючки, которые даже я могла разбирать с огромным трудом.

«Кровь. Разум?»

«Ментальный барьер – как сломать?»

Кое-что отец все же рассказывал. Я с трудом вспоминала подробности, но сейчас, при виде его вещей, записей, работ, обрывки всплывали в памяти, добавляя и без того мрачной картине темных мазков.

Ритуал работает, если есть связь на крови. Если в венах жертвы течет твоя кровь – ты выиграл. Если нет – проиграл.

У каждого из нас есть ментальный барьер. Та преграда, отделяющая душу от внешнего жестокого мира магии. У кого-то барьер слабый, даже небольшого ментального удара может хватить, чтобы убить. У кого-то сильный, и не всякому магу под силу пройти через него.

Магию непросто обмануть, но родная кровь вкупе с колдовскими свойствами кордера и особым ритуалом способна творить чудеса. Чтобы все получилось, лишь нужно найти родного человека одного с тобой пола, и, если разум хранит знание о ритуале, вот она – вечность.

С женщинами почему-то никогда не работало. Отец ставил эксперименты и на них, но, может, мы обладали слишком сильным ментальным барьером, а может, требовались особые условия или заклятия.

Последние годы отец, осознав, что судьба не подарит ему сына, работал в основном над этим. Все исследования магии, силы огня, дарованной ему богами, меркли в сравнении со страстным желанием продлить свою жизнь вкупе с животным страхом того, что время истечет раньше, чем у него получится.

Конрад был самоуверен. Не допускал и мысли, что однажды единственным его шансом будет девчонка, ненужная дочь, которую он даже не любил. Хотя любил ли Конрад хоть кого-то из своих детей – вопрос открытый.

«Добровольность».

Я пролистала до конца, до самых последних записей, а потом, безглаголиво сморщившись, выбросила дневники.

– Думаете, он вернется? Будем ждать?

– Он не вернется.

Я хотела направиться к выходу, но вдруг остановилась перед углом, куда отец задвинул массивный стол со множеством ящичков. Я навалилась всем весом, чтобы сдвинуть его в сторону, но это получилось, лишь когда ко мне присоединился Райан.

На темной и сырой стене еще остались выцарапанные старым погнутым гвоздем буквы. Я опустилась перед ними, коснулась холодной поверхности, закрыв глаза.

– Я не хочу, чтобы ты уходила, – говорит светловолосая девочка. – Мне одиноко здесь.

За те несколько дней, что мы вместе провели в этом подвале, успели сдружиться. Жизель смотрела на меня с восхищением, однако мне казалось, это лишь из-за дорогой красивой одежды. Сама она была одета в выдающую виды теплую пижаму противного серого цвета. Как пыль в этом подвале.

– Мы уйдем вместе.

– Папа никогда не отпустит меня. Он говорит, мне еще нельзя. Сначала нужно закончить ритуал.

– Я тебя заберу. Я найду и заберу, обещаю.

Жизель улыбается, но так, что мне сразу становится понятно: она не верит.

– Вот!

Я беру старый гвоздь – понятия не имею, откуда он здесь взялся, – и царапаю на стене, возле которой мы сидим, два имени.

КИМ + ЖИЗЕЛЬ

Буквы кривые, гвоздь то и дело срывается, и я режу пальцы. А Жизель смотрит внимательно, склонив голову, изучая меня.

– Видишь? Я обязательно вернусь.

– Я вернулась... – вслед за воспоминаниями повторила я. – Прости, что так поздно.

Райан не отрываясь смотрел на имя сестры.

– Она говорила о мертвом мальчике. А я не понял. – Он устало опустил голову. – Никогда не понимал. Если бы я хоть раз прислушался к ней, задумался, что же случилось с Жизель... Может, смог бы ей помочь.

– Мертвый мальчик?

Значит, и у Жизель были собственные призраки. Только она, в отличие от меня, вряд ли была причиной их смерти. Какая ирония: мне повезло, что боги наградили ментальным даром, а моим жертвам – нет. Интересно, кем был этот мальчик? Настоящим Мэнфордом, лишенным шанса повзрослеть, потому что его отцу понадобилось тело?

Я выпрямилась. Стряхнула наваждение вместе с накатившим чувством вины за то, что Жизель так и не увидела меня снова. За то, что я не сдержала слово. Помнила ли она девочку Ким, что провела в ее подвале несколько дней?

– Зачем отец тебя сюда приводил? – спросил Герберт.

– Чтобы ценила то, что имею. Чтобы всегда знала: со мной случится то же, что и с Жизель. Если я не буду... хорошей девочкой.

Я снова посмотрела на кресло. В подобном я провела много часов, снова и снова выдерживая попытки отца уничтожить мое сознание, превратить в пустую куклу. Десятки зелий, ритуалов, заклинаний. Его отчаяние и злоба – я впитала их как губка, сама превратившись в подобие отца.

– Сожгите здесь все, – глухо произнесла я.

– С удовольствием, – поморщился Герберт.

– Нет! – Хантер преградил мне дорогу. – Ким, это доказательства...

– И что? – Я подняла на него взгляд. – Предъявишь их управлению? Посадишь Конрада?

– Его жертвы заслуживают правосудия. Их близкие заслуживают знать правду.

– Там, – я указала на шкафы и столы, – лежит то, ради чего тысячи магов готовы убить без колебаний. Это лишь малая часть того, что умеет Конрад Кордеро. Но даже она навсегда изменит наш мир и нашу магию. Знаешь, к чему это приведет? К тому, что бессмертие можно будет купить, выменять или забрать. К тому, что богачи начнут выращивать себе детей для новых жизней. К тому, что проблему с переселением души в неродственное тело решат. И однажды... а этот момент обязательно наступит! – кому-то захочется большего. Власти. Денег. Вечной жизни и вечной молодости. И Конрад восстанет в новом теле. Чтобы окончательно ввергнуть в хаос наш мир. Это, по-твоему, справедливость? Это то, чего наш мир заслуживает?

Снаружи послышались звуки дождя. Запахло сыростью, откуда-то с потолка начало капать.

– Но эта лаборатория доказывает, что в твоём состоянии виновен Конрад. Что ты не могла контролировать себя. И тебя смогут освободить, Ким. Все закончится. Ты больше не будешь платить за его преступления.

– Я плачу за свои. И смогу жить, только если никто на свете больше не сотворит подобное тому, что сделал мой отец. Пусть даже это будет жизнь в палате с мягкими стенами. Ты говорил, что хочешь меня спасти. Тогда реши, что важнее: справедливость или моя душа.

Не дожидаясь ответа, я вышла. Поняла, что не могу находиться здесь, где каждый предмет пропитался грязью, болью и безумием. Больше всего мне хотелось сделать поток свежего воздуха и подставить лицо каплям дождя – чтобы они смыли все, что так не хотелось вспоминать.

Не знаю, сколько прошло времени, когда Герберт, Райан и Хантер вышли из дома.

За их спинами разгорался огонь.

Из груди вырвалось сдавленное рыдание, я подтянула колени к груди и опустила голову. Вместе с пламенем, пожирившим старый дом,

словно горело все внутри. Я никогда еще не чувствовала такой невыносимой боли, как будто кто-то заменил мне сердце тлеющей головешкой.

Мужчины ушли. Я сидела на крыльце до тех пор, пока спиной не ощутила тепло от пожара. Вытерла слезы, поднялась, немного пошатываясь, и в последний раз окинула взглядом отцовское пристанище.

Теперь у него нет укрытия.

А скоро не останется и свободы.

Они заслужили отмщение. Жизель, Кристина, жертвы, имен которых я не знала.

Их души будут смеяться, когда Конрад Кордеро окажется в аду внутри самого себя.

Глава 9

– Почему мне лучше? – спросила я, когда мы возвращались обратно в дом. – Почему меня больше не тянет убивать?

– А тебя не тянет? – спросил Хантер.

Пришлось прислушаться к себе, что я делать не любила. Боялась, что тот огонь, который горел во мне так долго, жаждущий крови и мести, до сих пор не потух.

– Не тянет. Я... не знаю почему. Когда ты выпустил меня, я натворила много дел. Подожгла дом, ранила Тая. Но я не хотела, чтобы кто-то пострадал. А Тая убил бы отец. Он не удержался бы, я знаю. Я пыталась ударить так, чтобы у него остался шанс, не хотела убивать его. Впрочем, я даже не уверена, что видела отца, а не свой кошмар, но... Мне не хотелось, чтобы кто-то погиб. И я спрашиваю тебя как моего целителя: почему?

– Ты выздоравливаешь. Это значит, мои методы работают. Тебе становится легче.

– Но ведь нет гарантии, что однажды я снова не превращусь в ту Ким, которая задушила Хейвен?

– Нет, гарантии нет.

– Тогда почему ты уверен, что этого не случится?

– Я и не уверен. Но надеюсь, быть здоровой тебе понравится больше и ты приложишь усилия, чтобы остаться такой.

Экипаж остановился. Но прежде чем я вышла, Хантер накрыл мою руку своей.

– Я сделал выбор, Ким. Я на твоей стороне. И постараюсь помочь.

– Спасибо.

Сейчас я надеялась поесть, немного поспать – и думать дальше. Лишившись убежища, отец или заляжет на дно – или перейдет к активным действиям. Скрываться у него нет времени, каждая минута промедления уносит с собой драгоценное здоровье. Значит, он будет действовать. Но как?

В доме нас встретила взволнованная Кайла.

– Ну?! – Она бросилась к Райану, явно не зная, то ли обнять его, то ли отругать за то, что так долго. – Вы нашли его?!

Герберт покачал головой.

– Только лабораторию. Мы ее уничтожили, но Конрада там не оказалось. Надеюсь, у него нет других мест, где можно отсидеться. Рано или поздно он объявится.

Кайла словно его не слушала. Нахмурившись, она переводила взгляд с Райана на Герберта, потом на Хантера и на меня. Посмотрела на что-то за их спинами и спросила:

– А где Кортни? Почему она не вернулась с вами?

Я почувствовала, как шатаются стены. И воздуха не хватает, от чего голова идет кругом. Кортни могла уйти по тысяче разных причин. Прогуляться, вернуться в город по делам, внезапно захотеть чего-то и отправиться в лавку. Но почему-то я сразу почувствовала: что-то случилось.

Герберт, как оказалось, тоже.

– Она не ездила с нами. Я думал, она дома.

– Нет, ее определенно нет дома, час назад стражи, которых вы оставили, засекли какую-то магию, и мы обшарили весь дом. Кортни здесь нет.

– Магию? – Хантер и Райан переглянулись. – Что за магию?

– Понятия не имею, она исчезла так же быстро, как появилась. Я подумала, это сбой или ошибка. В доме никого нет, ничего не сломалось и не пропало...

Она резко умолкла.

– Надо перекрыть выезды из города. Обыскать все дома, принадлежащие Кордеро, да и вообще все заброшенные и пустующие здания, – сказал Герберт, выглядевший непривычно бледным.

Мы все думали об одном и том же: если Конрад решился действовать, то, вполне возможно, именно так. Ребенок Кортни – его последний шанс, его агония. В дневниках я видела зарисовки плода и исследования ментальных барьеров маленьких детей, но заставила себя не думать о том, как именно Конрад проводил исследования.

– Поехали! – скомандовал Райан. – Нам понадобятся стража и детективы. Если это он, то далеко не уйдет.

Даже не раздумывая, я направилась с ними, как и Кайла, но Райан и Хантер воспротивились.

– Здесь вы под охраной. Нельзя рисковать и вами.

– Ага, под охраной! – язвительно фыркнула сестра. – Под такой надежной, что не заметили, как из-под носа пропала моя сестра! Слышите?! Моя сестра!

– Кайла, пожалуйста, – мягко произнес Райан. – Остайся. Из-за Конрада я потерял сестру, не хочу потерять еще и тебя.

Я посмотрела на Хантера с вызовом. Он-то не сможет толкнуть трогательную речь о том, как мной дорожит.

– У меня не будет времени на тебя, Ким. Ты еще не оправилась. И в любой момент можешь сорваться снова. Я не хочу делать выбор между тобой и Кортни.

– Хантер прав, он нам нужен. И времени нет. Поэтому, Кимберли, – ты остаешься, Кайла – тоже. Если вдруг появятся вести от Кортни, сразу сообщите нам.

Когда они ушли, Кайла без сил опустилась в кресло и заплакала. Я так растерялась, что не нашла ничего лучше, как погладить ее по плечу.

– Что он с ней сделает? – сквозь рыдания спросила она.

– Не знаю. Мы даже не уверены, что это именно отец.

– Не называй это чудовище нашим отцом!

Слезы сменились яростью, и в стену полетела чашка с давно остывшим чаем. На конверте, лежавшем на столе, расплылось темное пятно.

Стоп. Конверте?

Дрожащими руками, затаив дыхание, я схватила конверт. Увидев его, Кайла вздрогнула и окончательно развеяла все сомнения: раньше его здесь не было. А вот и магия. «К» снова в игре.

«Раньше Хейзенвилль был маяком для ищущих истину. Теперь – заброшенный город с проклятыми обитателями. Совсем скоро их станет на одного больше. Вопрос лишь в одном: кто заслуживает этого больше? Думаю, ты знаешь ответ. К.»

– Это от него? От отца?

Кайла выхватила у меня из рук конверт и пробежала записку глазами.

– Что это значит? Кортни у него? Что он с ней сделал?!

– Да. У него. Он хочет использовать последний шанс. Если у нее мальчик – то он родится с душой Конрада.

Я поднялась и взяла плащ, который только что сняла. Отец не стал испытывать мой разум, выразившись максимально прозрачно. Наша встреча все же состоится, и на этот раз она станет точно последней... для одного из нас.

– Ты же не пойдешь к нему... не станешь его искать, Ким! Слышала, что сказал Хантер? А если он снова победит? Если ты станешь прежней? Ты каким-то чудом здорова, Ким!

– Я пойду, Кайла. Найду его, вытащу Кортни и раз и навсегда покончу с Конрадом.

– Как?!

– Это мое дело.

– Ким!

– Она моя сестра! – сорвалась я и почувствовала, как наворачиваются слезы.

Я знала, что, возможно, вижу Кайлу в последний раз.

– И, хоть мне вряд ли поверят, я люблю ее. Люблю вас обеих! Все эти годы я злилась, завидовала, ненавидела, но продолжала мечтать, как вы вдруг все узнаете, спасете, как мы будем жить в нашем новом будущем, где все будут счастливы! Я хотела вам зла, я причиняла вам зло, но сейчас я хочу, чтобы вы жили. Чтобы ты воспитала Стеллу, а Кортни родила здорового ребенка! Чтобы вы получили наконец-таки наследство и превратили род Кордеро во что-то, хотя бы напоминающее семью! Чтобы вы жили, дышали, не боясь, что зло смотрит вам в затылок!

– Звучит так, как будто ты прощаешься... – Кайла закусила губу.

– Да, я прощаюсь. Не потому что иду умирать, а потому что могу оказаться слабее, чем думаю. Слабее, чем нужно. Но это не так страшно, как потерять Кортни или тебя. Все эти два года я мечтала, лишь чтобы вы пришли ко мне, навестили. Все два года в лечебнице я ждала вас, потому что вы моя семья!

– Ким...

– Знаю. Вам тоже было больно. И я сделаю все, чтобы не причинить вам боль снова. Брошу всю свою силу, всю волю, чтобы выжить и победить. Ты останешься здесь. Будешь ждать новостей в безопасности, потому что я не могу рисковать и тобой. Если я окажусь

сильнее – мы с Кортни вернемся. Если отец победит – у тебя останется еще один шанс его остановить.

Кайла вдруг поднялась и крепко меня обняла. Так внезапно и тепло, что я застыла, даже будучи не в силах обнять ее в ответ. Торопливый шепот напоминал горячечный бред, но этих слов я ждала давно. Их представляла.

– Прости, что не приходили, Кимми. Мы просто... мы так сильно любили тебя, что боялись видеть тебя такую. Казалось, если мы сохраним тот образ, то сможем убедить друг друга, будто ты еще можешь вернуться.

– Я вернулась. И хочу хоть немного исправить то, что натворила. Кайла... можно вопрос?

– Конечно.

– Вы с Хейвен когда-нибудь крали кукол из лавки игрушек?

Глаза сестры расширились от удивления.

– Откуда ты...

– И вы обе сказали дома, что поменялись? Чтобы ни у кого не возникло вопросов, откуда новые игрушки?

Кайла грустно улыбнулась.

– Кортни догадалась. Мы часто ссорились из-за игрушек, и она знала мои едва ли не лучше меня самой. Я не догадалась спрятать какую-нибудь, чтобы сделать вид, будто отдала ее Хейвен. И Кортни поняла, что я украла куклу. Мы впервые с ней тогда сильно поссорились.

Обидно вдруг узнать, что была не так уж хороша в выведывании чужих секретов. Я даже не знала о кукле. Ни Кортни, ни Кайла никогда никому не рассказывали. А Хейвен...

Я тряхнула головой, прогоняя мысли о ней.

– Кортни пригрозила, что все расскажет отцу. И тогда я сыграла на опережение. Рассказала ему первая, словно это Кортни украла куклу. Он сильно наказал ее. А я так и не извинилась. Найди ее, ладно? Я не переживу, если с ней что-то случится.

– Знаешь... – Я набросила плащ и спрятала заледеневшие ладони в карманах. – Когда я вернусь, спроси у меня об этой истории. И если я не отвечу – значит, я проиграла.

Я вышла из дома, под морозящий дождь, перемежаемый порывами ветра.

И, отправляясь на последнюю встречу с «К», очень хотела жить. Как никогда не хотела раньше.

* * *

– Тебе страшно? – спросила Хейвен.

Я не стала отпираться:

– Да.

– Давай не пойдем? Уедем! Сбежим! Поменяем тебе имя, внешность, будем жить далеко-далеко от всех кошмаров! Ну же, Ким, давай!

Я покачала головой. Мы поднимались по ступенькам старого маяка. До него еще не добрались поиски. А может, отец дождался, когда маяк проверят, и только тогда стал ждать там меня.

– Ты еще не поняла? Если от кошмаров не избавиться, они всегда будут следовать за тобой.

– Нам не справиться! Он убьет нас!

– Не убьет, – отрезала я.

О, отец сделает кое-что намного хуже.

Наконец я добралась до самого верха. И тут же, едва ступила за порог, увидела Кортни.

Скованная массивной антимагической цепью, она сидела у стены, на вид целая и невредимая. В очередной раз я восхитилась ее стойкостью и негибкостью: если бы взгляды могли воспламенять, она бы уже испепелила Конрада на месте.

Он улыбался. Раньше, когда внешне отец еще напоминал человека, улыбка ему шла. Придавала его облику шарм. Сейчас она показалась отвратительной гримасой.

– Ким... – Голос прокатился по помещению. – Ты пришла. Я в тебе не ошибся.

– Отпусти мою сестру.

– Кортни? Мне кажется, она заслужила немного посидеть на цепи. Она была очень плохой дочерью. Ослушалась моей последней воли, спуталась с Гербертом, из рук вон плохо управляет состоянием. Возможно, если она беременна мальчиком...

– Не смей! – вырвалось у меня.

– Признаться, мне и самому не слишком-то хочется провести пару десятков лет в бессознательном возрасте. Я еще никогда не использовал тело ребенка. Обычно я ждал, когда они подрастут настолько, чтобы можно было сразу же вступить в наследство.

Меня передернуло. Каким монстром нужно быть, чтобы двадцать лет растить сына, видеть, как из мальчика он превращается в мужчину, а потом убить его и каждый день видеть напоминание об этом в зеркале?

– Поэтому я предлагаю тебе сделку. Ты ведь была в моей лаборатории в доме Рейгана, так? Видела записи. Видела исследования. Ты всегда была смысленной девочкой, Кимберли. Ты знаешь, чего я от тебя хочу?

Я долго молчала. Так долго, что заговорить вновь оказалось непросто – голос не слушался.

– Согласие.

– Да. Я много сотен лет бился над этой проблемой. Почему только родные по крови мальчишки? Почему я не мог использовать любое тело, ведь мой ментальный дар был настолько огромен, что я творил невероятные вещи? А потом я вдруг понял. Это оказалось так просто! Добровольность! Нужно всего лишь найти того, кто добровольно согласится впустить меня в свое тело. Сознательно откажется от существования. Разве это не просто? Я был слишком заиклен на других теориях. А ведь это гениально.

– Зачем тебе я? Почему не найти кого-то другого, чтобы исчезнуть навсегда?

– Мне нужны деньги и власть Кордеро. Я стану тобой, уверен, сыграть полубезумную девицу не составит труда. Потом добьюсь, чтобы тебя оправдали. Получу наследство – и смогу вернуть то, что потерял с вашим рождением.

Отец произнес это с такой злобой и яростью, что я даже развеселилась.

– За что ты убил Кристину Дельвего?

Вопрос поставил отца в тупик. Он словно... не помнил? И лишь спустя несколько секунд его лицо посветлело.

– Ах, Кристина. Милая девочка. Была подружкой Карла... я имею в виду настоящего Карла.

– Твоего сына.

– Я давно воспринимаю их как сосуды, не более. Зачем привязываться, если нам все равно предстоит расстаться? С Карлом вышла небольшая осечка, мне пришлось взять его тело раньше обычного. В планы не входило спать с какой-то деревенской дурочкой, так что сразу, едва получив контроль, я ее бросил. Потом, уже когда я был женат, она снова меня встретила. И каким-то образом – клянусь, я до сих пор не знаю как! – поняла, что я вовсе не Карл. Пришлось убрать ее прежде, чем дурочка растрепала всем на свете. Надо просто держать язык за зубами, вот и все. Так что, мы заключим сделку?

Конрад несколько раз прошелся туда-сюда по помещению, он явно нервничал.

– Ты добровольно отдашь мне свою жизнь, Ким, а взамен я сохраню жизнь Кортни и ее ублюдку.

– Нет, Ким, нет! – Кортни почти рычала. – Он все равно убьет меня! Он никогда не позволит мне уйти, потому что я буду знать правду!

– И кто тебе поверит? Развязка окажется столь же стремительной, сколько и драматичной. Кимберли получила записку и пришла ко мне, чтобы спасти тебя. Мы боролись, и Ким убила отца. В том, что от страха за ребенка ты обезумела и несешь какой-то бред про переселение душ, нет твоей вины. Ким все отрицает, а остальные... Доказательств нет, их слово против тела Карла Кордеро и Ким, дающей показания. Это лучшая сделка, которую я могу для вас предложить. Это самое большее, что вы заслужили, девочки.

– Хороший план, – равнодушно отозвалась я.

– Рад, что ты еще сохранила остатки благоразумия. Для тебя это – лучший выход. Жить в твоем безумии – настоящая пытка. Встань сюда, Кимми, и закрой глаза. Я обо всем позабочусь. Скоро все закончится. Не сразу... какое-то время твое сознание еще будет бороться. Но вскоре ты обрешь покой.

Я медленно подошла туда, куда указывал отец. Каждый шаг давался с трудом. Кортни застонала сквозь зубы от бессилия и ярости. Она сделала отчаянную попытку вырваться, потом снова и снова. Под звон цепей я закрыла глаза.

На миг представив море.

Чужое сознание обрушилось внезапно, ошеломляюще. Я не смогла бы описать его, даже если бы захотела. Как будто ты

перестаешь принадлежать себе, как будто в голову проникают чужие мысли.

Я слышала тысячи голосов, их смех и плач. Перед глазами мелькали картинки всего, что видел Конрад. Сменялись эпохи, летели года. Лица его детей одно за другим всплывали в памяти, словно я знала их, словно это я лишила их голосов.

Они улыбались.

Я открыла глаза.

Отец не сразу понял, что происходит. В момент слияния сознаний его ударил самый мощный, на который я только была способна, удар.

А потом, повинуясь внезапному порыву, я шагнула вперед и, вложив в движение остатки сил, толкнула отца к перилам. На секунду на его лице промелькнул ужас, а потом доски жалобно затрещали и рассыпались в прах. И бездна поманила бессмертного мага, а вместе с ним его безумную дочь.

Несколько секунд свободного полета, ставшие последним, что я почувствовала перед смертью, стали одновременно самым пугающим и самым невероятным ощущением на свете.

Вот теперь я обрету покой.

Удар о камни обрушился адской болью, но сознание почему-то не померкло. Только грудь сдавило тисками, и каждый вдох давался через боль. Во мне не осталось ни единой целой косточки. На губах я чувствовала кровь.

На фоне неба, так высоко, что кружилась голова, виднелся маяк.

Никто не выжил бы после падения оттуда. Ни один человек. Разве что...

Я услышала хриплый смех рядом. С трудом повернула голову и увидела отца. Откинув голову, он невидящим взглядом уставился в небо. Монстр, окончательно утративший черты Карла Кордеро, был повержен и побежден.

Но все же он смеялся.

Смеялся оттого, что, как и обещал Рейгану Хефнеру, отправился в их общий ад.

Смеялся оттого, что созданная для смерти дочь вдруг больше всего возжелала жизни.

Его жертва, игрушка, наследница. Единственная, получившая проклятый дар.

– Ты превратишься в то, чего боялась, – с трудом произнес он. – Не сразу. Пройдут века, прежде чем ты забудешь, как выглядела когда-то. Теперь мы вместе будем жить в аду. Долгую, мучительную вечность.

Дождь закончился. Небо медленно, но неотвратно светлело.

– Значит, в этом аду я буду твоей тюремщицей, – выдохнула я.

– Ким!

Сначала показалось, голос сестры мне почудился. Потом ледяные руки накрыли мою, и я услышала ее совсем рядом.

– Ким, боги... Живи! Дыши! Скоро придет помощь! Ну же, не отключайся, не бросай меня!

Я с трудом, едва не теряя сознание от боли, приподнялась. Перед глазами все плыло, и я не до конца понимала, что делает Кортни и почему она меня так обнимает.

– Прости! Прости меня, Ким, прости, я так тебя люблю! Я так хотела, чтобы ты поправилась, я ненавидела себя за то, что не уберегла! Прости, что сбежала! Что бросила тебя с ним!

Кажется, я все же отключилась, потому что, когда темнота рассеялась и картинка снова прояснилась, рядом с нами на камнях появилась Кайла. К моим губам прижался флакон с зельем. Я закашлялась, но боль стала чуть легче. Мне хотелось сказать сестрам, что я не уйду, но губы не слушались.

И я сдалась. Расслабилась, откинувшись на камни.

Все хорошо, я победила. И сестры рядом. И у нас есть шанс.

Над головой рассеивались тучи, неторопливо обнажая голубое небо.

Я не одна.

Глава 10

В реальной жизни я никогда не была на море, но сны – совсем другое. Во сне можно позволить себе помечтать. Впрочем, мне редко снятся хорошие сны. В основном это обрывки прошлого, мешанина из страхов и смертей.

А вот сейчас что-то изменилось. И я на берегу теплого моря, которого никогда не видела. Ноги утопают в белоснежном песке, которого никогда не чувствовала. И даже ветер здесь другой. Не хлесткий и холодный, а ласковый, мягкий, с привкусом морской соли.

Рядом раздается мелодичный смех.

– Вот и все, Ким. История закончилась.

Я с любопытством рассматриваю светловолосую симпатичную девушку лет восемнадцати. В ней есть что-то знакомое, мы явно встречались, но я не сразу вспоминаю, при каких обстоятельствах.

Уж очень эта Жизель отличается от той перепуганной девчонки в старом темном доме.

– Да, наверное. Что будет дальше?

– Кто знает? – Жизель улыбается солнцу. – Если бы мы могли знать, было бы неинтересно, правда?

Она лукаво подмигивает.

– Однажды ты мне расскажешь.

– Однажды расскажу, – эхом откликаюсь я.

Однажды я найду способ уйти. Сниму проклятие Конрада.

– Можно вопрос? Что случилось с Рейганом? Ты пыталась убить его, но ведь он был бессмертен, так же как и Конрад.

При упоминании отца Жизель погрузилась, и мне стало стыдно. Ей хорошо здесь. Зачем бередить старые раны?

– Это уже неважно, Ким. Важно лишь то, что его вечность ему не понравится.

– Жаль, что я не смогла тебя спасти.

– Хорошо, что ты смогла спасти себя.

Я чувствую, как сон тает. Как тускнеют краски и слабеют ощущения. Стихают звуки и улетучиваются запахи.

Жизель медленно протягивает руку и гладит меня по щеке.

– *Не потеряй себя снова, Ким. Не подведи меня.*

Пляж, солнце, ветер и мертвая девушка были всего лишь сном, а вот прикосновение к щеке вполне настоящим. Открыв глаза, я увидела склонившегося надо мной Хантера. Он внимательно посмотрел на меня и улыбнулся.

– Очнулась. У тебя большие неприятности, Кимберли Кордеро.

– Что, еще большие, чем обычно?

– Ты очень рисковала.

– Я не думала об этом. Я устала, Хантер. Устала его бояться. Устала смотреть на его жертв. Устала называть его отцом.

– Знаю. Но я за тебя испугался. Как ты себя чувствуешь?

– Голова болит. – Я поморщилась. – Пить очень хочется.

Он взял с прикроватной тумбочки стакан и осторожно поднес к моим губам. Я жадно выпила всю воду до дна и почувствовала себя немного лучше. На самом деле я лукавила: болела не только голова, а все тело, наверняка я сломала добрую половину костей.

– Хантер...

– Мм?

– Что с ним? Он жив, я знаю, но что с ним? Где он?

Я затаила дыхание, боясь услышать: «Ушел. Мы не знаем, где твой отец, Ким».

– Вы упали с большой высоты. Никто бы не выжил...

– Кроме Конрада. Брось, Хантер, хватит избегать этого слова. Ублюдоков бессмертен.

И я тоже.

Единственная его наследница. По жестокой иронии судьбы именно та, кого он создал в отчаянии, в последней попытке спастись.

– Он жив, Ким. Если это состояние можно так назвать. Парализован. Прикован к постели. Навечно заперт в собственном бессмертном, но, увы, страдающем от времени теле. Он в моей лечебнице. Получает нужный уход, но и только. Я не смог бы ему помочь, даже если бы захотел. Годы магических экспериментов и травмы, несовместимые с жизнью – будь он обычным человеком, – не оставили шансов. Вот такой вот конец у величайшего мага в истории. Когда-то он считал себя богом, а теперь способен лишь вращать глазами и молить богов о смерти.

От меня не укрылось, как он стиснул зубы. С трудом я накрыла руку Хантера своей – на это ушли почти все силы.

– Так выглядит справедливость, – произнесла я. – Кажется, это первое ее проявление в моей жизни.

– Пожалуй, в моей тоже.

– Мне жаль Кристину. Она влюбилась не в того парня.

– А мне кажется, в того. Она любила Карла. Так сильно, что когда в его теле уже был Конрад, почти сразу это поняла. И даже тогда, столкнувшись с магией, которой никто из нас не мог вообразить, Кристина не отступила. Она не могла противостоять Конраду, но если где-то внутри него еще был Карл, он знал, что она сражается за него. Без нее у Конрада бы все получилось. И в ребенке Кортни жила бы душа чудовища. Без Кристины я бы не узнал тебя.

– У вас много общего. Я благодарна, что ты сражался за меня.

– Теперь, когда ты все вспомнила, осознала и приняла, я могу попробовать отпустить тебя, – сказал Хантер. – Начнешь жизнь заново.

От этих слов сердце забилось быстрее, но я запретила себе даже думать об этом.

В углу комнаты, положив ногу на ногу, на стуле сидела Хейвен. На нее можно было не смотреть, делая вид, будто личного призрака не существует, обманывать окружающих, но не саму себя.

– Это займет время. Сначала я должен убедиться, что ты здорова. Потом убедить в этом комиссию, суд. Затем наблюдать за тобой несколько лет. И, поверь, это будут сложные несколько лет, потому что тебя будут таскать в управление стражи при каждом убийстве, даже если жертве на голову упало никак не связанное с ментальными магами бревно. Но потом, пройдя через все это, ты будешь свободна.

– Нет, – выдохнула я, не дав себе даже шанса на мечты.

С лица Хантера сошла улыбка.

– Нет? Почему? Ким, ты что, хочешь провести остаток дней в лечебнице? Зачем?! Сейчас, когда Конрад получил по заслугам, а тебе стало лучше, ты не хочешь попробовать заново? Помириться с сестрами, окончить школу, поступить в колледж, жить обычной жизнью? Только не лги, что тебе это не нужно, потому что в твоих огромных синих глазах я вижу настоящий ужас от мысли, что придется вернуться в палату. В чем причина, Ким?

Я снова посмотрела на Хейвен, и она мне подмигнула.

– Скажи ему. Или солги. Это очень просто, Кимми, ты лгала сотни раз. Притворись, что меня нет.

– Но ты есть.

Хантер проследил за моим взглядом и нахмурился.

– Я есть. – Хейвен виновато развела руками. – Но я исчезну. И ты останешься наедине с собой. Тебе будет очень скучно в палате, Ким. Поверь, без меня жизнь там будет унылой.

– Исчезнешь? Почему?

– Мы всегда исчезаем. Не знаю, почему так происходит. Может, когда-нибудь ты выяснишь? Может быть...

Хейвен подошла к окну, откуда открывался вид на лекарский сад.

– Все дело во мне.

– Ты перестала меня ненавидеть?

– Я не знаю, – растерянно ответила Хейвен.

Она обернулась ко мне и немного виновато улыбнулась. Хейвен никогда мне не улыбалась. Насмехалась, издевалась, смеялась – да. Но не улыбалась так, словно прощалась.

– Я даже не знаю, существую ли.

– Что она говорит? – спросил Хантер.

На миг я отвлеклась на него, а когда повернулась, Хейвен уже пропала. Я так долго смотрела в пустоту, пытаюсь справиться с обрушившейся лавиной эмоций, что Хантеру пришлось осторожно потрясти меня за плечо.

– Все в порядке?

– Пока не знаю.

– Как выяснишь, не забудь рассказать мне. И, Ким, тебе нужно попробовать выбраться. Ты заслужила второй шанс.

– А мне кажется, нет. Много сотен лет Конрад использовал своих детей, чтобы жить вечно. Может, он и был тем идейным энтузиастом, каким его описывали, но каждый раз, забирая жизни все новых и новых сыновей, он убивал в себе остатки человечности. И в итоге оказался в «Хейзенвилль-гард». Может, проще сразу остаться там, где мне и место?

– Ни за что не поверю, что ты так просто сдашься. И что сдадутся твои сестры. И вот так легко оставят тебя в заточении, зная всю правду.

Я слабо улыбнулась. Для измученного тела даже короткий разговор показался мучительно тяжелым. И сердце билось так, словно я хорошенько пробежалась по лестнице.

– Думаешь, я им нужна?

– Они бы не платили за эту палату. Не угрожали лишить меня практики за эксперименты над тобой, одновременно соглашаясь с этими экспериментами ради шанса, что ты поправишься. Они любят тебя.

– Но я их не любила.

– Может, не так, как обычные люди. Но ты кинулась спасать Кортни и ее ребенка, рискуя собой. Увела отца от девочек, была готова сражаться с ним в одиночестве.

– Да, только оказалось, что привела его к ним же.

– Если бы ты не любила сестер, то просто сбежала бы. Или снова начала с ними играть. Довела бы дело до конца, убила бы их. Но твоя ненависть – даже не результат болезни, а всего лишь следствие ментального вмешательства Конрада. Помнишь, о чем мы говорили? Любое вторжение в чужой разум оставляет свой след, устанавливает связь. Ты не несешь ответственность за последствия чужой жестокости. Но с этого дня отвечаешь за свою. Не подведи меня, Ким.

Я закрыла глаза, чтобы немного перевести дух, но сама не заметила, как уснула. На этот раз без призраков и снов.

Когда открыла глаза снова, за окном уже стемнело. В палате горел лишь один светильник, и его едва хватило, чтобы обрисовать контуры мебели, предметов и мужчины, сидевшего в кресле у стены. Сначала показалось, это Хантер. Но потом я узнала его. Запах. Черты. Голос.

– Герберт?

– Проснулась? Я героически сдержался и не съел твой ужин. Голодная?

Я прислушалась к ощущениям и поморщилась. От мыслей о еде мутило.

– Можешь съесть.

– Оставлю на всякий случай. Вдруг найдешь силы.

Мы замолчали. Воцарилась неловкая пауза.

Я избегала смотреть на Герберта. В последнюю нашу встречу, не считая домика у озера и поисков дома Хефнера, я в него стреляла. И заперла его любимую девушку в гробу.

– Кортни будет в порядке. Она проведет несколько дней под присмотром целителей. Но угрозы нет.

– Хорошо.

– Спасибо, Ким. За то, что спасла ее и ребенка.

– Вы уже знаете пол?

– Нет. Мы решили, что должен быть сюрприз. Но выбрали имя. Если будет мальчик, назовем Карлом. А если девочка – Кристиной. Не могу сказать, что был за эту идею. Но с твоей сестрой невозможно спорить. И порой опасно для жизни.

– Им повезет больше, чем первым Карлу и Кристине. Вы будете хорошими родителями.

– Да, Кар... – Герберт осекся. – Конрад показал отличный пример того, как делать не нужно. Рассчитываю учиться на его ошибках.

– Тебе необязательно возле меня сидеть. Я в порядке. Через несколько дней буду здорова. Побудь лучше с Кортни, она испугалась.

Герберт неожиданно посерьезнел:

– Я несу за тебя ответственность, Ким. Помнишь? Твой отец назначил меня опекуном.

– Мой отец мертв. – Я сказала это резче, чем хотела. – А тот, кто называл себя таковым, потерял право принимать подобные решения.

– Расскажешь это в суде, когда будем снимать опеку. Но я говорю не только о законах и твоём наследстве. Я был единственным взрослым рядом с тобой, пока Кортни не вернулась. Конечно, еще была Кайла, но ей самой требовалась помощь. Мне надо было отнестись к тебе внимательнее. Уже поздно исправлять ошибки, но я хотя бы не наделаю новых. Я здесь не только как родственник, но и как юрист. С тобой наверняка захотят поговорить детективы. Райана не допустят к расследованию, ведь он муж твоей сестры. Значит, тебе придется общаться с незнакомым человеком. Я выбил для тебя три дня покоя, можешь смело отказываться говорить, а если попадетсЯ кто-то настырный – демонстративно делай вид, что тебе плохо. Срубим компенсации, потом пропьем. И за эти три дня надо придумать какую-то версию. Не можем же мы рассказать всем, что древний маг жил в телах своих потомков. Нужно будет как-то объяснить появление Карла Кордеро, живого и... гм... не совсем здорового. Твое выздоровление и все эти убийства. Как только версия будет готова, а ты немного окрепнешь, проговорим все детальнее.

– Хорошо. Спасибо.

– Можно кое о чем тебя попросить? – спросил Герберт.

Пожалуй, он сделал это лишь для того, чтобы мне стало лучше. Оказывается, очень приятно, когда тебя просят об одолжении.

– Конечно.

– Пройдет время – много времени, – и вы с сестрами сможете стать близки. Будет сложно, больно, страшно, но вы замечательные девочки и справитесь. Станете семьей. Неизбежно вам придется говорить о том, что случилось.

Я не выдержала и поморщилась. Герберт с сочувствием улыбнулся.

– Так нужно, Ким. Вам всем нужно говорить, чтобы стало легче. Сейчас вы не готовы, но пройдут годы – и вам захочется поделиться. Так вот, когда вы будете обсуждать события двухлетней давности, сделай мне одолжение, не упоминай о том, что обрезала Кортни волосы, прислала ей книги и напала на меня в доме у озера, ладно? Это сделала не ты.

Я нахмурилась. Почему Герберт об этом просит?

– Это Кристалл. Она хотела вывести тебя на чистую воду, она поняла, что ты пытаешься убить и ее. Это она отправила вам послания, чтобы спровоцировать тебя. И немного увлеклась. Девочки не знают о том, что Кристалл жива. А она заслужила жить свободно. Карл обращался с ней лучше, чем с вами, но он не был хорошим мужем.

– Кристалл... – эхом повторила я. – Скучаю по ней.

– Она по вам тоже.

– Это ложь, и мы оба это знаем.

– Мы недооценивали Кристалл. Она много для вас сделала.

Я вспомнила, как мачеха запретила нам ухаживать за отцом во время болезни. Как он злился, угрожал, а она стояла на своем, защищая нас от тяжелой работы у постели отца, который никогда не проявлял к нам той же заботы, что требовал к себе.

– Договорились, – слабо улыбнулась я. – Этот секрет я сохранию.

– Спасибо. Отдыхай. Девчонки придут, как только немного придут в себя. Ничего не бойся, у дверей дежурят двое стражников. В них нет надобности, но Райан Хефнер пользуется служебным положением вовсю.

Я улыбнулась. Райан Хефнер... Жизель рассказывала о нем. Она любила старшего брата. Может, в память о ней он хоть немного будет любить меня?

Герберт наклонился и поцеловал меня в макушку. Очень осторожно, без какого-либо подтекста, но так ласково и тепло, что горло сдавил болезненный спазм.

– Мы справимся, Ким. Тебе не нужно ничего бояться. Все очень рады, что ты поправишься. И будь уверена, я сделаю все, чтобы тебя отпустили. Тебе очень повезло, ты знаешь? Муж твоей сестры – отличный юрист.

– Да хранят боги кумовство и коррупцию, – фыркнула я. – Иначе мне твои услуги не потянуть.

– Спокойной ночи.

– Герберт...

– Да, Ким?

– Знаешь, я плохо помню ту ночь в склепе. Но знаю, что говорила и делала. Прости.

– Ты была больна. За это не извиняются.

– Раньше я думала, что люблю тебя.

– Что изменилось?

– Ну, я посмотрела вокруг и поняла, что влюбленные люди не пытаются убить объект вожделения. Много думала и все такое. А если серьезно, то я просто придумала образ человека, который придет и спасет меня. Ты был единственным, кто хоть немного под него подходил.

– Прости, детка. Я должен был вас спасти. Должен был его остановить.

– Ты бы не выстоял.

– Мы никогда не узнаем. Я ошибся, Ким. Повел себя как подонок. Видел только Кортни и никого больше. Спасал ее, не замечая – или делая вид, что не замечаю, – что вы с Кайлой нуждаетесь в помощи не меньше. Если бы я был чуть менее зациклен на чувствах к твоей сестре, я бы смог спасти множество жизней.

Я долго смотрела на него, изучая. Когда-то я хорошо различала ложь. Многие менталисты чувствительны к ней, но я обладала невероятным чутьем. Но либо оно после ментального удара отца исчезло, либо Герберт не лгал. И он действительно сожалел.

– Спасибо, – выдохнула я. – Спасибо, что это сказал.

– Прости, что не стал твоим героем. Но, похоже, им стал кто-то другой? Хантер дежурил здесь несколько ночей. Пока не убедился, что ты поправишься. Честно говоря, я так и не понял, как должен поступить. Хочешь, засужу его за незаконные ментальные эксперименты и домогательства?

– Нет! – воскликнула я и от неожиданности даже села.

Герберт рассмеялся. Он силой уложил меня обратно на подушки.

– Я так и думал.

– Хантер помог мне, рискуя всем.

– Да, он очень необычный человек. Не уверен, что хороший. Но определенно интересный. И я за ним слежу. Просто на всякий случай.

Так странно: я не одна.

Как будто мне пятнадцать и семья волнуется, узнав о моем первом парне. Только я уже давно не ребенок, а парень вряд ли захочет иметь подружку, пропустившую колледж в лечебнице для безумцев. Даже если он сам там работает.

– Тебе пора, – сказала я, почувствовав, что устала.

Веки налились тяжестью. Действовали успокаивающие зелья.

– Еще кое-что. Вот, возьми.

Герберт вытащил из кармана нитку со старинными деревянными четками. Бусины были гладкие и теплые на ощупь. Сколько я себя помню, он не выпускал их из рук.

– Когда станет страшно или одиноко, вспомни, что хоть я и не стал твоим спасителем, могу быть рядом.

– Спасибо.

Дверь за Гербертом закрылась, и я осталась одна. Проваливаясь в сон, я увидела, как в палату проник тусклый свет. Я повернула голову к окну, куда заглядывала огромная полная луна.

И улыбнулась ей.

Глава 11

Я остановилась перед дверью кабинета и взглянула на табличку «Целитель Х. Дельвего, менталист», впервые обратив на нее внимание. Воспоминания о сеансах у Хантера почти вернулись, хотя многие эпизоды оказались навечно стерты из памяти. Я вряд ли смогу до конца оправиться от последствий ментального удара, но все же он – лучшее, что со мной случилось за всю жизнь, пожалуй.

Или лучшее – это Хантер Дельвего?

Он бы повеселился, если бы я высказала эту мысль вслух.

На несколько секунд замерев и прислушавшись, я убедилась, что не помешаю сеансу с кем-то из пациентов, и постучала.

– Войдите, – раздался голос, услышав который я вдруг разволновалась.

Мы не виделись несколько недель, которые я провела в лекарском доме – обычном для здоровых ментально людей. Хотя я и не погибла, сорвавшись с маяка, кости срастались медленно и болезненно, совсем не за пару дней, как я ожидала. Несколько раз Хантер заходил, но в палате всегда дежурила нанятая сестрами сиделка, и нам не удалось как следует поговорить.

А сейчас я боялась не то встречи с ним, не то последнего сеанса. Вряд ли обойдется без ментального вмешательства. Им надо убедиться, что я не сорвусь, добавив к списку жертв парочку новых имен.

– Привет, – улыбнулась я, когда Хантер поднял голову от кипы бумаг. – Кристина сказала, ты просил зайти.

Я захихикала, когда он подавился кофе.

– Извини, не удержалась.

– Тебя что, не учили в детстве, что с налоговой, таможней и ментальными целителями шутить не стоит? Я ведь могу отнести к твоим шуткам серьезно и оставить тебя еще на год здесь, Ким.

– Вот чему меня точно не учили, так это что у ментальных целителей нет чувства юмора.

– Садись, – кивнул он. – И расскажи, как ты себя чувствуешь?

– Ты спрашиваешь как мой целитель или как человек, чью сестру убил мой отец?

– Как человек, который за тебя волнуется. Не для протокола.

Я со вздохом опустилась в глубокое кресло.

– Ну... даже не знаю. Физически я в порядке, все переломы срослись, боль ушла. Хотя иногда ужасно болит голова. Кортни говорит, это последствия ментального удара. Не знаю, сколько это продлится.

– Боюсь, довольно долго. Ты едва не погибла.

Мы замолчали, оба думая об одном и том же.

Не погибла. Проклятые девочки не умирают.

– Как у тебя отношения с сестрами?

– Я... не знаю. Порой кажется, что они снова любят меня, как раньше. А порой я вижу в их глазах страх. Я очень много причинила им боли, вряд ли Кайла и Кортни когда-то по-настоящему меня простят.

– Они знают, что ты была больна. И знают, кто настоящий злодей в этой истории. Им нужно время, как и тебе.

– Да, возможно. Я рада, что они приходят. Кортни присылает десерты и шоколад, а Кайла – книги и рисунки от Стеллы. Они обещали нас познакомить. У Кайлы очень милый супруг. Он брат Жизель, и, хоть я ее почти не помню, мне немного стыдно перед ним. Может, я бы успела ее спасти, если бы так не старалась забыть о том, что делал папа.

– Тебя нельзя в этом винить, Ким. Ты сделала больше, чем смогла бы любая другая девушка. Ты даже не представляешь, сколько зла и насилия встречается во внешне благополучных семьях. Заслуженное наказание даже для одного такого монстра – огромная победа справедливости.

– Мне жаль твою сестру, – сказала я.

Кристина. Кристина Дельвего жила теперь только в нашей с Хантером памяти. Интересно, насколько придуманный моим сознанием образ совпадает с реальным?

– Интересно, каким был настоящий Карл Кордеро, – вырвалось у меня.

– Думаю, он бы мог стать хорошим человеком. Вы ведь его дети. Три очаровательные сильные девушки.

– Жаль, что Конрад не дал ему шанса. Так странно... Я до сих пор не знаю, как его называть. Отцом? Он никогда им не был. Конрадом? Мне кажется, он давно потерял себя. Разрушил собственную личность.

– Я думаю, все, чего он заслуживает, – это забвение.

– Это сложно.

– Знаю. Но ты справлялась и с более сложными задачами. Итак, давай отвлечемся от Конрада и вернемся к тебе. Что насчет Хейвен?

– Она ушла. – Я пожала плечами. – Просто ушла, и... Хантер, могу я кое-что спросить? Не для протокола.

– Конечно, – мягко улыбнулся он.

Герберт называл его подонком. Моя память говорила о том же, но измученная душа тянулась к нему, вспоминая тепло прикосновений и уверенность, с которой в этом кабинете он заставлял забыть обо всем.

– Кристина и Алан были плодом моего воображения. Твоим лечением, способом принять прошлое и разобраться в настоящем. Но Хейвен была другой. Кристина и Алан знали лишь то, что знаю – даже если забыла или не хотела признавать – я. Но не Хейвен. Она была сама собой.

Я облизнула пересохшие губы и повертела в руках четки, что подарил Герберт.

– Я много думала о Карле и Конраде. О ритуале, который совершил отец. Кайла уничтожила дневники, теперь память о ритуале навсегда утеряна. Но что, если Карл еще какое-то время был жив? Что, если твоя сестра поняла это? Это ведь звучало как бред, они расстались, когда ей было пятнадцать, и встретились спустя много лет, люди меняются до неузнаваемости, и я тому – живой пример! Так почему Кристина догадалась о том, что сделал Конрад? Может, Карл еще какое-то время был жив, заперт в собственном теле?

– Ким, – Хантер посмотрел на меня с сожалением, – не нужно об этом думать. Грехи и секреты Конрада останутся с ним навечно. Ты навредишь себе, если будешь копать в темных ритуалах бессмертного безумца.

– Я думаю, что Хейвен была собой. Не моей галлюцинацией, а собой – это было ее сознание, душа, запертая в моем теле. Что-то пошло не так, когда я ее убивала. Мне передан ментальный дар отца, поэтому я выжила, и...

Из груди вырвался всхлип, такой отчаянный, что Хантер поднялся из-за стола и опустился рядом с креслом, где я сидела, на колени. Теплые ладони накрыли мои руки.

– Ким, прекрати об этом думать. Ты ничем не могла ей помочь, тебе самой нужна была помощь. Ментальная магия – очень сложная и противоречивая вещь. Вряд ли мы когда-то узнаем, была Хейвен результатом твоей болезни или реальным сознанием. И мой тебе совет, как пока еще твоего целителя: оставь мысли об этом. Научись жить без груза прошлого. Позаботься о себе, Ким, потому что только ты можешь это сделать.

Через силу я улыбнулась. Возвращаться к прошлому – это как расковыривать старую рану. Больно, страшно, но невозможно остановиться, это сильнее воли и доводов разума.

– Не могу поверить, что суд вот так просто меня выпустит.

Хантер фыркнул:

– Не так уж и просто, мне придется написать тонну бумаг! И я беру на себя ответственность, так что, если ты снова вляпаешься в проблемы с законом, я буду очень и очень зол. Что ты собираешься делать, Ким? После того как тебя отпустят. У тебя есть планы на жизнь?

Вопрос поставил в тупик. Планы на жизнь? Я никогда о них не думала.

Планов на смерть было много, а жизнь я никогда не считала для себя возможной. Даже играя с сестрами, убивая отца и превращая жизнь своей семьи в ад, в глубине души я знала, что плохим девочкам не положен счастливый конец. Хорошо, если у них есть хотя бы могила.

– Я хочу кое-что еще спросить.

– Я думал, ты сначала ответишь на мой вопрос, – улыбнулся Хантер.

Мне нравилась его улыбка. То, что он не скрывал за ней сущность. Не пытался казаться лучше, чем он есть.

– Чтобы решить, как жить, мне нужны ответы.

Показалось, он догадался, о чем я хочу спросить, потому что напрягся, – и это дало надежду. Почувствовав боль в запястьях, я ослабила хватку – от волнения я вцепилась в четки с нечеловеческой силой.

– Хорошо. Спрашивай.

– Мне сложно отделить реальные воспоминания от видений. Речь не о Хейвен. О том времени, когда Алана и Кристины не существовало.

Я запнулась, не решаясь продолжить, но Хантер понял, что я имею в виду. Нехотя кивнув, он накрыл мои руки своими.

– Ты хочешь знать, занимался ли я с тобой сексом, когда ты была моей подопечной? Да, Ким. Ты вполне можешь попросить своего поверенного подать на меня в суд. И я не буду отпираться.

– Зачем?

– Затем, что это преступление. Ты не могла дать мне осознанное согласие. Ты зависела от меня. А я этим пользовался.

– Нет... Зачем ты признаешься? Ты же можешь сказать, что это такой же плод моего воображения, как и Хейвен, Кристина, Алан и все, что с ними связано.

Прежде чем ответить, Хантер будто раздумывал. С тяжелым вздохом, спустя несколько мучительно долгих секунд, он сказал:

– Знаешь, Ким, я не стану оправдываться. Я нехороший человек. Муж твоей сестры совершенно прав насчет меня: никаких моральных принципов, никакой порядочности. Абсолютный, совершенный подонок. Но...

– Но? – Я слабо улыбнулась.

– Но я хороший менталист. И это может прозвучать лицемерно, но я не хочу навредить тебе. Ты должна четко понимать грань между реальностью и вымыслом. Если я буду выгораживать себя и лгать, ты снова окажешься в том аду, в котором была много лет. Начнешь сомневаться. Перестанешь себе доверять. Перестанешь верить, что здорова. Поэтому да, Ким, когда ты приходила, мы иногда занимались сексом.

– Зачем? – снова повторила я, как будто других вопросов просто не осталось. – Неужели я тебя привлекала?

– О да. Ты даже не представляешь, как сильно. Я еще никогда не видел такой красивой девушки.

– А мои сестры?

– Ты напрашиваешься на комплимент, Кимберли Кордеро, – расхохотался Хантер.

– Мне нечасто их делали в последнее время.

– Да, Ким. Ты была очень красивая. И очень несчастная. Чем чаще ты приходила, чем чаще мы разговаривали и были вместе, тем больше я думал о том, как можно было так с тобой обойтись. И... не знаю, сейчас легко об этом рассуждать, но, кажется, цель спасти тебя в какой-то момент стала куда важнее мести за Кристину. Однажды я просто подумал, что Кристина мертва – даже если Конрад будет мучиться всю оставшуюся ему вечность, ее не вернуть. А тебе еще можно помочь. И это стало удобным оправданием того, что я поступал ничуть не лучше, чем твой отец.

Я вздрогнула и прижала к его губам ладошку.

– Не говори так. Без тебя я была бы уже... – Я осеклась, не успев произнести «мертва».

– Так ты расскажешь, что будешь делать потом? – спросил Хантер.

Я вздохнула. Через окно в кабинет проникали солнечные лучи. Они приятно согревали, а еще я чувствовала тепло рук Хантера, его близость – знакомую и (что было особенно приятно) реальную.

– Я хочу остаться с тобой.

Не думала, что произнести эту фразу будет так страшно. Что сердце на миг остановится, а когда забьется вновь, я уже буду понимать: ничего не выйдет. Несчастливая девочка выздоровела и стала ненужной.

– Ким, это неправильно.

– Потому что тебе нельзя было со мной спать?

– Потому что ты чудом получила второй шанс. Потому что тебе надо бежать отсюда без оглядки. Туда, где тебя будут любить. Туда, где найдется мужчина, который не станет тебя использовать. У тебя забрали жизнь, Ким, тебя провели через боль, которой никто в нашем мире не испытывал. Тебе нужно зализать раны и найти себя, настоящую Ким, а не плод игр чудовища, именующего себя твоим отцом.

Он приблизился ко мне, согрев дыханием губы.

– Тебе нужно научиться жить, не притворяясь.

– Я знаю, чего хочу, Хантер. У меня есть дар. Сильный, мощный, очень опасный. Но он может что-то исправить в нашем неправильном мире. Ты единственный, кто сможет меня научить и... единственный, кто остановит, если я начну превращаться в чудовище.

Я сжала его руку и с мольбой посмотрела в глаза.

– Пожалуйста, Хантер... я не знаю, что мне делать. Не знаю, как с этим жить! Я ведь не прошу у тебя любви. Счастливая семейная жизнь, свадьба и полный дом детей – не моя история. Но ты единственный, кто справился с моим разумом. Ты единственный, кто нашел способ мне помочь. Обучи меня. Покажи, как использовать дар такой силы. Чтобы я превратила его из проклятия в оружие. И только ты, Хантер, сможешь понять, что я переступила черту, и остановить меня. Ради меня же самой.

После мучительно долгой минуты, которая показалась мне ничуть не легче проведенных в безумии лет, он медленно кивнул.

– Ты станешь хорошим менталистом, Ким. Но будет сложно. Больно. Иногда будет казаться, что все, что ты делаешь, лишь множит несправедливость и страдания.

– Кажется, я не впервые слышу про «будет больно».

– Это грязная работа: копаться в чужих грехах, страхах и демонах. Наши пациенты не благодарят за помощь и очень редко уходят, обнимая счастливых родных.

– Ты говоришь это мне?

– Ты приятное исключение.

– Я не боюсь, Хантер. Впервые в жизни у меня есть шанс не притворяться нормальной, а быть как все. Даже если мне придется грызть землю зубами, я не вернусь туда, куда меня толкал отец.

– Но ты же понимаешь...

Хантер поднял руку, коснувшись пуговичек моей рубашки. Горячая ладонь проникла под ткань. Он пальцами рисовал контуры ключицы, и я поняла, что дрожь, охватившая тело, не имеет ничего общего со сквозняком или страхом.

– Что я останусь прежним? И непременно воспользуюсь тем, что ты будешь у меня учиться.

Он приблизился к моим губам, невесомо коснулся, дразня и будоража. Но когда я подалась навстречу, отстранился и усмехнулся. Ненавижу!

Впрочем, Хантер тут же посерьезнел.

– Есть еще кое-что, Ким. Знаю, ты устала, но сегодня твой последний сеанс, и я должен убедиться...

Я поморщилась, поняв, о чем он, прежде чем Хантер договорил.

– Если я это не сделаю, то суд не подпишет твое освобождение. В последний раз, Ким.

Со вздохом я обвила руками его шею.

– Но ты ведь можешь сделать это так, чтобы мне понравилось?

Хантер рассмеялся.

– Когда-нибудь меня посадят.

Он потянулся ко мне, согрел мимолетным поцелуем губы. Пальцы скользнули по шее, спустились ниже, изучая и даря тепло. Я выгнулась под нехитрой лаской, застонала, запустив в его волосы пальцы.

Мы целовались жадно и долго. Совсем не так, как раньше, не медленно и осторожно. Я чувствовала, как пульсирует в висках кровь от нестерпимого желания. Восстанавливала в памяти те редкие ночи, которые мы проводили здесь. Когда он создавал Алана и Кристину и брал меня на этом самом диване.

На нежности не хватило ни сил, ни выдержки. Я впервые за много лет чувствовала все реально, остро, ярко. И никогда не отличалась терпением.

Хантер проник в мое сознание одновременно с телом, не оставив ничего сокровенного и личного. Я застонала, закусив губу, а он слизал кровь, успокаивая и лаская.

Ни с чем не сравнимое чувство – когда к удовольствию подталкивают не только извне, но и откуда-то из самых глубин. Вытаскивают на поверхность, лишают шанса спрятаться. Подчиняют не только тело, но и душу.

Я ненавижу ментальные вмешательства, но когда это происходит с ним – готова умолять.

И это все еще неправильно, но... мне почему-то плевать.

Потом я лежала на диване, наслаждаясь припекающим солнцем, и смотрела, как Хантер работает. Как сосредоточенно что-то пишет в карте, сверяясь со справочником. Как рассеянно на ощупь ищет кружку с остывшим кофе. Как задумчиво смотрит на меня и в то же время куда-то в пространство, словно мысленно он где-то совсем в другом месте.

– Уже учишься? – хмыкнул Хантер.

– Пока что только запоминаю фишечки, чтобы создать образ загадочной менталистки.

– Тебе достаточно просто смотреть своими глазами. Ты сейчас в гостиницу?

Пройдут годы, прежде чем мне позволят пользоваться деньгами отца, но Кортни выделила мне приличное содержание, на которое я сняла номер в одной из немногих гостиниц Хейзенвилля. Там, конечно, обо мне все шептались, но я пока не была готова жить с сестрами и их семьями.

Мне нужно немного одиночества, чтобы понять, кто я такая. Здорового одиночества, без чужих душ и выдуманных детективов. Немного скучаю по Ренсому. Его раздражение бодрило.

– Пройдусь немного. Я давно не гуляла. А потом загляну в книжный, возьму какой-нибудь роман и завалюсь в ванну из пены, лепестков роз и масел! Еще Кайла подарила мне набор для рисования, попробую восстановить навыки. А Кортни прислала целую корзину сладостей, так что я еще и объежусь. Я бы пригласила тебя в гости, но сегодняшний день полностью принадлежит мне.

– Я рад видеть тебя счастливой.

– Я тоже к этому привыкаю.

Взглянув на часы, я начала одеваться под пристальным, обжигающим взглядом Хантера.

– Давай завтра пообедаем.

Замерев, я осторожно покосилась на Хантера, не до конца уверенная, что мне не послышалось.

– Ким? Обед – это когда двое идут в ресторан и там что-нибудь заказывают. Я плачу.

– Ты хочешь со мной пообедать?

– Конечно. Секс, еда, сон и юмор – базовые потребности менталиста, если он не хочет превратиться в пациента. Что с тобой?

– Обо мне говорят, Хантер. Пишут в газетах. Обсуждают и осуждают. Если тебя увидят рядом со мной, будут говорить и о тебе. Твоим пациентам это не нужно.

Со вздохом он поднялся.

– Моим пациентам нужно, чтобы им помогли. И то, где я работаю, определяет король, а не пресса. Никто не может запретить мне с тобой поужинать.

– Пару секунд назад был обед.

Он взял меня за руку и наклонился к губам.

- Если ты будешь спорить дальше – то он превратится в завтрак.
- У меня нет платья.
- У тебя есть две роскошные богатые сестры.
- Вряд ли у них есть для меня платье. Я ведь сожгла их дом.
- Хм... я забыл.
- Ага.

Мы рассмеялись. И я подумала, что непременно куплю себе платье. Даже если Хантер вдруг передумает и отменит ужин, даже если он никогда не решится показаться со мной на публике, я все равно куплю новое платье, посмотрюсь в зеркало и пообещаю себе, что когда-нибудь меня будут принимать там, где сейчас боятся.

Когда я уже набросила плащ и направилась к двери, Хантер меня окликнул:

- Ким... не ходи к нему.

Мне не хотелось снова лгать.

- Ты мне запретишь?

Спустя несколько долгих секунд он покачал головой.

– Я не имею права. Я только что подписал приказ о твоей выписке. Но – как твой бывший целитель – надеюсь, что ты не пойдешь. А как человек, которому ты дорога, – готов почти молиться.

Я попыталась подарить ему самую уверенную и успокаивающую улыбку, на которую была способна.

- Мне все равно придется. Это моя плата за разум.

Он лишь покачал головой.

А я вышла в пустой коридор, постояла немного, привыкая к свободе.

У меня не осталось вещей, которые хотелось бы забрать, но, проходя мимо знакомой палаты, я на минуту остановилась. Сейчас она пустовала. До завтра ее еще будут держать за мной, а потом вымоют до скрипа и поселят здесь нового беднягу.

Когда раздался чей-то смех, я вздрогнула: в нем почудилась Хейвен. Но потом в конце коридора показались две сестры-лекарки, возвращавшиеся с обеда. Они что-то живо обсуждали и то и дело взрывались таким заразительным смехом, что я невольно улыбнулась.

Бросила последний взгляд на мягкие потрепанные временем стены и взялась за холодную ручку, отполированную тысячами прикосновений.

Чтобы навсегда закрыть дверь в старые кошмары.

* * *

– Здравствуй... папа.

Его кресло сердобольные сестры подкатали к окну. Хотя мне виделась в этом определенная жестокость. Смотреть на мир за стеклом и знать, что никогда больше не сможешь в него ступить. Никогда не пройдешься по любимым улочкам. Не насладишься любимым вином. Все, что остается, – молиться, чтобы целитель разрешил короткую прогулку, во время которой тебя немного покатают по садовой аллейке, а затем снова задвинут в угол палаты.

Как сломанную куклу.

Я села в кресло напротив.

Некогда это тело было красивым. О, отец привлекал женщин. Даже будучи в возрасте, он притягивал их не только деньгами, но и энергетикой, уверенностью, властью и силой.

Теперь передо мной сидел уставший от жизни старик. Все, что он мог, – лишь беспомощно двигать глазами, в которых так и светилась обжигающая гнилая ненависть.

Он ненавидел меня, свою дочь, свое создание. Куклу, обрезавшую веревки.

И единственную наследницу.

– Сегодня прекрасный день. Нечасто в Хейзенвилль заглядывает солнце. У вас была прогулка? Ах да, сегодня ее в расписании нет. Ну, может, повезет завтра.

Проходящая мимо лекарка приветливо мне улыбнулась.

– Так иронично, да? Что именно мне досталась твоя сила. Магия всегда стремится к равновесию. Ты был ее болезнью, уродливым наростом, ошибкой природы. Ей понадобилось много сотен лет, чтобы остановить тебя. И, похоже, она справилась.

Я наклонилась к нему, делая вид, будто глажу по руке.

– Ты прав. Я стану твоей тюремщицей. Никто и никогда не узнает, кто заточен в этом теле. Ты так и останешься для всех Карлом Кордеро. А потом, когда придет время, я создам для тебя новую личность. Снова и снова. Сестры говорят, я должна простить тебя.

Забывать, отпустить, никогда больше не видеть, но нет. Это было бы слишком просто. Я буду приходить сюда каждую неделю, папа. Чтобы удостовериться, что ты в аду. Чтобы убедиться, что у тебя больше нет шансов подняться. Чтобы знать, что ты получил то, что заслуживаешь.

Я поправила ворот его рубашки, внутренне содрогнувшись от смеси отвращения и злости.

– А еще я сделаю все, чтобы не стать такой, как ты. Это будет непросто, но у меня впереди много времени. В каждую нашу встречу ты будешь бояться, что она станет последней. А еще – надеяться, что однажды я сжалюсь и спасу тебя. Эта смесь надежды и страха будет мучить тебя снова и снова, превращая кошмары в реальность. Как мучила меня по твоей вине. Я найду способ снять твое проклятие, и когда сделаю это...

На миг закрыв глаза и выдохнув, я улыбнулась.

– Ты останешься в своей тьме и вечности совсем один. А до тех пор...

Сестра-лекарка уже спешила к нам, чтобы отвезти его в палату – свободное время закончилось.

– Я буду очень хорошей дочерью.

Улыбнувшись напоследок целительнице, я подхватила сумку и, не оглядываясь, направилась к выходу, точно зная, что отец неотрывно смотрит мне вслед.

У ворот я остановилась. Можно было взять экипаж или дождаться омнибуса, но я словно не могла надышаться, раз за разом подставляя лицо яркому свету. Вспоминая тот судьбоносный выход за пределы лечебницы, когда Хантер рискнул всем, чтобы спасти меня. Когда я боялась и одновременно хотела найти в себе силы и перешагнуть за порог.

Сейчас я испытывала схожие ощущения.

Будто этот шаг, который я никак не решалась сделать, отделял прошлое – темное и порочное – от будущего. Совсем необязательно светлого и счастливого, скорее неопределенного – и оттого притягательного.

Я обернулась на старый особняк «Хейзенвилль-гард» и нашла окно Хантера. Мне почудилась темная фигура, стоящая у окна, и на всякий случай я помахала.

Тени больше не пугали.

Решившись, я двинулась вперед, оставляя позади лечебницу, отца и прошлые страхи.

А когда здание скрылось за деревьями, остановилась. Огляделась, убедившись, что никто не увидит мою слабость, и сделала то, что так любила в детстве.

Подпрыгнула так высоко, как смогла, вытянув руки вверх.

Высоко-высоко.

Чтобы достать до самого неба. Папа говорил, однажды у меня непременно получится.

Эпилог

Особняк был прекрасен в окружении красок осени. Старинный, хранящий историю сотен поколений, Кордеро-холл был одной из главных достопримечательностей Хейзенвилля. Просто удивительно, каким чудом удалось сохранить его в первозданном виде.

У ворот остановился экипаж, и на мокрую от дождя дорожку ступила миловидная девушка в огромных очках, придававших ей сходство со стрекозой. Она перехватила зонт-трость поудобнее и быстро, чтобы не промокнуть, взбежала по ступенькам, а после скрылась в доме, впустив вместе с собой порыв осеннего холодного ветра.

– Кристен! Я вернулась!

Ответом стала тишина, и только приглушенные шаги рабочих напоминали о том, что в Кордеро-холле затеяли очередной ремонт.

Кристен нашелся в подвале. Долгое время он служил складом для старого хлама, но после пожара в прошлом году его решили разобрать. Чего только не хранили в подвале старинного особняка! Семейное серебро, сотни старых книг, одежду, мебель, инструменты...

– Наши предки, кажется, принципиально ничего не выбрасывали с самого основания рода. Интересно, что бы сказал Конрад Кордеро, увидев, во что превратили его лабораторию? – задумчиво произнес Кристен.

– Не думаю, что Конрада интересовал порядок, – равнодушно пожала плечами девушка. – Почему этим занимаешься ты? Я думала, все разберут рабочие.

– Решил покопаться в старом хламе. Может, придет вдохновение. Иногда писателям это нужно.

Она рассмеялась и распустила длинные светлые волосы, с наслаждением размяв шею.

– Устала? Кира, скажи, зачем тебе эта работа в лечебнице? Ты наследница огромного состояния, ты можешь заниматься благотворительностью, искусством, чем угодно! Ты – Кордеро, ты не должна убиваться на тяжелой работе и возиться с душевнобольными.

– Мы уже об этом говорили. Мне нравится моя работа. И как же я их брошу? Они ко мне привязались. Лучше покажи, что ты нашел. Историческое общество Хейзенвилля недавно просило меня передать что-то от рода Кордеро в музей. Я обещала подумать и, честно говоря, забыла. Ты не спасешь меня, любимый брат? Знаешь же эту Ханну, она просто так не отстанет.

Кристен рассмеялся и полез куда-то за шкаф.

– Передай им вот это. – Он извлек большой, на добрую четверть стены, портрет. – Я почти влюбился в блондинку. Но потом вспомнил, что это моя дальняя родственница, и раскаялся.

Кира задумчиво посмотрела на покрытый пылью и потемневший от времени портрет.

Три девушки, как и все из рода Кордеро – красивые, холодные, полные тайн. За ними беспокойное море, а вдали старый маяк. Уже много лет как власти снесли его, не оставив даже намека на былую достопримечательность, и лишь редкие пейзажи в музеях и частных коллекциях хранили память о прошлом крошечного городка близ столицы.

– Ты на нее немного похожа, – сказал Кристен, кивнув на блондинку с портрета.

Кира поежилась, поймав взгляд ярко-синих нарисованных глаз.

– Кортни Кордеро, Кайла Кордеро и Кимберли Кордеро, – прочитал брат. – Ничего о них не слышал. Как думаешь, что с ними стало?

– Ничего плохого, раз мы с тобой здесь стоим и пьем. Знаешь, я передам в историческое общество что-нибудь из рисунков дедушки. Этот хлам никого не интересует.

– А что делать с портретом? – спросил брат.

– Выбрось, – пожала плечами Кира.

У самой лестницы наверх ее взгляд упал на зеркало. В покрытой толстым слоем грязи потрескавшейся поверхности ей вдруг почудилось совсем не ее отражение. Полумрак исказил черты, смазал контрасты, обнажив характерные черты всех девушек рода Кордеро. Эта девушка в зеркале была ею – и одновременно нет.

А потом отражение подмигнуло.

– Кир? – из-за угла выглянул брат. – Все в порядке?

Губ коснулась кривая усмешка.

– Все хорошо.
Гораздо лучше, чем она заслуживает.

Вклейка

